ИНОЕ

РОССИЯ КАК ПРЕДМЕТ

ББК 60.55
И67

Иное. Хрестоматия нового российского самосознания.
И67 Редактор-составитель С.Б.Чернышев. – М.: Аргус, 1995. – 440 с.

ISBN 5-85549-065-3
ISBN 5-85549-066-1. (том 1)

«Иное» (Хрестоматия нового российского самосознания) представляет собой, строго говоря, не книгу в обычном понимании, а «метакнигу»: комплект брошюр-монографий, каждая из которых содержит краткий авторский очерк оригинального подхода к рассмотрению существенных вопросов прошлого, настоящего и будущего России. Комплект разделен на три кассетных блока-тома по тематическому признаку: т. 1 – «Россия как предмет»; т. 2 – «Россия как субъект»; т. 3 – «Россия как идея». Общий взгляд на цели издания и содержание материалов, вошедших в «Иное», представлен в работе «Апология составителя», которая вместе со справочными и сопроводительными материалами ко всем трем томам, а также галереей фотопортретов Виктора Бреля включена в четвертый блок-том «Путеводитель».

В настоящем издании по технологическим и экономическим соображениям каждый из кассетных блоков-томов выходит в общем переплете.

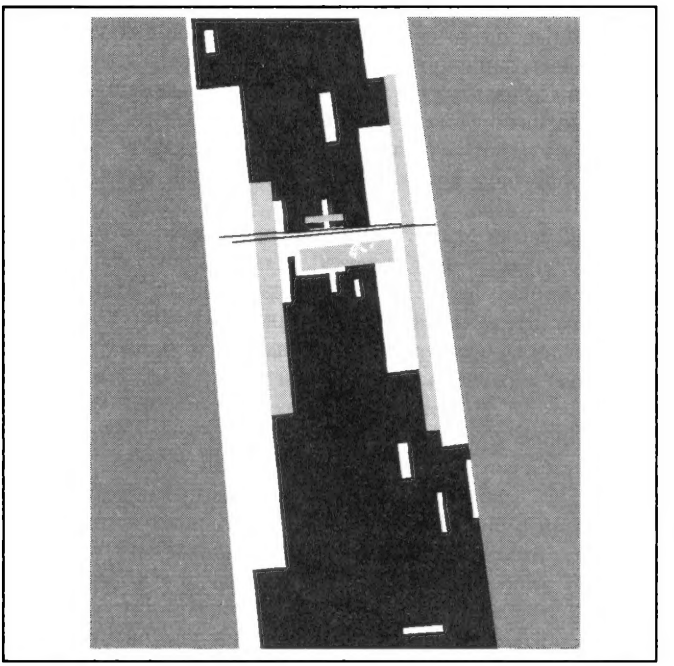
И $\frac{0302010000 - 022}{Я46(03) - 95}$ Без объявл. **ББК 60.55**

© ИНОЕ-РОССИЯ. Институт русского самосознания, 1995
© Издательство «Аргус», 1995
© Составление – С.Б.Чернышев, 1995
© Дизайн издания – В.Л.Глазычев, 1995

ISBN 5-85549-065-3
ISBN 5-85549-066-1 (том 1)

СТРУКТУРНЫЙ КРИЗИС СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А. БЕЛОУСОВ



Структурно-технологический кризис советской индустриальной модели стал ключевым фактором развития общесистемного кризиса советского общества. Предметом работы является логика и закономерности структурных сдвигов в экономике СССР в 50–90-е гг., воздействие либеральной реформы на ее индустриальное ядро и возможные варианты его модернизации.

© Белоусов А.Р., 1995

А. БЕЛОУСОВ

Прошлое гораздо полнее помогает предсказать и объяснить будущее, чем это считают многие авторы.
Ч. Макмиллан. "Японская промышленная система"

1. Вместо введения

Ощущение системного кризиса, точнее, слома ключевых общественных механизмов, непригодность прежних критериев и координат для идентификации происходящих социальных процессов способствовали появлению трех мифологем.

Первая – что в начале 90-х годов произошел разрыв истории, нарушилась преемственность между социальным временем "до реформ" и "после реформ". Что предреформенное прошлое дает лишь сырой материал, из которого зарождающиеся социальные субъекты по новым правилам конструируют себя и общественное устройство.

Вторая – что нынешний системный кризис общества в целом имеет постперестроечное происхождение. Это что-то вроде "болезни роста", реакции на неадекватность старых общественных институтов (включая системы социальных ценностей и норм поведения) новой реальности и ее вызовам. В этом смысле кризис конструктивен: ломаются старые общественные формы и уклады и из их "обломков" возникают новые, обладающие органической целостностью и способностью к саморазвитию.

Третья – что "правила игры", по которым взаимодействуют субъекты в обществе, автономны к материально-вещественным условиям функционирования социальных структур. Что, например, "рыночная экономика" (под которой понимаются прежде всего соответствующая организация экономики и правила функционирования хозяйствующих субъектов) может быть интегрирована в практически любую ресурсно-технологическую воспроизводственную систему.

Эти три мифологемы проецируются на сферу экономики. Кризисные явления последних лет – падение производства и инвестиций, инфляция, разбалансированность финансовой системы – скрыли и отодвинули на второй план глубинные тектонические процессы, имеющие начало в структурно-технологической неравновесности советской экономической системы и в исчерпании потенциала ее роста. Отсюда – представление о том, что решение краткосрочных проблем "стабилизации" если и недостаточно для того, чтобы вывести российскую экономику на траекторию устойчивого долгосрочного развития, то по крайней мере не противоречит решению этой стратегической задачи и создает для него здоровую основу.

Очень четко в замысле, идеологии и в исполнении реформ проявилась мифологема об автономности рыночных "правил игры". Речь идет о том, что достаточно убрать плановый пресс, устранить механизмы планового функционирования экономики, либерализовать цены, убрать

дотации и т.п. – и это создаст мощные импульсы как для формирования новой "рыночной" институционально-субъектной среды, так и устранения деформаций в материально-вещественной базе, ликвидации сфер неэффективного использования ресурсов.

Между тем опыт трех лет реформ показывает, что ресурсно-технологические условия воспроизводства определяют экономическую конъюнктуру в не меньшей степени, чем текущая экономическая политика. Скрытые глубинные процессы постоянно прорываются на поверхность, определяя как текущие параметры воспроизводства, так и реакцию хозяйства на рыночные правила их функционирования. Так, структурные диспропорции экономики и порождаемые ими приоритеты в распределении ресурсов отражаются в соотношениях "рыночных" цен и добавленной стоимости и соответственно в потреблении и накоплении. Состояние и технологическая структура производственной базы национального хозяйства обусловливают степень его зависимости от первичных ресурсов, минимально необходимые уровни инвестиций, импорта, добычи топлива, которые должны быть обеспечены для поддержания его функционирования. Уровень и структура затрат, запрограммированные соотношением и взаимодействием технологических укладов, определяют структуру спроса на первичные, промежуточные и конечные ресурсы.

В не меньшей степени структурный кризис российской экономики влияет на "выбор будущего", на формирование новой модели национального хозяйства России в долгосрочной перспективе.

Это влияние имеет двоякий характер. Во-первых, структурный кризис проявляется в актуализации стратегических угроз, связанных с проблемами самообеспечения экономики ключевыми ресурсами (энергия, продовольствие), критическим отставанием от развитых стран, неуправляемым ростом внешнего долга и др. Во-вторых, формирование новой модели национального хозяйства – это прежде всего вопрос о воспроизводстве и использовании имеющихся качественных ресурсов роста (материальных, человеческих, организационных) и тех относительных преимуществ, которыми располагает российская экономика с точки зрения мирового хозяйства. Однако мобилизация таких ресурсов и преимуществ практически невозможна без структурной перестройки национального хозяйства, обновления и сокращения производственного аппарата, эффективного встраивания научно-технического и организационного потенциала ВПК в систему воспроизводства.

Создание новой модели индустриального развития, обладающей потенциалом сбалансированного и устойчивого роста, – безусловно, стратегическая долговременная задача, стоящая перед нашим обществом. Но это и задача сегодняшнего дня – поскольку "генетический код" прежней разбалансированной индустриальной системы (утяжеленная структура, избыточные затраты и потери ресурсов, несопряженность технологических укладов, деградирующий производственный аппарат) неизменно воспроизводится и в новых рыночных условиях; имеющиеся качественные ресурсы бездарно теряются; пространство альтернатив

развития экономики сужается до единственного сценария деиндустриализации страны.

2. Индустриальные системы и их модернизация

Структура индустриальных систем

Индустриальная система (ИС) – это экономика, рассматриваемая в одном из ее аспектов, а именно в аспекте воспроизводства (наряду с этим можно выделить эколого-экономический, социально-экономический и другие аспекты). В первом, абстрактном приближении ИС может быть представлена как "треугольная" структура, вершинами которой являются: ресурсно-технологическая база; субъекты, организующие хозяйственную среду в соответствии со своими целями; "правила игры", по которым функционирует экономика. Более развернуто ИС может быть описана следующими ключевыми элементами:

1) производственно-отраслевая (ресурсная, продуктовая) структура экономики;

2) технологические заделы и пространство технологий, объединенные в систему взаимодействующих технологических укладов;

3) научно-техническая среда, которая формирует технологические заделы и адаптирует их к уже существующей системе;

4) производственная инфраструктура – системы энергообеспечения, транспорта, связи;

5) социальный механизм, обеспечивающий согласование макро- и микроцелей и мотиваций. Речь идет о сопряжении стоящих перед экономикой общих целей (вытекающих из актуальных угроз, приоритетов доминирующих субъектов, ресурсных и иных ограничений и т.п.) с системой общих социокультурных ценностей и норм, трансляции общих целей в систему индивидуальных трудовых и предпринимательских мотиваций;

6) механизм воспроизводства "человеческого капитала", в частности квалификации работников и предпринимателей;

7) институционально-субъектная среда, которая вырабатывает цели и обеспечивает их реализацию в рамках соответствующих организационных процедур и "правил игры".

8) организационно-управленческая культура.

Факторы и направления модернизации индустриальных систем

Как любая общественная система, ИС находится в постоянном развитии, которое, как правило, не меняет ее системных свойств и "качества" механизмов. Однако на определенных этапах неизбежно возникают особые периоды (назовем их модернизациями ИС), когда происходит их глубинная трансформация, затрагивающая все ее основные элементы. Меняются господствующие цели и приоритеты, субъекты и "правила игры", производственно-технологическая структура – иначе говоря, ключевые механизмы, воспроизводящие органичность и само-

развитие ИС. Исторический опыт показывает, что импульс модернизации ИС исходит от трех факторов:

– исчерпание потенциала целей и приоритетов, на которые ориентируется ИС (социальные цели, освоение ниш мирового рынка и т.п.), что ведет к потере сопряженности между макро- и микроуровнем, технологической стагнации и утрате позиций в мировом хозяйстве. Примером этого являются переход к "обществу благосостояния" в США (30 – 50-е годы) и Западной Европе (50 – 60-е годы) и связанная с этим масштабная модернизация ИС;

– появление новых субъектов в связи с форс-мажорными политическими и военными обстоятельствами, имеющих амбициозные "модернизационные" цели и соответствующий политический и экономический потенциал для их реализации. Пример: действия авторитарных режимов в Латинской Америке, Южной Корее и т.п.;

– возникновение актуальных угроз, имеющих общенациональное значение. Пример: энергетический кризис на Западе во второй половине 70-х годов, обострение продовольственной проблемы в Китае в конце 70-х – начале 80-х годов и др.

Модернизация ИС – многоаспектный процесс, затрагивающий, как правило, все перечисленные выше элементы. Отсюда, ключевая проблема модернизации – это сопряженность преобразований, которая, как показывает мировой опыт, может быть обеспечена только при активном участии государства, часто в рамках мягкого или жесткого авторитаризма.

Можно отметить, что осмысление опыта модернизаций в странах Азии и Латинской Америки (60 – 80-е годы) изменило представление о том, какие моменты в этой сопряженности преобразований ИС являются узловыми, наиболее важными. В 50-е и 60-е годы в теориях модернизации явно доминировал "технократический" (в широком смысле) подход: главной считалась согласованность между технологическими, образовательными, институциональными и организационными элементами ИС. В 80-х годах стал доминировать, скорее, социокультурный подход: в качестве ключевого стало рассматриваться согласование техно-организационных преобразований с социокультурными ценностями и традициями[1].

Схематично основные векторы преобразований при модернизации ИС могут быть описаны следующим образом:

– появляются субъекты, которые осознают необходимость изменения целей и приоритетов экономического развития, актуальные угрозы и ограничения, обладая при этом политическими и экономическими возможностями для мобилизации ресурсов (поэтому модернизации ИС, как правило, начинаются при смене господствующих групп политической элиты). Создается идеологическое обеспечение модернизации, необходимое для того, чтобы заработал социальный механизм поддержки изменений ИС, изменяются "правила игры" действующих хозяйственных агентов;

[1] Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 19–20.

– формируется структурное ядро новой ИС, т.е. комплекс взаимосвязанных производств, ориентированных на реализацию новых целей и способных обеспечить долговременную адаптацию экономики к изменяющимся условиям ее функционирования (обеспеченности ресурсами, воздействию мирового хозяйства, изменению социальных запросов и др.);

– в соответствии с требованиями структурного ядра изменяются обеспечивающие системы: научно-техническая среда, производственная инфраструктура, система подготовки кадров;

– под воздействием структурного ядра и инфраструктуры трансформируются традиционные отрасли (индустриальная периферия);

– формируются и выдвигаются на первый план социальные группы (новая хозяйственная элита), индивидуальные цели которых сопряжены с общими целями модернизации;

– происходит институциализация новых субъектов, реализующих задачу завершения модернизации и функционирования ИС. Изменения закрепляются в нормах организационно-управленческой культуры.

Модели модернизации индустриальных систем

С точки зрения требования общей сбалансированности модернизируемой экономики сдвиги в производственно-отраслевой структуре ИС должны быть увязаны с изменениями в структуре конечного спроса. Поэтому, как показывает мировой опыт, модернизация ИС всегда ориентирована на один из "приоритетных" элементов конечного спроса. Соответственно можно выделить четыре типа модернизации:

1) потребительски-ориентированная модель;

2) экспортно-ориентированная модель;

3) модернизация, ориентированная на достраивание структуры ИС (импортозамещение, замещение одних видов ресурсов другими, повышение общей эффективности производств), – инвестиционно-ориентированная модель;

4) милитаризация экономики, ориентация на производство вооружений.

Потребительски-ориентированная модель (I). Одна группа стран, осуществлявших потребительски-ориентированную модернизацию ИС, – это слаборазвитые страны с низким исходным уровнем насыщения первичных потребностей (в частности, к ним относятся Китай и Индия). Реализация этой модели предполагает: создание условий для повышения товарности сельского хозяйства; рост реальных доходов населения, формирующих потребительский спрос; модернизацию сельского хозяйства и переработки его продукции; развитие жилищного строительства (в связи с неизбежной урбанизацией); институциализацию внутреннего рынка и т.д.

Однако в этот вариант модернизации ИС встроены два жестких ограничения. Во-первых, высокая капиталоемкость при, как правило, дефиците внутренних финансовых накоплений и отсутствии матери-

альной базы для инвестиций. Сектором, который попадает в структурное ядро, становится сельское хозяйство и сопряженные с ним отрасли. Если на первых порах удается увеличить товарность производства, это дает хорошие результаты. Но затем экономика подходит к пределам, связанным с архаичностью технологий в сельском хозяйстве, необходимостью его индустриализации, с развертыванием соответствующей инфраструктуры (прежде всего энергетики). Во-вторых, как правило, очень низкий спрос, обусловленный бедностью населения и неразвитостью внутреннего рынка. С этим ограничением столкнулись Индия, ряд стран Латинской Америки.

Потребительски-ориентированная модель (II). Другая группа стран, реализовывавших потребительски-ориентированную модель модернизации ИС, – это, наоборот, страны с высоким уровнем насыщения первичных потребностей, переходящих к новым потребительским стандартам и ориентирам. Примеры модернизации такого типа: США, начиная с "нового курса" Рузвельта (30-е годы) до конца 60-х годов; послевоенная Германия.

Структурные сдвиги в модернизируемой ИС принимают потребительскую направленность, опираясь на динамичный рост доходов населения и социальных расходов государства. Последние стимулируют быстрое развитие производства предметов потребления, в первую очередь автомобилей и других технически сложных товаров длительного пользования (ТС ТДП). Отрасли, производящие ТС ТДП, формируют структурное ядро модернизации, их развитие оказывает сильное преобразующее воздействие на другие секторы экономики. Параллельно формируется и укрепляется средний класс, трудовые и предпринимательские мотивации которого увязаны с потреблением "капитальных благ".

Следует подчеркнуть, что важным моментом этого варианта модернизации является мощный прогресс в технологиях, который отражается в общем повышении эффективности воспроизводства. Он реализуется по трем главным направлениям. Во-первых, доминирующими становятся относительно некапиталоемкие производства ТС ТДП, что ослабляет инвестиционную нагрузку на экономику; не случайно в США в 50-е годы капиталоемкость снижалась в среднем на 1,1% в год, а в 60-е – росла всего на 0,4% в год (для сравнения: в Японии, реализующей третью, инвестиционно-ориентированную модель модернизации ИС, рост капиталоемкости в эти же периоды составил соответственно 6,2 и 3,6% в год). Во-вторых, развитие передовых технологий в социально-ориентированных отраслях способствует снижению материалоемкости и нацеливает спрос на новые качественные виды базовых ресурсов (в США бум в производстве автомобилей, бытовой техники, непроизводственном строительстве обусловил расширение сфер использования пластмасс, алюминия, прогрессивных видов проката, быструю электрификацию домашнего хозяйства. Позднее бытовая электротехника оказала сильное воздействие на развитие полу-

проводников и компьютерной индустрии). В-третьих, удорожание рабочей силы и рост расходов на социальное обеспечение стимулирует автоматизацию и подготавливает распространение информационных технологий.

Экспортно-ориентированная модель. В рамках этой модели модернизации стратегическая цель – экспансия на мировом рынке, расширение экспорта промышленных товаров с высокой степенью обработки (соответственно с высокой долей добавленной стоимости). За счет этого решаются сразу пять задач: преодолевается узость внутреннего рынка; мобилизуются дополнительные источники накоплений (помимо доходов от экспорта такая стратегия модернизации, как правило, сопряжена с притоком иностранных инвестиций); модернизация ИС с самого начала ориентируется на высокие технико-технологические и организационные стандарты передовых стран; стимулируется диверсификация промышленного производства; в ряде случаев удается эффективно задействовать "преимущества отсталости" развивающихся стран, связанные с дешевизной рабочей силы и сырья, использованием "готовых" индустриальных технологий и возможностей тиражирования промышленных образцов, пониженными требованиями к экологии и т.п.

Примеры этой модели модернизации продемонстрировали дальневосточные НИС (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур), страны АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Таиланд) и, с некоторыми оговорками, латиноамериканские НИС (Мексика и Бразилия). Вообще можно отметить, что применение программ "стабилизации" в странах Азии и Латинской Америки давало конструктивный результат тогда, когда расширялся пояс экспортно-ориентированных производств с продвинутыми технологиями (пример Боливии показывает, что простая экспортная переориентация ИС, достигнутая в результате "стабилизации", без облагораживания технологической среды и роста качественного уровня производства не приводит к позитивным результатам).

Можно выделить по крайней мере четыре ограничения, с которыми сталкивается экономика при реализация рассматриваемой модели модернизации ИС.

Первое. Со второй половины 80-х годов резко усложнились условия "трансплантации" передовых технологий в технически и организационно отсталые структуры модернизируемых экономик. Период с 70-х по первую половину 80-х годов был достаточно благоприятен для модернизации ИС стран "третьего мира", поскольку развитые страны перебазировали туда сырьевые энергоемкие производства. Кроме того, как отмечалось в "Опыте экономических реформ"[2], пока электроника использовалась преимущественно для "начинки" бытовой техники, возникали благоприятные возможности модернизации отсталых ИС на основе "отверточных технологий", тиражирования технических образцов, развития трудоинтенсивных производств, ориентированных на экспорт.

[2] Опыт экономических реформ в развивающихся странах. М., 1992.

Со второй половины 80-х годов, в связи с вступлением центра мирового хозяйства в новую стадию развития и использования технологий, ключевыми факторами стали не тиражирование, а постоянное обновление продукции при высокой информатизации технологических процессов. Это предполагает наличие соответствующего обеспечения: вспомогательных производств, инфраструктуры, организации рынка, непрерывной переподготовки кадров и дисциплины труда и т.п. – т.е. того, чем модернизируемые ИС, как правило, не располагают и что не может быть привнесено извне. Кроме того, широкое развитие получили трудосберегающие технологии, уменьшающие одно из главных "преимуществ отсталости" – дешевизну рабочей силы. Не случайно поэтому в 80-е годы наметилась тенденция относительного свертывания в странах "третьего мира" производства полупроводников, микропроцессоров и других электронных компонент за счет переноса его в центр мирового хозяйства[3].

Второе. Возникают большие трудности в обеспечении технологической целостности ИС. В большинстве стран, реализующих эту модель модернизации, экспортно-ориентированные секторы не обладают "критической массой" для преобразования традиционных секторов и укладов и даже для формирования инвестиционного спроса (едва ли не единственное исключение из этого – Южная Корея). Длительное время экспортный сектор существует в виде обособленного анклава наряду с сохранением и даже доминированием архаичных технологических систем. Возникает опасная тенденция разрывов технологической ткани экономики, "разбегания" технологических укладов.

Третье. Рассматриваемая модель модернизации ИС, как правило, предполагает встречный импорт технологий и в большинстве случаев компонентов производства. Здесь возникают две опасности. Во-первых, освоение новых технологий крайне затруднено без "сопутствующего" импорта капитала, расширение которого может привести к утрате национального контроля над частью экономики (не случайно поэтому Южная Корея и Тайвань, наращивая импорт технологий, весьма сдержанно относились к иностранным инвестициям). Во-вторых, формирование технологической и научно-технической базы ИС на основе импорта оборудования, лицензий, ноу-хау и др. ведет к росту зависимости ключевых долговременных факторов воспроизводства от внешних условий: конъюнктуры мирового рынка, состояния платежного баланса, внешнего долга, доступа к кредитам.

Четвертое. Реализация данной модели способствует усилению социальной неоднородности общества и обострению противоречий между группами предпринимателей, ориентированных на внутренний и на внешний рынок. Ключевыми проблемами становятся вопросы протекционизма, таможенных пошлин и регулирования валютного курса, доходов экспортного сектора и остальных отраслей и др. (следует отметить, что этот вариант модернизации ИС всегда сопровождается пере-

[3] Опыт экономических реформ... С. 50–51.

распределением реальных доходов из неэкспортных в экспортные секторы, через механизмы валютного курса, инфляции и налогов). Поэтому в большинстве случаев согласование интересов конкурирующих социальных групп и соответствующее идеологическое обеспечение модернизации достигается в рамках авторитарного режима.

Модернизация, ориентированная на достраивание структуры ИС (инвестиционно-ориентированная модель). В ряде случаев модернизация ИС имеет "самодостаточный" характер. Ее ведущим мотивом становится повышение технико-технологического уровня экономики, ресурсозамещение (переориентация с дефицитных на недефицитные ресурсы, например энергоемкого на трудоемкий тип роста) и достраивание ИС до органической целостности (пример: импортозамещение). Поскольку такая модель является капиталоемкой и инвестирование становится в определенном смысле самоцелью, ее можно также характеризовать как инвестиционно-ориентированную.

Можно отметить, что, в отличие от предшествующих, рассматриваемая модель не сопряжена с долгосрочными социальными целями экономического роста. В этом смысле она является промежуточной, базовой для последующей переориентации ИС либо на внешний рынок (экспорт), либо на внутреннее потребление, либо на оборону.

Именно такую модель модернизации ИС реализовали СССР в 30-е годы и Япония в 60 – 70-е годы. Во многом по этой схеме происходила модернизация экономики голлистской Франции в 60-е годы. На ранних стадиях перестройки ИС ее придерживались Мексика и Бразилия, а также Турция, что облегчило этим странам выход на мировой рынок со сравнительно сложными видами промышленной продукции[4]. С оговорками к этому типу модернизации можно отнести Чили (после 1982 г.).

Один из наиболее удачных примеров модернизации этого типа – перестройка экономики Японии по стадиям технологических переделов, продолжающаяся практически до конца 70-х годов (с конца 70-х и особенно в первой половине 80-х годов развитие экономики Японии происходило при доминировании экспортных ориентиров. Согласно данным, приведенным в книге "Япония: смена модели экономического роста"[5], в 60-е годы вклад экспорта в прирост ВВП в Японии составлял в среднем около 10%, в первой половине 70-х годов – около 15%. В 80-х годах эта доля резко возросла: в 1980 – 1985 гг. она превысила 30%, причем в 1981, 1982 и 1985 гг. – 50%. С 1986 г. проявилась новая тенденция переориентации экономики на внутренний рынок).

Особый характер человеческих отношений, социальных норм поведения, развитие коллективных форм социальных гарантий (включая защиту от безработицы) создали уникальные социальные условия, позволяющие в условиях "корпоративной демократии" временно снять ак-

---

[4] Там же, С. 253.

[5] Япония: смена модели экономического роста. М., 1990. С. 185–186.

туальность потребительских ориентиров модернизации и обеспечить высокую норму сбережения при относительно низком уровне реальных доходов населения. С другой стороны, слабость первоначальных конкурентных позиций национального хозяйства ограничивала возможности экспортно-ориентированной модели модернизации. В течение 60-х и 70-х годов Япония с поразительной последовательностью реализовывала стратегию формирования целостной ИС, опирающейся на заимствование наиболее эффективных технологических систем Запада. Целью, особенно отчетливой после начала энергетического кризиса, стало ресурсосбережение (низкая энерго- и материалоемкость производства).

Стратегия модернизации состояла в согласованном преобразовании смежных производственных звеньев национального хозяйства. В структурное ядро ИС последовательно входили: отрасли конструкционных материалов, включая химию; судостроение и автомобилестроение; бытовая электроника; средства информатизации и повышения гибкости технологических процессов. Трансформация структурного ядра повлекла развитие транспортных систем, атомной энергетики, связи и информационных систем. Наконец, в процесс модернизации оказались вовлечены "периферийные секторы", в частности легкая промышленность и сельское хозяйство. Эта модель модернизации, основанной на "заимствовании" новейших технологий, позволила затем активно включить экономику в систему мирохозяйственных связей, с ходу захватив передовые рубежи в мировом экспорте.

При реализации этой модели модернизации можно также выделить пять ключевых проблем (ограничений).

Первая: финансовое обеспечение "инвестиционного рывка". Как показывает опыт, модернизация такого типа практически невозможна за счет самофинансирования растущего инвестиционного сектора и неизбежно сталкивается с дефицитом сбережений. Его преодоление может осуществляться за счет следующих источников: традиционных секторов экономики (сельское хозяйство), традиционного (сырьевого) экспорта, снижения реальных доходов населения, иностранной помощи и кредитов. Мобилизация первого источника ведет к деградации (или по крайней мере к консервации отсталости) аграрного сектора, что увеличивает вероятность провала всей стратегии модернизации: как показывает опыт послевоенных модернизаций, устойчивый успех достигается лишь в тех случаях (Япония, Китай, Южная Корея, Тайвань), где модернизация промышленных структур увязана с адекватными преобразованиями в сельском хозяйстве. Второй источник является ненадежным и неустойчивым из-за ухудшения мировой конъюнктуры торговли энергосырьевыми ресурсами (пример Чили, где доходы от экспорта меди позволили наращивать государственные инвестиции с 5,1% ВВП в 1982 – 1984 гг. до 9,2% ВВП в 1985 – 87 гг.[6], является редким исключением). Третий источник ухудшает социальные условия модернизации. Четвер-

[6] Карагодин Н. Стабилизационные программы в Латинской Америке. Мировая экономика и международные отношения, 1994, № 3.

тый – малодоступен (исключением по политическим причинам является Чили), так как финансовое равновесие и либерализация экономики, являющиеся критериями предоставления кредитов международными организациями, труднодостижимы при данной модели модернизации.

Вторая: материальное и организационное обеспечение инвестиций. Экономика, вступающая на путь инвестиционно-ориентированной модернизации, оказывается перед дилеммой: либо развивать собственную инвестиционную базу (т.е. производство оборудования и конструкционных материалов, строительные мощности, соответствующую научно-техническую и проектную базу и т.п.), либо импортировать соответствующие элементы технологических систем. Первый путь требует гигантской мобилизации ресурсов, что, за редким исключением, (Япония) "закладывает" технологическое отставание и низкую конкурентноспособность экономики в будущем. Второй путь, как правило, ведет к несопряженности технологических укладов в ИС ("нестыковке" импортируемых технологий с имеющимся ресурсным, инфраструктурным и научно-техническим обеспечением, а также общей технологической средой) и неэффективному использованию заимствованных материально-технических систем – т.е. опять же к отставанию и к низкой конкурентоспособности экономики.

Третье ограничение: неизбежно высокая капиталоемкость экономического роста, по крайней мере на этапе модернизации ИС. Это ведет к тому, что инвестиционный сектор начинает работать с перегрузкой, теряет возможность к самообновлению и становится источником распространения устаревших технологий в экономике (нечто подобное произошло в СССР в 70-е и 80-е годы). Это ограничение преодолевается за счет двух факторов: перехода к режиму инвестирования с высокой нормой замены устаревших технологических элементов; подключения внешней торговли, вынесения части производств инвестиционного сектора (конструкционные материалы, оборудование) за пределы национального хозяйства.

Четвертое ограничение, связанное с третьим: как правило, высокая металло- и энергоемкость национального хозяйства при рассматриваемом варианте модернизации. Уровень ресурсоемкости в любой экономике складывается из двух компонент: технологической и структурной. Если первая может быть снижена за счет целенаправленного "приживления" передовых технологий, то снижение второй (структурной) компоненты весьма проблематично в силу того, что ресурсоемкий инвестиционный сектор приобретает высокий удельный вес в модернизируемой ИС.

Пятое ограничение – трудности мобилизации социальной поддержки. Практически инвестиционно-ориентированная модернизация сопряжена с "затягиванием поясов" населением. Проблема решается с помощью идеологии коллективизма и государственности, создания жесткой иерархии статусов с сильными статусными преимуществами для тех социальных групп, которые являются ключевыми (научно-технические работники, работники инвестиционных секторов и т.п.).

Милитаризация экономики. Этот тип модернизации имел место в предвоенной Германии и отчасти в Израиле. Как показывает опыт этих стран, государственные оборонные программы могут создать достаточно мощный импульс преобразований ИС, включая научно-техническую среду и инфраструктуру. Однако наряду с масштабными социальными, политическими и экономическими (инфляция, поглощение ресурсов) издержками от милитаризации общества ключевая проблема состоит в "закрытости" ВПК. Успех может быть только в том случае, когда ВПК становится "генератором" качественных преобразований, доступных для невоенных производств.

3. Модернизация советской индустриальной системы в 50 – 60-е годы: предпосылки структурного кризиса

Кризис советской ИС, принявший в 70 – 80-х годах скрытую, а в 90-х годах – открытую (спад производства, ускорение инфляции) формы, генетически связан с теми успехами, которые советская экономика демонстрировала в 50-е и 60-е годы. Мощный ресурсный и технологический потенциал, созданный в 30-е и 40-е годы, позволял в течение длительного времени успешно совмещать реализацию крупномасштабных целей: развертывания военно-стратегических программ и повышения жизненного уровня населения. Однако созданная в этот период ИС оказалась неспособной противостоять социальным, ресурсным, военно-политическим вызовам 70 – 80-х годов, что в конечном счете привело к ее коллапсу.

Цели и логика послевоенной модернизации советской ИС

50-е годы – особый период в истории советской экономики. Его специфика состоит в совпадении во времени нескольких стратегических моментов в политической, социальной и экономической жизни страны, отражающих завершение одних этапов развития и начало других. Завершилось восстановление разрушенного во время войны хозяйства, и неизбежно встала проблема: "как жить дальше", как использовать и развивать промышленный потенциал. Проявились внешние угрозы, связанные с изменением геополитической ситуации, фактором ядерного оружия и началом блокового противостояния сверхдержав. Произошла не только смена господствующих групп политической элиты, но и существенно измененились правила политической игры (их смягчение и усиление "второго эшелона" руководителей). После военных тягот и "демонстрационного эффекта" от уровня жизни в Западной Европе возникла необходимость перестройки социальных механизмов.

Все это обусловило выдвижение на первый план новых стратегических целей экономического роста и начало модернизации советской ИС. Логика и цели модернизации определялись тремя главными факторами.

Во-первых, жестко проявилась необходимость возврата "социального долга", накопленного за годы предвоенной индустриализации и войны. И социальная, и политическая обстановка требовали переориентации экономики на динамичное повышение жизненного уровня людей, который был крайне низок. Это обусловило не только приоритет социальных целей, но и их содержание – удовлетворение первичных потребностей в продуктах питания, одежде, жилье.

Во-вторых, доминирующими стали цели сохранения военно-политического лидерства, статуса сверхдержавы, достигнутого в итоге второй мировой войны. Эти цели, определившие логику развития ВПК, заложили основу "технологического соревнования", приведшего позднее к технологической сегментации советской ИС.

В-третьих, возникла возможность (и необходимость) освоения нового экономического пространства, интеграции экономик Восточной Европы в единую метахозяйственную систему. Это предопределило формирование национальных хозяйств стран-сателлитов, ориентированных на импорт советских энергосырьевых ресурсов (ЭСР) и встречный экспорт конечной продукции.

Одновременная реализация этих целей стала возможной благодаря ресурсным возможностям и технико-технологическим заделам, которыми обладал СССР в этот период. Они складывались из четырех элементов:

а) наличия малоосвоенной топливно-сырьевой базы, позволяющей наращивать мощности тяжелой индустрии (энергетики, металлургии и химии) в долгосрочной перспективе;

б) наличия относительно нового производственного аппарата тяжелой индустрии, созданного в предвоенные и военные годы, а также развитой научно-технической и образовательной базы;

в) наличия резервов низкоквалифицированных трудовых ресурсов;

г) приращения качественного производственного потенциала за счет европейских стран (Чехословакия и Германия).

Отмеченные особенности обусловили такой режим модернизации ИС, который сочетал динамичный рост экономики (табл. 1) с энергичными структурными сдвигами, опирающимися на высокую норму инвестиций. Структурная перестройка обеспечивала согласование между целями, технологиями и ресурсными возможностями экономики.

Таблица 1. **Характеристики экономического роста в 50 – 80-х годах (среднегодовые темпы прироста, %)**

	1951 – 1960	1961 – 1970	1976 – 1980		1981 – 1985	
			А	Б	А	Б
Национальный доход	10.3	7.1	3.8	3.0	2.9	2.4
Капитальные вложения	12.7	7.3	3.3	1.9	3.5	2.8
Реальные доходы населения	6.5	4.7	3.4	2.9	1.8	-0.9
Снижение:						
капиталоемкости нац. дохода	+2.2	+0.2	0.5	1.1	+0.6	+0.4
энергоемкости нац. дохода	2.6	1.7	1.2	0.4	0.8	0.3
металлоемкости нац. дохода	1.2	1.2	3.4	2.6	1.9	1.4

"+" – рост показателя;

А – без учета скрытого роста цен; Б – с учетом скрытого роста цен. Реальные доходы на душу населения приведены с учетом подавленной инфляции (вынужденных сбережений), среднегодовые темпы роста которой составили в 1976 – 1980 гг. – 0,9%, в 1981 – 1985 гг. – 1,8%.

Однако с самого начала в модели модернизации ИС была заложена двойственность, которая позднее привела к разрушительным последствиям: созданию, по существу, двух конкурирующих (за ресурсы) экономик, технологической поляризации народного хозяйства, перегрузке инвестиционной и ресурсной базы. Причем эта двойственность пронизывала все элементы ИС: от структурно-технологических до социальных и институциональных.

С одной стороны, начавшаяся в 50-е годы модернизация тяготела к потребительски-ориентированному типу. Создавалась эшелонированная база для развития потребительского сектора экономики. Менялся социальный механизм: реформы 60-х годов были ориентированы на то, чтобы встроить денежные доходы и конкуренцию в социальную систему "потребление – трудовые мотивации".

С другой стороны, модернизация имела черты милитаризации экономики (четвертая модель). Формировался замкнутый мир ВПК с во многом автономным кругооборотом ресурсов, закрытой системой научно-технического, технологического и кадрового обеспечения, с собственной инфраструктурой (системы связи) и с особыми социальными стимулами и нормами поведения (иерархически-статусная система доступа к жилью и другим капитальным благам независимо от денежных доходов).

Структурный аспект модернизации советской ИС

Приоритеты модернизации ИС потребовали качественных изменений в структуре советской экономики. Можно выделить три группы структурных сдвигов, доминирующих в период формирования новой ИС и определивших общую картину экономического развития страны на длительную перспективу.

Первая группа структурных сдвигов была связана с реализацией социальных целей. Она охватывала взаимосвязанные производства, обеспечивающие выпуск товаров первой необходимости и ввод жилья.

1) Легкая и пищевая промышленность – сельское хозяйство – химия и сельскохозяйственное машиностроение.

Здесь прежде всего ослаблялись сырьевые ограничения на развитие потребительского сектора. В сельском хозяйстве были достигнуты высокие темпы прироста его продукции: в 1951 – 1960 гг. – 5,2% в год, в 1961 – 1970 гг. – 3,8% в год). Это обеспечивалось его ускоренной механизацией, которая позволила оптимизировать сроки проведения сельскохозяйственных работ и компенсировать отток занятых. Энергетические мощности в отрасли возрастали в 50-х и 60-х годах соответственно на 9,6 и 8,0% в год, потребление электроэнергии – на 20,6 и 14,5% в год.

Повышение урожайности зерновых (в 50-е и 60-е годы в 1,5 и 1,4 раза) обеспечивалось за счет резкого расширения поставок минеральных удобрений, которые за 20 лет выросли (на 1 га пашни, в усл. ед.) в 6,7 раза. Такой скачок был достигнут в рамках реализуемой с конца 50-х годов программы химизации народного хозяйства, которая одновременно расширяла сырьевую базу легкой промышленности: выпуск химических волокон увеличился в 50-х годах в 8,7 раза, в 60-х годах – в 2,9 раза.

2) Строительство жилья – расширение строительной базы – производство стройматериалов и строительной техники.

Развертывание жилищного строительства одновременно с наращиванием производственных капитальных вложений (КВ) потребовало расширения ресурсной базы строительства. Это осуществлялось за счет резкого (в 1956 – 1970 гг. в 17 раз) увеличения производства сборного железобетона, что позволило смягчить ограничивающее воздействие металлопроката на динамику строительно-монтажных работ (СМР); увеличения трудовых ресурсов за счет высвобождаемых в сельском хозяйстве (за 20 лет их рост составил 2,8 раза); наращивания выпуска строительной техники (в 10,3 раза).

Вторая группа структурных сдвигов была связана с перестройкой энергетической базы экономики по цепочке: потребление энергии – электроэнергетика – производство топлива.

Модернизация ИС сопровождалась ростом крупных потребителей электроэнергии (строительства, сельского хозяйства, химической промышленности, коммунального сектора), развертыванием электроемких военных программ; электрификацией железнодорожного транспорта. Эти факторы определили ускоренное развитие электроэнергетики (см. табл. 2), опережающей в 50-е и 60-е годы рост национального дохода соответственно в 1,2 и 1,4 раза.

Ускоренная электрификация экономики сопровождалась, в свою очередь, модернизацией технологической базы электроэнергетики и соответственно перестройкой народнохозяйственного спроса на топливные ресурсы: активным замещением угля нефтепродуктами и газом. Если в 1950 г. доли нефтепродуктов, газа и твердого топлива в потреблении энергоресурсов на ТЭС составили соответственно 7,3 и 90%, то в 1960 г. – 9,15 и 76%, а в 1970 г. – уже 23, 24 и 53%. Адекватной "реакцией" на изменение структуры спроса на энергоносители стало поддержание высоких темпов добычи нефти и газа, достигаемое за счет форсированного освоения новых месторождений.

Таблица 2. **Производство энергоресурсов в 50 – 80-х годах**

	1951–1960		1961–1965		1966–1970		1976–1980		1980–1985	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
Электроэнергия всего	12.4	1.20	11.6	2.05	1.10	7.9	4.5	1.50	3.6	1.50
в т.ч. ТЭС	11.9	1.15	11.9	2.10	7.7	1.07	3.1	1.03	2.3	0.96
АЭС	–	–	–	–	19.9	2.77	29.3	9.77	18.1	7.54
нефть	14.6	1.42	10.4	1.84	7.7	1.07	4.2	1.40	-0.3	-0.11
газ	22.5	2.18	22.3	3.94	9.1	1.27	8.5	2.83	8.1	3.38
уголь	6.9	0.67	2.5	0.44	1.6	0.22	0.4	0.13	0.3	0.11

А – среднегодовые темпы прироста, %; Б – соотношение с темпами прироста национального дохода.

Третья группа структурных сдвигов была связана с формированием машиностроительного комплекса и развитием сопряженных производств конструкционных материалов.

Отмеченная выше двойственность модернизации 50 – 60-х годов проявилась в том, что машиностроение оказалось под двойным давлением: а) инвестиционного спроса и б) военных программ. Масштабные изменения в топливно-сырьевой базе ИС предопределили динамику и приоритеты распределения капитальных вложений. Объектами инвестиций стали прежде всего потребительский комплекс (сельское хозяйство, легкая и пищевая промышленность), электроэнергетика, химическая промышленность, а также производство конструкционных материалов, накладывающее ограничение на рост СМР и инвестиционные возможности экономики в целом (табл. 3).

Таблица 3. **Динамика капитальных вложений в 50-е – 80-е годы**
Темпы роста в % к предшествующему пятилетию

	1951 1955	1956 1960	1961 1965	1966 1970	1971 1975	1976 1975	1981 1985	1986 1990
Всего	192	182	152	143	142	129	118	128
В том числе в:								
электроэнергетику	350	153	134	132	124	115	125	116
топливную	179	133	131	139	138	143	152	140
черную металлургию	139	170	161	121	130	115	105	112
химию и нефтехимию	177	238	281	126	142	140	91	96
машиностроение	156	156	179	162	166	141	120	130
строительные мат-лы	229	308	140	138	134	102	101	136
легкую и пищевую	140	215	146	148	127	118	113	133
сельское хозяйство	260	176	199	170	178	135	112	118
транспорт	141	172	158	132	161	142	123	113
строительство	203	186	120	171	155	135	108	140
жилищное хозяйство	237	219	128	141	128	114	121	138
Относительные индексы								
Всего	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0	1.0
В том числе в:								
электроэнергетику	1.8	0.8	0.9	0.9	0.9	1.1	0.9	0.9
топливную	0.9	0.7	0.8	1.0	1.0	1.1	1.3	1.1
черную металлургию	0.7	0.9	1.1	0.9	0.9	0.9	0.9	0.9
химию и нефтехимию	0.9	1.3	1.9	0.9	1.0	1.1	0.8	0.8
машиностроение	0.8	0.9	1.2	1.1	1.2	1.1	1.0	1.0
строительные мат-лы	1.2	1.7	0.9	1.0	0.9	0.8	0.9	1.1
легкую и пищевую	0.7	1.2	1.0	1.0	0.9	0.9	1.0	1.0
сельское хозяйство	1.4	1.0	1.3	1.2	1.3	1.1	1.1	0.9
транспорт	0.7	1.0	1.0	0.9	1.1	1.1	1.0	0.9
строительство	1.1	1.0	0.8	1.2	1.1	1.1	0.9	1.1
жилищное хозяйство	1.2	1.2	0.8	1.0	0.9	0.9	1.0	1.1

Одновременно развертывание крупных военно-стратегических программ (ракетно-космическая, атомная, перевооружение подводного флота и др.) сопровождалось ускорением динамики выпуска вооружений: если в начале 60-х годов соотношение между годовыми темпами

прироста в ВПК и в машиностроении в целом составляло 0,71, то к началу 70-х годов оно достигло 1,1. ВПК, имеющий безусловный приоритет в удовлетворении спроса на качественные ресурсы, поглощал значительную часть продукции приборостроения, электротехники, точного станкостроения, средств автоматизации.

Высокий конкурирующий спрос на капитальные вложения со стороны приоритетных энергосырьевых отраслей обусловил замедленный рост инвестиций в "ядро" машиностроительного комплекса (электротехнику, производство металлообрабатывающего оборудования), определяющее технологический облик машиностроения и качественный уровень выпускаемой техники. В 50-е годы динамика КВ в машиностроение заметно отставала от общего роста производственных инвестиций (см. табл.3); начавшийся в 60-е годы ускоренный рост вложений в машиностроительный комплекс был связан не с качественным повышением его технического уровня, а главным образом с развертыванием новых мощностей по выпуску мобильной техники, оборудования для энергетики, легкой и пищевой промышленности.

Отмеченные факторы: отставание инвестиций в "ядро" машиностроительного комплекса; высокая нагрузка на его конечные звенья; отток качественных ресурсов в ВПК – обусловили такой режим воспроизводства машиностроения, который вел к его технологическому отставанию. Уже в 60-е годы замедлилось обновление выпускаемой техники: количество ее новых типов стабилизировалось, а по ряду видов (энергетическое оборудование, автомобили, сельскохозяйственные машины) наметилось его снижение. В гражданском машиностроении закреплялись массовые универсальные технологии, ориентированные на ускоренный выпуск продукции с невысокими потребительскими характеристиками.

Сложившаяся в 50 – 60-х годах ИС обладала высокой целостностью в двояком смысле. Во-первых, структурные сдвиги обеспечивали тесную согласованность между социальными и военно-стратегическими целями экономического роста с ресурсной базой народного хозяйства. Во-вторых, благодаря масштабным капитальным вложениям поддерживалось динамическое равновесие между основными секторами народного хозяйства (инвестиционным, потребительским, сырьевым, энергетическим, производством конструкционных материалов, инфраструктурой), таким образом, чтобы эти секторы не создавали ограничений друг для друга.

Однако эта целостность достигалась лишь в рамках "расширяющейся экономики". Сформировалась структура экономики, характеризующаяся двумя взаимообусловливающими особенностями: а) жесткой зависимостью экономического роста от масштабов вовлечения первичных ресурсов (и соответственно от объемов инвестиций в топливно-сырьевые отрасли) и б) разбухшим инвестиционным сектором, технологическая отсталость которого определяет повышенный народнохозяйственный спрос на базовые ресурсы.

4. Предпосылки структурного кризиса советской индустриальной системы

Пределы саморазвития советской ИС

Сложившаяся в итоге модернизации 50 – 60-х годов советская ИС имела генетически заданные пределы саморазвития; определяющие ее потенциал, и соответственно сроки и характер следующей модернизации. Эти пределы проявились в 70-х годах как ресурсные ограничения и "узлы напряженности" в структуре экономики.

1. Насыщение первичных потребностей населения в продуктах питания, предметах гардероба, бытовой техники вызвало сдвиг в его потребительских стандартах. В результате стала проявляться ограниченность тех социальных целей, под которые формировалась ИС.

Динамизм советской экономики в 50-е и 60-е годы объясняется не только ее ресурсным потенциалом, но и в первую очередь тем, что потребительские цели, на которые она ориентировалась, отвечали потребностям и интересам социально активных групп. Эта адекватность лежала в основе социальной поддержки модернизации, высокой социальной мобильности и трудовых мотиваций.

В 50 – 60-е годы в стране произошла своеобразная "революция первичных потребностей". За 20 лет душевой уровень потребления мясо-молочных продуктов возрос почти в 2 раза, овощей и фруктов – в 2,2 раза, предметов гардероба – в 2 – 6 раз. В результате к концу 70-х годов уровень потребления продуктов первой необходимости стал сопоставим с западными стандартами начала 60-х годов – периода, когда в Западной Европе происходил поворот к "обществу благосостояния". Высокой степени насыщенности достиг парк бытовой техники (телевизоры, холодильники, радиоприемники). Это не снизило актуальности дальнейшего насыщения потребностей в жилье и качественных продуктах питания, но в то же время сместило приоритеты потребления в сторону "капитальных благ": жилья, качественных ТС ТДП.

2. Пределы развития ИС задавались также возможностями взаимосопряженного роста капитальных вложений и энергосырьевых ресурсов (ЭСР).

При изначально высокой капиталоемкости экономического роста, обусловленной моделью модернизации ИС, режим инвестиций определялся не мотивами ресурсосбережения или качественного обновления продукции и технологий, а: 1) развитием (расширением) ресурсной базы, вовлечением дополнительных энергосырьевых и трудовых ресурсов в воспроизводство; 2) достраиванием недостающих структурных звеньев ИС, опирающихся на прирост массовых ресурсов. Отсюда возникли предпосылки для закрепления и расширения зон ресурсоемких технологий, образовавших в конце концов единое ресурсно-технологическое пространство (массовые ресурсы – технологии наращивания их выпуска – ресурсоемкие технологии их переработки).

Расширение этого пространства, естественно, сопровождалось возрастанием народнохозяйственного спроса на ЭСР, точнее, усилением за-

висимости экономического роста от их предложения. Отсюда – особый, форсированный режим наращивания выпуска ЭСР (в частности, в топливном секторе) и, как следствие, рост капиталоемкости ЭСР, смещение приоритетов инвестиций в сторону энергосырьевых секторов, что замыкало круг: вело к расширению зон технологической деградации, что увеличивало спрос на ЭСР и т.д.

3. Важной особенностью советской ИС явилась подчиненная роль машиностроения в механизме структурных преобразований (исключение – отрасли ВПК, развитие которых имело самодовлеющий характер). Структурные сдвиги в машиностроении определялись потребностями секторов, образующих "структурное ядро" модернизации. В силу этого машиностроительный комплекс развивался не по принципу замещения (как, например, в США), а дополнения: его новые производственные звенья и соответствующие им ресурсно-технологические цепи интегрировались в систему воспроизводства, не вытесняя, а достраивая ее старые элементы. В результате доминирующей чертой развития советской ИС стало разбухание производственного аппарата, сопровождающееся (особенно в 70-е и 80-е годы) гигантской нагрузкой на машиностроение и формированием избыточного спроса на черные металлы и энергоресурсы.

4. В советскую ИС еще при формировании была встроена анклавность технологических укладов. В ИС выделились три группы производств, различающихся режимом воспроизводства: 1) отрасли ВПК, образующие технологически замкнутую группу, участвующие в "технологической гонке" с Западом; 2) технологически стагнирующие (и даже деградирующие) инвестиционные и потребительские отрасли, функционирующие в режиме, задаваемом динамикой ЭСР; 3) производства ЭСР, вектор технологических сдвигов в которых задавался необходимостью форсированного наращивания выпуска продукции.

Усиливалась поляризация научно-технической базы, технологических заделов и соответственно качественных приращений в технологиях. Они концентрировались в 1-й группе, все более отрывающейся от гражданских секторов, и в 3-й группе, где они обесценивались избыточными затратами ЭСР в производствах 2-й группы; что касается гражданских конечных производств, то здесь усиливалась технологическая деградация, частично компенсируемая импортом машин и оборудования.

70-е годы: формирование "узлов напряженности" в структуре индустриальной системы

Период первой половины 70-х годов характерен тем, что впервые проявились ограничения сложившейся модели индустриального роста. В структуре экономики стали возникать "узлы напряженности", устойчиво лимитирующие развитие смежных звеньев и народного хозяйства в целом. Это отразилось на темпах экономической динамики, снижавшихся по сравнению с предыдущим пятилетием с 8 до 6% в среднем за год.

Металлургия и инвестиции. Одним из таких "узлов" стала черная металлургия. Высокая инвестиционная активность обусловила возрастающую нагрузку на производственный аппарат отрасли. Это привело к технологическому отставанию и в итоге к снижению динамики производства: среднегодовые темпы выпуска проката упали с 6 до 4%.

Ограничение со стороны конструкционных материалов на темпы роста инвестиций значительно ужесточилось. Одновременно с этим усилился отток КВ в топливно-сырьевой сектор: доля нефтегазовой промышленности, сельского хозяйства и транспорта в производственных КВ возросла за пять лет с 46 до 50%. Совпадение этих двух факторов привело к снижению темпов капитальных вложений в отрасли, определяющие структурно-технологические сдвиги в экономике (машиностроение, электроэнергетика), и ее адаптации к ресурсным ограничениям.

Сельское хозяйство. Другим "узлом напряженности" стало сельское хозяйство. Отрасль одной из первых приблизилась к рубежу, за которым наращивание ресурсных вложений не дает соответствующего эффекта. Технократический подход к развитию сельского хозяйства оказался малопригодным для компенсации сокращения занятости (так, снижение обеспеченности хозяйств кадрами механизаторов в 1971 – 1975 гг. на 7,6% сопровождалось значительным ухудшением использования техники. Попытки сохранить темпы сельскохозяйственного производства за счет расширения на 5,3% посевных площадей усилила распыленность ресурсов и т.п.). В результате динамика продукции отрасли упала по сравнению со второй половиной 60-х годов с 21 до 13%. Ухудшение сырьевой базы вызвало "цепную реакцию" в легкой и пищевой промышленности и, в свою очередь, отразилось на темпах товарооборота, снизившихся в 1,3 раза.

5. Структурный кризис индустриальной системы

Структурная ловушка

К середине 70-х годов резервы устойчивого роста советской экономики в рамках сложившейся модели индустриального развития практически исчерпались. На фоне усиливающейся зависимости экономики от обеспеченности топливом, сельскохозяйственным сырьем, металлом, инвестициями сокращались возможности адаптации народного хозяйства к ухудшающимся условиям ресурсообеспечения. Снижение темпов экономического роста, маскируемого скрытой инфляцией, сопровождалось замедлением динамики эффективности производства и реальных доходов населения (см.табл.1).

Суть структурного кризиса советской ИС состояла в том, что сложился устойчивый, самовоспроизводящийся комплекс ресурсных ограничений, который обусловливал одновременно замедление экономического роста и падение его эффективности, технологическую деградацию. Образовалась "структурная ловушка", характеристику ко-

торой дал академик Ю. В. Яременко: "Вся система жизнеобеспечения страны была страшно ресурсорасточительна. Мы все время что-то строили, закачивали в эту сферу колоссальные объемы ресурсов, но поскольку эти ресурсы были низкого качества, все, что мы строили, почти сразу разваливалось. Вследствие этого мы продолжали строить, в громадных масштабах перепотребляя первичные ресурсы. Экономика не могла выдержать такого режима" [7].

Можно выделить три узловых момента в развитии структурного кризиса ИС: инвестиционно-технологическая стагнация; рост оборонной нагрузки; деградация потребительской сферы.

Инвестиционно-технологическая стагнация. Одним из главных факторов структурного кризиса стал рост инвестиционной нагрузки на экономику страны со стороны энергопроизводящих отраслей и сельского хозяйства одновременно с усилением ограничений на воспроизводство (предложение) инвестиционных ресурсов.

Ускоренное развитие энергетики с опорой на ресурсы Западной Сибири укрепило и без того тесную связь между масштабами их добычи и экономической динамикой (см.табл.2). Наличие легко извлекаемых запасов нефти способствовало дальнейшей ориентации электроэнергетики на нефтетопливо: доля нефтепродуктов в балансе ТЭС увеличилась в 1971 – 1980 гг. с 23 до 35% (для сравнения: в США за тот же период она снизилась с 14 до 12%). При этом "дешевизна" топлива сделала неактуальным превращение энергосбережения в движущий мотив новой модернизации ИС.

С другой стороны, форсированный режим эксплуатации нефтяных запасов неизбежно привел к быстрому росту капиталоемкости нефтедобычи, динамика которой в 1981 – 1985 гг. составила 9% в год. Сходный процесс происходил и в угольной промышленности. В целом на поддержание функционирования топливных отраслей в первой половине 80-х годов было направлено около 34% прироста производственных капитальных вложений (в 1976 – 1980 гг. – 23%).

Следующим по значимости фактором повышения инвестиционной нагрузки на экономику стало ухудшение положения в продовольственном комплексе. Динамика сельскохозяйственного производства снизилась в 1976 – 1980 и 1981 – 1985 гг., соответственно, до 8,6 и 5,3% за пятилетие. Все большая часть ресурсов (КВ, удобрений и др.) шла на компенсацию выбывающего потенциала (плодородия почв, технического парка, труда), одновременно стимулируя это выбытие.

Оборотной стороной этих процессов стало, как и в ТЭК, закрепление капиталоемких способов поддержания сельскохозяйственного производства. Вовлечение в оборот низкокачественных земель обусловило развертывание мелиоративных работ. Компенсация оттока рабочей силы (в том числе скрытого, связанного с постарением занятого населения) за счет наращивания поставок низкокачественной сельско-

[7] Яременко Ю. В. Экономические беседы (январь – апрель 1993 г.). М., 1993, беседа 4.

хозяйственной техники определила "размен" снижения дефицита труда в строительстве и промышленности на дополнительные инвестиции в сельское хозяйство.

Одновременно с усилением народнохозяйственного спроса на инвестиции их рост стал испытывать ограничения со стороны конструкционных материалов.

Из-за крайней изношенности производственного аппарата и консервации отсталых технологий (в середине 80-х годов более 60% прокатных станов и 25% сталеплавильного оборудования не соответствовали современным стандартам и подлежали замене) черная металлургия не могла обеспечить адекватное инвестиционному спросу наращивание выпуска металла. Темпы прироста проката снизились в 1976 – 1985 гг. до 1% в год.

Другим фактором, ограничивающим предложение инвестиционных ресурсов, стал строительный потенциал.

Многолетняя стагнация производства строительных материалов (в течение десяти лет, 1976 – 1985 гг., капитальные вложения в отрасль практически не возрастали, см. табл. 3) сопровождалась к тому же исчерпанием потенциала экономии труда в строительстве за счет массового применения сборного железобетона. В этих условиях падение темпов прироста занятых в строительстве с 3,2% в год в 1976 – 1980 гг. до 1,2% в год в 1981 – 1985 гг. не могло не оказать серьезного воздействия на динамику строительно-монтажных работ: в 1976 – 1980 гг. их объем практически стабилизировался, в 1981 – 1985 гг. рост составил всего 7,3% за пять лет.

Изменения в спросе и предложении КВ деформировали механизм инвестиционного обеспечения индустриального развития.

Приоритеты капитальных вложений смещались в сторону первичных секторов. Соответственно стали расширяться производственные области, длительное время лишенные необходимой инвестиционной поддержки, вследствие чего в них началась технологическая деградация. К ним можно отнести в первую очередь потребительский комплекс и производство конструкционных материалов (черная металлургия, промышленность стройматериалов).

Одновременно происходили труднообратимые изменения в инвестиционном комплексе, связанные со снижением его гибкости и адаптивных возможностей. Машиностроение все больше утрачивало черты, необходимые для обеспечения структурно-технологического обновления ИС и генерирования качественных приращений в технологиях: усиливалось отставание приборостроения, электротехники.

Рост оборонной нагрузки. Созданный в СССР потенциал ВПК к концу 80-х годов превосходил потенциал гражданского машиностроения в 2 – 3 раза. Он включал: высококвалифицированные кадры (9 – 10 млн. человек); мощный производственный аппарат высокого уровня, оцениваемый в 120 – 140 млрд. руб.; развитую базу НИОКР (расходы на оборонные НИОКР в 5 – 7 раз превышали уровень гражданских).

Следует отметить, что в структурном кризисе советской ИС воздействие ВПК на экономику имело двойственный характер.

С одной стороны, начиная с 60-х годов советская экономика испытывала постоянное давление военных расходов, которое нарастало в 70-е годы и достигло особо крупных масштабов в 1981 – 1985 гг. По оценке, в первой половине 80-х годов среднегодовые темпы прироста выпуска вооружений опережали темпы прироста машиностроительной продукции в 2,4 раза. К концу 80-х годов доля расходов на оборону в ВВП, с учетом фактических затрат на производство вооружений, составила около 15% (табл. 4), в то время как в США – 5 – 6%.

Таблица 4. **Оборонные расходы СССР в 1990 г. (млрд. руб.)**

	A	B
Оборонные расходы, всего	70	138
в том числе:		
закупка вооружений и военной техники	31	77
закупка гражданской техники для Минобороны		10
проведение НИОКР	13	13
содержание армии и флота	19	19
военное строительство	4	4
пенсии	2	2
расходы на воинские части МВД, КГБ и др.		9
расходы на гражданскую оборону, подготовку резерва и др.	1	
расходы на стратегические резервы материальных ресурсов		2
прочее	1	1
ВВП (в факторных ценах, без доходов от внешней торговли)	921	921
доля оборонных расходов в ВВП, %	8	15

A: проект оборонных расходов на 1990 г.

B: оценка фактического объема оборонных расходов с учетом реальных затрат на производство военной техники.

ВВП пересчитан в факторные цены с учетом косвенных налогов и дотаций, очищенных от необоснованного включения доходов от внешней торговли. В расчетах использованы данные М. Л. Шухгальтер.

С другой стороны, ВПК был так или иначе встроен в общую систему воспроизводства. Практически он стал анклавом, где развивалось производство сложной бытовой техники и оборудования для потребительского сектора. В конце 80-х годов в нем был сосредоточен выпуск 98 – 100% телевизоров, видео- и аудиомагнитофонов, холодильников, 66% стиральных машин, более 80% медицинской техники, 75 – 90% оборудования для легкой и пищевой промышленности. Кроме того, ВПК был включен в систему воспроизводства качественных и наукоемких производственно-технических ресурсов: там было сосредоточено производство 70 – 100% проката цветных металлов (в т.ч. около 95% алюминиевого проката), 95% вычислительной техники, около 90% дизелей и т.п.

Главные последствия воздействия оборонной нагрузки на экономику состояли в сужении экономического пространства для развития гражданского машиностроения. ВПК подчинил целям и логике своего развития воспроизводство качественных видов ресурсов, значительную часть научно-технического и инновационного потенциала советской эко-

номики; тем самым гражданские производства практически оказались лишены возможности качественного обновления, следствием чего стала усиливающаяся технологическая дифференциация секторов машиностроения. Став придатком оборонной промышленности, производство ТС ТДП развивалось преимущественно по остаточному принципу.

Деградация потребительской сферы. Замедление динамики экономического роста, связанное с исчерпанием потенциала индустриальной системы, отразилось на динамике доходов населения, среднегодовые темпы прироста которых в 1976 – 1985 гг. снизились по сравнению с концом 60-х годов почти в 2 раза. К этому следует добавить резкое замедление темпов жилищного строительства: годовые вводы жилья (на 10 тыс. человек) упали за период 70-х годов почти на 10%. Эти факторы: низкий уровень личных доходов и обострившийся дефицит жилья послужили серьезным препятствием для перехода на новую модель потребления, формирования (со стороны спроса) стимулов к развитию производства сложной бытовой техники и соответственно начала новой потребительски-ориентированной модернизации ИС.

Одновременно с этим в 1976 – 1985 гг. обострились внутренние диспропорции в АПК, ухудшилось сырьевое обеспечение легкой и пищевой промышленности.

Динамика сельскохозяйственного производства снизилась в 1976 – 1980 и 1981 – 1985 гг. соответственно до 8,6 и 5,3% за пятилетие. Возможности наращивания валовых сборов зерна за счет расширения посевных площадей были исчерпаны; в то же время вовлечение в оборот низкокачественных земель способствовало распылению материальных и трудовых ресурсов и снижению отдачи их использования, а также развертыванию капиталоемких мелиоративных работ.

Аналогично попытки решить продовольственную проблему за счет увеличения поголовья скота (1976 – 1980 гг. на 7,8%, 1981 – 1985 гг. на 5,3%) без адекватного развития кормовой базы лишь ухудшили его кормообеспеченность. Это обесценило усилия по ускорению производства продукции животноводства, темпы прироста которой резко упали: с 17,3% в 1971 – 1975 гг. до 7,9 и 7,5% в 1976 – 1980 гг. и 1981 – 1985 гг. Зато появился еще один "сельскохозяйственный" фактор инвестиционного спроса, связанный с развертыванием массового строительства животноводческих помещений. Резко ухудшалось технико-технологическое оснащение потребительского сектора промышленности. В середине 80-х годов в относительно молодом техническом парке легкой и пищевой промышленности, где доля оборудования старше 20 лет составила соответственно 11 и 4%, удельный вес оборудования, не отвечающего современному уровню и подлежащего замене, достиг 43 и 39%. При этом 40 – 60% потребности этих отраслей в машинах и оборудовании покрывалось за счет импорта.

Таким образом, со 2-й половины 70-х годов стала разрушаться согласованность между целями, технологической структурой и ресурсным обеспечением индустриального роста, поддерживаемая за счет ин-

вестиций. В советской ИС сложился порочный круг расширенного воспроизведения технологической отсталости. Высокая потребность в ЭСР, обусловленная утяжеленной структурой экономики и ее технологической отсталостью, вела к перегрузке инвестиционных отраслей. Это препятствовало их качественному совершенствованию и обновлению выпускаемой техники. В свою очередь, тиражирование морально устаревших и материалоемких машин и оборудования, длительные сроки и низкое качество строительства, отсталая структура конструкционных материалов не только сами по себе были сопряжены с избыточным потреблением первичных ресурсов, но и стали основой расширения устаревших технологий.

"Стабилизирующие зоны" в советской индустриальной системе

Обострение структурно-технологической напряженности советской экономики обусловило функциональное "перерождение" отдельных звеньев (зон) экономики, которые начали играть роль своеобразных компенсаторов структурно-технологического неравновесия: поддерживать соответствие между технологическими сдвигами, ресурсным обеспечением и динамикой непроизводственного потребления. К таким зонам относятся прежде всего внешняя торговля (и сопряженные с ней ТЭК и инвестиционный комплекс) и атомная энергетика (и сопряженное с ней атомное машиностроение).

Внешняя торговля. Создание крупных заделов в топливных отраслях и благоприятная конъюнктура мирового рынка (особенно после скачка цен на нефть в 1973 и 1979 гг.) обеспечили уникальную возможность "размена" капитальных вложений в базовые отрасли на качественные виды инвестиционных и потребительских ресурсов, импортируемых в обмен на экспорт энергоносителей и сырья (табл. 5).

Во многом за счет внешней торговли осуществлялось техническое оснащение потребительского сектора, металлургии, химической промышленности. В 1981 – 1985 гг. при среднем уровне импорта в капитальных вложениях 30 – 37% по прокатному оборудованию он составил 65 – 66%, химическому оборудованию – 55 – 68%, оборудованию для потребительских отраслей – около 50%.

Существенную роль внешняя торговля сыграла в сохранении сложившейся модели потребления.

Таблица 5. **Импорт инвестиционных и потребительских товаров**

	1970г.	1975г.	1980г.	1985г.
Импорт машин и оборудования, млрд. руб.	3,4	8,1	14,2	22,8
Доля импорта в оборудовании в капвложениях, %	13,4	21,0	30,4	36,6
Импорт потребительских товаров, млрд. руб.	14,2	22,9	33,6	48,5
Доля импорта в товарообороте, %	9,1	10,9	12,4	15,0

Замедление развития отраслей потребительского комплекса повысило нагрузку на внешние источники покрытия спроса, обусловив при этом ориентацию импорта товаров народного потребления преимущественно (на 75 – 80%) на предметы первой необходимости. Тем самым импорт потребительских благ оказался сориентирован на сдерживание сдвигов в системе потребительских стандартов. Более того: требования внешнеторговой сбалансированности определили необходимость масштабного встречного экспорта ТС ТДП, прежде всего в страны СЭВ. К 1985 г. экспорт ТС ТДП достиг 11 – 12% объема их внутренних продаж, в т.ч. автомобилей – 17%, радиотоваров – 18%, холодильников – 26%. Происходил фактический обмен наиболее качественных видов ТС ТДП на импорт товаров первой необходимости, что препятствовало перестройке сложившейся системы потребительских стандартов.

Атомная энергетика. В рамках структурного кризиса ИС электроэнергетика столкнулась с необходимостью: 1) обеспечить высвобождение топлива для наращивания экспорта; 2) в условиях инвестиционных ограничений поддерживать динамику выработки электроэнергии, одновременно преобразуя топливную базу отрасли. Способом решения этих проблем стало ускоренное развитие атомной энергетики: доля прироста мощностей АЭС (в общем приросте мощностей в электроэнергетике) удваивалась за каждое пятилетие (1971 – 1975 гг. – 7,4%, 1976 – 1980 гг. – 15,8%, 1981 – 1985 гг. – 32,5%). К 1985 г. по доле атомной электроэнергии в ее общей выработке (10,8%) СССР достиг уровня США 1980 г.

Односторонняя стратегия ускоренного развертывания АЭС позволила временно преодолеть ограничение индустриального роста со стороны электроэнергетики и смягчить остроту проблемы ее топливного обеспечения. В то же время концентрация производства электроэнергии на неманевренных АЭС послужила дополнительным фактором, спроецирующим общий структурный кризис воспроизводства на тенденции электрообеспечения страны. Снижение маневренности энергетики усилило необходимость масштабной переброски электроэнергии на дальние расстояния (что сопряжено с ее большими потерями). Одновременно с хроническим недостатком резервных мощностей обострился эффект "запертых мощностей" (невозможности из-за недостаточной пропускной способности сетей использования недогруженных мощностей в одних регионах страны для снижения нагрузки в других регионах).

Структурный кризис ИС и инфляция

Обострение структурного неравновесия в 80-е годы резко повысило нагрузку на финансовые "компенсаторы", препятствующие развертыванию инфляции издержек. Такими компенсаторами служили: а) низкие цены на топливо и сырье, дополненные бюджетным перераспределением финансовых ресурсов в первичные секторы экономики; б) завышенный курс рубля, позволяющий поддерживать низкие цены на импорт производственных ресурсов при высокой (300 – 500%) валютной эффективности потребительского импорта.

По мере углубления структурного кризиса расширение финансовой поддержки топливно-сырьевого сектора наложилось на тенденцию затухания экономического роста (что сузило доходную базу бюджета) и замедление динамики эффективности. Масштаб финансового перераспределения непрерывно возрастал: в 1976 – 1980 гг. финансовый дефицит топливно-сырьевых отраслей составлял 50 млрд. руб. в год, в 1981 – 1985 гг. – 70 млрд. руб., в 1986 – 1990 гг. – 90 – 100 млрд. руб.

Эти процессы привели к нарастающей перегрузке бюджета, усиливаемой параллельной реализацией крупных оборонных и социальных программ. Для расширения финансовых возможностей государства стал использоваться кредит, покрывающий недостаток финансовых ресурсов в бюджете и в обороте предприятий (табл. 6). Взаимодействие между энергосырьевым сектором, конечными отраслями и ВПК обеспечивалось за счет масштабной кредитной эмиссии, порождающей инфляцию спроса.

Таблица 6. **Использование кредита для покрытия дефицита финансовых ресурсов (на конец года, млрд. руб.)**

	1980г.	1985г.	1988г.	1989г.	1990г.	1991г.
Использование кредита для покрытия финансового дефицита	120	177	298	384	597	959
бюджета	78	118	298	390	580	974
предприятий	42	59	0	−6	17	−15
в % к кредитным вложениям	29	28	42	49	63	55
Вынужденные сбережения населения	42	72	125	186	236	430
в % к товарообороту	16	22	34	46	50	54
Денежная масса (М1)		496	596	658	756	1345
в % к ВВП		64	68	70	76	

Примечание: знак "минус" означает использование финансовых ресурсов предприятий в сокращение кредита и увеличение кредиторской задолженности, замещающей кредит.

Инфляция в советской экономике стала составной частью структурного кризиса воспроизводства, проекцией ресурсно-технологических диспропорций в сферу денежного обращения и без нормализации структуры экономики в принципе непреодолима. Ликвидация финансовых компенсаторов (либерализация цен, повышение цен на энергоносители и сырье, переход к плавающему валютному курсу) позволяет снизить нагрузку на бюджет и, в сочетании с жесткой монетарной и бюджетной политикой, подавить инфляцию спроса и достичь макроэкономического равновесия; однако эти же меры резко усиливают инфляцию издержек, ускоряющую спад производства.

В конце 70-х – 1-й половине 80-х годов проявлением структурного кризиса ИС стали многочисленные локальные спады производства: в добыче угля (1979 – 1981 гг. – 2,7%) и нефти (1984 – 1985 гг. – 3,4%),

выпуске готового проката (1979 – 1982 гг. – 2,9%) и других ресурсов, в перевозках железнодорожного транспорта (1979 г. – 2,3%, 1982 г. – 1%), стагнация в объемах строительно-монтажных работ (СМР) в 1978 – 1980 гг.

"Взрыв" структурных противоречий отражал не только критический уровень деформации ИС, но и запаздывание в ее модернизации: отставание в формировании нового "структурного ядра" экономики и новой потребительски-ориентированной модели индустриального развития. Период 80-х годов можно охарактеризовать как "десятилетие упущенных возможностей". Мягкий переход к модели индустриального развития, опирающейся на новые потребительские ориентиры, мог быть осуществлен с конца 70-х годов, когда благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура позволяла мобилизовать качественные ресурсы для формирования нового "структурного ядра" экономики, создать новый потенциал ее развития. Однако поворот к "обществу благосостояния" не состоялся, и это во многом предопределило глобальный кризисный спад конца 80-х годов.

Конец 80-х: тенденция экономического спада

Во 2-й половине 80-х годов, после кратковременного рывка, вызванного "политикой ускорения" (1986 – 1987 гг.), кризис приобрел открытый характер. В рамках сложившейся производственно-технологической структуры стало невозможно поддерживать сбалансированный обмен ресурсами между энергосырьевым сектором, гражданскими конечными производствами (инвестиционные и потребительские отрасли) и ВПК без наращивания внешней задолженности и сокращения непроизводственного потребления.

Перелом, качественное изменение режима воспроизводства произошло в 1988 – 1989 гг. Одним из главных проявлений новой фазы в функционировании индустриальной системы стала асинхронность в динамике отраслей промышленности, выпускающих продукцию производственного и потребительского назначения, что позволило экономике временно адаптироваться к сокращению темпов выпуска ЭСР и избежать общего спада производства.

Импульс "ускорения" (1986 – 1987 гг.), вызвавший перенапряжение в производстве ЭСР и конструкционных материалов, обусловил начиная с 1988 – 1989 гг. тенденцию к резкому замедлению (а затем и к сокращению) выпуска базовых ресурсов. Одновременно начавшиеся институциональные реформы значительно усилили инфляцию как в подавленной (неудовлетворенный спрос), так и в ценовой форме.

Изменения макротенденции наиболее отчетливо проявились в сфере конечного потребления, в структуре использования ВВП. В 1988 г. началось опережающее накопление избыточных запасов во всех секторах экономики (производстве, капитальном строительстве, домашних хозяйствах). Практически в 1988 – 1990 гг. народное хозяйство работало на увеличение запасов при сжимающемся реальном объеме конечного потребления произведенных ресурсов (табл. 7).

Таблица 7. **Экономическая динамика в 1987 – 1993 гг. (темпы прироста, %)**

	1988	1989	1990	1991	1992	1993
1.Валовой внутренний продукт						
а) в методологии Госкомстата	5.5	3.0	–2.0	–13	–19	–12
б) с учетом скрытого роста цен, без поступлений от внешней торговли и производства алкоголя	2.2	1.3	–3.4	–10	–22	
в) реально использованный ВВП	3.2	–7.7	–9.3	–8	–27	
2.Капитальные вложения	3.4	1.5	–5.3	–15	–40	–16
3.Личное потребление	0.9	–0.6	–2.2	–3	–3	+2
4.Инфляция (включая подавленную)	11	14	17	128	1560	940

Экономика отреагировала на замедление динамики ЭСР свертыванием выпуска продукции производственно-технического назначения (прежде всего машин и оборудования) при сохранении общего роста производства потребительских товаров (по оценке, спад в группе "А" составил в 1987 – 1988 гг. около – 1% в год, в 1989 г. – 4 – 5%). Однако отмеченный "структурный маневр" не сопровождался качественной структурно-технологической перестройкой экономики, которая позволила бы снизить спрос на ЭСР и инвестиции. Расширяющаяся "вилка" в динамике групп "А" и "Б" обусловила возрастание нагрузки на внешнюю торговлю, увеличение импорта производственных ресурсов (1988 – 1989 гг. – 16,4%). В условиях быстрого снижения экспортного потенциала это привело к дефициту торгового баланса (1989 г. – 3,4 млрд. руб., или 5% экспорта, 1990 г. – 10 млрд. руб., 16%).

Можно отметить два "сопутствующих" результата нового режима функционирования ИС.

Во-первых, своеобразным отражением "роста эффективности" в 1988 – 1989 гг. стал валютный кризис, в который страна вступила в 90-е годы. К началу 1991 г. внешний долг достиг, по разным оценкам, 60 – 65 млрд. долл. (1987 г. – 39 млрд. долл.), а платежи по его обслуживанию – 23% экспорта в СКВ.

Во-вторых, образовался мощный накопленный (кумулятивный) потенциал глобального спада, который стал практически неизбежен. Его черед наступил в 1991 г.: масштаб сокращения ВВП по сравнению с предшествующим годом практически утроился.

Резкое (–10%, см. табл. 7) падение производства в 1991 г., свидетельствующее о серьезном "сбое" индустриальной системы, было вызвано рядом причин, однако решающую роль сыграл "внешнеторговый шок". Снижение экспортного потенциала и рост внешнего долга обусловили сокращение импорта на – 48%. По оценкам, действие этого фактора увеличило спад в машиностроении, химии и потребительских отраслях на 3 – 4 проц. пункта, а в целом ресурсов конечного потребления (включая импорт готовых изделий) – на 8 проц. пунктов.

6. Экономические реформы: новая фаза структурного кризиса

Макротенденции

Радикальное реформирование экономики, начавшееся с шокового скачка оптовых и потребительских цен и ужесточения бюджетной и монетарной политики, не только вызвало усиление кризисных тенденций, но и качественно изменило их механизм. Резкое дефляционное сжатие спроса обусловило переход от ресурсно-ограниченной к спросо-ограниченной модели воспроизводства.

Это проявилось в соотношении "ресурсных" и "спросовых" факторов спада производства. В отличие от предшествующего периода, доминирующим фактором экономической динамики стало сокращение конечного спроса. В 1991 г. ресурсные ограничения (сокращение энергосырьевых ресурсов) обусловили спад ВВП на 7 проц. пунктов (64% его общего снижения), а спросовые факторы (действующие в инвестиционной сфере и в потребительской сфере в середине года) – на 1% (9%). В 1992 г. на долю "ресурсных" факторов пришлось не более 1/3 общего спада ВВП (7 проц. пунктов, 32% спада). Напротив, вес "спросовых" факторов возрос до 55 – 59%, они обусловили сокращение ВВП на 13 проц. пунктов.

Наиболее сильный дефляционный удар пришелся по инвестиционному сектору: при общем сокращении ВВП на 19% капитальные вложения снизились на 40% (см. табл. 7). Начался стихийный процесс сокращения основных производственных фондов (особенно в обрабатывающей промышленности) параллельно с ухудшением их состояния (нарастание износа и т.п.).

Стагфляционная ловушка. В результате "дефляционного шока" в экономике России возник глубокий разрыв (оцениваемый в 1992 г. в 12 – 14 проц. пунктов) между сжатием спроса и фактическим сокращением производства. Этот разрыв балансировался ростом запасов и взаимных неплатежей предприятий. Негативное воздействие этого разрыва на макротенденции (производства и инфляции) обострялось вследствие разной эластичности цен от спроса при его сжатии и расширении. В условиях инфляции издержек, доминирующей в 1-й половине 1992 и в 1993 г. сжатие спроса мало отразилось на динамике цен: оно вызвало "кризис реализации" и усилило спад. Напротив, на расширение платежеспособного спроса цены реагируют повышением, накладывающимся на удорожание затрат.

Ситуация "стагфляционной ловушки" имеет для экономики два следствия. Во-первых, выход из нее неизбежно сопряжен с ухудшением экономической конъюнктуры (либо углубление спада – либо, при "накачке" спроса, новый виток инфляции). Во-вторых, она "растягивает" кризис, придает ему затяжной, стагнационный характер.

Структурные сдвиги в производстве. В 1992 – 1994 гг. в промышленности России обозначились "зоны спада", где тенденция сокращения производства преобладает над тенденцией стабилизации. К ним относятся:

– выпуск продукции для техперевооружения и повышения технического уровня машиностроения. Электротехника и приборы: спад за четыре года составил 64%;
– инвестиционные ресурсы: стройматериалы – 60%,
оборудование – 63%;
– конечная продукция химии: пластмассы – 59%,
химволокна и нити – 67%;
– товары легкой промышленности (спад – 50%).

Падение эффективности воспроизводства. Спад в производстве сопровождается быстрым ростом его энергоемкости (табл. 8). Факторами увеличения энергоемкости стали: а) "утяжеление" экономики России, структурный сдвиг в сторону энергоемких (первичных и промежуточных) производств; б) неэластичное снижение потребления энергии и топлива при падении производства; в) ухудшение состояния производственного аппарата, повышение его износа.

Таблица 8. **Изменение энергоемкости конечного продукта (темпы прироста, %)**

	1991 г.	1992 г.	1993 г.
Энергоемкость конечного продукта	+2	+9	+5

Деиндустриализация экономики

Качественно новым моментом кризиса стали деиндустриализация экономики России, наметившийся структурный сдвиг в сторону топливного и аграрного секторов. Следует подчеркнуть, что институциональные причины (разрыв хозяйственных связей и т.п.), оказывающие заметное воздействие на высокотехнологичные производства в начале реформ, к концу 1992 – началу 1993 г. утратили свою роль.

Отмеченные сдвиги поддерживаются главным образом двумя устойчивыми факторами: 1) "проседанием" инвестиционного спроса, что, в свою очередь, корреспондирует с ухудшением финансового положения производителей и высокими темпами инфляции, и 2) все большим замыканием производства на внешний рынок (через экспорт и привязку внутренних цен к валютному курсу), где преимущество имеют топливный и промежуточный секторы промышленности.

Спад производства в начале 1994 г. (20% за первый квартал) стал новым крупным шагом по пути деиндустриализации российской экономики. Как и раньше, основная тяжесть кризиса пришлась на машиностроение, где производство продукции, составляющей около половины валового выпуска этой отрасли, сократилось на 55% и более. Резко усилилась дифференциация отраслей по глубине спада. На одном полюсе (спад более 40%), как и прежде, оказались производители основных видов инвестиционного оборудования, высокотехнологичной продукции для качественного обновления техники (приборы, электротехника), конечная продукция химического комплекса (химволокна). На другом (спад менее 25%) – энергоресурсы, сырье для металлургии, традиционные виды химической продукции (минудобрения), продукты питания.

В результате усилившейся дифференциации секторов по глубине спада российская экономика столкнулась с новой проблемой. Речь идет о резко обострившейся ресурсной и технологической несопряженности между секторами, проявившейся уже и на макроуровне. В случае дальнейшей общей стагнации легко просматриваются следующие этапы развития этой ситуации:

– закрепление дифференциации спада через механизм ценовых пропорций и финансовых взаимодействий;

– быстрое (за один-два года) вымывание инвестиционного сектора из российской экономики;

– образование слабо взаимодействующих анклавов производств (с короткими хозяйственными связями), адаптирующихся к сокращению инвестиций за счет снижения капиталоемкости. Последнее может быть достигнуто лишь за счет массового сброса мощностей. Там, где резервы снижения капиталоемкости малы (ТЭК, инфраструктура, сельское хозяйство), – наращивание экспорта, импорт капиталов или свертывание производства.

7. Среднесрочные сценарии развития российской экономики

Можно выделить пять базовых сценариев развития страны в среднесрочной перспективе. Их перечень определяется двумя ключевыми факторами.

Во-первых, **особенностями сложившейся "стартовой" ситуации**, характеризующейся:

– обострившимся в результате промышленного спада (начало 1994 г.) *структурным неравновесием* (разрыв в динамике производства в топливных и обрабатывающих отраслях, между конечным спросом и промышленным производством);

– *структурной депрессией*: разнонаправленными тенденциями в промышленном производстве, создающими в совокупности картину стабилизации (увеличение выпуска стройматериалов, продукции черной металлургии и автомобилестроения; стабилизация в топливной промышленности и производстве продуктов питания; продолжающийся спад в химической промышленности, легкой промышленности, производстве бытовой техники);

– *неустойчивой затухающей тенденцией снижения темпов инфляции;*

– *критической недогрузкой производственного потенциала*: мощностей и занятых. Уровень загрузки мощностей в промышленности составит за 1994 г. 42 – 45% (1991 г. – 74%), в машиностроении – 32 – 40% (71%), в легкой промышленности – 38 – 42%;

– *резким ценовым диспаритетом между сельским хозяйством и промышленностью*. Это ведет к перекачке финансовых ресурсов из аграрного сектора в ТЭК и сферу услуг, компенсируемой дотациями;

– *тенденцией снижения мощностей*, более медленного, чем спад производства (за 4 года снижение мощностей составило около 18%, в том числе в черной металлургии – около 10%, химико-лесном комплексе и машиностроении – 15 – 20%);

– *тенденцией ухудшения внешнеэкономического положения страны*, несмотря на устойчивое положительное сальдо внешней торговли.

Во-вторых, **стратегическими (среднесрочными) экономическими угрозами**, к которым относятся:

– *глобальное отставание от стран Запада*. Переход кризиса в фазу стагнации происходит на фоне достаточно динамичного развития западных стран. С учетом того, что промышленный спад в России за 1991 – 1994 гг. составит не менее 42 – 45%, альтернативой безнадежного отставания России является выход ее в 1998 – 2000 гг. на траекторию роста 5 – 6% в год;

– *безработица*. К началу 1995 г. уровень безработицы оценивается в 6 – 7 млн. чел. (в методологии МОТ), т.е. 8 – 9% экономически активного населения. Потенциал безработицы составит 14 – 15%. С учетом этого продолжение спада в 1995 – 1996 гг. может увеличить безработицу до 17 – 18%, а по отдельным регионам до 25%;

– *адаптация к инвестиционному спаду и сокращение мощностей*. Их наличие начиная с 1997 – 1998 гг. станет одним из главных лимитирующих факторов развития. До этого времени будет происходить ускоренное выбытие мощностей до уровня 60 – 70% их загрузки. Поэтому темпы спада (подъема) производства в ближайшие два года будут во многом определять сохранение мощностного потенциала в будущем и соответственно динамику производства в среднесрочной перспективе;

– *утрата ресурсного потенциала*, диспропорция между потреблением ресурсов и созданием заделов (развитием ресурсной базы). Адаптация к финансовым ограничениям идет за счет опережающего сокращения вложений в ресурсные заделы. Нефте- и газодобыча: в разработку вовлечено 60 – 70% разведанных запасов; цветная металлургия: прирост запасов покрывает объемы добычи на 40 – 70%; сельское хозяйство: темпы снижения плодородия почв утроились по сравнению с серединой 80-х годов;

– *бюджетный дефицит и инфляция*. При сложившихся соотношениях цен, валютного курса и производства дефицит консолидированного бюджета запрограммирован на уровне порядка 8 – 10% ВВП. Предельный уровень доходов, определяемый налоговой базой, составляет 40 – 42% ВВП, расходов (без увеличения спада производства) – около 50% ВВП (в рамках этого возможен размен между бюджетами разных уровней и внебюджетными фондами). Это означает, что темп инфляции задан не ниже 3 – 4% в месяц;

– *внешний долг* России превзошел критический уровень, после которого его рост происходит практически автоматически и регулируется в основном кредиторами (реструктурирование долга).

1-й сценарий (инерционный вариант)

Содержание. Плавное снижение динамики цен до 60 – 80% за год (4 – 5% в месяц) в 1995 – 1996 гг. при стабилизации ценовых пропорций (темпы роста цен в сельском хозяйстве и топливных отраслях ниже среднего уровня в промышленности). Сдерживание бюджетного дефицита в пределах 8 – 10% ВВП с выходом к 2000 г. на уровень 5%. Периодическая девальвация рубля при слабо выраженной тенденции к росту его реального курса: 80 – 90% темпов инфляции (ориентиры: цены на продукцию обрабатывающей промышленности удерживаются в пределах 110 – 120% мировых, на энергоресурсы – не выше 60 – 70% мировых). Стабилизация реальных доходов населения (рост в пределах 1 – 4% в год). Этому сценарию соответствует сокращение промышлен-

ного производства в 1995 г. на 9% с последующим ростом в 1996 – 1997 гг. на 1 – 2% в год и в 1998 – 2000 гг. на 4 – 4,5% в год. Снижение промышленных мощностей в 1995 – 1996 гг. до 50 – 60% от уровня 1990 г. с последующим ростом на 2 – 3% в год. Повышение (хотя и медленное) реальных доходов при низких темпах роста производства, а также относительно жесткая монетарная и бюджетная политика будут сопровождаться стагнацией накоплений в реальном секторе и соответственно инвестиций. Адаптация производства к низкому уровню капитальных вложений будет происходить прежде всего за счет сокращения производственных мощностей, причем можно ожидать, что в 1995 г. произойдет их резкий сброс (31%, табл. 9).

Ключевые угрозы. Закрепление структурных диспропорций: перепроизводство топлива (по сравнению с внутренними потребностями), недостаток инвестиций для поддержания уровня мощностей, усиливающийся дефицит сельскохозяйственной продукции. Деградация сельского хозяйства, связанная с закреплением его ценового диспаритета с промышленностью. Вероятный рост безработицы в 1995 – 1996 гг., стабилизация ее на уровне 12 – 14%. Рост внешней задолженности на фоне усиливающейся зависимости потребления от импорта. Потеря внутреннего рынка для отечественных производителей.

Вероятное развитие. В 1995 – 1996 гг. – резкое сокращение мощностей, сопровождающееся высвобождением занятых. Быстрое (за один-два года) вымывание инвестиционного сектора из российской экономики. Образование слабо взаимодействующих анклавов (с короткими хозяйственными связями), адаптирующихся к сокращению инвестиций за счет снижения капиталоемкости вследствие сброса мощностей. Там, где резервы снижения капиталоемкости малы (ТЭК, инфраструктура, сельское хозяйство), – наращивание экспорта, импорт капиталов или свертывание производства.

2-й сценарий (вариант жесткой финансовой стабилизации)

Содержание. Ужесточение финансовой политики (1995 – 1996 гг.) с целью снижения темпов инфляции до 30 – 40% за год (2 – 3% в месяц). Сокращение бюджетного дефицита в 1995 – 1996 гг. до 5% ВВП и в 1997 – 2000 гг. – до 3% ВВП. Рост реального обменного курса рубля, оказывающий антиинфляционное воздействие, препятствующий монетизации экономики и стимулирующий приток капитала из-за рубежа.

В рамках этого сценария спад промышленного производства составит в 1995 г. около 12%, причем затронет и экспортноориентированные секторы (из-за падения их конкурентоспособности в связи с ростом курса рубля). Тенденция сокращения производства продолжится до 1997 г. Ускорится вытеснение отечественных товаропроизводителей с внутреннего рынка. В связи с ростом безработицы начиная с 1997 г. наметится снижение реальных доходов.

Ключевые угрозы. Продолжение промышленного спада еще три года, разрушение промышленного потенциала. К 2000 г. производство составит 44%, а мощности – 49% от предкризисного (1990 г.) уровня. Резко интенсифицируется выбытие занятости, безработица в 1996 – 1997 гг. может достичь 17 – 18%. Быстрый рост внешнего долга.

Вероятное развитие. Продолжение спада в 1995 – 1997 гг. резко усилит центробежные тенденции, регионализацию экономики и неиз-

бежно региональную дифференциацию. Усилятся социальная дифференциация и социальные противоречия. В 1998 – 2000 гг. спад производства сменится умеренным ростом со средним темпом 3% в год, опирающимся главным образом на иностранные инвестиции.

3-й сценарий (потребительски-ориентированный вариант)

Содержание. Основной момент: рост реальных доходов населения (5 – 8% в год) и стимулирование его накоплений. Увеличение нормы организованных сбережений с 4% ВВП (1994 г.) до 5 – 6% ВВП в 1996 – 1997 гг. и 7 – 8% ВВП в 1998 – 2000 гг. (соответственно 8,2%, 9 – 11% и 11 – 13% располагаемых доходов населения). Это позволит расширить инфляционно безопасную государственную поддержку экономики (инвестиции и госзакупки) до уровня 10 – 12% бюджетного дефицита. Инфляция в 1995 – 1996 гг. в рамках данного сценария оценивается в 80 – 100% (5 – 6% в месяц). Условиями реализации данного сценария являются положительная реальная ставка по кредитам и депозитам и рост реального курса рубля.

По производственным параметрам этот сценарий близок к первому (2% ежегодного прироста производства в 1996 – 1997 гг., 4% – в 1998 – 2000 гг.).

Ключевые угрозы. Усиление структурного неравновесия: вымывание инвестиционного сектора. Рост внешней задолженности и потеря внутреннего рынка.

Вероятное развитие. В 1995 г. стимулирование потребительского спроса и рост накоплений у населения позволят расширить спрос и ограничить спад промышленного производства уровнем 5%. В 1996 – 1997 гг. вероятно продолжение структурной депрессии: рост производства в потребительски-ориентированных секторах (пищевая промышленность, жилищное строительство) при продолжении спада в инвестиционных секторах. К 2000 г. уровень мощностей составит примерно 2/3 от предкризисного производства – 55%.

4-й сценарий (производственно-ориентированный вариант)

Содержание. Основные моменты: выход производства на максимальный уровень, определяемый выпуском первичных ресурсов (энергоносители, сельскохозяйственная продукция), динамикой мощностей, а также инерцией; стимулирование накоплений в реальном секторе; антиинфляционный эффект от расширения производства. Рост накоплений в товарном производстве обеспечивается за счет изменения структуры цен в пользу обрабатывающих отраслей (регулирование цен, переговорный процесс между производителями) и сдерживания реальных доходов населения (95 – 97% роста в год). Стимулирование экспорта и защита внутреннего рынка за счет управляемого снижения валютного курса. Расширение государственного финансирования экономики до 10 – 12% ВВП.

Ключевые угрозы. Неуправляемый рост бюджетного дефицита. Выход инфляции из-под контроля.

Вероятное развитие. В 1995 г. потенциальный (ресурсо-ограниченный уровень производства) оценивается в +5% к 1994 г. При бюджетном дефиците в 10 – 12% ВВП и снижении реального курса рубля регулирование цен на энергоресурсы и транспортные тарифы позволит ограничить инфляцию 100 – 130% за год (6 – 7% в месяц). В 1996 – 1997 гг. возможно расширение производства до 12 – 13% в год с последующим выходом на траекторию устойчивого роста до 2000 г. с темпом 6% в год. К 2000 г. мощности составят 90% от предкризисного уровня, а промышленное производство почти 80%.

5-й сценарий (инфляционно-инерционный вариант)

Содержание. Потеря контроля над бюджетом и кредитной эмиссией, рост бюджетного дефицита свыше 15 – 17% ВВП. Формирование механизма инфляционной инерции: автоматическая переоценка материальных и финансовых активов, индексация контрактов, отрицательная реальная ставка рефинансирования, падение реального валютного курса.

Ключевые угрозы. Гиперинфляция, возврат к 25 – 30% ежемесячного роста цен. Падение реальных доходов населения. Защита региональных рынков и вследствие этого усиление центробежных тенденций. Формирование механизмов стагнации производства.

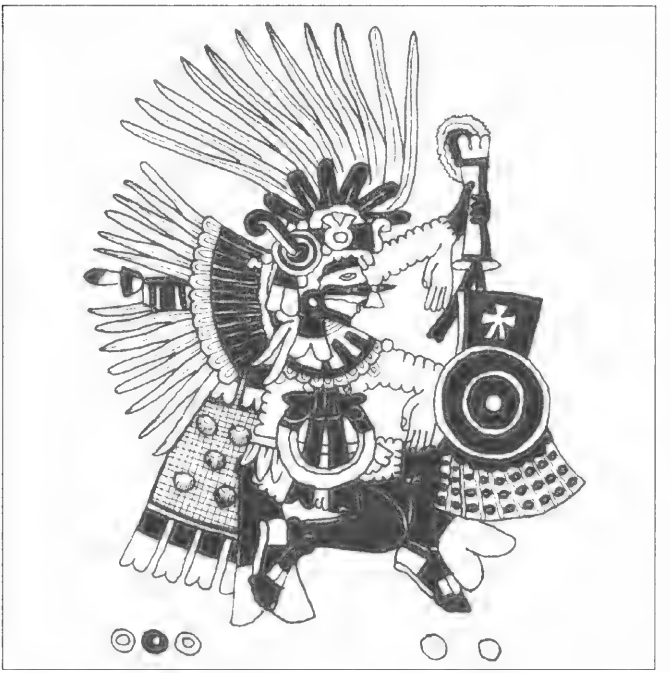
Вероятное развитие. 1995 г.: инфляционное расширение спроса позволит ограничить спад промышленного производства уровнем 5%. Кроме того, в условиях высоких темпов инфляции производители получат возможность покрывать издержки, связанные с низким использованием мощностей и занятых, что ограничит выбытие мощностей и рост безработицы (9 – 11% экономически активного населения). 1996 – 1997 гг.: среднегодовой рост производства составит около 1%, сформируются механизмы длительной стагнации. 1998 – 2000 гг: стагнация производства на уровне 1 – 1,5% его ежегодного прироста.

Таблица 9. **Динамика производства и мощностей в промышленности**

	1994 к 1990 году	1995	1997	2000	1995 ср.-год. темпы за период	1996–1997	1998–2000
1-Й СЦЕНАРИЙ							
Мощности	82	69	56	59	-31	-10.1	+1.7
Производство	49	45	46	52	-9	+1.5	+4.3
2-Й СЦЕНАРИЙ							
Мощности	82	65	48	49	-35	-13.7	+0.6
Производство	49	43	41	44	-12	-0.3	+3.0
3-Й СЦЕНАРИЙ							
Мощности	82	69	59	63	-31	-7.5	+0.2
Производство	49	47	49	55	-5	+2.0	+4.3
4-Й СЦЕНАРИЙ							
Мощности	82	75	77	90	-25	+1.5	+5.3
Производство	49	52	65	78	+5	+12.5	+6.3
5-Й СЦЕНАРИЙ							
Мощности	82	72	61	62	-29	-8.0	+0.7
Производство	49	47	48	50	-5	+1.0	+1.7

РОССИЯ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОМ ЗЕРКАЛЕ

Т. ВОРОЖЕЙКИНА



Появившиеся в последние годы сопоставления России с латиноамериканскими странами, по мнению автора работы, весьма продуктивны. Опыт модернизации в условиях нестабильности, социальной поляризации и дезинтеграции дает достаточно пищи для кратко- и среднесрочного прогнозов. Далее, латиноамериканский опыт последнего десятилетия свидетельствует о частичной разрешимости коллизий, кажущихся неразрешимыми у нас. Наконец, сопоставления с Латинской Америкой четко выявляют и козыри россиян. В общем, считает автор, попытка взглянуть на происходящее в России из неевропейского мира позволяет уйти от примитивного оптимизма либеральной парадигмы, не впадая в противоположную крайность.

© Ворожейкина Т.Е., 1995

Т. ВОРОЖЕЙКИНА

По мере того как рассеивалась главная иллюзия периода либеральной эйфории 1990 – 1991 гг. – возможность осуществить быстрый переход к рыночной экономике и совместить его с улучшением жизненного уровня основной массы населения и укреплением демократии, – сравнения с Латинской Америкой все больше становились общим местом российской политической публицистики и прессы. В период доминирования либеральной парадигмы в общественном мнении (1990 – 1991) настоящее и будущее России соотносилось почти исключительно с "западной" моделью развития, однозначно ассоциировавшейся с экономической эффективностью, социальным благополучием, политической демократией и стабильностью. С началом реформы очень быстро выяснилось, что в России эти цели не только недостижимы, по крайней мере в краткосрочной перспективе, но и взаимно противоречат друг другу. Мгновенное и почти всеобщее разочарование в либеральной парадигме обернулось столь же массовым поворотом общественного мнения к господствующим ныне представлениям об особости России и о принципиальной непригодности для нее западных моделей. Поскольку за этим поворотом стояли неоправдавшиеся "великие надежды" 1989 – 1991 гг., то совершенно очевидно, что возрождение и подъем почвеннических настроений – это результат фрустрации, и потому он представляет собой оборотную сторону все той же западноцентристской доминанты российского общественного мнения. Сравнение нынешней ситуации в России и перспектив ее разрешения исключительно с западными моделями (представление о которых зачастую весьма идеализировано) порождает, с одной – либеральной – стороны, катастрофическое ощущение полной несостоятельности и бесперспективности страны и общества, а с другой – государственническо-почвеннической – стороны, превращение нужды не только в добродетель, но даже в предмет национальной гордости. Очевидно, что оба эти мироощущения – прямо или от противного – порождены комплексом неполноценности по отношению к Западу.

Между тем эволюция объективной – социальной, экономической, политической – ситуации, в особенности в периоды ее крайней нестабильности, напрямую зависит от субъективного восприятия и интерпретации ее общественным сознанием. Появившиеся в последние два-три года российско-латиноамериканские сопоставления вроде бы вносят иные, более реалистические ориентиры в этот культурно-психологический контекст. Во-первых, латиноамериканский опыт модернизации, сопровождавшейся в последние десятилетия экономической и политической нестабильностью, социальной поляризацией и дезинтеграцией, несомненно, дает более адекватную картину российского кратко- и среднесрочного будущего, чем проекция идеализированных европейской и североамериканской моделей на российскую ситуацию. Во-вторых, латиноамериканский опыт последнего десятилетия свидетельствует и о разрешимости, хотя бы частичной, экономических и политических коллизий, весьма сходных с теми, которые в России кажутся безвыходными и неизбежно ведущими к катастрофе. В-третьих, даже то, что пока выгодно отличает Россию от латиноамериканских стран (прежде всего сохраняющиеся до сих пор принципиальные различия в социальной ситуации), позволяет, казалось бы, более спокойно взглянуть на российские перспективы, существенно снизив

уровень катастрофичности общественных ожиданий. Иначе говоря, попытка взглянуть на происходящее в России из другого, неевропейского мира позволяет уйти от примитивного, прямолинейного оптимизма либеральной парадигмы, не впадая в противоположную крайность.

Однако этого до сих пор не происходит, поскольку сравнение России с Латинской Америкой психологически отягощено глубоко укоренившимся чувством превосходства в отношении третьего мира – своего рода компенсатором (и проявлением) все того же комплекса неполноценности по отношению к Западу. "Латиноамериканизация" для подавляющего большинства российских публицистов – лишь синоним экономической отсталости, политической и социальной деградации, т.е. исключительно негативная, мрачная перспектива, унизительная для страны, которая еще совсем недавно была одной из двух мировых сверхдержав. Нормативность, неизбежно присущая такому взгляду, сужает возможности как для трезвого сравнительного анализа, так и для использования современного латиноамериканского опыта в России.

Существуют, несомненно, очень серьезные различия в характере и глубине социально-экономических преобразований, переживаемых сейчас Россией и странами Латинской Америки. Эти различия связаны прежде всего со спецификой исходной, подлежащей трансформации системы: социалистической (государственной) с характерным для нее высоким уровнем внутренней целостности и взаимной обусловленности отдельных частей в России и капиталистической, насчитывающей уже более чем полуторавековую историю, хотя и не достигшей сходного уровня социально-экономической интеграции, – в странах Латинской Америки. В России осуществляется попытка трансформировать высокомонополизированную, полностью огосударствленную экономику, которая была практически изолирована от мировой экономики и в которой критерий экономической (рыночной) эффективности полностью отсутствовал. В наиболее развитых странах Латинской Америки (Аргентине, Бразилии, Чили, Мексике) рынок всегда сохранял роль важнейшего экономического регулятора, в то время как государственное вмешательство в экономику, хотя и достигавшее в определенные периоды огромных масштабов, было направлено главным образом на нейтрализацию негативных последствий включенности этих стран в мировую экономику. Если в Латинской Америке социальная поляризация и постоянно углубляющееся неравенство в распределении доходов являлись одной из наиболее устойчивых черт социального развития в XX в., то Россию, напротив, отличали высокая степень однородности общества и несопоставимо низкие по сравнению с любым другим регионом мира уровни имущественного расслоения и дифференциации доходов. Совершенно очевидна и разница в масштабах экономик России и большинства латиноамериканских стран (за исключением Бразилии), в уровнях индустриализации, в промышленном и научном потенциале, в образовательном уровне населения. На этом основании многие вообще считают неправомерным само сравнение России с Латинской Америкой.

Однако значение этих и других отличий, порожденных прошлым, не следует преувеличивать. По ряду ключевых параметров, задающих настоящее и в особенности будущее, российская ситуация вполне сопоставима с латиноамериканской.

Во-первых, наиболее вероятно, что тип интеграции России в мировую экономику будет сходным с латиноамериканским: так же как и Латинская Америка, Россия займет место на периферии мировой экономической системы. Ни научный, ни тем более промышленный потенциал России не позволят ей в обозримом будущем войти в число стран, определяющих научно-технический прогресс, и в этом смысле ее экономическое развитие еще долго будет оставаться вторичным. При этом периферийное положение отнюдь не означает, как показывает латиноамериканский опыт последних пятидесяти лет, обреченности на застой. "Теперь уже очевидно, – пишет избранный президентом Бразилии социолог Фернандо Энрике Кардозо, – что экономическое развитие на периферии реально; это не только "экономический рост" без перераспределения ресурсов и без глубокой структурной трансформации. Однако <...> речь не идет о гигантском процессе "взаимозависимости". Отношения господства-подчинения между странами, хотя и опосредованные обновленными экономическими каналами, сохраняются в мировой капиталистической системе, несмотря на интернационализацию производственного процесса и даже несмотря на существенную трансформацию социальной структуры зависимых стран и значительное увеличение их внутреннего производственного потенциала"[1].

Во-вторых, сближает Россию с ведущими латиноамериканскими странами и общий тип индустриализации, основанной на политике замены импорта и государственного протекционизма. В обоих случаях результатом этой политики стали глубокие структурные диспропорции, и прежде всего перегруженность экономики неконкурентоспособной тяжелой промышленностью. Отсюда длительность и особая болезненность структурной перестройки и в Латинской Америке, и в России.

В-третьих, для стран Латинской Америки были всегда (в особенности в 60-е и 70-е годы) характерны традиции прямого вмешательства государства в экономику, высокий удельный вес государственного сектора и государственный патронаж неконкурентоспособного частного сектора. И хотя по масштабам и степени охвата экономики эти явления несопоставимы с теми, которые имели и имеют место в России, существует множество общих проблем в процессах дерегуляции и приватизации, происходящих сейчас в обоих регионах.

Основания для сопоставления процессов модернизации в Латинской Америке и России главным образом экономические. Несмотря на это, наиболее интересным представляется сравнение социальных и политических составляющих этих процессов. Хотя социальные и отчасти политические изменения в значительной мере являются результатом экономической трансформации, именно они создают ту среду, в которой осуществляются экономические реформы и от которой успех или провал последних зависит гораздо больше, чем от технико-экономических решений и программ, находящихся, как правило, в центре политических дискуссий.

Социальное развитие Латинской Америки и до начала экономической либерализации 80-х годов имело отчетливо дезинтегрирующий,

[1] Cardoso F. H. Associated-Dependent Development and Democratic Theory. // Alfred Stepan (ed.), Democratizing Brazil: Problems of Transition and Consolidation. N.Y. – Oxford, Oxford Univ. Press, 1989. P. 300.

"исключающий" характер. Современный сектор экономики даже в условиях относительно стабильного и динамичного развития в 60 – 70-е годы был не в состоянии поглотить избыток трудовых ресурсов, порожденный разложением традиционных форм хозяйства и миграцией сельского населения в города. Концентрация капитала, преимущественное развитие импортированных, трудосберегающих форм технологии и организации производства; политика государственной поддержки наиболее динамичных отраслей промышленности, благоприятствовавшая крупным частным и государственным предприятиям, а также транснациональным корпорациям, оставляли за пределами формального (легального) сектора экономики от трети до половины населения латиноамериканских стран. Государственная политика в большинстве случаев сознательно стимулировала накопление в группах со средними и высокими доходами, поскольку именно они составляли рынок для предприятий современного сектора, препятствуя "преждевременному" (с точки зрения экономически господствующих групп и средних слоев) перераспределению дохода. Все это вело к сохранению высокого уровня безработицы и углублению неравенства в распределении доходов, характерному, хотя и в разной степени, для всех латиноамериканских стран[2].

В результате значительная часть населения с низкими доходами (или вообще без таковых) не могла быть ни потребителем продукции современного сектора, ни участником "цивилизованного", регулируемого рынка труда. Экономическое выживание этих слоев осуществлялось за счет так называемого неформального сектора экономики – мелкого незарегистрированного производства, мелкой розничной и оптовой торговли, различных форм так называемой самостоятельной занятости. Причем в отличие от развитых стран, где в эту статистическую категорию попадают действительно самостоятельные хозяева и лица свободных профессий, подавляющее большинство "самостоятельно занятых" в Латинской Америке принадлежат к беднейшим слоям, зависят от случайных видов деятельности и не используют наемный труд[3].

Важнейшая социальная функция неформального сектора в Латинской Америке заключалась в том, чтобы обеспечить хотя бы минимальную занятость для тех, кто из-за отсутствия образования, квалификации или низкого социального статуса не в состоянии найти работу в формальном секторе экономики. В то же время значительная часть

---

[2] В годы быстрой индустриализации распределение дохода ухудшилось во всех странах Латинской Америки. В Бразилии доля нижних 50% населения снизилась с 17,7% в 1960 г. до 15,6% в 1970 г. и до 14,6% в 1980 г., в то время как доля верхних 10% увеличилась с 39,7% в 1960 г. до 46,4% в 1970 г. и до 47,7% в 1980 г. (Comercio Exterior, 1986, junio, P. 495). За этот же период, с 1960 до 1980 г., доля доходов нижних 20% населения Бразилии снизилась с 3,9 до 2,8%. Сходная картина наблюдалась и в Мексике: с 1960 по 1980 г. доля нижних 20% снизилась с 3,5 до 2,9%, однако здесь за это же время снизилась и доля самых богатых 10% населения – с 41,9 до 36,7% (Encuesta de Ingresos y gastos del los hogares: 1977. Secretaria de Programacion y Presupuesto. Mexico, 1977).

Доля населения, живущего за чертой бедности, в 1980 г. составляла: в Аргентине – 8%, в Бразилии – 43%, в Чили – 16%, в Мексике – 29%, в Перу – 49%. Доходы верхних 20% населения превосходили доходы нижних 20%: в Аргентине – в 7 раз, в Бразилии – в 21 роз, в Чили – в 12 раз, в Мексике – в 15 раз, в Перу – в 26 раз (E.Cardoso, A.Helwedge. Below The Line: Poverty in Latin America. // World Developement, Vol. 20, No.1, 1992, P. 24, 26).

[3] A.Portes. Latin American Class Structures. Their Composition and Change During the Last Decades. // Latin American Research Review, Vol. XX, № 3, 1985, P. 20.

товаров, которые потребляют наемные трудящиеся современного сектора, производится именно на мелких и мельчайших предприятиях неформального сектора, использующих временных, легально не оформленных рабочих с низкой квалификацией. Поэтому воспроизводство рабочей силы в современной промышленности и сфере обслуживания в значительной мере осуществляется за счет гораздо более низких цен неформального сектора, ориентированного (в отличие от современного) на массового потребителя с нижесредними доходами. Кроме того, часть предпринимателей неформального сектора работает не прямо на рынок, а как субподрядчики средних и крупных фирм. Субподряды зачастую представляют собой единственную возможность экономического выживания для мелких предпринимателей и одновременно позволяют крупным существенно снижать цену рабочей силы. Иначе говоря, если в качестве потребителей занятые в неформальном секторе рабочие нефункциональны для современного сектора, то как производители они выполняют достаточно важную роль, уменьшая его издержки.

Мелкий предприниматель выступает посредником между современным сектором и массой неквалифицированных трудящихся, находящихся на нижних ступеньках социальной лестницы. Несмотря на неустойчивость экономического положения и отсутствие социального обеспечения, денежный доход мелких предпринимателей иногда превосходит зарплату рабочих современного сектора. Более того, владельцами мелких предприятий зачастую становятся бывшие фабричные рабочие. "Владельцы мелких предприятий – это обычно квалифицированные рабочие, которые оставили работу на фабрике и основали собственное дело, поскольку оно дает им более высокий доход и большую независимость. В отличие от уличных торговцев, эти предприниматели не являются маргиналами, которые стремятся продержаться до тех пор, пока не получат постоянную работу. Напротив, они представляют собой инициативных, технически и организационно грамотных рабочих, которые стремятся обеспечить себе более высокий жизненный уровень по сравнению с их товарищами на фабриках"[4].

Огромные поселки нищеты, окружающие все без исключения крупные латиноамериканские города или соседствующие в них с благоустроенными кварталами, являются наиболее наглядным символом неформального сектора. Невидимая граница вокруг этих поселков совершенно очевидна для всех, живущих по обе ее стороны. Символ другого мира – современный shopping center, включающий в себя не только магазины и банки, но и театры, кино, концертные залы и галереи, что позволяет обитателям благоустроенных кварталов проводить здесь все большую часть времени, не сталкиваясь с враждебной реальностью улицы. Растущая изолированность, замкнутость на себя обоих этих миров закрепляет социальную поляризацию и неравенство в распределении доходов в социально-пространственной сегрегации большинства латиноамериканских городов. Однако очевидна и взаимодополнительность современного и неформального секторов:

[4] Schmitz H. Manufacturing the Backyard. A Case Study in Small-Scole Brozilion Industry. Totowa, 1982 P. 11.

между ними существует сложная система связей, и, хотя выбраться из неформального сектора несравненно труднее, чем "спуститься" туда, последнее, как уже говорилось, не всегда означает снижение уровня доходов и позволяет, правда очень немногим, повысить свой социальный статус.

В 80-е годы с началом программ экономической либерализации социальная ситуация в большинстве латиноамериканских стран еще более обострилась. Ликвидация неконкурентоспособных отраслей промышленности, закрытие нерентабельных предприятий, сокращение государственных расходов вызвали рост безработицы, пауперизацию части трудящихся и массовое обеднение средних слоев. С 1985 г. в результате политики урегулирования бедность увеличилась во всех латиноамериканских странах. Особенно драматичными эти изменения были в наиболее богатых странах, где до этого социальная поляризация была наименьшей на континенте (таких, как Чили и Аргентина).

До 1989 г. казалось совершенно невозможным, чтобы такая страна, как Аргентина, экспортирующая пшеницу и мясо, узнала по примеру других стран третьего мира, что такое голодные бунты. Погромы супермаркетов беднейшим населением крупных городов показали масштаб внутреннего раскола, существующего в аргентинском обществе. Особенно ожесточенным был этот взрыв отчаяния в прилегающей к Буэнос-Айресу промышленной зоне[5]. Массовое закрытие мясохладобоен, автосборочных и металлообрабатывающих предприятий, начавшееся еще в 70-е и ускорившееся в 80-е годы, превратило старейшие муниципалитеты промышленного пояса столицы в индустриальное кладбище. Согласно обследованию 1988 г., доля находившихся за чертой бедности в Большом Буэнос-Айресе составила 44,3% населения против 31,3% в 1980 г. Важно подчеркнуть, что этот рост не был, по примеру менее развитых стран континента, следствием аграрного исхода (эту фазу Аргентина прошла в 30 – 50-е годы), а результатом совокупного воздействия процесса деиндустриализации и политики либерализации на современный сектор. 52% поселившихся в 80-е годы в промышленной зоне Большого Буэнос-Айреса переехали туда из столицы в основном в поисках более дешевого жилья. Речь, таким образом, шла о бедности, наиболее остро и болезненно воспринимаемой ее жертвами, – о "постыдной бедности в богатой стране". Это не сельские мигранты в первом поколении, которые с надеждой смотрят если не на собственное будущее, то по крайней мере на будущее своих детей. Это, напротив, люди, ранее имевшие достойный уровень жизни, включавший комфортабельное жилье и часто автомобиль, а теперь вынужденные сокращать потребление продуктов, традиционно входивших в самый элементарный рацион питания. Наложившаяся на этот фон неконтролируемая гиперинфляция истощила терпение населения; голодные бунты мая 1989 г. похоронили образ Аргентины как "нелатиноамериканской" страны, как наиболее мобильного и наименее поляризованного общества континента[6].

---

[5] В Большом Буэнос-Айресе живет 11 млн. человек (35% населения Аргентины). Население федеральной столицы составляет 3 млн. человек.

[6] Prevot-Shapira M.-F. Pauvrete, crise urbaine et emeuts de la faim dans le Grand Buenos Aires. // Problemes d'Amerique latine, 1990, № 95, P. 51–68.

Однако, как ни парадоксально это звучит, именно призрак социальной катастрофы, столь отчетливо замаячивший пред страной в 1989 г., окончательно подтолкнул аргентинское общество к принятию жесткого неолиберального курса. Его последовательное осуществление в 90-е годы позволило в короткий срок снизить инфляцию до минимальных значений, что, несомненно, облегчило положение всех групп населения, и в особенности низкодоходных. В то же время политика финансовой стабилизации и приватизации, придавшая новый динамизм конкурентоспособной части современного сектора, по сути дела, предоставила собственной судьбе беднейшую часть общества, т.е. те примерно 20% населения, которые составляют уже не "резервную армию труда", а скорее совокупность "нетрудящихся". Большинство этих людей не только никогда сами не имели постоянной работы, но и никогда не видели, чтобы работали их родители.

80-е годы внесли радикальные изменения в положение средних слоев в латиноамериканских странах. Если в предыдущие три десятилетия их экономическое благосостояние стабильно росло и постоянно увеличивалась их доля в распределении доходов, то в 80-е годы они оказались в числе наиболее пострадавших и от инфляции, и от осуществления стабилизационных программ, подорвавших традиционные источники существования той наиболее массовой части средних слоев, чье благополучие было так или иначе связано с государством. В наибольшей степени это было характерно опять-таки для Аргентины, где именно государственная политика со времен перонизма в значительной мере создавала современные средние слои. Но даже в Чили, где экономический подъем 80-х годов в значительной мере опирался на рост потребления нового, ориентированного на рынок среднего класса, основная часть средних слоев пережила экономический упадок и психологический шок. "Отрезанные от благ и пособий, позволивших им достичь респектабельности, они были вытолкнуты в конкурентную экономическую среду, которая требовала от них новых навыков, давала гораздо более низкие заработки и была безразлична к их ценностям – достоинству, образованию, состраданию <...> Они были проигравшими в чилийской экономической революции: слишком обеспеченные для того, чтобы получать помощь от государственных благотворительных программ, они в то же время были недостаточно изворотливы и удачливы, чтобы вскочить на эскалатор свободного предпринимательства"[7].

Компенсатором социальных последствий экономической либерализации стал дальнейший рост неформального сектора практически во всех латиноамериканских странах – и там, где он происходил главным образом за счет сельской миграции (Перу, Бразилия), и там, где он стал результатом экономической политики правительств (Аргентина, Чили). В течение 80-х годов – десятилетие рекордной безработицы на континенте – те временные занятия, которые люди нашли или изобрели, чтобы выжить, превратились в постоянные ниши неформальной экономики. Занятые в неформальном секторе в целом зарабатывают гораздо меньше, чем рабочие легального сектора экономики. Однако многие за это время научились рассчитывать только на собственные

[7] Constable P. and Valenzuela A. A Notion of Enemies: Chile under Pinochet. N.Y.–L., W.W.Norton, 1991. P. 236.

силы и ценить независимость, которую дает им взамен неформальная занятость. Инициатива и динамизм, проявленные теми, кого нужда столкнула в неформальный сектор, а также его растущий удельный вес в большинстве латиноамериканских экономик в 80-е годы послужили основанием для наиболее крайних неолиберальных позиций, выраженных, в частности, в нашумевшей книге перуанского экономиста Эрнандо де Сото "Другой путь".

Согласно этой концепции, развитие капитализма в Латинской Америке было с самого начала отягощено парализующей опекой государства, которое сдерживало частную инициативу, допуская ее только в своих интересах, насаждало монополии и развращало частных предпринимателей протекционизмом, государственными субсидиями и контрактами. А преждевременное с точки зрения уровня развития капитализма трудовое законодательство (контроль за минимальной заработной платой, ограничение длительности рабочего дня, оплачиваемые отпуска и выходные) ставило непреодолимые барьеры для увеличения занятости. Поэтому "испорченный" государственным регулированием легальный частный сектор не в состоянии стать мотором динамичного развития экономики, необходимого для преодоления экономической отсталости и социальной дезинтеграции. Напротив, неформальный сектор, который является аналогом капитализма периода свободной конкуренции, вполне может выполнить эту функцию при условии, что будут сняты все препятствия для его свободного развития и государство легализует его существование без того, чтобы затем душить его налогами и вмешиваться в его деятельность[8].

Таким образом, именно в неформальном секторе, который до сих пор воспринимался как отстойник и главный изъян социального развития, были найдены, казалось, пути решения наиболее болезненных социальных и экономических проблем. Тем самым задним числом обретали смысл те жертвы, которые были уже принесены во имя либерализации и приватизации экономики.

Вопрос о том, в какой мере огромная социальная цена неолиберального урегулирования в Латинской Америке оправдывается теми позитивными социальными сдвигами, которые, как предполагается, станут результатом экономической стабилизации и роста, до сих пор не имеет простого ответа. С одной стороны, недавний чилийский опыт, по-видимому, подтверждает известную позицию идеологов латиноамериканского неолиберализма: социальная цена либеральной шоковой терапии, несмотря на всю ее краткосрочную болезненность, оказывается в конечном счете ниже той, которую общество и в особенности его наименее обеспеченные слои платят за оттягивание назревших структурных реформ и непоследовательность экономического курса, допускаемую как раз ради смягчения его социальных издержек. Действительно, в Чили резкое падение уровня жизни нижних и средних слоев, высокая безработица в течение первого десятилетия либеральной экономической политики были в определенной степени компенсированы обузданием инфляции, сокращением безработицы и увеличением – в результате высоких темпов экономического роста – доходов беднейших

[8] Hernando de Soto. The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World. L., 1989.

и нижних средних слоев населения[9]. Пришедшее на смену диктатуре демократическое правительство П.Айлвина, вопреки накопившимся за 17 лет социальным проблемам и ожиданиям, сохранило практически нетронутым экономический курс военного правительства и, используя преимущества, которые давали стабильность и динамизм экономики, смогло за четыре года снизить безработицу до рекордно низкого для Чили уровня в 4% и сократить число бедных с 5 млн. до 4 млн. человек.

С другой стороны, чилийский опыт не следует абсолютизировать, он пока уникален в Латинской Америке: ничего похожего не произошло до сих пор в других странах, вступивших на путь жесткой неолиберальной стабилизации. В Аргентине уровень официально зарегистрированной безработицы достиг в 1993 г. рекордно высокого уровня в 10%, не говоря уже о Перу, стране, где неформальный сектор по-прежнему обеспечивает экономическое выживание двух третей населения. Несомненно, что обе эти страны находятся пока на начальной стадии урегулирования, которая всегда сопровождается ухудшением социальной ситуации, и сравнение их с Чили, прошедшей этот путь в течение двадцати лет, в этом смысле некорректно. Несомненно и то, что в обеих этих странах снижение инфляции (в особенности в Аргентине, где она впервые за многие десятилетия достигла в годовом выражении однозначной цифры) благотворно сказалось на положении бедного и беднейшего населения[10]. Все это, однако, не дает никаких гарантий улучшения социальной ситуации в будущем; долгосрочная социальная эффективность ортодоксальных экономических мер (как, впрочем, и любой другой экономической политики) особенно проблематична в таких более отсталых странах, как Перу, где дезинтеграция общества наиболее глубока и разнопланова.

Иначе говоря, опыт неолиберального урегулирования в странах Латинской Америки не дает пока оснований утверждать, что именно на этом пути наконец найден выход из порочного круга воспроизводства бедности. Но надо признать, что этот выход не был найден и на ином, противостоящем неолиберальному пути. Неортодоксальная экономическая политика, осуществлявшаяся в этих же странах, Аргентине и Перу, в 80-е годы социал-демократическими и популистскими правительствами, недвусмысленно провалилась: ее социальная цена оказалась столь же высока, в то время как желаемая стабилизация и экономический рост так и не наступили. Именно отсутствие в 80-е годы сколько-нибудь успешной альтернативы неолиберальному экономическому курсу

---

[9] С 1978 по 1988 г. доходы беднейших 10% чилийских семей увеличились на 80%. (На такую же величину выросли также доходы высших 10% населения, что свидетельствует о дальнейшем углублении дифференциации.) Доходы нижних средних слоев в децилях с 6 по 9 выросли за этот период менее чем на 14% (P. Constable and A. Valenzuela, ibid.).

[10] Не случайным представляется, что на парламентских выборах октября 1993 г. в Аргентине правящую партию поддержали не только самые богатые, т.е. те, кто получил непосредственные краткосрочные выгоды от финансовой стабилизации, либерализации экономики и приватизации, но и самые бедные, т.е. те, кто, казалось бы, несет главные издержки экономической политики. Но то обстоятельство, что деньги, иногда впервые за жизнь человека, стали что-то стоить, что можно планировать расходы и даже делать сбережения без риска, что они испорятся на следующий день, зачастую перевешивает даже фактическое сокращение реальных доходов. Особенно в глазах людей, которые никогда не имели постоянной работы или того минимума доходов, который позволяет извлекать спекулятивную выгоду из инфляции.

практически не оставило выбора тем новым латиноамериканским правительствам, которые пришли к власти в конце 80-х – начале 90-х годов. Новые президенты Аргентины, Бразилии, Перу победили на выборах с популистскими (и даже прямо антилиберальными, как в Перу) программами, где главный акцент делался на необходимости немедленного облегчения положения наиболее нуждающихся, – и все они почти на следующий день после выборов повернули к более или менее радикальным вариантам ортодоксальной стабилизации. Характерно, что это произошло именно в тех странах, где провал иного экономического подхода оказался наиболее очевидным и драматическим.

Как это ни покажется странным, общественное мнение было в основном подготовлено к такому повороту на 180 градусов. Еще задолго до выборов 1989 г. многие в Аргентине были уверены, что, независимо от их исхода, политика неолиберальной стабилизации является неизбежной после десятилетий экономической стагнации и социальной деградации. В Перу либеральная интеллигенция и большая часть средних слоев, голосовавшие в 1990 г. за ультралиберальную программу Марио Варгаса Льосы, с энтузиазмом поддержала его победившего соперника, нынешнего президента Альберто Фухимори, когда он начал претворять аналогичную программу в жизнь. При этом молчаливо признавалось, что неизбежная в этом случае социальная цена рано или поздно должна быть заплачена. Общественное мнение латиноамериканских стран как бы дистанцировалось от непосредственной ситуации тех нижних и нижесредних социальных слоев, которые, собственно, и должны были эту цену заплатить. Проблемы бедности, неравенства и социальной дезинтеграции, которые в предыдущие десятилетия находились в фокусе политических дебатов, в 80-е годы были вытеснены на периферию общественного сознания. "Проклятые" вопросы, на которые после стольких усилий так и не было найдено ответов, стали все больше решаться путем абстрагирования от них, благо голос тех, кто нес основные издержки социального развития, был слышен все меньше и меньше. Левые и левоцентристские партии, традиционно озвучивавшие социальные требования низов, или стремительно теряли влияние, или сменяли популистскую ориентацию на либеральную. В результате проблема демократии, которая всегда в Латинской Америке имела сильнейший социальный компонент, была переосмыслена исключительно в политических и институциональных терминах. Тем самым в сознании большинства латиноамериканских обществ произошел важнейший поворот, в конечном счете и позволивший правительствам обеспечить целостность и преемственность неолиберальной экономической политики.

Российское (советское) общество перед началом экономических реформ принципиально отличалось от латиноамериканских высоким уровнем социальной и классовой однородности, низкой имущественной дифференциацией и отсутствием выраженного неравенства в распределении доходов. Наиболее глубокие различия в имущественном положении и уровне доходов существовали в Советском Союзе между городским и сельским населением в 30 – 50-е годы в результате перераспределения первичных сельскохозяйственных ресурсов для финансирования индустриализации и послевоенного восстановления

экономики. Но и эти различия в основном сгладились с середины 60-х до начала 80-х годов. В отличие от Латинской Америки, индустриализация в Советском Союзе (и в особенности на территории Российской Федерации) на всех ее этапах носила трудоинтенсивный характер и потому быстро рассосала не только избыточное, но и необходимое – при существующих уровнях производительности труда – сельское население, которое в большинстве латиноамериканских стран до сих пор является источником постоянного пополнения городской нищеты.

Конечно, в Советском Союзе существовали высокодоходные элитные группы, включавшие высшие слои номенклатуры и военных, верхушку "официальной" интеллигенции: ученых, писателей, артистов и т.п. Их доходы, как правило, в 5 – 6 раз превышали уровень заработной платы большинства населения (что было, однако, очень низким уровнем дифференциации доходов по сравнению с любой латиноамериканской страной). Но реальное материальное положение в Советском Союзе, как известно, определялось не столько денежным доходом, сколько доступом к закрытым и эшелонированным системам распределения товаров и услуг. Именно здесь выявлялись различия в покупательной способности количественно равных зарплат (шахтеров, высококвалифицированных рабочих, с одной стороны, и номенклатуры среднего уровня с другой). Несмотря на то что наличие "более равных, чем другие", было всем известно, реальные масштабы неравенства в доходах не были осознаны обществом. Поэтому "всеобщее равенство", вопреки его очевидно фиктивному характеру, воспринималось не только как навязываемый сверху идеологический миф, но и как часть реальности. Для значительной части общества равенство было одной из наиболее значимых социальных ценностей.

На этот социально-психологический фон наложились большие надежды периода 1987 – 1991 гг., ожидания немедленного положительного социального эффекта от либерализации экономики, поддерживаемые новой российской политической элитой и в частности президентом страны[11]. Поэтому с началом экономической реформы ее социальные последствия стали немедленно восприниматься и трактоваться как катастрофические.

Действительно, после либерализации цен реальные среднедушевые доходы по сравнению с 1991 г. упали до 61,1% в декабре 1992 г.; ниже дореформенного прожиточного минимума, рассчитанного в соответствующих рыночных ценах, оказалось 70% семей. Уже в следующем, 1993 г. газета "Известия", ссылаясь на данные Министерства труда, относила к бедным от 70 до 85% населения, из которых 40 – 50% причислялись к абсолютно бедным[12]. Даже в серьезных социологических исследованиях оценка масштабов бедности в России стабильно высока: по данным ВЦИОМ в 1993 г., в эту категорию попадали 54% населения[13]. В специальном исследовании ВЦИОМ, проведенном в марте

[11] Имеются в виду известные высказывания Б. Н. Ельцина в сентябре 1991 г. о том, что уже через год после начала реформы экономическое положение населения улучшится и уровень жизни начнет расти.

[12] "Известия", № 175, 15.09.1993.

[13] Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994, № 2, С. 5.

1994 г., к разряду бедных, т.е. тех, чей душевой доход не превышает 50% среднедушевого дохода по стране, было отнесено 58% опрошенных[14].

Резко увеличилась и поляризация в доходах. Согласно официальным данным Госкомстата России, в июне 1994 г. на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось около 23% денежных доходов, а на долю 10% наименее обеспеченного населения – 3%. Соотношение уровней доходов этих двух полярных групп составляло в июне 1994 г. 7,3 раза, а в сентябре возросло до 13,5[15]. Согласно специальным исследованиям уровня бедности, проведенным в четырех городах России, разрыв в децильном распределении доходов уже в 1993 г. был гораздо выше отмечаемого официальной статистикой и составлял 8 – 11% в Петрозаводске и Астрахани, доходя до 22% в Санкт-Петербурге[16]. Не менее поляризовано и квинтильное распределение: по расчетам Центра экономической конъюнктуры при правительстве РФ, на долю 20% самого обеспеченного населения в сентябре – октябре 1994 г. приходилось 45% текущих доходов, тогда как на долю 20% менее обеспеченного – лишь 6%[17].

Столь же тревожны данные об увеличении безработицы. Количество безработных, официально зарегистрированных в органах государственной службы занятости, хотя и увеличивается, но относительно невелико – в июне 1994 г. оно составило 1,2 млн. человек, или 1,6% численности экономически активного населения. Однако общий потенциал безработицы с учетом неполной занятости оценивался официальной статистикой в 9,0 млн. человек, или 12% экономически активного населения[18]. К концу 1994 г. численность частично и полностью неработающих прогнозировалась на уровне 10 – 12 млн. чел., т.е. 14 – 15% активного населения[19].

Приведенные цифры, казалось бы, однозначно свидетельствуют о том, что за три года экономических реформ в России произошло столь резкое ухудшение социальной ситуации, что она действительно может расцениваться не иначе, как катастрофическая или близкая к ней. Особенно если учесть, что такое положение сложилось уже до начала реальной структурной перестройки в экономике, до широкомасштабных банкротств в промышленности и связанных с ними массовых увольнений. Неудивительны поэтому представления о массовом недоедании и нищете российского населения, распространенные не только на уровне массового сознания, но и среди исследователей. Между тем существенная часть повседневной реальности очевидно не укладывается в приведенную статистику: ей противоречат и уровень жизни, визуально наблюдаемый на улицах российских городов, и малоизменившиеся или даже возросшие стандарты потребления основной части населения, и

---

[14] Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994, № 4, С. 25.
[15] Госкомстат России. Социально-экономическое положение Российской Федерации и ее регионов. Экономический обзор. 1994, № 7, С. 65.; "Финансовые известия", № 60, 29.11.1994.
[16] Можина М. А. Проблемы измерения бедности, масштабы бедности населения России и их динамико за годы реформ (Тезисы доклада. Интерцентр, 4 октября 1994 г.).
[17] "Сегодня", 30.11.1994.
[18] Госкомстат России. Социально-экономическое положение Российской Федерации и ее регионов. Экономический обзор. 1994, № 7, С. 70.
[19] Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994, № 5, С. 32; "Независимая газета", 13.09.1994.

бум индивидуального строительства вокруг многих крупных и средних городов, и многое другое. И, что еще более удивительно, складывающаяся в соответствии с этой статистикой картина по всем социальным параметрам близка к латиноамериканским образцам (или даже хуже их в том, что касается уровня безработицы). Однако в Латинской Америке за сходными социальными показателями стоит существенно отличная реальность: иные масштабы бедности и иное ее содержание, иное качество и длительность безработицы, иной масштаб и глубина социальной поляризации, зачастую граничащей, как это было показано, с социальной сегрегацией. Эта очевидная разница заставляет, во-первых, усомниться в адекватности и, главное, полноте статистических данных по России, а во-вторых, обратить внимание на механизмы, амортизирующие социальные последствия экономических реформ.

Что касается первой проблемы, то наиболее вероятное и на поверхности лежащее объяснение связано с масштабами неучтенных доходов и занятости. Даже несмотря на различение официальной статистикой динамики доходов и заработной платы (доля последней, по данным и Госкомстата, и Центра экономической конъюнктуры при правительстве РФ, снизилась в первом полугодии 1994 г. до 50% денежных доходов населения[20]), большая часть социологических исследований все равно вынуждена оперировать в основном данными о заработной плате и, как правило, по первому, официальному месту работы. Определить реальные масштабы вторичной занятости и дополнительных приработков, часто приносящих гораздо более высокий доход, чем основная работа, не представляется возможным[21]. Ожидать, что респонденты будут откровенны в том, что касается их дополнительных доходов и занятости, было бы наивно, учитывая и традиции советского прошлого, и нынешнюю ситуацию с налогами, с одной стороны, и с преступностью – с другой. Кроме того, как доходы занятых в неформальном секторе, так и доходы занятых в коммерческих, частных и совместных предприятиях практически не учитываются официальной статистикой. Даже средняя заработная плата на одного работника рассчитывается без учета этих категорий[22]. И дело не столько в исчезновении из поля анализа благодаря этому наиболее высоких доходов, сколько в существенном искажении динамики распределения доходов и реальных уровней бедности. Отнюдь не единичными поэтому представляются ситуации, при которых лица с достаточно высокими доходами могут статистически оказаться среди бедных. Все это заставляет предполагать, что данные о реальных доходах значительной части российского населения неизбежно занижаются и в официальной статистике, и в специальных социологических исследованиях.

Исходя из этих соображений, доля бедных, определяемая на уровне 50 – 58% населения России, представляется не только завышенной, но и, по сути дела, размывающей сам смысл категории бедности.

---

[20] Госкомстат России. Социально-экономическое положение Российской Федерации и ее регионов. Экономический обзор. 1994, № 7, С. 64.

[21] По данным мониторинговых опросов ВЦИОМ, уровень вторичной занятости остается стабильным на протяжении последних пяти лет: 14–17% опрошенных (Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994, № 5, С. 35).

[22] "Сегодня", 30.11.1994.

Несмотря на все недостатки официальной статистики, гораздо более реалистичным в нынешних условиях является, по-видимому, уровень бедности, определяемый Госкомстатом как доля населения, имеющая доходы ниже прожиточного минимума. Эта доля сократилась с 33% населения в 1992 г. до 25% в 1993 г. и 16,4% в мае 1994 г.[23]. Согласно упомянутому выше специальному исследованию бедности в четырех российских городах, ее уровень снизился с 30 – 40% семей в 1992 г. до 9 – 12% в 1993 г. (сохраняясь на уровне 24% только в Вязниках Владимирской области, типичном малом городе депрессивного региона)[24]. Кроме того, некорректным представляется определение уровня бедности в России только на основании текущих доходов. При этом за рамками анализа остается не только предшествующий уровень материального благосостояния семей, ныне причисляемых к бедным, но и такой важный фактор, как наличие у них все еще практически бесплатного жилья. В Латинской Америке именно отсутствие минимальных жилищных удобств или отсутствие жилья вообще является важнейшим индикатором бедности. В России при всей остроте жилищной проблемы подавляющее большинство населения имеет крышу над головой, а для части городских жителей квартира является источником дополнительного и, как правило, неучтенного дохода.

Соответственно нуждается в корректировке и представление о 12 – 15%-м уровне безработицы. Вряд ли правомерно, как это делает Госкомстат, включать в общий потенциал безработицы всех, кто находился в вынужденных отпусках или работал в режиме неполной рабочей недели: многие из этих людей быстро находят временную или постоянную, зачастую более высокооплачиваемую работу[25]. По оценкам ВЦИОМ, только 10% работников, переведенных на неполный рабочий день, и до одной трети находящихся в отпусках по инициативе администрации могут считаться безработными. В то же время "примерно половина тех, кто зарегистрирован на бирже труда как безработные и получает пособие, на самом деле работает и получает доход выше, чем средний по России"[26].

Предсказания обвального роста безработицы постоянно повторяются – и не сбываются уже три года подряд. Это явление, в особенности в сочетании с 50%-м спадом промышленного производства по отношению к 1990 г., нуждается в объяснении. Представляется, что именно здесь включаются в действие социальные амортизаторы, до сих пор позволяющие в России смягчать негативные последствия экономических реформ. Одним из таких амортизаторов является очевидное и до сих пор сохраняющееся, даже несмотря на вступление в силу закона о

---

[23] Госкомстат России. Социально-экономическое положение Российской Федерации и ее регионов. Экономический обзор. 1994, № 6, С. 62.

[24] Можина М. А. Указ. соч. В данном исследовании уровень бедности определяется на основании прожиточного минимума, составляющего 60% среднедушевого дохода или 70% медианы.

[25] В сентябре 1994 г. после длительных простоев возобновил работу ряд крупных предприятий Алтайского края. "Однако возобновившие работу заводы столкнулись с совершенно неожиданной проблемой: они оказались не в силах вернуть обратно работников, ранее отправленных в административные отпуска. Значительная часть "отпускников поневоле" нашла новую работу (в основном не по прежней специальности) и не желает покидать ее, считая свое новое положение более предпочтительным, чем до вынужденного отпуска" ("Известия", № 185, 27.09.1994).

[26] Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1994, № 5, С. 42–43.

банкротстве, нежелание руководителей предприятий прибегать к массовым увольнениям. Объяснение этого – не только в "промежуточном" статусе директоров полугосударственных акционированных предприятий, не только в психологической инерции прошлого с его всеобщей занятостью и ответственностью руководителя за вверенный коллектив, но и в прагматическом стремлении избежать катастрофического роста безработицы. Временные отпуска и неполная занятость являются как раз той мерой, которая позволяет людям найти новую работу без прохождения болезненной стадии локаута[27]. Конечно, этот амортизатор может действовать только в условиях структурной безработицы, когда для высвобождающихся в одном месте сохраняются широкие возможности достаточно быстро найти новую и зачастую более высокооплачиваемую работу.

Однако существует и другой фактор, смягчающий социальные последствия структурной перестройки экономики, – это высокий уровень среднего образования практически всего российского населения. Действие этого фактора многогранно. Оно позволяет, во-первых, большинству безработных или временно незанятых искать квалифицированную и потому достаточно хорошо оплачиваемую новую работу. "Число безработных, "согласных на любую работу", исчезающе мало; большинство просто предъявляет к будущему рабочему месту требования, завышенные по сравнению с их реальным предложением"[28]. Иначе говоря, безработица в нынешней России не означает, что безработные автоматически попадают за черту бедности. Что еще более важно, относительно высокий образовательный стандарт позволяет создавать квалифицированные и, следовательно, хорошо оплачиваемые рабочие места во вновь возникающих в ходе структурной перестройки новых производствах и видах деятельности. То обстоятельство, что для большинства населения России не существует непреодолимых препятствий для освоения нового рабочего места и приобретения более высокой квалификации, остается практически не замеченным ни публицистикой, ни специальными исследованиями.

Все это звучит достаточно неожиданно на фоне ставших общим местом (и в целом верных) представлений о низком качестве рабочей силы в России. Речь идет не столько о нынешнем уровне, сколько о потенциале трудовых ресурсов России. Наличие такого потенциала становится особенно очевидно при сравнении со странами Латинской

---

[27] Исследование, проведенное на семи крупных сибирских предприятиях, показало, что их руководители считают массовые сокращения в ближайшие годы нереальными. "...Массового сокращения могли бы потребовать сторонние собственники, заинтересованные только в повышении доходности предприятий. Таких собственников пока нет и не предвидится. Сами же администраторы по собственному почину не пойдут на такую болезненную, неприятную меру. Скорее – как и было – пойдут на сокращение рабочей недели. И акционирование тут ничего не меняет, особенно когда наибольший пакет у трудового коллектива". По мнению автора исследования, "руководители многих предприятий придерживаются таких позиций не потому, что идентифицируют себя с трудовыми коллективами и считают себя ответственными за судьбы работников, а просто избирают более дешевый (в моральном и материальном смысле) путь сокращения" (Герчиков В. И. Трудовые отношения в процессе приватизации промышленных предприятий Сибири. // ЭКО, 1994, № 9, С. 45).

[28] "Известия", № 185, 27.09.1994.

Америки, где при сходном с российским уровнем индустриализации уровень среднего образования населения несопоставимо ниже. Специальные исследования по Бразилии показывают, что качество рабочих мест и уровень образования рабочей силы, измеряемый числом лет, проведенных в школе, не только взаимосвязаны, но от них решающим образом зависит уровень бедности в стране. Чем ниже уровень формального образования, чем больше детей покидают школу в возрасте 10 – 14 лет для того, чтобы начать работать, тем меньше шансов у них получить в будущем хорошо оплачиваемую работу и тем меньше возможностей для расширения числа квалифицированных рабочих мест, доступ к которым позволил бы вырваться из бедности следующим поколениям бразильцев. Создается порочный круг: низкий образовательный стандарт – низкое качество рабочих мест – низкие доходы семьи, заставляющие детей бросать школу. Большинство бедных бразильцев бедны не потому, что мало работают или не работают вообще, а потому, что в принципе не могут больше заработать[29].

Так же как и в странах Латинской Америки, важнейшим компенсатором социальных издержек экономической либерализации в России стал неформальный сектор. Можно сколько угодно сокрушаться относительно его уродливого, спекулятивного характера, однако несомненно, что в последние три года неформальный сектор в России был едва ли не самым важным средством экономического выживания для тех, кто оказался в наиболее уязвимой ситуации при переходе к рынку, в частности пенсионеров и в целом лиц с низкими доходами. Одновременно неформальный сектор являлся одной из важнейших форм адаптации к рынку для большинства населения, а для многих и средством вертикальной мобильности. Именно бурный рост неформального сектора достаточно убедительно показал, что распространенные представления о психологической неготовности населения России к рынку и о всеобщей зависимости от государства были преувеличены. В целом оказалось, что люди достаточно быстро, хотя и небезболезненно, научились рассчитывать главным образом на себя.

Здесь также сыграли роль преимущества относительно высокого образовательного уровня, полученного в наследство от социализма. Наличие образования, как показывает опять-таки сравнение России с латиноамериканскими странами, расширяет горизонт человека и позволяет ему самостоятельно находить новые и часто неожиданные пути приспособления к меняющейся ситуации. Тем более что сама быстрота и резкость перехода к рыночным отношениям в России вначале резко расширила возможности, открывавшиеся в неформальном секторе для новой, ранее монополизированной государством или просто не существовавшей экономической деятельности. В отличие от стран Латинской Америки, где вновь прибывший в город сельский мигрант или недавно потерявший работу промышленный рабочий сталкиваются с тем,

[29] Paes de Barros R., Camargo J. M. Porca miseria II: As causas da pobreza no Brazil. Rio de Janeiro, 1994.

что все ниши неформальной экономики уже давно и прочно заняты, в России неформальный сектор на начальном этапе был низкоконкурентным и позволял в короткие сроки получать доходы, гораздо более высокие, чем в формальной экономике. Не поддающиеся учету масштабы неформального сектора в значительной мере объясняют парадоксальный факт роста доходов населения в условиях экономического спада.

Однако в его нынешнем виде неформальный сектор в России вряд ли способен в полной мере выполнять функции долгосрочного социального амортизатора. Основная причина этого – в его быстрой криминализации, в сокращении доли индивидуального и мелкого производства, в доминировании торгово-посреднической деятельности, находящейся под контролем мафиозных групп. Все это не только существенно снижает возможности для дальнейшего расширения неформальной занятости, но и блокирует те процессы становления функциональной дополнительности формального и неформального секторов, которые были отмечены ранее на примере Латинской Америки и которые начали было развиваться и в России. Чтобы стать устойчивым рынком, снижающим издержки воспроизводства рабочей силы, или субподрядчиком крупных фирм в легальном секторе экономики, неформальный сектор нуждается в минимуме стабильности и защиты от произвола как преступников, так и властей. Будучи нелегальным, незарегистрированным и не платящим налоги, второго он не может иметь по определению. А значит, не может получить и первого. Поэтому мелкое неформальное производство в России (а не торговая или финансовая деятельность) оказывается между "молотом" рэкета и "наковальней" налогов и не может развиваться там, где в силу наибольшей напряженности на рынке труда потребность в нем особенно высока, – прежде всего в малых городах. Совершенно очевидно, что при сохранении нынешних тенденций в налоговой политике мелкое производство и сфера услуг не могут существовать в рамках легальной экономики. Однако, чтобы они могли нормально функционировать в неформальной экономике, последняя не должна полностью раствориться в "теневой", криминальной сфере.

Наличие факторов, смягчающих социальные последствия экономических реформ в России, само по себе не является основанием для оптимизма. Просто без учета этих факторов невозможно реалистически оценить социальную ситуацию и перспективы ее развития: однозначно негативные и катастрофические ее оценки оказываются едва ли не более опасными, чем бездумный оптимизм либеральной весны. Постоянное преувеличение опасности притупляет, как известно, ощущение ее реальности.

Перед началом экономических реформ в России логично было предположить, что открытие экономики, в которой существовало лишь очень ограниченное число конкурентоспособных на мировом рынке производств, приведет к социальным последствиям, сходным с латиноамериканскими, включая стабильно высокий уровень безработицы,

маргинализации и социальной дезинтеграции[30]. Однако социальные процессы, происходившие в России в первые три года экономических реформ, показали существенное отклонение от этой модели. Вопрос заключается в том, носят ли эти отклонения временный характер, объясняемый лишь краткостью периода либерализации экономики, – и тогда основное направление социального развития в России будет близким к латиноамериканским образцам, или же речь идет об ином типе социальной реакции на сходные экономические преобразования.

В пользу первого ответа говорит очевидная краткосрочность действия большей части отмеченных социальных амортизаторов, за исключением высокого образовательного уровня населения. Речь идет прежде всего о краткосрочности факторов, сдерживающих рост безработицы в России. В условиях продолжающегося спада производства, ужесточения кредитно-финансовой политики правительства и увеличения числа банкротств резервы поддержания занятости на предприятиях неизбежно исчерпываются[31]. Какова вероятность того, что большая часть потенциальных безработных сможет найти новую работу до того, как формально потеряет старую, или же произойдет так долго ожидавшийся обвальный рост безработицы? Этот вопрос до сих пор остается открытым, и ответ на него в значительной мере зависит о того, удастся ли наконец остановить инфляцию и тем самым переломить тенденцию сокращения производственных инвестиций. О возможной латиноамериканизации социального развития России говорит также нарастающая деиндустриализация ее экономики. Промышленный спад в наибольшей мере затронул производителей основных видов инвестиционного оборудования, высокотехнологичной продукции для качественного обновления техники, конечной продукции химического комплекса[32]. При сохранении этих тенденций вероятность превращения малых городов России с одним или двумя градообразующими предприятиями в индустриальные кладбища, подобно малым городам промышленного пояса Буэнос-Айреса, весьма высока. Вероятна в связи с этим и нарастающая миграция населения депрессивных регионов в крупные города, сдерживаемая пока что отсутствием нормального, диверсифицированного рынка жилья.

С другой стороны, высокая степень социальной однородности российского общества, достигнутая при социализме, обладает достаточно мощной инерцией, опирающейся на такие уже отмеченные факторы, как наличие жилья и высокий образовательный уровень населения. В отличие от стран Латинской Америки, в России давно не существует доиндустриальных анклавов, которые могли бы постоянно подпитывать городскую нищету. Возможная миграция из депрессивных регионов в любом случае будет носить принципиально иной характер – по качеству рабочей силы, по социальным ожиданиям и жизненным стандартам людей. Социальная поляризация в России пока выражается в углублении разрыва между полюсами, а не разделяет, как в Латинской Америке,

---

[30] См.: Ворожейкина Т. Мой неуместный пессимизм. // "Век XX и мир", 1991, № 9.
[31] Экономический мониторинг России: глобальные тенденции и конъюнктура в отраслях промышленности, 1994, № 3, С. 13.
[32] Там же, С. 32.

"общество" (т.е. верхние 30–40% и все остальное население). Можно предположить, что эта инерция будет сохраняться и дальше и позволит России избежать в будущем латиноамериканских уровней маргинализации и дифференциации доходов.

Несмотря на то что социальные издержки первых трех лет экономической либерализации в России объективно были гораздо ниже, чем в Латинской Америке в 80-е – начале 90-х годов, субъективное восприятие этих издержек оказалось гораздо более драматическим. Если в Латинской Америке, как уже говорилось, общественное мнение в целом смирилось с тем, что необходимая социальная цена должна быть наконец заплачена, и дистанцировалось от проблем тех, кто, собственно, и заплатил эту цену, то в России произошло прямо обратное. Общей тональностью партийно-политического истеблишмента, общественного мнения, средств массовой информации стало представление о вертикальном падении жизненного уровня и даже массовом обнищании населения России. Это представление отражало не столько реальность, сколько особенности ее восприятия в условиях социально-психологического кризиса и массовой утраты привычных жизненных ориентиров.

Дореформенный уровень жизни в Советском Союзе был гораздо ниже, чем на Западе, однако воспринимался как "нормальный" большинством населения. Советское общество из-за скудости информации и контактов с другими, более богатыми странами практически не знало типичной для третьего мира "революции растущих потребностей". Поэтому открытие экономики, наполнение рынка доселе неведомыми импортными товарами, агрессивное внедрение иных жизненных стандартов было для большинства людей психологическим шоком. В этих условиях многие искренне сочли себя обедневшими из-за недоступности для них дорогих импортных товаров, забыв, что они были недоступны и раньше: их просто не было на советском рынке. С нарушением принципов равенства изменилась и относительная шкала оценок. С одной стороны, появились богатые, выставляющие свое богатство напоказ, что, естественно, оскорбляло чувство социальной справедливости и воспринималось многими как ухудшение собственного положения. С другой стороны, появление множества нищих на улицах городов вроде бы также являлось неоспоримым доказательством обнищания населения. При этом опять-таки забывалось, что раньше нищие просто преследовались милицией, а там, где они все-таки были, их не показывали в ежедневных выпусках новостей. Теперь, по прошествии трех лет, эти психологические аберрации во многом отошли уже в прошлое, по крайней мере на уровне индивидуального восприятия. Однако на уровне общественного сознания их инерция сохраняется: не случайно оценки россиянами положения своей семьи стабильно и намного выше, чем оценки положения в стране[33].

Так же как и в странах Латинской Америки, экономический и особенно психологический шок оказался наиболее сильным для средних

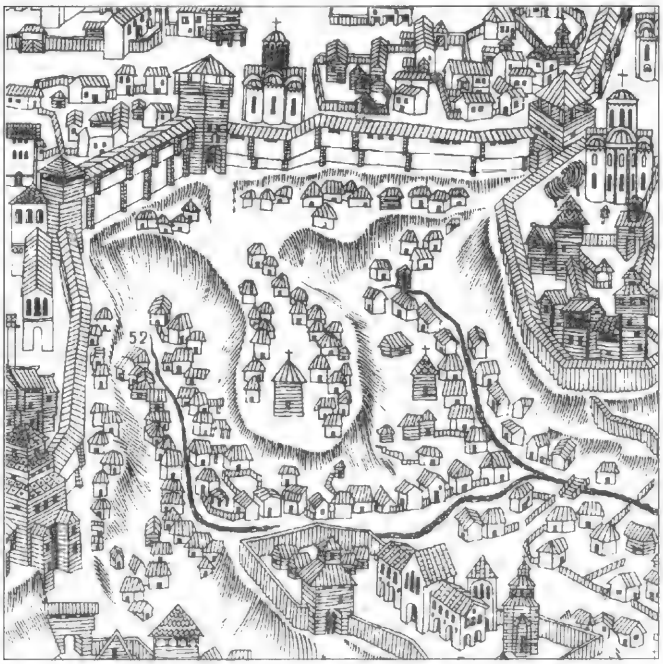
[33] Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1994, № 5, С. 3.

слоев – в российском случае для интеллигенции, для которой переход к рынку означал конец спокойного и, как задним числом выяснилось, весьма достойного существования, хотя и с более чем скромным достатком. Независимо от того, что многие представители российской интеллигенции улучшили свое материальное положение за годы реформы или даже "вскочили на эскалатор свободного предпринимательства", большинство из них до сих пор крайне болезненно переживает утерю прежнего социального статуса. Психологическая фрустрация этой категории населения не могла не отразиться на восприятии социальной ситуации общественным мнением в целом, поскольку именно интеллигенция традиционно формировала его в России. Именно с этим в значительной мере связано преувеличение уже заплаченной за реформы социальной цены.

В этом смысле социально-психологическая и политическая ситуация, которая складывается в России вокруг проблем экономической стабилизации и либерализации, противоположна латиноамериканской. Если в Латинской Америке усталость от десятилетий высокой инфляции заставила общество смириться с необходимостью стабилизации и дерегулирования экономики, то в России до этого состояния, по-видимому, еще довольно далеко. Немалая часть российского общества – и не только его "верхи" – до сих пор извлекает выгоду из инфляции, и поэтому в России до сих пор нет ничего похожего на тот всеобщий страх сползания к хаосу гиперинфляции, который на протяжении вот уже пяти лет способствует правительству К.Менема в Аргентине в осуществлении весьма жесткой программы неолиберального урегулирования. Не испытала Россия, подобно тому как это произошло в Латинской Америке, и провала противоположных, неортодоксальных схем урегулирования, пытавшихся одновременно бороться с инфляцией и стимулировать экономический рост и занятость. С психологическим состоянием общества во многом связана непоследовательность экономического курса в России, его высокая зависимость от изменений политической ситуации, поскольку только в политической сфере, а не в профессиональных спорах экономистов решается вопрос о том, какие реформы – быстрые или медленные – более эффективны и менее болезненны для общества.

СЛОБОДИЗАЦИЯ СТРАНЫ ГАРДАРИКИ

В. ГЛАЗЫЧЕВ



В Европах роль «антигорода» играл феодальный замок, монастырь, университет, фабрика, наконец, пригородный торговый центр. Российская слобода копила силы в тени официального квазигорода, расширялась за счет летнего сезонничества на городских стройках и благодаря армейской службе, во время революции она, было, рванулась к власти, однако сталинизм с его тягой к реституции загнал слободу обратно на окраины. С закатом большевизма в брежневские времена слобода заметно расширила свой домен. С перестройкой слобода победила все. Карета, в которой Зевес-Киркоров похитил российскую Европу-Аллуборисовну, сопровождаемая тройкой машин ГАИ, при аккомпане́менте приблатненного пево́чка-говоро́чка На-на-Любэ, – вот великий символ торжества слободы над городом. Слобода победила и тем подписала себе приговор.

© Глазычев В.Л., 1995

В. ГЛАЗЫЧЕВ

...Человек – игла,
затерянная в стогу,
на лугу
(если есть стог,
если есть луг).
Человек – листок
на семи ветрах.
Человек – плуг,
а земля – прах.

...Ты и выжжена и заснежена,
не любовница ты мне и не жена.
О, родимая русская нелюдь,
в своей нежити не изнежена.
(из стихов 1982 г.)

Как известно, иллюзорная очевидность сильнее реалий бытия, и когда в благостные времена застоя, в служебную бытность мою при архитектурно-градостроительной части я имел дерзость утверждать, что города в России не было и нет, обиженный ответ был, как у ксендзов из "Золотого теленка": как это нет, когда вот он, есть!

На эту же очевидность наталкиваются иноземные специалисты, которым и в самом деле мнится, что в России они оказываются хотя в несколько странном, но все же именно в городе, и тогда они начинают давать рекомендации, не понимая природы легкого подхихикивания со стороны вежливо внемлющих им туземцев.

В самом деле, некоторым образом застроенная территория, административно отграниченная от негорода, есть. Дорожные знаки, фиксирующие въезд в город (иной раз даже и план движения транспорта), тоже есть. Городские власти обозначают свое наличие соответствующими вывесками при входе в присутственные места. Есть некоторое множество жилых и прочих зданий, так или иначе замощенных улиц и пр. и пр. Аэросъемки проявляют, разумеется, некоторые специфические особенности российского города – в первую очередь рыхлость тканей и обилие пустырей и полупустырей, огороженных и неогороженных, однако для постороннего взгляда это не более чем технический недостаток или даже ресурс развития в будущем. На масштабном же плане и в особенности на карте и эта специфика исчезает почти полностью, что и позволяло в течение десятков лет успешно имитировать наличие градостроительной политики на международных собраниях. Тем легче это удавалось, что и терминология использовалась почти в точности та же, что и в остальном мире, тогда как тонкости, вроде того, что именно градостроительного проектирования в мире никогда не было, это можно было счесть не вполне удачным переводом английского *urban planning* и таким образом перенести предмет несогласия в область сравнительного языкознания.

Смею утверждать, что при успешной имитации формы города собственно городское начало в России словно бы органическим образом отсутствовало прежде и отсутствует напрочь теперь. Это шумное заяв-

ление можно было бы счесть не столь существенным – мало ли чего не было и нет в России либо как бы было, но в действительности и не было, вроде Сталинской Конституции! Однако есть основания думать, что без постижения уникальной природы российского "нонурбанизма" разобраться в особенностях местной культуры и тем паче в механике образа бытия трудно или вообще невозможно.

Разумеется, в указанном выше элементарном смысле города не было и нет и на Востоке, не знавшем признаков гражданства-горожанства, порожденного миром греко-римских структур. Важно, однако, то, что не быть, как и быть, можно по-разному, и в России города не было совершенно по-иному, чем в Древнем Египте, средневековой Индии или Китае. Там никому и в голову не приходило равняться по европейской схеме *Civilis*-существования культуры, вообще обособлять культуру от среды, воплощающей в себе высшую ценность Традиции. Мы, в России, никогда не были в состоянии позволить себе такое безразличие, и даже самая страстная проповедь "самости" непременно отражает внутреннее признание ее трудноосуществимости, ежели вообще возможности. Но не можем мы отделаться и от всеохватывающей уверенности, что все, что бы здесь, на этих суглинках, ни произрастало, непременно не похоже на другое, и чем больше жажда воспроизвести чужое, тем страннее оказывается конечный эффект. С идеей города и формой города происходило и происходит то же.

По естественной склонности к номинализму в России обычна исходная убежденность в ее принадлежности к кругу западной цивилизованности по крайней мере с Петра Великого. При такой точке зрения невозможность распознать "нормальный город" в некоторых застроенных территориях, отграниченных от окрестностей, в первую очередь вызывает чувство раздраженности. Мы словно сердимся на отечественную действительность за ее "неправильность" и ищем – начиная с В.О.Ключевского – объяснение этой неправильности и способы ее устранения так, чтобы, грамотно их применив, по крайней мере надеяться на то, чтобы законным образом числиться в европейском клубе по принадлежности. Несколько сложнее принять другую установку: мы имеем дело с особой действительностью, в которой все международные понятия, вроде урбанизации, обманчивы, подменяют и маскируют реальность. Если войти в эту феноменологическую позицию и стараться удержать в ней равновесие, то придется начать отстраивать модель средоустройства не столько обычным образом – от целого к частности, сколько путем восстановления или восхождения к целому от мельчайшего проявления этого целого, не данного нам в понятийных моделях.

Вопрос о местонахождении такой "молекулы" совместного бытия в пространстве России далек от простоты, но во всяком случае целесообразно в начале пути отказаться от двух крайностей. Одна – отталкивание от убежденности в том, что только пространство тотальной государственности как неделимая среда обладает постижимой сущностью. Естественно при этом стремление отыскивать так называемые корни в наиболее ранних исторических следах первичного землеосвоения. Другая –

убежденность в том, что только микросреда бытования отдельного обособленного человека (даже не семьи) может быть изучена и понята с какой-то мерой полноты и определенности. Здесь естественно бихевиористское безразличие к историческому времени, иначе чем взятому в масштабе родовой и биографической памяти индивида. Представляется, что разумнее оттолкнуться от некоторой конечной целостности общежития в пространстве в данный момент, чтобы в дальнейшем осуществить развертывание во времени и пространстве к их пределам, охватываемым более-менее оснащенным сознанием.

Летом 1993 г. мне довелось наконец добраться до "монады" российского "как бы урбанистического" бытия, каковой монадой мог быть только наименьший город России. Как и должно быть во всяком числовом ряду, должен быть нумер, завершающий весь ряд, – город Лихвин. До большевистских перекомпоновок Лихвин натуральным образом входил с уездом в состав Калужской губернии, после – с обычной в таких делах легкостью – он был сначала переведен в состав Тульской области, а затем лишен уездного статуса, но по причине гибели здесь бедного подростка от руки супостата в 1941 г. был переименован в Чекалин, затем и сохранил градский статус.

Особость Лихвина в том нечастом обстоятельстве, что он и в 1900 г. был наименьшим среди российских городов, что городу нимало не тесен планировочный корсет 1782 г. Так он и бытует на плане, высочайше конфирмованном Государыней Екатериной Второй, когда путаницу прежних улочек заменили обычной сеткой кварталов, с V в. до н. э. именуемой Гипподамовой. Впрочем, государыня была, как обычно, благоразумна и не пыталась втягивать в город старые слободы – Пушкарскую и Стрелецкую. И они тоже на своих местах. Не пытались включить в состав плана и крепостцу на высоком обрыве – крепостцы нет, но обрыв уцелел.

В Лихвине 1240 человек – в 1900 г. было несколько больше: 1700 душ. Как и во всей России, умирает здесь существенно больше народа, чем рождается, выезжает в поисках лучшей доли больше, чем приезжает. Особость места в том, что большинство жителей суть советские рантье-пенсионеры, упрямые, подозрительные и самодостаточные. Живут они пенсией, но также и продажей молока и молочных продуктов, овощей и фруктов обитателям близкого "города" Суворова (т.е. квазипромышленной слободы), пытающимся трудиться на заводах, получающим за попытки относительно высокое жалованье и не выращивающим ничего.

Еще один значимый источник пристойного существования лихвинцев – переход немалой части домов в режим летне-дачного использования наследниками и родичами. Чужим домов почти еще не продавали, так что некая община сохраняет самотождественность.

Из так называемого общественного производства в Лихвине имели место два очага индустриализации: молокозавод, на который все еще приходят машины, и нечто под названием "комбинат", где строчили

простыни, пододеяльники и наволочки, пока доставка сырья была плановой. Поскольку на "комбинате" трудятся дамы предпенсионного возраста, а исчисление пенсии гуманно разрешено производить из любых пяти лет стажа, то наличие или отсутствие сырья и работы мало кого беспокоит. Привезут что-то – есть работа, не привезут – тоже хорошо: "клубные" отношения вполне самодостаточны. Директор "комбината" – довольно молодая дама, избранная вполне демократической процедурою. Себе оклад она положила вполне сносный, от работы "комбината" существенно не зависящий, ибо, как принято в России, это не самостоятельное предприятие, а "филиал". Была попытка ворваться в технический прогресс, наладив производство пуховых подушек и одеял, однако с великой проблемой разделения пуха и пера местная рабочая сила не совладала и при помощи заезжих технологов, так что прогресс пришлось временно отменить.

Как в гоголевском Миргороде, по Лихвину бродят овцы, козы, куры, гуси, собаки и кошки. Впрочем, какой-то особенной лужи нет, так как ее место занимает пруд, отрытый в начальной стадии Перестройки, благодаря энергии мэра, а теперь несколько заплывший илом. Лихвинское стадо насчитывает более 600 голов, что вполне сопоставимо с колхозным стадом, но, в отличие от колхозной живодерни, здесь животные хотя и некой усредненно-советской породы, но здоровые и миловидные. Мэр Лихвина, человек вполне замечательный, сумел отнять почти 30 гектаров удаленной и потому заброшенной пашни у ближнего упадочного колхоза, так что с огородными плантациями у горожан все обстоит недурно.

Вопреки традициям советской урбан-географии доказуемо, что поселение вполне может существовать и без так называемого градоформирующего фактора, под которым полагалось понимать индустрию. Есть средняя школа, а в ней – компьютерный класс издивением какого-то спонсора: это уже сорок с лишком рабочих мест. Есть поликлиника (правда, профилакторий пришлось пока притворить ввиду обрушения профсоюзного царства) – еще три десятка мест. Работают библиотека и отделение Сбербанка. Есть хлебозавод – ни разу не ремонтированное здание постройки 1907 г.: совсем было хотели закрыть, новое построили, хотя оборудование еще не установлено, но теперь решили, что и в старом можно работать – еще два десятка мест. Есть три продовольственных магазина, один – канцтоваров, один – "Одежда" (всегда на замке): еще мест пятнадцать-двадцать. К тому же и частный магазинчик приютился в щели, обнаружив вполне солидный спрос на заморские сладости, баночное пиво и прочие радости жизни. Что-то перевозится грузовиками, а те надо где-то чинить и заправлять (из того, что на станции автозаправки следов жизни не обнаружено, не следует, что рабочие места не заняты). Есть почта. Есть осколочные элементы районной администрации в виде разных инспекций. Есть водопроводная станция – водоразборные колонки на улицах действуют исправно. Есть энергетическое хозяйство. Есть десяток мест в городской администрации.

Поблизости функционирует леспромхоз, в основе своей паразитирующий на сдаче участков на поток и разграбление иноземным (Молдавия) заготовителям, что, разумеется, никак не убавило числа рабочих мест. Рейсовый автобус до Суворова и обратно минует по дороге огромное санаторное хозяйство профсоюзов (целых шесть пятиэтажных корпусов), все еще заполняемое на сто процентов – там довольно рабочих мест.

В целом набирается около 300 рабочих мест, так что при населении в 1240 душ, из которых 750 – пенсионеры и около 250 – дети (частью свои, частью подброшенные экс-лихвинцами, убывшими в Москву и иные центры советской цивилизации), Лихвин нуждается в импорте рабочей силы. Из года в год имеется около тридцати вакансий, заполнить которые сложно – из-за малых окладов иногородних не сманить, а местные, для которых казенное рабочее место есть приработок и душевный комфорт, имеют возможность выбирать и привередничать – о безработице не может быть и речи.

Обычнейшая история – частично обеспечивая себя сам, Лихвин паразитирует на остаточной советской экономике не роскошно, но по отечественной мерке весьма приличным образом – во всяком случае, в городке все еще на ходу около 300 частных легковых экипажей.

Обычнейшая история и в том отношении, что вот уже почти восемьдесят лет вся эта полугородская инфраструктура опять-таки паразитирует на материальном субстрате, созданном где-то между 1880 и 1916 гг. В дозастойные советские времена здесь были возведены лишь гипсовый монумент с протянутой рукой, затерявшийся в листве, и еще знаки земного бытия бедного Саши Чекалина – их целых четыре, не считая имени городка: доска на домике, где жил; доска со звездой – на школе, где учился; плита под деревом, на котором расстался с жизнью; обелиск над местом, где похоронен. В застойную эпоху Лихвин обогатился, как уже было сказано, зданием Дома культуры на околице, типовой кирпичной школой, зданием узла связи, одним магазином и двумя жилыми домами – двухэтажными, но зато собранными из бетонных панелей. Все остальное унаследовано и распадается неспешно. Впрочем, есть и признаки возрождения: так, завершается ремонт местной церкви, множество частных деревянных домов известным советским манером обкладывают снаружи кирпичом – не без художества; мэр с помощью сыновей-подростков героически восстанавливает прекрасный сруб старинной школы, откупленный у города еще в бытность мэра учителем по остаточной стоимости в 2000 рублей. И еще все тот же мэр сумел выклянчить у района деньги на то, чтобы привести в порядок все шесть улиц города, но тут ударила инфляция – щебень точно привезли и свалили кучами, затем началась торговля с дорожниками, и к моменту моего отъезда она не завершилась.

Еще в Лихвине возвышаются живописные руины тюрьмы, построенной при Екатерине, – в руинах обжились четыре семьи, приспособив их под сносное, т.е. почти нормальное, существование, тогда как единственная в городке столовая прекратила основную свою деятельность по

причине сугубой убыточности, сохранив, однако, нечто вроде кулинарии, так что ее зал не так уж редко открыт для российской формы "бара": принесут, посидят за столом и пойдут себе дальше. Иных же мест общения нет. За исключением типового здания районного Дома культуры, где в наше время все еще показывают кино, но также и осуществляют регистрацию брачующихся пар. И, по-видимому, места развлечений – уже частные – появятся не скоро: все же массы населения недостаточно, а в силу географической локализации на проезжих рассчитывать не приходится. И так, в течение двух-трех недель разлива верховой Оки, городок отрезан от дорожной сети (разве что по полузаброшенной одноколейке пропустят поезд из Козельска), поскольку в 60-е годы по соображениям экономии мост построили столь низким, что полая вода перекрывает его полностью.

Как ни парадоксально на первый взгляд, но сегодняшний деидеологизированный Лихвин (впрочем, оформленная оппозиция рьяному труженику мэру есть, и вполне возможно, что ненавистного "демократа" она на ближайших выборах и сместит) в значительно большей степени похож на европейский город, чем иные крупные поселения. Похож тем, что существует для себя и по своим правилам. Не похож же тем, что он, с одной стороны, бытует явно успешнее, чем городки в зонах острой экономической депрессии, если иметь в виду психологию душевного равновесия, а с другой – как-то пронзительно почти лишен признаков повседневной социальной жизни.

Как ни парадоксально это звучит, но нынешний Лихвин в наибольшей, пожалуй, степени за всю свою многовековую историю приближен к городскому существованию, так как практически не ощущает на себе начальственного гнева и живет "сам по себе". Нелишним будет вспомнить, что, отвечая на анкетный лист Академии наук, разосланный по прямому указанию Екатерины Второй, бургомистры были на редкость единодушны в ответе на вопрос 21: "в чем упражняются обыватели?" (немецкий оригинал академического текста явственно проступает сквозь дословный перевод). Ответ был краток и одинаков: "обыватели упражняются черной огородной работою", тогда как ни торгов, ни прочих каких занятий не отмечено почти нигде.

Излюбленным поводом самоудовлетворения отечественных историков издавна служило упоминание того, что в варяжских странах Русь во время оно именовалась Гардарики. По причине застарелой нелюбви к иноземным наречиям отечественные историки без затей переводили это звучное слово как "страна городов", и, хотя усилиями А.Гуревича смысл слова "гард" обрел исходное свое содержание, на мифопоэтику россики в стиле Б.Рыбакова и его бесчисленных аспирантов это не повлияло ничуть. Гард или, если уж быть точным, гърд (*g'rd*) был и есть прямой и очевидный эквивалент города-ограды, огороженного двора свободного крестьянского рода – не более того, но и не менее того. Однако же привязанность к отчаянной модернизации, в силу которой слово город в переводном с европейского смысле *urbs*, или *town*, или *stadt* оказалось заброшено в глубь полулегендарной начальной истории Рос-

сии, не может ничего потерять в случае столкновения с историко-филологическим розыском: очень хочется, чтобы города были, чтобы их было много – значит, они были. В связи с этим обычнейшим приемом археологов было и остается манипулирование попеременно двумя словами: город и городище – их как горячую картофелину перебрасывают с руки на руку до тех пор, пока утомленный читатель готов будет смириться с чем угодно, будь то уравнивание огороженной территории с застроенной территорией или утверждение типа: "Если феодальные усадьбы представляли собой плотно застроенные и обжитые укрепленные пункты, то городища – центры волостей, по-видимому, не использовались постоянно в качестве поселений. Это были пункты сбора дани, здесь вершился суд, объявлялись княжеские распоряжения и т. п".[1]

Города в европейском смысле худо укоренялись на российской территории в любой период ее никогда не завершаемого освоения, потому и с городской формой культуры у нас постоянные трудности, и само ее наличие было и остается под вопросом. Под городской культурой Европой уже лет пятьсот понимается (с обязательными реверансами в адрес экзотических регионов) культура вообще – особая среда порождения, распространения и обмена ценностей между относительно свободными гражданами, каковых греки именовали "политеи" или причастные к политике.

Разумеется, не возбраняется заниматься сюжетом нонурбанизма на сугубо литературном материале, однако все же целесообразнее привлечь к этому сюжету опыт личных наблюдений, происшедших не только вследствие праздной любознательности, но также и в силу профессиональной вовлеченности в трудности выживания поселений.

Лихвин, возведенный на крутом западном берегу Оки, отстоит лишь на 25 верст от столицы древнего Козельского княжества и известной Оптиной Пустыни, однако прямой дороги через пологий водораздел, заросший лесом, не было и нет. Оставалось идти пешком: сначала по грунтовой дороге лесничества, затем по шпалам одноколейки, затем по неожиданно хорошему шоссе, в стороне от которого виднелись копры заброшенных шахт, увенчанные изрядно поросшими березками. Лес раздвинут, и на поляне высится этакий Небесный Иерусалим в сборных панелях – поселок городского типа Сосенский. И по качеству дорожного полотна, и по мощности пожарного депо, и, наконец, по "художественно исполненным" указателям можно сделать безошибочный вывод о том, что в лесу затаилось дитя ВПК, ныне переживающее не лучшие свои дни, хотя пяток шахт функционируют.

Имя поселкам городского типа легион, проживают в них до четверти населения, причисляемого статистикой к городскому. Однако эти неопознанные нелетающие объекты так и остаются загадочным и затерянным миром. Форма города у них есть, внешние атрибуты городского бытия – тоже. Но это ближе всего к *company-towns* в их наиболее старомодном, девятнадцатого века, издании. Сосенский, как и тысячи его двойников, возник как часть советского индустриального "бизнес-

[1] Седов В.В. Городища Смоленской земли / Древняя Русь и славяне. М., Наука, 1978, С. 147.

плана", был вкалькулирован в состав "основного производства" и по сей день остался в практическом единовластии индустриальных баронов. Был момент, когда вместе с утратой неисчерпаемых кредитов несколько ослабла самоуверенность баронов, и группки "демократов" в ПГТ попытались захватить власть – советскую, разумеется. Но наряду с неопытностью новой власти ее окончательно подкосили долгожданные реформы, которым бароны сопротивлялись по неразумию. Теперь в Сосенском уже воцарилось А/О закрытого типа, так что статус-кво можно в целом считать восстановленным. В структурном смысле ПГТ – поселки городского типа – мало отличаются от все тех же исконных слобод: ямских, стрелецких или пушкарских, хотя прямая сословная повинность и замещена в новой слободе тотальной зависимостью от монопольного работодателя – с большей или с меньшей степенью просвещенности.

Конечно, было бы неразумно вполне приравнивать мир ПГТ к миру военных городков, нынешних или старых: все же отсутствие полной регламентированности Уставом привносит в первый толику если и не свободы, то некой внешней расслабленности. И все же различия менее существенны, чем сходство – во всяком случае, мой опыт знакомства с миром военных городков убеждает в том, что имитация подчинению Уставу успела достичь высочайшей степени изощренности. Такие существенные мелочи, как незаделываемые проемы в ограждении, которыми пользуется всякое разумное человеческое существо, дабы не вступать в конфликт с местным правом, позволяют убедиться в том, что лозунг выживания, впервые предъявленный в названии картины Ярошенко "Всюду жизнь", остается опорой российского нонурбанизма.

Нет смысла сосредоточивать внимание на особом мире ВПК с его "закрытыми" городами, в особенности теми, что были порождены Министерством среднего машиностроения, многолетний заместитель главы которого г-н Коротков был в самоощущении современным Давидом-строителем и поощрял архитектурные "излишества" Навои или Шевченко (ныне Актау), вплоть до высверливания в материковой скале огромных лунок для высадки в них деревьев, полив которых обеспечивался опреснителем при АЭС. Нет смысла потому только, что хотя это и обширный затерянный мир, в состав которого входило до недавна около пятидесяти поселений (включая заброшенные города-призраки вроде Желтых Вод, населенных давно только тарантулами), но все же нас интересуют не исключения, а общий порядок вещей.

На пределе возрастания ряда монопромышленных слобод, начинаемого ПГТ, вроде Орджоникидзе в Крыму, затерявшегося за горой между Феодосией и Коктебелем, обнаруживаются слободы уже совершенно гигантских габаритов – Тольятти и Набережные Челны.

Эти химерические, по полмиллиона жителей каждый, порождения советского планирования все же слишком велики, чтобы целиком укладываться в моносхему. Так, в Набережных Челнах все же сохраняется различие между "городом", созданным в 50-е годы "под" строительство ГРЭС и шлюза, и Автозаводским районом, неотрывно сцепленным с близким КамАЗом. В Тольятти сохранился контраст между "старым

городом" 50-х, т.е. степным Ставрополем, переселенным на новое место в связи со строительством Куйбышевского гидроузла, и "городом", порожденным комплексом АВТОВАЗа. Как ни парадоксально, но "сталинские" города, созданные преимущественно рабским трудом, несли в своей имитационной форме города большее человеческое начало, чем "города" брежневской, куда более либеральной поры: нормальных габаритов дома, нормальных пропорций дворы. Искать за этим идеологических оснований было бы неверно. Все дело в том, что, когда форма города лишь имитируется, а созидается всего лишь слобода, решение естественным образом передается тем, кого определяют специалистами по городской форме, – архитекторам. Архитекторы же, предоставленные самим себе, способны либо по инерции воспроизводить некие "городские", т.е. европейские, стереотипы, пока ощущают себя преемниками исторической формы, либо увлечься отчаянным абстракционизмом, когда связанность с культурой формы разорвалась.

При имитации формы города происходит натуральное высвобождение от последних следов реальности человеческого существования, и композирование в почти картографическом масштабе не сдержано почти ничем. Поскольку же размеры тела архитектора от этого не зависят, а изображать планировку принято на доске, легко понять, что работать на планшете с габаритами больше чем 2 х 3 метра нельзя технически. Чтобы поместить суперслободу на таком планшете, остается уменьшать масштаб изображения и рисовать форму города в масштабе 1:10000. В таком масштабе обычная улица шириной метров 12 – 20 должна быть представлена полоской 1,5 – 2 миллиметра, т.е. быть почти неразличимой с того расстояния в несколько метров, с которого принято глядеть на генеральные планы при обсуждении с экспертами или во времена визита большого начальства. Вполне естественно при этом оказывалось воспроизводить "форму проспекта", придавая ему ширину 300 метров, и соответствующих габаритов "форму площади", а затем уже возникало естественное стремление сочинить присутственные места так, чтобы и их габариты соответствовали пространственной ситуации. Поскольку же в свою очередь, за исключением партийного дома и "дворца культуры", зал которого был нужен для конференций, никакое более "общественное" строительство не финансировалось, в гигантской слободе воцарился пустырь – *форма пустыни* или "дикого поля".

Впрочем, и здесь нет качественной новизны. Перепланировка поселений под европейскую "форму города" при Екатерине Второй и Николае Первом также осуществлялась по планам, составляемым лишь в отношении к листу бумаги, нередко срочно и заочно. Так, в славном Тихвине главная площадь обнаружилась с перепадом высот в три сажени между противоположными ее сторонами: рисовали на плоскости столь спешно, что ввиду отсутствия данных топографической съемки таковыми было естественнее всего пренебречь, положившись на милосердие Создателя и утрату монаршего внимания к результатам подписанных сугубо концептуальных решений. Точно так же при устройстве главных площадей Полтавы или Петрозаводска изображалась "форма

площади", круг в первом случае, овал во втором, но если петрозаводский овал окаймлен хотя и заниженными, но как-то соответствующими пространству корпусами присутственных мест и губернаторского палаццо, то в Полтаве посреди города – своего рода модель поля, напоминающая о том, что наши предки некогда удалились в леса именно из степи, уступив "поле" натиску скотоводов.

И тогда причина была проста и сугубо инструментальна: при изображении кварталов новой "формы города" было ясно, что изображается интервал между проездами, который в дальнейшем будет заполнен огородами на 3/4, а постройками на 1/4, но логика рисунка такова, а форма прямоугольника обладает такой магической силой, что получить "форму площади" при этом можно было одним способом. Под второстепенную площадь "изымается" прямоугольник квартала, под главную – двух или четырех кварталов. Все очень просто.

Таким же образом поступали и при проектировании суперслобод, но "кварталу" Тольятти назначили габарит по сетке 1000 х 1000 м, а в Набережных Челнах ограничились созданием "островных" групп, прозванных жилыми комплексами. Проездам даже назначили позже имена, но те не приживались, и почтовый адрес определялся просто: Комплекс № 23 и т.п. Под играющей рукой зодчего, рисовавшего форму города по вдохновению, ибо оснований делать иначе не было никаких, возникла структура, ставшая питательной средой для молодежных гэнгов, отстройка коих осуществилась сама собой – по "комплексам".

Слобода, довольно успешно имитирующая форму города, – основа иллюзорной вещественности российского нонурбанизма.

Несколько сложнее на первый взгляд обстоит дело с древними и при этом разраставшимися поселениями, форма которых отразила в себе наслоения многих времен, что и создает немало иллюзий.

Конечно же, первенство здесь бесспорно принадлежит Москве, которую уже в конце XV в. заезжий итальянец Амброджо Контарини весьма удачно определил как *terra di Moscovia* или даже *il resto di terra*, четко отличая от нее *il Castello*, т.е. Кремль. Заметим, что лишь в завещании Ивана III Москва была определена как вотчина наследника, хотя в действительности отношения собственности сохранялись еще в запутанности. При самом же строителе Успенского собора стольный град все еще был рыхлой агломерацией вотчинных владений не только членов обширного великокняжеского дома, но и служилых князей, и старомосковского боярства, и нового боярства, прибывшего в Москву вместе с бывшими удельными князьями. При каждом из этих княжеских или боярских дворов возникали собственные ремесленные слободы, не говоря уже о полях, лугах и огородах. Позже происходит шаг за шагом выдавливание, так что монопольная позиция Великого Князя и его двора была закреплена – не столько, впрочем, за счет какой-то радикальной перепланировки, сколько отъемом или переемом собственности – иногда с компенсацией, чаще без таковой.

В любом случае и во времена первых Романовых стольный град был необычайно широко раскинувшейся рыхлой агломерацией слобод,

разделенных полями, вспольями и лугами. Если за несколько столетий Китай-город все же стал своего рода даунтауном, частично воспроизводя не только форму, но и структуру бытия европейских аналогов, то уже на Белый Город европеизация смогла посягнуть всерьез только после наполеоновского пожара. Не лишено интереса проследить, с какой последовательностью *terra di Moscovia* продолжала и продолжает воспроизводить собственную структуру, несмотря на смену династий и режимов. Популярное в прошлом веке суждение о Москве как большой деревне неверно по существу – она была и остается рыхлой агломерацией слобод (частью агропромышленных, как Измайлово или Коломенское, и промышленных, как Гончары, или полупромышленных-пустырных, в целом занимающих до 40% площади юридического города), а также "сел", частью – жилых или спальных, к которым уже в наши дни все добавляются новые: сначала Теплый Стан и Битца, а теперь и Жулебино, и Южное Бутово. *Terra di Moscovia* продолжает процесс наползания на Московский край, очевидным образом стремясь поглотить его весь без остатка.

Москвичи были горожанами в такой же, если не в еще меньшей степени, чем обитатели других поселений России. И все же вопрос о статусе их существования в пространстве не столь уж прозрачен.

Вроде бы стремясь в полноте руководить поведением каждого податного индивида, российская система власти категорически не желала смириться с необходимостью нести расходы по реализации этой четко выраженной воли и уже поэтому, перелагая бремя расходов на ту или иную ассоциацию индивидов, начиная с деревенской "верви", задним числом переименованной в "общину", явочным порядком признавала за индивидом изрядную толику самодеятельности. Естественно при этом, что сохранение высокой, наивысшей степени неопределенности норм являлось (и является) условием *sine qua non* устойчивого в самой неустойчивости своей порядка вещей. У такой неустойчивости масса достоинств, так как она исключала самую возможность соотносить последующие деяния с предыдущими по единому основанию и тем самым – критику даже как возможность. Но у нее была и есть оборотная сторона в том, что, изустно утверждая единство воли, власть негласно принимала, в форме обычного права, неопределенность обязанностей всех податных существ вне отправления податей.

Из героических усилий власти предержащей не отпускать вожжей ни на единый миг, столь блистательно каталогизованных М.Е.Салтыковым-Щедриным, не так уж многое получалось. Стремясь сохранить от сокращения численность податного населения и притом тяготея к предельному упрощению расчетных процедур, власть пыталась блюсти, чтобы всяк занимался исключительно предписанным ему делом. Крестьянам воспрещалось торговать – однако упорная частота угроз в указах властей в адрес "торгующих крестьян" со всей ясностью показывает, что это традиционный российский способ заклинаний, стопроцентно повторяемый мэрией Лужкова в наши дни. Стрельцам полагалось совершенствоваться в военном ремесле, однако так как выплата

жалованья задерживалась регулярно, то на мирные ремесленно-торговые занятия стрельцов власти смотрели сквозь пальцы. В связи с этим податные ремесленные слободы поднимали несусветный вопль протеста на, сказали бы мы сегодня, некорректную конкуренцию – с тем же эффектом, что и нынешние протесты торговцев "в законе" против коммерческих операций под прикрытием государственных, муниципальных или благотворительных вывесок. Купцам было тоже не сладко – будучи записаны в "сотню", они оказывались под угрозой выбора старшиной, что ничего, кроме неприятностей, не обещало, тогда как экстраординарные поборы были столь же уверенно предсказуемы, как нынешние повышения налогов.

Любопытно также и то, что единственным более или менее надежным имуществом москвичей (дома сгорали в пожар как свечки, одни трубы оставались, но печку всегда можно было обстроить избой заново) было пространство как таковое. При, казалось бы, явном избытке пустой и пустующей земли *места никогда не хватало*. Всякий законный, т.е. включенный в опись как тянущий тягло, владелец двора становился в московских условиях держателем арендаторов и субарендаторов, которые именовались "дворниками" и обеспечивали владельцу некий стабильный доход. И вновь замечательное в своем роде постоянство ситуации, прекрасно известное сегодня всякому, кто пытается найти в Москве сотню квадратных метров для устройства собственного офиса или мастерской.

С одной стороны, москвичам приходилось сложнее других, так как над каждым вздохом обывателя надзирало великое множество всевозможных начальников. С другой – легче других, потому что из близкого соседства множества начальств и постоянной путаницы в разграничении полномочий между имперскими и городскими властями следовало великое множество неувязок и проволочек, так что для тихого своеволия обывателей всегда доставало места. Только в серьезное большевистское время, когда специфическая арифметика по Маяковскому (единица – нуль) возобладала над традиционной, своеволие было твердо согласовано с позицией всякого "нуля" на иерархической лестнице, тогда как множество таких лестниц одновременно придавало и своеволию привкус вечного риска.

Именно в это замечательное время традиция подмены города одной "формой города", блистательно предъявленная Петербургом, приобрела настоящее стремление к абсолюту. Все пространство СССР выстроилось в системе концентрических кругов, уже тем обозначив победу "формы страны" над страной. Категория близости к идеальному центру нового мироздания имела немного общего с географией: Ленинград был "ближе", чем какой-нибудь Можайск, ибо это был "город трех революций"; Магнитогорск был "ближе" Вологды, так как это была "стройка пятилетки", т.е. как бы в самой Москве осуществляемая; Тбилиси был "ближе" Ташкента, но не в силу натуральной своей близости, а в связи с родством с тотемным прародителем; Сталинград – тем более. Концентрика продлевалась внутрь физической Москвы, так как

подлинным центром мироздания был по внешнему обводу Кремль, а уже в его центре – собственный кабинет Вождя или даже лампа на его столе (при этом стилистика немецкого "модерна" в ее стойке и абажуре утрачивала здесь всякий смысл, ибо то был Светоч). Игра с замыканием новой вселенной на фигуре Основоположника, в облацех венчающей суперпостамент Дворца Советов, завершилась, как известно, его мистическим воплощением в целлулоиде нескольких фильмов, последним из которых был, кажется, "В шесть часов вечера после войны". Напротив, финальным актом сооружения семи пирамидальных объемов высотных зданий стало создание еще одной уже не мыслимой только, но видимой воочию оправы вокруг известного кабинета, в коем, однако же, Хозяин уже не рисковал появляться, закрывшись в Кунцеве и тем еще раз уподобившись государям.

То, что в имперских мечтаниях Романовых было все же весьма ослаблено и снято их домашне-романтическими устремлениями вовне центра (Петергоф, Павловск, Царское Село) и невнятностью – то ли шпиль Петропавловской крепости, то ли Адмиралтейства, то ли Ангел на вершине Столпа, было *наконец* выражено вполне и до конца. В нелюбви к большому городу большевики также наследовали Романовым, но, вместо собственного бегства в приятную пустынь Гатчины или Царского Села с их загородными дворцами, предпочли "форму города" надеть на город людей как плотный намордник. Еще раз напомним, что до 1936 г. не было и городских советов при всей их ублюдочности – только губернские, т.е. и этим город был как бы сплющен и размазан по обширной территории. Городские же советы были учреждены разом с районными, т.е. физиономичность самой власти была сразу же по учреждению ее раздроблена на фрагменты, значимость которых также была символизована предельно: в Бауманском голосовал Сам, Сталинский был самоочевиден, Ленинградский был освящен именем города-знака. Даже само схождение районов узкими клиньями к Кремлю отграничило районы "центральные" от лишенных этой великой чести периферийных.

Физическая Москва могла при этом обитать в полуподвалах Центра и многообразии бараков, быть расквартирована по сугубо ведомственному принципу, вплоть до насильственного выселения из прежних домов, вдруг объявлявшихся ведомственными. Существование физической Москвы имело лишь то значение, что она все же несла на себе каркас идеальной "формы города", так что десяток новых ведомственных обиталищ вдоль бывшей Тверской и Большой Калужской полностью замещал собой широковещательную реконструкцию. Всеобщий, тотальный характер ведомственной принадлежности человеческого существа еще раз устранял границу между городом и негородом, оставляя за собственно "городом" только полулегальный мир "дна". В то же время наличие или отсутствие паспорта четко делило страну на "городскую" и "сельскую" половины, так что всякий обладатель паспорта был бы в некотором смысле вполне "москвичом", когда бы не система тайных кодов и отметок, выбрасывавших из этого привилегированного состоя-

ния всех, кто был "минус три" или "минус тридцать", что возродило формулу черты оседлости в рафинированном виде.

Слитность города со страной, невыделенность его тела из ее массы была дополнительно обозначена апологией символического Пути к пяти морям, предметно очерчена протяженными гранитными набережными во имя отождествления с Петром в черте города и в цепочке шлюзов, представлявших собой триумфальные арки на пути к Кремлю и Кабинету, будь то канал Москва-Волга или – уже после войны – Волга-Дон. Размножение тотемных статуй Вождя также работало на выравнивание всей страны, ибо присутствие монумента словно переносило точку его стояния к живому первоисточнику за стеной у Красной площади – с этой точки зрения отсутствие статуи в Кремле и на площади было совершенно логично.

Мы говорим только о Москве, вернее, о "форме Москвы", игнорируя все прочие населенные пункты, совершенно резонно – ибо других пунктов в символическом мире Советов не было. Вернее, они были, но только как тени, как ослабленные иносущности все той же Москвы. К реальной Москве и реальным городам это имело лишь то отношение, что эманация власти должна была получить непременное отражение в собственных "кремлях" в каждой населенной точке советского пространства. Эту тенденцию послесталинское время не только не ослабило, но и укрепило, размножая предметы и имена, будь то "черемушки" или "дворцы съездов".

Наконец, еще одно как бы несуществующее обстоятельство вело к снятию границы между городом и негородской частью страны. О нем бегло говорил Солженицын: всепроникающий характер "зоны", метастазы которой начинались в каждой третьей подворотне, за каждым вторым забором, за каждым фасадом, в каждом казенном здании. К 53 г. границы "зоны" или "опричнины" с новой "земщиной" установить было все сложнее, и хотя изрядная доля лютости из этого феномена ушла с хрущевских времен, все же всепроникающая система "почтового ящика" (что может лучше выразить уравнивание точек пространства, чем почтовая кодировка) осталась имплантирована в тело социального пространства более чем надолго. В боковом фасаде Исторического музея, напротив мемориальной доски правдолюбца и страстотерпца Радищева, было помещение, где на двух дюжинах экранов просматривалось все пространство Красной площади и подходов к ней, равно как и прослушивалась каждая квадратная сажень.

При столь мощной представленности нового совершенства собственно административная форма города могла быть без особых забот унаследована от прежнего режима. До июля 1917 г., когда Временное правительство попыталось осуществить реформу градского управления, и вновь, окончательно с весны 1918 г., социальное тело города членилось на полицейские части. По малочисленности полиции в роли ее штатского вспомогательного корпуса выступал институт дворников, и эта парная структура существовала уже так давно и прочно, что странные идеи реформаторов из Временного правительства относительно

гражданских свобод были понятны разве что одному из тысячи. Тем более так, что вошедшая в пословицу коррумпированность этой парной структуры нисколько не мешала относительной вольности перемещений, хотя и держала всякого в состоянии необходимой настороженности. Полицейская часть была естественной "монадой" городского бытия, в целом недурно обеспечивая обратную информационную связь и сбор статистических сведений по линии Министерства внутренних дел.

Любопытно при этом, что хотя епархиальное членение на приходы имело место, оно обладало только одним значением – сугубо внутрицерковным, обозначая собой наследуемые и вакантные места священников и дьячков. Остаточные следы хотя бы некоторой роли приходской сетки можно при желании усмотреть в системе адресов, где церковь-ориентир, как правило, выступала первым элементом ряда последовательного приближения к имени домовладельца, однако думается, что за этим элементарное и потому сугубо полицейско-пожарное удобство ориентации и более ничего. Рядом со структурой полицейских частей приходская сеть едва различима, что и естественно, ввиду удержания Синодом полноты дисциплинарной власти вплоть до реанимации Патриархата (скорее "формы Патриархата") усилиями Временного правительства. Социально-культурного смысла система приходов не имела напрочь, проявляясь единственно в бытовой привычке ходить в ближайшую церковь.

Советская власть оценила устоявшуюся систему как добротную и ограничилась тем, что удесятерила ее численное выражение: полицейские части оказались расчленены на значительно более мелкие милицейские участки, так что ежедневный ритуал обхода "участковым" стал неотъемлемым элементом жизни теперь уже каждой коммунальной квартиры, а все еще сохранившийся корпус дворников оказался стократ усилен корпусом управдомов и доверенных квартиросъемщиков. На этом социальная форма города остановила свое развитие и с хрущевского времени пребывает в состоянии неуклонной поступательной деградации, пышный декаданс которой пришелся уже на наши замечательные дни почти полной свободы выражения откровенной силы.

Есть одна преемственная черта, которая позволяет говорить об относительной устойчивости "структуры города" при всем его подлинно слободском характере. Как и во всей Европе и даже в большей степени, из-за отсутствия самостоятельных цехов и гильдий в русском огороженном городской чертой пространстве бок о бок соседствовали всегда убогие хижины, средние по достатку владения и хоромы относительной роскошности. В некотором смысле уравненные и усредненные протяженностью равноглухого забора, эти владения свидетельствовали о своего рода градском эгалитаризме – четкое сословное право на локализацию не замечено, хотя внеправовые действия по вытеснению или устранению нежелательного соседства могли случаться нередко. В период бума, который многими с изрядным допущением именуется российским капитализмом, прежняя структура не была поколеблена, так что ее останцы все еще замечены в центральных частях городов, отнюдь не ис-

ключая первопрестольной. Впрочем, при создании столь нового явления в российском городе, как доходный дом, произошла замечательная в своем роде вестернизация, в ходе которой социальная структура обрела неожиданную трехмерность: меняя статус от фасада, выходящего на главную улицу, к третьему световому двору и от бельэтажа до мансарды или ее заменителя.

Первичное большевистское "уплотнение" перенесло новую, скорее сословную, чем классовую структуру внутрь коммунальной квартиры, выстроив, хотя и не сразу, сложную систему приоритетов локализации комнат относительно передней, телефона, ванной комнаты и черного хода. Но это был очевидный паллиатив, и зрелое сталинское градостроительство тяготело к формированию вполне замкнутых структур "домов специалистов", но, за редким исключением (Дом правительства в Москве, Городок чекистов в Свердловске, группы по Лесной улице в Ленинграде и т.п.), размах был недостаточен, и соседства с прочими вполне избежать не было возможности. Бурное сокрушение деревянных домов в эпоху великого хрущевского переселения до некоторой степени ломало стереотип, формируя невиданный предметный эгалитаризм, однако уже к концу 60-х годов прежний порядок был восстановлен, и "дома улучшенной планировки" начали возникать в прямом и открытом соседстве с пяти- и девятиэтажными сборными емкостями для статических единиц горожанства. Десятилетием позже такие дома вновь, посталински, начали группироваться в отдалении от прочего городского люда.

И наконец, уже в наше время наблюдается нормальный и признанный процесс имущественной сортировки горожан по кварталам и группам кварталов. Экономическое начало, все еще теснимое традиционным началом привилегий, начинает проступать в своей спокойной наготе, что, возможно, открывает главу собственно городского существования, вне экономических оснований немыслимого.

Мы можем оставить в стороне множество элементов того, что именуется обычно городской инфраструктурой, начиная от водопровода и кончая транспортом и уличным освещением: довольно последовательно поспевая за мировым прогрессом, Россия в этом отношении сохраняла отчетливо патерналистскую схему поведения. Масляные, а затем газовые, керосиновые или электрические фонари могли быть дарованы обывателям или нет, от самих обывателей сие не зависело, и им оставалось ждать, надеяться и выражать восторг, когда надежды нечаянно сбывались. Речь все о той же "форме города", которая затрагивала, разумеется, жизнь обывателя, но исключительно в страдательном залоге его самосознания. Единственное, что при всех режимах не возбранялось, – писать жалобы и прошения, если при этом не утруждали начальство сверх меры его терпения. Ничего, что в этом отношении выделяло бы горожан сравнительно с обитателями деревни, выселок или аула, не обнаруживается достаточно долго.

Здесь мы можем наконец освободиться от груза первичной эмпиричности, в которой несть числа любопытным деталям, в совокупно-

сти не приближающим нисколько к пониманию целого. По-видимому, самое интересное заключается в осмыслении того, каким образом в стране Гардарики соотносились и соотносятся между собой город или, скорее, пространство интенсификации общежития и то, что следует признать либо по меньшей мере именовать культурой.

Если в полулегендарные домонгольские времена можно все же говорить о некоторой культуре княжеского двора, заимствованной в формах и литературных сюжетах у северо-западных и западных соседей, то в Московские времена и особенно после триумфа иосифлян над нестяжателями мы имеем дело исключительно с государственной формой культурных институтов. При этом нет даже оснований говорить о каком-то противостоянии между этой "верхней" культурой и обыденно-бытовой, ибо вторая была почти без остатка поглощена первой (характеристика Елисаветы Петровны, данная в свое время Ключевским, сохраняет силу и вперед по времени, и назад). Двор поглотил собой поселение, да и другие поселения тоже, недаром все бесчисленные волости управляются из одного Приказа, напрочь не позволяя им, даже в зажиточной и образованной части, обособиться. Записи о твердом преследовании "умников", т.е. едва ли не еретиков, хотя и скупые, говорят о многом. Заметим также, что единственные солидные авторские источники, которые до нас дошли, принадлежат перу или приказного дьяка Феодосия Курицына с его "Лаодикийским посланием", а позже думного дьяка Котошихина, или ученого крестьянина Посошкова – мещане, по-видимому, безмолвствуют.

Самозамкнутость и ретроградность православного монастыря, тотально отгороженного от "еллинских мудростей", лишали его шанса на самостоятельную культурную работу, о чем уверенно свидетельствует бурная история Соловецкого монастыря, вполне развитого в хозяйственном, но не в интеллектуальном отношении и в лучшие свои Колычевские годы. Московский Кукуй был, конечно, довольно зрелой колонией, но в пространстве города-страны это было "антипространство", черная дыра, в опасные недра которой мог дерзнуть заглянуть только Петр. Его героические усилия привить западные инженерно-инструментальные навыки мощному стволу местного *dolce far niente* породили-таки первые, пусть хотя бы внешние признаки собственно городского поведения – "форму городского общежития": ассамблеи, театральные храмины, регулярство застройки, невиданность дерзкого шпиля над военной, но уж по крайней мере нецерковной постройкой, триумфальные арки и фейерверки, регулярные сады, где приказано было веселиться с усердием, и пр. и пр.

Подобно тому как *smile, please!* рано или поздно порождает привычку учтиво улыбаться, военные парады и уподобленные им во всем "градские" празднества, навык чтения газеты и глазения на зрелища, приученность к аккуратности иноземца, с утра пораньше открывающего свой "васиздас", – все это с чрезвычайной скоростью за пару поколений породило совершенно новую геометрию пространства культуры. Нравилось или не нравилось это, но пришлось привыкнуть, что в центре

страны – петербургский двор и смесь обслуживающей и озирающей его мещанской толпы, познающей толк в моде – моде на все. Филипп Филиппович Вигель оставил нам несравненные в язвительной точности описания, будь то смена стилистики салонов и гостиных от Екатерины к Павлу и затем – к Александру (чего стоит одна трактовка фрака и круглой шляпы при Павле как наказуемого революционизма) или смешноватое отражение столичности в жилищах пензенской аристократии. Материалы мемуаров нарастают с каждым десятилетием весь девятнадцатый век, и все это информационное богатство свидетельствует о том, что из механического повторения придворных артикулов вырастала все же шаг за шагом авторская имитация – светского ритуала, убранства, музицирования, живописи, литературы: примерно в этой последовательности во времени. Все это, однако, любопытным образом распределяется в пространстве: Двор как реальность или как удаленный идеал – Поместье, в какой-то мере уже сближенное с чем-то вроде английского *manor house* после опубликования указа о вольности дворянства, тогда как городская усадьба оставалась все еще скорее сезонной городской квартирой, не более.

Здесь мы впервые соприкасаемся с предметом, нуждающимся в пристальном внимании, поскольку предыдущие эпохи недокомментированы и полулегендарны. Культурные ценности транслируются в особом сложно организованном пространстве. Одну структуру можно именовать *казенной* – отношения между индивидами и семейными кланами отстраиваются в ней относительно табели о рангах и правил игры, задаваемых Двором. Это суть отношения служебно-светские, формализованные, формируемые в Петербурге как единственном центре (иными словами, здесь Пушкин важен в чине камер-юнкера). Другую структуру можно именовать *соседской* – отношения между индивидами и семейными кланами отстраиваются в ней от физического соседства помещичьих усадеб в необозримом пространстве (здесь Пушкин важен в роли владельца Михайловского).

Казалось бы, ничего специфического здесь нет – до реального торжества презирающего время капитализма (а частью и после) сезонные перемещения образованного сословия из города и в город были нормой для всей Европы. Однако все то же специфическое обстоятельство сверхпротяженности придает стандартному процессу совершенно особое качество. Достаточно вчитаться в страницы "Багрова внука" Аксакова или меморий князя Кропоткина, чтобы ощутить в полноте значимость великих сезонных переселений в дальние поместья и обратно. Переход из одного мироустройства в другое был столь растянут во времени, что мы имеем дело не столько с преодолением пространства, сколько с растворением в нем через ступенчатую метаморфозу, начинавшуюся за городской заставой.

Взаимодействие обеих структур было естественным и неизбежным, ибо ролевые позиции замыкались на тех же индивидов, однако в первой, в ее абсолютном выражении, обязывала схема подчинения единому *Pater Patriae* как *Pater Familia* по совместительству (Николай Пер-

вый, лично проверявший, не спят ли будочники), тогда как во второй – отношения вырабатывались еще и лично, иногда личностно. В первой структуре дистанцированность от плебса была тем абсолютнее, чем сильнее провозглашалась "народность", во второй – говорить о дистанцированности не приходится ни в коем случае, причем трансляция ценностей осуществлялась в оба направления: от бар к дворне и ее крестьянской родне и обратно. Наконец, в городской усадьбе-квартире, переполненной дворней, обе ролевые структуры неизбежно сложным образом соприкасались и взаимодействовали, уже тем закладывая основы разночинной взрывоопасной культурной метизации.

Крепостным мастерам с немалым трудом удавалось относительно воспроизводить мебель Рентгена, Гамбса или Чиппендейля – затем уже восхитительным образом детали "античного" декора воспроизводились топором в убранстве крестьянских изб, а бесчисленные саксонские статуэтки "копировались" в форме расписных глиняных свистулек. Росли библиотеки и портретные галереи, особенно трогательные в третичных провинциальных изделиях, в наше время любовно реставрированных и выставленных в музеях. Все это – в усадьбе, тогда как в городском жилище, упорно остававшемся вторым, все было стандартнее и беднее – блистательное описание оставлено в записках князя Кропоткина о кварталах Пречистенки его детства и юности.

Пожалуй, все же разночинный меланж, эта странная смесь семинарских предрассудков с осколочными уподоблениями дворянским образцам в значительно большей степени объяснима как реакция отторжения на фантом городской буржуазной *gemutlichkeit*, каковую с немалым удовольствием воспринимали за границей, но вместе и ненавидели (см. мемории Афанасия Фета). Такое отторжение давалось тем легче, что ненавистный призрак как-то объединялся в сознании "критических реалистов" с вполне реальным образом слободского приказчика-хама, грядущего охотнорядца-черносотенца. Не лишено занятности, что те самые кофейни и кондитерские, что в Европах были убежищем классического мещанского люда, в Петербурге или Москве становились бомондными местами, тогда как разночинцы теснятся в одних трактирах с ямщиками и сезонными строителями, не объединяясь с ними психологически, но только испытывая жажду объединиться с ними в духовном порыве. Во всей "физиологической" прозе и в особенности у писателей второй руки, которым не хватало сочинительских претензий на "художественную форму" и потому окружающая действительность, хотя и в несколько олеографической шлифовке, прорывалась в их тексты сильнее, чем у великих, городское и слободское приравнены и почти отождествлены. В ряде очерков Н.Лескова или особенно Г.Успенского и А.Шеллер-Михайлова это проступает с особенной наглядностью.

После Великой Реформы наблюдается некоторое шевеление гражданских чувств, проявляющееся не только в новомодном судопроизводстве, но и в тяготении складывающихся местных сообществ к тому, чтобы дополнить обычные балы театром – как любительским, так и все чаще профессиональным. Возникают или жертвуются публичные библиотеки и – при отчаянном обычно сопротивлении власти – школы и училища. В силу нерегулярности и эфемерности существования это, как

правило, скорее, все же клуб, растянутый на увядающие усадьбы по соседству и без них немыслимый и в огромной, совершенно недооцененной степени – на младшее офицерство полков, непременно расквартированных по городам. Иными словами, зарождающееся культурное движение имеет в подавляющей степени запоздало-дворянский характер, тогда как наследники разночинцев начинают рядиться в народное платье и устремляться в деревни.

И вновь мы сталкиваемся с не предвиденной никем оригинальностью российского пространства культуры. Как бы собственно городская, т.е. в достаточной степени интернациональная (даже в своих суперпатриотических проявлениях, вроде Тенишевского Талашкина), **культура в своих основных компонентах формируется и развивается отнюдь не в городе, а в дачных зонах обеих столиц.** Мы имеем дело с малоисследованным феноменом сугубо "дачной" культуры, из которой вырастают действительно уже вполне самостоятельные культурные движения от Чехова до круга "Мира искусства" и всех, кроме разве одних футуристов, авангардистов начала нашего столетия. Любопытно при этом, что именно разночинная молодежь с особенной остротой противостоит слободскому началу, предаваясь греху эскапизма во множестве вариаций: от "версальской" А. Бенуа до "парижской" К. Коровина, через "петербургскую" М. Добужинского, Е. Лансере, А.Остроумовой-Лебедевой или А. Ахматовой и до "балетной" у Л. Бакста или А. Головина. Мир дачи есть мир добровольного временного соседства индивидов, что создавало призрачный мир свободы досужего общения, самопроизвольного обмена ценностями, уже в городских зимних условиях продолжавшего дачное сообщество, освобождая его от неизбежной вынужденности, порождаемой фактом физического соседства и его культурной нагрузкой.

Печальным парадоксом можно счесть факт, что именно в тот самый момент, когда отечественная культура приобретает вполне отчетливые признаки городской ее формы, слободская (она же местечковая в значительной части) контрреволюция большевиков наносит ей удар, от которого та начинает оправляться лишь в славную эпоху зрелого застоя.

Собственно городская среда все в большей степени оборачивалась сосуществованием нового кремлевского "двора" с его обособленными от прочих смертных "поместьями" и слободским миром припромышленного бытия, интенсивно окрашенного вторжением "лимитного" контингента. Однако при своей рыхлости это целое, не успевшее еще вполне окрепнуть в застывшие формы, допустило и продолжало допускать сложноассоциированное существование ячеек индивидуального бытия.

Кухня отдельной квартиры заменила собой или дополнила существующую дачу, так что этой странной паре "кухня-дача" обязано рождением все одушевление самопостигающей "городской" культуры.

Едва осознав себя, она вступает, однако, в опасный для ее "домашних заготовок" контакт с данной в романтизируемых осколках реальностью мировой культуры, вмешивается в нее с различной степенью умелости и, во многом растворяясь в ней, начинает уступать место росткам подлинной мещанской культуры, сводящейся преимущественно к сугубо внешним признакам урбан-цивилизованного ритуального поведения.

Острая реакция на эту коллизию естественным для России с ее сочетанием комплексов неполноценности/исключительности образом принимает форму защитного кликушества с православной окраской, так что вновь, в который уже раз, мировой "город" и его слабое проникновение в панслободскую реальность воспринимаются как воплощение вселенского порока. Антизападность и антиурбанизм (странная форма противостояния тому, чего, собственно говоря, нет, т.е. фантому) сливаются в отечественной культуре задолго до перестроечного морока. Тщательный сплошной анализ журнала "Новый мир", одного из самых нейтральных среди "толстых", за двадцать лет[2] дал весьма занятную картину. Во-первых, городская среда или хотя бы эскизно очерченные городские "кулисы" оказались представлены лишь в одной публикации из семи. Во-вторых, лишь в двух публикациях за два десятка лет эти "кулисы" были явлены хотя бы сочувственно, тогда как подавляющее число сочинений, трактуя город походя, опирали свои оценки скорее на "Калину красную" В. Шукшина, чем, скажем, на "Шурку и Просвирняка" М. Рощина. В-третьих, в хоре ламентаций по поводу бесчеловечности городского бытия отчетливейшим образом проступает классическое замещение: **неприязнь к социальному и психическому устройству здешнего мира в целом переносится на почитаемый безопасным предмет – "город"**. Слободское сознание не любит самое себя, но ко всему неслободскому относится с явной ненавистью, каковая много позже, уже в девяностые годы, прорвалась наконец на поверхность в публицистике А. Проханова или Ю. Власова или коллажно-образных речениях С. Говорухина.

Слободское есть принципиально неукорененное, свободное от иной исторической мотивированности, кроме собственной, не слишком обремененной деталями памяти "Растеряевой улицы". Когда после Великой Реформы наново отстраивались границы между областями земской и городской упорядоченности, слободы оставались обычно "ничьей землей". Вряд ли случайно, что в полицейских отчетах о состоянии дел в неустроенной зоне на стыке Ярославской, Костромской, Владимирской и Нижегородской губерний слобода Ивановская, нынешний областной центр, упорно именовалась "дикой Америкой". В силу всеобщей специфики ранней индустриализации, которая развертывалась преимущественно вне городов, наблюдалась вполне последовательная "слободизация" промышленных сел, вроде Кимр с их обувным промыслом, а затем и формирование мощных фабричных окраинных слобод больших городов, будь то Выборгская сторона Петербурга или московское Сукино Болото за Рогожской заставой.

Слободское непременно означало временное, в любой момент готовое к изгнанию, сносу и перемещению, обустраивающееся кое-как, чтобы день прожить, принципиально чуждое и даже враждебное всякому оттенку стабильности, наследуемости, вкореняемости. Нельзя сказать, чтобы понятие о собственности вовсе было чуждо слободе, однако распространялось оно исключительно на невеликую движимость, скудный предметный мир, почти целиком вмещавшийся в пару "фибровых" чемоданов с уголками, тогда как за кой-как латаным забором простирается сразу же "дикое поле". Нельзя также сказать, чтобы мир слобо-

[2] Глазычев В. Сказания о злом городе. // Литературное обозрение, 1985, № 9.

ды был напрочь лишен чувства прекрасного, однако и оно охватывало собой скорее одежду по особой слободской моде и непременные картинки из "Нивы" (в советское время – из "Огонька"), никоим образом не простираясь на выстройку внешнего облика жилищ.

Тотальная слободизация развертывалась в России вполне интенсивно в послереформенное время, вовлекая в себя села, регулярно поставлявшие в Петербург и Москву сезонных отходников или крестьян-резидентов, вроде папаши С. Есенина, двадцать лет обитавшего на Мясницкой, и поселки вдоль основных трактов. Великое уплотнение после Октябрьского переворота означало, среди прочего, массированное наплывание окраинной слободы на самые городские центры, так что и в сталинское, и в хрущевское, и в брежневское время пришлось немало потрудиться, чтобы вновь оттеснить слободу, уже в новом ее крупнопанельном издании, на окраины, высвобождая центр для новой элиты.

Наконец, вторичная, уже советская индустриализация могла и порождала одни только промышленные слободы, в строении которых самая идея собственно городского, резидентного, мещанского самоустроения отсутствовала изначально, так что и взяться ей было неоткуда после того, как первый толчок разрастания в пространстве "дикого поля" иссякал.

Великая Реформа создала, казалось, определенные перспективы для становления автономного городского управления. Однако и с самого начала в 1860-е годы, и особенно после возвратных реформ Александра III имущественный ценз был настолько завышен, что на всю двухмиллионную уже Москву 1904 г. набралось около семи тысяч лиц с правом голоса. Если же добавить, что центральная власть постаралась напрочь лишить Думу сколько-нибудь серьезных полномочий и самостоятельной экономической базы (любое решение Думы требовало генерал-губернаторского утверждения, а городской налог не мог превысить и трех процентов бюджета города), то не приходится удивляться тому, что и из столь малого электората в выборах принимала участие от силы половина.

И все же естественным ходом событий ростки самоуправления пробивались и начинали укореняться – обычным образом отнюдь не в городской черте в первую очередь, а "на даче", о чем может, к примеру, замечательно свидетельствовать "Устав общества благоустройства поселка "Левашово", каковое "Определением С-Петербургского Губернского по делам об обществах Присутствия от 14 апреля 1912 г. внесено в реестр обществ и союзов С-Петербургской губернии за № 11", утвержденный губернатором графом А.В.Адлербергом. К началу Первой Мировой войны усилия недурно подготовленных европейским опытом экспертов начали уже кумулироваться в некий социальный эффект, так что Временное правительство имело все материалы, чтобы приступить к делу радикальной градской реформы. По обычной иронии отечественной истории проект этой реформы, включавший в нескольких вариациях довольно развернутую модель городского Устава, был готов к рассмотрению в октябре 1917 г.

В силу некоторой инерции и за недосугом властей, работы над уставами, основой информационной базы и учебными курсами для подготовки городских менеджеров продолжались еще в годы НЭПа, пока им

не был положен натуральный предел вместе с расстрельным финалом краеведческого земского движения.

В силу двойственности руководящего и направляющего учения, согласно которому, с одной стороны, полагалось всемерно растить объем индустриально-городского населения, а с другой – всякая автономность города как социального института отрицалась *per se*, ничто уже не могло препятствовать торжеству слободизации страны.

Таковая и свершилась в полноте.

Культура обнаружила способность существовать и воспроизводиться в панслободском пространстве, что само по себе не вписывается в классическую дихотомическую схему всемирной истории цивилизации. Панслободской мир являет собой отрицание цивилизации, но не стал смертью культуры городской ориентации ни в коей мере.

Не лишено интереса то обстоятельство, что демократические или мнящие себя таковыми движения перестроечного и постперестроечного времени хотя и рождены в городах, напрочь лишены градской ориентации. Обычная для России революция сверху не испытывала ни малейшей нужды в муниципальной опоре и нимало не была озабочена фактом полной выключенности муниципального управления из процесса каких бы то ни было преобразований. Выборы 1989 г. вытолкнули в городские "верхи" некоторое число "демократов", которые, ни минуты не медля, отдали малоинтересные для них обстоятельства городского функционирования на откуп традиционной бюрократии, антиурбанистической по существу. В результате привычная отраслевая модель управления не только не была поколеблена, но, напротив, могла лишь укрепиться, все интенсивнее разучивая новые возможности использования институтов управления в своих целях.

Радикальнейшие по видимости преобразования, свершившиеся в Москве, а именно ликвидация районов и новое генеральное межевание по административным и, ниже, муниципальным округам, были осуществлены единственно по соображениям ликвидации ядра политического сопротивления новой мэрии. Отраслевая машина управления, по определению не видящая вообще города как единого института, являющегося опорой городскому социуму, выросла в значении на порядок, как только высвободилась из-под партийной сетки, хоть как-то интегрировавшей город по территориальному принципу: четыре из пяти московских вице-премьеров, представляющие интересы строительного комплекса, – рекорд, вполне достойный книги Гиннесса. Учреждение муниципальных округов и вместе с тем оставление их глав без ясных легитимных полномочий и средств для их реализации создали небывалую свободу действий для централизованной бюрократии. Департамент мэра, сочиненный Г.Поповым как очевидный противовес чрезмерной концентрации силы в руках правительства Москвы и, теоретически, как разработчик некой общей политики развития города, не имеет самостоятельной строки в бюджете, т.е. кормится из рук правительства и не может претендовать на самостоятельную политическую роль[3] . Комитеты самоуправления, эти нередко хилые и уродливые, но все же реальные ядра кристаллизации низового демократического механизма конт-

[3] В процессе подготовки этой книги Департамент был вполне естественным образом ликвидирован за ненадобностью

роля над городской средой, настолько неуместны в обстановке чиновничьего произвола, что господину Лужкову оставалось только воспользоваться обстановкой путча в октябре 1993 г., чтобы приостановить их деятельность под предлогом поддержки супостата. Наконец, подготовка временного положения о городской Думе до выборов в таковую осуществлена самой мэрией таким образом, что почти в полноте воспроизведена схема Александра Третьего, когда думские решения должны быть сначала согласованы с мэрией, а затем ею же утверждены, чтобы обрести силу.

Остается достроить проект городского устава таким именно образом, чтобы исключить какой бы то ни было шанс на прорастание механизмов городского самоуправления сквозь решетку тотального менеджеризма авторитарной или олигархической модели. Нельзя не признать, что слободизация города победила. И надолго. В опоре на старую российскую традицию большевикам все же удалось достичь той меры распада, атомизации общества, когда какое бы то ни было ассоциирование или объединение интересов автономных личностей в городские структуры снизу вверх оказалось заблокировано – и не столько злокозненностью начальств, сколько отсутствием даже в зародыше того корпоративного начала, без которого городская форма цивилизации невозможна.

В этих условиях нет преград ни сочинению наново некоего "градостроительного законодательства", ни продолжению в своих прежних формах "градостроительного проектирования", ни принятию городского устава, не являющегося городским.

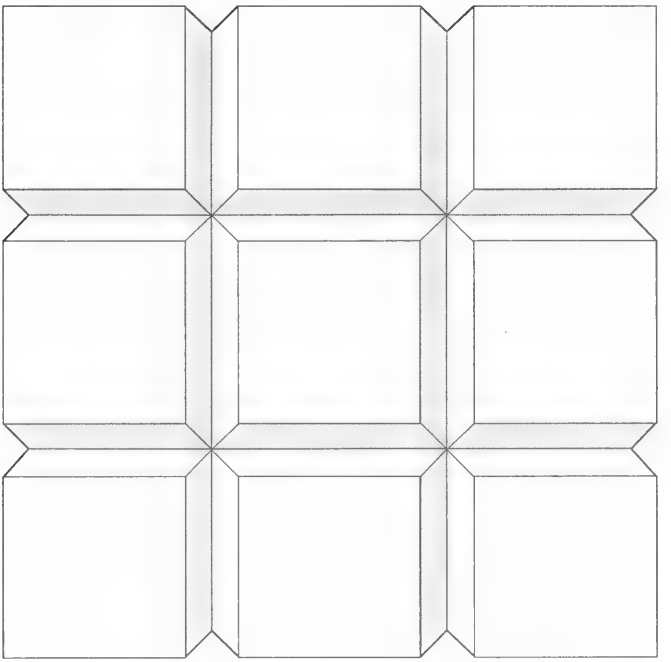
Нельзя, впрочем, позволить себе усомниться в том, что новые экономические отношения все же прорвутся сквозь бюрократическую фантазию (пусть вначале и в самых уродливых формах), что это поведет к становлению хотя бы мафийно-корпоративных отношений, что этот процесс начнется, если уже не начался, не в Москве и не в С.Петербурге, а в средних провинциальных городах, которым суждено, как и в прошлом, возглавить земское движение. Никоим, однако, образом не предрешено, что такой земский процесс примет форму вторичной или подлинной, т.е. западной, урбанизации.

То, что городское начало, а вместе с ним западный цивилизационный стандарт не могут самопроизвольно прорасти из самодвижения слободского континуума отечественной культуры, для меня очевидно. То, что способность культуры прорастать на субстрате слободы, в лучшем случае к ней безразличном или, скорее, враждебном, полностью зависит от подключенности механизмов отечественной культуры к ее (культуры) мировому механизму, доказуемо хотя бы "от противного". Реальный вопрос заключается в том, вечна ли схема слободской организации субстрата культуры в пространстве России, могут ли относительно устойчиво существовать "острова" городского начала, узлы чужеродной цивилизованности внутри панслободы, или их рассасывание и втягивание вовнутрь неотвратимы никакими ухищрениями?

Логических оснований для ответа обнаружить не удается.

СОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: КОНСТРУКЦИЯ И ДЕСТРУКЦИЯ

В. КАГАНСКИЙ



Систематическое изложение теории советского пространства. Основа – теоретическая география. СССР трактуется одновременно как конкретный объект и структурная схема – советское пространство. Описаны его феноменология, структурная морфология, современная динамика и основные тенденции. Процессы регионализации, включая «распад СССР», закономерны, спонтанны, предопределены устройством системы; происходит суверенизация ее структурных блоков. Дана многослойная и многоаспектная интерпретация советского пространства и его трансформации; указано на глубинный смысл и последствия регионализации.

© Каганский В.Л., 1995

В. КАГАНСКИЙ

Предисловие

Наблюдаемая пространственная событийность закономерна; непостижимого – не происходит. Возможно, это трудно увидеть – "распад СССР" предстает неожиданным (долгожданным) уникальным событием, а его последствия – бессмысленными (опьяняющими). Я полагаю иначе. Никаких хаотических, невероятных, случайных событий в общем нет; страна фрагментируется на части вполне определенным образом, и сами эти части закономерны. Происходит множество сходных процессов, предзаданных конструкцией системы. Суверенизируются прежние составные части; их набор являет структуры советского пространства. *Если пространственная система фрагментируется при отсутствии активных внешних воздействий, то прежде всего необходимо предположить, что этот процесс – функция самого ее устройства. Это – основной тезис.* СССР интерпретируется как конкретный объект и одновременно как структурная схема (ссср) широкого класса объектов. Полагаю, что текст отвечает на вопросы – *как именно было устроено советское пространство, что в его структуре детерминирует, определяет современные события, в чем они состоят и как это можно интерпретировать.*

Текст намеренно сжат ради цельности картины. В ее основе – теоретико-географическая феноменология советского пространства[1], содержательно расширяемая для интерпретаций видимого и усмотрения его смысла и последствий. В Приложениях – дополнительные аспекты (тезисно). Полемики, разжевывания концептов и методологической кухни автора в работе нет. Концептуальный взгляд[2] определяет характер текста. Большинство примеров в силах домыслить читатель.

Исследования советского пространства – результат осознанной жизни автора в нем; в эту жизнь встраивались исследования и размышления, которые уже давно ведутся самостоятельно. С середины 1992 г. они были поддержаны Институтом национальной модели экономики, членом коего я являюсь; с марта 1993 г. поддерживаются Интерцентром; работа над данным вариантом текста поддержана клубом "Гуманус".

Я искренне признателен лицам и организациям, поддержавшим эту работу. Существенны были обсуждения рассматриваемых и близких проблем с Б. Б. Родоманом и С. В. Чебановым; С. А. Белановским, С. Г. Кордонским, В. А. Найшулем, иными лицами. Важно было также столкнуться, и неоднократно, с неприятием феномена регионализации (особенно характерным для части географов), что дополнительно стимулировало меня сосредоточиться на реальной феноменологии, а не нормативно-идеологизированных ее интерпретациях. Ряд лиц способствовали развитию концепции несмотря на их намерения. Крайне ценно и совершенно незаменимо участие лица, желающего остаться анонимом.

---

[1] Текст – геополитическое приложение теоретической географии школы Б. Б. Родомана [26–28]. Кроме концепций, в т. ч. и автора, использованы значительные неформализуемые знания, полученные при многолетних конкретных исследованиях географии СССР и путешествиях. Представления касательно текущей геополитической событийности соотносились с эмпирической и аналитической информацией, многократно обсуждались.

[2] Иного способа понять советское пространство, нежели как дать самопроявиться структурирующей его теории – не знаю. Подчеркну: здесь излагается скорее советское пространство как некоторая "самодействующая теория", чем обычная его теория.

1. СОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО. КОНСТРУКЦИЯ СССР

1.1. Феномен советского пространства

Главная особенность **советского пространства** – универсальность властно-силовых отношений, пронизанность ими всех хозяйственных, этнических, социальных, расселенческих и т.п. структур. Существует **общество=государство** и его пространственные (территориальные) структуры; любые другие (автономные) структуры отсутствуют. Внутренне разнородная и противоречивая, *структура советского пространства – **ссср**[3] – едина и единственна.* Вся реальная пространственная дифференциация, в т.ч. и размещение природного ландшафта, производна от ссср, связана с ним и им ассимилирована. Поведение и/или размещение в пространстве возможно только путем приспособления к советскому пространству, даже если это относится к антагонистическим по отношению к ссср элементам. Сейчас, во время довольно бурной пространственной событийности, происходит реализация уже существовавших противоречий, проблем и конфликтов, "распаковка проблемного багажа" – но почти нет даже намеков на становление какой-либо новой и притом независимой структуры. Выделяющиеся же компоненты уже существовали в рамках целого советского пространства.

Вертикальные, иерархические, властные отношения доминируют над горизонтальными, территориальными, обыденными и порождают их. Советское пространство – своего рода множество внепространственных задач, упавших на территорию, преобразовавших, подчинивших и сформировавших в ней особые ячейки; советское пространство порождено из внепространственной (надпространственной) позиции. Ячейки – области решения задач – сочетают самодостаточность и даже автаркичность с узкой специализацией. Пространство сильно фрагментировано и сегрегировано, в нем чрезвычайно велика роль рубежей, барьеров, границ. Ранг, значение ячейки задается ее положением в административной иерархии и выражается в пространстве размером как статусным признаком. Функция ячейки производна от ее ранга и размеров, тем самым иерархия приобретает горизонтальное измерение. Логика административного подчинения противоречит естественной логике территориальных отношений (соседства, смыслового единства ландшафта) и превалирует над ней. Вертикальные (административные) расстояния и связи сильнее и важнее горизонтальных и порождают их. Неизбежные территориальные, горизонтальные отношения осложнены; пространство насыщено конфликтами и проблемами, места протекания и разрешения которых разведены в пространстве. В каждом месте соседствуют и совмещаются чуждые по природе и враждебные друг другу, случайные, безразличные элементы; высока повторяемость одних и тех же внутрен-

[3] Здесь и далее "ссср" и "Ссср" – не аббревиатуры, в отличие от СССР – Союза Советских Социалистических Республик.

не не мотивированных сочетаний элементов. В **образе советского пространства** властно взаимно пригнаны такие черты, как чрезвычайная централизованность любого фрагмента, жесткая оконтуренность ячеек, сочетание хаоса и унылого такта, непредсказуемости и стандартизованности. Полноценные места отсутствуют, жизнь разорвана меж фрагментами пространства, лишенными целостного смысла [2, 3, 17]. Имея внешние признаки омассовленности, индустриализованности и урбанизированности, советское пространство несоизмеримо с пространствами современного мира и со своим прежним состоянием, очень специфично, почти **уникально**.

Все в пространстве статусно дифференцировано: различия мест и позиций, занимаемых любыми индивидами и общностями (от отдельных людей до городов и этносов), расстояния, направления, отношения, связи. Пространственная дифференциация имеет властно-административное измерение; всякое место в пространстве – место в государстве. Территориальная феноменология производна от государственно-общественной, но коль скоро ячейки властного пространства заполнены обычной жизнью, то оно оказывается в зависимости от этой обыденности.

Пространство СССР – источник ресурсов и место экспонирования внепространственных целей и ценностей [2]. Смысловое единство пространства актуально не дано и не переживается; пространство тотально фрагментировано и маргинализовано. Общество=государство **пространственно невменяемо**[4], целостное адекватное пространственное самоописание отсутствует.

1.2. Каркас административного деления

Главная структура СССР – административно-региональная; ее специальное описание и анализ – предмет данной работы[5].

Административно-территориальное деление (АТД) – самая мощная и универсальная система ячеек, охватывающая пространство почти без изъятий. Это система полифункциональных институциональных районов, по сети которых осуществляется практически вся деятельность государства. Районы АТД, далее именуемые **регионами**, охватывают территорию на разных уровнях; административное деление – привилегированное расчленение (районирование) пространства. Функции

---

[4] Имеется в виду следующее. Обществу=государству дана не реальная картина его пространственного бытия, на мифологизированная схема. Общество=государство не только полагает себя относительно нее, но реально действует, адресуясь к этой схеме, рассматривая на ней причины и последствия действий, оценивая их эффективность и пр. Множество подлинно реальных собственных действий и других проявлений не дано обществу=государству только в силу невложимости в схему, а равно и наоборот – для него существует множество ирреальных, фантомных феноменов. Собственно реальность пребывает в статусе, сходном со статусом бессознательного. Разумеется, следствием сего оказывается разорванность и изоляция реальности и схем оперирования с ней при заведомо фантомной соотнесенности; вменение ответственности и контроля над поведением в пространстве главным структурам советского социума в этой ситуации невозможно. (Осмысленное оперирование в пространстве возможно только фрагментарно и иррефлективно.)

[5] Другие аспекты морфологии советского пространства, его особый культурный ландшафт здесь почти не затрагиваются; см.: [2, 3, 15].

АТД – контроль над пространством со всем его "содержимым", организация функционирования государственных институтов и равно обычной жизни людей. Такие разные государственные функции и обыденные отправления, как репрессии, набор в армию, идеология и пропаганда, образование, здравоохранение, непосредственное управление местной промышленностью, сельским хозяйством, "соцкультбытом", торговля, обеспечение жильем и многое другое, реализовывались строго по уровням регионов и всегда укладывались в рамки их сети. В силу совмещенности практически всех структур государства в регионах, они – *ячейки гарантированного жизнеобеспечения и выживания*, поддержания человеческого материала в необходимом для использования состоянии.

Именно в рамках регионов, функциональным каркасом системы которых были структуры компартии, согласовывалось функционирование всех хозяйственных и других элементов на территории региона. Согласование как комплексирование разнородных структур и интересов носило как официальный, так и связанный с ним "теневой" характер. "Черный рынок" производства был организован почти в точном соответствии с каркасом АТД[6]. В регионах сформировались мощные властно-хозяйственные клубки с реальными интересами (см. кампании по борьбе с местничеством).

Доктринальная основа АТД – императивы "единства административного и экономического районирования", приоритет надпространственного ("общегосударственного") над местным, легализация этничности исключительно в форме существования особых этноадминистративных регионов. АТД превращало этничность (как и хозяйство, местную культурную жизнь и т.п.) в государственный институт, отношения этносов – в отношения этноадминистративных регионов, в т.ч. и по включению, чем порождалась иерархия этносов. Конкретика нарезки территории на регионы имела огромное этногенетическое значение. Инфраструктура этничности (функционирование языка и пр.) существовала (почти) только в соответствующих этнорегионах. Не административное районирование должно было следовать за фактическим экономическим районированием, но *административное районирование должно было порождать всю пространственную (территориальную) организацию общества*. Доктрина районирования была преимущественно конструктивной, регионы создавались для решения определенных задач.

Контроль пространства и организация деятельности в нем как главное назначение регионов превращал их в особые **государственные институты** (подобные предприятиям – см. далее). Как каркас тотального управления система регионов должна интерпретироваться **семиотически**: система коммуникации с функционированием разных типов сообщений при обязательности однозначной интерпретации в каждой ячейке; регионы – области однозначного контекста и интерпретации

[6] В концепции административного рынка его "торги" осуществлялись преимущественно в рамках регионов либо между ними [18, 22].

(см.: А, Б). Так, вся система отчетности, пропаганды, масс-медиа строилась строго по АТД.

Система АТД – система универсальных суперполифункциональных институциональных программных районов; предмет программы – вся жизнь людей конкретного региона. Программы различались в зависимости от их ранга, нормативно определяемых регионам задач (планов) и способов их решения, вынужденно связанных с региональной географической конкретикой. Порождаемые ими различия в способах и уровне жизни хорошо известны[7].

Административные регионы с этническим статусом – особого рода программные районы, где осуществляемая программа состоит в управлении этническими процессами, в установлении статусов этничности, национальных языков и т.п[8]. Этнос имел (некоторые) механизмы этнической реализации только в пределах "своей" административной единицы. Эта ситуация – машина статусной стратификации этнических групп, в каждом регионе своя.

1.3. Регион как реальный район

Программное единство регионов усиливается их пространственной организацией. Каждый регион в качестве главного, фокального элемента имеет **административный центр** – крупнейший населенный пункт (превосходящий "второй" по размеру обычно в 3–5 и более раз), доминирующий на всей территории региона и властвующий над ней как метрополия над колонией. Центр – особая часть региона, господствующая над целым.

Пространство региона функционально и статусно централизовано. Все существенные и существующие в регионе в одном экземпляре объекты обычно размещены в его центре[9]. Центр региона – его хозяйственное ядро и транспортно-коммуникационный узел; рисунок дорожной сети и потоки на ней существенно центростремительны (по-видимому, 4/5 всех дорог обслуживают иерархические связи). Вокруг центра сосредоточены основные массивы промышленности и сельского хозяйства; освоенность территории, плотность населения и т.п. параметры резко спадают от центра к периферии. *Географическое единство региона – единство* ***моноцентрического***[10] ***узлового района*** [26]. Ранг центра и расстояние от него – важнейший параметр, предопределяющий состояние территории, в т.ч. уровень и способ жизни, даже телесную привлекательность жителей. Центр региона стягивает населе-

---

[7] Ставши реальностью жизни, административные регионы оестествились; схема стала самовоспроизводящейся.

[8] Яркое выражение этого – фактическое право властей бывшей союзной республики менять официальный этнический статус своего населения: почти всех фарсиязычных жителей Бухары и Самарканда (в сущности таджиков) – числят узбеками, курдов и талышей Азербайджана – озербайджанцами и т.д.

[9] Показательный курьез – в самый центр столицы Тувы Кызыл был перенесен знак геометрического центра Азии (части света), который первоначально был установлен там, где и следовало по смыслу.

[10] Исключений из моноцентричности региона очень мало: равновеликие Череповец и Вологда, Новокузнецк и Кемерово, сопоставимые культурно Львов и Киев, Тарту и Таллин, Каунас и Вильнюс

ние, вдоль центростремительных путей обычно идут миграции населения, особенно маятниковые.

Функциональное комплексирование элементов региона усиливается централистичностью его пространственной структуры, линейно-узлового каркаса. Регион – реальный **тотальный район**; его население – особого рода квазиколлектив, притянутый связями к центру и зажатый границами региона. Если на территории СССР существовали т.н. социальные районы, **территориальные общности населения,** отличные от экономических, то административные регионы – именно такие районы. В пределах региона ранга области замыкается примерно 9/10 миграций; по-видимому, регионы существенно эндогамны. **Пространственная идентификация** нынешнего населения основана на регионах, отождествляемых нередко со своими центрами. Регион – арена обыденной жизни, пространственный **жизненный горизонт** для масс.

Централизация и централистическая концентрация населения и деятельности при затруднительности прямых межрегиональных (горизонтальных) связей приводит к запустению периферии регионов; централизация превращается в **централистическую поляризацию**. Границы регионов легко читаются на космических снимках. Такая сильная целостность делает регион удобным объектом притязаний, который легко контролируется из его центра. *Тотальные районы-регионы – единственная система частей, из которых и состоит советское пространство.* Метафоры: плитка шоколада с дольками, скрепленными изюминами; плиты, подобные геотектоническим; ткань, организующая рисунок на ней. Именно на каркасной ткани регионализованно-централизованного пространства размещены все объекты, они связаны и пригнаны к ней. Так, по административным рубежам идут разрывы дорог и связей, меняется специализация сельского хозяйства и мн. др.

Охарактеризовав регион как таковой, перейду к композиции его частей и строению системы регионов. Регион – **моноиерархическая система**; частные иерархии сопряжены и совмещены. Иерархия городов (центров) одновременно является административной, промышленно-производственной, снабженчески-торговой, культурно-образовательной и пр. (за очень редкими исключениями). Эта черта, очевидная для советского пространства, резко отличает его от пространств современных "западных" стран[11]. Жесткость и монополизм системы АТД в пространственной организации усиливаются еще и тем, что почти каждый крупный центр как бы поглотил ранги и функции центров подчиненных регионов; центр республики – еще и центр области и даже административного района. Так, Москва была одновременно столицей империи (Варшавский пакт и другие сателлиты), собственно СССР, РСФСР,

[11] Это совершенно беспрецедентно географически (аналоги можно сыскать только в архаических обществах Востока). Возьмем излюбленный ныне пример США. Центр (столица) штата, имеющего огромные полномочия, – часто малый, заштатный город. Мощные узловые районы США не привязаны к административному делению, обычно не совпадают со штатами и т.п.; наоборот, центры узловых районов часто лежат на стыках двух-трех штатов; отчасти так скрепляется очень полиморфное американское общество.

неформально – центром Центрального экономического района и в сущности всей Европейской части, Московской области. Размер Москвы производен от функций центральной резиденции[12].

В логике пространства административного деления регионы состоят из регионов более низкого ранга, **субрегионов**, входящих в вышестоящие как целые [13]. Реально каждый регион включает два типа компонентов: субрегионы и **функциональные компоненты**, присущие и принадлежащие региону как целому (например, транспортная сеть, силовые структуры). Их относительная величина и материальная реализация растет с рангом региона; они могут занимать значительные территории. В регионе обычно размещаются объекты, входящие в функциональные компоненты регионов более высокого ранга. Субрегионы региона связаны транспортно-коммуникационно прежде всего с его центром; он сам или непосредственно подчиненный ему субрегион – особая часть региона. Функциональные компоненты, как и субрегионы, подчинены центру региона. Таким образом, *всякий регион*, кроме самого нижнего ранга (который не определяется однозначно [13]), *представим как состоящий из частей трех типов*: 1) центр, 2) субрегионы, 3) функциональные компоненты. Последние могут быть районно, в т.ч. и регионально организованы (например, вооруженные силы). Функциональные компоненты лишь относительно внерегиональны, поскольку они размещены в регионализованном пространстве и связаны с его инфраструктурой, особенно транспортной.

Центры регионов – фокальные элементы советского пространства. Они концентрируют как деятельность в регионах (особенно согласовательно-комплексирующую), так и взаимодействия между ними, их уровнями и функциональными компонентами. Центр – репрезентант вышестоящего уровня в регионе, и наоборот. Часто центр равен по статусу центрируемому региону и даже выше него (инверсия отношения вложения – см. [13]). Центры "сшивают" разные слои пространства, выступая его конфигураторами. Семиотически центры – единственно поликонтекстуальные (полиглотические) элементы советского пространства, фокусы установления отношений (соответствий) между разными контекстами и интерпретациями, места перевода (в широком смысле) и рефлексии, – функциональная важность чего усиливается единственностью сети центров. Центр замещает свой регион в официальном и обыденном сознании (например, "поехать в область" значит: поехать в центр области). В силу административной и географической централизации коммуникаций центр оказывается функционально (контактной) границей региона [1]; любая траектория состоит из центростремительных и центробежных элементов. Пространство центра гетеромасштабно (разные элементы принадлежат и функционируют на разных уровнях иерархии[13]), парадоксально и инвертировано во многих отношениях [3].

---

[12] Именно поэтому трансформация Москвы как региона должна быть наибольшей, особенно учитывая, что Москва как главный центр системы была и его главной границей.

[13] Каждому из уровней региональной иерархии отвечают собственные территории с огромными различиями в способе жизни. Соседствующие территории союзного, областного, районного под-

1.4. Регионы фазовых пространств

Нетерриториальные пространства квазиизоморфны территориальным. Для сферы жизни, отрасли производства (министерства), институционализированной научной дисциплины (специальности) характерны: многоуровенные иерархии с жестким контролем и концентрацией межуровенных взаимодействий; централизованные квазирегионы, сочетающие узкую специализацию с автаркией; гиперцентрализация, полифункциональность центров и центростремительность связей; затрудненность горизонтальных связей и запустение периферии; соответствие статусно-ролевой структуры и ее позиций пространственной. Собственно живые элементы локализуются в позиционно тождественных местах любого из советских пространств[14].

Нетерриториальные региональные системы часто сращены с территориальными. Предприятия нередко имеют продолжением (приложением) свой город (поселок, даже район), непосредственно выступая как регион с присущими ему функциями власти/жизнеобеспечения; колхозы (совхозы) часто совпадают с сельсоветами, но и без этого они – реальные регионы нижнего ранга в сельской местности [13]. Итак: предприятия = квазирегионы; обобщая: квазирегионы = функциональные регионы, или регионы фазового пространства. Сращенность территориальных и функциональных регионов, т.е. единство физического и фазового пространства, усиливается единственностью сети центров. Тогда каждый центр – центр нескольких регионов разных структурно сходных пространств. Для регионов и квазирегионов существенна реализация в дополнительном пространстве: регионы экспонированы в фазовом пространстве (хозяйственная специализация региона), квазирегионы – в территориальном (территория распоряжения и/или доминирования квазирегиона). Регионализация выявляет это структурно-функциональное сходство и сращенность, подобия и конвергенции в поведении: бартер регионов (характерный ранее для предприятий), объединение предприятий в коалиции с игрой на противоречиях в региональной иерархии и многое другое. (Тезис о единственности территориального каркаса советского пространства тогда обобщается и усиливается.) Заметно превращение военных и властно-государственных структур в квазирегионы. По-видимому, учитывая коммерциализацию, все сильнее уподобление и сращивание регионов и квазирегионов, т.е. интеграция территориального и фазового пространств.

Квазирегионы также образуют иерархически организованные системы; многоярусность структуры крупных ведомств хорошо известна. Наиболее четко она выражена для военных структур, которые демонстрируют и единство фазового и территориального пространства. Так, военные округа – фактически дополнительный уровень системы АТД.

чинения радикально отличаются. Пространство сегрегировано не только горизонтально, но и вертикально; налицо статусная чересполосица земель.

[14] Соответствующие примеры читатель, склонный видеть (свое) реальное пространство и рефлектировать его, сможет подобрать сам.

Совокупность же "закрытых" военно-промышленных городов (фактически – больших районов) – особая синкретическая система.

1.5. Единство советского пространства

Совокупность регионов – четко и жестко структурированная система. Во-первых, регионы образуют иерархию и соподчинены; система АТД СССР насчитывала 4 – 6 уровней (рангов) на разных территориях (с учетом центров регионов высших рангов как особых уровней: 5 – 8). Между уровнями распределены власть-полномочия, выражающиеся в соответствующих функциональных компонентах (и/или территориях непосредственно центрального подчинения СССР). Во-вторых, между регионами разных рангов существует отношение коцентрированности – один центр возглавляет два (три) региона, что усиливает централизованность системы. В-третьих, она обладает автомодельными симметриями (подобие "часть – целое") между уровнями, регионами разных уровней – вплоть до государства, центрами разных рангов и т.п.

С определенной условностью можно выделить две интегрирующие структуры. Во-первых, Центр как надрегиональная власть и его функциональные компоненты. Функции Центра двояки: планирующе-распределительные – обеспечение регионов ресурсами (в широком смысле), и карательно-согласовательные – подавление интересов регионов (местничества). Обе функции могут реализовываться одними и теми же механизмами; универсальная двойственность репрессивных и жизнеобеспечивающих функций характерна для структур ссср (СССР). Во-вторых, вертикальную и одновременно горизонтальную интеграцию осуществлял аппарат компартии, организованный регионально, но для каждого региона выступавший как надрегиональная сила[15]. Обе структуры осуществляли интеграцию собственно региональной и функционально-региональной систем.

На уровне СССР как государства функциональные компоненты – прежде всего военные и военно-промышленный комплекс (ВПК). Учитывая его мощь и внутреннюю связность, предполагающие дальние горизонтальные связи, соответствующий транспорт, магистрали и т.п., ВПК следует считать особой структурой, интегрирующей советское пространство. Проще говоря, именно нужды ВПК обеспечили основную часть наблюдаемой горизонтальной связности пространства, которой пользуются и другие компоненты общества=государства, включая обычных людей[16].

Итак, *советское пространство – интерференция административно-региональных и военно-промышленных структур*, или кратко:

---

[15] Функции идеологии здесь не рассматриваются, но существенна ее надрегиональность, предполагающая идеологемы единства, размера, централизованности и стандартизованности пространства.

[16] Точнее говоря, ВПК как ядро функциональных компонентов СССР интегрировал региональные системы, а последние выступали к нему ровно в той же функции на уровне регионов. Но симметрия не полна, поскольку большинство населения жило в системе регионов территориального пространства.

СССР (ссср) = компартия х (АТД + ВПК).

Теперь уточняется представление о **государстве как регионе** высшего в системе ранга (СССР). Его функциональные компоненты указаны, субрегионы – регионы, центр – Москва (в широком смысле: резиденция центральной власти и ее институтов). Особенности пространства ссср наиболее явлены на уровне **региона=государства**. Централизация с абсолютным доминированием одного центра, возглавляющего единую иерархию центров; самодостаточность, автаркичность и производная от нее роль внешних границ как барьеров; концентрация функций и механизмов взаимодействия субрегионов между собой и с другими регионами (государствами) в центре (Центре); привилегированный его статус, распространявшийся на всех лиц определенного ранга (ср. институты московской прописки и римского гражданства до предоставления его всем свободным провинциалам).

Согласно представлению о регионе[17], СССР (а в существенной мере теперь и РФ) нужно *трояко интерпретировать*. СССР-1 – суперрегион, регион высшего ранга; СССР-2 – Центр, включая функциональные компоненты и надрегиональные структуры; СССР-3 – особый несплошной территориально район, включающий все территории центрального подчинения (от Кремля и космодромов до объектов за границей). Это представление понадобится ниже, пока же поясню, что фрагментирован ("распался") СССР-1, за СССР-2 ("советское наследство" [14, 20]) идет борьба, СССР-3 в большой мере сохраняет целостность. В существенной мере, учитывая преемственность и присвоение большей части советского наследства Центром РФ, СССР-2 = РФ-2 и СССР-3 = РФ-3.

Изложенная кратко и упрощенно, концепция советского пространства наиболее приложима: иерархически – на уровне бывших союзных республик (особенно без областного деления) и областей (в разных аспектах), территориально – в пределах Российской Федерации и значительной части Украины. Но степень приложимости схемы – это экспертная оценка степени "советскости" пространства; "наименее советское" пространство в Литве и Эстонии, что однако еще не делает их исключениями в рассматриваемой ниже регионализации.

2. РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА. ДЕСТРУКЦИЯ СССР

2.1. Общая схема регионализации

Основа наблюдаемой пространственной событийности – взаимодействия описанных элементов советского пространства. Все реальные силы занимали в нем определенные места и действовали, стремясь по-

[17] Редукция всей феноменологии советского культурного ландшафта к пространственной, а ее – к регионально-административной (даже расширенной) есть фокусировка с потерями; однако получаемая концепция описывает, интерпретирует и объясняет довольно многое и, по-моему, достаточно богата для рассмотрения регионализации.

высить или сохранить свой реальный статус (ранг). Именно эти процессы и привели к деструкции СССР. *Главные субъекты – регионы* (и/или силы, взявшие их под контроль); их активность носила одновременно экономический, этнический, политический и т.п. характер.

Основная проблема реальной политики – региональная (ре)организация пространства (по крайней мере после краха собственно "реформ в СССР"). Расшатывание роли Центра, чем бы оно ни объяснялось, приводило к активизации регионов. Сменявшие и дополнявшие одна другую идеологемы (республиканский и региональный хозрасчет, экономический суверенитет, новая федерация, союзное государство и пр.) – **идеологемы реконструкции системы регионов**. Проблема **реинтеграции** регионализующегося пространства решалась лишь попытками Центра создать новые отношения региональной пригнанности. Политическая "элита" не сознавала готовности советского пространства к саморасчленению. Основная часть регионов, увеличивая свой ранг в системе, вряд ли "понимала", что именно так реализуется демонтаж верхних уровней региональной иерархии. *СССР был демонтирован преимущественно действиями сил, заинтересованных в его сохранении*, поскольку только в его рамках могли быть удовлетворены статусно-ресурсные аппетиты регионов; "трагические" решения легализовывали уже наступившие ситуации.

Схематическая логика (не история) процесса в общем проста: регионы присваивали полномочия вышестоящего уровня в борьбе с ним (частично для компенсации активности предприятий и вообще квазирегионов), и этот необратимый процесс приводил к демонтажу функционально обессмысливавшегося уровня. Иначе говоря, регионы "одерживали верх" над Центром, структуры которого сами регионализовывались. По существу *действия Центра носили регионализующий характер*: противостояние регионам, попытки установления с ними любых отношений (от поддержки до применения силы) превращали их во все более равноправных партнеров Центра, усиливали их роль как субъектов и ускоряли осознание этой роли.

Система регионов не была предназначена для политики: любая политика (понятна условность термина) как активизация регионов приводила к их автономизации. Так, одним из тех событий, что явно способствовали регионализации, было проведение выборов в 1989 г. по избирательным округам, вписанным в регионы, и организация работы I Съезда народных депутатов по региональным делегациям; начиная с этого момента "*политика*" *стала игрой в пространстве регионов*. Все реальные политические силы вписывались в устройство этого поля (соответствуя его компонентам), либо оказывались на периферии. *Все автономизирующиеся* (суверенизирующие) *региональные структуры – компоненты системы АТД*.

Система регионов устойчива, пока вертикальное и горизонтальное направления несводимы (несоизмеримы): превращение регионов в партнеров Центра предвещало **горизонтализацию**, т.е. **деиерархизацию**

отношений[18]. В ходе событий регионы по типу активности становились (пред)государствами, а государство (СССР, РФ и др.) – особым, мощным, но лишь регионом, противостоящим всем остальным (СССР-1 превращался в СССР-2 и 3). Подчеркну: рассматриваемая *геополитическая событийность внутренне, структурно детерминирована*. Объяснения регионализации СССР (как и регионализации вообще) не нуждаются во внешних факторах, в обращении к переживаниям и мотивам действий политических фигур и структур. **Ссср – пространство саморасчленяющееся**.

Его структура такова, что процессы децентрализации, деколонизации, собственно регионализации и пр., различимые на уровне интерпретаций, протекают по единой схеме и используют тождественные механизмы, оказываясь функционально и финально неразличимыми. *Описываемая пространственная событийность – особая, деятельностная рефлексия над устройством советского пространства*; в ее результате выяснилось, из каких частей состоит страна, – но она необратима как всякая рефлексия[19].

2.2. Регионы=субъекты, региональные уровни

Конструкция регионов делала их почти тотальными **протосубъектами** экономико-политической активности[20]. *Устройство регионов позволяло им "себя вести"* (см. иную ситуацию – Приложение Д). Организованные как тылы [7], регионы были потенциальными базами для ведения конфликтов, а советское пространство – континуумом многообразных конфликтов [5].

В условиях ослабления Центра и стимулированного им нарастания самостоятельности предприятий (квазирегионов) регионы были вынуждены более автономно решать свои проблемы. Важным средством оказался **бартер** (прямые горизонтальные товарообмены) [22]; он ослаблял зависимость регионов от распределенческих, в т.ч. и финансовых функций Центра. Другие **стратегии регионов** – использование дефицитных ресурсов, выход на дальние связи, формирование коалиций-союзов; важнейшая – использование многоуровенной региональной иерархии и

---

[18] Образно говоря, впервые наше *политико-экономическое пространство начало описываться картой, где субъекты рядоположены,* – а не схемой управления, где они подчинены один другому.

[19] Система административных регионов – машина слома всех и любых существующих пространственных различий, переработки территории географии в суперуниверсальную государственно-общественную схему. Добиться однотипной организации огромной размером, очень внутренне разнородной природно и культурно стране удалось, переустроив ее описанным образом. Но насаждение однообразия привело к тому, что его инструменты-регионы стали целостными и внутренне закономерно разнородными системами, способными "вести себя", быть субъектами.

[20] Именно создание целостностей оказалось оборотной стороной тотальной регламентоции пространства: сильная универсальная организация пространства → универсальные органы (ячейки) управления → мощные универсальные центры универсальных реальных районов. Наша страна состоит из вполне реальных единиц, и процесс эволюции ее пространственной структуры может (должен) быть понят, именно как формирование внешнего каркаса центров и границ регионов, которые превращались и превратились в центры и границы регионов-субъектов, столь же реальных, сколь государство.

противоречий ее звеньев (рис. 2). Структурно-функциональная квазитождественность всех регионов делала их жесткими конкурентами: для выживания как институтов (сохранения властями региона положения) им были необходимы одни и те же ресурсы, в т.ч. институциональные (прав, полномочий и т.п.). Ограниченность общего объема таких ресурсов объясняет жесткость противостояния уровней региональной иерархии, как и невозможность привилегий для отдельных регионов, явочным порядком присваивавшихся регионами того же уровня; *сравнивание статуса становилось труднопреодолимой тенденцией.*

Многоуровенность региональной иерархии при очевидном конфликте между всеми смежными уровнями позволила региональным уровням (отчасти – отдельным регионам) практиковать стратегии: "**союз несмежных уровней**" и "**союз уровня со слабой структурой смежного уровня**" (оппозицией), а также комплексные. Особенно эффективно использовался регионами конфликт двух вышестоящих уровней(рис. 3). Число же уровней иерархии достаточно велико, чтобы не образовывались устойчивые конфигурации – поэтому шло "срезание" верхнего уровня, что проблематизировало устойчивость уровня, остающегося верхним. Примеры союзов (коалиций): уровень союзных республик и оппозиция союзному (СССР) руководству; власти РСФСР, уровень центров нижестоящих рангов (т.н. демократические города), другие союзные республики в противостоянии Центру; приобретение дополнительных полномочий регионами ранга автономной республики и области РСФСР за счет конфликта ее и СССР (Центра) и др. (см. рис. 3, все элементы которого имеют конкретные интерпретации[21]).

Регионы в одном очень существенном отношении отличны от государства: они – непосредственные *арены массовой политики*, сконцентрированной в их центрах (напомню: центры регионов – это субрегионы, репрезентирующие регионы). Власти регионов вынуждены предпринимать самые разные шаги, чтобы только избегать массовых выступлений (хотя иногда используют их в своих целях). Устройство же ссср таково, что всякое давление передается наверх, и если в ответ не следуют дополнительные ресурсы или санкции, то регионы приобретают дополнительтельные полномочия, запас которых наверху снижается.

Регионы постепенно присваивали, присваивают (и почти присвоили) как полномочия государства, так и его специфические функции. Практика "регионального хозрасчета" с самого начала означала претензию регионов на "государственную" собственность. Регионализация – первый шаг приватизации, осуществленный еще до выдвижения соответствующей программы. Хозяйство региона устроено так, что только в его пределах может идти "разборка" на тему собственности, т.е. осуществляться и/или легализоваться приватизация. Регионы – *арены становления новой социально-имущественной стратификации.*

[21] Так, во время работы нод первым вариантом текста – весна 1993 г. – регионы РФ очевидно использовали конфликт в ее Центре, поочередно вступая в союз с ослабевающим компонентом его властной структуры.

Конверсия как выведение (части) ВПК из сферы Центра – *регионализация и приватизация ВПК*.

Такие разнородные меры регионов, как установление режимов ввоза-вывоза товаров, собственных налогов и сборов, введение валют и квазивалют (например, собственного вексельного обращения), означают, что регионы в значительной мере присвоили хозяйственные полномочия государства. Подтверждения этому – практически самостоятельное распоряжение ресурсами, в т.ч. и природными, фактическое право veto при приватизации.

Вне зависимости от того, чем был на самом деле комплекс событий августа 1991 г., *провал "путча" означал победу регионов*, хотя прямо они в событиях не участвовали. Горизонтальные отношения внутри властно-силовых структур оказались явно значимее вертикальных. С этого момента горизонтальные (в т.ч. межрегиональные) отношения, включая вооруженные конфликты между ними, можно считать доминирующими над вертикальными. Однако надо ясно сознавать, что перестройка отношений в региональной матрице еще не означает перестройки структуры самого советского пространства, которая требует совсем иных временных горизонтов. Сказанное про регионы относится прежде всего к уровням союзных республик и областей Российской Федерации, однако схема сохраняет более общий характер.

Статья очередной раз редактировалась, когда опять случилось нечто, также названное путчем. Обращает на себя внимание, что регионы фактически игнорировали "путч" как событие значимое; нужно ли доказательство сильнее, что Центр и регионы находятся в разных, достаточно автономных реальностях. Лишь один "регион" был вовлечен в события, и то в силу их протекания на его территории. *Если путч-1 доказал, что регионы существуют, то путч-2 сделал сомнительным существование "Центра регионов"*.

2.3. Надрегиональные силы, Центр

Регионализация – не просто спуск власти вниз, но *процесс взаимодействия всех компонентов региональной иерархии*. Активности регионов противостоит деятельность Центра, использующего *целостный набор акций*, обусловленных его местом в региональной иерархии (осознан он как таковой или нет – неизвестно, но здесь и не очень существенно). Важно различать две принципиально разные установки, **суперстратегии** и реализующие их комплексы акций. **Контррегионализм** – противостояние и противодействие регионам со стороны Центра, ориентированное на восстановление прежней ситуации региональной пригнанности, единства советского пространства. **Дерегионализм** – направлен на снижение роли административно-региональной составляющей в организации советского пространства. В отличие от контррегионализма, он не направлен непосредственно против регионов и, что существеннее, ориентирован на изменение характера пространства. (Первая установка – регионально-негативная, вторая – пространственно-позитивная.) Эти установки в политической реализации будут име-

новаться **контррегионализацией** и **дерегионализацией**. По-видимому, практиковалась собственно контррегионализация; дерегионализация же (вне зависимости от возможностей) не осознавалась как таковая.

Контррегионализация как политика двухвариантна. Она противостоит **сепаратизму** (выделению из пространства ссср, СССР, РФ и т.д.) или собственно регионализму как сосредоточению власти, собственности и пр. на уровне ниже государственного. В узком смысле это **контрсепаратизм** и контррегионализм.

В первом случае, при контрсепаратизме, имеют место следующие стратегии: 1) Блокада, включая военную, хозяйственную и пр. – изоляция региона. 2) Оккупация – силовой контроль над регионом в целом. 3) Оккупация центра региона. 4) Формирование **внутреннего контррегиона** – создание и/или поддержка сепаратистской части региона (в т.ч. субрегиона). 5) Поддержка субрегионов региона в их противостоянии региону. 6) **Реструктуризация** – замена всей системы административного деления, т.е. создание новой системы субрегионов. 7) Поддержка оппозиции властям региона. 8) Формирование **внешнего контррегиона**, для вступления его в конфликт с регионом. (Все стратегии генерированы матрицей отношений в системе регионов – рис. 3.) Обычно стратегии комплексируются.

Против отделяющегося региона "Литва" власти СССР применяли стратегии: 1, 3 (военные акции в Вильнюсе), 4 (стимулирование "вторичного сепаратизма" Юго-Востока с его белорусско-польским населением), 8 (территориальные притязания Белоруссии). Были также попытки применения мер типа 5 и 7. Против Чечни явно используются стратегии 1, 2, 3, 4, 7. Стратегия 4 применялась и применяется (со стороны СССР-2) к Молдавии: Приднестровье – внутренний контррегион, претендующий на право veto (что обычно для контррегионов) на выход Молдавии из СССР и позже – присоединение к Румынии. Аналогично применение стратегии к Грузии (Абхазия, Южная Осетия); примеров много. *Набор стратегий в общем инвариантен конкретным ситуациям*[22]. Для подавления сепаратизма Южной Осетии (в числе прочих мер) и административно-хозяйственного контроля Москвы соответствующие власти использовали стратегию 6. Поскольку в ссср административное расчленение пространства и есть власть над ним, то в борьбе с региональными силами логично менять само институциональное районирование пространства, что лишает влияния связанные с субрегионами группы.

Во втором случае, при контррегионализации всего регионального уровня, применяются стратегии 5, 7, постоянно муссируется идея использовать стратегию типа 6. Но для Центра существеннее использование таких механизмов, функционирование которых необходимо регионам, но которых нет в их распоряжении (не могут быть быстро созда-

[22] Такие стратегии характерны для любого пространства-ссср. В Югославии (где сходная геополитическая структура, но административная география не переработала столь сильно культурно-этническую) власти применяли к Хорватии меры типа 1, 4, 8, применяют и пытаются применить к Боснии и Герцеговине – 1, 2, 4, 5, 8.

ны). Например, эмиссия и вообще денежное обращение – типичный вертикальный инструмент интеграции систем регионов; лишение региона "налички" эквивалентно применению против него одновременно стратегий 1 и 2. Тогда бартеризация и затем долларизация экономик регионов – функционально есть следование **контрцентрализационной стратегии**[23]. Между ними и собственно региональными стратегиями лежат, например, тенденции создания коалиции предприятий военно-промышленного комплекса как **новой трансрегиональной структуры,** которая бы служила подпоркой, в т.ч. и социальной, для центральной власти. Это – стимулирование противовеса всему уровню административных регионов ранга области (опора на квазирегиональные структуры пространства в борьбе против региональных).

Собственно дерегионализационные стратегии Центром не применялись, хотя соответствующие им меры практиковались, но были производны от решения совершенно иных задач. К таковым можно отнести "раскрепощение предприятий" (возможность предприятиям-квазирегионам функционировать относительно независимо от регионального каркаса), поддержку ВПК как относительно внерегионального компонента пространства, разного рода либерализационные меры типа отпуска цен. Но поразительно, что борьба с сепаратизмом отдельных регионов со стороны Центра не отличалась от подавления суверенизации региональных уровней: *не различались контрсепаратизм и контррегионализм!* СССР был государством, которое настойчиво пыталось выиграть конфликт со всеми собственными региональными частями; тогда "путч-1" интерпретируется как попытка восстановления Центром уже утраченного контроля над регионами.

2.4. Массы и группы

Этнические группы реализовывали свои интересы, беря под контроль этноадминистративные регионы как институты этнической реализации либо создавая **проторегионы** и пытаясь вписать их в существующую систему регионов (что до известной степени удалось лишь немногим не-титульным этносам). Попытки повышения статуса этнорегионов, особенно при ситуации их иерархического вложения и/или несовпадении регионов с фактическим расселением этносов, сопровождались острыми, хорошо известными конфликтами. Характерный феномен: **вторичный сепаратизм** – формирование проторегиона компактным этническим меньшинством; такие районы часто используются Центром как контррегионы (внутренние, но с тенденцией превращения во внешние) и поддерживаются его функциональными (силовыми) структурами. Несмотря на то, что эта стратегия невозможна для всех этносов одновременно, хотя бы в силу полиэтничности значительных территорий, она совершенно естественна для ситуации ссср. Иного пути

[23] Строго говоря, когда рубль призван обслуживать вертикальные отношения, тогда для горизонтальных нужна своя денежная система (в разное время и в разной степени она опиралась на бартер и доллар).

этнической реализации, кроме формирования собственнного этнорегиона, сейчас нет (усиление оттока немцев при неудаче восстановления автономии в Поволжье). Квазиэтнические группы (особенно казаки) практикуют ту же стратегию.

Это относится и к массовым группам как таковым (давление на власти регионов), и к социопрофессиональным общностям (шахтерское движение Кузбасса близко к контролю над Кемеровской областью).

Активность всех групп (не только массовых и/или этнических) также *вписана в регионализованное пространство*. Малые неэтнические активные группы реализуются, локализуясь в функциональных компонентах пространства. В ходе регионализации ослабевают конкретные механизмы согласования регионов, но остаются актуальными соответствующие функции (ниши). Значительная часть "нового бизнеса" (биржи, банки и т.п.) реализует функции прежнего Центра (посредническо-распределительные и знаково-символические). Это подтверждается известной стагнацией бирж после освобождения цен в Российской Федерации, до которого они специализировались на "централизованном бартере". В целом "новая активность" воспроизводит пространственно-иерархическую административную структуру [11].

Сказанное относится к многим новым видам деятельности: политике в разных смыслах и аспектах, бизнесу, средствам mass-media и т.п. Их деятельностью *каркас административных регионов активизируется*, наполняясь новым содержанием [9]. "Новые структуры" утрируют многие особенности советского пространства. Они более централизованы (например, 20 из 20 крупнейших банков размещены в Москве, доминирование которой в этом отношении чуть ли не сильнее прежнего), четче укладываются в рамки отдельных регионов и региональных уровней. Автономизирующеся блоки и фрагменты общества=государства продолжают занимать место в его пространстве, лишь усиливая своею деятельностью характер этого пространства и его функции. Особенно характерно утрирование советского пространства у групп, декларируюших свое противостояние или неприятие ссср. Практически неизвестны группы, структуры, выстраивающие поведение (размещение) в пространстве, независимо от его региональной матрицы. Активна деятельность захвата контроля над регионами или иными уже существующими позициями в пространстве, но **нет пространственной свободы и творчества** (см. [11, 15]). Этим подчеркивается едва ли не существеннейший вывод работы – идет распаковка проблемного багажа советского пространства, но отнюдь не выращивание на его месте чего-либо иного.

Регионализация тотальна, охватывая все компоненты общества=государства. Именно тип размещения, расселения группы во многом предопределяет ее позицию в регионализации. Массивные (массовые) группы и структуры, компактно размещенные и достаточно мощные для влияния на регионы, регионализуются квазиестественно, в общем спокойно реагируя на региональную фрагментаризацию пространства. Группы иного типа (дисперсные и нигде не образующие

большинства) реагируют иначе, скорее противостоят регионализации, занимая места в обновляющихся функциональных компонентах горизонтализованного Центра и внерегиональных структур[24], или склонны к эмиграции (которую можно считать последствием "распада СССР" – но и реакцией на него). Ср. поведение украинцев, шахтеров, народа вообще, сухопутных войск – с поведением немцев, авиадиспетчеров, политизированной интеллигенции, войск стратегического назначения. (Поразному ведут себя и группы, связанные с собственно регионами и квазирегионами.) Конфессиональные общности (их институциональные структуры) также активно регионализуются, в общем воспроизводя контуры регионов (государств)[25].

2.5. Структура регионализации

Регионализация – процесс суверенизации структурных компонентов ссср типа "регион", при котором автономизируются и другие, функциональные, компоненты; одновременно между теми и другими устанавливаются новые отношения уже в пределах нового регионального уровня, становящегося верхним. Регионализация государства как уровня может считаться завершенной только после реинтеграции всех компонентов государства в регионах, бывших его составными частями (субрегионах государства=региона). *Регионализация СССР и Российской Федерации еще не завершена.*

При регионализации автономизируются следующие ***основные компоненты****, или* ***блоки*** (для СССР): 1) собственно регионы (союзные республики); 2) регионализованные секторы функциональных компонентов надрегиона (часть ВПК, вооруженных сил, инфраструктуры и т.п.); 3) нерегионализованные секторы функциональных компонентов (стратегические силы, атомно-космический комплекс и пр.); 4) особая часть – центр как резиденция Центра (Москва в "хитро" заданных и трудноопределимых границах). Иными словами, автономизируются регионы и квазирегионы. *Регионализация – итеративный процесс, завершающийся региональной консолидацией.* Неделимость регионов при этом частично нарушается. Во-первых, вследствие обмена функциональными компонентами. Во-вторых, через выделение сепаратистских районов в роли регионов, в силу участия в процессе наряду с регионами и практически в роли субъектов "политики" (иного типа) блоков 2 и 3 (квазирегионы). При этом формируется еще один блок: 5) **район-регион**, не вошедший в состав ни одного из регионов (иногда субрегион региона, который мог выступать как внутренний контррегион); это, например, Абхазия, Приднестровье[26]. Число таких образова-

[24] Они заинтересованы в реставрации и/или активизации СНГ как того общего пространства, где могут координироваться их интересы.

[25] Весьма важно пространственное поведение немногочисленной реальной (не статусной) элиты, о котором нет должных сведений.

[26] Одновременно и особая часть РФ, и часть территориального домена вооруженных сил РФ (14 армия).

ний, по-видимому, будет быстро расти. В иной интерпретации блоки 5 можно считать частями СССР-2 (соответственно, РФ-2 и т.д.).

В силу сказанного, вопрос о числе частей, на которые "распался" СССР (и аналогичные возникающие вопросы), – принципиально нетривиален и не имеет однозначного ответа (критерии международно-правового признания в проводимом аспекте не имеют значения, да и сами не дают однозначности). В самом первом приближении *при "распаде СССР" выделились: 15 суверенных* (в существенно разной степени) *республик, 16-я функциональная часть* (вооруженные силы с трудноопределимым территориальным шлейфом) *и несколько районов-регионов*, реально ассоциированных с одной республикой, находящихся в состоянии конфликта с другими (формальными частями которых они являются) и опирающихся на 16-ю часть [14, 20]; есть и блоки следующего уровня регионализации. Еще раз подчеркну: представление о "распаде СССР на 15 составлявших" его республик – не огрубление, а искажение сути процесса (СССР ни в каком смысле не состоял из 15 республик). Реальная ситуация – результат интерференции незавершенной полной регионализации одного уровня (СССР) и идущей неполной регионализации следующего уровня.

Регионы, становящиеся **суперрегионами** – верхними в иерархии, т.е. государствами, осуществляют **процедуры сборки компонентов** (блоков), регионально различные. Так, страны Балтии реконсолидируются на основе блоков 1 и 2 при удалении структур компонента 3; Украина – присоединяет к 1 и 2 фрагменты 3; Армения сложно сочленяет 1, 2, фрагменты 3 и блок 5 (о ситуации РФ [14]). Относительная сложность процесса регионализации пока вполне описывается исходной схемой; в основе процесса "реконструкции" лежат, во-первых, части пространственные и, во-вторых, региональные – блоки типа 1 и, реже, 5 (возможны иные варианты: компоненты 2 и 3, располагающие собственными территориями, могут стать основой формирования районов-регионов – ср. с ролью римских легионов в этногенезе).

Таким образом, для регионализации характерны следующие процессы. 1) Суверенизация структурных компонентов, в т.ч. пространственных; 2) Демонтаж, деструкция вышестоящего уровня; 3) "Сборка" компонентов суверенизирующихся регионов, реинтеграция их пространства; 4) Перестройка пространственных отношений, в т. ч. между регионами и с Центром.

Факторы активности регионализации связаны с различием как статусов регионов, так и со спецификой их территорий. Они перекрываются по действию, отчего их выделение отчасти условно. Факторы перечислены в общем по убыванию значимости (которая будет претерпевать изменения); увеличение значения соответствующего признака усиливает регионализацию. Сочетание факторов – свернутое описание механизма и типа регионализации конкретного региона и их уровня, дополняющее общий механизм. 1. Ранг региона. 2. Этноадминистративный статус: 2А. Включенность в этнорегион. 3. История территории:

3А. Досоветское существование как целого. 3Б. Особый статус в Российской империи. 3В. Прежний (в любой период) статус в СССР. 4. Размер региона: 4А. Население и производство; 4Б. Территория и ресурсы. 5. Окраинность положения: 5А. Близость к иностранному центру тяготения. 6. Этнокультурная специфика населения. 7. Географическое единство региона[27].

3. СОЦИУМ РЕГИОНОВ

Здесь дана дополнительная интерпретация пространственной феноменологии, шире рамок **геополитической региональной тектоники** (структурной геополитики), и сформулирован ряд смысловых выводов из нее.

3.1. Буржуазная революция регионов

Регионы – пространственные и функциональные (квазирегионы) – единственные субъекты событийности последних лет. Одно это приводит к необходимости радикально переосмыслить ситуацию в сравнении с принятыми интерпретациями (тотальный кризис, народная революция, заговор элиты и т.п.). На мой взгляд, ситуация определилась: идет *становление* ***"социума регионов"*** (общества регионов). Это позволяет снять противоречие между сильным на разных уровнях и в разных аспектах ощущением происходящих событий как революционно-катастрофических – и отсутствием среди действующих политических субъектов (сил) внесистемных или антисистемных элементов. *Общество регионов – этап самотрансформации тотально регионализованного советского пространства.*

Многообразная активность регионов и региональность всей пространственной событийности может быть интерпретирована на основе схематики классической буржуазной революции с лозунгами "свобода и собственность". Представив (увидев), что сейчас под ними действует именно совокупность регионов (а не третье сословие), получаем ситуацию: происходит **революция регионов** (шире – составных частей; см.

27

			ф	а	к	т	о	р	ы			
Регионы	1	2	2А	3А	3Б	3В	4А	4Б	5	5А	6	7
Литва	+	+		+					+			+
Молдавия	+	+								+		
Украино	+	+					+					
Абхазия		+	+		+				+			
Татария	+	+					+					
Якутия	+	+						+	+			
Чукотка		+							+	+		
Калининская обл.				+						+		
Ростовская обл.	+				+		+				+	
Иркутская обл.	+						+	+			+	
Приморский край	+							+	+	+		
Закарпатская обл.			+	+					+		+	+
Крым			+			+				+	+	+
Донецкая обл.							+	+		+	+	
С.-Петербург					+		+		+			

работы, где постепенно оформлялся и развертывался вывод [4, 7, 10, 14]). Указанные лозунги абсолютно осмысленны для регионов в их противостоянии государству (=Центру), присвоении его прав собственности, горизонтализации всех отношений. Оказывается, *регионы – аналог и эквивалент народа* (населения), что подтверждается апелляцией разных Центров к регионам в том же смысле и в тех же случаях, в каких апеллируют к народу (подробнее см.: [14]). Дело доходит до инверсии властных ролей и символических функций Центра и регионов, когда конфликтующие структуры Центра апеллируют к регионам как к судье-посреднику, тогда как в обычной ситуации все обстоит ровно наоборот.

Концепция буржуазной революции регионов совместима с представлениями о спонтанной институциональной либерализации как основе происходящих социально-экономических процессов [23] (т.е., в сущности, институциональной революции), но не требует, в отличие от нее, установления соответствий между структурами советского общества=государства и западного общества. (Установление аналогии "народ – регионы" дополнительно подкрепляется тем, что собственно народ в советском пространстве действует в рамках регионов, активизируя их структуры; по-видимому, это больше, чем аналогия.)

Многие фактические практики и особенно декларации регионов касательно их суверенитета объяснимы, если только регион оказывается эквивалентом и аналогом личности; *регион – "личность" советского пространства*. Абсолютная полнота суверенитета и священность собственности – атрибуты прежде всего личности. В обществе регионов регионы=субъекты – еще и **регионы=(квази)личности**. Напомню, что именно личность в современной секулярной культуре обладает потенциалом сакрализуемости (как и национальное государство). Политические игры регионов имплицитно (отчасти – уже эксплицитно) предполагают некоторую меру сакрализации их прав. Иначе очень трудно объяснить чрезвычайно болезненное отношение регионов к самой возможности отчуждения от них территорий, а равно ожесточенность борьбы за место в регионализованном пространстве (неотчуждаемость частей, т.е. неделимость – атрибут личности).

Внезапная квазисакрализация регионов как проявление и идеологическое обоснование их революции позволяют интерпретировать переживаемый период как своеобразную **реформацию советского общества=государства**. Надрегиональное тотально идеологически (псевдо) сакрализованное общество=государство, подточенное предрегионализмом (вообще интересами блоков), практически внезапно десакрализуется и обессмысливается как целое[28].

Проведенные интерпретации позволяют продолжить ряд аналогий. Так, идея прямой (непременно помимо Центра) договоренности регионов как единственной возможности нового согласования в пространстве регионов *соответствует идее общественного договора*. Воспроизводящиеся ситуации отказа регионов от участия Центра в процессе установления "нового пространственного порядка" соответствуют не реаль-

[28] О явной фетишизации Центра как очевидно зловещего начала, об иррационально-магическом характере политики см.: [4, 8].

ному раскладу сил (и, тем более ситуации пространства, остающегося физически централизованным), но такой идеолого-ментальной матрице, где Центр в принципе не может наделяться позитивной ролью. Это бросается в глаза на фоне действий регионов, чрезвычайно прагматически ориентированных и инструментально неразборчивых. (Архетип "**общественный договор регионов**" крайне, принципиально значим)[29].

Итак, происходящее интерпретируемо как революция регионов, **революция составных частей**; регионы не только высвобождаются из властной пригнанности, но и выходят из всякого пространства общих норм ("дикие", с любой точки зрения, квазинормы, царящие в некоторых регионах, хорошо известны). Но если в сфере, функционально соответствующей политике (но не являющейся таковой, как будет видно ниже), роли личностей несут регионы, то личности в обычном смысле в публичной сфере не должно остаться места. Это и происходит (тогда регионализация имеет неожиданным, но плодотворным последствием приватизацию обычной жизни людей). Возможно, ситуация "регион=личность" – извращенная форма соборности, ведь регионы – целостности не только властно-пространственные, но и обыденно-жизненные.

Рассматриваемая ситуация общества регионов, по-видимому, равно относится к квазирегионам (регионам функциональных, фазовых пространств) и собственно регионам; последним уделено больше внимания в силу характера текста.

3.2. "Политика" в обществе регионов

Общество регионов – такая **метаполитическая ситуация**, где привычные представления о политике и ее схемы неприложимы, а если их приложить, оказываются амбивалентными и/или абсурдными. Задающий позиции (координаты) *традиционный политический спектр "левое – правое" невозможен* в ситуации, где генерирующая политические отношения и позиции матрица региональной иерархии многоуровенна и полисубъектна. Это означает *невозможность существования политических партий* как реальных сил, для чего нужна единая одноуровенная политическая арена. Феномен "партий" не вложим в описываемую реальность; то же, что именуется партиями – просто артефакты политизированного менталитета либо особые составляющие контррегионализационных структур Центра.

По-видимому, автономизирующаяся, отрывающаяся от региональной реальности властно-политическая система пребывает в особом, почти самодостаточном "пространстве", отношения в котором и есть "политика". Для него характерны инверсии левое/правое, т.е. пространственная невменяемость [4]. Это политическое фазовое пространство также переживает регионализацию; оформились два типа блоков: квазирегионы, подобные регионам (властные институты), и "районы",

[29] Сказанное следует понимать с должной осторожностью, как и всякое установление подобных аналогий: уподобление региона личности (и совокупности регионов – обществу) – это еще не отождествление их; тем более не утверждается, что процесс "социализации регионов" был осознан его участниками. Подлинный смысл таких соотнесений как одной из интерпретаций второго порядка (т.е. интерпретации произведенной выше интерпретации) только предстоит выявить, хотя уже сейчас эвристически-объяснительный (и даже прогностический) потенциал концепции революции регионов достаточно велик.

претендующие на статус квазирегионов (партии[30]). Это пространство и отношения в нем весьма схожи с собственно регионализационными; причем неясно, какое сильнее фрагментировано.

Многоуровенность региональной ситуации, делая иррелевантной антитезу "левые – правые" (она тогда должна бы относиться к регионам и/или их уровням), *полностью релятивизирует* ***отношение "власть – оппозиция"***. Оно применимо только к разным уровням региональной иерархии и властным структурам, а не к компонентам единого политического рынка, как в обычной политике. Это отношение в нашей ситуации задается не абсолютно, но только относительно конкретного уровня регионов; при переходе на иной уровень оно инвертируется. (Напр., для властей нынешней РФ регионы – оппозиция, но они же – власть для регионов ранга ниже области etc.) Даже, казалось бы, сугубо пространственная ***антитеза "унитаризм – сепаратизм"*** *лишена однозначного смысла*. Она приложима только в ситуации, где есть целое государства и один уровень политически манифестированных регионов. Соответствующие позиции, заданные на одном уровне, меняют свое значение при переходе на другой уровень. Всякий регион равно ориентирован на суверенность от надрегиональных структур (сепаратизм) и неделимость на части (унитаризм). Так, известная группа сторонников сепаратизма республик б. СССР "оказалась" унитаристами (даже империалистами) своей республики после демонтажа союзного уровня (симптом не непоследовательности, но жесткой заданности позиций отношениями в полирегиональной системе).

В обществе регионов для политики как таковой нет места, функциональной ниши. Структурное и функциональное подобие регионов приводит к подобию (почти тождественности) их интересов и "программ", что обычно невозможно – политические субъекты (силы) не тождественны. *Регионы – политические субъекты ситуации без политики*. Известно: поведение регионов почти не зависит от политической ориентации и происхождения их властей. Различия стратегий регионов значительны, но в существенной мере обусловлены полнотой их структуры, возможностью достройки до полной структуры либо компенсации ее неполноты (союзы и др.), текущей ситуацией и т.д. *Конструкция региона обязывает его к аполитичности*. Коммунисты, демократы, технократы, националисты, стоящие у власти в регионах, ведя себя чрезвычайно сходно, обессмысливают эти политические идентификации. Регионализм перерабатывает собственно политику. Но *тогда регионализация – механизм деполитизации и деидеологизации*.

Регионализация и политизация регионов дополнительны. Пространственно стабильные, не фрагментируемые регионы (государства) политизированы в обычном смысле (борьба партий, интересы, сотрудничество властей etc.). Фрагментируемые же регионы квазиполитизированы, импульсы регионализации транслируются в их центры и концентрируются, политическая сфера – фрагментируется. Собственно

---

[30] "...не сотрудничество между властями, не их взаимодействие, а уникальная ситуация, когда при отсутствии настоящих партий исполнительная и законодательная власти как бы превратились в политические партии, преследующие собственные (сходные – В.К.) интересы." (Мигранян А. М. Новая Россия на пути к общему дому // Новый мир, 1994, №1, С. 171–172.)

политика – "двойная" альтернатива регионализации: территориального и политического пространств. Существенно, что оба комплекса событий, называемых путчами – 1991 и 1993 гг., – разворачивались не как конфликт партий в узком смысле, но как конфликт властных институтов (квазирегионов собственно политического пространства), и протекали преимущественно (если не исключительно) в столице. Необходимые примеры дает ситуация стран Балтии и современной РФ (а в обостренной форме – Таджикистана). Отрыв "политики" (сферы активной маргинальности) от реальной регионализации, ее инкапсуляризация (самозамыкание) ведут к саморазрушению этой сферы. *Регионализация – автодеструктор политики.*

Проводя самообосновываемую данностью региона-как-целого политику интересов (а не программ), регионы для ее обеспечения (манифестирования, декорирования, получения поддержки, внешней легализации и пр.) используют в инструментальной функции почти любые "обоснования", пригодные для указания на восстанавливаемую при регионализации "справедливость", на самом деле состоящую в "**дефиците статуса**"[31]. Такие обоснования весьма эклектичны, фрагментарны, противоречивы и т.п. Например, одновременно используются ссылки на попранные в пространстве СССР права, нарушение равенства регионов, на их традиционные льготы, прежнее привилегированное положение, апелляции к любым историческим периодам, эпизодам и пр. (ср. идентификацию Турции Ататюрка с Хеттским государством и культурой). *Регионализм* – **метаидеология неразборчивости**, очевидно чреватая региональным шовинизмом [12] и ксенофобией (широко наблюдается), в чем явна преемственность с идеологической практикой СССР. Существенно, однако, что посредством регионализации коммунизм (социализм) как идеология и практика обессмысливается и разрушается, причем в значительной степени деятельностью самих (бывших) носителей этой идеологии.

В социуме регионов *нет места регионализму* в традиционном смысле, сколь странным сие бы ни казалось. Регионализм – идеология и практика достижения существующими во внегосударственной реальности пространственными (этнокультурными и др.) общностями институционального статуса; стремление географически реального района стать институциональным (административным регионом, государством). Наши же суверенизирующиеся регионы – уже институциональные районы; надо ясно сознавать, что регионализация административных регионов советского пространства не имеет отношения к собственно регионализму и по сути – **псевдорегионализм** (но см.: 4. 3.).

3.3. Общий смысл? Уроки?

Деструкция СССР (СССР) и/или регионализация советского пространства структурно детерминирована; это событийность, чреватая бедствиями и страданиями – но есть ли в ней **смысл**?

---

[31] Если подробнее рассматривать не только артикулируемые доминанты справедливости и равенства, но и соответствующие практики, то можно развить интерпретирующую **гипотезу "социалистическая революция регионов"**; похоже, что активность некоторых регионов может быть описана и так; однако эта линия не излагается (интерпретацию всей "политической" событийности как социалистической революции см. [4, 8]).

В. КАГАНСКИЙ

Сохраняясь и существуя как целое, СССР не мог преобразоваться, – и был острейшей глобальной проблемой. Устройство ссср превращало его пространство во все более безжизненное. Регионализация СССР – реальный путь его преобразования. Иное устранение СССР потребовало бы методов (соответственно – жертв), подобных тем, что сопутствовали его созданию, а борьба с властью, пропитавшей обычную жизнь, превратилась бы в борьбу с жизнью.

Регионализация использует фрагменты советского пространства, давая им возможность жизни (витализации). История "разрушенья до основанья, а затем ..." не повторяется. По законам полиморфизма части-регионы обязаны обнаружить сущностные различия и – после определенного рубежа суверенизации – двигаться в разные стороны, жить по-своему. Поливариантность эта – налицо. Как именно уйти от ссср и куда можно прийти – узнается на своем месте; регионализация – пути в свои места.

Даже оестествившись, ссср был насилием над природно-культурной почвой. Чтобы могла она вновь плодоносить, срезание слоев региональной иерархии одного за другим – необходимо; оно и неизбежно. Огромная империя регионализацией деколонизуется. Регионализация – механизм деидеологизации, перемалывающий коммунизм как идеологию и организацию, бессильные без громадного государства. Происходит – противоречиво – деполитизация. Хотя процессы, продукты и последствия регионализации зачастую отвратительны и опасны,иного пути для десоветизации пространства и жизни в нем (сейчас) нет.

Поведение регионов – политика грубых интересов, что предпочтительнее тотальной политики омертвляющих идеалов. Говорят: сотня "союзов" хуже единственного. Но регионы хотя бы в силу размера вынуждены соблюдать определенные правила игры. (Хотя регионализация – угроза расползания ядерного оружия, она же – и шанс избавления от него.) Ситуация сосуществования многих разных регионов, куда более соразмерных человеку (чем СССР), для личности предпочтительнее. Регионализация – начало дезунификации, дестандартизации, шанс демаргинализации.

Чем активнее во фрагментирующемся пространстве становление самостоятельных частей, тем больше возможности созидания из них осмысленных целостностей. (Даже если России суждено возродиться в рубежах 17 г. или XVII в., то пути, помимо регионализации, к тому нет.) Этносам регионализация сулит испытания государственностью, а иным – многогосударственностью, но испытания исторически осмысленные. Регионализация – вообще тяжкое испытание, но и огромный шанс вернуться к жизни и в историю.

В советском пространстве-монстре (были) скрещены власть и жизнь, террор и экономика, государство и общество, идеология и культура, этничность и администрация – но нет смысловых отдельностей, сфер человеческого бытия. Возможно, кое-где им суждено появиться.

Власть ссср стремилась полностью пропитать собою жизнь и пространство, подчинив и/или искоренив естественную самоорганизацию. Система регионов была машиной подавления-стирания различий, но именно тотальный успех конструирования привел составные части машины к бунту. Полностью и окончательно построенное пространство

социализма не выдержало собственного устройства. Пространственно невменяемое общество=государство перестает существовать – пространство отомстило.

"Зарубежный мир" пребывает в соблазне социального конструктивизма, этатизма и социализма; может, сползает к нему. Теперь мы знаем, чем это кончается... Не в том ли урок, очень важный? Мы ныне знаем, вернее, узнаём – что есть социализм, что не вечен он именно в силу успехов построения, что разнообразие можно подавить и искорежить, но уничтожить нельзя.

4. СОВРЕМЕННОСТЬ И ЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ

4.1. Современная ситуация (общий взгляд)

Регионы, приобретшие статус государств, продолжают свое становление (сборку компонентов) и в основном сами регионализуются. В советском пространстве *доминируют горизонтальные отношения*, а сохраняющиеся вертикальные все более горизонтализуются. Уровень СССР демонтирован; регионализация активно продолжается, на основной части территории б. СССР, не пройдя своего пика[32]. Симптомов исчерпания процесса нет, его замедление – иллюзия; на разных территориях он идет в разных скоростях и формах (имея разнообразные событийные и псевдособытийные последствия). Это разнообразие, как и разнообразие укладов жизни в регионах продолжает увеличиваться; фрагментаризация пространства сопровождается фрагментаризацией времени, десинхронизацией – ситуация не только **полихорична**, но и **политемпоральна**. Наиболее активна регионализация РФ.

Реальное пространство отчетливо многоуровенно и полисубъектно, особенно во властно-политическом аспекте. Например, в определении судьбы спорных между РФ и Японией Южно-Курильских островов принимают участие: сама РФ, 16-я часть СССР, Дальний Восток (коалиция регионов), Сахалинская область (административно острова – в ее составе), сами острова. Таких ситуаций – множество! Применительно к основной части б. СССР представление о смене одного государства несколькими новыми неприменимо.

Регионы вступают в союзы друг с другом на разном уровне, в т.ч. и с собственно иностранными государствами; образуют **коалиции**, в т.ч. и противостоящие друг другу **контркоалиции** регионов. Различия регионов и государств и соответственно межрегиональных и межгосударственных отношений размыты, тем более что регионы высших рангов достраивают государственно-силовые компоненты. Вооруженные силы и ВПК быстро регионализуются. В ряде республик-государств центральная власть превращается в надстройку над регионами, уже сосредоточившими основные властные функции (или стала "прикрытием" власти одних регионов над другими). Регионализуется собственность, государственное насилие, власть, право в любом смысле.

Каркас административного деления как матрица суверенизации регионов начинает дополняться иными пространственными структурами,

---

[32] Наблюдается фрагментаризация городов (областных центров) как регионов: попытки выделиться и приобрести самостоятельный статус со стороны отдельных городских районов (внутригородской сепаратизм?!).

прежде всего расселением этносов, не укладывающихся в регионы. Все более заметна активность этносов, не располагающих этнорегионами (дисперсно расселенные народы Севера и др.); стадию дробления проходят полиэтничные регионы (Северный, и не только, Кавказ).

Пространство СССР при его фрагментаризации обнаруживает *связность и целостность нового типа*: проблема раздела "советского наследства" и межрегиональные конфликты с их широкими зонами резонанса – интеграторы территории б. СССР как **проблемного макрорайона**. Наблюдаются тенденции реставрации демонтированного уровня СССР для части республик (регионов), которые не в состоянии осуществить сборку компонентов или достроить структуру до функционально полной. Заметно сращивание периферийных территорией с сопредельными государствами, действие зарубежных центров тяготения для групп регионов. Углубление регионализации и формирование интегративных полей тяготения регионов – не антитезы, а дополнительные тенденции.

При регионализации пространственная и (во многом) функциональная фрагментаризация, дезинтеграция сочетается с **пространственной реинтеграцией** – функциональное включение в регионы фрагментов их территорий, ранее непосредственно подчинявшихся Центру; многие регионы пространственно консолидируются. Регионализация на уровне фрагментируемого целого – явно децентрализация, но на уровне регионов централизация в общем усиливается. При фрагментаризации пространства в пределах бывшего СССР происходит интеграция регионов уже в новых пространственных контекстах, рамках. Для однозначной квалификации регионализации как фрагментаризации, децентрализации и дезинтеграции нет достаточных оснований; на уровне выше и ниже СССР скорее все обстоит наоборот. Процессы многоуровенны и полимасштабны.

4.2. Российская Федерация – СССР сегодня

РФ – территориальное и функциональное ядро СССР. На территории РФ структуры советского пространства и процессы регионализации наиболее отчетливы. РФ проводит ныне политику присвоения советского наследства и быстро повторяет судьбу СССР [9, 14]. Центральная власть РФ, с которой ассоциированы функциональные (квазирегиональные) и территориальные фрагменты СССР, не интегрированные в другие республики-государства, близка ныне к утрате контроля за собственными регионами. Они де-факто располагают правом veto на все крупные действия Центра РФ на их территории (например, блокирование воссоздания немецкой автономии на территориях Саратовской и Волгоградской областей), устанавливают собственные правовые режимы, доформировывают структуры до квазигосударственных, в части силовых компонентов, вступают в союзы с государствами внутри и вне СНГ помимо властей РФ, участвуют в боевых действиях вне РФ. Действия Центра РФ почти точно повторяют действия Центра СССР (не опираясь на сопоставимые возможности), как против сепаратизма окраинных регионов, так и против самостоятельности уровня регионов в целом. *Регионализация РФ – уже необратимый процесс*. Главное отличие от регионализации СССР – отсутствие региона, могущего присвоить и реально контролировать "неделимое наслед-

ство" (претензии региона "Москва" недостаточно фундированы). Поэтому РФ в каком-то виде продолжит свое существование.

Для него намечается спектр сценариев. 1) **Реванш** (СССР), реставрация. Ремилитаризация, попытки военного контроля над основной частью СССР, перманентные конфликты. 2) **Мир регионов и Центр – посредник**. РФ ассоциируется с Москвой и выступает в роли посредника между регионами РФ, странами СНГ, остальным миром, вооруженными силами (как де-факто суверенным компонентом, возможно, с собственными территориями). Функции Центра – валютно-финансовые, судебно-посреднические, формально-правовые и т .п. 3) **РФ – рыхлая надстройка** над в очень разной мере самостоятельными регионами (частью государствами), но с сохранением контроля над стратегическими вооруженными силами. 4) **Минимальная Россия**. Сохранение РФ как государства на небольшой части прежней территории при полной самостоятельности остальной. Контуры "новой РФ" определяются дислокацией стратегических сил, ресурсно-промышленной базой, конфликтами с регионами. 5) **Регионы – каждый за себя**. Возникает множество практически самостоятельных, равноправных государств-регионов (их коалиций), частью ассоциированных со смежными странами; Центра нет; стратегические силы суверенизуются и регионализуются; Москва из резиденции Центра превращается в регион, **город-государство**. Ныне реализуются и сочетаются как тенденции и элементы реальной политики Центра РФ фрагменты всех сценариев, но эта ситуация неустойчива; видимо, близка точка бифуркации, после которой указанные (подобные) сценарии становятся альтернативными (подробнее см.: [14, 16, 20]).

Процесс регионализации сильнее Центра как контр- и дерегионализатора; его действия дестабилизируют ситуацию, ускоряя регионализацию и обостряя неизбежные конфликты. Роль политических властей Центра может быть существенной лишь при осознании реальности регионализации как необратимого процесса, что представляется маловероятным. Однако устройство пространства РФ предполагает объемную нишу для посредническо-согласовательных функций, в механизме осуществления которых, при невмешательстве в их дела (пока) заинтересованы регионы.

4.3. Перспективы

Само существование, потенциальность, множественность перспектив делает регионализацию осмысленной. Оставив геополитическую футурологию до другого случая, ограничусь указанием важнейших тенденций и возможностей ситуации.

Проблемно-конфликтное советское наследство, т.е. структурный потенциал регионализации, далеко не исчерпан; регионализация будет продолжаться, охватывая как новые уровни иерархии, так и территории, где пока слабо проявляется. Картина, создаваемая регионализацией, будет усложняться за счет многовариантной интерференции процессов разных уровней и взаимодействия многих разных регионов и квазирегионов. Регионализация – перспектива не только Российской Федерации, хотя события в ней – резонатор геополитической перестройки Северной Евразии (от Югославии до Китая) и общемировых процес-

сов[33]. Тривиальное выражение этого процесса – становление государств (квазигосударств) в таких формах, которые потребуют пересмотра самих представлений о государстве. Содержание нынешнего этапа регионализации, далекого от исчерпания – суверенизация регионов ранга республики, области и им равных, т.е. верхнего слоя иерархии регионов. Спуск регионализации на нижележащий уровень в целом маловероятен, его регионы в меньшей мере отвечают основной схеме. Однако дробление ряда областей, суверенизация крупнейших центров и другие отдельные перестройки на этих уровнях вполне вероятны. "Энергия" регионализации и вообще трансформации региональных структур ныне начинает все более проявляться на внутриобластном уровне.

На следующем этапе регионализации, который местами уже явлен, административное деление перестает быть вначале единственным, а затем и главным каркасом регионализации; первые проявления – это проблематизация границ регионов и конфликты по их поводу. На первый план рано или поздно выступят противоречия между системой регионов и расселением групп (этнических, но не только), не вписанных в институциональное районирование, т.е. собственно регионализм. Здесь будет существенна актуализация этнокультурных "союзов" (общностей) и исторического, досоветского прошлого. Регионализм "второго эшелона", по-видимому, будет более идеологизированным. Он будет сопровождаться и этнификацией масс. Не исключено, что "выявятся" такие этнические (квазиэтнические) общности, что привычные представления о существующих этносах станут проблематичными (например, полещуки в Белоруссии, северо-русский субэтнос и сибиряки в РФ и многие другие). Весьма вероятно формирование широких коалиций регионов, в т.ч. в неожиданных рамках, что означает взаимное усиление процессов регионализации первого и второго этапа/типа. Очевидно, что эти процессы будут сопровождаться значительным числом вооруженных конфликтов и вообще ростом насилия; современость тогда – эпоха квазистабильности. Вероятно, резко возрастут контрасты территорий, часть которых приблизится к стабильному состоянию и будет отдрейфовывать от пространства ссср, а часть войдет в режим хронической нестабильности (кое-где наметившийся).

Собственно регионализация как спонтанный процесс подвергнется воздействию таких факторов, как: политика Центров наиболее крупных республик; все более самостоятельные действия вооруженных компонентов бывшего союзного Центра; зарубежные страны с неизбежными противоречиями между ними (проблема раздела "советского наследства" не только вне пределов бывшего СССР, но и внутри него уже вполне отчетлива).

Особая группа тенденций связана с обозначившейся приватизацией институтов власти регионов, выражающейся в их коммерциализации (но не сводящейся к ней – **в сущности, приватизацией административного деления**). Если механизмы управления региона начинают превращаться в какое-то подобие корпораций (Кисловодск, превращаемый в акционерное общество, или "свободная экономическая зона Наход-

[33] Регионализация территории СССР и ее последствия (миграции, выбросы на мировые рынки, распространение военных технологий, наемников и многое другое) приведут частично как ответ к усилению влияния на советское пространство стран, получающих в виде регионов орудия действий внутри б. СССР.

ка"), то это означает как снижение квазигосударственных интенций регионов, так и актуализацию возможности прямого сращения регионов и квазирегионов[34].

Если процесс институциональной либерализации (приватизация и пр.) действительно наберет силу [23], это будет дерегионализационно значимо; однако реставрация надрегионального единства при этом достигнута быть не может. В противовес расхожему мнению наблюдаемая частично стабильность (квазистабильности) обязана как раз регионам; действия Центров почти наверняка будут носить дестабилизирующий характер. На пути контррегионализации стабильность недостижима. Сейчас, по-моему, нельзя увидеть ситуацию, в которой регионализация "остановится"; такая общая ситуация вовсе не существует: регионализация – региональна. *Регионализация советского пространства – всерьез* и *надолго*.

По мере "распаковки" проблемного багажа (а это сама административно-региональная гипермоноструктура пространства, остающегося в главных чертах советским), все более значимыми становятся различия территорий, подавленные – но не уничтоженные структурой. Обнажается культурная почва. Новое здесь может оказаться достаточно старым. В конце концов, сравнительно далеко зашедшая регионализация, рассредоточенные отношения сотен регионов, широкие веера траекторий могут привести к самым разным вариантам будущего. *Будущее началось внутри пространства СССР*[35].

28 апреля 1994 г. – 19 февраля 1995 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. ПОЭТИКА СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА. Оно тотально символично и сплошь знаково; супертекст из вещей, людей и мест. Все существенные детали, позиции, направления, расстояния обладают значениями. Реально наблюдаемое "пространство" мыслимо как особый план выражения, материал которого не случаен. Каждое место (регион) – особый контекст со своими правилами интерпретации. Перемещение (смена позиции) эквивалентно переводу. Вещественное и знаково-символическое нерасчленимо; пространство существует, экспонируясь [2] (фокальный объект – ВДНХ). Иерархия псевдосакрализована; истинность, ценность, эффективность, величие, величина выражаются размером ячейки. (Выражение смысловой вертикали горизонтальным размером (площадью) предвещало деиерархизацию этой псевдоиерархии.) Эстетика–этика–экономика – нераздельны: их доминан-

[34] Интересный пример последнего – идущие и намечающиеся между регионами ранга области передачи ("продажи") целых административных районов и нетривиальные перестройки внутриобластной административно-региональной структуры. Сокольский район Ивановской области уже передон (продан?) Нижегородской области; город Братск де-факто присоединил к себе ряд слабых соседних административных районов, и это новооброзование претендует на прямые выходы в Центр помимо области. Обобщая эту тенденцию, стоит говорить о приватизации всей институциональной структуры пространства, приватизации регионов как институтов и районов.

[35] Существенно, что, казалось бы, чисто пространственная декомпозиция (возможно, деконструкция) приводит к возможностям "отыгрыша" нереализованных исторических ольтернотив. Так, вновь возникоют ситуация геополитической полицентричности Восточно-Европейской равнины, проблемо судеб Сибири, возможность нескольких русских государств с отказом от имперской доминанты и многое другое, что казалось исторически решенным.

ты – размер, простота, новизна, единство, централизация. В принципе везде возможно все – примат искусственности над естественностью. Пространство поэтико-риторически организовано; например, единство псевдоритма (такта), автомодельные симметрии как семантические аллитерации и рифмы, централизация как троп (центр–часть замещает, воплощает, даже порождает целое).

Советское пространство – овеществленный лозунг, тотальный супержест; пространство тотально апеллятивно, даже перформативно(!). Советское пространство в своей событийности реализует все языковые функции, представая супертекстом, в котором живут интерпретаторы как компоненты; правильность интерпетации эквивалентна выживанию. Вся событийность театрализована (например, новые и старые митинговые действа), однако общие для пространства события не локализованы в пространстве и времени, "происходят в нигде и никогда" (см. общее равнодушие масс к "распаду СССР"). Пространство – арена для событий, смысл которых проистекает из надпространственно-вневременного центра. Произведение тотального искусства? (ср. интенции авангарда). "Эстетика тоталитарных сред", "культура хамства" [25, 24]. Особая семиотика, поэтика, риторика пространства? Неизбежность **герменевтики советского пространства**?!

Б. ПАРАДОКСЫ СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА. Оно, особенно в своих фокусах, предстает настолько противоречивым и абсурдным, что может рассматриваться как "составленное/сделанное из парадоксов (квазипарадоксов)" [3]. Лишь несколько примеров. Природные, т.е. естественные, компоненты ландшафта сохранны на территориях, производных от антропогенной деятельности; инверсия искусственного и естественного по местоположению. Центры являются границами, границы – центры существования "натурального" природно-культурного ландшафта [27, 28]. Центры – фокусы функционирования, периферия регионов и квазирегионов, где идет собственно жизнь (в разных смыслах) и выживает подлинная элита – смысловой центр. Инверсия центра и границ (периферии) тотальна. Ландшафт полностью маргинализован, немаргинальные элементы отсутствуют. Далекое – близко, близкое – чуждо; различия связаны не с расстояниями в физическом пространстве, а со статусными позициями в квазипространстве. Вещи оказываются знаками; вещественные компоненты – знаки невещественно-внепространственных идеологем (в треугольнике Фреге место имени занимает нечто вещественное, а денотат скорее идеален). Советское пространство – это карта в материале ландшафта (план выражения), но никакая карта не в силах отразить это пространство. В огромной пространством стране пространственные отношения несамостоятельны, производны; так много пространства, что его и нет! Государство такое большое-сильное, что отсутствует как таковое. Страна, общество=государство, прежде всего воплотившееся в пространстве – не знает и не сознает своего пространства. Государство, непобедимое за счет внутреннего устройства, оказалось побежденным этим устройством.

Суперпарадокс советского пространства в том, что оно – "непространственное"! Соседство мест задано коадресацией к общему над(вне)пространственному элементу; фокусы пространства связаны и соотнесены не вполне пространственно; инвертированы отношения

"часть – целое", "ближе – дальше", "центр – граница"; единой метрики (системы координат) нет; перемещение (смена позиции) возможно без изменения геодезических координат; отношение удаленности (расстояние) асимметрично и т.д. Физическое и фазовое пространства квазиизоморфны и сращены. Дополнительный аргумент: нередко сферу пространственно осмысленного поведения (даже весьма тонкого и эффективного) невозможно пространственно репрезентировать; представления (образы) пространства в этом случае бывают фантастичны. Видимо, нужны особые подходы[36].

В. РАЙОНЫ – НЕРЕГИОНЫ (районы "ставшие/не ставшие" регионами). Регионализация – "великий географический эксперимент", явивший структуры советского пространства воочию и выделивший среди районов регионы. Специалисты – географы, экономисты и пр. – полагали: на "самом деле" существуют системы районов (кроме институциональных): 1) Крупные части СССР (3–5: Европейская часть, Сибирь с Дальним Востоком и т.п.). 2) "Крупные экономические районы" (по-разному выделяемые) с единством географического положения и (некоторой) хозяйственной целостностью (15–25: Поволжье, Северный Кавказ, Прибалтика и т.п.); одна из этих сеток до сих пор имеет нормативный статус и активно используется как базовая в территориальном анализе, хотя ее релевантность неизвестна. 3) Экономические ("внутриобластные") микрорайоны, или округа; около 700 на СССР [21]. 4) Городские агломерации (примерно 100), частично совпадающие с предыдущими. 5) Компактные части административных районов, группы сельсоветов.

В целом *эти районы не продемонстрировали активности, подобно регионам, не стали субъектами.* В их сети не укладываются и электоральные предпочтения. Для районов 1 и 2 характерно формирование в их пределах коалиций регионов, типологическая общность процессов регионализации. Большинство районов 3 пассивны, кроме этнически специфичных, превращающихся в районы-регионы и/или совпадающих с регионами. Городские агломерации, полагавшиеся наиболее реальными (целостными), политически вовсе не заметны (что контрастирует с активностью городов-центров как институциональных единиц), как и районы 5. В крупнейших городах самовыявились отдельные компактные части, претендующие на самоуправление (меньшие, чем

---

[36] Например, А) Данное как феномен "пространство" – интерференция территориального и вертикально-иерархического компонентов (пространств) при нетривиальности, множественности и проблематичности переходов и проекций. Б) "Пространства" многослойно в соответствии с региональной иерархией, внутри слоев отношения пространственны, между ними квазипространственны; существуют особые области и точки; всякая траектория в принципе многокусочна. Тогда узловые районы и особенно их центры - конфигураторы разных пространств, что относится и к предыдущему подходу. В) Как феномены рассматриваются только места и их отношения, которые интерпретируются как коннекционные, семиотические, каузальные, генеративные, временные и пр., но в т.ч. и пространственные (дистанционные и др.), причем совместно. Собственно пространственное представление (например, карта) возникает при разворачивании всех отношений и контекстов места (позиции, особой коалиции мест) с последующей неоднозначной опространствляющей редукцией, т.е. любая ситуация паликартографична для всякого места (в принципе не может изображаться одной картой).

Однако несмотря на это, советское пространство устроено так, что интерпретируемо как целое; модельный пример для ситуации реконструкции пространств социокультурных систем? (ср. с упорством в проблемах реконструкции пространств художественных текстов)

административные районы городов). Курьез – попытки сельсоветов "перескакивавать" в иные административные районы. Отмеченное подтверждает особую целостность и активность регионов высших рангов в геополитической тектонике и серьезно проблематизирует модус существования ряда отмеченных типов районов, особенно городских агломераций. Районы, разнообразно манифестировавшие себя, оказались иными, чем то представлялось.

Г. ГЛАСНОСТЬ – механизм регионализации. В стабильном советском пространстве полисемантизм сообщений сочетался с нормативной однозначностью интерпретации в каждом контексте (регионе, месте). Это обеспечивалось иерархичностью коммуникации и особыми процедурами в центрах; не было контекстуально свободных сообщений. Региональная иерархия – жесткая коммуникационная "машина"; размер управленческого аппарата и самих центров – функция значимости деятельности интерпретации и/или контекстуализации сообщений (директив, отчетности и многого другого). Гласность – появление сообщений с открытым контекстом, неопределенным адресатом, без нормативной интерпретации; что радикально меняло коммуникативную ситуацию. Согласованность коммуникации расшатывалась за счет новых сообщений и возможности реинтерпретации и актуализации ими имевшихся сообщений. Диффузность коммуникации перегружала Центр, вынуждая регионы к самостоятельным интерпретациям (с соответствующими эффектами). Наиболее существен был вброс в систему сообщений (знаковых форм) нового типа – фрагментируемых, с открытой семантикой, фрагментирующих и актуализирующих другие сообщения с эффектом снежного кома. Господствующая установка на нормативность (даже перформативность) сообщений позволила регионам воспользоваться уже имевшимися легальными знаковыми формами, придав им статус перформативов (напр. – декларации суверенитета, реинтерпретировавшие официальные тексты). Горизонтализировав коммуникацию, гласность привела к распространению статусных претензий регионов, первоначально сформулированных как единичные (ср. с ролью прыгающих генов). Распределяюще-планирующие функции Центра в сфере коммуникации и ресурсообеспечения перестали быть единственным механизмом согласования; *бартер и горизонтальные потоки сообщений – семиотически единый механизм* автономизации регионов (блоков вообще), ставший возможным после зашумления вертикально-иерархических каналов коммуникации (снабжения).

Д. НЕРАЗРЫВНОЕ ПРОСТРАНСТВО? Советское пространство было предуготовано к "распаду". Каким должно быть пространство, "неразрывность" (интегрированность) которого обеспечена не специальными (силовыми) структурами, но самой его морфологией и организацией? 1) Пространственная организация (дифференциация) полиморфна, сосуществуют несколько несовпадающих систем районов; универсальных, привилегированных районирований (расчленений пространства) нет. Районные формы организации пространства не универсальны. Пространство проницаемо. Местное население существует и существенно. Распределение собственности полирегионально (внерегионально). 2) Уровни значимых систем районов (их не может не быть) не

совпадают, универсальных уровней нет. Собственность, контроль, интересы (жизненные горизонты) людей, групп, структур распределены по всему спектру масштабов (пространственных уровней). Каждый уровень и всякий "особый" район автономен – но не самодостаточен. 3) Универсальных мест, центров, иерархий нет: полихоризм, полицентризм, полииерархизм. Связи, коммуникации и их структуры относительно не центрированы. 4) Главный ресурс пространства – специфика его частей, мест, районов, уровней; ценность полиморфизма. 5) Государство много меньше общества объемом, занимая в нем четкую функциональную нишу, располагает своей пространственной структурой. Она реализуется многими разными несовпадающими системами институциональных районов, среди которых нет универсальных; единицы административного деления (если оно есть) не совпадают с судебными, избирательными и т.п. округами, специальными районами. Властно-финансовые полномочия государства децентрированы, распределены между уровнями и системами органов вплоть до ситуации сосуществования многих (квази)государств на одной территории. (Это соответствует императиву "минимального государства" в функциональной интерпретации.) Политически институционализировано представительство разных (не только территориальных) групп. В этой системе нет однозначно выделяющихся частей – и простое саморасчленение пространства невозможно[37]. Полная антитеза описанному – именно советское пространство, охарактеризованное апофатически.

Е. МОЖНО ЛИ БЫЛО ПРЕДОТВРАТИТЬ РЕГИОНАЛИЗАЦИЮ?

Если менталитет – особый аспект советского пространства, то его адекватное понимание, особенно властью (Центром), невозможно. Тогда регионализация оказывается неизбежной, но она могла идти иначе, более жестко, при резкой контррегионализации. Заведомо условно допустим адекватное пространствовосприятие, т.е. ясное осознание надвигающегося "распада". Тогда представим такой сценарий. Не позже 1987 г. начинается мгновенно-быстрая реформа экономики (см.: [22]) и государства=общества в целом, имеющая целью и методом дерегионализацию, т.е. создание вышеописанных структур. Она включает разгосударствление этничности, демилитаризацию и деидеологизацию всей жизни и многое другое – вообще возникновение на всей территории СССР "гражданского общества". Альтернативой регионализации оказывается исторически мгновенное превращение СССР-как-целого в обычное общество западного типа с соответствующим государством. Степень правдоподобия альтернативы очевидна. Примечание: антикоммунистическая революция – не альтернатива, но предпосылка регионализации в формах, весьма отягощенных насилием.

Ж. СТРАНА КАК ЦЕЛОЕ (макроморфология России). Всякая территория интерпретируема как структурно (основной текст), так и морфологически, с акцентированием ее целостности. Здесь кратчайше

[37] Экологически и геополитически стабильные пространства морфологически тождественны ландшафту [3, 15].

дан геополитико-геокультурный образ российско-советского пространства как целого.

Российское пространство (РП) – **Великая Полипериферия** (сумма окраин). РП включает периферии разных вариантов собственно европейского мира, ближневосточно-средиземноморско-христианского, ближне- и средне- восточно-мусульманского, буддистско-монгольского, китайского etc. То же самое относится к этно-языковым общностям, многие из которых, будучи широко представлены в РП, имеют исторические и/или иные центры вне него. РП – в основном периферия (внешних) центров и ядер. Феномены внутри РП, а их фокусы – вовне[38]. РП – многослойная интерференция периферий.

РП во всех отношениях **молодо**. Фрагменты разных и часто разнородных периферий не успели образовать ландшафтный и культурный сплав. Многообразные элементы – скорее упорядоченная государством смесь и взвесь. Пространство не отстоялось. Полипериферия – еще и синкрет-периферия.

Безграничное расползшееся пространство не имеет естественных рубежей (границ-барьеров). Нет цельного региона-матки (Евразия по Л. Н. Гумилеву, – как цельный регион сомнительна).

Столицы РП – **на границе** (Новгород – Киев – Москва – Петербург – Москва). Центры и ядра (сердцевина РП) расположены очень эксцентрично, почти на рубеже. "Центральная Россия" – ныне геополитический полуостров; Москва в 20 раз ближе к западной границе, чем к восточной.

Периферия без провинции. Страна без середины. Все ведущие центры территории расположены на ее окраинах и/или границах, но плохо связаны между собой. В стране поразительно мало провинции (она периферизована). Впрочем, радикальная централизация с обильной провинцией несовместима. Контакты дальних периферий систем не ведут к синтезу, для чего нужны общие провинции (субъядра).

Скрепы пространства? Пространство скреплялось внешней изоляцией и особыми территориально-репрессивными структурами, пример чему – именно пространство советское. Силовая интеграция вовнутрь. Гипермоноцентрализация, до 2/3 связей через Москву.

Общая конструкция РП – это каркас немногих мощных центров, связанных иерархически. Внешнее кольцо и внутренняя россыпь центров. Центры на периферии, а периферия в центре! Лейтмотив пространства: **Центр → Периферия ←Граница.**

И. О ЧЕМ СУЩЕСТВЕННОМ СКАЗАНО НЕ БЫЛО? Советское пространство – интеллектуальный вызов. Регионализация (она в таких формах даже не прогнозировалась) доказала существование советского пространства и его невложимость в наличные концептуальные рамки. Ссср – особая ситуация исследования[39]. Систему же подходов

---

[38] Даже в природном ландшафте черты периферийности: природу большей части Восточно-Европейской равнины определили ледники, сползавшие из "заграничной" Скандинавии, а погода на большей части РФ определяется атлантическими циклонами и тихоокеанскими муссонами.

[39] Напомню некоторые "характерности" советского пространства, явно требующие нетривиальных и междисциплинарных подходов: само пространство, квазивертикальное, тотально маргинолизированное и семантически фрагментированное; регионы в статусе субъектов и квазиличностей и их "общество"; сложная громоздкая конструкция общество=государство на основе единственной системы частей; самочленящееся пространство.

(таких, как проводимый пространствоведческий; лишь обозначенный семиотико-герменевтический (А, Б, Г); административно-рыночный [22] – отвечающих взаимосвязанным, но разным аспектам и способам рассмотрения, только предстоить вырастить. Советское пространство автомифологизировано и автомистифицировано; **критическая герменевтика ссср** должна предшествовать и пропитывать любое его исследование, трудности чего очевидны. Без представления о глубокой познавательно (не только) специфике советского пространства невозможны серьезные аналогии и гомологии, трансляция когнитивного, социального и культурного опыта[40]. Культурно-идеологическая контроверза "почвенничество – западничество" не осмыслена как порождающая контроверзы методологические.

Рассмотрев – в первом концептуальном приближении – воспроизводящуюся пространственную структуру ссср, структурный модуль советского пространства, я оставил в стороне целый куст тем (проблем): эффекты, связанные с разнотипными наложениями (разномасштабных) модульных структур, жизнь и выживание в советском пространстве [17], особый культурный ландшафт [2, 3, 15].

Литература

Каганский В. Л.:

1. Географические границы: противоречия и парадоксы//Географические границы. М., Изд. МГУ, 1982.
2. Портрет культуры в ландшафте //Архитектура СССР, 1989, № 5.
3. К феноменологии урбанизированных ландшафтных сред // Городская среда: проблемы существования. М., ВНИИТАГ, 1990.
4. Социализм: дальше – больше (заметки реалиста)//"Век XX и мир", 1990, № 12.
5. Советская территориальная тектоника (админ.-территориальное деление как источник политических кризисов)//Состояние страны. Анал. вестники информ. агенства Postfactum, 1991, № 6.
6. Федерация?//"Век XX и мир", 1991, № 7.
7. Война и революция районов (К "анатомии" советского пространства)//Независимая газета, 1991, № 171 (31.12).
8. Запах серы/"Век XX и мир", 1992, № 3.
9. Российское пространство: части сильнее целого//"Век XX и мир", 1992, № 5.
10. Прыжок в неизвестность//"Век XX и мир", 1992, № 6.
11. Дезинтеграция государства и стратегия негосударственных структур: пространственный аспект (резюме монографии "Анатомия советского пространства")//Исследования и разработки/ИКИ КБ. Вып. 2. М., 1992.
12. Основные парадигмы районирования//Районирование и региональные проблемы. Екатеринбург, УрО РАН, 1993.
13. Административно-территориальное деление: логика системы и противоречия в ней// Изв. РАН, сер. географ, 1993, № 4.

[40] Активное ныне заимствование методологем и "рецептов" имеет не содержательные основания, но лишь унифицирующую установку вестернизации/модернизации.

14. Реальности регионализации: основные аспекты процесса; Спектр сценариев для РФ//Куда идет Россия? М., Интерпракс, 1994.
15. Культурный ландшафт – пространство нашей жизни (рук.).
16. Геополитическая структура российского неосоветского пространства: тенденции и прогнозные сценарии//Вопросы прогнозирования, 1994.
17. Советское обитаемое пространство//Geograffiti, 1994, № 3 (на англ. языке).

Кордонский С. Г.:

18. Некоторые социологические аспекты изучения хозяйственных отношений//Теоретические проблемы совершенствования хоз. механизма. ВНИИСИ, М., 1986.
19. Парадоксы "реального социализма"//Вопросы философии, 1991, № 3.
20. "Останется ли Москва столицей России?" (рук.).

Лейзерович Е. Е.:

21. Локальные системы расселения и экономическое микрорайонирование//Вопросы географии. Сб.129. М., 1986.

Найшуль В. А.:

22. Высшая и последняя стадия социализма //Погружение в трясину. М., Прогресс, 1991.
23. "Либерализм и экономические реформы"//Мировая экономика и международные отношения, 1992, № 8.

Невлер Л.:

24. Культура хамства//Знание – сила, 1989, № 9.

Раппапорт А. Г.:

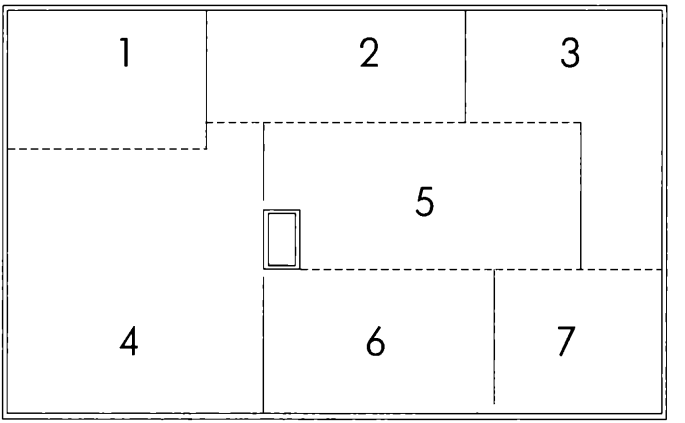
25. К эстетике тоталитарных сред//Городская среда/Сб. материалов. Всес. научн. конф. Ч.1. Москва, 1989.

Родоман Б. Б.:

26. Узловые районы//Вопр. географии, сб. 88, М., 1971.
27. Процессы поляризации в географическом пространстве//Основные понятия, модели и методы общегеографических исследований. М., ИГАН СССР, 1984.
28. Атлас картоидов Родомана//Вонабеч (в печати).

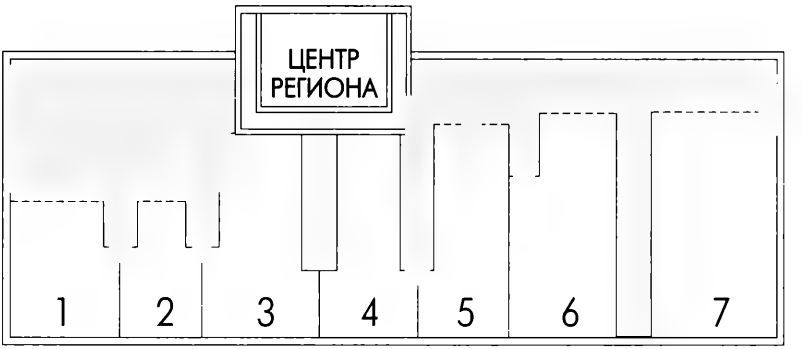
РИСУНКИ

1. Структура региона.
А. Административно-территориальная
(территориальное пространство)



ГРАНИЦЫ РЕГИОНА
ГРАНИЦЫ СУБРЕГИОНОВ
ЦЕНТР РЕГИОНА

Б. Функциональная (фазовое пространство)

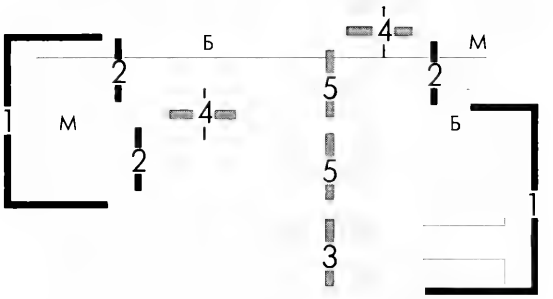


СУБРЕГИОНЫ (1—7)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

2. Отношения региональных уровней

3. Союзы и конфликты в региональной иерархии



М | Б

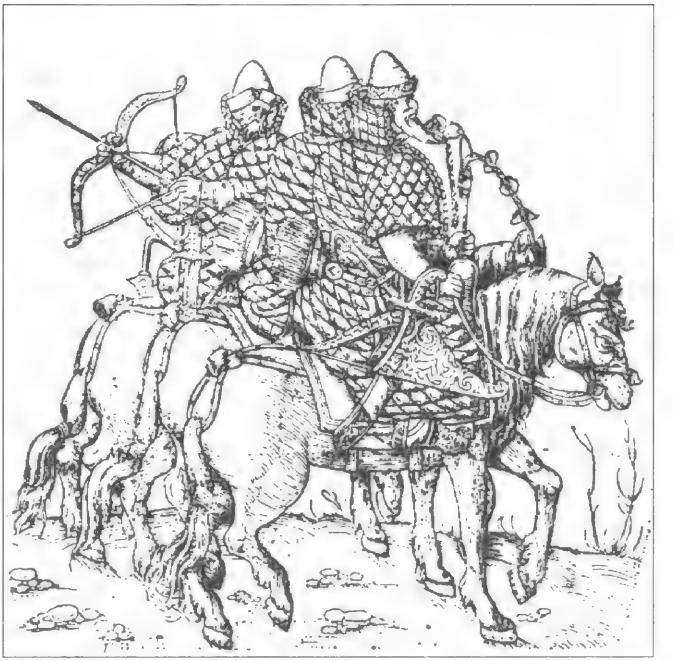
УРОВНИ ИЕРАРХИИ РЕГИОНОВ; РЕГИОНЫ:
Б — БОЛЬШИНСТВО РЕГИОНОВ УРОВНЯ; ВЛАСТЬ РЕГИОНА
М — МЕНЬШИНСТВО РЕГИОНОВ УРОВНЯ; ОППОЗИЦИЯ

СОЮЗЫ, БЛОКИ: 1 — НЕСМЕЖНЫХ РЕГИОНОВ/УРОВНЕЙ
2 — БОЛЬШИНСТВА И МЕНЬШИНСТВА, ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ РЕГИОНОВ СМЕЖНЫХ УРОВНЕЙ

КОНФЛИКТЫ: 3 — СМЕЖНЫХ УРОВНЕЙ/РЕГИОНОВ СМЕЖНЫХ УРОВНЕЙ
4 — МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ РЕГИОНА И ОППОЗИЦИЕЙ, БОЛЬШИНСТВОМ И МЕНЬШИНСТВОМ РЕГИОНОВ УРОВНЯ
5 — МЕЖДУ РЕГИОНОМ И ВЛАСТЬЮ ВЫШЕСТОЯЩЕГО УРОВНЯ, ВЫШЕСТОЯЩИМ УРОВНЕМ И БОЛЬШИНСТВОМ РЕГИОНОВ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЛИ МЫ, РУССКИЕ, НАЦИЮ?

К. КАСЬЯНОВА



В работе автор ставит вопрос о том, сложились ли русские в нацию, и на основании принятых им критериев и признаков нации приходит к отрицательному выводу.

© Касьянова К., 1995

К. КАСЬЯНОВА

Мы, русские, большой народ и ярко выраженный этнос с древней и оригинальной культурой. Это не вызывает ни у кого сомнения. А вот сложились ли мы в нацию – пока еще вопрос. И ответить на него можно, только прояснив, что же мы понимаем под "нацией".

В обыденном сознании "этническое" и "национальное" часто вообще слабо различаются, а иногда употребляются как понятия взаимозаменимые. Но вообще-то принято считать, что "нация" – это определенная стадия в развитии "этноса". Вопрос, поставленный в заголовке, следовательно, формулируется теперь так: достигли ли мы, русские, в своем развитии стадии нации или находимся пока, по выражению Герцена, на "донациональном уровне"?

На протяжении своей истории каждый этнос претерпевает весьма крупные изменения; они обусловлены изменением среды его существования, как внешней, так и внутренней. Начинается каждый этнос с кровнородственных связей – с рода и племени. Семья и союз семей, связанных родством и свойством, – вот его основа, простая и ясная.

Но развивается хозяйство, умножается население, и племена начинают закреплять за собой землю, пастбища, охотничьи угодья. Первоначально селятся вместе родственники; постепенно, со временем войны, стихийные бедствия, миграции начинают перемешивать население. Все больше чужих, пришлых людей поселяется вперемежку с родственниками, системы кровнородственных уз ослабевают, перестают чувствовать себя "своими" люди, связанные отдаленными степенями родства. И тогда возникает необходимость выработать какие-то новые культурные скрепы взамен прежних, родственных. Если они не будут выработаны и на месте бывшего племени не сформируется устойчивая территориальная общность (община, марка), то первая же волна нашествия иноплеменников сметет ослабевшее этническое образование и рассеет по лицу Земли потомков племени, просуществовавшего, может быть, сотни или даже тысячи лет. И уже через несколько поколений его потомки забудут свой язык, обычаи, песни, войдя в состав других образований.

А если община сформировалась, значит, произошла некоторая трансформация тех социальных связей, которыми держится этнос. Это уже не только и не столько ощущение кровного родства, сколько общность территории, занятий; участие в одних и тех же событиях и обрядах; со временем сюда добавляется общность прошлого, могилы предков, приверженность одним и тем же, веками освященным традициям, эпос, фольклор. Все это существовало уже и в родовом обществе, но там оно играло как бы второстепенную роль, роль подкрепляющих факторов. Здесь же выходит на первый план и приобретает решающее значение.

Такая территориальная община продолжает культурную традицию, взаимодействуя с другими общинами как целое, как живая клетка, способная к развитию в истории. Со временем место прежнего племенного союза занимает государство. И поскольку наряду с центростремительными тенденциями в таких государственных образованиях всегда суще-

ствуют и центробежные (этнос расселяется на большой территории, связи между отдаленными общинами начинают слабеть, возникают диалекты, вариации традиций и обрядов), то вырабатываются способы подкрепления единства этноса, использующие новые явления, прежде всего разделение труда, порождающее торговлю, ремесла, города. На обширный единообразный слой земледельцев (или скотоводов) как бы нарастают сверху еще один за другим несколько слоев, гораздо меньших, но часто более активных. Они отличны от первого и друг от друга по занятиям и образу жизни, но сходны по многим культурным характеристикам, поскольку корень у них у всех один – все они формируются из выходцев, отпавших разными путями от основного слоя. Эти-то новые слои, поддерживающие живые и устойчивые связи внутри себя и друг с другом, способствуют объединению, развивая торговлю и связь, транспортные пути и органы управления, наконец, общенародную культуру на основе этнического фольклора в разных его вариантах. Так этнос продолжает существовать уже как сословное общество.

Но динамические процессы продолжают умножаться и ускоряться. Промышленная революция и урбанизация приводят к очень активным миграциям, массы населения начинают перемещаться из сел в города и из одних городов в другие, из страны в страну. Возникают сезонные миграции и постоянные миграционные потоки. Урбанизация разрушает устоявшийся образ жизни и социальные связи.

До сих пор общество развивалось и стабилизировалось на основании так называемого "обычного права", т.е. права, установленного на обычае. Обычай же, как и традиция, весьма надежен, устойчив, но изменения в нем не могут происходить быстро. Он модернизируется и трансформируется, конечно, но страшно медленно, веками, уж во всяком случае десятилетиями. Обычай держится авторитетом предков, многих поколений предков. Его сила – в его древности. Обычай, установленный несколько лет назад, – это еще не обычай, просто конвенциальная условность, которую можно принять, можно и отменить. Как современный юридический акт, только без сильного механизма, обеспечивающего его выполнение, каким располагает современное государство. Обычай обеспечен только общественным мнением и моральным чувством.

Активная миграция и социальная мобильность отрывают целые массы населения от устойчивых социальных систем (общин, ремесленных и торговых цехов и гильдий, феодальных дворов), выводят их из-под влияния общественного мнения более или менее стабильных социальных кругов. "Аутсайдеры" в прежних обществах были исключением и вдруг превращаются в массы. И прежде крестьяне уходили на заработки в города и могли жить там годами, а некоторые даже оставались там навсегда, но все-таки община как таковая сохранялась и продолжала культурную традицию. То же можно сказать о ремесленных и торговых сословиях, перемещавшихся особенно активно. И раньше дворяне могли в каких-то условиях массами беднеть, превращаться в однодворцев, уходить в чиновники и другой "служилый люд", но сословие как

таковое сохранялось, развивало культурную традицию. Теперь сами эти образования начали рушиться и распадаться. А ведь личность "питалась" именно от поддерживаемых ими традиций. И это постепенно становилось очевидным.

В XIX в. много надежд было связано с той свободой, которую наконец-то обретала личность и которая должна была обеспечить человеку возможность стать "неповторимой индивидуальностью". Интеллигенты восторженно приветствовали освобождение человека "из-под гнета общины", которая, по выражению Ленина, "мяла и давила его". Маркс и Энгельс также возлагали надежды на капитализм и потому, что он "вырывал массы" из "идиотизма деревенской жизни". Так предполагалось в теории: освобожденная от всех пут человеческая личность на фоне встающего из-за горизонта солнца свободного и счастливого общества будущего...

То, что происходило на практике, описывает нам литература второй половины XIX в. Тогдашние писатели-"деревенщики", в частности Глеб Успенский в своих очерках, оставили живое свидетельство о процессах, происходивших в период разложения русской крестьянской общины. Это – повествования о раскрепощенных от общинных уз людях, бывших крестьянах и ремесленниках, становящихся в новых условиях мошенниками, эксплуататорами и даже наемными убийцами. Г. Успенского, который в принципе очень уважает крестьян, просто поражает полная безответственность этих "раскрепощенных" индивидов, их свобода от всяких моральных ограничений и полное неведение в вопросах нравственности. Заголовки его очерков говорят сами за себя: "Своим умом", "Беспомощность", "Без своей воли", "Маленькие недостатки механизма", "Опустошители", "Свои средствия". Отпадение масс людей от устойчивых систем коллективных представлений порождает падение нравов, рост преступности, пьянство, хулиганство, бессмысленную жестокость.

А ведь крестьяне как сословие всегда были необычайно устойчивы в моральном отношении. По преступности крестьяне занимали в России предпоследнее место среди сословий (последнее оставалось за духовенством). Но из того же крестьянина, "выброшенного расстройством деревенского духа и быта" в город, получается человек, в котором писатель видит индивида, "готового подчиниться в чуждой ему среде всевозможным влияниям с наивностью ребенка, не имеющего возможности знать и понимать, что в этих условиях зло и что добро". "Своего по части убеждений и нравственности у него нет ничего, – пишет он с горечью, – хоть шаром покати. Это совершенно пустой сосуд, который может быть наполнен чем угодно".

Личность получила-таки автономию от определенных структур общественного сознания, в которые она была "влита" (община, сословие). Но на первых порах никому большого счастья это не принесло. Человек оказался выброшенным из уютного, теплого гнезда, где все известно, в холодный непонятный мир, где люди разрознены, каждый борется и отстаивает сам себя, где обман и подлость довольно часто оказываются

безнаказанными, а добрые поступки не вознаграждаются. Этот неустроенный, непредсказуемый для него мир, по выражению Чарлза Кули, "со всех сторон толкающийся локтями", как-то скрепляется извне скрепами государственных и формальных организаций и цивилизуется посредством массовой культуры.

Человек в нем вынужден, с одной стороны, приобретать индивидуалистические черты, а с другой – унифицироваться культурно и духовно. Раньше высоколобые интеллектуалы сокрушались о том, что община и сословие формируют личность как бы по единому образцу, оставляя очень мало места индивидуальности; но все-таки община от общины отличалась довольно сильно своими обрядами, фольклорными традициями и многим другим, и внутри сословий было множество подструктур, разнообразных и сложных. Теперь же на огромных пространствах все читают одну и ту же литературу, живут в одинаковых, неотличимых друг от друга домах, а несколько позднее – слушают одни и те же радиопередачи, смотрят одно и то же телевидение. Вот простор индивидуальности!

Тут этнос вновь вынужден перестроиться, чтобы наладить новые связи между людьми, потому что этнос – это то, что объединяет людей изнутри, культурно и духовно. Не унифицирует, а именно объединяет. Объединение предполагает определенные структуры большей или меньшей степени сложности, функциональную взаимозависимость между частями, как в любом организме.

Эту задачу этнос будет решать теперь, имея сформировавшуюся автономную личность. И хотя личность пока что движется в своем развитии скорее в сторону индивидуалистичности, чем индивидуальности, и скорее отчужденности от других, чем самостоятельности, тем не менее это уже не часть определенного коллективного сознания. Личность находится под влиянием разных структур, групп, субкультур и вынуждается самими условиями своего существования выбирать, сопоставлять, оценивать и ко всему относиться с некоторой дозой критичности и рефлексии.

Любая социальная группа, большая и маленькая, организуется прежде всего системой представлений, которые должны быть не хаосом, но космосом, объединяющим различные фрагменты и подструктуры в единое непротиворечивое целое. В нем нормативные пласты упорядочиваются ценностно окрашенными представлениями о мире и месте в нем человека, о том, что есть добро, что – зло, что справедливо, что несправедливо, важно и второстепенно. Именно это делает поведение человека ценностно обоснованным и придает его жизни смысл и значение. "...Любая социальная группа, – пишет польский социолог Юзеф Халасинский, – это вопрос представлений... она зависит от коллективных представлений, и без них ее невозможно даже вообразить". Еще ранее это бесстрашно и обнаженно сформулировал Эмиль Дюркгейм в своем труде "Элементарные формы религиозной жизни": "Общество основывается... прежде всего на идее, которую оно само о себе создает".

Это представление общества о самом себе ранее человек впитывал бессознательно в своей общине, в своей устойчивой среде и привыкал с детства именно так видеть мир. Теперь этот механизм передачи коллективных представлений нарушился, потому что сами первичные структуры, их хранившие, потеряли устойчивость и преемственность. Остается усваивать такие представления через осознание, рефлексию в процессе оценки и выбора. Но тогда сами коллективные представления должны приобрести вербальный и логически упорядоченный вид. Они должны стать ценностными высказываниями, принципами, лозунгами, программами, потому что нация – это прежде всего идея.

Как переформировывались в нации, например, английский и французский народы? Философы выдвигали и разрабатывали некоторые глобальные принципы о человеке и отношении к нему и его самого к миру и обществу. Часто им казалось, что они формулируют какие-то извечные и универсальные законы и истины (например, понятие о прирожденных правах человека). На самом же деле они переводили в слова ценностные положения и принципы собственных этнических культур. То, что некоторые принципы оказывались общими и "мигрировали" из одного этнического ареала в другой, объясняется большой близостью западноевропейской группы культур, которые издавна развивались в тесном общении друг с другом. На основании этих принципов и законов (и параллельно с их разработкой) строились идеалы и представления об обществе, в котором достойно и удобно жить человеку с такими принципами. Представления постепенно доводились до политических программ и лозунгов. Вряд ли все это было достаточно адекватно сформулировано, а тем более воплощено в ходе общественных движений и революций – так в истории никогда не бывает. Идеал остается идеалом. Но идеал сплачивает людей, поднимает их на борьбу, на дела ради достижения цели, помогает переносить трудности, преодолевать кризисы. Система идеалов и целей, тесно связанная с этническим комплексом ценностей и представлений, и есть тот стержень, вокруг которого собирается, кристаллизуется нация.

Еще в XIX в. сам этот процесс складывания нации был осознан Ренаном. Хосе Ортега-и-Гассет назвал это "формулой Ренана": "Общая слава в прошлом и общая воля в настоящем; воспоминание о совершенных великих делах и готовность к дальнейшим – вот существенные условия для создания нации... Позади наследие славы и раскаяния, впереди – общая программа действий... Жизнь нации – это ежедневный плебисцит".

Как видим, такая формула очень далека от марксистского постулата, будто нация – как бы побочный и неизбежный продукт формирования общего рынка. Хотя и складывание рынка с его связями как-то влияет на возникновение и устройство нации. Но ее рождение – и именно в этом пункте мы резко расходимся с марксизмом – уже не есть процесс стихийно-исторический, постепенный и в значительной степени бессознательный. Это как бы экстраполяция предыдущего пути развития этноса на новый этап.

Действительно, до сих пор этнос развивался и переходил из стадии в стадию, из эпохи в эпоху, развивая новые механизмы и скрепы бессознательно, методом проб и ошибок, адаптируясь ко все новым ситуациям. Такой бессознательный, стихийный способ развития требует массы времени. Изменения укореняются постепенно, превращаясь со временем в обычаи, освященные давностью и многими поколениями людей, поддерживавших эти традиции. Этот процесс действительно хорошо выражается словом "складывание"; постепенное прибавление одних элементов к другим, испытание их, замена по частям.

Но динамичная история современности такого времени этносу на переформирование не отпускает. Здесь прерывается стихийно-историческое движение и включается элемент человеческого сознания и воли.

Государственные образования и социальные структуры, формируемые этносом, становятся большими и сложными, а следовательно, менее устойчивыми и хрупкими. Население расселяется по большой территории, создает свои варианты культуры, языка и обычаев. Собственно этнический элемент, передаваемый непосредственно по наследству, все сильнее размывается: на больших пространствах и в больших массах населения неизбежны смешанные браки. Этнос начинает исподволь подвергаться эрозии. Наиболее активно сохраняют этнос на этой стадии предание и культура (те ее слои, которые ближе всего лежат к ценностным представлениям) да еще воспроизводимая по инерции иерархия образов жизни, присущая этносу. Но в какой-то момент возникает кризис (война, экономическая разруха), развязывающий деморализованные силы общества. Государственные и общественные структуры оказываются не в состоянии противостоять распаду целого. И тогда следует призыв к нации с напоминанием о защищаемых ценностях: отечество в опасности, наша жизнь и наши ценности под угрозой – поднимайтесь и беритесь за дело все, кто может. И этнос восстает и показывает, на что он способен. Побеждает или погибает.

Погибает, конечно, не сразу. Проигранная им битва за себя, за свое полноценное этническое существование, – лишь начало длительного процесса разложения. И уже в ходе этого процесса он может еще собраться с силами и возникнуть.

Победа тоже дается часто не сразу, а ценой многих социальных потрясений и катаклизмов. И из этого испытания этнос выходит обновленным и преображенным. Этнос выходит нацией. Происходит сплочение и повышение самосознания чисто этнического элемента, а вокруг него и вместе с ним – части элемента неопределенного и смешанного, маргинального, как говорят теперь. Тот, кто, услышав призыв "отечество в опасности", не укрылся в укромном месте, не побежал за границу, в мирные и благоустроенные государства, со своими детьми и имуществом, а взял оружие и стал защищать отечество, тот показал – в первую очередь себе самому, затем уже и другим, – что ему важны эти ценности и эта культура, что он готов защищать ее, спасать, оберегать, следовательно, что он полноправный сын этого отечества.

Так в результате революций и войн XVIII – XIX вв. образовалась французская нация – из бретонцев, провансальцев, гасконцев и прочих провинциальных образований, включающих массу людей с примесями испанской, баскской, фламандской, немецкой крови. Все они теперь французы: и пылкие, как порох, богатые воображением гасконцы, и тяжелые на подъем, рассудительные бретонцы. У них общая культура и общие ценности. Они их отстояли и утвердили.

Какие именно ценности? В самом общем, схематичном и неконкретизированном виде они их сформулировали и написали на своих знаменах: "Свобода, равенство, братство". Кто-то скажет: какие же это национальные ценности, это же ценности общечеловеческие! Сами ценности – да. А вот иерархия их, – пожалуй, нет. В первую очередь – свобода, потом – равенство, а потом уже и братство. Имеет ли значение этот порядок? История показывает, что в результате борьбы и усилий народу удалось в определенной степени реализовать именно свободу и равенство (в форме демократии), а вот братство – в значительно меньшей степени. Конечно, "братство" – это ценность куда более сложная для реализации, чем "свобода". Ее воплощение требует, по-видимому, гораздо больших творческих усилий, самоотвержения, времени. Не хватило сил на это. Но если бы она стояла первой в ряду, может быть, ее удалось бы осуществить в гораздо большей степени. (В полном объеме осуществить ценности никогда не удается.)

Может быть, нужно было осуществить сначала "свободу" и "равенство", чтобы затем уже на этом основании строить братство как более высокое и сложное образование? Но опыт опять-таки показывает, что каждая ценность требует себе всего внимания целиком. Она как царствие Божие, которое нужно искать "сначала", чтобы все остальное "прилагалось" к нему. Другими словами, впереди ставится ценность, которая формирует культуру, является ее основой. Если мы в начале своего строительства социализма положили в основание всего материальную базу, чтобы потом на ней развить более высокие духовные ценности, то мы ее и строили все семьдесят лет. Не только до духовных ценностей не дошли, но и саму базу не построили, потому что положили в основание не краеугольный камень, не основополагающую ценность данной культуры.

Нации складываются весьма по-разному. Испанская и итальянская нации, например, сформировались в ходе борьбы за независимость: испанцы – гораздо раньше, в процессе своей многовековой реконкисты, освобождая свою страну от завоевателей, наступавших на них из Северной Африки, итальянцы – гораздо позднее, уже в XIX в. И из какого конгломерата этнических элементов сложилась нация итальянская! Веками наслаивались на Апеннинском полуострове волны разнообразных завоевателей, ассимилировались здесь с изначальной культурой и вносили свои этнические составляющие. Тем не менее итальянская нация все-таки создалась как единое целое со своим неповторимым лицом, со своей очень яркой и уникальной культурой. Значит, какое-то ядро

изначальных ценностей народам удалось сохранить и пронести сквозь все перипетии бурной и сложной истории.

В наше время, когда к национальному самосознанию стали пробуждаться народы Африки, отвоевание национальной независимости перестало быть такой трудной проблемой. На первый план выдвигаются задачи и трудности, возникающие уже после освобождения "из-под ига" колонизаторов. Это прежде всего сильная языковая и племенная чересполосица, разный уровень развития отдельных малых регионов и, наконец, узкоплеменной национализм.

Когда в 40 – 50-х годах XX в. Леопольд Седар Сенгор, уроженец Сенегала, католик, философ и поэт, получивший блестящее образование во Франции и принятый в самых элитных интеллектуальных французских кругах, вдруг ощутил себя африканцем и развернул движение за пробуждение национального самосознания Черной Африки, то главным для него была именно национальная идея. Он объяснял это так: существуют определенные этнические образования – "родины", общности людей, связанных единством языка, крови и традиций. То, на чем зиждется предыдущий этап развития этноса. "Нация – это не родина, – пишет Сенгор, – она не включает в себя естественные условия, она не есть проявление среды, она есть воля к созданию, а чаще к преобразованию". И немного далее: "...То, что формирует нацию, – это объединенная воля к совместной жизни".

В борьбе против племенного национализма, разрывавшего созданную при его участии республику бывших французских колоний Западной Африки (Сенегал, Мали, Верхняя Вольта и Габон), Сенгор обращается через столетие к Ренану, к его определению нации, и так его интерпретирует: "...Включаясь в ход мысли Ренана, можно определить нацию как коллективное призвание, зависящее от общей шкалы ценностей, от общих институтов и, наконец, от общих целей... Как призвание нация не может быть жесткой рамкой для действия, она сама – стимул". Подчеркивая творческий, динамичный характер нации, Сенгор затрагивает еще одну важную проблему: "...Чтобы народ превратился в нацию, необходимо, чтобы индивид через повышение уровня жизни и культуры развился в личность". Другими словами, необходимо, чтобы совершился процесс формирования автономных личностей, которые только и могут по-настоящему составлять нацию.

Мы уже говорили, что, с одной стороны, появление автономной личности – безусловный прогресс, а с другой – начало целого ряда проблем и трудностей для формирования нации как целого. В своем развитии эта личность начинает с индивидуализации, поисков уровня жизни и культурного развития для себя. Именно этот этап порождает толпы молодых людей, стремящихся вырваться из общин, из первоначальных условий существования, сбросить с себя контроль авторитетов, куда-то ехать, получать образование (желательно в крупных центрах культуры, желательно за пределами своей страны), добиваться там благосостояния, признания, наиболее благоприятных условий для творческой работы, которая на этом этапе служит прежде всего средством са-

мовыражения, самоутверждения, самореализации. Только немногие очень одаренные личности, подобные самому Сенгору, на протяжении собственной жизни успевают этот этап завершить и начать проявлять интерес к чему-то более общему.

Юзеф Халасинский так пишет о Сенгоре: он "без дискриминации со стороны тех (где получал образование. – *К.К.*) и без укоров в собственной душе учился в элитарной европейской среде и был принят с большим признанием в интеллектуальные, педагогические и артистические элиты Парижа. И, несмотря на такие успехи ассимиляции, пришел все-таки к выводу, что он не француз, а скорее, он – нечто большее, чем просто француз, потому что он еще и африканец". Он не пожелал сам "присоединиться к Франции в качестве бездомного подкидыша, усыновленного случайно нашедшим его богачом".

По-видимому, такие именно люди и должны, и могут работать на выявление национальной идеи. Они не будут жаловаться, что наш народ "не ставил себе задачей выработать и дисциплинировать личность" (Н. Бердяев), что он слишком чтит традиции, уважает смирение и, напротив, сдержанно относится к творчеству новых форм, что в нем "есть темная, в дурном смысле иррациональная непросветленная и не поддающаяся просветлению стихия". ("Как бы далеко ни заходило просвещение и подчинение культуре русской земли, всегда остается осадок, с которым ничего нельзя поделать", – пишет Н. Бердяев и этим бессознательно употребленным оборотом "подчинение культуре" показывает подоснову своего анализа: то, что сложилось в самом народе, – это не культура, это дикость, темнота, ее обязательно нужно преодолеть, смять посредством "надевания" на народ единственно правильной культуры – западноевропейской. Ничего другого они не видели, наши радетели!) Они не будут также и сокрушаться без конца, что нас недооценивают, не любят, ненавидят, плетут против нас какие-то сложные и темные козни и заговоры.

Уж, казалось бы, сколько упреков и претензий мог предъявить Сенгор, будучи черным африканцем, которого (доцента и уважаемого в парижских высоких кругах человека!) почтовый служащий в Дакаре бесцеремонно называл на "ты". Очень много мог бы предъявить, обидеться, возненавидеть и жить все время с этим комплексом неполноценности. Но он, став президентом вновь созданной африканской республики, наоборот, отстаивал и проводил политику сотрудничества с Французской республикой, бывшим "угнетателем". Потому что смотрел на дело гораздо шире. "Проблема, которая стоит теперь перед нами, черными, – говорил он в 1959 г., на II Конгрессе писателей и художников, – заключается в том, чтобы понять, как включить негритянско-африканские ценности в мир 1959 г. Это не вопрос возвращения к жизни прошлого, чтобы затем жить в африканско-негритянском музее, это вопрос оживотворения мира ценностями нашего прошлого..." Можно сказать только: да, это настоящее дело для нации. С него она и начинается.

Обогатить, оживотворить мир своими ценностями, а не смотреть в рот человеколюбивому богачу (или, согласно принятому в нашей современной речи эвфемизму, "спонсору"), ожидая подачек не только на уровне материальных ценностей, но и идей, и способов самовыражения, и образа жизни, не заимствовать без разбора и без ума и не догонять кого-то без конца. Догонять всегда бесперспективно, потому что, пока мы заимствуем что-то, осмысляем это что-то и пытаемся укоренить у себя, те, у кого мы заимствуем, изобретают что-то новое, более сложное и интересное. А мы при такой установке ничего не изобретаем и теряем саму способность изобретать, ведь для этого надо уметь смотреть на мир своими глазами, подходить к нему с неожиданной стороны, воздействовать оригинально. Нужно выдвигать свои идеи, чтобы что-то создать. В том числе и нацию.

Своя национальная идея, представление о себе самом, иногда простое и ясное, иногда очень сложное и многоэлементное, конечно, всегда есть некоторая целостность, ни в коем случае не случайный набор, и в нем должны просматриваться системообразующие оси и принципы. Откуда они берутся? Конечно, от прежней культуры. На голом месте возникают лишь случайные, неустойчивые, часто нелепые образования. Этнос даже в периоды распада и переформирования упорно хранит прошлое, отложившееся и систематизированное в культуре.

Культура – образование многослойное. В ней есть внешние сферы, которыми она соприкасается с социальной и природной реальностью. Это нормативные образования – правила и рекомендации, предписывающие конкретные формы поведения в конкретных ситуациях. И есть сферы более глубокие: системы представлений, включающие мнения, убеждения, идеологии, которые обосновывают, объясняют и подкрепляют нормативные структуры. А есть еще ценностное ядро культуры.

В развитой культуре очень много норм-правил (в самых разнообразных формах). Ими охвачены все сферы жизни: и трудовые процессы, и семейные отношения, и способы завязывания социальных связей (знакомство, "ухаживание", прием гостей и прочее, и прочее), воспитание детей, досуг, развлечения, рождение и похороны человека – все это приведено в систему, соотнесено друг с другом, украшено обрядами, расцвечено приметами, поверьями, песнями и сказками, т.е. представляет собою настоящий культурный космос. Этими-то своими конкретными формами культура и соприкасается с внешней ситуацией.

На внешние "подвижки" культура должна отвечать изменением, модернизацией своих внешних форм. Такое изменение происходит не бесконтрольно, но под наблюдением "средних этажей" культуры – представлений, убеждений и принципов.

Модернизация в здоровой культуре в принципе идет постоянно, только интенсивность ее может возрастать и снижаться. Естественно, в период переформирования общества, а тем более крутой переломной ситуации в жизни этноса на "средних этажах" культуры начинается большое оживление: выдвигаются новые концепции, складываются новые идеологии, формируются представления о возможных путях даль-

нейшего развития. Но так же как все новые формы проверяются на представления и принципы, так и эти новые концепции и идеологические структуры проходят оценку, проверку и отбор со стороны ценностного ядра культуры. Некоторые из них легко и органично вписываются в контекст и принимаются общественным сознанием различных групп, другие – "со скрипом", с бесконечными изменениями и трансформациями, а третьи отвергаются вообще. И если такие неприемлемые представления (и основанные на них нормативные формы) продолжают настойчиво навязываться людям, наступает ценностная реакция отторжения.

Это очень сильная эмоциональная реакция типа той, какую выдает любой живой организм, например на ожог, – судорожный рывок с последующими агрессивно-защитительными действиями, взрыв моральных чувств (гнева, возмущения, боли, обиды). Понятно, что человек, а тем более люди, охваченные такими чувствами, способны на разного рода эксцессы. С ценностями шутить нельзя, это вещь очень серьезная. И страшно устойчивая. В самой интимной, глубинной сфере личности носителя данной культуры они защищены сильнейшими моральными чувствами. И когда нарушается ценностное ядро культуры, люди теряют смысл жизни, теряют себя.

Что же это такое – "ценностное ядро культуры", которое, оказывается, существует не где-то абстрактно, "в культуре", а именно в нас самих? Начнем с основания, с того, что Чарлз Кули назвал когда-то "человеческой природой".

По его определению, под человеческой природой "можно подразумевать те чувства и импульсы, которые свойственны человеку и недоступны животным, в то же время они принадлежат человечеству в целом, а не отдельным его расам и эпохам. Это, в частности, симпатия и те бесчисленные чувства, в которые симпатия входит составной частью, например любовь, самолюбие, обида, тщеславие, героизм, а также ощущение социальной справедливости и несправедливости". И далее он поясняет: "...Человеческая природа – не что-то существующее отдельно, в индивиде, это – групповая природа, или первичная фаза общества". Человек с нею не рождается, ему прививает ее общество, а точнее, первичная группа.

Итак, социальная природа состоит, в свою очередь, из "чувств". Здесь нужно подчеркнуть, что в русском языке понятия "эмоция" и "чувство" разведены слабо и иногда используются как синонимы. Но в английском языке, а также в романских понятие "эмоция" закреплено за простыми переживаниями: страх, гнев, восторг... К "чувствам" же (сантиментам) относятся более сложные психологические процессы: дружба, любовь, чувство чести. Они могут сопровождаться эмоциями, но сами, в своей основе таковыми не являются. Таким образом, то, что мы привыкли в своем языке называть понятием "чувственного", в этой системе будет отнесено скорее к эмоциональному и собственно "чувствам" в определенной степени как бы противостоит.

Привитие человеческой природы и есть воспитание в человеке способности переживать "чувства", или "сентименты", которые – и это очень важно отметить – не замыкаются на самого человека, а обязательно включают другого. "Симпатия", входящая в "сентимент", – это способность сопереживать другим, сочувствовать (близко психологическому термину "эмпатия", под которым разумеется умение почувствовать другого изнутри, как бы войти в него). И "таким образом безличное не-я делается лицом, другим Я, то есть Ты" (отец П. Флоренский). Ты – не просто другой человек, Ты – это другой Я. Тут основа всякой морали: относись к ближнему, как к самому себе.

Первоначальное воспитание в первичной группе выводит из человека его природные эмоции, которые в естественном состоянии направлены на себя, как бы замкнуты внутри человека, и сосредоточивает их на другом или на других. Так возникает "сентимент", или "чувство". А вместе с тем и даже несколько ранее этого возникает единомыслие: если другой для меня – Ты, т.е. другой Я, то и мысли его – мои мысли, а чувства его – мои чувства. Я усваиваю их себе естественно, без всякого понуждения, без внутреннего сопротивления и недоверия, и не потому, что это для чего-то мне нужно.

Чувства передаются от человека к человеку на основании любви. "Любовь взаимная одна только и бывает условием единомыслия, единой мысли любящих друг друга, в противоположность с внешним отношением друг к другу, дающим не более как подобномыслие, на котором основывается мирская жизнь – наука, общественность, государственность и т.д." (отец П. Флоренский).

На поверхности в "сентименте" лежит плотный и слабо дифференцированный клубок чувств. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что чувства эти не просто переплетены друг с другом, но в центре их всегда что-то находится, какой-то предмет, на который все они и направлены. Всякий раз, когда человек будет входить в соприкосновение с этим предметом, в нем сразу активизируется вся сфера чувств-эмоций, взывая к действию, к поступку. В современном мире принято называть эти предметы "ценностями".

Любая культура закладывает в своих носителей примерно одни и те же ценности. Это механизм сам по себе глобальный, он представляет необходимое, первичное условие существования общества как такового. Но, безусловно, отдельные культуры различаются сравнительной значимостью этих ценностей, их связью друг с другом внутри культурного целого и отчасти, может быть, даже набором. "Оригинальность каждой из культур, – пишет Клод Леви-Стросс, – заключается прежде всего в ее собственном способе решения проблем, перспективном размещении ценностей, которые общи всем людям. Только значимость их никогда не бывает одинаковой в разных культурах, и потому современная этнология все сильнее стремится познать истоки этого таинственного выбора".

А нужно ли это разнообразие? Не лучше ли, если бы все воспитывались в одинаковых представлениях и ценностных иерархиях? Тогда люди сразу понимали бы друг друга и больше было бы единомыслия

(или, как теперь говорят, консенсуса). В XIX в. так и принято было считать в науке. Предполагали, что разные способы построения культур (и в частности – их "ценностных ядер") связаны прежде всего с условиями жизни различных обществ, а также с историческими обстоятельствами и, далее, со степенью их развития. Есть культуры развитые и слаборазвитые, последние постепенно приближаются к первым, постепенно все сольются в гармоническом единстве, и мир будет представлять собой единое целое (примерно таково отношение к нациям в марксистской теории). Но в XX в. возникли другие концепции.

"Когда мы становимся на точку зрения всей совокупности человеческих обществ... мы видим, что каждое общество выбирает лишь некоторые из множества возможных вариантов" (К. Леви-Стросс). Именно эта дифференциация культур, "возобновляющаяся всегда в разных плоскостях, позволяет постоянно поддерживать – в самых различных формах, многообразию которых люди никогда не перестанут удивляться, – состояние неравновесности, от которого зависит дальнейшая биологическая и культурная жизнь человечества". Наличие вариантов страхует человечество от тупиков, вливает новые силы в дряхлеющие, когда-то передовые общества, и действительно, любая культура, когда-то считавшаяся "отсталой" и "дикой", имеет шанс в определенный момент "оживотворить мир своими ценностями".

Предположим. А чем мы можем оживотворить мир? Этим нашим бесконечным терпением, мимо которого ни один лихой иностранный мемуарист и ни один отечественный интеллектуал, побродивший по европам в поисках образования, не прошел, не пнув и не обозвав "тупым"? Этим нашим смирением, умением в своем представлении и воображении поставить другого выше себя, которое постоянно и упорно путается почему-то в головах европейцев и европеизированных русских с "рабской покорностью"? Какая-то она очень древняя и суровая, эта наша культура, требующая от человека сильного самоограничения, репрессии своих непосредственных внутренних импульсов, своих личных индивидуальных целей в пользу социальных групп и глобальных культурных ценностей. Все культуры в какой-то мере построены на таком самоограничении и на такой репрессии, без них нет культуры и нет общества вообще. Но важна также и сама степень. В нашей культуре эта требуемая от человека степень очень высока.

Может быть, еще несколько десятков лет назад такой вывод относительно собственной культуры был бы для нас огорчительным. Она бы показалась нам (и казалась тогда многим, кто думал над этой проблемой) какой-то уж очень "отсталой" и "архаичной". Ну были когда-то такие суровые времена, когда человек влачил жалкое, ограниченное существование, и тогда такое самоограничение было, наверное, необходимо ему для выживания. Но зачем оно в наш век, когда такую высокую ценность приобрело безграничное развитие всех способностей каждой личности, когда в качестве наиболее привлекательных ценностей фигурируют "многогранность" и "многосторонность" человека? А многогранность развития предполагает многогранность потребления (и, доба-

вим еще, производства). Самоограничение как бы не признает вообще этих главных ценностей, вокруг которых "вертится современный мир".

Но в последнее время что-то стало меняться в мировом общественном сознании, началось какое-то переосмысление прежних идеалов. Оказалось, что безграничность саморазвития решительнейшим образом противодействует возможности самоактуализации. Для того чтобы сделать что-то ценное, что-то, что "переходит" за мои пределы и остается в мире после моей смерти, нужно в какой-то момент перестать наконец бесконечно себя развивать и направить свои усилия вовне – на какое-то дело. Нужно начать отдавать себя. Дело – это выбор, а выбор – это всегда самоограничение. Но тогда часть моих "граней", и иногда значительная, рискует остаться в неразвитом состоянии...

Постепенно все более осознается: "вера в то, что в рамках ограниченного земного бытия можно достичь предельных идеалов человеческого существования", есть не что иное, как "социальный идеализм" (Б. Парамонов). И отсюда делается вывод весьма примечательный: "Поскольку при такой установке это существование целиком заключается в рамки земных, попросту физических условий, сами идеалы приобретают чисто гедонистический, чувственный характер. Забывается, что само это существование имеет предел, что способность человека к "счастью" имеет естественную границу". И еще более ясно: "...все результаты человеческой культуры достигнуты вытеснением и репрессией низшей чувственной природы человека или сублимацией ее. Идея нерепрессивной культуры, не ограниченной никакой религиозно-моральной нормативностью, – самый большой соблазн и самая большая опасность современного мира".

И оказываемся мы со своей архетипической довольно суровой культурой, можно сказать, в самых передовых рядах современности: западная культура сделала всему миру "прививку" активности и динамичности, теперь эта активность начинает понемногу "разносить" мир, и он нуждается в другой "прививке", которая подняла бы ценность самоограничения. Такую прививку могут сделать только культуры сугубо репрессивные. Потому и выдающийся французский публицист Жан Франсуа Ревель в еженедельнике "Экспресс" не без упрека в адрес западной мысли отмечал, что "все сколько-нибудь значительные идеи приходят в современный мир с Востока".

Отметим здесь для устранения могущих возникнуть недоразумений, что, когда мы говорим о культурах "репрессивных", предлагающих человеку в качестве ценности "самоограничение", не следует понимать нас слишком упрощенно: будто никаких других, так сказать, положительных, конструктивных ценностей такие культуры не предлагают, а предписывают просто поставить знак отрицания перед всеми теми "благами", которые считаются ценными в западных культурах. Это не так. Каждая культура предлагает человеку свои "блага", свои положительные ценности.

Вспомним, как С.С.Аверинцев анализирует различие эллинистических и восточных культур. Античный герой, стоящий выше страха и надежд, не должен испытывать чувства жалости или умиления: "Испытывать жалость, тем паче внушать жалость вообще не аристократично, – "лучше зависть, чем жалость", как говорит певец атлетической доблести Пиндар. Позднее (античные философы) включают "жалость"

("элеос") в свои перечни порочных страстей, подлежащих преодолению, наряду с гневливостью, страхом и похотью". Это – эллинистическое начало.

А вот что пишет святой отец Исаак Сирин (VII в.): "И что такое сердце милующее?.. Возгорение сердца у человека о всем творении, о человеке, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умиляется сердце его, и не может оно вынести какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемой тварью, а потому и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами проносит он молитву, чтобы сохранялись и очистились, а также и о естестве пресмыкающихся молится с великой жалостью, какая без меры возбуждается в сердце его по уподоблении в сем Богу". Речь идет об одной и той же ценности, а отношение к ней не просто разное, но явно противоположное.

Или еще пример. Считают нас неделовыми людьми, и есть тому основание. Человек нашей культуры может взяться за дело и не завершить его, отказаться на полпути. Но самое интересное ведь понять, что же под этим лежит, почему мы такие неделовые? Беспечные мы или нетерпеливые? Уж этого нам вменить нельзя никак. Терпеливее нашего народа трудно найти. И трудяги мы, каких мало. Значит, нужно искать ценность, которая может останавливать нас на пути к цели. Где искать? В восточных культурах, откуда наши корни. Вот как преподобный авва Дорофей поучает свою братию (конец VI – начало VII в.): "Каково бы ни было дело, малое или великое, не должно пренебрегать им или не радеть о нем, ибо пренебрежение вредно, но не должно также предпочитать исполнение дела своему устроению, чтобы исполнить дело, хотя бы оно было со вредом душе... Будьте уверены, что всякое дело, которое вы делаете, велико ли оно, как мы сказали, или мало, есть осьмая часть искомого, а сохранить свое устроение, если случится не исполнить дела, есть три осьмых с половиною". Даже количественно определено расстояние между этими ценностями. И так до самого святителя Феофана Затворника, жившего уже в XIX в. в России, написавшего кому-то из своей паствы: "Дело – не главное в жизни, главное – настроение сердца, к Богу обращенное". Везде труду, а точнее, делу отводится явно подчиненное место.

"Душевное устроение" – слово-то какое выразительное! – это что-то не просто сделанное, но заботливо подобранное, обустроенное, бережно хранимое. "Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?" Хотя, с другой стороны, тот же источник предписывает нам "положить душу свою за други". И мы полагаем, с гораздо меньшими терзаниями и сожалениями, чем наши деловые партнеры. Так мы воспитаны своей культурой. И поменять эти ценности местами означало бы для человека данной культуры перестать быть самим собой.

Тем не менее мы своей культуры не знаем... Она живет в нас, по существу, на бессознательном уровне. В основании нашего этнического характера лежит некий набор идей (или ценностей), которые в нашем сознании, сознании носителей культуры, связаны с интенсивно окрашенной гаммой чувств или эмоций ("сентименты"). Появление в созна-

нии любого из этих элементов приводит в возбуждение всю эмоциональную сферу, вызывает бурные и яркие переживания, служит импульсом к более или менее типичному действию (если ситуация типичная, а то и просто к действию). Как бы цепочка такая: "предмет – чувство – действие", что можно досознательном уровне, по крайней мере на уровне довербальном. Этот импульс очень трудно выразить в словах, обосновать, переложить в систему осознанных, ясных представлений. Хотя, еще раз подчеркнем, переживания он вызывает очень яркие. Он вмонтирован в нашу психику очень глубоко, и импульс, возбуждаемый таким архетипом, бывает часто гораздо сильнее всего того, что может пробудить в нас любой элемент развитой рефлексивной структуры.

В нормальной культурно-однородной ситуации носители одних и тех же этнических архетипов понимают друг друга без слов. Пришел незнакомый человек в дом, снял шапку, поздоровался, стоит у порога, ожидая приглашения, – значит, что-то спросить хочет или предложить, в общем, с добрыми намерениями пришел. Если стоит в шапке и молчит, значит – с вызовом или претензиями. Если здоровается, но как-то быстро, холодно и через порог дома старается не переступать, – имеет вражду или обиду. Все понятно. Если этнос большой, расселен на обширных территориях, то, как мы уже отмечали, возникают варианты во внешних проявлениях – в поступках и реакциях. Но и тут еще как-то можно сориентироваться: приехал в отдаленные места, веди себя осторожно, присматривайся, прислушивайся, выясняй, "как у них тут принято". А вот когда с быстрой урбанизацией начинается движение масс из сел в города и наступает поистине вавилонское смешение, тут человек и вовсе теряет всякое представление, как ему вести себя по отношению к тому или иному человеку, который как-то непонятно себя ведет. И вот тут уже этносу ничего не остается, как переформировываться в нацию: рефлексировать, делать понятными свои ценностные структуры и ясными связями соединять их с разными типами поведения, "осваивать" новые, никогда ранее не встречавшиеся ситуации, предлагать новые модели, основанные на "коренных" ценностях, – и все это на осознанном, вербальном уровне.

И лучше, если эти процессы рефлексии и освоения новых ситуаций пойдут быстро. В длительной ситуации неясности, хаоса социальные архетипы могут начать терять свою четкость и убедительность, "размываться", и тогда задача "собирания" этноса в нацию будет становиться все сложнее в сложнее. Вновь формирующиеся поколения усвоят и сделают своим мировоззрением какую-то окрошку из разнородных элементов, преподносимую им средствами массовой коммуникации. Так воспитанную автономную личность уже очень трудно вернуть к ее этническим корням, хотя она и будет ощущать внутреннюю пустоту и "неустроенность", тосковать по цельности и определенности. Из такого в общем-то дезориентированного человеческого материала никакого полноценного, благоустроенного общества создать невозможно, никакой обновленной культуры, а уж тем более какого-то "нового человека". Возникают эпифеномены и квазиценности, человек пытается ставить себе жизненные цели "мимо" своих "настоящих" ценностей, а реализация таких целей не приносит ощутимого удовлетворения личности. Тогда возникают странности: попытки самоубийства на вершине карьеры

или в очень благоприятных условиях жизни. А чаще, ощутив неудовлетворенность жизнью и ее бесцельность, человек попросту "тихо" спивается.

"Бесцельное существование, – пишет Ортега-и-Гассет, – это отрицание жизни, это хуже, чем смерть. Ибо жить – это значит выполнять какое-то задание; и поскольку мы уклоняемся от того, чтобы посвятить нашу жизнь чему-нибудь, мы ее опустошаем".

Нормальная личность не может самоактуализироваться, не может возвыситься над своим таким кратким и эфемерным существованием в этом мире, не реализуя сверхиндивидуальных ценностей. Однако "нормальная личность" – вовсе не "средний индивид", поскольку личность, даже и "нормальная", – само по себе явление выдающееся. Нормальная она потому, что именно она нормализует мир: делает его пригодным к существованию, приводит его в соответствие с человеческими ценностями. "Средний индивид" может сему содействовать, но только если для него эта деятельность чем-то привлекательна или чем-то вознаграждает его. "Нормальная личность" мотивируется самой целью. А потому, когда дезориентируется "средний индивид" и перестает действовать конструктивно, когда все приходит в хаос и начинают распадаться не только прежние этнические, но одновременно и организационные и формальные государственные связи, когда человек оказывается в ситуации полной неопределенности, требующей от него выбора, – вот тут-то и начинают включаться "нормальные личности" и активно взваливать на себя труднейшие задачи. Потому что в таких условиях дело и слово – именно за личностью.

Все наши человеческие структуры, в том числе и такие огромные, просто "необозримые", с точки зрения отдельного человека, как социальные институты, государство и само общество, – все они основанием своим имеют личность, ее ценности, ее системы представлений, ее волю к действию и согласие или несогласие жить таким-то и таким-то определенным образом. Не личность отдельного человека, конкретного индивида, а личность как тип, воспитанный данной культурой, носителя ценностей данной цивилизации. На нее и падает задача – собрать вновь в единый живой организм распавшийся этнос. Конкретнее – сформулировать и выдвинуть в виде понятных идей, представлений и лозунгов систему ценностей, отрефлексировать: что мы за люди, в каком мире мы хотим жить, какие условия и образ жизни были бы нам удобны и приемлемы, какие духовные принципы мы будем защищать и воплощать в жизнь.

В своей монографии "Современные нации" Флориан Знанецкий выдвигает такую идею: нация создается группой интеллектуалов, принадлежащих к данному этносу, своего рода умственной аристократией данной эпохи. Она может и должна выработать комплекс представлений, который ляжет затем в основу кристаллизирующейся национальной культуры. Напомним, что такая задача – вербализация существовавших до сих пор на подсознательном невербальном уровне представлений и ценностей народа – дело уникальное, осуществляемое только на переходе от предыдущих стадий развития этноса к нации, которая

складывается, как мы подчеркнули, при условии существования автономной личности.

История утверждает, что национальные государства складываются в процессе распада феодального сословного общества. Массы людей выпадают из привычных исторических структур и не встраиваются ни в какие другие. Таких людей называют "аутсайдерами". Вот эти аутсайдерские массы и выделяют из себя активный фермент, начинающий формирование новой большой структуры, которая охватывает и упорядочивает своими отношениями разваливающееся общество, – нацию. Каким образом это происходит, можно проследить, допустим, на примере Польши по работам польского социолога Юзефа Халасинского.

Он описывает, как активизируется и изменяется деятельность салонов, возникших в Польше в начале XIX в. по примеру Франции, где они были распространены уже в XVIII в. и играли важную культурную и политическую роль. В 20 – 30-е годы жизнь в польских салонах особенно насыщена: здесь активно обсуждаются все более или менее значительные факты культурной жизни (не только культурной, конечно, но в данном случае именно это важно), все более или менее проявившие себя люди, столичные жители и приехавшие из провинции, обязательно попадают в салоны и имеют возможность там высказываться, развивать и обосновывать те или иные концепции, спорить с другими. Все новые идеи немедленно подхватываются и обкатываются общественным мнением. Немного позднее параллельно с салонами возникает и начинает активно функционировать сеть небольших столичных кафе, которые оккупируют кружки интеллигентов – художников, литераторов, артистов, ученых, нарождающихся предпринимателей (культурной их прослойки).

Затем появляются журналы. Чаще всего это не политические журналы, а научные, научно-практические и познавательные. Они, например, ставят своей задачей давать полезные советы земледельцам или ремесленникам. И в них звучит такая любовь, даже нежность к земледельцу и ремесленнику, к его судьбе, труду, уважение к его терпению и умениям. Как же, ведь это наш, польский крестьянин, представитель народа, который дал миру Коперника! Пусть пока он бедный и необразованный, но это не его вина, он может подняться и стать богатым и сильным. Мы должны ему в этом помочь, потому что мы – один народ, у нас общая судьба.

К концу XIX в. в Польше существовала уже "общественность", большая группа людей, прямо или по крайней мере косвенно знавших друг друга. "Общественность" формировала мнения, знала и поддерживала своих художников, литераторов, артистов, широко отмечала их юбилеи, проявляя свое уважение к их труду на общее дело, и в какой-то мере направляла их усилия. В начале XX в. национальное самосознание уже выработало комплекс представлений о себе как о народе, имеющем собственную оригинальную культуру, достойное уважения историческое прошлое и желающем самостоятельно строить свою судьбу, а не растворяться в каких-то больших, этнически безразличных государственных образованиях. Революция 1917 г., развалившая Российскую империю, создала возможность для поляков стать самостоятельным государством. И они оказались готовыми к тому, чтобы этой возможностью воспользоваться.

Подобные же процессы шли, по-видимому, в Финляндии, завершившись тем же. Чехия и Словакия в составе Австро-Венгрии переживали ту же опасность утраты собственной культуры. Одно время на грани исчезновения оказался чешский язык (местные диалекты продолжали существовать, но общенациональная литература и поэзия создавались на немецком языке). Только самоотверженными усилиями интеллигенции удалось возродить национальный язык. Во всех этих странах существовала трепетная любовь к своей культуре, боязнь ее потерять и борьба за ее выживание. И это сплачивало нации.

Совсем иначе обстоит дело с крупными, сильными государствами, образованными на основании какого-то этноса, но включавшими в свои рамки множество различных этнических "добавок" и разнородных культурных элементов. Их существованию ничто не угрожает, никто не покушается на их государственность и культуру. Опасность разрушения этноса зарождается и развивается внутри такого организма. В "вавилонском смешении", рожденном бурной индустриализацией и урбанизацией, нарастает безликая аутсайдерская масса, а этнические архетипы начинают терять свои очертания и "расплываться" в сознании своих носителей. Их не подкрепляют более культурные и социальные влияния извне, поскольку рушатся механизмы социального контроля, тысячелетиями работавшие на воспитание молодых поколений и на поддержание систем представлений, на которых социальные архетипы основаны.

Массы автономных личностей стремятся к самоутверждению и ищут себе благоприятные условия существования и развития "всяк на свой образец". Удерживают их в социально приемлемом состоянии в основном лишь внешние скрепы – формальное юридическое право и государственные органы его защиты. Для формирования внутренних, неформальных, сильных скреп (костяка, скелета взамен скорлупы или раковины) и нужна национальная идея, дающая индивидуальной жизни основание и участие в надындивидуальных задачах.

Вот тогда и возникают системы представлений о естественных правах человека, о достойном человека образе жизни (в различных вариантах, отражающих различие ценностных иерархий), постепенно внедряются в умы и выбрасываются в критические моменты в качестве лозунгов и девизов, объединяющих массы.

Россия была державой, которой после неудачного похода Наполеона ничто извне не угрожало. Кроме того, она была не просто этнически смешанным государством, но многонациональным, на огромных пространствах которого причудливо расселились и переплелись самые разнообразные, большие и малые, сильные и слабые этносы. Выработка национальной идеи в такой стране – задача очень сложная и трудная.

В XIX в. Россия выступила с одной популярной в сознании интеллигенции идеей: что ей необходимо догонять Западную Европу и устраивать свою жизнь по тамошнему образцу. Идеология Просвещения, господствовавшая в Европе в XVIII в., с ее культом разума и идеей однонаправленного неуклонного прогресса, была основанием для целой системы представлений о развитии исторического мирового процесса. Согласно этим представлениям, мир движется к некоторому состоянию, осознаваемому человеческим разумом как совершенное, постепенно накапливая в себе его элементы. Существуют некоторые стадии, как бы

ступени приближения к нему. Существуют также стадии приближения к познанию этого состояния в человеческом представлении.

Все народы и страны проходят эти ступени, и всем предстоит достигнуть именно этого совершенного состояния. Одни народы движутся быстрее, другие медленнее, третьи вовсе еще не осознали такое движение как свою историческую задачу. И разные культуры – в принципе один и тот же субстрат, находящийся просто на разных этапах и стадиях "развития". Конечно, в философии этот комплекс идей имел весьма разнообразное преломление и по-разному обрабатывался научной мыслью, но мы здесь имеем дело с общественным сознанием, которое всегда упрощает научные представления (если оно их использует в своей работе) и сводит все многообразие к простой первооснове.

"Прививку" западноевропейское просветительское общественное сознание сделало нашему, российскому, в XVIII в., в период бурного заимствования с Запада технологий, научных представлений, философских идей, форм искусства, элементов образа жизни, вплоть до причесок, нарядов, обстановки и даже иноземных языков, вытесневших в некоторых слоях аристократического общества русский язык в быту. "Прививка" продолжала действовать и после наполеоновских войн, пробудивших патриотические настроения. Заимствование перестало быть столь прямым и примитивным, но идеология гонки за лидером сохранилась. Когда аутсайдеров становилось все больше, умножились и вошли в повседневность "салоны" и "кружки", молодежь набросилась прежде всего на западноевропейские новейшие учения.

С середины 30-х годов начинается "упоение гегелевской философией". В кружке Станкевича, например, человек, не знакомый с Гегелем, считался "почти что не существующим человеком" (П. Анненков). В другом кружке, где был Герцен, подобным же кумиром стал Сен-Симон. "Герцен носился со своим Сен-Симоном на первых порах, как с Кораном, и рассказывает в собственных записках, что, явясь однажды к Н. А. Полевому, назвал его отсталым человеком за равнодушный отзыв о реформаторе". Национального же самосознания в этот период еще не было никакого. Целое поколение воспиталось на этой смеси из элементов гегельянства, шеллингианства, французского философского материализма и социального утопизма. И когда в середине сороковых годов сложилось и заявило о себе славянофильское направление, ему пришлось буквально пробивать стену накопившихся расхожих суждений и тривиальных истин, образовавшуюся и укоренившуюся в общественном сознании.

О необходимости осознания собственной культуры и ее проблем впервые заговорил, конечно, А.С.Хомяков. Это он в середине 40-х годов выдвинул и горячо отстаивал гипотезу, что петровские преобразования насадили в России элементы западной культуры, образец которой в качестве эталона и был принят высшими слоями общества. И это врастание в чужую культуру, по мнению Хомякова, оторвало образованные слои русского общества от народа. Народ продолжал жить в своей системе представлений, но при этом лишился притока новых идей, совместимых с этой системой, которые могли бы быть в нее включены. Образованные слои теперь пытаются нести народу просвещение уже по новому образцу, но ведь "просвещение есть не только свод и собрание положительных знаний, оно глубже и шире такого узкого определения.

Истинное просвещение есть разумное просветление всего духовного состава в человеке или народе".

Необходимо, чтобы те знания, которые передаются народу, те нововведения, которые предлагаются для его блага, отвечали на какие-то вопросы, разрешали какие-то проблемы данной, конкретной культуры. "На Западе всякое учреждение, так же как и всякая система, содержит в себе ответ на какой-нибудь жизненный вопрос, заданный прежними веками..." Но это ответы на их вопросы. Наша жизнь и история ставят перед нами другие задачи и проблемы, "а мы еще ничего не сделали, продвигаясь раболепно в колеях, уже прорезанных Западом, и не замечая его односторонности". Все статьи Хомякова этого периода полны беспокойства о том, что "разумного просветления всего духовного состава" в народе не происходит, а напротив – разрывается преемственность в культуре. "По мере того как высшие слои общества, отрываясь от условий исторического развития, погружались все более и более в образованность, истекающую из иноземного начала; по мере того как их отражение становилось все резче и резче, умственная деятельность ослабела и в низших слоях. Для них нет отвлеченной науки, отвлеченного знания; для них возможно только общее просвещение жизни, а это общее просвещение, проявляемое только в постоянном круговращении мысли (подобно кровообращению в человеческом теле), становится невозможным при раздвоении в мысленном строении общества".

Этот вывод подтверждает вся литература писателей-разночинцев второй половины XIX в. Она вновь и вновь ставит ту же проблему: почему русские крестьяне, кустари, мещане проявляют такое поразительное неумение и неспособность к творчеству новых форм социальных отношений?

Старые формы (например, способы земельного передела в общине) отработаны до ювелирного совершенства. Но стоит только возникнуть новым явлениям, которые ставят перед людьми новые вопросы, ставят их перед необходимостью приспособиться, трансформировав существующую социальную структуру, – "низшие слои", предоставленные самим себе, ничего не могут предпринять, кроме бессмысленных волнений и репрессий по отношению к тем, кто хоть немного выходит за пределы строго обозначенных правил.

А дело в том, что "низшие слои" не имеют притока идей от слоев образованных, которые в это время заняты освоением систем представлений, выработанных для решения совсем других, не наших проблем. Именно проблемы-то в этом случае и остаются без внимания – те, которые рядом. Хотя предполагается, что со временем мы их все одним махом разрешим, когда поднимемся "до уровня" передовой западной культуры.

Характерен эпизод, приведенный в воспоминаниях П. Анненкова, о лекции Грановского, который "...говорил все, что нужно и можно было сказать от имени науки, и рисовал все, чего еще нельзя было сказать в простой форме мысли. Большинство слушателей принимало его хорошо... Когда в заключение своих лекций профессор обратился прямо от себя к публике, напоминая ей, какой необъятный долг благодарности лежит на нас по отношению к Европе, от которой мы даром получили блага цивилизации и человеческого существования, – голос его

покрылся взрывом рукоплесканий, раздавшихся со всех концов и точек аудитории".

Восторженная картина западной цивилизации, к которой, как к вершине, стремится общечеловеческая история, – и восторженная реакция публики, приученной воспитанием именно к такому изображению вещей. Еще одно подкрепление последовательно вырабатывавшегося в обществе рефлекса. Нельзя забывать, что огромные слои общественного сознания живут и движутся именно такими "рефлексами"; напряженная, критическая работа мысли – удел очень тонкой интеллектуальной пленки. В этой тонкой мыслящей "пленке" все обстояло гораздо сложнее. Тот же Грановский в 1845 г. на даче в Соколове, которую он снимал вместе с Герценом и Кетчером, после одного из грандиозных гостевых приемов, когда доверительные разговоры и откровенные споры затягиваются за полночь, в запале сказал одному из своих оппонентов: "А я тебе должен сказать здесь прямо, что во взгляде на русскую национальность и по многим другим литературным и нравственным вопросам я сочувствую гораздо больше славянофилам, чем Белинскому, "Отечественным запискам" и западникам" (П.Анненков).

Это – показательное признание факта, что славянофилы с их теориями и взглядами ближе всего стоят к архетипическим, этническим глубинам, к ценностным структурам народного сознания. Славянофилы и западники не альтернативны, в перспективе они не должны исключать друг друга, поскольку их функция – друг друга дополнять.

Примерно в то же время, когда А.Герцен напечатал в "Отечественных записках" свою статью "Дилетантизм в науке", в которой давал право науке "нисколько не беречь дорогих преданий, убеждений, облегчающих существование людей и народов на Земле и уничтожать их без робости, как только они противоречат в чем-либо ее собственным научным основаниям", А.Хомяков предпринимает реабилитацию византинизма. "Объявляя византинизм великим и еще не вполне оцененным явлением в человечестве", А. С. Хомяков тем самым отрицал и уничтожал громадную массу исторических, критических и теологических трудов Запада, враждебных восточной цивилизации, понижая его кичливость и многие предметы его гордости, как, например, эпохи Реформации и Возрождения" (П.Анненков).

Естественно, встретившись в салоне Еланской, они не могли не вступить в спор. При первой же стычке Герцен, как он вспоминает в "Былом и думах", почувствовал крепкую и аргументированную оппозицию своей точке зрения. Хомяков отвергал саму предпосылку, на которой строились все рассуждения Герцена, а именно культ разума, наследие эпохи Просвещения. Он указывал на необходимость учитывать нравственные аспекты и духовные потребности человека. Герцен искал этих встреч и споров. Выступая в качестве оппонента, Хомяков заставил его прочитать толстенные исторические труды западных писателей и даже материалы всех вселенских соборов, познакомиться с догматикой православного учения, которой Герцен совсем не знал.

Глубоко проникнуть в концепцию Хомякова и принять ее целиком Герцен не мог, но не мог и опровергнуть, во всяком случае убедительным для себя самого образом. Тем не менее она в него как-то запала, и он, по-видимому, неоднократно возвращался к ней, особенно после того, как сам оказался в Западной Европе и на практике познакомился со

всеми сторонами образа жизни, который так восторженно идеализировал. Позднее он скажет: "Наша европейская, западническая партия тогда только получит место и значение общественной силы, когда овладеет темами и вопросами, пущенными в обращение славянофилами" (П. Анненков).

Но для того чтобы западники могли "овладеть" этими вопросами и построениями славянофилов, их нужно было извлечь из интуитивной, слабо осознанной сферы представлений и придать им форму логическую и вербальную.

Нужно было, чтобы сказанные слова превратились в понятия с четко выявленным содержанием, нужны были разъяснения, определения, дефиниции. Нужна была настоящая продуманная и ясно изложенная концепция. Всего этого сделать славянофилы не смогли. Они даже не успели сказать тех слов, которые можно было бы считать основными отправными точками концепции.

Хомяков неожиданно умер от холеры в 1860 г., в возрасте пятидесяти шести лет, в расцвете творческих сил. Остался архив материалов по русской истории, которую он собирался написать со своей оригинальной славянофильской точки зрения. Друзья укоряли его за медленную работу, считали лентяем, пытались засадить его за писание, закрыв в кабинете на ключ. Но, по-видимому, дело все-таки было не в лени. Собранный большой исторический материал требовал напряженного осмысления, вживания в него, "претворения" его в концепцию, во что-то цельное и завершенное, а такой процесс невозможно ускорить или замедлить, он совершается в своем ритме и темпе.

Был и целый ряд обстоятельств, тормозивших этот процесс осмысления и формулировки идей и ценностей. Одно из них мы здесь затронем как весьма важное, продолжающее существовать и до настоящего времени.

Мы пытаемся осмыслять свои этнические ценности в чужой, заимствованной системе понятий – в понятиях научной психологии, фрейдизма, западных философских систем (поскольку своих философов, как правило, не знаем или знаем гораздо хуже, чем иностранных), западных политических структур и разного рода социальных и культурных концепций, взятых из чужого общественного сознания. В терминологии наших наук очень много понятий, попросту калькированных из чужих языков, они прочно вошли не только в научный язык, но и в язык общественного сознания, причем в последний они входят уже эмоционально ярко окрашенными.

Попробуйте сказать типичному представителю нашего, современного общественного сознания, что "демократия" как явление имеет свои отрицательные стороны, – он возмутится праведным гневом, он зачислит вас в разряд "противников демократии", "ретроградов", он вам приклеит массу ярлыков и штампов, потому что он не может думать о "демократии" иначе, как только восторженно и с придыханием. А ведь мы все – представители общественного сознания, и в большей или меньшей степени – типичные. Какой тут возможен объективный анализ, тем паче – критический разбор?

Но альтернативной, собственной системы понятий в нашем языке не выработалось. Только Ломоносов в XVIII в. предпринял этот труд – перевод научной терминологии на русский язык, и введенные им слова

("кислород", "водород", "широта", "долгота") удачно вписались в язык, в том числе и в разговорный, используются ныне нами очень естественно. И насколько удобнее использовать их в любых описаниях – структура явления, за ними стоящего, просвечивает отчетливым образом в структуре самого слова. Хомяков отлично осознавал опасность, подстерегающую человека, пытающегося описать какое-либо своеобразное этническое явление с помощью заимствованных из чуждой среды слов. Он вообще придавал языку очень большое значение, считая, что через наше сознание язык влияет на мир и более всего – на реальность: "Дайте какой бы то ни было власти название иноземное, и все внутренние отношения ее к подвластным изменятся и получат иной характер, который не скоро исправится. Назовите Святую Веру религией, и вы обезобразите самое Православие".

Осталось нераскрытым и неописанным одно из основных слов, которое славянофилам все-таки удалось сказать: "соборность". Какое-то явление оно описывает, которое отчасти пересекается с "демократией" и имеет с ней какие-то общие элементы. Но в только что начавшей формироваться концептуальной системе славянофилов равенства между этими понятиями нет, соборность имеет какие-то свои характеристики, о чем мы сейчас можем только догадываться по отдельным, разбросанным в разных работах замечаниям. А. Хомяков: "Желательно, чтобы сход решал дела приговором единогласным. Таков был издревле обычай славянский... Если уже нельзя получить решение единогласное, лучше передать дело посреднику, излюбленному от всего схода. Совесть и разум человека, почтенного общим доверием, надежнее, чем игра в счет голосов".

С уходом из жизни Хомякова и Грановского, с эмиграцией Герцена эта тонкая аналитически и критически мыслящая пленка нашего тогдашнего общественного сознания получила весьма сильные повреждения и разрывы. И минимизировалась возможность не только выработки, формулировки этнической концепции, системы представления народа о себе самом, но и "привития" этой концепции общественному сознанию. Нарушились тесные связи внутри аутсайдерского слоя, что, в свою очередь, сильно уменьшило возможность достичь какого-то необходимого уровня единомыслия, взаимопонимания.

И тут подкатил период массового аутсайдерства, когда разночинская масса стала расти в геометрической прогрессии. Уже в 1845 г. на дачу в Соколово народ приезжал в таком количестве, что не умещался внутри дома и столы приходилось выносить на улицу, на лужайку перед домом. А через несколько лет даже ядро разночинского "сословия" не смогло бы разместиться ни на какой отдельно взятой даче. Там, в Соколове, люди еще находили возможность непосредственно, интимно общаться друг с другом, говорить по душам, с полной искренностью. А ведь только в таких условиях и возможен обмен мыслями, то, что называется "филиацией", т.е. проникновением и движением идей из одного сознания в другое: люди общаются без фильтров, непредубежденно, с полным доверием друг к другу. И тогда происходит сближение точек зрения и убеждений.

Поскольку интеллектуальная пленка аутсайдерства ослабела, а масса его росла быстро, влияние на нее аутсайдерской элиты стало малозаметным. Вновь прибывающий в столицы человеческий "материал"

не успевал проходить "обработку" уже выработанными системами представлений и убеждений.

А это вело к понижению уровня массы. Молодые люди прибывали из провинции в университеты и другие учебные заведения со смутным чувством глубокой неудовлетворенности и обиженности на жизнь, но уже с прочно сформированной установкой на то, что у нас все отсталое, что нам нужно "догонять Европу" (вот у них, там – действительно жизнь, а мы здесь прозябаем, обречены на неполноценное существование!), с довольно слабыми способностями к анализу, теоретическому мышлению, зато с огромной жаждой действовать и все вокруг себя переделать. Они-то и составляли основной "субстрат" аутсайдерской массы. Вырабатывать из себя она могла только все те же штампы и тривиальности, которые бессознательно усвоила из сознания общественного. А прежде и больше всего она настроена была учиться (что в принципе было правильной установкой) и страстно набрасывалась на французские журналы, французских историков, немецких философов, а позднее – на политэкономические доктрины разного рода. Но не для того, чтобы в чем-то разобраться, подумать, сопоставить с реальными проблемами, собственными и страны в целом (последних она вообще не знала и не представляла), а для того, чтобы найти сразу же, немедленно простое и прямое руководство к действию.

И, как всегда бывает с догоняющими, масса усваивала зады европейской мысли. По воспоминаниям П.В.Анненкова, в круг чтения входили: "Книга Прудона "De la propriète", тогда уже почти что старая, "Икария" Кабе, малочитаемая в самой Франции, за исключением небольшого круга мечтательных бедняков-работников; гораздо более распространенная и популярная система Фурье, – все это служило предметом изучения, горячих толков, вопросов, чаяний всякого рода...

В промежутке 1840 – 1843 гг. такие трактаты должны были совершить окончательный переворот в философских исканиях русской интеллигенции и сделали это вполне. Книги названных авторов были во всех руках в эту эпоху, подвергались всестороннему обсуждению и изучению, породили, как прежде Шеллинг и Гегель, своих ораторов, комментаторов, толковников, а несколько позднее, чего не было с прежними теориями, и своих мучеников". Это – еще до наступления периода массового разночинства.

Позднее кумирами стали Конт и Спенсер, потом в дело пошли Бюхнер и Молешотт, Милль и Маркс. Теории не очень высокого уровня, но отличавшиеся большой определенностью выводов, часто весьма косвенно вытекавших из анализа материала, а то и вовсе из него не вытекавших, но бывших просто преломлением любимых философских идей и убеждений автора. В марксизме важно было, что он как бы вовсе не содержал в себе смущенных оговорок, гипотетических предположений, наоборот, вселял в читателя чувство уверенности, давал ему право что-то осуждать, чему-то сочувствовать, звал к борьбе и вселял надежду на победу, хотя бы в отдаленном будущем.

Из сменявших друг друга западных учений делались выводы совершенно абстрактные и практически бесполезные для той настоящей деятельности, в которой так нуждалась в те времена страна. Естественно, что на таком основании совершенно невозможно было выдвинуть никакой национальной идеи. И даже вопрос об этом не стоял. Хотя к

народу в принципе относились очень положительно и даже с умилением.

Крестьянское сознание, конечно, не могло воспринять всерьез ту окрошку из иностранных философских и экономических доктрин, партийных программ, составленных во Франции и Англии для решения местных проблем, абстрактных постулатов и практических рецептов, неизвестно на какую ситуацию ориентированных, которую несли им молодые разночинцы, имевшие целью не столько просветить их, сколько этим просвещением возбудить против царя и существующей власти. Все это совершенно не было связано с реальной крестьянской жизнью, которой пропагандисты не знали. Только наиболее вдумчивые из них, например Глеб Успенский, пожив среди крестьян, приглядевшись к их жизни, начинали понимать, что существование крестьянина – это вовсе не "влачение по браздам", как им казалось издалека. Что жизнь его насыщена не только напряженным трудом, преодолением многочисленных трудностей, но и праздниками, своими эмоциональными взлетами, что в нем своя эстетика. Короче, что крестьянская жизнь, уклад и обиход – это сложная система, включающая в себя множество пригнанных друг к другу элементов, связи между которыми отлажены веками и тысячелетиями, и что нельзя по произволу (или, что одно и то же, исходя из каких-то совершенно абстрактных постулатов) изымать из этой системы элементы и заменять их какими-то другими, вовсе на эту систему не рассчитанными, не рискуя обрушить всю систему.

Осознав провал своих намерений немедленно просветить и направить темных крестьян, разночинная интеллигенция должна была ухватиться за учения, предлагающие ей "объективно действующие законы истории", которые все равно, независимо от сознания населения, ведут куда надо и в конечном счете "пробьют себе дорогу". В этом настроении – одна из причин огромной популярности марксизма в России.

Конечно, сказать, что в 50 –80-е годы XIX в. в русском разночинстве вообще не было никакого критически мыслящего слоя, было бы и несправедливо, и попросту неверно. Подспудная работа мысли не прекращалась. Молодые интеллигенты, поварившись в столичных кружках, походив "в народ", поездив по России, что-то начинали осознавать, обдумывали свой опыт, полученный в наблюдениях материал, спорили, обсуждали. Те же самые люди, которые в 60 – начале 70-х годов ходили в народ, в 80-х уже смотрели на этот этап своей жизни со снисходительной улыбкой, как на неизбежное ребячество. Но все это стоило сил. И жизней. И очень слабо усваивалось вновь прибывавшими волнами молодежи, сознание которых было заштамповано предыдущим этапом развития общественного сознания и которые ничего не желали слушать, начиная все вновь, с "нулевого цикла".

Михайловский и Ключевский адаптировали западные социологические теории, накладывая их на отечественный материал, которым они владели; прямолинейный "охранитель" Леонтьев писал свои статьи о византинизме, исполненные очень метких замечаний и дерзких гипотез, не опасаясь противопоставляться самым "любимым" доктринам тогдашнего общественного сознания.

Данилевский издал свою книгу "Россия и Европа". Постепенно накапливался систематический статистический материал. Владимир Соловьев открыл для невежественной в религиозном отношении разночинной

интеллигенции православие, как "терра инкогнита", – и воспитал себе последователей.

Именно эта струя общественной мысли, пробиваясь подспудно через все нагромождения тривиальных мыслей, накопившихся в общественном сознании еще с XVIII в., постепенно набирая силу, породила наконец "веховцев", и это уже был постмарксистский этап развития русской разночинной – и не только разночинной – мысли.

Это был непреходящий вклад в историю русской мысли. Сожалеть можно лишь о том, что плод созрел слишком поздно.

"Веховцы" были людьми, вываривщимися во всех растворах. Многие получили в детстве традиционно религиозное воспитание, потом стали материалистами, марксистами, пережили возвращение к идеализму и почти все в конечном итоге вновь сознательно пришли к религии. На этом длинном пути они получили огромный личностный опыт и хорошо его осмыслили.

Однако потребовалась еще революция 1905 г., чтобы эта часть интеллигенции, объединившись вокруг сборника "Вехи", решилась противопоставить себя всей остальной интеллигентской массе и бросить ей упрек, что путь, по которому она ведет страну, – путь в никуда. На это обвинение последовала бурная реакция: поток оправданий, контробвинений, поношений. Тем не менее сборник выдержал в течение одного года более десяти изданий. Тенденция себя отстояла, закрепилась и стала набирать силу. В 1918 г. "веховцы" подготовили второй сборник, который они рассматривали как продолжение первого. Он назывался "Из глубины". И здесь идея восстановления культурной преемственности зазвучала уже в полную силу.

"Самым безобразным детищем того, что называется современной культурой, является именно ее плоскостность, ее отрицание времени, рода и племени. Безродность как осуществляемое начало есть начало неосуществимое, в этом заключается осуждение всех окрашенных им течений мысли". Необходима "связь мысли личной с мыслью вселенской через мысль рода и народа" (П. Новгородцев). Рационалистический утопизм, характерный для русского интеллигентского сознания, проявляется, по мысли авторов, в стремлении "устроить жизнь по разуму, оторвав ее от объективных начал истории, от органических основ общественного порядка, от животворящих святынь народного бытия", а это влечет за собою "кризис общественности".

Но критика "безродности" интеллигентских построений – совсем не возвращение к идеям народников 60-х годов: одновременно порицается также и вера в то, "что народ всегда является готовым, зрелым и совершенным, что надо только разрушить старый государственный порядок, чтобы для народа тотчас же оказалось возможным осуществить самые коренные реформы, самую грандиозную работу общественного созидания". "...Следовало бы сказать, что народу и интеллигенции надлежит быть вместе в служении некоторому общему делу, стоящему выше народных желаний и интеллигентских теорий. Такому требованию одинаково противоречит и ломка народной жизни по отвлеченным требованиям интеллигентских утопий, и возведение народных желаний в степень идеалов государственного строительства". Со времени народников и тем более со времени славянофилов уже многое изменилось как в мире вообще, так и в русском общественном сознании. "Значение со-

вершившегося в России и совершающегося в мире есть внутреннее уразумение родства и соборности. Мир испокон века держится родством и соборностью..." (В. Муравьев).

Для того чтобы государство представляло собой прочное духовное единство, "оно должно утверждаться на общем уважении и общей любви к своему общенародному достоянию, и оно должно в глубине своей таить почитание своего дела, как дела Божия" (П.Новгородцев).

И наконец, постановка задачи. "Судьбы народов движутся и решаются не рассуждениями. Они определяются стремлениями, в основе которых лежат чувства и страсти. Не всякие такие стремления выливаются в идеи, в них формулируются. Явиться могучей движущей и творческой силой исторического процесса страсть может, только заострившись до идеи, а идея должна, в свою очередь, воплотиться в страсть" (П.Струве).

Как видим, такая постановка проблемы вполне соответствует всему описанному нами: необходимо выработать комплекс идей, основанных на ценностных структурах ("стремлениях" и "страстях"), который должен, в свою очередь, "воплотиться в страсть", т.е. быть воспринятым как ценность. А для этого вырабатываемые идеи должны совместиться с теми неосознанными структурами, которые уже и ранее существовали в массах, с тем, что мы назвали выше "социальными архетипами".

Нужно только поставить себя в контекст истории и культуры своего народа, ощутить себя его частью, ощутить связь с его судьбою и прошлым, уразуметь, что века и тысячелетия, прожитые народом, не безвременье и бескультурье, но процесс, в котором нечто существовало, созидалось, поддерживалось.

Нужно пожелать включиться в этот процесс и отнестись с уважением к тому, что было сделано до нас, "чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, бестрепетно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святынями. Ибо этими святынями творилась и поддерживалась Россия как живая соборная личность, как духовная сила" (П. Струве).

Так была поставлена задача. Но на ее реализацию история не оставила времени. Сам сборник "Из глубины", оконченный печатанием в 1918 г., не вышел из складов типографии, а еще через несколько лет и читать его в России стало, по существу, уже некому.

Русская интеллигенция, прошедшая длинный и извилистый путь формирования и самоосознания, частью была истреблена, частью эмигрировала за пределы страны, оставшаяся была загнана в глубокое подполье. А народ остался в донациональном состоянии. И его положение при вступлении в новый этап своей истории можно описать словами, которыми еще в XIX в. Герцен описывал одного из революционеров, прибывших к нему в Лондон из России: "Видно было, что он вышел на волю из всех опек и крепостей, но еще не приписался ни к какому делу и обществу – цели не имел... От постоянной критики всего общепринятого Кельсиев раскачал в себе все нравственные понятия и не приобрел никакой нити поведения... Он далеко не оселся, не дошел ни до какого центра тяжести, он был в полной ликвидации всего нравственного иму-

щества. От старого он отрешился, твердое распустил, берег оттолкнул и, очертя голову, пустился в широкое море".

Более полувека безвременья вовсе не продвинули нас вперед в решении наших этнических проблем – тема эта считалась закрытой, окончательно упраздненной, и говорить о национальных вопросах применительно именно к русским считалось неприличным, шовинизмом, оскорблением чувств прочих российских национальностей, для которых их собственные национальные и этнические проблемы тем не менее не снимались, а снисходительно поощрялись. Но вот эксперимент с построением социализма окончился ничем. И мы опять стоим примерно в том же пункте, в котором встретила революцию старая русская интеллигенция.

Запрет на тему теперь вроде бы снят. Мы постепенно осваиваем то, что было сделано до нас: Федотова, Ильина, Флоренского и других. Окружаем не просто уважением, но пиететом русскую культуру. Пока наше обращение к ней сводится в основном к апологетике. Это, безусловно, нужно и полезно, особенно сейчас.

Но хорошо бы отдавать себе отчет, что восхваление само по себе задачи не решает. Для того чтобы что-то конструктивно созидать, нужно иметь знание. В данном случае знание о себе самих. А мы о себе самих продолжаем говорить до сих пор в чуждом языке, чужими словами; оперируем чуждыми нам схемами и концепциями. По существу, мы просто пытаемся, оставив ту же систему представлений, какую выработало для нас безвременье, поменять знаки на обратные.

Представляли нам долгое время социализм как общество всеобщего блаженства, а капитализм – как исчадие ада. Теперь мы сделаем все наоборот: представим себе капитализм как источник благоденствия, а социализм – как исчадие ада, и дело с концом. Вроде бы все подтверждается реальностью: народы, выбравшие себе капитализм как принцип организации производства и распределения, действительно создали благосостояние, а мы, выбравшие социализм, пришли к развалу и нищете.

Что же тут обсуждать? А обсуждать много чего есть. Потому что существует еще не один важный пласт человеческих отношений, который специально никакому укладу не принадлежит, но играет важную роль в общей организации социума или социального космоса. Только весь этот космос в целом может обеспечить благосостояние.

Польская писательница Э.Ожешко еще в конце прошлого века выразила это очень хорошо: "Производство, созидающее благосостояние и дающее возможность пользоваться материальным комфортом и благами жизни, может осуществляться систематически и эффективно только в таких обществах, где есть моральные элементы и движущие силы, такие, как взаимопонимание и порядочность, уважение справедливости и признание взаимных обязательств, забота об общественном всеобщем благе.

Там, где не хватает таких элементов и стимулов, там человеческий труд начинает количественно уменьшаться и качественно ухудшаться, всякому взаимодействию препятствует взаимное недоверие; под влиянием эгоизма отдельных индивидов распадаются социальные связи и нарушаются те пружины, которые поддерживают социальные стремления. Там уменьшается и само материальное богатство, пересыхают глубин-

нейшие источники средств к существованию... Народ, который остался сегодня без чести, завтра останется без хлеба".

Вроде бы мы все это и признаем, но отделываемся от проблемы слишком легко: сам капитализм, рынок, когда мы его введем, нам все это и наладит. И тем самым обнаруживаем глубоко в нас сидящий марксистский способ мышления: экономические отношения определяют все.

А как да не определяют? Может быть, мы и со своим "социализмом" (про него никто определенно не знает, что это за строй такой, может, он и в состоянии развить внутри себя какую-то форму рынка) пришли бы к какому-нибудь приличному образу жизни, если бы не нарушили вот этой моральной стимулирующей основы человеческого поведения сначала трудармиями, потом – репрессиями и концлагерями, затем – ложью и лицемерием. А Западу удалось пронести свою моральную основу через все революции. Для такого рода ценностей безвременье, особенно затянувшееся на десятилетия, по-видимому, разрушительнее всех революций, ибо в период безвременья воспитываются поколения людей.

"На примере нашей судьбы мы начинаем понимать, – писал С.Франк в 1917 г., – что на Западе социализм лишь потому не оказал разрушительного влияния и даже, наоборот, в известной степени содействовал улучшению форм жизни, укреплению ее нравственных основ, что этот социализм не только извне сдерживался могучими консервативными культурными силами, но и изнутри насквозь был ими пропитан; короче говоря, потому, что это был не чистый социализм в своем собственном существе, а всецело буржуазный, государственный, несоциалистический социализм...

Внешне побеждая, социализм на Западе был обезврежен и внутренне побежден ассимилирующей и воспитательной силой давней государственной нравственной и научной культуры". Но эти же могучие культурные силы, не давшие социализму проявить свои разрушительные свойства и направившие его в русло созидания, точно так же ведь "обезвредили" и внутренне "победили" и капитализм, сделали и его созидательным.

Сами по себе ни капитализм, ни социализм не являются абсолютно плохими или абсолютно хорошими, в каждом из них много возможностей и вариантов.

Соответствующий уклад как бы наслаивается на сложившиеся культуру, политический строй, обычаи, и от этих первичных элементов зависит, какие формы приобретет капитализм или социализм в данной стране, какие представления и ценности он будет поддерживать.

Стихийные же рыночные процессы, ничем не сдерживаемые и не облагораживаемые, начинают разрушать саму первооснову, особенно если она и ранее уже была в достаточно обветшавшем состоянии.

Мы сейчас входим в период этих стихийных рыночных процессов. Для того чтобы капитализм у нас сложился и стал созидательным, нам придется потрудиться, обживая и окультуривая его для себя. Наши культурные – моральные и ценностные – компоненты должны сказать здесь свое веское слово. И они все равно его скажут. Но лучше, чтобы они его сказали не через семьдесят лет, когда материальные и культурные ценности подвергнутся еще одному капитальному разрушению, а

какие-то химерические и никого не устраивающие экономические структуры успеют уже сложиться и затвердеть.

Активная и осознанно осуществляемая адаптация сохраняет массу сил и ресурсов. Но для такой адаптации нужно хорошо знать, к чему конкретно мы хотим адаптировать этот рынок, и не только рынок, но и свободу и демократию, о которых мы так долго и горячо мечтали.

С реальными явлениями нельзя работать на уровне слов и чистых идеалов. Здесь необходимо знание на уровне структур и механизмов. Вот соприкоснулись мы с вожделенными свободой и демократией и обнаружили, что демократия в наших стихийных условиях иногда отбрасывает нас к безвластию, а "невежественная свобода", по выражению одного из древних подвижников, "есть матерь страстей" (авва Исаак Сирин).

Столкнувшись с такими парадоксами, мы склонны уходить от проблемы, утверждая, что это не "настоящие" свобода и демократия. А какие настоящие? Спросите нас про ту же демократию: какая она должна быть? А такая, чтобы всем было хорошо!

И больше ничего мы не сможем ответить, потому что под этим понятием у нас нет совершенно никакого содержания. И то же со свободой: понятно, это когда человек может делать так, как он хочет, но, безусловно, чтобы не причинял никому вреда. И попробуйте представить себе, как можно такое требование осуществить. Как раз тут наши представления самые расплывчатые и неконкретные.

Осознав свою некомпетентность, мы сразу же обращаем взгляд на Запад (как в течение многих веков). А как у них там это устроено? У них устроено в принципе неплохо. Так что им хорошо. Но не следует забывать, что это "хорошо" зависит очень сильно от ценностей, признаваемых в той или иной культуре. То, что с точки зрения их культуры хорошо, с нашей точки зрения может таковым не оказаться.

И опять мы приходим к тому же вопросу: надо бы нам знать твердо, как же мы хотим жить. Естественно, мы хотим, чтобы страна была богатая, сильная, чтобы нас уважали.

Мы всегда этого хотим. Мы хотим, чтобы было много хороших продуктов, вещей, чтобы все это можно было купить. Но прежде чем все это появится на наших прилавках в достаточном количестве, все это необходимо произвести. И именно нам, не кому-то другому. Человек должен быть мотивирован к производству, к труду. Что-то находить для себя в самом процессе труда, выстроить какой-то устраивающий его образ жизни.

Общество ведь в конечном счете – не что иное, как большой механизм, имеющий целью все это устойчиво обеспечивать. Каждое общество действует тут своими способами.

Вот об этом-то и идет речь. Мы должны понять, какой именно вариант образа жизни, а тем самым и общества хотим иметь. И когда мы это сформулируем, будет сделан решающий шаг на пути к образованию из нас нации.

Но прежде чем мы сформулируем идею, нам придется создать свой язык. Нужно перестать играть словами, под которыми нет конкретного смысла. Если говорить о "соборности", нужно понимать, что это за понятие такое. Славянофилы, пустившие его в обращение, не оставили четкого определения. Нужно раскрыть, что мы вкладываем в по-

нятие "духовность", которым мы так любим оперировать, потому что у него много различных смыслов. Нужно многое понять, осмыслить и определить. Иначе мы будем топтаться на месте.

Время же идет, и социальные архетипы, основа нашего этноса, постепенно бледнеют и стираются. Другими словами, задача формулировки национальной идеи, способной нас всех сплотить, становится все сложнее и труднее.

Кто-то может сказать: ну и пусть они себе стираются, эти архетипы. Освободимся от них и ассимилируемся в какую-нибудь приличную европейскую культуру.

Чем плохо? Однако ассимиляция также требует труда, и она осуществляется медленно. Это означает еще несколько десятилетий, а может быть, и веков безвременья. Целые поколения будут жить в условиях "непонятно чего". Потому что архетипы – это только связующие звенья, способ осуществления ценностей. А ценностное ядро в нас живо и сильно. Оно только заблокировано отсутствием адекватных средств выражения. Но оно активно сопротивляется и будет сопротивляться всем способам проявления чуждых для него ценностей. Это процесс болезненный. И в конечном счете ассимиляция – менее интересный и ценный результат, чем создание собственной нации на основе собственного этноса. Мне так кажется. И я думаю, что не мне одной. Вот мы и есть материал для будущей нации.

Деятельные и активные люди уже мобилизуются на защиту этнических ценностей. Но пока нет четко выраженной идеи, эта "борьба за..." по существу превращается в защиту пустого места.

Не совсем, конечно, пустого. Что-то на нем есть, какой-то материал для будущего здания, но работа здесь не ведется, поскольку нет проекта. Вот разработка проекта и есть задача настоящего момента.

И так создание нашей нации превратилось в долгострой, в работы, которые время от времени замораживаются, время от времени вновь начинаются на все более и более разрушающейся строительной площадке.

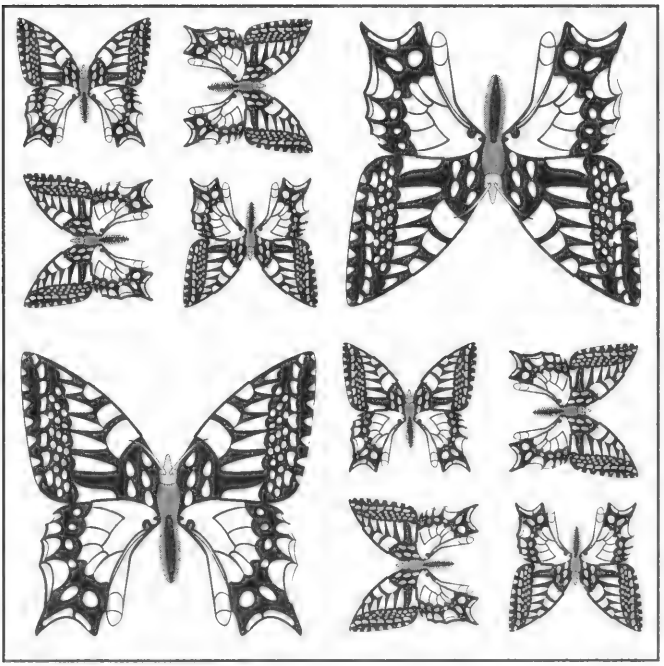
В промежутках, естественно, часть строительных материалов разворовывается, часть ржавеет и гниет. А проекта все нет, и работы ведутся подо что-то такое неопределенное, в будущем.

Пора взяться за дело с умом. "Да смыслиши о всех, яже твориши", – сказал Господь Иисусу Навину. Он вложил в нас разум, дабы мы им пользовались и действовали осмысленно.

А пока о нас можно сказать только то, что было сказано в самом начале: мы – большой народ и ярко выраженный этнос с древней и оригинальной культурой, но мы пока что не нация.

ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО. ТРАНСФОРМАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЫНКА

С. КОРДОНСКИЙ



В работе социально-экономическая система СССР (и России) рассматривается как административный рынок (АР), но не как «административно-командная система». АР был основан на репрессивном механизме отчуждения ресурсов и их перераспределении в соответствии с социалистическими мифологемами социальной справедливости. Для АР СССР был характерен торг по поводу отчуждаемых и распределяемых товаров и услуг, тогда как для России, наследовавшей СССР, – торг по поводу денег, выступающих в виде административного товара (но не денег в традиционном рыночном смысле этого понятия). В работе описываются ролевые и статусные позиции активных агентов как на советском, так и на российском АР.

© Кордонский С.Г., 1995

С. КОРДОНСКИЙ

"Меншиков тоже крал, но страна-то богатела".
Генерал-лейтенант А. Лебедь

Введение

Идеология экономического либерализма применительно к России оказалась неадекватной прежде всего потому, что новых экономических агентов не устраивает ее умеренность, а последователей социализма – ее радикальность. Установленные реформаторами границы государственного регулирования экономики оттолкнули от них людей, занятых приватизацией государственного имущества, и спровоцировали ненависть госбюджетников всех видов, лишив последних уверенности в завтрашнем дне и гарантированного государством потребительского статуса.

Аргументы экономистов, волею обстоятельств ставших государственными чиновниками и начавших реализовывать заимствованные на Западе идеи, логически просты. Они утверждают, что перешли от слов к делу, освободив пространство для действия всемогущих законов рынка. Однако результаты действий законов, выпущенных ими из социалистической тюрьмы, почему-то проявляются в форме, не интерпретируемой в терминах канонических теорий. Экономисты же, как и полагается советским обществоведам, находят этому множество объяснений, но в терминах вовсе не экономических, а в политических и обыденных. Персонифицированные враги из правительства, Федерального собрания и администрации президента – в их объяснениях – оказываются сильнее объективных и нерушимых законов рыночной экономики. В аргументах экономистов есть некое рациональное зерно, но оно не касается властных персон. Им противодействует система отношений, называемая административным рынком, где власть и деньги взаимно конвертируются по специфичным для России законам.

Кроме того, планы реформаторов нарушило российское пространство. Когда их наиболее яркие представители пришли к власти, то необходимость кредитовать завоз грузов на российские Севера, весенние сельхозработы и содержание вооруженных сил бывшего СССР на огромном пространстве Евразии быстро заставила их протрезветь и ускорила трансмутацию экономистов в бюрократов. Пространственный фактор, внешний с точки зрения канонической экономической теории, оказался решающим.

Многие, если не все проблемы России как части Евразии проистекают из необходимости контролировать огромное и плохо освоенное географическое пространство. Сотни лет шло социальное и экономическое освоение нынешней российской географии, в ходе которого маргиналы разных сортов – от казаков до зеков – колонизировали населенные автохтонными народами территории, превращая их в провинции империи. При этом система имперского управления и отношения между центром и периферией менялись от века к веку лишь по форме.

Напряжения и несуразности в социальной структуре империи не переходили в новое качество, в новую социальную организацию общества (как это было в Европе), а элиминировались в направленной или ситуативной эмиграции маргиналов, которые, заселив новые имперские

территории, воспроизводили социальную структуру империи, ее уклады, слои, страты и государственные институты. Сосланные, высланные, бывшие каторжане и просто сбежавшие от долгов (или их потомки в первом поколении) становились губернаторами, уездными начальниками, мировыми судьями, комиссарами, председателями исполкомов и секретарями обкомов, им даровали наследуемое или личное дворянство, членство в КПСС и право управления территориями размером с европейское государство.

В ходе географического и социального освоения не возникало необходимости в экономической модернизации. Колонизируемые территории становились сырьевыми придатками центра, отчуждавшего и распределявшего им ресурсы, необходимые для поддержания жизни и социальной структуры. Унифицированные отчуждающе-распределительные отношения между центром и периферией определили и территориально-административную организацию государства, где структура власти на любом нижерасположенном уровне административного управления воспроизводила более-менее точно структуру управления вышележащего уровня и где два любых смежных уровня административно-территориальной иерархии находились (особенно в советское время) в перманентном торге, суть коего заключалась в пропорциях между отчуждаемыми от нижерасположенного уровня и распределяемыми вышележащим уровнем (в пользу нижележащих уровней и отраслей народного хозяйства) промышленными, продовольственными и сырьевыми товарами. Торг между смежными уровнями административно-территориальной иерархии, сопряженный с административным торгом между отраслями народного хозяйства, и составлял административный рынок.

Отношения между смежными уровнями административно-территоральной иерархии не требовали никаких экономических новаций, ведь единственным способом решения проблем отчуждения-распределения было повышения статуса уровня (республики, области, района, города) в административной иерархии, что автоматически обеспечивало право на увеличение объема ресурсов, отчуждаемого от нижних уровней и присваиваемого данным уровнем. В истории государства были периоды, когда исчерпывались традиционные ресурсы, или когда государство ослабевало настолько, что не могло уже ни отбирать, ни распределять. Это эпохи социальных революций, неизменным результатом которых было воспроизводство прежних отношений между центром и периферией, основанных на новых видах ресурсов или на новой, более изощренной форме принудительного отчуждения и распределения.

В новейшее время административный рынок основывался на топливно-сырьевых ресурсах, даровой рабочей силе зеков и стройбатовцев, а также на принудительном труде образованных людей. Из-за уменьшения добычи энергоресурсов и исчезновения даровой рабочей силы (стало сажать некого, да и труд зеков перестал быть эффективным), а также из-за того, что вооруженному экспорту социальных напряжений (такому, как агрессия в Афганистане) был положен естественный, с

точки зрения ведущих мировых держав, предел, система в целом стала неэффективной, не обеспечивающей необходимого уровня отчуждения центром ресурсов с нижних уровней иерархии и необходимого же уровня распределения.

Перестройку и реформы последнего десятилетия можно рассматривать как поиск ресурсов для поддержания прежних отношений между центром и периферией. Они начались с борьбы за повышение трудовой дисциплины, потом власти поискали, кого сажать – среди диссидентов, алкоголиков, получателей нетрудовых доходов, расхитителей социалистического имущества, а закончились поиском путей повышения эффективности народного хозяйства, ускорением, изменением отраслевой организации экономики. Ресурсы обнаружены не были, в результате СССР исчез.

В России, унаследовавшей от СССР не только внешнеэкономические долги, поиск ресурсов продолжался. Последний резерв был обнаружен в рынке, в капитализме, в деньгах. Освоение этого ресурса составило содержание постперестроечной жизни. Но рынок и деньги даже в своих самых грубых проявлениях оказались не совместимыми ни с социальной структурой, ни с привычными отношениями между центром и периферией, ни с отраслевой организацией экономики, т.е. с государством.

Позитивное значение рыночных реформ для России велико, однако это совсем не те достижения, о которых говорят представители власти, оправдываясь перед оппозицией, консервативными экономистами и гражданами еще недавно великого государства. Позитивные итоги "радикальной экономической реформы" заключаются в усилении социального расслоения, в коммерциализации власти (т.е. в увеличении коррупции), в обретении социальной структурой динамики за счет того, что все большая часть населения вынуждена "крутиться" (не потому, что у них такие ценности, а просто для выживания), и особенно в деструкции административно-территориальной структуры России, в ее регионализации, т.е. в изменении вековых отношений между центром и периферией. Достижения реформаторов – как раз то, что ставится им в вину социалистическими и фундаменталистскими оппонентами.

Насилие, совершенное интеллектуалами-экономистами и бывшими партийными функционерами, ставшими антикоммунистами, над социальной и административно-территориальными структурами (а не над экономикой, как считают они сами), привело к началу конвертации государственных статусов (а не рубля), к практически легальному определению того, сколько стоит тот или иной государственный пост или необходимое экономическое и политическое решение. Повальная коррупция и взяточничество, постепенно разрушающие многоуровневую структуру имперского управления, с моей точки зрения, гораздо меньшее зло, нежели очередная революция (т. е. насильственное изменение социальной структуры и отношений собственности), в результате которой к власти пришли бы люди, не знающие, что с ней делать, и намеренные строить какое-нибудь очередное светлое будущее.

Постперестроечные экономические и социальные изменения не были прямым результатом деятельности реформаторов. Реформаторы-идеалисты, движимые сугубо марксистской идеей доминирования экономических законов над социально-политической и административной реальностями, создали условия освобождения социальных групп, сформированных реальным социализмом, от пут каких-либо законов. Теперь в борьбе отраслевых и региональных групп с федеральной властью и между собой возникают новые правила, которые лет через десять, наверное, следующее поколение университетских экономистов будет изучать, называя российскими модификациями общеэкономических законов.

До реформ в стране не было социального слоя, жизненно заинтересованного в экономической либерализации и в формировании другой политической системы, нежели административный рынок. Реформы 1992 г. облегчили формирование этого слоя, нуждающегося прежде всего в реальном изменении отношений власти и собственности и отношений между центром и периферией. "Новые люди" заинтересованы в ускорении социального расслоения (это увеличивает их социальную базу) и в формировании силовых институтов, которые могли бы контролировать поведение "новых люмпенов" (обратной стороны процесса формирования слоя "новых богатых"). Коммерциализация власти, как бы внешне неприглядно она ни выглядела, также ускоряет формирование слоя "новых людей", заинтересованного в изменениях отношений власти и собственности.

Сейчас в России сложилась многоуровневая система интересов, основанная на новой для страны социальной стратификации. Скорость социального расслоения очень велика (по меркам социологии, где время меряется поколениями), и люди, попавшие в ту или иную социальную страту, весьма редко полностью понимают свое новое положение. В индивидуальном осознании своей социальной принадлежности действуют еще очень грубые различения и противопоставления. Более того, сами страты еще не оформлены ни экономически, ни институционально, и люди, по внешним признакам являющиеся членами одной социальной группы, внутренне – по самоощущению – еще относятся к социально-учетным группам доперестроечного общества. "Новые люди" заинтересованы в сильном государстве. Эта заинтересованность проявляется (в искаженной, как и все в этой стране, форме) в локальных действиях по созданию собственных систем безопасности, в успешных попытках "выходить" на отдельных государственных функционеров, делая их своими агентами влияния. Но локальные преференции, получаемые отдельными "новыми людьми" или их группами, взаимонейтрализуются и ускоряют распад существующих государственных институтов. Для "новых русских" включение в существующую политическую систему неэффективно, так же как и попытки оказывать давления или финансово поддерживать существующие властные институты. Государство со всеми его институтами – президентством, представительскими органами власти, политическими организациями и репрессивными органами –

отжило свое, и осознание этого заставляет "новых людей" активно включаться в политику.

По мировоззрению наших людей, уже ушедших из социализма, но продолжающих быть с ним связанными происхождением, можно, как мне кажется, разделить на два полярных типа. Одни из них государство рассматривают как самоценность, а награбленное государством за семьдесят лет его истории считают общенародным достоянием. Присвоение (приватизацию) государственного имущества носители этого типа мировоззрения (новые бедные) считают воровством. Новые бедные не считают себя и других полноценными юридическими лицами (не признают себя существующими вне этого государства и помимо него) и потому протестуют против попыток лидеров государства раздать его собственность.

Другие государство рассматривают как минимум силовых институтов, обеспечивающий неприкосновенность присвоенной у этого же государства собственности. Исповедующие эту точку зрения (новые богатые) считают себя сверхполноценными юридическими лицами и потому не удовлетворены тем, что государство считает их гражданами "второй свежести" и предпочитает им трудовые коллективы, отрасли, предприятия, региональные органы власти и пр. Новые богатые считают, что государство – они сами, и намереваются выстроить государство вокруг себя и из себя.

Для собственности в этом государстве, как нигде, применимо определение Прудона. В СССР и его наследниках все основные фонды ворованные, и каждый метр освоенного пространства – безвестная могила и чья-то украденная жизнь. Само государство занималось вооруженным грабежом всех и вся: своих граждан, других государств, природы, времени и пространства. А граждане занимались воровством и перепродажей украденного уже у государства.

Задача по справедливому разделу краденого не может быть решена в принципе, краденое можно только перекрасть, чем активно занималось население страны последние 30 лет. Кто-то украл больше, кто-то меньше, но все граждане нуждаются в легализации краденого. Пока ворованные ценности остаются таковыми и с ними невозможны обычные коммерческие операции, их можно только потреблять или обменивать втихую на такое же краденое барахло. Реальная экономическая динамика начинается тогда, когда с украденным начинают обращаться как с собственностью. Экономическое содержание сегодняшнего – первого – этапа модернизации составляет легализация права владения и торговли имуществом и ресурсами, украденными у этого государства.

Политическое содержание того, что происходит, можно рассматривать как реакцию на легализацию прав собственности. Каждый человек в этой стране считает: то, чем он распоряжается, получено им честно, по праву, заработано, в то время как все остальные противозаконно распоряжаются краденым. Граждане стремятся получить в легальное владение то, что им, по их мнению, принадлежит, но протестуют против аналогичных действий и устремлений всех остальных. Обвинения в

коррупции являются основным аргументом в политических дискуссиях сегодняшнего дня. Большая часть этих обвинений соответствует действительности. В России нет человека, который бы не крал или не пользовался бы краденым. Те, кто утверждают, что честны (Даже скрепки канцелярской ни разу не взял с работы! – такой аргумент был в какой-то перестроечной дискуссии), забывают, что живут в квартирах, которые строили зеки, носили одежду, которую шили зеки (а это краденый труд и время жизни десятков миллионов людей), пользовались техникой, построенной на основе краденых где-то технических решений, и пр.

Основное требование тех, кто требует "навести порядок", заключается в том, чтобы посадить воров и коррупционеров, а именно тех, на кого они показывают пальцем. В этих требованиях просвечивает неосознанное желание вновь вернуться к тому социальному состоянию, когда можно было пользоваться краденым и в то же время искренне верить в свою внутреннюю честность и порядочность. Для стремящихся к порядку украденное государством имеет большую легитимность, чем украденное гражданами этого государства.

Общим для представителей всех слоев нового общества, как мне кажется, является забвение своей новейшей истории. Из памяти политических и экономических деятелей постперестроечного времени вытеснено ближайшее 5–10-летнее прошлое. Оно замещено ложной памятью о том, чего с этими людьми не было и не могло быть. Граждане государства размышляют о том, что было до социалистической революции, в 20-е, 30-е или 60-е годы так, как будто это было вчера, и совершенно не задумываются над тем, что было в 70-е и 80-е годы. А ведь как раз это десятилетие определяет происходящее с ними сегодня.

Административный рынок как социально-экономическая система

Фрагмент недавней истории

Административный рынок, сформировавшийся при конструировании обобществленного государства со справедливой системой распределения, деградирует сейчас по законам, определяемым главным образом его внутренними структурными особенностями. Вещной основой административного рынка является топливно-сырьевой комплекс, на базе которого возведена грандиозная (по количеству вовлеченных людей и обрабатываемого сырья) система по изготовлению государственно необходимых машин и механизмов, технологизированная лишь в отдельных, как правило, стратегически важных звеньях. Остальное материальное производство не технологично, оно по своей внутренней структуре скорее технично-цеховое и строится на передаваемом из поколения в поколение навыке и интуитивных знаниях, транслируемых в обособленных (особенно в ранее засекреченных областях материальной культуры) группах высокообразованных людей. Естественно, что образованные люди при необходимости (и привлекая знания, полученные оперативным путем государственными разведслужбами) изготавливают приборы,

механизмы и машины, которые, при стороннем взгляде, кажется невозможным сделать вне развитой технологии.

Рассуждения о технологически развитой системе в СССР и о том, что от него осталось, оправданы в такой же степени, как гипотезы о существовании в мифологическом прошлом технологически развитых цивилизаций, от которых остались некие артефакты – египетские пирамиды, колонны из химически чистого железа и непонятные наскальные изображения.

Наши отдаленные потомки-археологи, возможно, будут изумляться, изучая разрушенные ракетные шахты РВСН СССР, гигантские радиационные и химические свалки, остатки других великих строек пятилеток, и гадать, какая же неизвестная цивилизация и зачем их соорудила. Но мы-то знаем (хотя и пытаемся забыть), что делали их зеки и стройбатовцы, вооруженные лопатами, кирками и тачками, во имя великой и бессмысленной цели справедливого распределения.

Постперестроечная расстановка сил возникла из отношений административного рынка, сложившихся в годы царствования Брежнева. Дореволюционный, сталинский и хрущевский варианты административного рынка исчезли вместе с исчерпанием специфичных для них ресурсов. При Брежневе власть на административном рынке была распределена по отраслевым и территориальным иерархиям управления. Это распределение было неравномерным, и в каждый конкретный момент новейшей истории государства доминировали какие-либо отраслевые или территориальные группы (т.н. мафии – днепропетровская, средмашевская и пр.). Неравномерности в распределении власти были причиной конфликтов в системе, организованных как борьба за лидерство между первыми лицами одного партийно-номенклатурного ранга. Результаты борьбы "мафий" проявлялись прежде всего в личных перемещениях первых лиц в иерархиях отраслевой и территориальной власти.

Сами территориально-отраслевые иерархии существовали за счет того, что высшие уровни управления территорий и отраслей отчуждали произведенное на низших уровнях (эта процедура называлась выполнением планов поставок продукции государству), а потом распределяли награбленное в соответствии с брежневскими критериями социальной справедливости, согласно которым каждая республика, область, город, район, отрасль, предприятие и социально-учетные группы граждан получали от государства деньги и товары по труду, по социально-экономическим нормативам.

В борьбе государственных функционеров с государственной же робингудовской логикой вызрели соответствующие отношения административного рынка, когда практически любой (в том числе и силовой) ресурс государства стал предметом торга. После того как подавляющая часть ресурсов стала административным товаром, на административном рынке обнаружилась двойственность государства: оно, с одной стороны, было (принимало решения, применяло санкции), а с другой – его не было, поскольку даже применение санкций становилось предметом ад-

министративного торга. Само существование СССР стало предметом административного торга, закончившегося самоликвидацией союзного уровня этого базара.

Советский административный рынок мог существовать в условиях, когда административные статусы торгующихся были однозначно определены. Каждая из иерархий на каждом уровне своей организации эмитировала до перестройки свои административные деньги. И все знали, что бумажки с грифом "ЦК КПСС" стоили больше, чем бумажки с грифом обкома партии или Советов народных депутатов. Листы бумаги в ходе делопроизводства наделялись функциями ценных бумаг, у каждого вида которых был определенный круг хождения. Полной, в том числе и инвалютной, конвертируемостью обладали только бумаги, визированные членами Политбюро ЦК КПСС, в то время как все остальные бумаги конвертировались от случая к случаю. Неполная конвертируемость социалистических ценных бумаг-постановлений создавала некоторую неопределенность в их обращении.

Эта неопределенность компенсировалась особым видом отношений административного рынка – взаимообменными отношениями, при которых чиновники одного уровня обменивались административными услугами по их потребительской стоимости. Чиновнику можно было "дать в лапу" за нужное решение, а можно было надавить на него сверху и получить тот же самый результат. Но в любых ситуациях был ясен статус человека, принимающего решение. После крушения высшего уровня административного рынка – органов управления СССР – исчез генератор определенности статусов, т.е. система, которая определяла старшинство, ранг административной валюты.

Естественно, что на административном рынке началась паника, девальвация всех валют и борьба между эмитентами за старшинство. Последнее стало называться политической жизнью эпохи перестройки. Зародышами (точками, в которых собственно и концентрируются силовые усилия борющихся сторон) стали сопряжения отраслей и территорий – традиционные для этого государства места конфликтов. Отрасли в ходе преобразований были "опущены" до уровня, на котором они непосредственно столкнулись с региональными органами власти в борьбе за перераспределение ресурсов. Регионы поднялись до статуса самоопределяющихся во многих отношениях административных субъектов. Можно предположить, что некоторая стабильность будет достигнута только тогда, когда отрасли и регионы самосогласуются, то есть когда некоторая совокупность отраслей, расположенных в регионе, замкнется в административно-территориальное образование государственного ранга, органы управления которого создадут генераторы определенности статусов.

Среда между отраслями и регионами сейчас заполняется человеческими остатками прежней системы власти, которые объединяются для представительности в Союзы предпринимателей, банковские объединения, политические партии и другие организации.

Отсутствие генераторов административной валюты или ее заменителей осознается, но не рефлектируется. "Новые богатые", каждый по отдельности, сейчас намереваются эмитировать собственные валюты. Но эти валюты не котируются не только другими "новыми богатыми", но и остатками государства.

Каждое из сегодняшних действующих лиц хочет, чтобы пространство под ним было организовано как административный рынок (чтобы он и именно он был генератором определенности статусов), но чтобы пространство над ним и рядом с ним было организовано чисто рыночным образом, чтобы все были равны административно, а различались только объемом денежных ресурсов, имеющихся в распоряжении или собственности.

Государство – форма сопряжения политических и экономических отношений в системе властных институтов. В СССР и России сопряжение было полным, с редукцией всех форм сопряжения к силовым институтам. Сейчас распадаются и силовые институты. Следствие этого – исчезновение нормативного пространства административной торговли, где только и возможны предсказуемые действия. Налоговая система и силовые структуры государства сейчас переориентируются на административную торговлю с новыми людьми – предпринимателями и финансистами. Однако предложить покупателю им практически нечего, ресурсы административной валюты исчерпаны. Поэтому для бизнеса жизненно необходимо создание собственных политических институтов.

Будущее российское государство может возникнуть из политических организаций "новых людей". Только они (как социальная группа) заинтересованы в сохранении единого языкового, культурного и финансового пространства. Это пространство может стать новой Россией, границы которой не обязательно совпадут с границами существующей федерации, бывших СССР и СЭВ. Идеология для политического объединения новых богатых может быть предельно либеральной – до тех пор, пока не придется реально управлять страной или тем, что возникнет из нее. Государство, возникшее из политических объединений новых людей, должно будет прежде всего обеспечить социальные гарантии им самим.

Формальное представление структуры административного рынка

Доперестроечный административный рынок был тождествен государству. Государство явным или неявным образом задало иерархии статусов и соотносимых с ними административных валют и в своих стремлениях модифицироваться было ограничено сложившейся статусной онтологией. Все без исключения управленческие решения, начиная с середины 60-х годов, сводились к изменениям статусных иерархий, к увеличению или уменьшению количества административной валюты, прилагаемой к определению статуса. Опережающее развитие (т.е. увеличение значимости руководителей) машиностроения сменялось опережающим развитием АПК, которое, в свою очередь, сменялось опережа-

ющим развитием отраслей ВПК. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР об особом внимании к отдельным регионам (Нечерноземью, Сибири, Дальнему Востоку, республикам, областям и краям) были непременным атрибутом политической жизни. Сделать постановление о самом себе было осуществимой мечтой каждого первого секретаря республиканского ЦК или обкома партии.

Выше уже говорилось о разнообразии административных валют и нетрудовых доходов. Это разнообразие не сводилось и не выводилось из административно-территориальной и отраслевой структуры государства, оно естественно сложилось в ходе весьма противоречивого процесса строительства социализма в одной отдельно взятой стране. Чтобы классифицировать источники этого разнообразия, необходимо описать структуру, задающую статусы и сопряженные с ними источники административных валют. Для этого введем понятия уровней и форм деятельности и отношений между ними, задав тем самым формальный аппарат описания. Структура этого аппарата – веерных матриц – такова, что позволяет упорядочивать представления о существовании разноаспектных свойств естественных феноменов в предельной идеализированной схеме, обеспечивая некоторые объясняющие и предсказывающие возможности.

Предлагаемое формальное построение является попыткой реконструировать отношения брежневского административного рынка и его трансформированные в ходе реформ структуры. В работе сделана попытка рассмотреть структуру постперестроечных экономических институтов как результат дезинтеграции того административного рынка, который сложился в СССР к середине 80-х годов. При этом из множества возможных представлений административного рынка выбрано то, в котором он задается совокупностью формальных положений людей (статусов) и взаимоотношений между статусами в отношениях административного торга.

В первой части сделана попытка эксплицировать статусы в отношениях административного торга в их доперестроечном виде. Во второй части описывается трансформация отношений административного рынка в постперестроечные экономические структуры, сопряженная с дифференциацией политических (и административных) компонентов административного рынка от собственно экономических и с формированием постперестроечных административно-рыночных отношений.

Развиваемое в работе формальное построение не претендует на содержательную полноту и заведомо ограничено исходной аксиоматикой и выбранными отношениями между теми статусами, которые представляют – с точки зрения автора – интерес для анализа политэкономического устройства административного рынка в его сначала советском, а потом российском варианте. Предполагается, что читатель знаком с общей концепцией административного рынка, и потому не рассматриваются его структурно-функциональные и организационные особенности, описанные в других работах.

Дальнейшее изложение основано на априорном утверждении о существовании административного рынка, т.е. политэкономической системы, в которой (среди многих других специфицирующих ее свойств) существовали наряду с деньгами разных сфер обращения еще и многообразные административные валюты (термин административная валюта введен Г. Саповым и популяризирован В. Найшулем).

Оплачиваемое государством рабочее время было основным источником доходов для подавляющей части граждан, однако общий объем доходов, способы трат и количество потребительских благ, которые гражданин мог оплатить, зависели от его положения в различных социально-экономических иерархиях, во многом, но не полностью определявшихся партийно-номенклатурными уложениями.

Обладание властью было вторым основным источником доходов. Мерой власти являлось количество административной валюты, находящейся в распоряжении конкретного властного лица.

Сам факт возможности властного отчуждения ценностей у других граждан и социалистических институтов с последующим их распределением (неважно, легитимным или нелегитимным, легальным или нелегальным с официально-правовой точки зрения) означал, что гражданин государства обладает административной валютой. Приведенное определение заведомо неполно, так как административная валюта – это не только возможности, но и вполне определенные реализации. Так же как и рубли, административная валюта была наличной или безналичной (валюта прямого приказа или опосредованного в системе согласования интересов распоряжения), разной номинальной стоимости (бумаги на партийных бланках ценились выше, чем на бланках советских органов) и т.д.

Рубли и административные валюты частично могли конвертироваться друг в друга. За рубли можно было купить некий не очень высокий статус (хотя, если верить некоторым источникам, статусы депутатов Верховных советов и некоторые должности в административных органах в последние годы существования СССР тоже стали предметом купли-продажи). Кроме того, определенные статусы и сопряженные с ними административные валюты позволяли "делать деньги", т.е. извлекать рубли из обладания статусной властью и связями. От характеристик статуса зависело, какой административной валютой и в каком объеме распоряжался обладающий этим статусом человек.

Общий объем доходов, складывающийся из собственно трудовых доходов и доходов от возможности пользоваться административной валютой, ранжировал граждан в экономических (и неотделимых от них на административном рынке политических) отношениях. Источники и размеры доходов, получаемых гражданами низших статусов, по определению должны были быть полностью "прозрачны" для обладателей высших статусов. Если доходы граждан с относительно низкими статусами превышали некий нормативный уровень, они объявлялись нетрудовыми, т.е. не соответствовавшими априорно определенному месту человека в системе административного рынка. В то же время размеры

доходов граждан с более высокими статусами для обладателей низких статусов были "непрозрачны". В общественном мнении низших страт доходы высших страт представлялись нетрудовыми, так как в доступных низшим стратам положениях, касающихся иерархий власти, ничего не говорилось об источниках доходов, т.е. о конвертации административной валюты в рубли и потребительские ценности.

Еще раз вернемся к исходным различениям. Трудовые доходы (в социалистическом смысле этого понятия) были фиксированы государством и определены нормативным положением человека в государственных иерархиях управления и распределения. Трудовые доходы включали в себя и административно-валютную часть в той степени, в которой она была связана с фиксированным государством статусом этого человека в системе распределения и власти.

Нетрудовые доходы связаны не с самим обладанием административной валютой, а с ненормативной конвертацией ее в другие ценности, т.е. с использованием статусной власти в другой, в том числе и экономической, деятельности.

Под нетрудовыми доходами в данной работе понимаются в первую очередь доходы, получаемые при конвертации административной валюты в рубли или ценности, которые могли быть реализованы за рубли. Поскольку нетрудовые доходы извлекались людьми из своего положения в иерархиях власти, то их наличие у низших слоев населения можно было при желании рассматривать как признак существования нелегальной формы административной валюты и как наглядное свидетельство того, что в государстве существуют скрытые иерархии власти. Некоторые положения в них позволяют делать деньги, не обладая для этого фиксированными государством правами. Само получение нетрудовых доходов низшими слоями было для высших слоев свидетельством нарушений в системе государственной власти, поэтому государство перманентно боролось с ними.

Можно аналитически разделить население бывшего СССР на две части, понимая всю условность такого жесткого противопоставления. Одна часть населения жила на зарплату, т.е. на трудовые доходы в социалистическом смысле этого слова. В зарплату включались и дополнительные доходы, связанные со статусом и обладанием соответствующей статусу административной валютой. Легальные обмены административными благами составляли содержание жизни обычных людей. Их можно рассматривать как живших при реальном социализме (от каждого по статусным способностям, каждому по статусным потребностям, при этом созданием и поддержанием системы статусов и определением статусных способностей и потребностей занималось государство). Данная часть граждан социалистического общества не представляет интереса для последующего анализа, она экономически не самодеятельна, хотя и принимает сейчас активное участие в экономической и политической жизни в роли рантье. Они не "халявщики", а партнеры, намеренные жить на дивиденды от своего советского социально-учетного статуса,

конвертированного в ценные бумаги, выпущенные в обращение представителями другой части населения.

Эта – другая – часть населения уже конвертировала административную валюту в собственно экономические активы. Именно ее можно считать экономически активной и рассматривать как среду, из которой возникли перестроечные экономические отношения.

Доперестроечная структура административного рынка

Введем понятия уровней и форм деятельности на административном рынке. *Уровнем деятельности* в дальнейшем называется формальное положение социалистического человека в системе власти в отношениях отчуждения и распределения (в экономическом смысле этих понятий). Понятие уровня деятельности в отдельных случаях совпадает с понятием статуса в обычном социологическом смысле.

Формой деятельности называется активность человека, принадлежащего к фиксированному уровню деятельности и потому обладающего неким определенным статусом. В каком-то смысле отношения между уровнем и формой деятельности сравнимы с отношениями между статусом и ролью в классической статусно-ролевой теории. Спецификой логики данной работы является то, что в качестве ключевых в основном рассматриваются несовпадения между уровнями и формами деятельности (аналогично диссоциации между статусами и ролями в соответствующей социологической теории). Формальная структура отношений между уровнями и формами деятельности вводится для того, чтобы зафиксировать систематическое несовпадение принадлежности к уровню деятельности и формы деятельности и использовать его как логическую основу для содержательного исследования.

Присвоим уровням и формам деятельности, специфичным для советского варианта административного рынка, следующие имена:

- номенклатурный
- гражданский
- теневой
- криминальный.

Под *номенклатурным уровнем* деятельности понимается совокупность статусов, называемых номенклатурными (т.е. для приобретения их необходимы были санкции аппарата КПСС). Под *номенклатурной формой* деятельности (руководством) понимается совокупность ролей, проигрываемых обладателями разных статусов, в том числе не являющихся номенклатурными.

Под *гражданским уровнем* деятельности понимается совокупность статусов, не являющихся номенклатурными, но тем не менее обладающих той или иной степенью социалистической официальности. Это учителя, врачи, совслужащие в широком смысле этого понятия, рабочие и крестьяне. Под *гражданской формой* деятельности понимается совокупность ролей выживания в условиях административного рынка, проигрываемых обладателями других, в том числе негражданских, статусов.

Под *теневым уровнем* деятельности понимается совокупность статусов, обладатели которых не были номенклатурой, но их нельзя было отнести (и они сами себя не относили) к обычным гражданам. Эти люди по положению обладали некоторой неноменклатурной властью, границы которой невозможно было определить априори. Под *теневой формой* деятельности понимается совокупность производственных ролей, проигрываемых обладателями других, в том числе нетеневых, статусов.

Под *криминальным уровнем* деятельности понимается совокупность статусов, определяемых и контролируемых криминальными субкультурами. Люди, обладавшими криминальными статусами, не принадлежали к номенклатуре, не были простыми гражданами по определению (по факту судимости, например) и не обладали теневой и неопределенной в границах властью. Под *криминальной формой* деятельности (воровством) понимается совокупность ролей, проигрываемых обладателями других, в том числе и некриминальных статусов.

Теперь, задав основные определения, выстроим отношения между ними в матрице рис. 1.

Рис 1. *Доперестроечная структура экономического пространства*

формы деятельности уровни деятельнасти	номенклотурная (руководство)	гражданская (выживание)	теневая (производство)	криминальная (воровство)
номенклатурный	первые лица	чиновники	теневая номенклатуро	криминализованные чиновники
гражданский	номенклатурные граждане	простые граждане	люди со связями	криминализованные граждане
теневой	номенклатурные теневики	частники	цеховики	криминализованные теневики
криминальный	номенклатурные воры	бытовые воры	рэкетиры	воры

Каждый элемент матрицы, находящийся на пересечении строки и столбца, в дальнейшем называется типом. Тип является наименованием места в формализованном представлении административного рынка. Совокупность типов, заданных матрицей, создает замкнутое пространство понятий, обладающее собственными свойствами, которые определяются через отношения между типами.

Можно выделить два рода элементов, составляющих внутреннее пространство матрицы. Это – диагональные элементы (образованные отношениями между одноименными уровнями организации и формами деятельности) и недиагональные элементы (образованные отношениями между разноименными уровнями и формами деятельности).

Отношение между одноименными уровнями и формами деятельности создает один диагональный элемент матрицы.

Отношение между разноименными уровнями и формами деятельности создает два элемента-типа, симметричных относительно диагонали матрицы рис. 1 (например, отношение между номенклатурным и граж-

данским уровнями и формами деятельности создает типы номенклатурные граждане и чиновники).

Рассмотрим пространство матрицы, используя упорядоченные строками и столбцами списки типов. Набор типов, тем или иным образом относящихся к номенклатуре, задается строкой "номенклатурный уровень" и столбцом "номенклатурная форма деятельности". Собственно к номенклатуре относятся первые лица, чиновники, теневая номенклатура и криминализованные чиновники. В то же время номенклатурность как ролевая характеристика входит в характеристики типов, упорядоченных столбцом "номенклатурная форма деятельности". Это – первые лица, номенклатурные граждане, номенклатурные теневики и номенклатурные воры.

Гражданский уровень деятельности задается типами номенклатурные граждане, простые граждане, люди со связями, криминализованные граждане. Как ролевая характеристика, принадлежность к гражданскому уровню входит в типы чиновники, простые граждане, частники, бытовые воры.

Теневой уровень деятельности задается типами номенклатурные теневики, частники, цеховики, криминализованные теневики. Как ролевая характеристика, "затененность" формы деятельности входит в характеристики типов теневая номенклатура, люди со связями, цеховики, рэкетиры.

Криминальный уровень деятельности задается типами номенклатурные воры, бытовые воры, рэкетиры, воры. Как ролевая характеристика, криминальность входит в характеристики типов криминализованные чиновники, криминализованные граждане, криминализованные теневики, воры.

Рассмотрим сначала диагональные элементы матрицы, в которых наименования уровней и форм деятельности совпадают. Это – первые лица, простые граждане, цеховики и воры.

Тип первые лица задан отношениями между номенклатурным уровнем организации и одноименной формой деятельности – руководством. В определение этого типа (как и других диагональных элементов) входит соответствие статуса и роли, которую проигрывает человек, обладающий статусом первого лица.

Первые лица – официальный термин административного языка, обозначающий людей, обладающих наивысшей для данной организации формой легальной административной валюты – правом подписи под финансовыми и кадровыми документами.

Первые лица принадлежали к номенклатуре и были ранжированы согласно внутренним принципам ее организации. Совокупность первых лиц была внутренне динамична за счет стремления каждого первого лица низшего ранга повысить свое положение, стать первым лицом более высокого ранга. Собственно институт номенклатуры можно рассматривать как некую структуру с фиксированными узлами (места первых лиц) и отношениями между ними (ребрами графа), в которой проходило изменение рангов первых лиц, то есть продвижение их от узла к узлу по фиксированным ребрам.

Тип простые граждане определяется отношением между гражданскими уровнем и формой деятельности – выживанием в условиях реального социализма, которое было невозможно без активности, направлен-

ной на продвижение по социально-учетным иерархиям, т.е. без стремления получить те блага, которые нормативно предписаны статусу, – квартиру, работу, образование, медицинское обслуживание, пенсию.

Простые граждане как тип неоднородны. Разнообразие внутри типа определялось совокупностью социально-учетных параметров, таких, как пол, возраст, образование, место прописки, место работы, национальность и пр. Каждому сочетанию социально-учетных признаков соответствовало свое место в системе распределения, т.е. статусные возможности пользования административной валютой. Так, жители столичных городов имели доступ к гораздо более развитой системе социальных возможностей, чем жители других поселений, а женщины и дети пользовались особыми административными льготами, не предназначавшимися мужчинам и взрослым. Внутренняя динамика среди простых граждан определялась стремлением каждого гражданина получить полный набор полагающихся ему номинально статусных благ или изменить, например, свое местожительство на более высокостатусное, получить доступ к какой-либо "кормушке" и т.п.

Тип цеховики определяется отношением между теневым уровнем организации и одноименной формой деятельности – производством дефицитных товаров и услуг. В определение этого типа входит занятие экономической самодеятельностью, в том числе и изготовление на государственных и кооперативных предприятиях в промышленных условиях товаров народного потребления с целью сбыта.

Цеховики не обладали государственной легитимностью, однако в силу своего положения изготовителей или распорядителей "дефицита" обладали административной валютой особого теневого рода.

Цеховики не были однородными, они ранжировались (как определенный социум) в зависимости от того, при какой отрасли социалистического народного хозяйства ими было налажено теневое производство и что на нем производилось. Естественно, что высшими статусами обладали цеховики, производившие наиболее дефицитные товары на высокостатусных государственных предприятиях. Динамика в среду цеховиков вносилась стремлением получить более высокий статус в собственных отношениях теневого производства.

Тип воры определяется отношением между криминальным уровнем и одноименной формой деятельности – воровством. В определение этого типа входит профессиональное или ситуативное отчуждение у государственных организаций и граждан ценностей и денег и использование их для удовлетворения как личных потребностей, так и потребностей криминальной субкультуры в целом.

Воры также обладали особым видом административной валюты – властью силы. В рамках субкультуры воры ранжировались по видам деятельности и по статусу в ней. Внутренняя динамика среди воров порождалась стремлением получить более высокий статус в криминальной субкультуре.

Фрагменты пространства административного рынка и его измерения

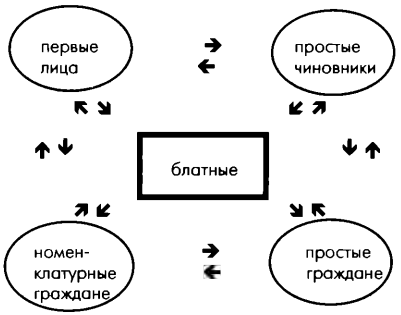
Номенклатурно-гражданское измерение

Обратимся теперь к фрагментам рис. 1, образованным парами одноименных уровней организации и форм деятельности. Каждый

фрагмент включает в себя два диагональных типа и два симметричных относительно диагонали элемента.

Рассмотрим отношения между номенклатурными и гражданскими уровнями и формами деятельности.

Рис. 2



Первые лица и простые граждане номинально были охарактеризованы (как типы) выше. Рассмотрим теперь номенклатурных граждан и чиновников. Номенклатурные граждане (разного рода депутаты, артисты, специалисты, эксперты, технологи и пр.) обладали по своему положению административной валютой и использовали ее для оказания влияния на принятие административных решений первыми лицами, причем решений такого плана, которые бы способствовали либо повышению их статуса, либо увеличению оценки статуса в доходах. Они принимали участие в руководстве, но весьма специфичным образом. Доходы номенклатурных граждан складывались из зарубежных командировок, участия в государственных программах развития, техническими руководителями которых и оказывались номенклатурные граждане, и пр. Номенклатурные граждане известны, в частности, своими предложениями по улучшению экономики и по нахождению ключевых звеньев и "клеточек", воздействуя на которые можно было бы, по их мнению, радикально изменить экономические показатели. Это авторы идей ускорения, энергетической программы, преобразования машиностроительной промышленности и т.д. К номенклатурным гражданам можно отнести и теоретиков-рыночников. Для них изменение принципов хозяйствования и отказ от социализма были не более чем еще одной государственной программой, руководителями которой оказались бы они сами.

Чиновники – специалисты по административной игре в системе фиксированных партийным и государственным строительством статусов. В ходе этой игры они стремились к повышению статуса и соответствующему увеличению административной валюты, прилагающейся государством к определению их статуса. Чиновники выживали в услови-

ях, определяемых отношениями между первыми лицами, и потому целиком и полностью зависели от персональных изменений в системе первых лиц. Система чиновничьих статусов была производна от ранжированности отраслей и территорий. Поэтому чиновничьи игры велись на повышение административного статуса соответствующих отраслей и территорий, так как вместе с повышением их статуса повышался и статус чиновников.

Первые лица, номенклатурные граждане и чиновники находились в постоянном структурном контакте, ибо повышение статуса территорий и отраслей было, как правило, связано с привязкой к ним определенных проектов по преобразованию экономики. Типичной ситуацией такого рода была инициатива по "бригадному подряду", выдвинутая неким номенклатурным гражданином и поддержанная чиновниками – сотрудниками первого секретаря обкома КПСС и другими первыми лицами. Чтобы описывать отношения между первыми лицами, номенклатурными гражданами, чиновниками и простыми гражданами, представленные схемой (рис. 2), необходимо еще раз напомнить: внутри каждого типа существовала иерархия статусов (иерархии первых лиц, чиновников, номенклатурных и простых граждан), и стремления людей, принадлежащих к конкретному типу, были направлены на продвижение вверх по этим иерархиям. Пути для этого определены связями формальной структуры, обозначенными стрелками (рис. 2). Так, простой гражданин, живущий в коммунальной квартире, мог попытаться подняться вверх в иерархии других простых граждан, добиваясь (разными путями) получения отдельной квартиры. В частности, он мог жаловаться чиновникам на то, что его жилье не удовлетворяет санитарным нормам. Чиновники ходатайствовали за него перед первым лицом, и первое лицо могло согласиться (или не согласиться) удовлетворить это желание. Был и другой ход, когда простой гражданин обращался к номенклатурному гражданину (депутату, например), и уже депутат ходатайствовал перед первым лицом об удовлетворении потребностей простого гражданина.

Логически и иногда практически были возможны ситуации, когда первое лицо обращало свое внимание на неудовлетворенные потребности простого гражданина и давало поручения чиновникам удовлетворить его статусные потребности.

Сетка связей, которая устанавливалась при итерациях отношений такого рода, была элементом административного рынка в собственном смысле этого понятия. Каждое изменение положения любых типов внутри специфических для них иерархий было связано с торгом между представителями типов, объединенных схемой (рис. 2), включенных в действия, необходимые для повышения рангов. Торг заканчивался административно-валютными расчетами, одним из компонентов которых и было повышение (или понижение) ранга представителя конкретного типа в пределах возможностей, предоставляемых номинальными характеристиками типа.

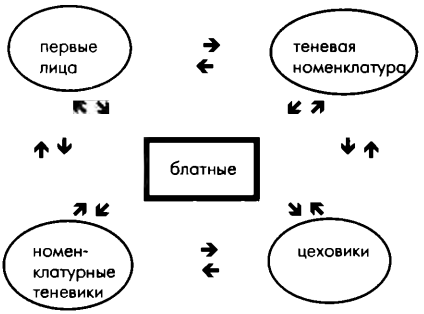
Следует отметить, что в сетке связей между типами само по себе возникало функциональное место на пересечении прямых связей между всеми вовлеченными в административное действо. Это место обозначено на рис. 2 прямоугольником. Оно могло быть занято любым носителем типологических свойств. Функциональные свойства этого места были таковы, что желания и потребности всех действующих лиц могли быть удовлетворены без прохождения обычных административных путей. Достаточно было обратиться к лицу, занимающему это виртуальное место. В обыденном языке люди, занимающие эти места, получили название "блатных", а способ удовлетворения потребностей с использованием блатных – название "блат". В силу особенностей этого рода отношений описываемый вид блата называется в данной работе номенклатурно-гражданским. Номенклатурно-гражданские блатные были чистыми носителями управленческой формы деятельности, не имеющими, однако, соответствующего социального статуса.

Отношения в тетраде первые лица – чиновники – номенклатурные граждане – простые граждане, опосредованные соответствующим блатом, в конечном счете привели к формированию относительно замкнутой латентной номенклатурно-гражданской группы, своеобразного скрытого измерения пространства доперестроечного административного рынка, из которого возникла одна из размерностей экономического пространства постперестроечного государства.

Номенклатурно-теневое измерение

Рассмотрим отношения между номенклатурными и теневыми уровнями и формами деятельности.

Рис. 3



Первые лица и цеховики были рассмотрены ранее. К теневой номенклатуре относились реальные "вторые" люди в системе государственных и партийных статусов, с мнением которых, в отличие от мнений простых чиновников, необходимо было считаться при принятии любых решений. Это люди, готовившие решения и согласовывавшие их

в многочисленных подразделениях аппарата управления (помощники, референты, консультанты, спичрайтеры и прочие аппаратные специалисты), знавшие ходы и выходы, людей и отношения между ними. Это своего рода аморфная среда, окружавшая первых лиц, но вне этой среды первые лица существовать не могли. Естественно, принадлежащие к теневой номенклатуре функционеры обладали своеобразной административной валютой, не впрямую конвертируемой в жизненные блага, но опосредованно – только в той мере, в которой они сами находились в окружении первых лиц.

Номенклатурные теневики – люди, обладавшие определенным государственным или партийным статусом и использовавшие этот статус для организации негосударственного снабжения товарами и услугами, пользующимися спросом. Практически на каждом государственном предприятии была своя "неучтенка", свое скрытое производство, продукция которого тем или иным образом обменивалась на другие товары и услуги. Те функционеры, которые осуществляли контроль за "неучтенкой" и ее распределением, в данной работе называются номенклатурными теневиками.

Потребности в неучтенке и теневой продукции могли возникать у первых лиц, которые имели две возможности выйти на цеховиков (собственно производителей неучтенки): или обратиться к номенклатурным теневикам, чтобы те озадачили цеховиков; или действовать через своих помощников, т.е. через теневую номенклатуру. В свою очередь, у цеховиков возникали проблемы, которые могли быть решены только первыми лицами. В этом случае цеховики ходатайствовали перед первым лицом либо через номенклатурных теневиков, либо через теневую номенклатуру.

При итерациях этих отношений возникало новое функциональное место на пересечении всех связей, которое, так же как и в предыдущем случае, называется блатным. Однако это другой – номенклатурно-теневой – вид блата, нежели номенклатурно-гражданский, описанный ранее. Человек, занимающий это виртуальное место, мог в определенной степени (ограниченной возможностями блата) благодаря включенности во все связи номенклатурно-теневой структуры, опосредовать удовлетворение потребностей представителей всех типов без их прямого контакта между собой.

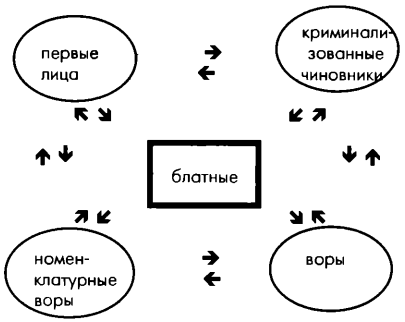
Теневая номенклатура и номенклатурные теневики образовывали своеобразную общность, так как в обязанность помощника или референта первого лица входило в первую очередь обеспечение его и его деятельности как руководителя необходимыми товарами и услугами для обмена с другими первыми лицами. Собственно бартер имеет своими корнями отношения между номенклатурными теневиками и теневой номенклатурой. В ходе перестройки при институализации бартера как системы хозяйственных отношений теневая номенклатура и номенклатурные теневики, разбавленные соответствующими блатными, образовали единое бартерное пространство, по своему происхождению номенк-

латурно-теневое, давшее начало еще одной размерности постперестроечного экономического пространства.

Номенклатурно-криминальное измерение

Рассмотрим отношения между номенклатурными и криминальными уровнями и формами деятельности.

Рис. 4



Первые лица и воры были охарактеризованы ранее. Криминализованные чиновники – те, кто по роду занятий находился в постоянном (чаще служебном) контакте с криминальной средой и использовал эти контакты для получения "нетрудовых доходов". Это работники силовых министерств, а также госслужащие, исполнение прямых обязанностей которых было невозможным без совершения незаконных и противозаконных действий, причем при совершении последних они использовали возможности работников силовых министерств.

Симметричный криминализованным чиновникам элемент структуры советского экономического пространства – номенклатурные воры, т.е. те представители аппарата управления, которые использовали свое положение для прямого и косвенного обогащения путем хищения государственной собственности.

В логике схемы (рис. 4) потребности воров в случае, если для их удовлетворения было необходимо вмешательство первых лиц, могли удовлетворяться двумя путями, обозначенными ребрами графа. Воры могли взаимодействовать с первыми лицами, используя посредничество номенклатурных воров, а могли действовать через криминализованную номенклатуру. В обратной ситуации, когда необходимо было вмешательство воров для удовлетворения потребностей первых лиц, последние также могли действовать либо через криминализованную номенклатуру, либо через номенклатурных воров.

При итерациях связей номенклатурно-криминальной структуры отношений само по себе возникало виртуальное функциональное место на пересечении связей "всех со всеми" – особого рода криминально-номенклатурный блат.

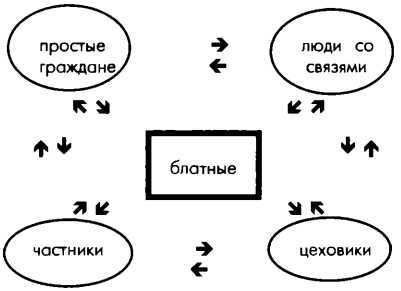
Криминализованные чиновники и номенклатурные воры были взаимодополнительны в пространстве административного рынка. Криминализованные чиновники по должности иногда боролись с теми номенклатурными ворами, которые не могли или не хотели "делиться" с ними, а последние систематически "покупали" первых или откупались от них. Это была нормальная для административного рынка торговля, в которой административная валюта, имевшаяся в распоряжении криминализованных чиновников, при посредничестве первых лиц и воров конвертировалась в деньги номенклатурных воров, и наоборот. В этой административной торговле устанавливались особые отношения между номенклатурными ворами и криминализованными чиновниками и формировались условия для появления нового измерения постперестроечного экономического пространства – номенклатурно-криминального. Факт возникновения этого измерения экономического пространства стал явным в ходе расследования дела Медунова (первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС) и его связей с криминализованными чиновниками МВД (дело Чурбанова).

В ходе перестройки возможности номенклатурно-криминального пространства были использованы государством для осуществления действий, направленных на коммерциализацию экономики. Были созданы организации (такие, как АНТ), возглавленные откомандированными сотрудниками силовых министерств – криминализованными чиновниками, в задачи которых было поставлено получение доходов от продаж военной техники и стратегического сырья. С распадом СССР такие организации преобразовались, включили в себя другие элементы экономического пространства и в конечном счете стали чисто коммерческими предприятиями.

Гражданско-теневое измерение

Рассмотрим отношения между гражданскими и теневыми уровнями и формами деятельности.

Рис. 5



Простые граждане и цеховики были охарактеризованы как типы раньше. Люди со связями по своему положению имели доступ к номен-

клатуре всех видов. Это разного рода родственники и знакомые цеховиков и представителей других типов, обладавших административной валютой, которые могли оказывать и оказывали влияние на принятие решений (в том числе и хозяйственных), но главное, были посредниками в распределении дефицита.

Частники (владельцы личных подсобных хозяйств, мастера по обслуживанию и ремонту бытовой техники и автотранспорта, врачи, занимающиеся частной практикой, и все другие институализованные теневики) представляли собой своеобразную общность, члены которой, занимаясь теневым производством товаров и услуг, считали свое дело достаточно престижным и почетным. Их не устраивало отсутствие фактического статуса и административной валюты, и они предпринимали усилия по ее приобретению.

Поскольку доступ к услугам и товарам, производимым частниками, обеспечивали люди со связями, между этими двумя типами устанавливалась достаточно устойчивая связь.

Простым гражданам для достижения их целей (в данной системе отношений – достать дефицит) можно было обращаться к людям со связями или к частникам, которые по своим каналам имели выходы на цеховиков. В то же время для продажи и распределения своей продукции цеховики могли использовать людей со связями или пользоваться услугами частников.

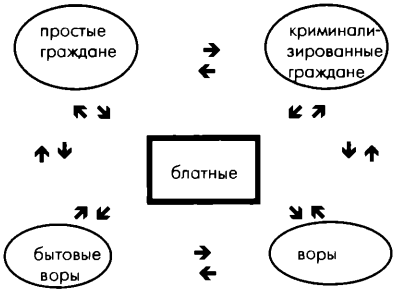
При итерациях отношений в данной структуре сформировался гражданско-теневой блат – особое место в системе, специфичное именно в среде "доставания дефицита", пользование услугами которого позволяло обойтись при решении проблем добывания дефицита без лишних посредников. Блат опосредовал отношения между частниками и людьми со связями, структурно разомкнутые в формальной схеме.

В ходе перестройки и после нее различия между блатными, людьми со связями и частниками нивелировались, и сформировалась гражданско-теневая (по происхождению) размерность нового экономического пространства.

Криминально-гражданское измерение

Рассмотрим отношения между криминальными и гражданскими уровнями и формами деятельности.

Рис. 6



Простые граждане и воры были охарактеризованы ранее.

Бытовые воры (несуны, расхитители социалистического имущества) – обычный элемент административного рынка. Бытовое воровство было образом жизни существенной части граждан социалистического общества.

Криминализованные граждане – люди, тем или иным образом включенные в криминальные субкультуры, члены семей судимых, жители районов освоения, переселенцы и спецпереселенцы. Отношения в этой тетраде описываются в советских детективах. На схеме представлены отношения в криминальной субкультуре на ее бытовом уровне, когда воры отчуждают имущество и деньги у простых граждан, используя либо бытовых воров, либо криминализованных граждан, а простые граждане находят общий язык с ворами, используя в качестве посредников бытовых воров и криминализованных граждан. В итерациях такого рода отношений сформировалось гражданско-криминальное "блатное" функциональное место, опосредующее все связи в данной тетраде.

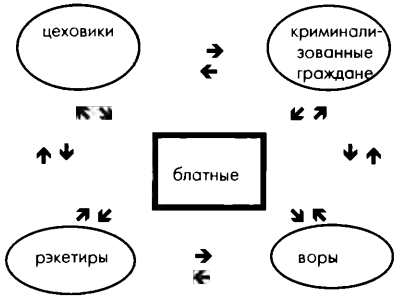
Существование этого измерения экономического пространства (бытовых воров и криминализованных граждан в их отношениях с ворами и простыми гражданами) до сих пор не было предметом сколь-нибудь профессионального исследовательского описания. И все же можно предположить, что в ходе перестройки произошло своеобразное слияние деятельности криминально-гражданского блата, бытовых воров и криминализованных граждан. Образовалось единое новое измерение экономического пространства – криминально-гражданское. Оно иерархизировано по принципам криминальной субкультуры, но действия в нем политически акцентуированы, причем политическая компонента – лишь средство для достижения экономических целей. Пример Чечни как пространства, организованного в основном по криминально-гражданским принципам, общеизвестен. По разным сведениям, первоначальные этнические конфликты в Армении и Азербайджане были вызваны разделом сфер влияния между армянской и азербайджанской криминально-гражданскими субкультурами в момент их институализации, т.е. во время "объединения" блатных, бытовых воров, воров и криминализованных граждан в единую новую среду деятельности.

После распада СССР и дезинтеграции властных иерархий организация управления в некоторых муниципалиях стала невозможна вне этого пространства. Более того, только там, где криминально-гражданские типы контролируют муниципалии, реально возможны предсказуемость и управляемость поведением маргинализующихся в ходе экономической реформы слоев населения.

Криминально-теневое измерение

Рассмотрим отношения между криминальными и теневыми уровнями и формами деятельности.

Рис. 7



Под криминализованными теневиками понимаются социальные типы, получавшие нетрудовые доходы при организации удовлетворения нелегитимных потребностей. Это контрабандисты, торговцы и производители наркотиков, спекулянты алкоголем, автомашинами, конвертируемой валютой, сутенеры, продавцы оружия и пр. Такие виды советского бизнеса были высокопрофессиональны и специализированы, хотя и достаточно локализованы.

Под рэкетирами понимаются члены криминальных субкультур, жившие на отчуждении у криминализованных теневиков части их доходов. Это мог быть ситуативный рэкет (т.н. спортивный, когда профессиональные спортсмены, носители нелегитимных потребностей, занимались оплачиваемой охраной криминализованных теневиков) или профессиональный рэкет, контролируемый криминальной субкультурой в целом (кидалы).

Для этой структуры также был характерен свой вид блата – криминально-теневой, в функции которого, в частности, входили разборки между членами криминально-теневой субкультуры.

В ходе перестройки резко расширился рынок нелегитимных потребностей и соответственно возможности рэкета. Появилось множество новых поставщиков и производителей, причем возможности рэкета по отношению к этим новым бизнесменам были в значительной степени ограничены из-за легитимизации потребностей при ослаблении государственного контроля за способами их удовлетворения и ограниченности рэкетирских возможностей по контролю за рынком. В силу этого произошла интеграция старых рэкетиров (спортивных и профессиональных) с криминализованными теневиками в новую реальность (или новое измерение) общего экономического пространства – криминально-теневую, поскольку только объединенные усилия рэкетиров и криминализованных теневиков могли обеспечить контроль за рынком нелегитимных потребностей.

Примерами таких объединений могут быть "преступные группировки" типа Солнцевской, в которых контроль за локальными рынками

нелегитимных потребностей осуществляется объединенными усилиями бывших рэкетиров, бывших криминализованных теневиков, бывших воров и бывших цеховиков.

Естественные административно-рыночные объединения могли быть гораздо более сложными, чем тетрады, представленные на рис. 2 – 7. Сложность при этом понимается как включение во взаимодействие типов, объединенных тремя и более уровнями деятельности и ее формами. Так, например, вполне эмпирически интерпретируются структуры, составленные из первых лиц, номенклатурных граждан, номенклатурных теневиков и номенклатурных воров, которые в терминах обыденного языка можно назвать мафиозными. Логически различных форм мафиозных структур может быть (если следовать схеме рис. 1) достаточно много. Их имеет смысл анализировать эмпирически, опираясь на приведенные ранее классификации.

Специфика перестройки в терминах схемы отношений административного рынка

Можно сказать, что на начало перестройки структура экономического пространства отличалась простотой и логичностью. Она была основана на перераспределении государственных ресурсов номенклатурными, гражданскими, теневыми и криминальными методами. Естественные ограничения на использование государственных ресурсов (их исчерпание, в частности) привели к напряжениям в структуре экономического пространства.

В то же время политическая либерализация и объявленные экономические вольности дали начало легализации форм и видов экономической деятельности, которые до этого существовали как латентные. Прежде всего речь идет о деятельностях, формально организованных так, как это было представлено на рис. 2 – 7.

Перед началом перестройки были институализированы в общественном мнении как базовые типы (первые лица, простые граждане, цеховики, воры и другие, описанные в матрице рис. 1), так и соответствующие типам уровни и формы деятельности. Легализация предшествовала началу трансформации советского варианта административного рынка в постсоциалистическое экономическое пространство, т.е. собственно перестройке.

Естественно, направления трансформации и общая структура постсоциалистического экономического пространства в своих структурообразующих характеристиках определились описанными выше локальными измерениями этого рынка. Перечислим их еще раз, но уже как реалии, отношения между которыми определяют структуру постперестроечного экономического пространства. Это – номенклатурно-гражданское, номенклатурно-теневое, номенклатурно-криминальное, гражданско-теневое, криминально-гражданское и криминально-теневое измерения.

Постперестроечная форма административного рынка

Новое пространство экономической деятельности было образовано отношениями между локальными измерениями пространства советского административного рынка. В логике схемы это выглядит следующим образом: каждое названное измерение при формировании нового экономического пространства "раздваивается" на уровень организации и форму деятельности, отношения между которыми образуют структуру, аналогичную по логике матрице рис.1, но более богатую функциональными местами.

Содержательно это означает, что рассмотренные выше измерения советского административного рынка развертываются в отношениях между собой в новое пространство с новыми функциональными местами, которые заполняются новыми для административного рынка людьми, до этого – на это надо обратить особое внимание – включенными в административный рынок преимущественно как блатные и связанные с ними типы, симметричные относительно диагонали матрицы рис. 1. Трансформация измерений советского административного рынка в уровни организации и формы деятельности нового политэкономического пространства, возникновение новых функциональных мест и заполнение этих мест (т.е. уравнивание статусов блатных и сопряженных с ними типов и распределение их по новым функциональным местам в пространстве, сформированном измерениями распавшейся структуры) составляют – если исходить из развиваемой логики – политэкономическое содержание перестройки и постперестроечной экономической активности.

С началом перестройки диагональные типы (первые лица, простые граждане, цеховики и воры), которые были базовыми элементами пространства советского административного рынка, оказались в ситуации, когда их статусы и административные валюты начали терять прежнее значение. Многие представители этих типов политизировались, составив существенную часть тех политиков и государственных деятелей, которые выступали с конца 80-х годов и по сегодня за воссоздание административного рынка в его партийно-советском варианте. Это касается не только первых лиц и простых граждан, но также цеховиков и воров, которым в новой экономической реальности места уже нет.

В то же время различия в статусах номенклатурных граждан, чиновников и номенклатурно-гражданских блатных, например, потеряли свое значение. Представители этих типов (как и всех других в отношениях, рассмотренных при описании схем рис. 1 – 7) после фактической ликвидации института номенклатуры оказались примерно в одном положении и образовали некое единое измерение пространства. Новые измерения в отношениях между собой формируют уровни организации и формы деятельности нового пространства.

Можно сказать, что в результате распада советского варианта административного рынка сформировались две реальности. Одна из них чисто политическая (бывшие первые лица, простые граждане, це-

ховики и воры), идеологически ориентированная на восстановление привычного для советского административного пространства торга, в то время как другую можно назвать переходной между административно-рыночной и собственно рыночной.

Рассмотрим – как модельный пример – формирование одного из фрагментов этого нового пространства в отношениях между номенклатурно-гражданским, гражданско-теневым и криминально-теневым измерениями. Каждое из этих измерений "раздваивается" на уровень деятельности и соответствующую форму деятельности. Номенклатурная приватизация (как форма деятельности) соответствует номенклатурно-гражданскому уровню деятельности, институализация личной собственности (наворованной при советском административном рынке) соответствует гражданско-теневому уровню деятельности, профессиональное воровство и бандитизм соответствуют криминально-теневому уровню деятельности. Логика отношений, приводящая к формированию нового рыночного пространства, представлена на графе 1 и рис. 8, соответствующим фрагменту матриц рис. 1 и 8, связывая их в одной генетической схеме. Граф 1 и матрица рис. 8 изоморфны в том смысле, что представляют две проекции одной структуры.

Рис. 8

Фрагмент структуры постперестроечного экономического пространства, возникший в отношениях между номенклатурно-гражданскими, гражданско-теневыми и криминально-теневыми уровнями и формами деятельности.

формы деятельности уровни деятельности	номенклатурно-гражданская (номенклатурная приватизация)	гражданско-теневая (институализация личной собственности)	криминально-теневая (профессиональное воровство)
номенклатурно-гражданский	новые первые лица	новые первые лица – руководители частных компаний	криминализованные чиновники новой власти
гражданско-теневой	владельцы предприятий, образованных при номенклатурной приватизации теневого капитала	владельцы предприятий, образованных при легализации цехового капитала	руководители служб безопасности частных предприятий
криминально-теневой	владельцы легальных предприятий, предназначенных для удовлетворения нелегитимных потребностей	руководители коммерциализированных криминальных организаций	руководители группировок

При этом отношения между одноименными уровнями и формами деятельности (диагональные элементы) отождествляются с базовыми элементами нового пространства. Это новые первые лица (в отличие от первых лиц советского административного рынка, новые первые лица обладают правом подписи под документами о разгосударствлении собственности), легализованные теневики-цеховики (т.е. люди, ранее активные в теневых отношениях административного рынка и сумевшие придать своей экономической активности гражданско-приемлемые формы) и руководители группировок типа Солнцевской (пересечение кри-

минально-теневого уровня и формы деятельности, результат взаимодействия криминализованных теневиков и рэкетиров, когда организационно сопрягаются интересы производителей нелегитимных услуг и товаров и их "охранников").

Собственно новые элементы этого фрагмента пространства возникают в отношениях между номенклатурно-гражданским, гражданско-теневым и криминально-теневым измерениями старого административного рынка, ставших уровнями организации и формами деятельности нового пространства. Так, пересечение криминального-теневого уровня и гражданско-теневой формы деятельности отождествляется с руководителями коммерциализированных криминальных организаций, рэкетирами нового поколения, берущими на себя охрану некоторых видов бизнеса (такими, как ныне покойный О. Квантришвили, автор термина организованная спортивность, руководитель "Ассоциации XXI век"). В то же время пересечение гражданско-теневого уровня и криминально-теневой формы деятельности отождествляется с руководителями служб безопасности частных предприятий, ориентированных на оказание соответствующих услуг тем, кто за них может платить. Это, как правило, бывшие сотрудники правоохранительных органов, афганцы, спецназовцы, имевшие контакты с силовыми структурами по роду деятельности, в соответствующий момент ушедшие в запас или в отставку и продолжающие заниматься привычным делом.

Руководители коммерциализированных криминальных организаций и руководители служб безопасности частных предприятий представляют симметричные относительно диагонали типы и в какой-то мере взаимодополнительны, конкурируя между собой в сфере организованного и ситуативного рэкета и борьбы с ним.

Номенклатурная приватизация на гражданско-теневом уровне деятельности проявляется в формировании типа владельцы предприятий, образованных при номенклатурной приватизации теневого (цехового) капитала. Институализация личной собственности на номенклатурно-гражданском уровне проявляется в формировании типа новые первые лица – руководители частных компаний и предприятий. Профессиональное воровство на номенклатурно-гражданском уровне приводит к формированию типа криминализованные чиновники новой власти. Номенклатурная приватизация на криминально-теневом уровне порождает тип владельцев легальных предприятий, предназначенных для удовлетворения нелегитимных потребностей (казино, публичные дома, торговые точки оружием, наркотиками и пр.). Публикации в средствах массовой информации дают достаточно оснований для персонификации этих типов.

Полная (в рамках выведенных из логики рис. 1 отношений) структура постперестроечного пространства экономической деятельности представлена на рис. 9, где шесть вышеназванных измерений доперестроечного экономического пространства образуют матрицу.

На строки матрицы, кроме названий уровней деятельности, вынесены сокращенные графы соответствующих им измерений, а на столбцы – наименования соответствующих видов деятельности, как и в матрице рис. 8.

Рис. 9. ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

фармы деятельности уровни деятельности	номенклатурно-гражданская (номенклатурная приватизация)	номенклатурно-теневая (теневая приватизация)	номенклатурно-криминальная (криминальная приватизация)	гражданско-теневая (институализация личной собственности)	гражданско-криминольная (бытовое воровство)	криминально-теневая (профессиональное воровство)
номенклатурно-гражданский (первые лица, чиновники, номенклатурные граждане, простые граждане)	***новые первые лица***	бывшие первые лица, ставшие руководителями фондов, СП, акционерных банков	функционеры, распределяющие госкредиты, лицензии и льготы	новые первые лица – руководители частных компаний	ворующие руководители государственных предприятий	криминализованные чиновники новой власти
номенклатурно- теневой (первые лица, теневая номенклатура, номенклатурные теневики, цеховики)	владельцы крупных банков, образованных легальным госкапиталом и цеховым капиталом	***руководители-распорядители акционерных банков и других предприятий, образованных полулегальным (в том числе партийным) госкапиталом и цеховым капиталом***	руководители компаний и других предприятий, образованных при разгосударствлении отраслей ВПК и силовых структур с участием теневого капитала	владельцы компаний и предприятий, образованных приватизированным госкапиталом и цеховым капиталом	ворующие руководители теневых приватизированных предприятий	криминализованные руководители коммерциализированных государственных предприятий и организаций
номенклатурна криминальный (первые лица, криминализованные чиновники, номенклатурные воры, воры)	владельцы компаний, создонных с участием легального госкапитала СССР и криминального капитала	руководители-распорядители компаний, созданных при теневой приватизации госкапитала и криминального капитала	***руководители компаний и других организаций, созданных для "отмывания" внебюджетных средств СССР***	владельцы организаций, созданных приватизированным госкапиталом и криминальным капиталом	варующие руководители криминально-приватизированных предприятий	рукаводители частных охранных предприятий
гражданско-теневой (простые граждане, люди со связями, частники, цеховики)	владельцы предприятий, образованных при номенклатурной приватизации теневого капитала	руководители-распорядители предприятий и организаций, образованных при теневой приватизации цехового капитала	руководители-распорядители компаний, ЧИФ и других пирамидальных организаций	***владельцы предприятий, образованных при легализации цехового капитала***	ворующие руковадители предприятий, образованных при раскрадывании цехового капитала	руководители служб безопасности частных предприятий
криминально-гражданский (простые граждане, криминализованные граждане, бытовые воры, воры)	владельцы компаний и финансовых организаций, созданных при номенклатурной приватизации личной собственности	руководители-распорядители компаний и финансовых организаций, созданных при теневой приватизации личной собственности	руководители-распорядители компаний и других организаций, созданных при номенклатурна-криминальном перераспределении личной собственности	владельцы компаний, созданных при криминальном перераспределении личной собственности	***ворующие руководители частных предприятий***	руководители частных военизированных организаций
криминально-теневой (цеховики, криминализованные теневики, рэкетиры, воры)	владельцы легальных предприятий и организаций, предназначенных для удовлет. нелегитимных потребностей	руководители-распорядители полулегальных предприятий и организаций, предназначенных для удовлетворения нелегитимных потребностей	руководители-распорядители нелегальных предприятий и организаций, предназначенных для удовлетворения нелегитимных потребностей	руководители коммерциализированных криминальных организаций	руководители локальных криминальных организаций – банд	***руководители группировок***

Рассмотрим сначала диагональные элементы рис. 9 (кроме новых первых лиц, владельцев предприятий, образованных при легализации цехового капитала, и руководителей группировок), которые отождествлены ранее при описании матрицы рис. 8. Диагональные элементы матрицы рис. 9 (т.е. типы, у которых уровни деятельности одноименны с формами деятельности) выделены аналогично тому, как это было сделано при описании доперестроечной структуры административного рынка.

Пересечение номенклатурно-теневой формы и соответствующего уровня деятельности отождествляется с типом руководители-распорядители акционерных (колхозных) банков и других предприятий, образованных полулегальным (в том числе партийным) капиталом при слиянии с цеховым капиталом. К этому типу можно отнести руководителей многих крупных коммерческих банков (таких, как "Менатеп").

Криминальная приватизация на номенклатурно-криминальном уровне приводит к формированию типа руководители компаний и других организаций, созданных для отмывания государственных внебюджетных средств СССР. Носителем типологических свойств этого рода можно считать А. Тарасова – руководителя концерна "Исток", известного участием в государственных аферах с чеками "Урожай-90" и экспортом энергоносителей и редкоземельных элементов.

Бытовое воровство на криминально-гражданском уровне приводит к формированию типа ворующие руководители частных предприятий, т.е. люди, воспроизводящие в новых условиях присвоенческие стереотипы советского административного рынка. Дальнейшее описание типологического наполнения матрицы строится как объективация форм деятельности на различных уровнях деятельности.

Номенклатурная приватизация (номенклатурно-гражданская форма деятельности)

Типы в первом столбце матрицы объединены общей формой деятельности – номенклатурной приватизацией, но различаются по уровню деятельности, т.е. по форме разгосударствляемой собственности. Новые первые лица, как уже говорилось, визируют документы о разгосударствлении собственности, удостоверяя ее государственную легитимность. Владельцы крупных банков и других предприятий, образованных при номенклатурной приватизации легального государственного и легализованного крупного цехового капиталов, являются непременным элементом постсоветской элиты. Под крупным цеховым капиталом понимаются активы, сконцентрированные в советское время в тех теневых производствах, которые непосредственно контролировались первыми лицами советского административного рынка.

Номенклатурная приватизация криминализованного советского капитала привела к формированию соответствующей группы "новых русских" – владельцев компаний, в которых консолидирован номенклатурно-приватизированный, криминальный по происхождению капитал, контролировавшийся ранее первыми лицами.

Номенклатурная приватизация мелкого цехового капитала (т.е. теневого производства "дефицита", осуществляемого простыми гражданами в доле с цеховиками) привела к формированию группы владельцев предприятий, образованных при номенклатурной приватизации теневого (мелкого цехового) капитала.

Номенклатурная приватизация лично наворованной собственности (т.е. активов, накопленных в отношениях между простыми гражданами, криминализованными гражданами, бытовыми ворами и ворами) привела к появлению соответствующей группы деятелей постсоветского административного рынка – владельцев компаний и финансовых организаций, созданных при номенклатурной приватизации личной собственности.

Номенклатурная приватизация криминальных активов (созданных в отношениях между цеховиками, криминализованными теневиками, рэкетирами и ворами при организации удовлетворения нелегитимных потребностей) породила группу владельцев легальных предприятий и организаций, предназначенных для удовлетворения нелегитимных потребностей (казино, публичных домов, ночных клубов и пр.).

Теневая приватизация (номенклатурно-теневая форма деятельности)

Рассмотрим теперь теневую приватизацию как номенклатурно-теневую форму деятельности, а ее результаты как типы второго столбца матрицы (рис. 9.) В отличие от номенклатурных, теневые приватизаторы не оформлены как владельцы предприятий. Они выступают распорядителями собственности: президентами, председателями или членами советов директоров, возглавляющими коллегиальные органы управления разгосударствленной собственностью.

В ходе теневой приватизации легального государственного капитала возникла группа распорядителей собственности, состоящая из бывших первых лиц, ставших руководителями крупных фондов, совместных предприятий, акционерных банков и пр. Так, бывший глава кабинета министров СССР Н. Рыжков стал председателем правления Тверьуниверсалбанка, а бывший руководитель Госплана СССР С. Щербаков – руководителем фонда Интерприватизация.

При теневой приватизации государственного капитала, осуществленной с участием теневого (цехового) капитала, сформировалась группа руководителей-распорядителей собственности, состоящая, в частности, из бывших номенклатурных теневиков, их помощников и т.д., ставших первыми лицами в коммерческих банках и других предприятиях (таких, как "Менатеп" и "Российский кредит").

Теневая приватизация криминализованного капитала (сформированного в отношениях между первыми лицами, ворами, криминализованными чиновниками и номенклатурными ворами) привела к формированию соответствующей группы руководителей-распорядителей собственности.

При теневой приватизации личных капиталов, накопленных в отношениях между простыми гражданами, цеховиками, людьми со связями и частниками, сформировалась группа руководителей-распорядителей соответствующего цехового капитала.

При теневой приватизации наворованных активов (сформированных в отношениях между простыми гражданами, ворами, бытовыми ворами и криминализованными гражданами) возникла соответствующая группа руководителей-распорядителей собственности.

И наконец, теневая приватизация криминально-теневых капиталов (сформированных в отношениях между цеховиками, ворами, рэкетирами и криминализованными теневиками) привела к формированию группы руководителей-распорядителей собственности, используемой для удовлетворения нелегитимных потребностей.

Криминальная приватизация (номенклатурно-криминальная форма деятельности)

Криминальная приватизация (то есть стереотипы поведения, выработанные в отношениях между первыми лицами, ворами, криминализованными чиновниками, номенклатурными ворами и транслируемые в постперестроечное экономическое пространство) на номенклатурно-гражданском уровне привела к формированию группы государственно-политических функционеров, контролирующих распределение государственных льгот, кредитов, экспортно-импортных лицензий и пр. При криминальной приватизации номенклатурно-теневых активов сформировался тип руководителей предприятий и организаций, формально относящихся к ранее режимным отраслям народного хозяйства и силовым структурам, не подлежащим разгосударствлению, но фактически ставшим собственностью распорядителей.

При криминальной приватизации номенклатурно-криминальных активов сформировался тип руководителей предприятий и других организаций, созданных для "отмывания" разного рода внебюджетных средств бывшего СССР (денег партии, внебюджетных активов спецслужб и силовых министерств, и т.п.). Возник тип руководителей соответствующих предприятий, которые были созданы для реализации избытков военной техники. После распада СССР такого рода предприятия постепенно коммерциализовались и превратились в заметный элемент постперестроечного административного рынка.

При криминальной приватизации гражданско-теневого капитала (т.е. активов, накопленных в отношениях между простыми гражданами, цеховиками, людьми со связями, частниками) возник тип руководителей-распорядителей акционерных компаний, чековых инвестиционных фондов и других пирамидальных структур (таких, как МММ). Собственно деятельность МММ можно назвать образцом криминальной приватизации на гражданско-теневом уровне.

При криминальной приватизации криминально-гражданских активов (сформированных в отношениях между простыми гражданами, криминализованными гражданами, бытовыми ворами и ворами) возник

тип руководителей-распорядителей предприятий, перекравших и легализовавших ранее краденое имущество, деньги и основные фонды.

Криминальная приватизация криминально-теневых активов привела к формированию типа руководителей-распорядителей нелегальных предприятий и организаций, предназначенных для удовлетворения нелегитимных потребностей.

Институализация личной собственности (гражданско-теневая форма деятельности)

Гражданско-теневые отношения (между простыми гражданами, людьми со связями, частниками и цеховиками) были ориентированы на удовлетворение потребностей в "дефиците". Соответствующие стереотипы деятельности воспроизводятся в постперестроечном административном рынке на всех уровнях его организации.

Институализация личной собственности на номенклатурно-гражданском уровне привела к формированию типа новых первых лиц, являющихся в то же время владельцами частных компаний. Та собственность, которой номенклатурно-гражданский деятель распоряжался как госслужащий, в ходе институализации личной собственности стала и формально принадлежать ему. Например, большая часть фермерских хозяйств образована на основе отделений колхозов и совхозов, руководящие специалисты которых стали реальными владельцами.

Институализация личной собственности на номенклатурно-теневом уровне (т.е. активов, сформированных в отношениях между первыми лицами, теневой номенклатурой, номенклатурными теневиками и цеховиками) привела к формированию типа владельцев компаний и предприятий, образованных на основе номенклатурно-теневой собственности. Ранее аморфные отношения собственности в весьма конфликтном процессе их перераспределения оформились в частную собственность одного человека, чаще всего бывшего первого лица, реже – бывшего цеховика.

Институализация личной собственности на номенклатурно-криминальном уровне привела к формированию типа владельцев номенклатурно-криминального капитала, частной собственности, сформированной в отношениях между первыми лицами, криминализованными чиновниками, номенклатурными ворами и ворами (т.е. наворованной у государства при советской власти группами, включающими первых лиц и профессиональных воров).

Институализация личной собственности на криминально-гражданском уровне (то есть легализация краденого у граждан имущества) привела к формированию типа владельцев частных, чаще всего легальных предприятий, в основе которых лежит ранее краденая личная собственность других людей.

Институализация личной собственности на криминально-теневом уровне привела к формированию типа владельцев частных нелегальных предприятий, специализирующихся на удовлетворении нелегитимных потребностей и оказании специальных услуг (таких, как вооруженная

охрана и выбивание долгов), в основе которых лежит собственность, сформированная в отношениях между цеховиками, рэкетирами, ворами и криминализованными теневиками.

Бытовое воровство (гражданско-криминальная форма деятельности)

Бытовое воровство как форма деятельности было специфично для отношений между простыми гражданами, криминализованными гражданами, бытовыми ворами и ворами. Стереотипы этих отношений успешно воспроизводятся в новых экономических условиях. Ворующие руководители государственных предприятий – как тип – воспроизводят бытовое воровство на номенклатурно-гражданском уровне. На номенклатурно-теневом уровне эти же стереотипы воспроизводят по мелочи ворующие руководители акционерных компаний, банков, фондов. Бытовые воры в ролях руководителей предприятий и организаций, образованных на основе всех форм активов (номенклатурно-криминальном, гражданско-теневом, криминально-гражданском и криминально-теневом), в новом постперестроечном воплощении – непременный атрибут пространства. К бытовым ворам относятся и руководители локальных криминальных организаций – банд, специализирующихся на хищении имущества и денег у прохожих.

Профессиональное воровство (криминально-теневая форма деятельности)

Профессиональное воровство как форма деятельности сформировалось в отношениях между цеховиками, криминализованными теневиками, ворами и рэкетирами и транслируется в новое экономическое пространство.

В частности, на номенклатурно-гражданском уровне профессиональное воровство объективируется в существовании типа государственных чиновников – организаторов весьма распространенного государственного рэкета.

На гражданско-теневом уровне профессиональное воровство оформляется в существование типа криминализованных руководителей коммерциализированных государственных предприятий и организаций.

На номенклатурно-криминальном уровне профессиональное воровство выступает в форме существования типа руководителей частных охранных предприятий как легализованной формы рэкета.

На гражданско-теневом уровне профессиональные воры выступают в обличье руководителей служб безопасности частных предприятий. Их функцией, в частности, является выколачивание долгов.

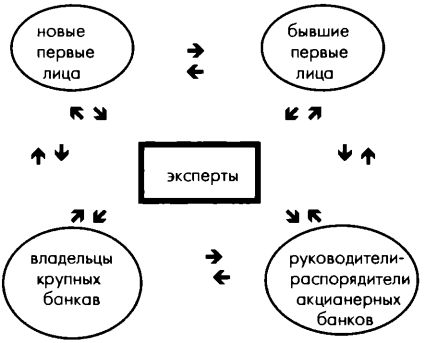
На гражданско-криминальном уровне профессиональное воровство проявляется в существовании типа руководителей частных военизированных организаций, обслуживающих те потребности других агентов административного рынка, которые иначе, как с помощью вооруженной силы, удовлетворить нельзя.

Измерения постперестроечного экономического пространства

Рассмотрим теперь (аналогично тому, как это делалось в первой части работы) фрагменты рис. 9, образованные парами уровней организации и форм деятельности.

Возьмем пару номенклатурно-гражданский и номенклатурно-теневой уровни и соответствующие формы деятельности.

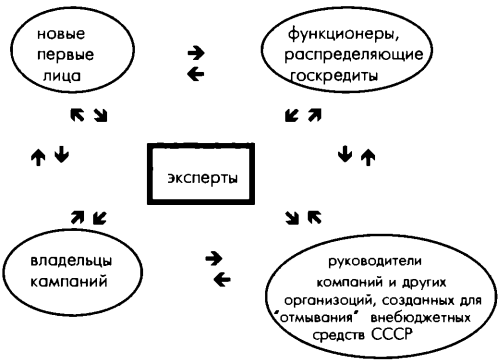
Рис. 10



Типы, объединенные этим фрагментом схемы, заняты разгосударствлением собственности и ее коммерциализацией. Владельцы крупных банков, образованных госкапиталом, представляют интересы отечественных капиталов; бывшие первые лица, ставшие руководителями фондов, компаний и предприятий, в большей степени связаны с внешними инвесторами; руководители-распорядители акционерных банков концентрируют у себя координацию и управление разгосударствленным имуществом. Руководители акционерных банков в своих играх с новыми первыми лицами действуют не непосредственно, а через владельцев банков и руководителей фондов и компаний. При этом вырабатывается сетка связей между базовыми типами, и возникает соответствующее функциональное место (обозначено прямоугольником на пересечении связей), которое занимают новые для системы люди, выполняющие на данном этапе деструкции административного рынка функции экспертов, посредников, участников переговорных процессов, составителей документов и проектов решений. В отличие от блатных, занимавших аналогичные функциональные места в советском варианте административного рынка, эксперты представляют структуру, еще не вполне организационно оформленную, но с большими возможностями в том случае, если деструкция административного рынка приведет к формированию естественных рыночных отношений.

Рассмотрим следующее измерение, образованное соотношениями между номенклатурно-гражданским и номенклатурно-криминальным уровнями организации и формами деятельности.

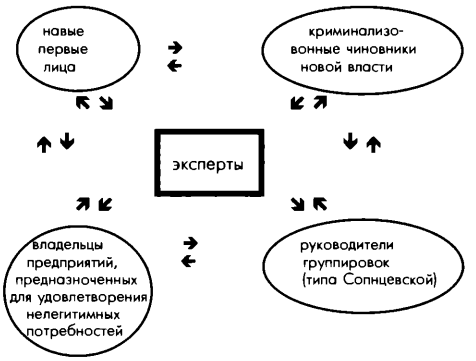
Рис. 11



Отношения в этой структуре строятся, как и в первом случае, на разгосударствлении собственности, но если владельцы и распорядители ресурсов, полученных при номенклатурной и теневой приватизации, стремятся получить контроль за государственными предприятиями, то владельцы и распорядители предприятий с цеховым и личным капиталом скорее озабочены легализацией и приращением уже накопленных в перестроечные времена активов. Точно так же, как и в предыдущем случае, в этой структуре возникает на пересечении связей виртуальное место, которое занимают посредники, эксперты, составители документов.

Из всего многообразия тетрад рассмотрим еще одну, в каком-то смысле полярную тем, которые представлены на предыдущих рисунках. На рис. 12 представлены отношения между номенклатурно-гражданским и криминально-теневым уровнями и формами деятельности.

Рис. 12



В этой системе отношения (административный торг) строятся в основном на приватизации государственной собственности. Элементами

торга являются, с одной стороны, уголовно-правовые санкции, а с другой – лицензии, льготные кредиты, права на аренду госимущества и т.д.

Реальные взаимодействия между агентами постперестроечного административного рынка строятся, конечно, не только в таких тетрадах, схемы которых приведены на рис. 10 – 12. Можно сказать, что пространство матрицы (рис. 9) описывает спектр возможных отношений между агентами административного рынка, в то время как в тетрадах представлены минимально возможные фрагменты постперестроечного административного торга. Фрагментарное описание приводится для того, чтобы представить пути дальнейшей дезинтеграции административного рынка, аналогично тому, как это было сделано при описании структуры советского административно-рыночного пространства.

Описанные и неописанные фрагменты могут стать измерениями постперестроечного административно-рыночного экономического пространства, гораздо более богатого собственно экономическими возможностями и свободного от политической конъюнктуры. Сейчас будущие агенты этого возможного экономического пространства выступают в роли посредников в отношениях между типами, заполняющими экономическое пространство второй генерации. Это "блатные" второго поколения, посредники, авторы законов и постановлений, консультанты и эксперты, которые используют свои статусные возможности включенности в большой дележ государственной собственности для формирования основы своего собственного будущего бизнеса.

Иерархизированность административного рынка

Новые первые лица, как уже подчеркивалось, обладают высшей административной валютой – правом подписи под документами о разгосударствлении собственности. Второй уровень иерархии образуют владельцы банков, образованных легальным госкапиталом и цеховым капиталом, распорядители-руководители акционерных банков и других предприятий, образованных полулегальным капиталом и бывшие первые лица, ставшие руководителями фондов, компаний и предприятий (т.е. те типы, в деятельности которых есть номенклатурно-теневые компоненты).

Следующий уровень иерархии образуют типы, в деятельности которых есть номенклатурно-криминальные компоненты, – владельцы предприятий, образованных при номенклатурной приватизации с участием криминализованного государственного капитала, распорядители компаний, созданных при теневой приватизации криминализованного госкапитала, руководители предприятий и организаций, созданных для "отмывания" внебюджетных госсредств, функционеры, распределяющие госкредиты, лицензии и экспортно-импортные льготы, и руководители предприятий, созданных при криминальной приватизации отраслей ВПК и силовых структур.

Еще ниже в иерархии нового административного рынка расположены типы, в деятельности которых есть гражданско-теневые, крими-

нально-гражданские и криминально-теневые компоненты. Однако эта иерархия не единственно возможная в пространстве административного рынка. Возможна и другая иерархия, в которой высшей административной валютой обладают руководители группировок.

Следующий уровень образуют типы с криминально-гражданскими компонентами деятельности – руководители локальных банд, ворующие руководители частных предприятий и руководители частных военизированных организаций.

Следующий уровень этого представления иерархии образуют типы с гражданско-теневыми компонентами: руководители служб безопасности частных предприятий, ворующие руководители предприятий, образованных при раскрадывании цехового капитала, легализованные цеховики и т.д.

Назовем *разгосударствлением* деятельность по правилам первого представления иерархии, а деятельность по правилам второго представления иерархии назовем *приватизацией*. Естественно, в каждой конкретной деловой операции присутствуют элементы и приватизации, и разгосударствления (т.е. сочетаются легальные и криминальные компоненты). Это демонстрируют схемы (рис. 10 – 12). Дело только в том, какого рода деловые контакты предпочитает представитель типа (так, одни новые первые лица предпочитают иметь дело со старыми первыми лицами и банкирами, сформировавшими свой капитал при номенклатурной приватизации, а другие новые первые лица предпочитают деловое общение с руководителями группировок). И если новым первым лицам криминальность в принципе не свойственна (представители этого типа фактически стали управляющими имуществом, принадлежавшим исчезнувшему государству, но не присвоенным государством новым), то руководители группировок типа Солнцевской (как полярный тип) в принципе не участвуют в разгосударствлении и активны только в приватизации. Между этими двумя полярными типами расположено множество поведений, в которых в разной степени сочетаются криминальные и легальные компоненты.

При разгосударствлении и приватизации на одних и тех же объектах одновременно начинают реализовываться противоречивые нормы двух иерархических представлений административного рынка: уже приватизированные криминальными типами объекты и функции включаются в процесс разгосударствления, в ходе которого контроль за ними должен перейти к легализованным элементам административного рынка. Собственность должна получить собственника, который может быть назван по имени. Однако приватизированная криминализованными типами собственность не может быть поименованной, она может существовать только в анонимном обозначении – как контролируемая Солнцевской, Долгопрудненской и прочей братвой. При попытках легализации криминализованной собственности вполне естественно возникают конфликты, разрешаемые чаще всего с применением силы.

Возможные направления эволюции постперестроечного административного рынка

Специфика постперестроечного административного рынка состоит в том, что он не тождествен государству, как это было ранее. Постперестроечное государство и административный рынок существуют в разных социальных пространствах. В государстве, в ветвях его власти доминируют первые лица, простые граждане, цеховики и воры, выброшенные силой обстоятельств из экономической деятельности, но сохранившие какую-то толику административной валюты и менталитет советского административного рынка. Как представляется, произошло распределение типов между ветвями власти. В администрациях федерального и регионального уровней доминируют бывшие первые лица, в структурах исполнительной власти – бывшие цеховики и воры, в то время как в органах представительской власти сосредоточены в основном бывшие простые граждане, ставшие народными депутатами всех уровней. При этом первые лица существуют вне номенклатуры и стремятся восстановить или воспроизвести этот архаичный институт, цеховики лишились контроля за производством (ввиду исчезновения дефицита) и стремятся воспроизвести институт планирования как государственную форму существования дефицита. Воры остались без соответствующих исполнительских иерархий из-за коммерциализации криминального бизнеса и устраивают разборки с привлечением государственных силовых структур, чтобы восстановить свой авторитет. Простые граждане, лучшие представители которых заседают в парламенте, лишившись естественной для них системы льгот и привилегий, стремятся воссоздать ее в новых условиях – первоначально хотя бы для парламентариев, а в предвидимом ими будущем и для всех граждан страны. Отношения в тетраде "бывшие первые лица – бывшие простые граждане – бывшие цеховики – бывшие воры" составляют видимое содержание политической жизни, однако эта видимость реализуется в исполнительской пустоте. Пока что ни одно властное решение, направленное на упорядочение реальности, не дало ожидаемых результатов. Государство в лице деятелей старого административного рынка пытается установить контроль за постперестроечным рынком, тогда как новый административный рынок стремится стать государством сам по себе.

Дальнейшая диверсификация экономического пространства будет, очевидно, определяться направлением развития государства и его отношением к сегодняшнему административному рынку. Если государство будет в целом усиливаться, а его институты будут сохранять преемственность по отношению к социализму, то роль административной валюты будет сохраняться или даже возрастать, а количество ее видов множиться. В конечном счете стремление к сохранению государства и к ревальвации административной валюты приведет к латиноамериканизации власти и к диктату политических и административных амбиций над экономическими интересами и моральными ценностями. Однако латиноамериканизация – не единственный путь развития России и даже не самый вероятный.

Если государство в его сегодняшнем виде будет слабеть, его функции будут постепенно отчуждаться новым административным рынком, который со временем трансформируется в новое государственное устройство. В этом будущем государстве власть перейдет к новым первым лицам, руководителям-распорядителям акционерных банков, руководителям группировок и другим диагональным типам матрицы (рис. 9), а экономическое пространство будет определяться отношениями между сегодня еще не определившимися и не нарастившими необходимого капитала экспертами (аналогами блатных в советском варианте административного рынка) и наддиагональными и поддиагональными типами.

Сегодня отношение государства к наддиагональным и поддиагональным типам существенно различается. Для поддиагональных типов (бывших первых лиц, простых граждан, цеховиков и воров) административная валюта, распределяемая государством, выступает скорее средством, чем целью деятельности, в то время как для наддиагональных типов отношение между собственно экономическими ценностями и административными обратное (по выражению одного бизнесмена, есть люди, делающие политику на деньгах, и есть те, кто делает деньги на политике).

Статусы наддиагональных типов, собственно и дающие им возможность принимать участие в экономической жизни, производны от государства и могут исчезнуть вместе с ним. Поэтому они выступают естественными союзниками государства в его отношениях с поддиагональными типами, владельцами и распорядителями активов. Представители наддиагональных типов рефлектируют ситуацию по-своему и стремятся, опираясь на государство, доступными им способами сохранить структуры, в которых административная валюта превалирует над собственно деньгами, а обладание ею позволяет контролировать активность потенциально рыночных агентов.

Интересы представителей поддиагональных типов направлены скорее не на ревальвацию административной валюты, а на создание условий, при которых их личное богатство не будет зависеть от прихоти власти, государства или институтов, претендующих на властные и сравнимые с государством функции. Представители этих типов ориентированы на разгосударствление экономики и формирование собственно рыночного пространства, а также на формирование некоторых не вполне для них ясных политических начальных условий, необходимых для операций с разгосударствленной и приватизированной собственностью.

Интересы новых собственников практически не представлены в политической структуре и лоббируются посредниками – наддиагональными типами, имеющими, как правило, собственные и политические, и экономические интересы. Можно сказать, что активность наддиагональных типов, конвертирующих административную валюту в собственно экономические активы (и наоборот), может выступать как политическая или быть ее эквивалентом в постперестроечной государственной структуре. Эта активность имеет в основном лоббистский ха-

рактер, однако в системе власти, где экономика еще не отдифференцирована от политики, она приобретает существенную политическую окраску. Уже сложились некоторые стереотипы такого рода посреднической деятельности, при которой наддиагональные типы выступают посредниками и организаторами политических мероприятий. Последний пример – избрание О.Бойко (типологически могущего быть отнесенным к владельцам банков, образованных легальным госкапиталом и теневым капиталом) руководителем партии Демократический выбор России, что можно расценивать как признание лидерами "Демвыбороссов" (функционерами, причастными к распределению госкредитов, льгот и прочих административных благ) своей посреднической роли между бизнесом и политикой.

Политизация российского бизнеса сейчас принимает разные формы, в том числе и стремление к контролю за информационным рынком. В этом деле весьма активны представители криминализованных типов, уже контролирующие местные издания, "желтую" прессу и стремящиеся получить контроль за местными телевизионными каналами (ведь при отсутствии политической среды информационное пространство замещает политическое). Можно сказать, что СМИ выступают сейчас инструментом формирования политической среды и самым мощным легальным инструментом лоббирования.

Кроме политизации (т.е. превращения в посредников между бизнесом и политикой), у представителей наддиагональных типов есть две логические возможности для конвертации своих статусов и сохранения какого-то положения в собственно рыночной экономике.

Одна из этих возможностей – лоббирование – заключается во вложении административной валюты, находящейся в распоряжении наддиагонального типа, в дело, которое организуется типом, симметричным относительно диагонали. В ходе этого происходит легализация и коммерциализация тех наддиагональных типов, в деятельности которых присутствуют криминальный и теневой компоненты.

Другая возможность эволюции наддиагональных типов (в отличие от политизации и лоббирования) – транснационализация или эмиграция в той или иной форме (под эмиграцией понимается конвертация административной валюты в статус в международных организациях) или включение в деятельность межгосударственных (транснациональных) экономических институтов. Подобным образом фактически эмигрировали некоторые представители такого типа, как бывшие первые лица, ставшие руководителями международных фондов и совместных предприятий. Нелегальные экспортеры стратегического сырья и оружия, руководители криминализованных структур включаются в деятельность транснациональных криминализованных институтов, специализирующихся на торговле стратегическим сырьем, оружием, наркотиками и в других видах нелегитимного бизнеса.

Следуя только логике административного рынка, можно выделить два этапа развития собственно экономических отношений и отчуждения их от политических. На первом этапе происходит распад советского

варианта административного рынка (рис. 1) и формирование постперестроечного административного рынка (рис. 9). В результате этого возникают группа политизированных бывших деятелей (оформляющаяся как новое постперестроечное государство) и противопоставленные государству группы новых агентов, в деятельности которых в какой-то степени разделены собственно экономические и политические составляющие.

Деятели постперестроечного экономического пространства, сформированного в основном в результате разгосударствления собственности, пытаются приватизировать и государство, но сами при этом огосударствливаются. Новый административный рынок стремится занять место государства в экономических и политических нишах, оставшихся после распада мирового социалистического сообщества и СССР.

Второй этап трансформации административного рынка может быть связан с распадом как государства (в его сегодняшнем виде), так и системы отношений, изображенной на схеме рис. 9. В результате могут возникнуть новое государство (или государства) и новая многоуровневая структура, уже не являющаяся административным рынком и заполненная типами, генетически связанными с посредниками на административном рынке постперестроечного образца. Будущие новые люди сейчас находятся в узлах связей между деятелями сегодняшнего административного рынка и постепенно переходят к самостоятельному бизнесу, как правило, не связанному с государством (т.е. собственно частному). В деятельности этих людей, если они смогут выжить, не будет политического компонента, специфичного для административного рынка. Уже сегодня они, по большей части, руководствуются чисто рыночными критериями эффективности и личного успеха.

Можно предположить, что конечной стадией деградации социальной основы административного рынка станет социальная структура, образованная отношениями между группами деятелей административного рынка (упорядоченными в матрице рис. 9), группой рантье (бывших госбюджетников), группой владельцев натуральных хозяйств и группами политизированных бывших людей, контролирующих новое государство.

Вместо заключения

Эволюция материальной основы административного рынка уже привела к тому, что практически вся область полуремесленного изготовления вещей, машин и механизмов выпала из материально-денежных потоков. От материальной базы административного рынка остается топливно-сырьевой комплекс, а образованные люди, понимающие и могущие использовать краденые технологии, вытесняются в формирующуюся сферу финансового рынка, где успешно осваивают новейшие (заимствованные) технологии получения дивидендов из символов товаров (денег, акций, векселей и пр.) и изобретают свои.

Отдельные разгосударствленные предприятия перерабатывающей промышленности постепенно включаются в мировые технологические цепочки. При этом отрасли народного хозяйства, к которым они были

ранее приписаны, административно деградируют. Аграрные и машиностроительные "товаропроизводители" из стагнирующих отраслей, у которых нет никаких экономических перспектив, объединяются в политизированные структуры, стремящиеся к восстановлению административного рынка в его доперестроечном варианте.

Если сегодняшние тенденции сохранятся, то в предвидимом будущем Россия превратится в уникальное полигосударственное образование с развитым топливно-сырьевым комплексом, превращенным (транснациональными корпорациями, в частности) в рычаг давления на организации экспортеров третьего мира, с эффективными и агрессивными финансовыми институтами, претендующими на существенную часть мирового финансового рынка, и с примитивным, но быстро развивающимся сельским хозяйством. В ограниченных масштабах будут развиваться перерабатывающие и машиностроительные производства, основанные на высоких технологиях. Большая часть гигантских сельхозпредприятий, заводов и фабрик – символов эпохи "догнать и перегнать" – исчезнут с экономической карты, но останутся на политической.

Главное богатство страны – сырье и образованные люди, имеющие огромный опыт работы на административном рынке, – может (при наиболее благоприятном исходе) конвертироваться в финансовые империи, где деньги будут делать деньги, лишь в минимальной степени загрязняя окружающую среду. А на деньги, как говорится, можно купить все необходимое стране, в том числе и социально-политическую стабильность. Но это только в том случае, если разбогатевшим образованным людям удастся скоординировать свои политические действия и обеспечить начальные условия для самовоспроизведения. В противном случае пространство СНГ за очень короткое время превратится в сырьевой придаток мировой экономики и всемирную свалку отходов, на которой иерархизированные группы нищих соцграждан будут делить отбросы развитых цивилизаций. Однако вероятнее всего промежуточный вариант, при котором развитые финансовые центры будут окружены депрессивными регионами-свалками, контролируемыми миниатюризированными подобиями советского государства с развитым административным рынком постперестроечного образца, что, конечно, не будет способствовать общей социальной стабильности в пространстве Евразии.

Весьма вероятно, что мировому финансовому рынку предстоят существенные потрясения, связанные с появлением на нем "новых русских" с их свободными капиталами, умом, образованием и социализированностью в субкультурах, сформированных необходимостью выживания при социализме и при приватизации государства и его собственности. Уже сейчас, когда в деньги "новых русских" обращено 5 – 10% госсобственности, многие рынки мира почувствовали на себе бесцеремонность бывших физиков и инженеров, ставших банкирами и биржевыми спекулянтами, и пытаются ограничить их активность, создав миф о русской мафии. Можно представить, что произойдет в ближайшие

годы, когда "оденежится" основная часть бывшего "сесеэровского" госкапитала, а социалистические рантье (т.е. бывшие госбюджетники, начавшие по нужде спекуляции с ваучерами, а потом переключившиеся на другие ценные бумаги), набравшись опыта в школе МММ и подобных организаций, начнут операции с бумагами зарубежных институциональных и частных инвесторов. Возникающий сейчас мир транснациональных электронных сетей и взаиморасчетов в них представляет собой наиболее благоприятную среду для процветания не отягощенных традициями отечественных спекулянтов.

Для сегодняшнего состояния административного рынка характерны следующие особенности:

– пространство постперестроечного бизнеса не имеет референтов в политической организации общества и государства, повисло в политической пустоте и потому зависит от политического произвола и случайности;

– географическое пространство, которое контролирует постперестроечный административный рынок, гораздо у́же социального пространства России или СНГ. Административный рынок в новой форме установился в столичных городах и административных центрах, а на социальной периферии сохраняется его доперестроечная форма, деформированная из-за распада института номенклатуры и исчезновения соответствующих норм;

– существующие посткоммунистические идеологемы, реализуемые в политике, – не более чем осколки социалистических мифологем, не имеющие ни социально-структурного, ни экономического обоснования и подкрепления.

Единственное, что скрепляет географическое пространство, административно-рыночный бизнес и политику, – государство. Более того, именно этот административный рынок, эта политика и эта география, собственно, и являются государством. В то же время государство воспринимает себя как самостоятельную реальность и пытается навязывать русскому бизнесу, политикам и региональным руководителям свои правила игры, основанные на аппаратных принципах и ценностях, наследованных во многом от СССР.

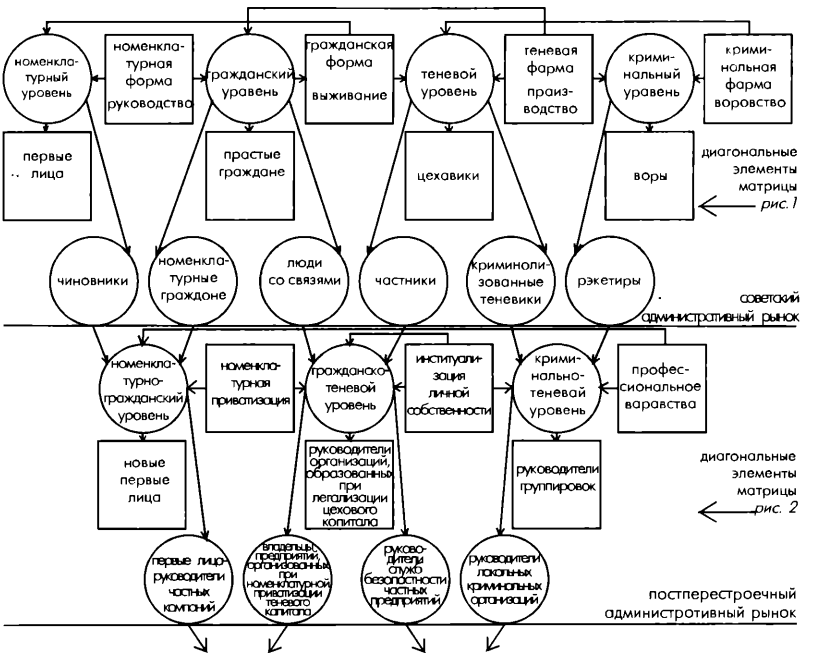
Государство не стремится к модернизации, не создает возможностей для саморазвития социальной стратификации, для легализации бизнеса, для формирования естественной идеологии (как основы политики), ограничивает разворачивание советского географического пространства в нормальное пространство человеческой деятельности.

Государство воспринимается и переживается как ограничение всеми агентами: людьми бизнеса, политиками, региональными властями. Естественная активность агентов направлена на минимизацию вмешательства государства в их дела, что принимает форму борьбы всех со всеми: деятели административного рынка борются с новыми элементами социальной структуры, с политиками; политики борются против нового бизнеса, против изменений в топологии государственного пространства и за воссоздание привычных отношений советского варианта административного рынка.

Проблема в том, что вне этого государства не могут существовать ни административный рынок, ни новые социальные страты, не может быть выработана новая идеология, а географические реалии просто перестанут быть обитаемы. Российское государство самоценно – в нем надо жить и пытаться делать свое дело, несмотря на то, что в нем ни жить, ни делать дело, находясь в здравом уме и трезвой памяти, невозможно.

Приложение

Фрагмент графа эволюции структуры административного рынка



ИНОЕ ИНОЕ ИНОЕ

ФЕНОМЕН РОССИИ В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ СОЦИОЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Э. КУЛЬПИН

В работе делается попытка найти ответ на извечные вопросы «кто мы? откуда мы пришли? куда мы идем?« с позиций социоестественной истории (СЕИ). СЕИ – научная дисциплина на стыке гуманитарных и естественных наук, изучающая взаимосвязи и взаимовлияния процессов, явлений и событий в жизни общества и природы в прошлом и настоящем. В СЕИ цивилизация понимается как жизненный путь суперэтноса. Российская цивилизация – это жизненный путь этносов России (прежде всего славян и тюрков, но не только). Автор пытается вскрыть «генетический код» Российской цивилизации – систему ценностей суперэтноса – в сравнительном анализе систем основных ценностей Европы, Дальнего Востока и России.

© Кульпин Э.С., 1995

Э. КУЛЬПИН

Понятие цивилизации многогранно, поэтому прежде всего необходимо дать определение, соответствующее данной научной дисциплине. Но сначала несколько слов о ней самой. Социоестественная история – СЕИ – часть истории эволюции биосферы. Эволюция биосферы есть функция, аргументами которой являются устойчивость (гомеостатичность в пределе) и изменчивость. Оптимальное сочетание стабильности и изменчивости – пластичность. Цивилизация в СЕИ понимается как процесс развития – жизненный путь суперэтноса, протекающий в одном и том же канале эволюции, границами которого являются представления людей о мире и о себе. Движение в неизменном канале эволюции происходит при относительной социально-экологической стабильности – неизменности состояния природы и общества. Стабильность относительна, так как постепенно идет процесс накопления разрушительных тенденций во взаимоотношениях человека и природы и противоположный ему, защитный процесс повышения уровня сложности самоорганизации систем. Развитие в определенном канале эволюции имеет место до достижения некоторого состояния бифуркации, когда происходит слом берегов канала. Бифуркация – это катастрофа предшествующего пути развития, это комплексный социально-экологический кризис. В этот момент общество переживает исключительное, беспрецедентное для состояния относительной социально-экологической стабильности потрясение – хозяйственное (технологический и экономический кризисы), социальное, политическое и идеологическое. Если такое потрясение переживает не этнос, а суперэтнос, то это – кризис цивилизации. Состояние бифуркации – это также время и процесс выбора нового канала эволюции (направления дальнейшего движения системы). Решение, принимаемое системой "общество – природа", многоаспектно, все его аспекты взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Поскольку активной стороной во взаимодействии общества и природы в цивилизационный период эволюции биосферы Земли является общество, то ядром решения является принятие новой системы ценностей – центра представлений о мире и о себе, стратегии развития не отдельного индивида, но этноса и суперэтноса.

Восприятие новой системы ценностей до сих пор происходило (и происходит) стихийно, неосознанно и осмысливалось в идее Божественного промысла. Переход к сознательно принимаемой стратегии развития является мечтой человечества, которая воплощена ныне в идее ноосферы. Эта идея структурно и функционально до сих пор не оформлена. Также неизвестно, будет ли осуществление мечты благом или злом для людей. Однако это уже предмет особого разговора. Сейчас же мы должны констатировать: для ответа на вопросы "Кто мы? Откуда мы? Куда идем?" необходимо прежде всего знать, какой наша система ценностей была прежде и какие перемены в ней стихийно, с нами, но скрытно от нас происходят.

Нет сомнений, что наша страна находится сейчас в состоянии социально-экологического, т.е. комплексного экономического, технологического, социального, политического и идеологического потрясения.

Однако каковы масштабы явления? Кто его переживает? Этнос или суперэтнос? Является ли наш современный кризис кризисом цивилизации?

Кто мы?

Если мы – Запад, то больших проблем нет. С некоторым отставанием мы пойдем вслед за продвинутыми в развитии странами европейской цивилизации. Рецепты реформ известны, лишь дело техники, как их использовать, и соответственно дело времени: рано или поздно мы обречены стать одной из развитых стран европейской цивилизации. Но это в том случае, если россияне – один из этносов европейского суперэтноса. А если нет?

Тогда наш путь будет иным. Он может быть легким или тяжелым, быстрым или медленным (в данном случае это вопрос второй), главное – он будет иным. Если мы – одна из стран Востока, то спектр возможностей, сроков достижения целей и платы за развитие также в общих чертах известен. Нужно лишь определиться, к какому типу стран Востока принадлежит Россия.

Если же мы не Запад и не Восток, значит, судьба нам уготовила свой, особый путь развития. Отсюда проблема номер один:

что из себя представляют народы, населяющие Россию?

– Часть европейского суперэтноса, где все этносы, в него входящие, развиваются в одном канале эволюции, являются представителями одной цивилизации?

– Часть одного из восточных суперэтносов?

– Народы России принадлежат разным суперэтносам, имеющим свои разные пути развития, являются представителями разных цивилизаций?

– Народы Российской империи (в недавнем прошлом Советского Союза, сейчас – стран СНГ) составляют суперэтнос, отличный от западноевропейского и восточных, развивающийся в своем канале эволюции?

Хотя на первый взгляд кажется, что принадлежность России к Востоку исключается, не будем спешить с выводами. Каждый из вопросов в рамках методологии СЕИ требует специального рассмотрения. Начнем с основных показателей двух главных действующих лиц СЕИ – Человека хозяйствующего и Вмещающего ландшафта, с характера их взаимодействия.

При рассмотрении аргументов, свидетельствующих "за" или "против" того или иного варианта, можно начинать с показаний не "за", а "против", с выяснения тех ограничений, которые дают возможность сразу получить негативный ответ на поставленный вопрос, что позволяет прекратить дальнейшее рассмотрение данного и перейти к следующему вопросу. Прежде всего можно попытаться выяснить следующее: общие ли у нас с Западной Европой границы канала эволюции (представления людей о мире и о себе, одинаково ли мировоззрение) и общий ли у нас вмещающий ландшафт? Ибо если мировоззрение различно, не может быть и речи о едином канале эволюции, общем пути

развития, а, следовательно, об одной цивилизации. Если же вмещающий ландшафт один, то, в соответствии с общими положениями СЕИ, вопрос лишь во времени: в нем рано или поздно, но неизбежно сформируется суперэтнос, развивающийся в рамках одного и того же канала эволюции, следовательно, сразу можно говорить о процессе сложения суперэтноса, о его жизненном пути, т.е. о цивилизации, отличной от других. Поскольку ответить на вопрос о мировоззрении не так легко (не случайно до сих пор "умом Россию не понять"), начнем с более простого – вмещающего ландшафта.

Каждый этнос и суперэтнос в своем развитии занимает часть земной поверхности, как правило, с четко обозначенными природными рубежами: горами или морями (озерами), большими реками, безлюдными пустынями. Особенно наглядно это видно в Западной Европе, достаточно взглянуть не только на Англию, но Францию, Италию, Испанию, Норвегию, где рубежами выступают горы и воды. Однако этносы вовсе не глухо изолированы друг от друга. Не везде труднопреодолимые или вовсе не преодолимые еще в недавнем прошлом природные границы разделяли этносы. Есть места, где таких преград нет. "Дыры" вмещающих ландшафтов имеют разные размеры. Это как бы "форточки", "двери" и "ворота", через которые в ходе истории осуществляются перемещения этносов, их контакты, миграции, слияния и, наконец, великие переселения народов. В процессе исторического развития многие преграды перестают быть таковыми. Так, западноевропейская цивилизация вышла за пределы Европы и распространилась на целые континенты: Северную и Южную Америки, Австралию.

Дореволюционная Россия, как и Советский Союз, размещалась во вмещающем ландшафте с четко обозначенными естественными рубежами на севере – Ледовитый океан, востоке – Тихий океан, юге – Черное море, Кавказские горы, Каспий, пустыни и горы Средней Азии, Алтай, Саяны, наконец, великая река Амур. Лишь на западе нет столь четких рубежей, за исключением Карпат и Балтии. Россия заняла огромный вмещающий ландшафт.

Отличие России от других колониальных империй Европы XIX – начала XX в. в непрерывной протяженности территории. Это жизненное пространство как бы было предназначено для сложения суперэтноса.

Итак, с позиций СЕИ народы, живущие в таком вмещающем ландшафте, как российский, обречены на слияние в суперэтнос. Вопрос лишь, когда, в какое время в огромном "котле" этнической варки создастся не этнос (слишком разные народы его исторически населяют, и слишком огромны его размеры), а суперэтнос с единым хозяйственным пространством, единым языком общения, едиными представлениями людей о мире и о себе. Но, может быть, этот "котел" имеет большие размеры?

Обратившись к физической карте Евразии, мы видим, что между этносами Западной и Восточной Европы нет непреодолимых природных рубежей. Напротив – налицо самые широкие "ворота". Таким образом,

с точки зрения Вмещающего ландшафта в прошлом не было препятствий для формирования единой европейской цивилизации от Атлантики до Тихого океана. Тем более нет их сейчас. Следовательно, Вмещающий ландшафт России не дает возможности сразу получить однозначный ответ о ее цивилизационной принадлежности.

Теперь о границах канала эволюции – представлений людей о мире и о себе. Общие ли они в Западной Европе и России? Казалось бы, у народов Западной и славян Восточной Европы есть общая историческая морально-этическая основа – религия – христианство. Однако из единства религии еще не следует полное совпадение систем ценностей. К тому же в Восточной Европе, не говоря уже об Азии, живут не только славяне, но и тюрки. У двух основных этнических групп России – славян и тюрков – разные религии: христианство и ислам. Обе религии являются мировыми, т.е. отличаются высокой степенью устойчивости, способностью сохранять целые этносы в составе своих приверженцев. Достаточно сказать, что 400-летняя российская государственная политика насильственной христианизации казанских татар – ведущих представителей в истории России тюркских этносов – в целом не дала результата. Но в случае с Россией вовсе не обязательно обращаться к тюркам, чтобы увидеть разницу с Западной Европой. Проведенный нами согласно методологии СЕИ решающий опыт[1] показал существенные различия между христианскими Западом и востоком Европы в одном из главных элементов берегов каналов эволюции: при сравнении систем ценностей мы констатировали несовпадение элементов первостепенной значимости. А мы знаем, что если роль и место даже одного из элементов системы иные, то (в соответствии с общей теорией систем) перед нами уже другая система.

В случае не слишком значительных расхождений возможен относительно легкий переход этноса на близкую систему ценностей. Однако и в таких благоприятных условиях переход может иметь место не всегда, а лишь в определенное время, в момент бифуркации. При глубоких же расхождениях он может не состояться вообще.

Наше общество находится сейчас в состоянии бифуркации, и для нас, как никогда прежде, жизненно важен вопрос, каким будет дальнейший канал эволюции. Не исключено, что Россию ожидает принципиально новый путь развития. Чтобы иметь представление о нем, надо знать традиционную систему ценностей россиян и те изменения, которые она сейчас претерпевает. Пока мы ее не знаем и можем выявить, во-первых, из конкретного социоестественного исторического компаративного анализа, рассмотрев путь России и сравнив его с дорогами Запада и Востока, и, во-вторых, из конкретного социально-психологического обследования процесса современных изменений в представлениях людей о мире и о себе. Первое исследование еще не завершено, второе не начато (для него разработана концепция, но пока не удалось найти денег на проведение дорогостоящего обследования

[1] Кульпин Э. С., Пантин В. И. Решающий опыт М., 1993

(опроса населения). Поэтому все то, о чем здесь пишется, является результатом предыдущих исследований, не позволяющих, к сожалению, дать однозначные ответы на поставленные выше вопросы. Единственное достоинство итогов этих исследований в том, что они дают иной взгляд на старые проблемы и ставят под сомнение некоторые сложившиеся стереотипы.

В любой работе прежде всего нужны единицы измерения и точки отсчета. Чтобы понять место России и россиян в мире, необходимо сначала в общих чертах обозначить этот мир. В данном случае речь должна идти о Евразийском континенте, об этносах и вмещающих их ландшафтах, о мировоззрении Хозяйствующего человека.

На полюсах континента (крайнем Западе и крайнем Востоке) в процессе исторического взаимодействия человека и природы сложились две принципиально разные системы ценностей – основы представлений людей о мире и о себе. Протестантская на Западе – становой хребет современной западной промышленной цивилизации и конфуцианская на Дальнем Востоке – основа феномена цивилизации, отличающейся особенностью, чрезвычайно значимой для СЕИ, – исключительной по длительности социально-экологической стабильностью. В настоящее время последовательно прослежен жизненный путь лишь одной цивилизации – дальневосточной[2]. Поскольку слежение происходило при сравнении Востока с Западом, то в процессе анализа ряда произведений, прежде всего Макса Вебера, удалось реконструировать две целостные системы основных ценностей[3]. Впоследствии был найден индикатор – метод проверки выявленной путем исторического социально-экономического анализа системы ценностей на соответствие ее ведущей технологии, используемой или рожденной именно данной цивилизацией (публикация прошла в обратном порядке с интервалом в три года)[4]. В исследовании был использован принцип дополнительности – основной рабочий инструмент СЕИ.

Казалось бы, расхожим является мнение, что техника и технология вне политики, что воздействие политики и идеологии могут технику и технологию лишь "испортить" (мы наблюдали это в тех случаях, когда техника и технология создавались по приказу). Однако выяснилось, что при естественном процессе формирования техника и технология соответствуют определенной системе ценностей, т.е. в конечном счете идеологии. Более того, многие технологии могут быть созданы только в определенной цивилизации, характеризующейся своей, отличной от других идеологией.

В любой цивилизации есть два главных идеала, которые как бы замыкают круг – систему основных ценностей цивилизации. Один определяет генеральный объект, второй – смысл и цель его существова-

---

[2] Кульпин Э. С. Человек и природа в Китое. М., 1990, и ряд стотей в журналах "Народы Азии и Африки" и "Проблемы Дальнего Востоко".

[3] Кульпин Э. С. Макс Вебер и Китай.– Проблемы Дальнего Востока. 1990, № 3, 5; Кульпин Э. С. Социоестественная история: предмет, метод, концепции. М., 1992 и др.

[4] Кульпин Э. С. Поливное рисоводство как фактор экономического превосходства средневекового Востока нод Западом – Нарады Азии и Африки. 1987, № 6

ния, указывая, на что объект ориентирован. Это – ценность-вектор. Для Европейской цивилизации подобный объект – Личность, вектор – Развитие (обращенность вперед, в будущее); для Дальневосточной – Государство и Стабильность (обращенность назад, в прошлое). На Западе Личность поддерживает триада ценностей второго яруса значимости: Свобода – Равенство – Братство, а ее, в свою очередь, четыре ценности третьего яруса: Труд – Эквивалент (эквивалентный обмен) – Частная собственность – Закон (право). На Дальнем Востоке Государство поддерживается триадой ценностей второго яруса: Мир – Порядок – Традиции, а они – третьим ярусом: Иерархией – Ритуалом – Прошлым (конфуцианским) Знанием.

Основные ценности цивилизаций:

Европейская цивилизация	Дальневосточная цивилизация
Личность	***Государство***
Свобода Равенство Братство	Мир Порядок Традиции
Труд Эквивалент (эквивалентный обмен)	Иерархия
Частная Собственность	Ритуал
Закон (право)	Прошлое конфуцианское Знание
Развитие	***Стабильность***

Основные ценности, разумеется, не исчерпывают весь ценностный компендиум, который довольно велик (психологи, например, относят к ценностям около пятисот понятий) и в целом един для всех: все мы люди, и ничто человеческое нам не чуждо. (К примеру, разве Государство не является весомой ценностью для Европейской цивилизации?) Хотя компендиум систем ценностей разных цивилизаций по большому счету един, значимость каждой отдельно взятой ценности и их отдельных наиболее тесно взаимосвязанных совокупностей в разных цивилизациях различна. В каждой конкретной цивилизации расположение ценностей согласно определенной значимости дает разную их иерархию. В итоге на одном уровне значимости в системах ценностей разных цивилизаций могут находиться не только разные, но и прямо противоположные по смыслу ценности – ценности-оппоненты. Если исходить из основных ценностей, необходимо сделать вывод: представления о мире и о себе людей в Европе и на Дальнем Востоке в известном смысле зазеркальны. Однако делать далеко идущие выводы, исходя только из основных ценностей, было бы некорректно. Каждая ценность взаимосвязана со всеми другими во всем компендиуме и проявляет себя в совокупности взаимосвязей. Каждая система сбалансирована, равновесна, отвечает сущностным потребностям жизни человека в обществе, имеет свою логику, свой рационализм.

Анализ показывает: безоговорочное осуждение востока в Европе как общества рабов, идущее еще от древних греков, является одним из предрассудков Европейской цивилизации, разделяемых даже лучшими ее представителями. Например, анализ трудов Макса Вебера выявил глубокое психологическое противоречие внутри одного человека – противостояние ученого, обязанного быть выше предрассудков, и просто человека, которому последние органически присущи. Вебер-ученый вынужден вести речь о двух рационализмах, т.е. равнопорядковых, равнозначных и равноуважаемых явлениях, но для Вебера не просто человека Европы, но и первооткрывателя Протестантской этики о подобном равенстве не могло быть и речи: европеец у него по всем параметрам выше китайца. Вебер – великий ученый Европы – вплотную подошел к пониманию того, что к Востоку нельзя применять европейские понятия добра и зла: Восток не по ту сторону добра, а по ту сторону европейского добра и зла одновременно. Однако Вебер-обыватель (сочетание ученый-обыватель, вроде бы невозможное, когда речь идет о великом социологе, оказалось реальным) внутренне, психологически не мог принять подобную точку зрения и в конечном счете в напряженной, так и не осознанной им самим внутренней борьбе оказался сильнее Вебера-ученого[5]. Мне кажется, этот прецедент должен постоянно напоминать любому ученому о необходимости видеть и преодолевать в себе "просто человека", которому свойственны все предрассудки своего времени и своей цивилизации.

Хотя каждая система равновесна и рациональна, характер и тип равновесия в случае систем ценностей Запада и Востока различаются весьма существенно. Европейской цивилизации присуще напряженное, неустойчивое, непрерывно меняющееся равновесие между элементами внутри системы. Так, давно замечено внутреннее противоречие между Свободой и Равенством и зафиксировано обусловленное Развитием, непрерывное изменение характера компромисса между Свободой и Равенством. Здесь достаточно обратиться к трудам Алексиса де Токвиля, посвященным развитию американской демократии, и нынешним исследованиям ее противоречий, осуществленным Робертом Далем.

В третьем ярусе Труд (центральная сущность для понимания процессов эволюции биосферы) вошел в систему основных ценностей в истории Европейской цивилизации отнюдь не сразу, но и не с развитием промышленного капитализма, как принято думать, а в XI – XIII вв. Значимость Частной собственности, Эквивалента (эквивалентного обмена) и Закона (права) достигли той весомости, которую они имеют сейчас, лишь с вхождением в систему основных ценностей Труда[6]. Труд же в принципе не может быть самоценностью без Частной собственности, без возможности оценки его результатов путем Эквивалентного обмена,

[5] Кульпин Э. С. Макс Вебер и Китай. – Проблемы Дальнего Востока. 1990, № 3, 5.
[6] Кульпин Э. С., Пантин В. И Две великие распашки в судьбе Западной и Восточной Европы. М., 1993.

защищаемого Законом (развитой юридической системой). В противном случае, как на Востоке, мы будем иметь не Труд, а Служение, когда значимость любой деятельности определяется не сама по себе, а значимостью другой сущности – того, для чего или кого работает человек.

Для традиционного Дальнего Востока мы имеем иную картину, чем для Европы: здесь равновесие между элементами системы ценностей устойчивое, не меняющееся со временем. Здесь нет внутренней напряженности, обусловленной трудной совместимостью элементов системы. Здесь все сбалансировано, сцементировано как бы безоговорочной поддержкой элементов друг друга. Первая ценность (идеал) второго яруса (опоры Государства) – Мир – понимается здесь в трех ипостасях: мир внутри человека – душевно-психологическая ненапряженность, мир между людьми – социальная устойчивость, мир между государством и его окружением – внешнеполитическая стабильность. Мир опирается на Порядок – регламентируемый характер отношений в обществе и между обществом и природой. Порядок опирается на Традиции – рецепты, выработанные прошлыми поколениями. Между Миром, Порядком, Традициями нет внутреннего противоречия.

Триада ценностей второго яруса опирается на столь же устойчивую, непротиворечивую триаду третьего: Иерархию–Ритуал–Прошлое конфуцианское Знание. Чтобы господствовал Мир во всех своих трех ипостасях, необходимо четкое незыблемое распределение всех вещей и явлений жизни людей по их значимости – господство Иерархии. Чтобы идеалы Мир–Порядок–Традиции действовали в обществе как непререкаемые императивы, недостаточно одной Иерархии, желателен автоматизм во всех поступках людей, который достигается неукоснительным выполнением Ритуала. Не случайно традиционное дальневосточное общество – это общество, где ритуал пронизывает все действия людей, вплоть до мельчайших и интимнейших взаимоотношений. Все названные ценности должны иметь единое идеологическое обоснование, и оно есть – это прошлое знание: мудрецы прошлого оставили письменные произведения, в которых содержатся рецепты на все случаи жизни. Если говорить о человеческих взаимоотношениях, то для "совершенномудрого" нет непредвиденных ситуаций, он твердо знает, что ответы на все вопросы можно найти в трудах древних, и находит.

Начиная с ханьской эпохи, когда в Китае окончательно сформировалась традиционная система ценностей, в течение почти всего первого тысячелетия нашей эры складывалась новая технология сельского хозяйства – заливного рисоводства, по природно-климатическим условиям получившая распространение лишь в южной части Китая, Японии, Корее и Юго-Восточной Азии. Эта технология имеет ряд преимуществ перед суходольным земледелием. Страшный бич последней – водная и ветровая эрозии ей не страшны, так как большую часть времени года рисовое поле находится под слоем слабопроточной воды. Не нужны ей и удобрения: самая плодородная часть почвы – мелкозем, который суходольное поле теряет при эрозии, здесь, напротив, не уносится, а при-

носится на поле с водой. В сложном гористом рельефе исторически поля создавались за счет освоения новых участков, поднимающихся вверх по течению рек. Для полива самотеком на поля строились все новые и новые малые плотины. При этом каждая вышерасположенная плотина уменьшала разрушительную и увеличивала созидательную силу воды. Плодородный слой ила на рисовом поле возникает не сразу, но создается в течение 60 – 100 лет, то есть смены 3 – 5 демографических поколений людей, и только после этого дает отдачу в виде гарантированной урожайности, превышающей таковую на суходольных полях в средневековье в несколько раз и немногим отличающейся от современной в развитых странах. Большое число мелких террасированных полей, связанных в единое целое ирригационной системой и начинающих давать отдачу на затраты труда не сразу, но способных затем давать отдачу столетия, – единая хозяйственная система. Она требует неукоснительного и четкого соблюдения технологической дисциплины, внешней защиты, поскольку разрушение на одном участке грозит гибелью всей системы, и наиболее оптимально может существовать не в европейской, а именно в конфуцианской системе ценностей. Ей нужен длительный мир: в душе человека (его труд создает основу жизни и ему самому, и ряду поколений потомков), в семьях, между семьями, между социальными слоями (поля представителей всех социальных слоев расположены вместе, исторически перемешаны между собой), между государствами (иначе враги могут прийти и разрушить благополучие, созданное трудом нескольких поколений). Как сохранить такой мир? Легче всего при действии всей системы основных ценностей дальневосточной цивилизации с ценностью-объектом – Государством и вектором – Стабильностью, с триадами Мир–Порядок–Традиции и Иерархия–Ритуал–Прошлое конфуцианское Знание. Каждый сам может убедиться: любой элемент этой системы ценностей не противостоит, но создает условия для функционирования технологии заливного рисоводства. Последняя не случайно стала господствующей при окончательном утверждении конфуцианской системы ценностей. Как идея и эксперимент, данная технология могла возникнуть и в другом месте, и в иное время, но утвердиться она могла только на Дальнем Востоке в условиях господства конфуцианских представлений людей о мире и о себе. Именно такая система ценностей создавала оптимальные условия для заливного рисоводства, и именно эта высокопроизводительная технология традиционного Дальнего Востока стала мощной опорой конфуцианской системы ценностей.

Понятие о безусловном приоритете европейской культуры перед всеми другими внедряется в наше сознание и подсознание с пеленок, поэтому одно из базовых утверждений СЕИ – нет высших и низших культур, – нуждается в некотором обосновании. Попутно такое обоснование должно показать разницу между представлениями о мире и о себе на Дальнем Востоке и в России. Мне кажется, обоснованием вышеназванного равенства для культуры Дальнего Востока является фундаментальное положение австрийского психолога, основателя психологичес-

кого направления под названием "индивидуальная психология", Альфреда Адлера: конечной целью всех душевных стремлений человека являются уравновешенность, безопасность, приспособление, целостность[7]. Подобной конечной цели отнюдь не отвечает внутренне напряженная система ценностей Европейской цивилизации (она лишь идет к ней), но в значительной степени отвечает Дальневосточная. Не случайно в одной из своих работ я назвал конфуцианскую систему управления, выработанную многовековым поиском, деспотизмом с гуманным лицом.

В Поднебесной подданные государства – не механизм, инструмент исполнения желания его владельца, как в иных деспотиях Востока, не животные, которые живут своей жизнью и которых нужно использовать для работы на хозяина, согласно доктрине европейского абсолютизма (вспомним ришельевское сравнение народа с мулом), а организм, в жизнь которого нельзя грубо вмешиваться, хотя реакции его можно и нужно направлять в желательное русло. Это русло отражает интересы не только элиты общества. Оно является компромиссом интересов всех составляющих общество слоев. Сохранив огромную дистанцию, традиционный Китай в большей степени, чем другие империи Востока, приблизился к идеалу, согласно которому бюрократия должна формироваться в соответствии с принципом меритократии, являться носителем государственного разума, интеллигентности, основным средоточением нравственности, политической и общей культуры общества. В подтверждение приведу несколько установочных положений из философских трактатов эпохи Ранней Хань – времени окончательного формирования дальневосточной системы ценностей.

Ши цзи: "Самый лучший [правитель] следует натуре [людей], не столь хороший привлекает людей выгодой, идущий еще ниже – наставляет людей поучениями, еще похуже – приводит народ к порядку силой, а самый худший – вступает с народом в соперничество [из-за богатств]... Обществу нужны земледельцы, чтобы кормить народ; нужны промысловики, чтобы добывать материалы; нужны ремесленники, чтобы производить разные изделия; нужны торговцы, чтобы распространять полученное. Но разве все это требует указаний и приказов правительства, посылки людей и набора людей на работы и сборов их в определенное время? Ведь каждый человек прилагает свои способности, исчерпывает до конца свои силы, чтобы получить все то, что он пожелает".

Хань шу: "Истинный путь – это дорога, по которой идут и к устроению государства, а человеколюбие, мораль, справедливость, нормы поведения и музыка – все это суть его орудия".

Синь юй: "В пути нет ничего выше недеяния... Недеяние – это и есть деяние".

Хуайнань-цзы: "Всему причастен означает следовать ходу вещей... Дела Поднебесной не нуждаются в управлении – они следуют своей естественности... Когда управление навязчиво, народ охватывает сму-

[7] Адлер А. Индивидуальная психология. – История зарубежной психологии. Тексты. М., 1986.

та... Кто пользуется плетью, не обладает искусством дальней езды", но при всем том: "По отношению к низшим непременно нужны приказы"[8].

Тем не менее оказалось, что приближение "к конечной цели всех душевных стремлений человека" – отнюдь не благо для цивилизации, поскольку такое движение значит чрезмерный крен в сторону гомеостазиса. А эволюция биосферы, как уже говорилось, есть функция, аргументы которой – устойчивость (гомеостатичность в пределе) и изменчивость; их оптимальное сочетание – пластичность. Именно последняя и является гарантом эволюции биосферы. Если система чересчур гомеостатична, если она практически не способна меняться, то при изменении внешних условий, очень часто после тщетности мобилизации всех внутренних потенций, она разрушается либо под ударом извне, либо от внутреннего перенапряжения. Если же потенции изменчивости велики, то такая способность расшатывает систему изнутри, что также ведет к ее саморазрушению. СЕИ Китая является свидетельством, с одной стороны, феноменальной двухтысячелетней социально-экологической стабильности, с другой – последовавшего за ней жесточайшего социально-экологического кризиса (обусловленного демографическим взрывом), начавшегося в XVIII в., продолжающегося до сих пор и, не исключено, могущего стать зарядом динамита, способным взорвать биосферу Земли в XXI в.

Европейская цивилизация, до сих пор избегавшая крупномасштабного социально-экологического кризиса, ныне вплотную подошла к нему и, следовательно, к необходимости серьезной коррекции системы ценностей. До недавнего времени эта цивилизация, развивающаяся по экстенсивному пути, не испытывала серьезных потрясений, вовлекая в хозяйственный оборот все новые и новые природные ресурсы. Хотя проблема исчерпаемости ресурсов Земли стала актуальной уже в прошлом веке после работ Томаса Роберта Мальтуса, надежды на дальнейшее развитие за счет введения в хозяйственный оборот все новых и новых ресурсов не покидали людей. Еще не так давно ресурсов Земли хватало, а быстрое развитие научно-технического прогресса порождало уверенность в возможности вовлечения в будущем ресурсов других планет солнечной системы и за ее пределами.

Психологическим отражением уверенности были мечты, воплощенные в научной фантастике, пожалуй, после детективов самом читаемом жанром литературы XX в. Фантастика – сказки не только для детей, но и для взрослых, отражение их внутренних желаний и надежд. Когда во второй половине нашего века выяснилось, что расчеты на внеземные ресурсы иллюзорны, необходимость кардинальных перемен в системе ценностей Европейской цивилизации – ядре представлений людей этой цивилизации о мире и о себе – стала жизненно необходимой. Отражением понимания этой необходимости стало, с одной стороны, развитие социально-экологического алармизма и экологических движе-

[8] Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М., 1990. С. 41 – 42, 66, 76, 85, 100, 133.

ний, с другой – давление извне, со стороны стран – представителей иных автохтонных земных цивилизаций.

Особо следует отметить, что в поиске представлений об обществе социально-экологической стабильности в условиях ограниченности невозобновляемых природных ресурсов ведущие экологи мира пришли, не подозревая об этом, почти к точному аналогу традиционного китайского общества с его идеологической основой – конфуцианской системой ценностей[9].

Давление на Запад с Юга и Востока, со стороны стран иных цивилизаций наиболее ярко проявилось в нефтяном кризисе 1970-х годов. Столь резкое повышение цен на нефть в принципе стало возможным лишь в условиях осознания исчерпаемости невозобновляемых ресурсов. С точки зрения СЕИ это был вызов главной ценности Европейской цивилизации – Личности. Страны Запада были поставлены перед необходимостью либо снизить уровень и качество жизни большинства населения, оставив имеющиеся энерго- и материалоемкие технологии неизменными, либо экстренно провести технологическую перестройку. Согласие на ухудшения условий существования означало бы падение Личности как главной ценности-объекта, коренную перестройку системы ценностей.

Как известно, на данном этапе противостояние, с одной стороны, значимости природных ресурсов, с другой – значимости Человека закончилось в пользу Личности, благодаря главной способности человека – способности эвристического мышления, повышающей уровень самоорганизации и сопротивляющейся тем самым энтропийным процессам. Однако это была не кардинальная победа, а лишь оттяжка срока принятия кардинального решения. Снижение темпов роста потребления невозобновляемых природных ресурсов за счет новых более энерго- и материалосберегающих технологий, оптимизация процесса принятия решений за счет компьютеризации не означает, что проблема исчерпаемости земных ресурсов снята с повестки дня жизни человечества. Иными словами, состояние очередной глобальной бифуркации в ходе эволюции биосферы Земли по-прежнему сохраняется.

Преодоление глобального кризиса происходит не только в рамках Европейской цивилизации, другие также ищут свои пути. Мы видим этот поиск, например, в Иране с его отходом к исламскому фундаментализму, в традиционных способах решения проблем дефицита ресурсов путем кровопролитных межэтнических столкновений в Африке и Азии (Афганистан, Таджикистан и пр.).

Россия – не только не в стороне глобальных проблем, но по накалу страстей, по внезапно резко убыстрившейся скорости течения процессов, по концентрации мощного эвристического потенциала, возможно, находится в эпицентре событий, в процессе которых решается дальнейший ход истории биосферы Земли, решается нами, но непонятным

[9] Кульпин Э. С. Неразгаданный парадакс: будущее мира в прошлом Китая? – Сюй Дисинь. Экологические проблемы Китая. М., 1990.

нам самим способом. Именно в нашей стране сейчас происходит наиболее глубокая ломка представлений людей о мире и о себе, смена императивов и идеалов. При этом мы знаем лишь одно: процесс идет, но как и куда – неизвестно. Мы не знаем самих себя, и не случайно наше прошлое является таким же непредсказуемым, как и будущее. На вопрос – кто мы? – может дать ответ соотнесение наших ценностей с ценностями Запада и Востока в историческом анализе.

Абстрагируемся на время от того непреложного факта, что Россия – не славянский, а славяно-тюркский суперэтнос, и примем традиционную версию российской историографии о славянской душе России. Что же общего по этой версии в системе ценностей россиян и западноевропейцев? Прежде всего общая идеологическая основа – религия, становой хребет культуры суперэтноса. Из христианства проистекают ценности европейской цивилизации. Но и из других истоков. В том числе более древних. Из древних Египта, Греции, Рима. Мощный стимул к Свободе, Равенству, Братству, Труду (свободному и творческому), Эквиваленту (Эквивалентному обмену), Частной собственности шел из Эллады, к Частной собственности и Закону (праву) – из Рима. В России несомненно влияние христианства, но слабы стимулы, идущие из античности. Поэтому первостепенность Личности (после Бога), постулируемая христианством, оказалась не подкрепленной Свободой, Равенством, Братством и утверждающих их Трудом, Эквивалентом, Частной собственностью, Законом (правом). Процесс становления Личности как ценности в России, связанный с возвышением Труда, Эквивалента, Частной собственности и Права, исходил не из саморазвития общества, а из восприятия извне, из Западной Европы. Отчего так случилось? Ответ в нашей истории.

Первая попытка создания единого хозяйственного, информационного и культурного пространства на большей части вмещающего ландшафта, занятого впоследствии Российской империей и СССР, относится к периоду Золотой Орды. Орда рухнула в период своего расцвета, в начале процесса формирования единой системы ценностей населения вмещающего ландшафта. Феномен Золотой Орды требует специального социоестественного исследования, но пока оно не закончено, можно говорить лишь об аксиоматических и доказанных положениях.

Названное единое пространство в то время только начало складываться, многие народы лишь номинально входили в состав государства, а на самом деле жили вне зависимости от государственной власти, вне какого-либо централизованного идеологического воздействия, вне общей хозяйственной и информационной системы. К примеру, жители лесов Восточной Европы – славяне и финно-угры, образно говоря, даже не заметили существования этого государства.

В Золотой Орде основные этносы, ее населяющие, имели три различные основные технологии хозяйствования: кочевое скотоводство, пашенное и подсечно-огневое земледелие. Три типа Хозяйствующего человека здесь имели разные представления о мире и о себе. Не рассматривая их подробно, отметим некоторые существенные несовпаде-

ния. Скажем, для кочевников земледельческий труд был презренным занятием, а жителям лесов не было нужды в социальной структуре выше большой патриархальной семьи. Не только государство, но даже родо-племенные объединения были для них излишними, как и развитая система социальных отношений и инфраструктура.

Процесс создания единого хозяйственного, информационного, социального и идеологического пространства шел еще до Золотой Орды, во время ее, но мог завершиться лишь при установлении единой для всех основной технологии хозяйствования, в доиндустриальный период развития – землепользования. В тех условиях единственной технологией, обеспечивающей развитие общества, было пашенное земледелие, несмотря на его низкую производительность в средневековье.

Кочевое скотоводство, как и подсечно-огневое земледелие, на определенном этапе развития могут обеспечить много более высокие уровень и качество жизни, однако у этих технологий есть "потолок", определенный типом взаимодействия человека с природой. Людей в степи, поддерживающих традиционный уровень жизни, может быть лишь столько, сколько они могут держать скота – основного источника пищи, а скота могут держать столько, сколько позволяет степь без нарушения ее природного гомеостазиса. В конечном счете все зависит от того, сколько скота может прокормиться на зимних пастбищах. Последние, расположенные, как правило, на крайнем юге Восточно-Европейской равнины, в целом оставались неизменными на протяжении последних пяти тысяч лет. Из чего следует, что в южнорусских степях предельное число кочевников было практически одинаковым, будь то во времена скифов, половцев, Золотой Орды или Крымского ханства. Превышение демографического потолка требовало либо завоевания нового жизненного пространства, либо снижения численности населения путем кровавых междоусобиц. Кочевники включены в биоритмы степи, а степь как любой биоценоз поддерживает свой гомеостазис, елико возможно. Отсюда в системе традиционных ценностей кочевников не может быть Развития.

Подсечно-огневое земледелие имеет аналогичный потолок. Участки леса, на которых можно получать высокие урожаи, ограниченны. Им соответствует определенная численность людей, ведущих лесное хозяйство. Превышение этой численности означает сведение лесов с неуклонным падением урожаев. Выход у возросшего лесного населения один – переход к пашенному земледелию. Такой переход означает не просто изменение технологии земледелия, но основных условий бытия. Лесовик должен стать другим человеком[10].

В целом путь создания российского суперэтноса лежал через становление пашенного земледелия как основной формы хозяйствования и лесных людей, и кочевников. Часть кочевых тюрков еще до Золотой Орды перешла к пашенному и подсечно-огневому земледелию, но до конца не рассталась с кочевым скотоводством. И дело здесь не только в экономической целесообразности (сменные кони нужны были прежде

[10] Подробней об этом см.: Петров В.П. Подсечное земледелие. Киев, 1968.

всего воинам, а значительная часть оседлых тюрков по традиции были профессионалами военными), но и в медленно уходящей в прошлое системе ценностей кочевников. Основная масса кочевников так и не смогла перейти к земледелию, и потому кочевые этносы Российского вмещающего ландшафта были обречены уступить инициативу в формировании суперэтноса оседлым земледельческим. В то же время за три века демографического роста лесных людей на Руси (XIII – XV вв.) основная масса лесных массивов, пригодных к земледелию, была распахана, и лесовик, сведя леса, перешел к пашенному земледелию.

В середине XVI в. Хозяйствующий человек пашенного земледелия стал ведущим в ландшафте Восточной Европы, военным путем подчинив себе кочевника бывшей Золотой Орды. Именно с этого времени этносы вмещающего ландшафта Восточной Европы и северной части Азии вновь объединяются в едином государстве под эгидой уже не татар-тюрок, но славян-русских. Представления московитов о мире и о себе должны были стать ядром системы ценностей россиян.

В XV – XVII вв. Русь находилась в состоянии жестокого социально-экологического кризиса[11]. Потрясение было спровоцировано невозможностью дальнейшей эксплуатации высокопроизводительного подсечно-огневого земледелия и необходимостью перехода к низкопроизводительному пахотному в условиях резкого ухудшения погодных условий, связанных с переходом климата от состояния климатического оптимума VIII – XIII вв. к малому ледниковому периоду, зафиксированному в Западной Европе с XV в. (В сравнении с X в. число неблагоприятных погодных условий – засух, наводнений, мочливых годов, суровых снежных и бесснежных зим, бурь, гроз и, как следствие этого, голодных годов в XV в. возросло в 15 раз.) Особенно сильным социально-экологический кризис был в Замосковном крае – наиболее густонаселенном центре Московского государства. Большая часть общества находилась в шоковом состоянии и не могла самостоятельно решить проблемы сохранения уровня и качества жизни. Как и в Китае в аналогичных обстоятельствах, общество делегировало свои права государству. Государство стало первой по значению ценностью.

Первостепенная значимость государства в Китае также определилась в момент бифуркации – жесточайшего социально-экологического кризиса, кризиса одновременно хозяйства, социума, политики и идеологии. Это произошло за два тысячелетия до российского. И в Китае вывести общество из кризиса могло только централизованное, высокоорганизованное государство, опирающееся на систему ценностей, в которой оно же и занимало главенствующее место. Отметим, что окончательное становление в Китае конфуцианской системы ценностей произошло через тысячу лет после вхождения в социально-экологический кризис, через полтысячелетия после установления единого государства. Является ли этот временной интервал обязательным, или он может быть

[11] Кульпин Э. С. Первый социально-экологический кризис в России. – Генезис кризисов природы и общества в России. Вып. 2. Материалы второй научной конференции "Человек и природа – проблемы социоестественной истории". М., 1994.

более кратким, мы не знаем, но видим, что и в том, и в другом случае преодоление социально-экологического кризиса сопровождалось созданием новой системы ценностей.

Если причины катастрофы были идентичными, то возможности выхода из нее в Китае и России оказались принципиально отличными. Китай не имел возможности экстенсивного расширения, его общество не могло в ходе своего развития вовлекать, использовать все новые природные ресурсы. Россия могла. В Китае вся система ценностей должна была обеспечить бесконфликтное существование общества в четко заданных природных (географических) рамках согласно императиву "здесь и теперь". Россия имела возможность и взяла на вооружение противоположный императив: "не здесь и не теперь". В итоге Стабильность – важнейшая характеристика системы ценностей Дальневосточной цивилизации, высокая степень устойчивости, обеспеченная "пригнанностью" всех элементов системы, не стала обязательной для российской системы ценностей. Не обязательны были элементы "сверхустойчивости" – Мира в его трех ипостасях, Традиций, Прошлого знания. Казалось бы, при таких обстоятельствах с самого начала возникновения российской государственности и сложения суперэтноса над ними как дамоклов меч должна была висеть угроза развала и государства, и суперэтноса, и разрушения системы ценностей, на которых стояли суперэтнос и государство, "разноса" изнутри, а не под воздействием извне, как для обществ Дальневосточной цивилизации.

Однако, и на это, наверное, стоит обратить особое внимание, такая угроза при наличии явственных симптомов ее никогда не реализовалась. Более того, при попытках реализовать ее извне Россия демонстрировала способность защищать себя так, как защищает себя целостный организм, несмотря на наличие социальных противоречий и, что не менее важно, межэтнических. Так было в 1612 г., когда новые демократические устои социальной жизни, идущие с Запада, не просто не были приняты обществом, но самая дискриминируемая и униженная его часть – третье сословие выступило инициатором Сопротивления. Так было в 1812 г., когда попытка Наполеона найти союзника в лице подавленного и сопротивляющегося дискриминации татарского этноса встретила полное равнодушие последнего. Что же давало целостность этому организму, не одно же государство?

Второй по значению ценностью после Государства в системе ценностей россиян стало Экстенсивное Развитие – существование системы за счет непрерывного пополнения энергии извне, поскольку государство, в отличие от общества, в то время могло обеспечить развитие только путем вовлечения в хозяйственный оборот новых ресурсов – природных и человеческих, экстенсивного роста. Третьей ценностью – Служение Государству. Далее – Порядок, утверждаемый государством, и Иерархия, действующая не только внутри государственных служб, но во всем обществе. Для СЕИ ключевыми ценностями являются Труд или же – Служение. Утверждение среди наиболее значимых ценностей

Служения в России требует более подробного исторического рассмотрения, которое позволит проследить "судьбы" и других ценностей.

С точки зрения СЕИ, конкретно Человека Хозяйствующего, русский этнос сложился во второй половине XV – XVI вв. из двух: жителей леса – подсечно-огневых земледельцев и жителей ополий (больших полян) – пашенных земледельцев. Есть основания полагать, что жители леса составляли большинство населения тогдашней Руси. До слияния этносов условия их хозяйствования и отсюда жизни были во многом разными. Жители ополий и раньше имели немного свободы, для людей же леса в недавнем прошлом ценности Свободы и Равенства были реальными, но, надо думать, неосознанными. Ясные лозунги провозглашались другой стороной – государством. Иван Грозный считал всех своих подданных, независимо от происхождения и важности государственной службы, холопами. История свидетельствует: царскими холопами не были согласны быть лишь бояре, народ практически безмолвствовал. После Смуты конца XVI – начала XVII в. крестьяне были окончательно закабалены и, что важнее, признали, согласились, психологически смирились с униженно-подчиненным социальным положением. Именно тогда крестьяне стали звать своего владельца Государем, как раньше именовали его только холопы. Труд не стал ценностью высшего порядка.

В Западной Европе Труд вошел в число основных ценностей в ходе интенсивного наступления на природу и демографического роста во время процесса, названного Марком Блоком Великой распашкой XI – XIII вв. В ходе аналогичной Великой русской распашки XIV – XV вв. так не случилось[12]. При последовавшем за распашкой резком возвышении роли Государства Труд стал Служением, Частная собственность при всевластии государства не стала священной, а Закон не стал "превыше короля". Эквивалент же при низкой значимости Труда и высокой Государства, огромных расстояниях и плохих коммуникациях, в ситуации, когда инфраструктуру поддерживало не общество, но государство, не мог стать ценностью первого порядка.

В то же время и основные ценности Дальнего Востока не стали таковыми в России, поскольку находились в жестком противостоянии с ценностью-вектором – Развитием. Государство, естественно, опиралось на Порядок, но он был санкционирован не обществом – Традициями и Прошлым знанием, а Государством. Прошлого знания, сконцентрированного в книгах древних, постоянно изучаемых и дополняемых, подобных тем, что были в Китае, в России не было, и не случайно. Прошлого знания, годного на все века и случаи жизни, при необходимости Развития (т.е. перемен) в принципе быть не могло.

Значимость Традиций не могла быть столь высокой, как на Дальнем Востоке, где общество находило "рецепты" решения проблем, а государство лишь закрепляло их, делало обязательными. В России го-

[12] Подробнее см.: Кульпин Э. С., Пантин В. И. Решающий опыт. М., 1993.

сударство решало, как жить, а общество соглашалось с решениями с большей или меньшей охотой.

Иерархия не могла быть незыблемой, ведь Государство опиралось не на стабильность, а на вовлечение новых природных и человеческих ресурсов, следовательно, находилось в процессе перемен и могло менять иерархию: возвышать "чужих", принижать "своих". Например, Иван Грозный части недавно побежденных врагов – татарским военачальникам пожаловал поместья и их самих сделал дворянами. (Заметим, что с точки зрения славяно-тюркского суперэтноса, каким и становился в этот момент российский, татары не были чужими. Они были таковыми лишь с точки зрения победителей – русских бояр и дворян.) Старую знать – боярство – сначала де-факто, а затем и де-юре власть принизила, уравняв с дворянством. Наконец, правительство Алексея Тишайшего (второго Романова) грандиозной финансовой аферой – чеканкой не обеспеченных государственным достоянием медных денег – разорило третье сословие, приведшее династию к власти.

До Петра I Ритуал имел огромное значение в государственной и обыденной жизни, когда же он его круто поменял, это не вызвало сколько-нибудь сильного сопротивления общества.

Наконец, Мир в своих трех дальневосточных ипостасях не мог быть высокой ценностью. Не могло быть мира в душе христианина, который жил на этом свете, а отвечать за свои поступки должен был на том. Не могло быть мира внешнего у государства, которое решало свои проблемы за счет экстенсивного пространственного расширения, включения в себя новых земель и народов.

Однако государству и обществу нужен был Социальный Мир, и поиск его "формулы" (формулы социального компромисса, "общественного договора") объективно должен был стать одной из самых важных, если не наиважнейшей государственной проблемой. В условиях господства государства над личностью этот "договор" не обязательно должен быть явным, четко выраженным, юридически оформленным, тем не менее он должен был быть действенным, работающим. Универсальный, так сказать, общий вид "формулы" был таков: "Государство обязано решать проблемы народа – народ обязан служить государству". Практика наделения бояр и дворян поместьями с крестьянами за службу и рождение Российского государства при Иване III – явления, связанные неразрывно. Возникла иерархия служения: крестьяне служат помещикам для того, чтобы те могли служить государству. При Петре I, вводившем в России европейские формы жизни, в частности права, была четко сформулирована идея всеобщности и обязательности Служения. Одна из причин восстания Пугачева заключалась в нарушении "общественного договора", в отмене всеобщности Служения: в освобождении от обязательной службы дворянства при оставлении за крестьянами обязанности служить дворянам.

Во второй половине XVIII в. девальвировалась не только ценность Служения Государству, но и ценность Экстенсивного Развития. Присоединив новые плодородные территории Кубани и Крымского ханства,

Россия, в отличие от прежних приобретений, не смогла интегрировать местный человеческий культурный, трудовой и творческий потенциал: подавляющее большинство адыгов – полмиллиона и значительная часть крымских татар – триста тысяч эмигрировали в Турцию. От добра добра не ищут. Мы хорошо знаем, что такое депортация народов. Но когда происходит подобная акция добровольно, когда оставляют плодороднейшие земли, когда уезжают туда, где рабочих мест – земли для вновь прибывших нет, это свидетельствует о глубоком неблагополучии страны. Для России того времени 800 тысяч человек представляли значительный человеческий потенциал, особенно в условиях замедления темпов роста демографического воспроизводства крепостного населения, которое в первой половине XIX в. вообще перестало расти, а прекращение демографического роста во все времена, кроме нашего, являлось свидетельством глубокого кризиса.

В XIX в. обозначилась исчерпаемость, недостаточность внешних потоков энергии, возникавших за счет экстенсивного роста. Природные богатства новых территорий на Западе (Польша, Финляндия) и на Востоке (Средняя Азия, Кавказ, Закавказье) уже не компенсировали затрат на их вовлечение в хозяйственную жизнь России. Население новых территорий придерживалось иных систем ценностей, обусловленных разными религиями (католичеством, протестантизмом, исламом) и традиционными укладами жизни. Удержание в одной системе разнородных элементов, приведение их к мировоззренческому единообразию требовало растущего напряжения и приводило к безвозвратным материальным и человеческим потерям. Необходимость перехода к иным ценностям становилась все более очевидной.

Освобождение от крепостного права было не только актом ликвидации иерархичности в "формуле": "Государство обязано решать проблемы народа – народ обязан служить государству", но и попыткой "введения" ценностей Свободы и Равенства в состав ценностей высшего порядка. Показательно, что инициатором было не столько общество (не было решительного и мощного давления общества на государство), сколько государство. Заметим, что последнее пыталось ввести ценности и раньше, однако натолкнулось на сопротивление дворянства и не получило требуемой поддержки крестьянства. Факт, что в России до нашего века именно государство было инициатором перемен.

После отмены крепостного права в России начался процесс возвышения ценностей Труда, Эквивалента, Частной собственности и Закона (права). Они не только "вводились" сверху, но и шли снизу. Процесс находил свое выражение в интенсификации живого труда, повышении сложности труда, росте капитала, непрерывном расширении предложения и спроса на рабочую силу, развитии кровеносной системы экономики – транспортной. Гигантские железнодорожные транспортные магистрали связали воедино большую часть мелких локальных рынков страны. Возник единый хозяйственный рынок. Конечно, ему предстояло еще большое развитие, и все же он уже был. Единый рынок, как и резко усилившаяся миграция населения стали материальной основой фун-

кционирования принципа эквивалентного обмена результатами труда отдельных производителей. Наконец, была проведена прогрессивная судебная реформа, и суд (Закон!) стал претендовать на роль второй власти в стране.

По мере утверждения ценностей Труда, Эквивалента, Частной собственности и Закона стала усиливаться значимость Свободы и Равенства. Пошел процесс изменения конкретного содержания этих ценностей, их смысловой наполненности (свобода стала пониматься не традиционно как воля или свобода для себя, а как свобода для всех). Благодаря Институту земства, которому мы обязаны развитием просвещения, здравоохранения, самоуправления – основы демократии, возросла значимость Личности. С начала XX в. начался процесс утверждения демократической законодательной власти – Думы.

Особенность ценностных трансформаций в России XIX – начала XX в. (в отличие от сходных процессов в Западной Европе) заключалась в стремительности и одновременности возрастания сразу многих ценностей. В истории Западной Европы из "резерва" основных ценностей (или, по аналогии с теорией сознания личности В.В.Налимова, из "подвалов") с уровня неосознанных на уровень осознанных отдельные ценности переходили постепенно, в течение десятилетий и даже веков, и так же постепенно, медленно, органично вписывались в систему основных ценностей. В России же к переходу готовилась, по сути дела, не просто группа ценностей, но целостная система, которая не могла органично вписаться в традиционную и постепенно изменить ее, а могла лишь сразу заменить. Даже ценность Развитие должна была измениться и стать из экстенсивной интенсивной.

Антагонизм старой и новой систем не мог быть решен по принципу "и – и", только "или – или". Решался основной вопрос: что должно стать главным для общества в целом – Личность или Государство? Или более конкретно: либо личность должна служить государству, либо государство – личности. Эта борьба не идей – идеологий происходила в неосознанной глубине "сознания" суперэтноса. На поверхности все было иначе.

Дилемма "или – или" разрешалась не в сознании отдельных людей путем "взвешивания" и выбора главных ценностей (и вместе с ними других, поддерживающих их), а в процессе действий, продиктованных индивидуальными, групповыми, социальными интересами. Результирующая действий отдельных людей и больших групп в конечном счете способствовала утверждению новых ценностей. Все большее число россиян, исходя из собственных осознанных и неосознанных реальных интересов, начало отдавать приоритет тем или иным новым ценностям. Однако это не было осознанным актом. Зачастую быстрый ход событий не давал возможности сознательно определить долговременные интересы и вчувствоваться в новые ценности. Реальные интересы подменялись мнимыми, социальное самоотождествление не соответствовало реальному. Об этом хорошо сказал Максимилиан Волошин в поэме "Россия": "До Мартобря (его предвидел Гоголь) в России не было ни буржуа, ни

классового пролетариата: была земля, купцы, да голытьба, чиновники, дворяне, да крестьяне... Да выли ветры, да орал сохой поля доисторический Микула... Один поверил в то, что он буржуй, другой себя сознал, как пролетарий, и началась кровавая игра".

В 1917 – 1921 гг. общество вошло в состояние бифуркации. Поскольку реально шел выбор не одной-двух ценностей в остальном неизменной системы, но той или другой системы, сомнению подверглись все императивы. Возникла ситуация, которую можно назвать моментом нуля ценностей. Для многих не стало, как говорится, ничего святого.

В теории можно представить себе выход из "нуля ценностей" в двух вариантах, когда новая система ценностей состоит из четкого набора взаимосвязанных элементов: либо блока Личности, либо Государства. Жизнь может предложить сборку из ценностей двух систем почти во всех возможных, согласно теории множеств, вариациях в зависимости от стечения случайных обстоятельств, отдельных личностей и даже их поступков. И как только эта, во многом случайная сборка начинает жить, отказаться от нее уже нельзя: обратного движения время не имеет. И все же даже хаос подчиняется закономерностям.

С точки зрения синергетики переход от неупорядоченности к упорядоченности происходит путем "свертки", сжатия системы, отбрасывания тех ее элементов, которые вызывают повышенную напряженность и неустойчивость. "Чем меньше допустимых состояний имеет система, тем более она упорядочена"[13], – пишут И.Пригожин и И.Стенгерс. Уставшее от хаоса общество жаждало Порядка. Порядок восстановился с издержками, бывшими следствиями хаоса.

В ходе революции и Гражданской войны в России произошло падение ценностей блока Личности. Стала мало что стоить ее биологическая основа – сама жизнь. К минимуму свелась роль Частной собственности (лозунг "Грабь награбленное!") и Эквивалента. Труд, который развивающийся капитализм утверждал как ценность высшего порядка, вновь подменился Служением. Оплата его слабо или вовсе не коррелировалась с результатами, определяемыми рынком. Закон стал охранять не человека от государства, а (как в традиционной России) – государство от человека. Официально, но лицемерно провозглашаемые Свобода, Равенство и Братство были мнимыми ценностями в условиях, когда гражданских прав лишались не только отдельные люди, но социальные слои, когда классовое неравенство и классовая борьба стали аксиомой общественных отношений.

В России установилась система, где во главе всего снова стояло Государство, второй ценностью стало Развитие с акцентом на экстенсивное, третьей – Служение. И странное дело, Государство стремилось "качнуть" систему от европейской к традиционной дальневосточной. Иерархичность, утвержденная государством, пронизала многие, если не все структуры общества: от отдельных людей до этносов. Сверху внедрялся Ритуал, в частности, поклонения вождям, обязательный с само-

[13] Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: "Новый диалог человека с природой". М., 1976.

го раннего возраста. В систему ценностей вводилось Прошлое марксистское знание. Никогда в прошлом России человек не был так задавлен Государством, как после Великого октября. Именно в сравнении с ним восточный деспотизм обладает гуманным лицом.

Иными словами, хотим мы того или нет, но попытка стать европейцами, подготовленная реформами 1860 – 1917 гг., протекавшими на протяжении смены жизни почти трех поколений – времени, достаточного для изменения представлений о мире и о себе и становления новой системы ценностей, не состоялась. Случайность ли это или закономерность? Способны ли мы, как суперэтнос, изменить самих себя или все эти попытки бессмысленны?

Проще ответить на вопрос, почему мы не оставляем этих попыток. Ответ, как говорится, лежит на поверхности. Любая система обладает способностью самосохранения, в частности защиты самой себя от внешнего разрушающего воздействия. Не случайно поражение России в Крымской войне середины прошлого века, когда не столько гул обороны Севастополя, сколько слышимая в Петербурге канонада вражеской союзной эскадры, беспрепятственно расположившейся у ворот столицы, ежедневно ставила вопрос о радикальных переменах в головах властей предержащих в России. Ответ мы знаем: стать такими, как Европа. И хотя в понятиях СЕИ ответ четко не формулировался, реально он был таков: принять систему ценностей западноевропейской цивилизации, что для нас, во всяком случае тогда, оказалось невозможным. Мучительная, связанная с жертвами попытка суперэтноса изменить себя закончилась поражением. Ответ после Октября был иным: не принимать систему ценностей Запада, остаться в своей, но усилиться за счет техники и технологии, взять материальную часть западной цивилизации, а не ее идеологию. Результат тот же: грандиозные потери общества и природы, и снова та же проблема на повестке дня.

В данном случае история показала нам самим разыгранную нами же трагедию несовместимости "чужой" технологии с собственными представлениями о мире и о себе (более узко, со своей системой ценностей). Технология в понятиях СЕИ – это "правила игры" человека с природой. "Играет" Человек хозяйствующий со своим Вмещающим ландшафтом, "правила игры" определяются его представлениями о мире и о себе. Представления имеют глубокие исторические корни. Одни технологии прямо связаны с государственным насилием, другие – со свободной личностью. Если технология своя, родная, то применение ее не ведет к столь сильному напряжению, как в том случае, когда она чужая, и издержки (они неизбежны в любом случае) не столь велики. Глубинные причины Чернобыля и многих других современных технологических катастроф в том, что использование их требует другого человека. Этот другой человек отличается развитым чувством значимости Личности, а отсюда высокой индивидуальной ответственностью за свою работу, за свое рабочее место. Это политически свободный и равный с другими человек, идеалом которого является профессионализм, труд для которого является высокой ценностью. Контролирует его не

столько государство, сколько сложившаяся исторически система общественных отношений, в которой важную роль играют институты Частной собственности, Эквивалентного обмена и Права. Во время перестройки мы думали, что мы такие же, как представители западноевропейской цивилизации, что дай нам политическую свободу, и все остальное устроится само собой. Не устроилось.

Очевидно, что традиционная система ценностей россиян не была адекватна таковой ни на Дальнем Востоке, ни в Западной Европе, но сама Россия находилась под сильным влиянием не только Запада, но и Востока. В то же время воздействие более развитых государств и обществ Западной Европы, выводящее систему "Россия" из равновесия, стимулировало процессы качественных изменений во всех сферах общественной жизни, организационные, структурные сдвиги в представлениях людей о мире и о себе. Решающими для России оказались не внутренние, а эти внешние стимулы и кризисная ситуация.

Обращаясь к прошлому, мы видим, что исторический путь народов России и народов Западной Европы (как и народов Востока) во многом схож, но не идентичен. Россия шла своим путем, имела свой (или свои?) канал эволюции. Находясь в системе аксиом, понятий и закономерностей СЕИ, историю народов России нельзя рассматривать как часть общего потока эволюции западноевропейской цивилизации. Тогда, может быть, мы имеем дело с промежуточным вариантом развития: часть российских этносов принадлежит Западу, часть – Востоку?

Разумеется, какие-то пограничные этнические группы в России можно отнести к иным суперэтносам, к разным цивилизациям. Тем не менее ясно, что, исходя из положений социоестественной истории и результатов произведенного нами решающего опыта, великороссов, являющихся итогом длительного исторического процесса слияния славянских, балтских, финно-угорских и тюркских этносов, мы не можем отнести ни к Западу, ни к Востоку. Здесь появляется новый вопрос: великороссы – этнос или суперэтнос? Если считать великороссов синонимом русских, то – этнос. Если считать великороссами всех – русских и не русских, принадлежащих к разным этносам, владеющих (и не владеющих) национальными языками, являющихся (и не являющихся) носителями национальных культуры, традиций, но, что в данном случае главное, живущих в России, выросших в рамках традиционных российских представлений о мире и о себе, функционально грамотных по-русски, то – суперэтнос. История России говорит в пользу большего соответствия реальной жизни второго определения великороссов. Тогда как объяснить процессы, протекающие на наших глазах?

Нынешний раскол Советского Союза высветил и до предела обострил вопрос: жители бывшего Союза – это представители всего лишь отдельных, слабо связанных между собой или даже непримиримо противостоящих друг другу этносов, что возможно только при принадлежности этносов к разным цивилизациям, или единого суперэтноса?

Так называемое русскоязычное население Средней Азии – это не только русские, но украинцы, белорусы, евреи, армяне, грузины, мол-

даване, прибалты, немцы, корейцы и даже тюрки (не относящиеся к коренным народам), крымские, касимовские, казанские, сибирские татары, башкиры, месхетинцы, чуваши, азербайджанцы и тюрки Северного Кавказа. (Также полиэтничны русскоязычные Прибалтики.) Когда русскоязычные мигранты из Средней Азии прибывают в места притяжения (термины "места притяжения" и "выталкивания" используются в понятиях теории миграции), прежде всего в Российскую Федерацию, они сталкиваются с местным административным эгоизмом и бытовым неприятием коренного населения, ослабленными, но подобными тем, которые вынуждают их к переселению в местах выталкивания. Чистокровные русские, прибывающие в РФ из Средней Азии и Закавказья, нередко отчужденно и презрительно именуются в РФ так же, как и другие нерусские. Как рассматривать данное явление?

В истории разных суперэтносов, например, в Европе мы видим не меньший местный эгоизм и неприятие, выражавшиеся на бытовом и политическом уровнях, включая войны, что, однако, не мешало представителям разных народов осознавать себя европейцами, людьми одной системы координат, одних представлений о мире и о себе.

Итак, "свои" или "чужие" для граждан Российской Федерации жители стран СНГ? Если "свои", то Россия может оставаться центром кристаллизации суперэтноса, который будет складываться в данном вмещающем ландшафте, разделяя систему основных ценностей цивилизации, к сожалению, пока остающуюся непознанной, не раскрытой ее представителями. Если "чужие" – должна уступить роль центра другому этносу или группе этносов, которые в будущем сформируют в данном вмещающем ландшафте новый суперэтнос, новую цивилизацию. Такой этнос или группа этносов не обязательно будут из числа тех, кто сейчас населяет СНГ. Достаточно взглянуть на переполненный населением вмещающий ландшафт соседнего Китая. Не исключено, что китайские этносы завтра выплеснутся из своего вмещающего ландшафта и мирным путем заполнят соседний. При этом они принесут с собой иные представления о мире и о себе, иную систему ценностей и продолжат на новом месте развитие своей цивилизации. Итак, этносы, заполняющие вмещающий ландшафт России, "свои" или "чужие"? Какая точка зрения станет преобладающей в России, таков будет и результат. На сегодня для большей части россиян (не исключая и воинствующих шовинистов) представители народов, в прошлом вошедших в состав единого государства – Российской империи, затем Советского Союза, не случайно вошли в нее (него), а если так, то являются "своими" (хотя для шовинистов – "своими" второго сорта).

Если о русскоязычных на окраинах бывшей России и Советского Союза уже можно определенно сказать, что они – представители одного суперэтноса, то как определить потомков исконных жителей этих окраин? Ведь именно в странах СНГ наблюдается четко выраженная тенденция противопоставления представителей коренной национальности всем иным. Вопрос требует специального анализа. В качестве первого шага снова обратимся ко второму главному действующему лицу СЕИ – Вмещающему ландшафту.

Человек хозяйствующий, как уже говорилось, определяется своим мировоззрением – представлениями о мире и о себе. Единство представлений о мире и о себе, общий язык общения и культура могли бы сложиться на базе общей религии. Этого не случилось. Общая основа могла быть только одна – хозяйственная. Чтобы эта основа могла стать таковой, требовался достаточно длительный исторический процесс. Прежде всего во всем вмещающем ландшафте нужно было достигнуть достаточной плотности населения. Последняя определяется не только и не столько численностью, сколько интенсивностью связей между людьми, живущими в разных уголках вмещающего ландшафта.

Без необходимой плотности населения вплоть до конца XIX в. не было условий для эффективного обмена (продуктами труда, информацией, генетическим фондом и пр.). Развитие капитализма в России, быстрое строительство гигантских железнодорожных магистралей в конце XIX – начале XX в. обусловили резкое ускорение процесса формирования единого хозяйственного пространства во вмещающем ландшафте, не только экономических, но и самых разнообразных связей между людьми разных территорий и этносов и, как следствие, ускорили процесс сложения единого суперэтноса. Однако при этом речь шла не о начале, а о переломном, возможно, завершающем этапе процесса, о вовлечении в процесс кристаллизации суперэтноса окраин, включенных в состав империи в XIX в. В центре – европейской части России процесс сложения суперэтноса начался много раньше.

Итак, одной предпосылкой сложения суперэтноса является хозяйственная интеграция, другой (как показывает пример США) – не обязательно общая религия, но обязательно общая идеология или (в понятиях СЕИ) – осознанное, четко сформулированное, разделяемое всеми представление о мире и о себе. Необходимость в интегрирующей идеологии стала причиной кризиса России начала века революции, утверждения идеологии марксизма в новом по названию государстве – Советском Союзе. Яростность попытки утверждения новой идеологии и, следовательно, системы ценностей показала острую необходимость в идеологической интегрирующей суперэтноса. С точки зрения СЕИ эта попытка оказалась неудачной прежде всего потому, что в ней был заложен фундаментальный порок: нарушен один из трех основных принципов эволюции биосферы – неантагонистических отношений. Однако была и вторая причина: суперэтнос искал свою самоидентификацию не путем прямого познания самого себя, а ассоциируя себя с другой цивилизацией – западноевропейской. Поскольку же Россия была иной, то готовая одежка Запада оказалась ей не впору. Сейчас делается новая попытка самоидентификации, на этот раз с учетом опыта прошлого (как негативного, так и позитивного). Мы пытаемся учесть теперь этнические особенности народов России (в частности, приходит осознание, что Россия – не русский, не славянский, но славяно-тюркский суперэтнос прежде всего, но не только). Главная проблема сейчас: будет ли эта попытка самоидентификации по-прежнему осуществляться вслепую, с метаниями, или мы четко поставим первый вопрос и выясним: кто мы есть? И тогда мы сможем дать верный ответ и на вопрос, что нам нужно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Об основных понятиях социоестественной истории

Социоестественная история (далее СЕИ) – научная дисциплина на стыке естественных и гуманитарных наук. Она исследует взаимодействие природы и общества. Любая научная дисциплина имеет свою теорию. Под замкнутой теорией я, вслед за Вернером Гейзенбергом, понимаю систему аксиом, определений и законов, с помощью которой может быть правильно и непротиворечиво описана определенная большая область процессов и явлений, имеющая границы и отличительные черты от других областей. Если далее конкретизировать цель СЕИ, то можно сказать, что она состоит в изучении процессов взаимодействия общества, живой и неживой природы. Отличие Земли от других известных нам небесных тел – в наличии биосферы. Последняя и есть та общая сверхсистема, в рамках которой взаимодействуют три названных элемента, каждый из которых является сложной и достаточно автономной системой. Эволюция биосферы Земли – наука, изучающая развитие жизни во всех ее аспектах, а СЕИ изучает один из таких аспектов. Следовательно, СЕИ – часть истории биосферы Земли.

Особенность развития биосферы Земли заключается в том, что в ходе развития живой природы в ней выделился род Homo, создавший автономную систему жизнедеятельности – общество. С течением времени эта система по сложности внутренней организации и силе воздействия на природу поднялась до равенства с той системой, из которой она выросла. Ввиду сложности трех систем (общество, живая и неживая природа) их взаимовоздействие многогранно. Среди всех его видов наиболее важны такие, где имеет место прямая и обратная связи.

Прямая и обратная связи во взаимодействии природы и общества с наибольшей силой и в наибольшем объеме проявляются в процессе хозяйственной деятельности людей. Отсюда ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА СЕИ – ЧЕЛОВЕК ХОЗЯЙСТВУЮЩИЙ и ВМЕЩАЮЩИЙ ЛАНДШАФТ (жизненное пространство хозяйствующего человека). Действия последнего определяются, как я полагаю вслед за С. Н. Булгаковым, не одним экономическим интересом, но его духовной сферой – представлениями о мире и о себе. Реакция природы на воздействие общества, как и общества на воздействие природы, есть реакция сложного живого организма.

Взаимодействие общества и природы осуществляется во времени и пространстве. Определение границ взаимодействия позволяет уточнить, конкретизировать "главные действующие лица", выявить отличия СЕИ от смежных научных дисциплин. Дело в том, что сами по себе процессы в природе и обществе разновременны и разномасштабны, но взаимодействие двух автономных систем в принципе возможно лишь в едином времени и пространстве, а наблюдение взаимодействия – в едином масштабе того и другого.

Проблема: постоянен ли МАСШТАБ ЕДИНОГО ВРЕМЕНИ, или он может изменяться? Ответ очевиден. Для его иллюстрации можно привести общеизвестную аргументацию. Предположим, что одновременно взрываются все (или значительная часть) ядерные заряды на Земле. Время взрыва – секунды, за которые разрушается вся биосфера.

Происходит катастрофа. Вероятно, наступает "ядерная зима". Природа к принятию решения и к осуществлению взрыва непричастна. Ее процессы, а следовательно, и ее время к данному событию не имеют отношения. Оно – дело рук человека. Это человек являлся АКТИВНОЙ СТОРОНОЙ.

Активная сторона взаимодействия во взаимоотношениях природы и общества определяет протяженность и масштаб единого времени.

Человек стал активной стороной взаимодействия лишь в XX в. До того его сила лишь нарастала, и в определенные моменты времени – временного ослабления силы природы – бывало так, что воздействие человека было более сильным, хотя его превосходство было относительным. Воздействие человека на природу можно было уподобить скорее гомеопатии в сравнении с медикаментозным лечением. В целом до XX в. активной стороной взаимодействия была, как правило, природа. Изменения климата, природные катаклизмы больше влияли на жизнь людей, чем жизнедеятельность последних на природу. Солидаризуясь со многими современными историками, которые делят историю людей на два этапа – агротрадиционалистских и урбаносциентистских обществ, я определяю время активного воздействия природы на общество как эпоху агротрадиционалистских обществ, общества на природу – урбаносциентистских.

Если до недавнего времени активной стороной взаимодействия была природа, то отсюда следует, что время взаимодействия определяется минимальными отрезками времени природы. А таковыми являются века. В течение века, в особых случаях за четверть его может произойти глобальное изменение климата, хотя обычно этот процесс занимает большие промежутки времени. Век – ничтожная единица времени для природы. Природные события длятся сотни миллионов, миллионы лет. Даже тысячелетия для природы (речь идет об автономных процессах) – малые отрезки времени, для человека, напротив, максимально большие: это время жизни цивилизаций. Поле – минимальное для одной системы и максимальное для другой: не меньше века, не больше тысячелетий – таков временной интервал взаимодействия двух систем. За пределом тысячелетий нет жизни общества, за пределом столетия нет процессов в природе. События могут происходить и в более краткие промежутки времени, но общепланетарных процессов выявить мы уже не сможем.

С определением совместного пространства дело обстоит проще. Если брать пространство со стороны людей, то оно биологически ограничено: поверхностью земной коры и воды, с одной стороны, и по вертикали не более 4 тыс. м над уровнем моря – с другой. Реальное поле взаимодействия определяется тем, что немцы называют "лебенсраум" – жизненное пространство, т.е. такое, на которое распространяется сфера влияния человека. Последний же может быть представлен индивидом, группой людей, всей совокупностью их. В каменном веке воздействие человека на природу было, как правило, локализировано малой группой людей. Ныне на природу влияет все человечество совокупно. Минимальное жизненное пространство – это пространство индивида, семьи, рода, максимальное – земной шар. Если привести в соответствие пространство и время, то исторически в эпоху агротрадиционалистских обществ полем взаимодействия человека и природы будет жизненное пространство не индивида и не группы, а соответствующее времени

жизни цивилизаций – жизненное пространство этноса и суперэтноса. Так, Западная Европа – жизненное пространство единого суперэтноса. То же мы имеем и для любого другого суперэтноса. Основное жизненное пространство в СЕИ – вмещающий ландшафт суперэтноса.

Теперь нужно определить время действия. До сих пор речь шла в основном об единицах измерения времени, теперь – о протяженности времени. Какое время в истории Планеты – есть время СЕИ? Тут снова нужно обратиться к истории эволюции жизни на Земле.

Известно, что более плавные, более долгие периоды с неизменными условиями жизни биосферы Земли стали постепенно сменяться более краткими. Биосфера – растения, животные и почвы приспосабливались к изменению климата, гидрорежима, и приспособление это шло, если представить его графически, примерно так: по горизонтали – время жизни определенных видов, по вертикали – уровень сложности организации организма. Время от времени происходит резкий подскок на новый, качественно более высокий уровень сложности организации организма – биосферы Земли, а следовательно, и большей части видов ее составляющих. Затем вертикаль переходит в горизонталь (реально не горизонталь, а наклонная с очень малым углом) – до следующего подскока. Периоды неизменной жизни биосферы (и отдельных видов) неизменно сокращаются, подскоки становятся все выше. Как происходит подскок усложнения самоорганизации? За счет генетических изменений. Иного природа не придумала. Но чтобы накопились генетические изменения, нужно для видов высокого уровня самоорганизации длительные отрезки времени, определяемые временем жизни вида и сроком смены поколений. Не случайно излюбленным "материалом" генетиков стали мухи-дрозофилы, смена поколений которых происходит на порядок-два быстрее, чем у людей, и можно получить результаты за месяцы, на которые у людей требуются тысячелетия. (От наших предков – современников Иисуса Христа – нас отделяет всего 80 – 100 поколений.) Последний крупный генетический подскок самоорганизации вид Homo совершил давно: 3 млн. лет тому назад или около того – тогда, когда в три раза увеличилась масса головного мозга. Это был последний случай, когда биологический вид Homo смог кардинально генетически отреагировать на очередной "вызов" со стороны природы – изменения в последней.

После этого события перемены в природе стали происходить еще быстрее, и генетически человек уже не успевал отреагировать на "вызов" природы. Его "ответ" должен был стать иным, а именно: ответ не биологического индивида (вида), но группы, т.е. социальным; не увеличением головного мозга индивида, но объединением интеллектов индивидуумов. Если раньше ответ был связан с увеличением объема информации, перерабатываемым одним человеком, то теперь – многими людьми, с обменом информации; отсюда речь и накопление знаний. Сейчас мы стоим на пороге еще одного нового "ответа", на пороге информационной революции. Первый информационный барьер был преодолен именно тогда, когда человек стал обмениваться сложной информацией (простой обмениваются и животные), когда ему стало уже нецелесообразно изменяться генетически, генетически приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни, он стал приспосабливать условия к себе. Момент, когда реакция человека стала социальной, социально-

информационной, имел место сравнительно недавно, по-видимому, около 40 тыс. лет тому назад.

С того времени, как человек "нарушил" закон природной эволюции, вышел из его "подчинения", нашел путь развития, отличный от пути развития других живых организмов, начинается социоестественная история – история взаимоотношений двух суверенных начал: общества и природы. А когда же заканчивается СЕИ? Вероятно, тогда, когда информация будет перерабатываться уже не столько человеком, сколько вне человека, когда человек уже не сможет вместить, переработать тот объем информации, который способны переработать только машины, объединенные в единый информационный центр Планеты. Чем сложнее система, тем она уязвимей, тем ответственней процесс принятия решений. Рано или поздно, но наступит такой момент, когда часть (возможно, основную) ответственности человек вынужден будет переложить на машины. Каковы же будут роль и место человека в этих процессах? Мы не знаем, но это будет уже иная ситуация.

Хотя существуют определенные споры и разногласия относительно силы воздействия человека на природу в доисторический период (до письменной истории), в целом оно было не столь значительным, чтобы существенно превышать рекреационные возможности природы. В цивилизационный период природа и человек постепенно начинают действовать как бы на равных. С течением времени воздействие человека становится все более сильным и в конечном счете определяющим характер взаимоотношений.

Исходя из центрального временного и смыслового положения исторического (цивилизационного) этапа взаимодействия человека и природы, в котором содержатся два переломных момента отношений, можно сказать, что основным временным срезом социоестественной истории является этап Голоцена – последние его 4 – 6 тыс. лет.

Из вышеприведенных положений вытекает ряд аксиом СЕИ:

– в отличие от обычной истории людей в СЕИ эпохи агротрадиционалистских обществ, все, что происходит в течение одного века, должно рассматриваться как однопорядковое. События, явления и процессы, укладывающиеся в рамки века, должны браться совокупно, нерасчлененно;

– поскольку века и тысячелетия живут этносы и суперэтносы, одно из главных действующих лиц СЕИ – Человек хозяйствующий – должен рассматриваться на уровне этноса и суперэтноса. Отсюда мировоззрение, которое влияет и определяет поведение хозяйствующего человека, есть представление о мире и о себе не отдельного человека, не групп людей, но этносов и суперэтносов;

– географическое пространство деятельности человека – это вмещающий ландшафт этноса и суперэтноса;

– законы биосферы и законы общества проявляются в СЕИ не равнозначно. Практически действуют лишь те из них, которые способны проявлять себя в вышеназванных временных, пространственных и системных границах.

Вышеприведенные положения дают возможность для формулирования еще одного понятия СЕИ чрезвычайной важности – цивилизации и ряда других. Что такое суперэтнос, как не группа этносов, объединенных не только общей территорией (вмещающим ландшафтом), но и

общей судьбой? А что такое судьба суперэтноса, как не процесс его жизни, жизненный путь? Что такое жизнь суперэтноса с точки зрения СЕИ, как не жизнь человека хозяйствующего, его хозяйствования, взаимоотношений с природой, обусловленных его представлениями о мире и о себе (мировоззрением, культурой) и обусловливающих эти представления?

В самом общем виде:

– цивилизация в СЕИ понимается как процесс развития (жизненный путь) суперэтноса, протекающий в одном и том же канале эволюции.

Помимо названных, аксиомами СЕИ являются аксиомы эволюции биосферы, а также ее принципы и законы, так как согласно положениям, принятым в естественных науках, законы целого являются аксиомами для части.

Главные элементы суммы аксиом состояния и изменения биосферы – понятия случайности и неопределенности. На будущее прошлое влияет, но вовсе не детерминированно определяет его. Короче и точнее: влияет, но не определяет. Влияние видно из того, что нет абсолютного произвола самоорганизации, биосфера подчиняется некоей системе законов. Так же действуют конкретные правила отбора. Эти правила выделяют реальное из всего спектра возможного. Н.Н.Моисеев, исходя из положений Ч.Дарвина, применил в своей концепции эволюции биосферы не конкретные положения ученого, но принципиальные: изменчивости, наследственности и отбора. Эти факторы достаточно предсказуемы. К ним Н.Н.Моисеев добавил непредсказуемые – бифуркации, ситуацию расщепления целого на части, на элементы, катастрофу этого целого и сборку нового организма из элементов, смысл механизма сборки в двух словах можно выразить так: от перемены мест слагаемых сумма изменяется. В чем же это изменение состоит? Если мы берем какие-то элементы системы, то изменение хотя бы одного элемента ведет к изменению всей системы, изменение расположения и силы влияния хотя бы одного элемента системы ведет к изменению свойств всей системы.

С развитием, с усложнением системы идет понижение уровня ее стабильности, а жизнь биосферы зависит от стабильности и изменчивости, их оптимальное сочетание называется пластичностью. Один из основных принципов, отражающих состояние стабильности, – принцип гомеостазиса. Гомеостатичность мы рассматриваем обычно как стремление к сохранению сути системы, ее неизменности. Если система чересчур гомеостатична, если она практически не способна меняться, то при изменении внешних условий, очень часто после тщетности мобилизации всех внутренних потенций, она разрушается либо под ударом извне, либо от внутреннего перенапряжения. Для самосохранения системе необходимо иметь свойство изменчивости. Однако если потенции к изменчивости велики, то такая способность расшатывает систему изнутри, что ведет к саморазрушению системы. Оптимальное сочетание устойчивости и изменчивости, называемое пластичностью, обеспечивает устойчивое развитие системы.

Эволюцию биосферы можно рассматривать как функцию, где устойчивость и изменчивость являются аргументами.

Рост разнообразия форм эволюционизирующей биосферы зависит от того, как сочетаются устойчивость и изменчивость. Если оба свойства

проявляют себя на оптимальном уровне активности, обеспечивается широкое разнообразие форм, и в то же время это разнообразие не переходит определенных границ. Границы процесса развития Н.Н.Моисеев назвал обозримыми каналами эволюции.

В пределах берегов – границ каналов эволюции – система функционирует, подчиняясь ряду законов, вытекающих из двух фундаментальных принципов: Онсагера и Ле Шателье. Принцип Онсагера иначе можно сформулировать как закон минимума диссипации энергии, или минимума рассеяния энергии. Иными словами, если система (например, человек) стоит перед выбором того или иного решения, то из всех виртуальных (мыслимо возможных) решений она принимает то, которое обеспечивает наименьшие затраты энергии (для человека, например, сил, денег). Принцип Онсагера проявляется во многих сферах жизни и носит разные наименования (например, в экономике, политике – это так называемый оптимальный выбор). В общем виде любая система, как обладающая, так и не обладающая разумом, действует в соответствии с принципом минимума диссипации энергии.

Второй принцип – Ле Шателье – гласит: если на систему оказывается какое-то внешнее воздействие, то система находит в себе силы для сопротивления. При этом идет внутренняя перестройка системы: структурная, функциональная.

Самый важный ключевой и таинственный элемент концепции Н.Н.Моисеева называется бифуркацией. Как термин, он пришел из математики. Если точно следовать значению слова, то это – раздвоение, но математики используют его (практически без исключений) в качестве синонима катастрофы. Термин и понятие бифуркации Н.Н.Моисеев применил для объяснения эволюции биосферы Земли. Он считает, что в течение некоторого периода времени движение идет в определенных обозримых каналах эволюции, пока не доходит до некоей точки движения, когда берега канала исчезают и наступает ситуация выбора направления дальнейшего движения. Из-за слома берегов канала эволюции перед системой появляется возможность двигаться (развиваться) в самых разных направлениях.

Бифуркация – это время и процесс выбора нового канала эволюции, направления дальнейшего движения системы.

После того как новый канал развития избран, эволюция идет по этому новому пути, обратимости нет, потому что выбор в достаточной степени случаен. "Система не помнит своего родства", – утверждает Н.Н.Моисеев. Если бы выбор был закономерным, детерминированным, то можно было повторить эти закономерности и вернуться назад. Но если выбор произошел случайно, вероятность случайности всегда мала, восстановить эту случайность, точнее, ряд случайных обстоятельств практически невозможно, поэтому пойти назад уже нельзя. Закономерности – повторимы, случайности – нет.

После того как произошла бифуркация и выбран новый канал эволюции, последняя уже необратима. Она может идти только по новому, уже выбранному пути. И при этом система своеобразно (раз случайности неповторимы) не помнит своего прошлого. Точнее: элементы, но не целое, сохраняют (помнят) свое прошлое, целое же уже другой организм, рамки изменчивости которого резко сужены по сравнению с ситуацией бифуркации. Конечно, развитие системы будет иметь место.

Система будет проходить через кризисы (но не бифуркации). В новом канале эволюции возможны повороты в пути движения, но в рамках берегов канала. Единство и разнообразие эволюционных процессов будет ограничено названными берегами.

Простая, строгая, красивая концепция Н.Н.Моисеева, базирующаяся на осмыслении представлений о живой и неживой природе, сложившихся в мире естественных наук на Планете к началу 1980-х годов, в целом соответствует и такому социально-экологическому эксперименту , как создание СЕИ Китая, истории взаимоотношений человека и природы на Дальнем Востоке за три тыс. лет письменной истории. Это соответствие, с одной стороны, стало блестящим подтверждением способности концепции объяснить не только природные, но и социальные процессы (сам Н.Н.Моисеев в своих трудах социальной истории до недавнего времени не касался, хтя и утверждал, что концепция должна работать не только для природы, но социума). С другой – социальные науки получили новую теоретическую основу для изучения, точнее, нового переосмысления процессов развития общества. Однако одно принципиальное положение не получило подтверждения.

Согласно ученому, выбор того канала, по которому пойдет развитие изучаемого процесса, может определить самое ничтожное обстоятельство. С данным утверждением нельзя безоговорочно согласиться. Конкретное рассмотрение исторического материала, как дальневосточного, так и самой значительной земной бифуркации эпохи письменной истории – Запад – Восток, показало, что главные параметры нового канала эволюции определяются не случайными и не ничтожными обстоятельствами, следовательно: Непредсказуемость – не фатальна! Подобное свидетельство прошлого исторического материала имеет принципиальное как теоретическое, так и практическое значение: наша страна сейчас находится в состоянии бифуркации.

Снижение роли фактора случайности заставило задуматься над рядом вопросов. Если два фундаментальных в концепции Н.Н.Моисеева принципа – Онсагера и Ле Шателье – базируются именно на чрезвычайной роли случайности, то ЧТО, какой принцип мешает всевластию воли случая? (По логике вещей это ЧТО-ТО должно быть равным или превосходить по силе влияния названные принципы.) Какие законы вытекают из этого ЧТО-ТО, какие связаны с ним? И, наконец, главная цель размышлений: как в свете этого не ясного, но действующего НЕЧТО должна выглядеть общая теория СЕИ?

Размышления привели к необходимости дополнения двух фундаментальных принципов концепции Н.Н.Моисеева третьим. Ответ был найден в факте превалирования или главенствующей роли неантагонистических отношений в эволюции биосферы. Подобная роль таких отношений в жизни общества просматривается явственно, что позволяет аргументировать тезис предельно сжато. В области идеологии не случайно мировыми религиями стали те, в которых "снят" антагонизм между отдельными людьми, группами людей и этносами (для христианина, который должен возлюбить врага своего, нет "ни иудея, ни эллина", для мусульманина, буддиста, конфуцианца не важна национальность адепта и т.д.). В области морали оказались конструктивными утверждение добра и осуждение зла. В политике мирные средства решения противоречий утвердились как единственно цивилизованные и

продиктовали создание мирового центра выработки всеобщего согласия – ООН. В экономике регулируемое развитие оказалось предпочтительней стихийного рынка с его грубой конкурентной борьбой. В социально-экономических отношениях при равных стартовых условиях те страны, в которых трудящиеся в жестокой классовой борьбе сумели добиться наибольших успехов, отстали в развитии от тех, где имел место разумный компромисс труда и капитала. В социальных отношениях наибольшая устойчивость достигалась там, где имела место консолидация нации во имя развития (Япония, Южная Корея, Тайвань и другие страны). Во взаимоотношениях человека и природы в наши дни принцип неантагонистических отношений стал условием выживания рода человеческого.

В первооснове биосферы мы наблюдаем ту же закономерность. В химии мы знаем два типа связей: ионную и ковалентную. При первой электронное облако одного атома захватывается другим – эквивалент антагонистических отношений. Соединения на основе таких связей характерны для неживой природы. Их всего 0,5 млн. При втором типе связей электронное облако находится в совместном "использовании" атомов – эквивалент неантагонистических отношений. Способность углерода при ковалентной связи образовывать длинные цепи в разнообразных пространственных комбинациях и стала первотолчком, условием жизни на Земле. Хотя углерода в земной коре ничтожно мало – 0,12%, число углеродистых соединений превысило 6,5 млн. и продолжает расти, создавая качественную и количественную базу развития биосферы, способствуя появлению новых видов и росту количества представителей видов – массы живых организмов.

Однако живая природа при первом взгляде на нее не дает возможности признать неантагонистические отношения главным условием жизни на Земле. Согласно Ч.Дарвину, эволюция жизни, развитие видов и биосферы в целом происходят за счет антагонистических отношений: внутри- и межвидовой борьбы и естественного отбора как ее результата. Проблема, возможно, требует специального изучения, но я полагаю, что естественный отбор, во-первых, не единственный, а во-вторых, не главный фактор эволюции биосферы. Он был бы главным, если бы эволюция протекала неизменно в одном и том же канале, т.е. без бифуркаций. Но это не так. Здесь достаточно упомянуть хотя бы об одной из них: стремительном (с точки зрения жизни планеты) переходе атмосферы от бескислородной к кислородной. Цель (результат) внутри- и межвидовой борьбы – естественный отбор в поиске наибольшей приспособленности к данным условиям существования, при эволюции в одном и том же канале развития. При переходе на новый канал эволюции организмы, наиболее приспособленные к старому, погибают первыми, а наименее, т.е. приспособленные не только к существующим условиям, но и к тем, которых еще нет, но которые появятся в результате бифуркации (катастрофы старого канала эволюции), имеют наибольшие шансы выживания и дальнейшего развития.

Принцип неантагонистических отношений, таким образом, на мой взгляд, является фундаментальным для эволюции биосферы. Он находит свое выражение во всех многочисленных закономерностях, которые описываются словами с латинскими префиксами "со-" и "con-", означающими общность, совместность действий, сотрудничество, взаимность.

В русском языке те же функции выполняет префикс "со-". Здесь достаточно упомянуть законы сосуществования, кооперации, коэволюции. Частным случаем являются законы конкуренции (конкурсности). При этом конкурентная борьба может принимать как мягкие, так и жесткие формы, отражая как антагонистические, так и неантагонистические отношения. Если короче и по-русски назвать принцип неантагонистических отношений, то его следовало бы именовать принципом со-жизни. Из триады принципов Онсагера, Ле Шателье, со-жизни – значение последнего определяется влиянием на ход не только СЕИ, но и всей истории биосферы Земли. Развитие идет тем интенсивнее, стремительней, многообразнее, чем полнее осуществляется названный принцип, и наоборот, при росте антагонистических отношений оно задерживается, останавливается, появляется угроза разрушения, смерти биосферы. Можно ли рассматривать принцип со-жизни как частный случай проявления принципа минимума диссипации энергии? Если бы уровень самоорганизации системы снижался или оставался неизменным, то на последний вопрос нужно было бы ответить положительно, но с развитием биосферы он возрастает, как и расход энергии. В целях выживания система идет на все большие расходы энергии, и это главное. То, что при этом она выбирает вариант наименьшего (из большего) расхода энергии, является второстепенным. Отсюда принцип со-жизни является главным из триады.

С развитием биосферы, с повышением сложности ее самоорганизации понижается уровень ее стабильности. Чем ниже уровень стабильности, тем значительнее роль принципа со-жизни, особенно в кризисных ситуациях, неизбежных в любом развитии. В целом в основе СЕИ лежит модернизированная концепция Н.Н.Моисеева.

Важными понятиями в СЕИ являются кризис и катастрофа. Кризис – это когда обновленный, как после болезни, организм крепнет и здоровеет, у него повышается иммунитет. Катастрофа – это когда организм погибает. Как уже говорилось, одна из главных особенностей биосферы заключается в том, что цена устойчивости и изменчивости, пластичности и развития, всего того, что есть в биосфере, – смерть любого организма, любого ныне живущего и любого последующего. Эту непрестанную смерть и возрождение мы наблюдаем и в социальной истории, когда гибнут этносы и вместо них зарождаются новые, когда гибнут цивилизации и на их место приходят другие, когда гибнут государства и возникают на их месте иные.

Гибель отдельного живого организма, смерть вида, любой социальной структуры – совершенно необходимое, обязательное условие существования биосферы. При этом, разумеется, смерть индивидуального организма и смерть вида – не одно и то же. Вид Homo пережил катастрофу и смерть, когда превратился в вид Homo Sapiens. Последний до сих пор избегал катастрофы (смерти как вида), но ряд цивилизаций (организмы более низкого уровня, чем биосфера и социум в целом) погиб до того, как некоторые из них научились преодолевать кризисы и не доводить дело до катастрофы.

Кризисы в СЕИ возникают, как правило, по следующей схеме. Экспансия этносов, а также суперэтносов, протекающая вначале без изнурения вмещающих ландшафтов, при расширении ареалов хозяйственной деятельности после исчерпания рекреационных потенций при-

родных комплексов осуществляется за счет изнурения и деградации природных ландшафтов, что вызывает ряд явлений, связанных между собой преимущественно причинно-следственной связью. Сначала возникает хозяйственный, экономический кризис, провоцирующий политический. За ними следуют культурный и идеологический. Однако очередность кризисов довольно условна: элементы нескольких видов неблагополучия могут появляться почти одновременно, или порядок их может быть несколько иным.

Совокупность хозяйственного, экономического, социального, политического, культурно-идеологического кризисов, затронувших суперэтносы, есть кризис цивилизации. Во время последнего общество стоит перед необходимостью смены основных представлений о мире и о себе, переоценки ценностей, создания новой системы ценностей, включающей в себя как морально-этические, адресованные непосредственно к отдельной личности, так и общечеловеческие, адресованные ко всему обществу. Происходит изменение отношений личности и государства, понятий порядка, свободы, войны и мира и др. Идет напряженный поиск новой системы хозяйствования, новых технологий, соответствующих иной системе координат, иным представлениям о мире и о себе. Иными словами, кризис цивилизации есть бифуркация – момент и процесс выбора нового канала эволюции, в частности – установления берегов канала.

Важнейшим элементом ограничений нового канала эволюции является система ценностей. Если общество оказывается неспособным создать новую систему ценностей и следовать ей, имеет место социальная и экологическая катастрофа. Если создает, то возникает временное относительное социально-экологическое равновесие, равновесие сил внутри общества и между природой и обществом – социально-экологическая стабильность. Равновесие такого рода, как показывает конкретный исторический анализ, не может быть абсолютным и устойчивым, но и в состоянии неустойчивого равновесия, как видно из прецедентов, способно существовать весьма длительное время. В Китае, например, такое равновесие поддерживалось две тысячи лет. Оно сохраняется до тех пор, пока накопление негативных явлений не достигнет некоей критической массы, после чего кризис неизбежен.

Цивилизация, пройдя через кризис, вырабатывает условия более надежного равновесия как в обществе – социальный мир, так и между природой и обществом – новые экологически более чистые технологии, находит пути восстановления природных ландшафтов, совершенствует старые и внедряет новые технологии.

Кризис одновременно и природы, и общества – это социально-экологический кризис. Инициатором первого подобного феномена в истории цивилизаций является природа, точнее, глобальные климатические сдвиги, периодически возникающие на планете. Последующих – человеческая деятельность вместе с природными катаклизмами либо только хозяйственная деятельность общества.

Модус вивенди или способ сосуществования общества и природы в идеале должен быть таким, чтобы негативное воздействие природы на общество и общества на природу было минимальным, не нарушающим устойчивости обеих систем. Поскольку сознательным организуемым партнером во взаимодействии двух сторон является общество, состоя-

щее из индивидуально действующих в том или ином направлении его членов, то основные принципы стабильных отношений относятся к поведению человека и по своей сути не могут быть ничем иным, кроме императивов, заповедей или, согласно В.И.Далю, наказов к непременному исполнению. Если общество руководствуется экофильными императивами, то это и является гарантией экологического равновесия – основы стабильности природы и общества. Фундаментальные положения экофильного поведения были выведены из анализа технологий и сведены к трем взаимосвязанным и вытекающим одна из другой заповедям: не вреди, уподобляйся и черпай полной мерой.

"Не вреди" может быть выражена так: при конфронтационных отношениях между обществом и природой нельзя допускать исчерпывания рекреационных потенций природы, антропогенная нагрузка не должна приводить к изнурению вмещающего ландшафта.

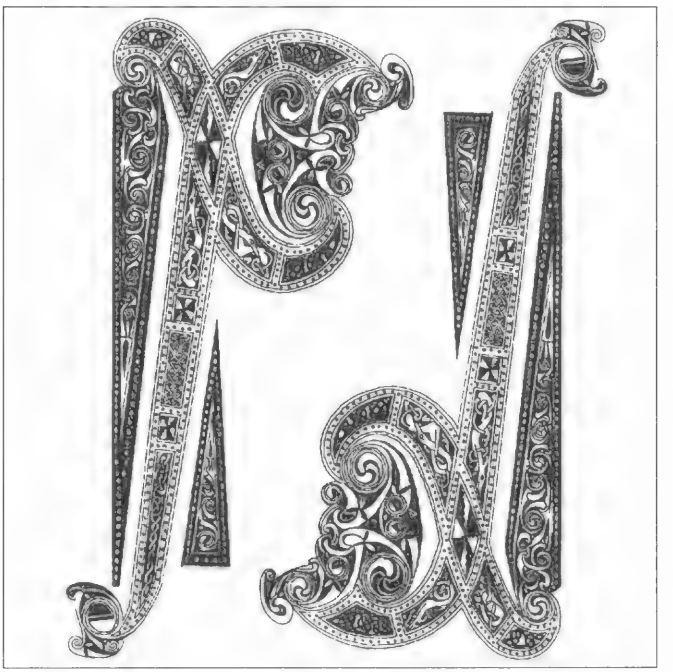
"Уподобляйся" ориентирует создаваемые человеком технологические процессы в промышленности и сельском хозяйстве на подобие природным. В частности, искусственные процессы, подобно естественным, должны вести не к ослаблению, а к укреплению стабильности природных комплексов. Вторая "заповедь" является логическим продолжением первой, отражает развитие человека и общества от эгоизма через "разумный эгоизм" к альтруизму – целенаправленным действиям одной системы по укреплению гомеостазиса другой.

"Черпай полной мерой" – всего лишь образное выражение эмпирического обобщения. При соблюдении двух первых заповедей наибольшая стабильность природных систем достигается в том случае, когда задействованные силы природы используются на полную мощность. Поскольку в таком использовании заинтересовано общество, то здесь происходит слияние интересов двух сторон (разумеется, понятие интерес, отнесенное к природе, условно). Третья заповедь – не только наказ к непременному исполнению, но одновременно и вознаграждение человеку за смену парадигмы, за отказ от эгоизма.

Названные рекомендации экофильного поведения универсальны. Возможности же следования им вариационны. Они зависят не только от их осознания, но от общей культурной парадигмы цивилизации, стадии развития последней, наконец, от конкретных природных и социально-экономических условий той или иной страны в определенный момент времени. Как вообще характерно для утверждения в жизни общества универсальных человеческих ценностей, путь постижения второй заповеди был не целенаправленным поиском, а естественным результатом проб и ошибок в поиске более производительных технологий, которые обнаруживали себя при соблюдении второй заповеди. Третий императив также был "открыт" эмпирически и в научном плане стал достоянием не гуманитарных, а естественных, более того – прикладных наук, например, достоянием агрономии в виде конкретной практической рекомендации: "Для сохранения плодородных почв от разрушения существует лишь один способ – поддерживать почвы на самом высоком уровне их производительности".

РОССИЯ В XX СТОЛЕТИИ
(Диагноз историка культуры)

В. МАХНАЧ



Работа анализирует основные этнологические и культурологические предпосылки российской деструкции XX в.

Впервые в основу рассмотрения явления, изучавшегося весьма многими исследователями, положен цивилизационный принцип А.Тойнби. Изучение проблемы ведется также на базе этнологической теории Л.Н.Гумилева.

© Махнач В.Л., 1995

Российская деструкция XX в. и потрясения, которые эта деструкция периодически вызывает, обусловлены тремя основными факторами. На их фоне все прочие факторы (наличие революционных партий, удачные и неудачные войны, участие в коалициях, иностранная помощь, в том числе активная иностранная помощь тем или иным деструкторам) – факторы незначительные, в силу чего в масштабе истории и культуры ими можно пренебречь.

Первый из трех основных факторов – вступление русского и нескольких других видных этносов России (т.е. большинства населения страны) в фазу этнического надлома. Через фазу надлома проходят все без исключения этносы. Этнологический фактор для истории культуры – внешний. Он безусловно объективен.

Второй фактор – русское западничество. Исторически этот фактор складывался как субъективный. Однако западничество в России начинает свою историю еще до начала фазы этнического надлома, становится данностью, постоянным фактором русской жизни в акматической фазе этногенеза на рубеже XVII – XVIII столетий, поэтому сейчас этот фактор надо рассматривать как объективный.

Третий фактор – наличие в русской культуре XIX – XX вв. антисистемы. Антисистемы не имеют иных, кроме деструктивных, проявлений. Они приходят и уходят, пересекают не только национальные и государственные границы, но и границы великих культур. Следовательно, они проходят через историю народов в разных фазах этногенеза и по-разному воздействуют на тот или иной этнос. Антисистемы может не быть, она может "сгореть", границы ее бытования в истории не совпадают с этническими фазами, не совпадают они и со временем жизни великих культур.

Таким образом, антисистема – фактор субъективный, но от этого не менее реальный в конкретном воздействии на историю народа, культуры, страны.

Русское западничество

Начнем с него, так как оно сложилось более чем за столетие до вступления русских в фазу надлома, и прежде всего оговоримся, что мы называем западничеством. В строго научном смысле западничество без кавычек – течение философской и общественной мысли середины XIX в. (период споров западников и славянофилов). Оно весьма непродолжительно по времени жизни и по воздействию на общество, охватывает всего лишь два поколения мыслителей и политических деятелей.

Однако западничество (как, кстати, и славянофильство) еще с конца прошлого века трактуется публицистами весьма расширительно. Иногда это происходит в полемическом задоре, иногда по злой воле, ради искажения исторических воззрений оппонента, часто по безграмотности.

Мы не склонны ни в коем случае подразумевать под западничеством стремление к социально-экономической или политической модер-

низации России и отдельных сторон ее жизни. При ближайшем рассмотрении такая модернизация может вовсе и не быть западнической, а, наоборот, представлять собой нечто традиционалистское, что не всегда заметно. Западничество не есть заимствование отдельных черт, форм, проявлений, даже имеющих четкое адресное происхождение, привязанных конкретно к национальной традиции одной из стран европейского Запада. Такое заимствование следует рассматривать в парадигме культурных влияний. На протяжении всей мировой истории подобные влияния оказывали друг на друга самые различные страны и, кстати, великие культуры тоже.

Под западничеством мы подразумеваем стремление представителя этой тенденции перейти целиком в своих вкусах, воззрениях, системе мышления (в том числе социально-политического) в другой великий культурный ареал, перейти из восточнохристианской культуры (к которой принадлежат, в частности, русские и большинство этносов России) в западнохристианскую, в культуру Запада. Западничеством мы также будем считать стремление переместить Россию из ее суперэтнического ареала в другой – западный.

Исходя из вышесказанного, мощное влияние культуры итальянского Возрождения на русскую культуру в конце XV в. в царствование Ивана III или в конце XVI в. в Годуновскую эпоху не может считаться западничеством. Более того, в русском обществе и культуре до эпохи Петра I никакого западничества, как постоянного фактора, нет. К сожалению, очень часто (это – традиция еще прошлого столетия) западниками числят исторических деятелей-реформаторов, хотя они оставались людьми своей культуры.

В России для появления западничества сложились две предпосылки еще в допетровскую эпоху.

Первая – в конце XV в. Россия должна была создать свою высшую школу, но она этого не сделала, что, несомненно, было нашей национальной ошибкой.

Университет – явление довольно позднее. Старейшие университеты Запада начинают свою историю в начале XIII в. Византийская традиция знает университеты с V в., мусульманская (на дальней окраине мусульманского мира – в мавританской Кордове) – с VIII в.

До возникновения регулярных высших школ – университетов высшая школа чаще всего существовала в виде крупных епископских школ. Иногда их считают прямыми предшественниками университетов тех времен. Можно условно назвать такие нерегулярные высшие школы протоуниверситетами.

От университета их отличает нестабильный характер (живет в каком-то городе или аббатстве видный профессор, собираются вокруг него ученики и последователи – есть школа, а умер или уехал – нет школы). Именно подобный нестабильный характер задолго до возникновения университетов вызвал появление на Западе обширной категории вагантов – странствующих студентов.

Протоуниверситеты знала в своей истории и Россия. Первая высшая школа нерегулярного типа была открыта в Киеве при соборной церкви еще крестителем Руси Святым Владимиром. О высшем характере этой школы свидетельствует появление в следующем поколении уже целого ряда эллинистически образованных интеллектуалов. Даже в самые мрачные годы раздробленности, иноземного порабощения протоуниверситеты сохранялись. Так, в XIV в. эту роль выполнял Ростовский монастырь "Григорьевский затвор", который, например, дал совершенное эллинистическое образование одному из блестящих филологов Высокого Средневековья – Стефану Пермскому. Но монастырь не может заменить собою университета даже не потому, что монах не годится в качестве профессора (история знает тысячи и тысячи знаменитых профессоров, бывших монахами), а потому, что университет – совершенно особая среда, полностью подчиненная науке, задачам образования.

До конца XV в. университет в России ни в коем случае не мог появиться, ибо его просто некому было основать. Все крупнейшие университеты Запада основывались могущественными государями. До создания единой России Иваном III не было и спроса на большое количество высокообразованных людей. Однако, когда этот спрос возник, обучение в России осталось монастырским. Переоценить последствия этой трагической ошибки трудно.

В конце XV в. академическая наука в Восточной Европе была в таком же зачаточном состоянии, как и на Западе. Ни о каком приоритете речь идти не могла. Но, возжелав основать университет, русские власти могли бы заполучить сколько угодно высокообразованных греческих профессоров, которых тогда сманивают в огромном количестве в Италию. И первый университет (пусть даже с иноземной профессурой) был бы тем не менее высшей школой нашей региональной культуры. Возникла бы высшая школа своего суперэтноса, высшая восточнохристианская школа. Но момент был упущен, греки уехали просвещать латинский Запад.

А в конце XVI в. царь Борис, стремясь учредить университет, уже столкнулся с мощной оппозицией высшего духовенства, обоснованно опасавшегося латинизации. Дело в том, что за минувшее столетие академическое отставание приобрело чудовищные размеры, и чтобы в эпоху Годуновых основать университет, нужно было не просто пригласить латинских (преимущественно католических) преподавателей, но и ввести латынь в качестве языка преподавания, языка науки. Другого пути уже не было. Однако и в Годуновское время, как это ни прискорбно, университет не был основан.

Первая высшая школа в Восточной Европе возникает в виде Киевской коллегии (тогда еще в составе Речи Посполитой) в 30-е годы XVII в. С переходом гетманской Украины под юрисдикцию московских государей Киевская коллегия становится единственным Российским университетом. В Москве же свой университет был основан еще позже (в 1685 г.) как Славяно-греко-латинская академия.

Латынь была введена в Киеве и Москве и оставалась на протяжении XVIII столетия основным языком преподавания и в значительной степени мышления всех университетов России (в том числе Московского, основанного в 1755 г.). В результате, запоздав на полтора столетия со своим появлением, высшая школа вестернизировала русских интеллектуалов. Это не делало из них западников, они слишком сильно были привязаны к восточнохристианской культуре собственным вероисповеданием, но предпосылка была создана. Надо сказать, трагическая ошибка XV в. была преодолена только к концу XIX. Мы наконец получили не только национальные, но и восточнохристианские высшие школы. Однако революция Новейшего времени снова отбросила нас назад. За национальные ошибки приходится расплачиваться веками.

Вторая предпосылка к появлению западничества была следствием прямой, но весьма растянутой во времени агрессии латинского Запада в западнорусские земли, т.е. земли нынешних Украины и Белоруссии. Агрессия протекала не столько в политической, сколько в культурной форме в рамках Великого княжества Литовского и Русского, объединенного с Польским королевством личной унией задолго до поглощения Польшей Литовской державы. Обращена эта вестернизация была исключительно на литовско-русскую знать. Именно знать (в полном соответствии с шляхетской концепцией Польского государства) подлежала окатоличиванию и постепенному ополячиванию.

Процесс, начавшийся еще в конце XIV в., медленно продолжался в течение XV – первой половины XVI в. Он создал основу для возможного поглощения Литвы Польшей, что произошло в 1569 г., и с этого момента стал головокружительно быстрым. Еще два поколения, всего полвека – и предки нынешних украинцев и белорусов остались без национальной знати. В тот момент благодаря деятельности знати Речи Посполитой, с одной стороны, и иезуитов – с другой, ставится вопрос о латинизации (т.е. по масштабам того времени вестернизации) и простого народа бывшего Великого княжества. Это осуществляется начиная с 1596 г., в форме Унии, которую мы склонны рассматривать как инструмент культурной агрессии Запада в восточнохристианские земли Западной Руси.

Если бы западнорусская знать устояла, ареной противоборства Запада и Востока Европы была бы не Украина, а Польша. Но этого не случилось, знать была западными русичами потеряна, а сопротивление организовали средние слои социума: казачество, мещанские братства и интеллектуалы (в основном Киевской академии и монастырей), обратившиеся за помощью к Российской державе.

Все это оставило мощный отпечаток западничества на западнорусском населении, которое постепенно входило в состав Российской державы. Конечно, это – не полноценное западничество хотя бы потому, например, что Киевская коллегия (будущая академия), где преподавание велось на латыни, где была введена в православный обиход иезуитская просветительская драма как учебная драматургия, по-прежнему

противостояла латинизации, иезуитскому влиянию на Украине. Но обратим внимание на один типический вариант.

В Западной Руси несколько десятилетий высшее и среднее образование в значительной мере было монополизировано иезуитами и в меньшей – другими римско-католическими кругами. Чтобы получить образование, зажиточный малороссиянин или белорус зачастую притворно принимал католичество, поступал в иезуитскую коллегию, заканчивал иногда Болонский университет, а потом возвращался на родину и каялся православному попу. Но ведь несколько лет притворства не могли не оставить глубокий след в психологии, мировоззрении такого человека!

Однако настоящее западничество могло сложиться и сложилось в рамках Российской державы лишь при Петре I. Россия к тому времени осталась единственным государством восточных христиан. Все остальные восточнохристианские народы уже были порабощены либо мусульманами, либо западноевропейцами.

Еще историк Сергей Соловьев отметил, что к моменту прихода к власти Петра I русское общество было расколото между тремя партиями: Партией старообрядцев; так называемой Старомосковской партией, стремившейся законсервировать официальное православие и московскую, к этому времени уже имперскую традицию, и Партией западников-реформаторов.

К последней принадлежал клан Нарышкиных, из которого вышел будущий прорубатель окна в Европу. Позволим себе не согласиться с Соловьевым. Партий было не три, а четыре.

Безусловно была Партия старообрядцев. Старообрядцы – наследники тех русских кругов, которые стремились к национальной исключительности и, следовательно, к изоляционизму еще в XVI в. Их апофеозом был Стоглавый собор 1551 г. Не случайно и поныне старообрядцы чтут Стоглав. Возникновение старообрядчества было обусловлено политическими событиями. Константинополь пал под ударами турок, а перед этим вынужденно пошел на унию с латинским Западом. Греки пошатнулись в вере. Это давало некоторые основания к провозглашению национально-религиозной исключительности. Старообрядцы создавали культурную парадигму "Россия и Европа". Такое состязание Россия выиграть никогда не могла, ибо Россия вовсе не равноценна всему Западу. Можно противопоставить, скажем, Россию и Францию или Западную Европу и Восточную, но противопоставление России и Европы равнозначно противопоставлению византийского мира Нидерландам – вот приведенная к абсурду старообрядческая идея.

Старомосковская партия консерваторов, как и все консерваторы, гарантировала спокойствие и благоденствие своей стране и культуре. Однако из-за отсутствия национальной высшей школы (своего Российского университета) Старомосковская партия лишилась к концу XVII в. блистательных интеллектуалов, которые могли бы противостоять даже начетничеству старообрядцев. Лидером Старомосковской

партии по праву был патриарх Иоаким, человек по происхождению служилый, мелкий дворянин, консерватор охранительного толка.

Партию реформаторов представляли такие имена, как князь Василий Васильевич Голицын и архимандрит Сильвестр Медведев. Кн. В. В. Голицын – канцлер державы. Антикрепостник, он делал ставку на частную хозяйственную свободу, на либеральное развитие страны. Архимандрит Сильвестр Медведев – универсальный ученый, поэт, писавший латинские и русские стихи, историк, астроном, математик, богослов.

Партия реформаторов была связана с блестяще образованным царем Федором Алексеевичем (чье царствование было коротким), а затем с правительством царевны Софьи Алексеевны. Эту партию в обиходе назвали бы умеренными западниками, но мы (как уже говорилось) не считаем сторонников культурного влияния западниками.

Партия реформаторов очень заметна в 80-е годы XVII в. своей культурной деятельностью, организацией регулярной армии, большим строительством, в частности, в стиле нарышкинского барокко. Для этого стиля характерно сохранение национальной традиции и активное заимствование отдельных форм западноевропейского зодчества. Это же можно видеть в литературе, живописи, философии, школьном деле. Детищем именно этих кругов стала Славяно-греко-латинская академия.

Чрезвычайно важно, что так называемая "Софьина партия" в лице своих лучших представителей апеллировала к общественности, общественному прогрессу и полагала необходимым культурное заимствование у Запада, но не государством, а обществом.

Тем самым их деятельность лежала в рамках нормальной парадигмы культурных влияний. Мы не рискнем сказать, что они были демократами. Аристократического начала в деятельности этой группы, пожалуй, больше. Но они безусловно – антибюрократы и, следовательно, антиэтатисты.

Многовековая русская традиция всегда оставалась антибюрократической. Трудно представить себе страну средиземноморского региона, в которой, как в России, так мало места отводилось бюрократическому правлению. Единственное исключение – Англия. Она тоже пережила свое бюрократическое правление и даже свою тиранию. И все-таки Англия являлась все Средневековье страной сословного представительства. Вслед за Англией, опережая Испанию, страной сословного представительства была Россия. Этатизм в России всегда был связан лишь с носителем центральной власти. Но даже носители этатистских тенденций были антибюрократами, поэтому этатистские тенденции в России, не говоря об антиэтатистских, были антибюрократическими.

Бюрократия в России XVII в., представленная классической фигурой дьяка, воспринималась всем населением, начиная с низов, только как администрация. Власть же, за исключением верховной власти самодержавного Государя, была представлена выборным элементом. "Лучшие люди" судили вместе с любым судьей (зачаточная форма суда

присяжных, что впервые отмечено Судебником 1497 г., но несомненно уходит в более глубокое Средневековье). Выборные должностные лица управляли волостями (земские старосты и целовальники), выборные наподобие англосаксонских шерифов лица отвечали за полицейский порядок и низшее уголовное законодательство (губные старосты и целовальники). По сути дела, власть имела под собой мощную демократическую базу. О развитости этой демократии можно спорить, но это была не бюрократическая, а антибюрократическая система правления.

На высшем уровне даже до созыва первого Земского собора (парламента Русского государства) сохранялась сильная аристократическая традиция, ибо правительство государства (Боярская Дума) было аристократическим.

Бюрократический элемент в Думе был представлен лишь несколькими дьяками. В сравнении с этим Франция, например, создавала свое бюрократическое правление еще во времена Филиппа Красивого. В ряде небольших германских государств существовала давняя средневековая традиция бюрократического управления. В России этой традиции не было.

Но этатисты в России были, и это – четвертая партия, Партия Нарышкиных. Видимо, изначально они не были западниками, но стали ими в силу этатистского мышления, в силу того, что Запад именно в XVII в. предлагал образцы бюрократического правления.

В XVII в. на Западе, особенно в Центральной Европе и во Франции, следовало учиться образцам не демократии или аристократии, а бюрократии, так как в Европе наступал абсолютизм. Он побеждал традиции средневекового сословного представительства и традиции аристократические, подминал под себе городские коммуны. Абсолютизм – один из самых обнаженных вариантов этатизма.

Партия Нарышкиных ринулась в объятия Запада и иностранцев Кукуйской слободы в Москве не из исконного или доктринального западничества, а своего этатизма, ибо они находили там готовые образцы. Это произошло, когда Петр I был еще юн, подвержен влиянию и играл в солдатиков (сначала в игрушечных, потом в живых). Он играл долго, не принимая участие в решении государственных дел до переворота 1689 г. и даже некоторое время после.

Методологически Петр I был тираном, укладывающимся в схемы Аристотеля, но тираном не классическим, ибо исходил не из эгоистической тиранической воли, а из примата государства. Среди панорамы этатистов мировой истории Петр был одним из наиболее выдающихся. Он не случайно играл всю свою жизнь в службу и получал чины, он искренне служил государству, как Левиафану Гоббса. Гоббсова теория пришлась ко времени и к личности.

Антицерковные реформы Петра родились, разумеется, не из его осознанного антиправославия. Просто Петр не мог себе представить не только мистическую природу Церкви, но и социальную природу, он был лишен понятия "общество". Для него также не существовали понятия "нация", "народ".

Все это были атрибуты государства. Человек и государство – других категорий нет! В этой ситуации вполне естественно его заимствование бюрократических форм у Запада (прежде всего у основного противника России в Северной войне – Швеции). Для него это не было и западничеством. Он просто совершенствовал свое государство, конструируя его как некий аппарат или организм, элементом которого являлся любой человек, в том числе и он сам.

Здесь не место отмечать исключительную неэффективность петровских реформ – сочиненные на бумаге, они не работали в действительности. Интереснее другое – в сфере государственного созидания Петр выступает бóльшим последователем Гоббса, чем сам Гоббс. Он создает одну из наиболее бюрократизированных систем в мировой истории. Петровские реформы привели к чудовищному росту бюрократического аппарата. Выросла и коррупция, так как нормальные в демократическом и аристократическом обществах неформальные связи, объявленные бюрократической системой вне закона, стали незаконными неформальными связями. Сверхбюрократическая система Петра работать не могла, поэтому на протяжении XVIII – первой половины XIX в. шло постоянное смягчение бюрократического характера государства.

Домонгольская Русь управлялась княжеской монархией в сочетании с боярской аристократией и вечевой демократией. В 1211 г., пытаясь добиться консолидации русских в единое государство, Великий князь Всеволод III созвал первое сословное представительство – прообраз будущих Земских соборов. Произошло это на 54 года раньше созыва первого английского парламента. Демократические традиции не умирали в России даже в период иноземных господств и раздробленности: сохранялись в городах сотни и слободы, а среди крестьян – сельские и волостные сходы, сохранялась традиция судейства совместно с "лучшими людьми".

Петр I явился страшным разрушителем демократических русских традиций. Он не просто прекратил созыв Земских соборов, он уничтожил их основу – низовое Земство, самоуправление, бюрократизировав низшую сферу самоуправления. Интересно вслед за Евгением Анисимовым проследить, как Петр работал со шведскими прототипами.

В Швеции конца XVII в. существовала трехчленная система областного управления: приход (кирхшпиль), затем дистрихт (херад) и, наконец, земля – ланц. Более высокие ступени бюрократизированной абсолютистской Швеции были, конечно, чиновничьими, низшим же (очень важным) звеном шведского управления был кирхшпиль – самоуправляемый приход во главе со старостой (фохтом). Деятельность прихода основывалась на активном участии в управлении народа, крестьян, что и стало в будущем ядром восстановления шведской демократии.

Разбирая шведский образец, Сенат, естественно с подачи Петра, постановил: "Кирхшпильфохту и из крестьян выборным при судах и уделах не быть. К тому же в уезде из крестьянства умных людей нет". Это про Россию с ее многовековой земской демократической сис-

темой! Демократия выстраивается только снизу. Разрушая низовую демократию, Петр I надолго устранял возможность восстановления ее и в более высоких звеньях.

Сложнейшее общество XVII в. Петр разрушает его упрощением. Константин Леонтьев впервые сформулировал универсальный культурный исторический тезис: "Всякое упрощение есть деградация", который в наше время был детально разработан Львом Гумилевым. Мы полагаем этот тезис действительно доказательным и универсальным.

В России XVII в. высшим сословием являлось не дворянство, а боярская аристократия. Но виднейшие буржуа в России имеют даже особый титул "гости", а еще выше стоят "именитые люди", которые могут сравниться по своему положению с незначительными боярами. Не только виднейшие купцы, но даже зажиточные ремесленники ("посадские люди" в терминологии XVII в.) и многие крестьяне могли в реальной жизни быть зажиточнее, а то и влиятельнее низовых служилых дворян.

Это была исключительно сложная система, включающая в себя по горизонтали категории людей служилых, людей посадских и тяглое крестьянство. По вертикали они были весьма смещены относительно оси, так что высший слой каждой категории был много влиятельнее и богаче низшего слоя категории более высокой (богатейший посадский богаче рядового дворянина).

Петр I спрессовал пять различных категорий земледельцев в одну категорию "крестьян", что блестяще доказал Василий Ключевский. Но выдающийся историк начала XX в. не обратил внимания, что Петр был упростителем и аристократии, размешав отечественную аристократию в рядах низового дворянства. Уравнитель не может возвысить. Петр не возвел служилого дворянина на уровень боярина, а лишь пообещал это, но низвел боярина-аристократа до уровня служилого дворянина, закрепив уравнительную систему своей Табелью о рангах 1721 г.

Петр был чрезвычайно активен и в своей культурной политике. Не случайно он строил столицу на голом болотистом месте.

Следует отметить, что русская культура XVII в. (особенно в формах искусства, хотя также в политических и социальных формах) уже вступает в формы Нового времени. Стилистически это проявляется в категории барокко. Барокко – первый стиль, который можно точно описать в истории русской культуры. Русская архитектура уже в первой половине XVII в. вполне барочна. Другие виды русского искусства становятся барочными в середине XVII в. Стиль барокко не заимствован с Запада. В нем очень мало западных черт. Это – культурное влияние на уровне стадиальной близости. Весь XVII в., включая Нарышкинское барокко (последнее двадцатилетие XVII в.), сохраняет национальную традицию. Искусство остается русским. Но среди восприятия западных форм явно чувствуются эстетические предпочтения.

Русским нравится искусство католического южноевропейского круга, и отвергается, за редкими исключениями, протестантский круг.

Петр I своей приверженностью к искусству, политическим и социальным формам североевропейских, протестантских, голландско-германских стран противостоял и национальной традиции, и национальному вкусу. Ему нравилось на Западе не то, что нравилось его подданным. Конечно, культурное влияние возможно, но так ли безразлично – какое? В Петровскую эпоху русским сословным антибюрократическим формам самоуправления наиболее соответствовали английские образцы. Петр I к Англии присматривался, однако, поглощенный своим этатизмом, ничего интересного не нашел. Русскому художественному вкусу соответствовали итало-фламандские формы, можно было заимствовать их, но Петр насильственно навязывал голландско-германские.

Таким образом, западничество, по-видимому, – это еще и навязывание не тех форм западной культуры, социальной практики, политического устройства, которые созвучны отечественной традиции. А ведь культура необычайно многообразна и многогранна, если во главу угла ставится отечественная традиция, поэтому на Западе всегда можно найти образцы, достойные подражания, не разрушая при этом систему национального и суперэтнического предпочтения.

Итак, во-первых, Петр, как истинный тиран, ненавидел и разрушал отечественную аристократию. Во-вторых, Петр разрушал отечественную демократию, уничтожая ее основу на уровне муниципальном, на уровне низового самоуправления. В-третьих, Петр нарушал традицию нормального взаимодействия с другими культурами, навязывая не то, что органически устраивало большинство его подданных. Он навязывал России облик Голландии, причем не настоящей, а сочиненной им самим. В-четвертых, Петр создал, пожалуй, самое бюрократическое государство своей эпохи.

Через период абсолютизма и бюрократизма проходили многие страны. Свой тиран был в Англии – Генрих VIII, и парламент, уже ставший традиционным среди европейских, послушно вотировал все безумства тирана. В Швеции при Карле XI риксдаг пикнуть не смел. Но тираны уходят, и муниципальная традиция низовой демократии и даже парламентарная традиция имеют тенденцию восстанавливаться. А что же происходит в России?

Земские соборы и земское самоуправление относятся после Петра I к непросвещенному прошлому России. Когда те или иные острые умы стремятся к восстановлению сословного представительства (пусть даже скромного, низового), они начинают искать формы на Западе, причем произвольно выбирают наиболее заметные или модные. Шведы не прививали себе традицию земских соборов. Испанцы не пытались ввести сейм. Все восстанавливали свою представительную традицию. А русские всегда после Петра пытались восстановить чужую, что связано со сложностями. Но даже это не самое страшное.

Есть много примеров тому, как государства, принадлежащие к разным великим культурам, живут бок о бок и не воюют. Часто в одном государстве веками мирно уживаются представители разных суперэтносов (скажем, христиане и мусульмане). Но Петр I создает редчай-

шую ситуацию: он проводит суперэтническую границу не между разными народами, а по ведущему в России великоросскому этносу. Высшее сословие новой России отныне начинает относить себя к культуре западноевропейской. Все же остальные сословия (богатейшее купечество, духовенство, не говоря уже о более низкопоставленных кругах) остаются в рамках своей традиции, своей великой культуры – восточнохристианской. Петровские реформы исподволь вырыли канаву, разделившую этнос на две полярные культурные ориентации. Правда, при Петре это все-таки была канава, а не пропасть.

Вторая половина XVIII в. проходит в основном под знаком Екатерины II. Это – особая эпоха, Золотой век русского дворянства, одно из наиболее продворянских правлений в русской истории. Допетровская Россия дворянской не была. Петр I провел свои реформы с опорой на дворянство, предложив провинциальным служилым людям владычество в стране. Не случайно при Петре применительно к дворянам возник широкоупотребимый термин "благородное шляхетство".

Но почему католический польский термин? Петр поляков не любил, католичества не терпел, симпатизировал протестантскому миру. Дело в том, что Польша – самая феодальная страна поздней средневековой Европы. Именно Польша делила подданных на шляхетство и хлопство – полноправных и бесправных. Именуя шляхетством свое дворянство, Петр недвусмысленно давал определенные гарантии: "Служите не покладая рук, не жалея жизни своей, и вы будете такими же всевластными в России, как шляхта всевластна в Польше". Конечно, аристократию подобное не соблазняло – она патриархальна. А вот для провинциальных служилых людей, которые по своему реальному положению были менее значительны, чем богатейшее купечество и даже иные крестьяне, это был соблазн. В социальном плане Петровская эпоха, возможно, произвела революцию.

Екатерина II преумножила эту тенденцию, восстановив самоуправление, но самоуправление чисто дворянское. Это – не старинное земство, где целовальники избирались из зажиточных крестьян, а во главе сотен и слобод стояли буржуа из этих сотен и слобод. Это – система выборных должностей, которые могут занимать только дворяне.

Более того, екатерининское правление проходит под знаком Указа "О вольности дворянской". Пусть не она его приняла, его утвердил за четыре месяца до своей гибели ее муж Петр III в 1761 г., но сказаться этот Указ мог именно при Екатерине. Этим Указом русское крестьянство попало под исключительно тяжелый податной пресс, а высокоразвитая, по меркам XVIII в., русская промышленность потеряла дальнейший импульс к своему развитию из-за огромных валютных отчислений (от труда русского крепостного крестьянина) на финансирование не русской, а (в погоне за предметами роскоши) французской, фламандской, итальянской промышленности. Главное, впрочем, не в этом.

Русский крестьянин веками трудился на своего барина, что естественно, так как барин всю жизнь защищал русского крестьянина. Не стоит идеализировать отношения служилого человека и земледельца в России. Они были всякими, но они были нормальными. Если служилый человек переходил границы дозволенного, он мог нарваться на крестьянские вилы. Как правило же, этого не происходило, потому что отношения были, в понятии своего времени, справедливыми. Не царь решал, что дворянин не платит налога, ибо платит налог кровью. Сам крестьянин знал, что его барин – воин и его содержат как воина.

Но теперь крестьянин узнал, что на его шее сидит бездельник, которому почему-то он, крестьянин, принадлежит. Принадлежит ему и крестьянская земля, которую крестьянин привык столетиями считать своей. И тем не менее этого бездельника он, крестьянин, должен кормить. Неудивительно, что крестьянство ответило на это пугачевщиной.

Начиная с Петровской эпохи, за крестьянином остались старинные традиционные обязанности, но добавились и новые, так как отныне он подвергался рекрутским наборам и пополнял регулярную российскую армию. Вот с этой эпохи, когда крестьянин продолжал служить свои двадцать пять лет, будучи оторванным от родных, в российских войсках, а дворянин от этой службы избавился Указом о вольности, канава, вырытая Петром, превратилась в пропасть.

Попытка императора Павла I устранить некоторый межсословный дисбаланс привела к гибели самого Павла и к длительной, не прекращающейся и по сей день ненависти к его памяти у представителей того самого западничества, которое возникло за сто лет до его правления. Антинациональная, вне всякого сомнения, особенно со времен Венского конгресса, политика Александра I вызвала национальное негодование. Коллизия еще усложнилась, потому как защитником национальных интересов выступило западническое дворянство. Попытки русского правительства, влиятельных интеллектуалов, имевших возможность воздействовать на государственную политику, вернуться в свое суперэтническое русло, в рамки восточнохристианской культуры не могли иметь успеха.

Такая политика возникает уже при Николае I, но обречена на провал. Правительство и близкие к правительству круги стремятся восстановить культурное единство с обществом, что образованная его часть встречает в штыки, ибо рассматривает политику правительства как антинациональную, со своих западнических позиций. Один и тот же исторический деятель XIX в. может в результате дисбаланса XVIII оказаться поборником национальных традиций и врагом национальных интересов, и наоборот. В этом не только трагедия тридцатилетнего правления Николая Павловича, в этом также недостаточная эффективность александровских Великих реформ 1860-х годов.

Декабристы представляли собой национальную реакцию на антинациональную политику Александра I. В возникновении декабризма повинны император и бюрократическая государственная политика (поведение Александра I на Венском конгрессе и в Париже, его поведе-

ние в отношении проигравшей Польши). Но при этом критика и само выступление, казалось бы, национальной аристократии велись не на национальном понятийном уровне. Еще историк Василий Ключевский обратил внимание на воспитание декабристов. Они прошли последовательно волнами воспитание просветительски-классическое, франкмасонское и, наконец, иезуитское. Эти волны вовсе не складывались в некое целое. Масонство было связано с романтизмом и во многом уже в конце XVIII в. отвергало Просвещение. Иезуитизм (последняя волна Контрреформации) несомненно глубоко враждебен масонству. Но все эти волны, сталкиваясь в образованнейшем русском офицере, все дальше и дальше уводили его от понимания национальных проблем.

Александр I сказал, когда ему доложили о существовании тайных обществ: "Не мне их судить". Обычно эту фразу объясняют терзаниями его совести из-за причастности к цареубийству и отцеубийству 1801 г. Думается, это не так. Его фраза, вероятно, означала: "Не мне их судить, потому что я такой же со своим лагарповским воспитанием, стремлением осчастливить всех людей, отчего многих сделал несчастными". Александру I была свойственна высокая этическая самооценка.

Россия не взорвалась на сто лет раньше вовсе не потому, что привыкла к рабству. Тому были три причины.

1) Как ни странно, причастность крестьян к службе. Каждый рекрут из крепостных знал, что вчера он был человек барский, а сегодня – царский. Во все времена, с начала XVIII в. и до окончания истории России в ее исторических формах, рядовой солдат самого низкого происхождения мог выслужить офицерский чин и даже генеральский. Если не в своем полку, то в соседнем он мог видеть офицера из солдат.

2) Россия и в XVIII, и в XIX в., несмотря на все парадоксы ее правления, продолжает выполнять исторически сложившуюся имперскую функцию: защищает восточных христиан. Так называемые три раздела Польши – освобождение православных христиан от владычества западного. Русско-турецкие войны (две при Екатерине II, потом при Александре I, две при Николае I, при Александре II) – освобождение принадлежащих к той же культуре славян, греков, грузин и армян, даже арабов и коптов от турецкого владычества. Это культурное единство ощущается простым необразованным человеком, да и любым человеком не богословом куда острее, чем принадлежность к строгому догматическому вероисповеданию. Возможность принести пользу своей культуре в какой-то степени сохраняла, невзирая на раскол, национально-культурное единство.

3) Русскую аристократию пытались разрушить все тираны русской истории, но их было всего двое: Иван IV и Петр I. Аристократия после Петра восстанавливается, особенно в екатерининское, а потом в александровское время. Аристократическая традиция присуща менталитету русского народа много более, чем бюрократическая. Русского аристократа стремились сделать таким же чиновником, каким был любой провинциальный дворянин. Но крестьянин хотел в нем видеть аристократа, ответственного за судьбы не государства, а нации, общества, культуры

(не случайно простонародное "барин" восходит не к дворянину, а к старинному термину "боярин"). Отсюда продолжали существовать (правда, все в меньшей степени) патриархальные отношения земельного дворянина и крестьянина-земледельца. Эта инерция тоже могла бы довольно долго сохранять национально-культурное единство и противостоять деструкции, если бы адекватными реформами удалось преодолеть возникший в этнокультурном поле петровский раскол, но так не случилось. Чем сильнее аристократическое (шире – поместное) дворянство стремилось к возвращению в национальную традицию, тем активнее в обществе формировались новые категории западников.

Западники XIX в. – это маргиналы. Их принято называть интеллигентами, однако этот термин ни в коем случае не соответствует таковому в XX веке. Сейчас интеллигентом считается человек, принадлежащий к образованной части общества. В XIX в. интеллигент – это образованный человек, но не аристократ, не помещик, не офицер, не священник (а священство в XIX в. становится все образованней и влиятельней), не буржуа (все более заметный в культурной жизни XIX в.). Интеллигент XIX в. – это образованный маргинал.

Сохрани общество этнокультурную традицию, образованных маргиналов привлекли бы в состав национальной элиты (происходило же это на военной службе, где солдат мог дослужиться и до генерала). Но национально-культурная традиция была разорвана, и маргинал оставался "подвешенным" со своим западническим воспитанием, с неприятием государства обществом, с сознанием общности не с предками, а со всеми "угнетенными". Возвышаясь, маргинал был готовым деструктором. Деструкция же эта – результат раскола этнического поля, происшедшего в XVIII в. Число же маргиналов в XIX в. неуклонно возрастает в силу вполне объективной причины: вступления русских в фазу надлома.

Фаза этнического надлома

Каждый этнос, согласно этнологической теории Льва Гумилева, после прохождения фаз подъема и перегрева вступает в надлом. Несомненно, это – снижение активности этноса. Еще важнее резкое падение внутриэтнической солидарности, которая является необходимым условием существования этноса. Гумилев объясняет надлом тем, что в результате фазы перегрева число пассионариев (людей, у которых стереотип служения идее доминирует над стереотипом сохранения рода) сокращается за счет их естественной убыли. В таком случае (если принять это объяснение, не бесспорное с нашей точки зрения) влияние каждого отдельного пассионария естественно возрастает. До надлома они попросту мешали друг другу, им было тесно. Теперь влияние каждого из них увеличилось, и каждый увлекает менее энергичных членов этноса в свою сторону.

Но если о пассионарности можно и нужно спорить, даже принимая гумилевскую теорию в основных ее аспектах, не представляется возможным спорить о наличии самих фаз. Те этносы, чью историю мы

можем наблюдать от начала до конца, рисуют нам фактологически смену фаз достаточно точно по Гумилеву. Не он первый заметил прохождение этих фаз. Они были отмечены еще мифологическим сознанием, а в академической науке фазы истории народов достаточно четко просматриваются у Джамбаттисты Вико, Константина Леонтьева, далее у Шпенглера, Сорокина, Тойнби. Сейчас это данность.

Что свидетельствует о наступлении фазы надлома в начале XIX в.? Первый звонок – восстание декабристов. В большинстве своем декабристы могут быть причислены не просто к служилому дворянству, а к аристократии. Аристократия консервативна, она во все времена – охранительница государства, ведь для нее государство – ее собственность в гораздо большей степени, чем для монарха, не говоря уже о демократии.

Разумеется, аристократия устраивает заговоры, перевороты, меняет не только правителей, но и династии, корректирует государственное устройство. После того как Александр I третировал русских в Париже, чтобы понравиться французам, аристократия должна была бы путем заговора устранить его. Ведь ликвидировала же она, несомненно выполняя функцию национальной элиты, непригодного монарха Петра III. В мировой истории таких примеров тоже множество. Но в лице декабристов аристократия посягает на само государство, на свою собственность. Поистине, известная эпиграмма Ростопчина была уместна! Только надломом можно объяснить такую ситуацию. Никакое воспитание декабристов, никакие иноземные или даже анациональные космополитические влияния не могут объяснить, почему элита сословия принимает участие в разрушении государства, а сословие не отторгает эту часть. Государство постепенно перестает быть своим.

Рассмотрим персоналии.

Гаврила Романович Державин – крупнейший поэт, яркий культурный деятель, глава лидирующего кружка. За свою жизнь был министром у трех государей и считал для себя службу явлением не только нормальным, но и совершенно обязательным.

Следующее поколение – Николай Михайлович Карамзин. Для Карамзина государство несомненно свое, и все-таки он не стремится к обыденной службе, ищет службу особую и находит ее в должности историографа. Указ о вольности дворянской позволял не служить, но этические требования побуждали-таки дворянина искать службы, хотя бы ненадолго. А то можно было и невесты не приискать!

Александр Сергеевич Пушкин служить вообще не любил, не умел, чиновником был плохим, и все-таки государство – это его государство. Правда, ощущает он это только в напряженные моменты, когда государству что-то угрожает. Тогда он пишет "Клеветникам России". Можно представить себе Пушкина сражающимся в ополчении, невозможно – в канцелярии. Но Пушкин – деятель русской культуры с необычайно обостренным национальным чутьем.

Уже в поколении Пушкина многие службой откровенно тяготятся. Еще поколение – и появляются лишние люди. Однако лишний человек

в любом нормальном обществе – это маргинал. Если общество достаточно гуманно, оно его кормит, не дает умереть с голоду, но больше ничего ему не гарантирует. И при взгляде на мировую историю это справедливо. Лишние же люди 30 – 40-х годов бравируют тем, что они лишние.

В классической русской литературе XIX в. исчезает герой (не персонаж, а герой в античном смысле этого слова). У Пушкина герой есть. Есть он в романтической литературе пушкинского времени. Романтизм вообще без героя жить не может. А что происходит дальше?

Вот Гончаров – писатель первого ряда, человек не чуждый героизма, по собственной инициативе совершивший кругосветное плавание, откуда возвращается с Дальнего Востока сухим путем через всю Россию.

В своих Записках он с восхищением описывает встреченных им русских людей (офицеров, чиновников, купцов, землепроходцев). Все они сплошь – герои. Однако по возвращении он пишет не о них, а о диванном лежебоке – Обломове, человеке в высшей степени лишнем. Понятно, что критики, немного утрируя, видят в его Обломове осуждение Штольца, добродетельного делового человека, который пытается спасти погрязших в нищете и безделье жителей Обломовки, да и самого Обломова. Но не Штольц – герой Гончарова, а ведь по пути с Дальнего Востока в европейскую Россию он восхищался штольцами!

В ранних вещах графа Льва Толстого (например, в романтическом "Хаджи Мурате") герои, конечно, есть, есть они и в "Казаках". Но вот Толстой достигает первой, признанной всем миром высочайшей вершины своего творчества, создав эпопею "Война и мир". В этом огромном сочинении он вывел только одного героя – князя Андрея, да и тот ему не удался (едва ли не самый слабый образ романа). Но есть вторая вершина Толстого – "Анна Каренина". Писатель мог сделать своим героем честного, мудрого государственного мужа, умеющего решать самые сложные задачи. Он делает из него сомнительного для читателя семейного тирана. Он мог бы пойти по другому пути – романтическому и сделать своим героем менее серьезного, довольно бестолкового, но, в общем, честного и храброго офицера. Однако в центре повествования оказывается взбалмошная дамочка, которая сначала портит жизнь первому, затем второму из этих персонажей и далее закономерно приводит себя на рельсы.

Антон Чехов бездельником не был, хотя и не был героем. Он был хорошим врачом, трудолюбивым журналистом, изумительно тонким и работоспособным литератором. Но и этот великий мастер рассказа выводит в своих сочинениях бесчисленное количество бездельников. А ведь его героями должны были бы стать его коллега – Ионыч или принадлежащий к его категории просветителей, трудолюбцев – Беликов! Чехов предал Беликова...

У нас достойными внимания оказались те, кто в литературах других странах был маргинализирован самой литературой, не говоря уже об их маргинализации обществом. Из русских литераторов XIX в.

только у Лескова маргиналы не в центре внимания. Вот Лесков и остался для всех чужим: для левых и правых, для традиционалистов и реформистов, для революционеров и архиереев.

Однако в русской жизни XIX в. героев было сколько угодно! Генерал Ермолов и Петр Столыпин, Муравьев-Амурский, Кауфман-Туркестанский – можно называть множество имен из всех сословий. Достаточно вспомнить один только род Муравьевых (три поколения и три ветви одного рода).

Сенатор Муравьев-Апостол, блестящий дипломат, человек безупречной нравственности, который в эпоху сближения России с Францией при жестком императоре Павле I рискнул в разрез с отечественной политикой предоставить политическое убежище французским эмигрантам, будучи в одном из крошечных германских государств представителем российского флага.

Естественно, никто не посмел арестовать находившихся под покровительством русского агента, даже Франция, которая и не заметила бы границ любого Бадена. Но своего императора Муравьев знал и знал, что его карьера могла кончиться. Однако известен документ, где рукою государя начертано: "Действительный статский советник Муравьев-Апостол поступил по совести. Павел".

Два сына сенатора – самые яркие и благородные представители декабристского движения, кузены (три брата Муравьевых) – тоже достойные декабристы. Никита Муравьев – автор разумного умеренного проекта конституции, в противовес безумной деструктивной "Правде" Павла Пестеля.

С этим либералом и пятью революционерами в ближайшем родстве генерал Муравьев-Карский, взявший ряд самых суровых и стратегически важных для России турецких твердынь, и поразительный Муравьев-Амурский – созидатель Российской Сибири и человек, под покровительством которого ссыльные декабристы совершили в Сибири великое дело просвещения.

Их же родственник – Муравьев-Виленский, которого советские авторы предпочитают именовать Муравьевым-Вешателем. А ведь это была лишь шутка. На первом приеме по случаю назначения виленским губернатором его издевательски спросили, не из тех ли он Муравьевых, которых повесили. На что Виленский жестко ответил: "Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают". Сказано это было так сурово и твердо, что и вешать не пришлось.

Был еще и Андрей Муравьев – даровитый духовный писатель, паломник к святым местам Палестины, Греции, Рима, России, чьи книги только сейчас начинают открываться нашему читателю. Был Муравьев – министр юстиции, еще несколько интересных Муравьевых – военных.

Героев хватало, но о них не писали, между тем страна процветала.

Хозяйственный подъем второй половины XIX в. сменился хозяйственным бумом начала XX. Россия переживала демографический взрыв. В 50-е годы нашего века численность российского населения

(по западным данным) должна была превысить 300 млн. человек. Одних это страшило, другими воспринималось как признак неизбежного великого будущего России. Наконец, только во второй половине нашего века, благодаря исследованиям физика Федосеева, стало известно, что на 1913 год наш жизненный уровень был несколько выше, чем у самой Англии. 75 лет советской власти мы учились видеть только свои дореволюционные недостатки и не замечали, что, скажем, старая Россия производила практически все виды продукции, что ее автомобильная промышленность была на уровне немецкой, а авиационная – на уровне американской. Подобные примеры можно привести из разных областей.

Русское хозяйство сохраняло заметную национальную специфику. Значительный удельный вес в экономике в предреволюционной России составляли весьма процветающие мелкие и даже семейные предприятия, высококвалифицированные кустари, которые имели экспорт в страны Европы, но мы продолжаем считать это признаком отсталости реакционной царской России, хотя конец XX века показывает, что наиболее динамически развивающимися предприятиями современного Запада являются средние и мелкие (в том числе семейные) предприятия, более гибкие, эластичнее приспосабливающиеся к требованиям рынка.

Русские рабочие в 1910-е годы имели самую совершенную систему страхования труда и гарантии для наемных рабочих, что признал президент США Тафт, а мы до сих пор продолжаем подозревать, что несчастному угнетенному русскому рабочему почему-то было необходимо, опережая западных коллег, совершить социальную революцию.

С середины прошлого по вторую половину нашего века (130 – 140 лет) живет замечательная русская философская школа. У кого угодно это уже называлось бы русской классической философией. По продуктивности идей, трудов, по влиянию на мыслителей других стран были две сопоставимые с ней эпохи: греческая классическая и немецкая классическая философии. Мы этого не замечаем поныне.

Итак, мы не замечали и не замечаем собственных преимуществ и продолжаем подчеркивать собственные недостатки. Еще в середине прошлого века универсальный мыслитель Алексей Хомяков отметил, что мы заимствуем недостатки Запада, проходя мимо его достоинств. Недостатками Запада мы вытесняем собственные достоинства, при этом наши недостатки при нас остаются. Наблюдение Хомякова справедливо и для XX в., включая его 90-е годы. В этом нет ничего удивительного – это классическая надломная ситуация.

Что же касается высочайшей русской культуры XIX – начала XX в. (Пушкинская плеяда, Серебряный век, блистательная русская архитектура), то для фаз надлома высокая культура естественна. Например, фазу надлома итальянцы проходили в эпоху Возрождения, первыми из западноевропейцев.

Италия впитала раньше средневековой Европы импульс Ренессанса, идущего из Константинополя, дала наиболее блистательные результаты – эпоху Донателло, Боттичелли, Леонардо. Но кончилась эта эпо-

ха для Италии не только тем, что французские и испанские войска разорвали ее в клочья и оккупировали (мы тоже не раз были оккупированы), но и гораздо большим национальным позором – тем, что итальянцы убивали друг друга: одни сражались в испанских, другие – во французских войсках (что прекрасно описано в романе прошлого века "Турнир в Барлетте" Д'Адзельо).

Фаза надлома, вообще – тяжелая фаза, а выход из надлома любому этносу обходится дорого. Поэтому, предаваясь бесконечной скорби по поводу людских потерь XX в., мы лишь продолжаем вести себя, как люди надломной эпохи.

Для немцев выход из надлома – это Тридцатилетняя война. Она шла на территории германских земель и стоила жизни двум третям немцев. Это печально, но уцелевшей трети хватило на германский романтизм, немецкую классическую философию, великолепную в Западной Европе, конечно, лидирующую немецкую музыкальную школу, борьбу с превосходящим противником в двух мировых войнах и в конце концов нынешнюю процветающую Германию. Всему свое время. Они заплатили множеством жизней за выход и вышли. Помнить надо о другом.

Не все этносы выходят из надлома, как не вышли ахейцы (предшественники греков); готы, лангобарды в раннем европейском Средневековье. Но есть и позитивные соображения.

Россия в начале XX в. переживает не только хозяйственный и культурный подъем. Русские явно возвращаются к национальным и, более того, региональным восточнохристианским традициям. Это проявляется во множестве черт.

Например, давно замечено, что величайший русский святой XIX в. Серафим Саровский и величайший русский поэт Александр Пушкин, будучи современниками, ничего не знали друг о друге. А в следующем поколении наиболее яркий философ Иван Киреевский и крупнейший монашеский авторитет Макарий Оптинский взаимодействуют, занимаясь книгоиздательством, они – близкие люди. Еще поколение, и монашеская традиция становится не лидирующим, но заметным элементом русской культуры. Для Константина Леонтьева Амвросий Оптинский и Оптина пустынь – стержень его философского творчества. В Оптиной бывали все сколько-нибудь заметные деятели русской культуры.

Архитекторы в середине XIX тоже уже обратились не только к национальной, но и православной традиции. В середине XIX в. живописцы изображали монахов либо пьяными, либо дерущимися друг с другом в трапезной, а в конце XIX в. для Михаила Нестерова монашеский подвиг – основная тема творчества.

Есть много оснований полагать, что к началу XX в. русская культура обладала потенциалом Возрождения. После работ академика Конрада Возрождение воспринимается как универсальная историко-культурная категория, как форма культурного подъема через обращение к классической древности.

Конечно, для каждого Возрождения в каждую эпоху в каждой стране существует своя классическая древность. Для итальянского Возрождения XV в. ею была римская античность, а для китайцев эпохи Тан – Китай эпохи Хань. Но именно возможность подобных сопоставлений делает Ренессанс универсальной категорией.

Русская культура переживала Возрождение в стилистических формах модерна. Особенность русского Возрождения в том, что избранных периодов классической древности было несколько: античность, Древний Египет, западноевропейское Средневековье, но доминировало, конечно, отечественное наследие (прежде всего русское Высокое Средневековье XIV – XV вв.).

Анализ эволюции русской поэзии от символизма к акмеизму, русской архитектуры от историзма к модерну, русской живописи от плакатно-политического передвижничества к тому же модерну Нестерова, Билибина, Кустодиева, художников "Мира искусства" показывает, что тенденции деструкции уступают место тенденциям созидания.

Примерно то же самое происходит в обществе. В конце XIX в. общество еще сочувствовало революционерам и дружно оплакивало их, если они плохо кончали свой жизненный путь. В 1910-е годы общество от революционеров отвернулось. Сборник "Вехи" 1909 года вызвал бурю негодования в интеллигентских кругах, но возражали, критиковали, бесновались представители старшего поколения, а молодежь "Вехами" зачитывалась. Очень вскоре повзрослевшие гимназисты и студенты, прочитавшие "Вехи", были бы навсегда потеряны для революции, для деструкции, для надлома.

Давно уже отмечено, что, если бы Столыпинская реформа завершилась (предположительно она должна была окончиться в 1926 г.), для революции навсегда были бы потеряны крестьяне.

Все это позволяет предполагать, что Россия в начале XX в. обладала нереализованным потенциалом культурного Возрождения, а русские обладали потенциалом выхода из фазы надлома. Если наша гипотеза верна, то надлом у русских был очень кратким (примерно столетним), зато чрезвычайно продолжительна самая тяжелая переходная фаза выхода из надлома в инерцию. Кроме того, мы осмеливаемся полагать, что совокупность этносов России в некотором смысле вовремя прошла через революцию.

Французы свою революцию прошли после окончания надлома самым неудачным образом – в фазе инерции. В результате они романтизировали и героизировали революцию, до сих пор сохраняют бандитское песнопение в качестве национального гимна, а революционные цвета сделали национальным знаменем.

За это они расплатились на протяжении почти полутора веков тремя революциями, директорией, двумя империями, двумя реставрированными монархиями, пятью республиками, генералом Буланже, вполне реальной гражданской диктатурой Леона Гамбетты, попыткой фашистского переворота. Короче, французов полтораста лет трясло, и

только великий француз генерал де Голль в конце инерции дал Франции стабильность.

Англичане прошли свою революцию более чем на сто лет раньше – в фазе надлома. В фазе инерции они (ровесники французов) не только не сохранили революционной романтики, героики и истерии, но сделали революцию для себя неприличной. Английский традиционализм – это традиционность, но также отрицание всякой и всяческой революции. Если и есть культурная категория "английскости", то она обращена к нормандскому, англосаксонскому, даже британскому, кельтскому Средневековью, к античной кельто-римской древности. Она обращена и к более близким эпохам – к традициям елизаветинского времени, когда Англия становилась властительницей морей; к традициям викторианским, когда Англия была уже самой благоустроенной, процветающей державой, хотя и не самой богатой; к любым другим традициям, только не к революционным!

И русские, в тяжелых условиях, при серьезном противодействии многих соседей выходя сейчас из надлома, могли бы точно так же сделать неприличной свою революцию. Тогда нас может ждать по-своему переживаемая некая викторианская эпоха и будущая благоденствующая Россия. На это не жалко ни трудов, ни средств. Любых средств.

Антисистема

Антисистема – категория новая в гуманитарном знании. Понятие антисистемы предложил Лев Гумилев. Он уделил много внимания этому историческому явлению. Ему посвящена заключительная глава основного трактата Гумилева "Этногенез и биосфера Земли", значительная часть главы "Этногенез и культурогенез" работы "География этноса в исторический период".

В своих работах по русской истории Гумилев тоже обращал внимание на антисистемные явления. По сути дела, антисистема принадлежит не этнологии, а культурологии, истории культуры. Но Гумилева это заинтересовало, он подробно и убедительно описал, хотя и не определил, эти структуры, разрушительные для этноса. Ибо антисистемы – структуры, способствующие сокращению жизни этноса, а следовательно, разрушительные для общества и могут рассматриваться в обеих областях исторического знания.

Нам представляется важным внесение категории "антисистема" в область политической истории, социологии, политологии. Возможно, это важная категория и для ряда областей географической науки.

Весьма интересно – и к этому мы еще вернемся, – что Гумилев не дал дефиниции антисистем. Но называл их и призраками систем, и системами, стремящимися сменить мироощущение на обратное, сменить знак стереотипа поведения данного этноса или его части, субэтноса, социальной страты. Лев Гумилев убедительно отмечает ряд характеристических черт антисистем. Антисистемы отличаются негативным мировосприятием и, как следствие этого, стремятся к разрушению мироздания. Таким образом, пафос антисистемы – самоубийство.

Антисистемы или большинство их рождаются в зонах контакта великих культур, из чего можно сделать вывод, что большинство антисистем синкретичны. Несколько более смелый и, быть может, преждевременный вывод: все синкретические конструкции – религиозные, социальные, философские – суть антисистемы или ведут к образованию антисистемы. Антисистемы всегда характеризуются разрешенностью лжи или даже праведностью лжи для адептов данной антисистемы. Из этого наблюдения необходимо вытекает следующее: антисистемы, по крайней мере в своей социально структурированной части, герметичны и представляют собой структуры с множеством степеней посвящения, в которых на каждой новой ступени посвящаемому открывается некая новая "истина", иногда полярно исключающая "истину" предыдущую. В силу разрешенности лжи адепты антисистемы охотно используют любые привлекательные стереотипы системы, на которой паразитируют. Правильно воспитанный кармат, принадлежащий к антисистеме мира ислама, вел себя с шиитом как шиит, с суннитом как суннит, казался христианину – христианином, еврею – евреем.

Эта тенденция универсальна, и из нее проистекает печальный вывод о невозможности полемики с антисистемой. Любой наш аргумент будет незамедлительно присвоен и предложен нам уже как аргумент антисистемы. Исключительное удобство разрешенности лжи!

Наконец – и это особенно важно при рассмотрении русской культуры, – если антисистема, захватывающая большинство населения небольшой страны или большинство членов некоторой замкнутой группы, стремительно подталкивает их к самоубийству, то совершенно иная ситуация наблюдается, когда представители антисистемы захватывают власть в некотором регионе, большинство населения которого не включено в антисистему. Тогда антисистема меняет знак. Прекращая саморазрушение, она порождает в обществе более или менее деспотический режим, в котором представители антисистемы образуют элиту.

Этот режим не разрушает сам социум, ибо социум рассматривается представителями элиты только как некое средство их собственного антисистемного благоденствия, как рабочая скотина. Подобные, сменившие знак антисистемы могут жить долго, отказавшись от основного принципа антисистемы – отвержения мироздания. Однако, потерпев политическое поражение и потеряв место "элиты", подобная антисистема снова меняет знак, ибо законсервированный характер не меняет ее сущности: потеряв власть, перестав быть "элитой", антисистема снова становится антисистемой, снова подталкивает этнос к саморазрушению.

Существуют два вопроса, поставленные Львом Гумилевым и, как нам представляется, весьма далекие от разрешения. Так, ученый сблизил понятие антисистемы и химеры, ложноэтнической общности попыткой искусственно, политически или шире, социально-культурными средствами, сформировать этнос. Гумилев приводит в разных своих работах множество примеров химер и достаточно убедительно показывает неизбежность их распада. Но вот насколько антисистема – порождение химеры (а ученый все более склонялся к этой точке зрения), нам

думается, судить преждевременно, хотя бы потому, что история знает много больше антисистем, чем химер.

Антисистемы, как видно из работ других авторов, могут рассматриваться уже в древнейшей части документальной истории человечества, на материалах IV – III тысячелетий до нашей эры. В эти эпохи сама чрезвычайная разреженность населения делала сомнительной попытку химеризации. Химеры недолговечны, в то время как срок жизни антисистем может исчисляться многими столетиями, а может быть, и тысячелетиями. Попытка химеризации подразумевает значительность межэтнических контактов. Антисистемы тоже часто возникают в зоне межэтнического контакта, особенно синкретические антисистемы. Но пока невозможно доказать, что антисистемы всегда рождаются только в зоне контакта. Категория "химеры" принадлежит этнологии, без сомнения. Категория антисистемы скорее принадлежит культурологии. Оба эти явления, несомненно, деструктивны для этноса и для социума, однако химеры распадаются самостоятельно от внутренней деструктивности. Можно предполагать, что антисистемы самостоятельно не распадаются никогда. Все исчезнувшие антисистемы подвергались истреблению.

Таким образом, преждевременно считать антисистему порождением химеры или, осторожнее, процесса химеризации; а вот антисистема, действительно, может стремиться породить химеру, что прекрасно иллюстрирует история России. Действующая в революции антисистема или группа антисистем, придя к власти, предприняла попытку тотальной химеризации, создания ложноэтнической общности "советский народ". То, что химеризация не удалась, можно считать большой удачей русского общества, но тем не менее такая попытка имела место.

Еще один вопрос, порожденный гумилевской разработкой антисистем, возможно, и не может быть разрешен средствами исторической науки. В самом деле, совершенно не ясно, каким образом антисистемы могут консервироваться, в течение длительного времени сохраняться в скрытом "эмбриональном" состоянии и затем воспроизводиться. Манихейская антисистема прекращает свое существование, во всяком случае не упоминается в исторических источниках уже в VII в., а в X в. антисистемы манихейского корня распространяются по всем культурам средиземноморского ареала. Где хранилось учение манихеев в продолжение трех-четырех столетий, нам неизвестно, но философы, историки, практические деятели Средневековья не ошибались, именуя павликиан и богомилов, катаров и альбигойцев манихеями.

Повторим еще раз, что, возможно, эта проблема неразрешима. Если антисистема в неблагоприятных условиях обладает способностью сжиматься до размеров небольшого кружка, никакие исторические источники не донесут до нас этой информации.

Как ненавидели мироздание, как убеждали самих себя и немногих приближенных адептов в допустимости и праведности лжи, на каких кухнях злобствовали, глядя на окружающий мир, те, кто сохранял антисистему на протяжении многих поколений, мы можем только гадать,

строить фантазии, но наши гипотезы не будут научными, ибо невозможно существование источников, на которые эта гипотеза бы опиралась.

Именно эта способность антисистем как бы исчезать, а затем реконструироваться более всего подталкивает нас к скептическому отношению к самой гумилевской теории. А быть может, антисистема есть нечто чисто умозрительное? Может быть, подобным образом было удобно провести обобщение одному Гумилеву? Нам представляется, что, хотя термин "антисистема" – недавний, хотя источники именуют их по-разному: антисистемы оказываются ересями, группами революционеров, интеллектуальными клубами, тем не менее Гумилев был прав, и общие черты антисистемы мы можем достаточно убедительно проследить. Люди не знали категории антисистем, и тем не менее отдельные религиозные и философские конструкции в разные эпохи, сталкиваясь с разными культурами и социальными системами, вызывали отчаянное и агрессивное сопротивление окружающего мира. Сасанидский Иран был исключительно веротерпим. В нем, кроме зорастрийцев, уживались представители разных религиозных систем, а христиан начали принимать раньше, чем терпимость к ним проявил Императорский Рим. И тем не менее манихеи подвергались истреблению. Римский мир был иным и лежал в рамках иной великой культуры, античной, и тоже стремился к истреблению манихеев. Терпимость первоначального победоносного Халифата была достаточно высокой, правда, первые мусульмане старались обратить или уничтожить язычников, но и христиане, и иудеи, и зорастрийцы могли существовать в пределах Халифата вполне безбедно, уплачивая лишь незначительный дополнительный налог.

В то же время зиндиков уничтожали, и даже существовала специальная должность инквизитора, чей пост назывался "палач зиндиков". Кстати, "зиндик" – от слова "зенд" – знание, калька греческого "гностик" – адепт античной антиситемы. Но это практические представления самых разных народов. Мы можем привести длинную иерархию, в которой не последнее место займет практически поголовное истребление исмаилитов, подчинявшихся Старцу Горы, победоносными монголами.

Генетическое родство многих антисистем не было секретом и для многих самых образованных деятелей Античности и Средневековья. То, что академическая наука до относительно недавнего времени не выделяла антисистем, не удивительно. Слишком иррациональным оказывался предмет изучения. Но до поры. Появляются религиоведение, история культур, этнология. XX век отличается в лучшую сторону от предшествующих эпох существования академических университетских наук тем, что ни один предмет не может быть исключен из числа изучаемых. Кроме того, поразительные наблюдения делаются на стыках различных академических дисциплин и, что уже совсем интересно, делаются не только учеными, а и художниками слова, и философами. Так происходит и с антисистемой. Гумилев начал изучение своих антисистем с пе-

риода эллинизма. Но мы теперь можем предложить рассмотрение их в значительно более удаленную историческую эпоху.

Рассматривая в своем трактате "Вечный человек" столкновение Рима и Карфагена, Гилберт Честертон, решительно принимая сторону Рима, дает Карфагену удивительную характеристику. Город, государство, общество, – которое верило, что зло всегда побеждает. Эмоции? Эмоциональная, ненаучная оценка? Однако если мы обратимся к статьям современного американского исследователя ханаанейской мифологии С.Гордона, то мы увидим, что эта система, из которой выросла и религиозная система Карфагена, именно такой и была, и основополагающие мифы Ханаана повествуют о преобладании Ваала над древним богом Элом. Но ведь Эл на семитических языках означает просто "Бог"! И таким образом, мифология Ханаана содержала определенный момент отвержения мироздания, негативного к нему отношения. Кстати, антисистемы часто полагают, что зло неизбежно побеждает. Сомневающийся в этих словах может обратить внимание на любые советские учебники истории. В них в каждую отдельную историческую эпоху побеждает зло – крестьянам всегда становится жить все хуже и хуже, даже удивительно, как крестьянство ухитрилось просуществовать до XX в.

В известнейшем трактате "Социализм, как явление мировой истории" Игорь Шафаревич рассмотрел уравнительные социалистические тенденции, начиная с Шумерских храмовых государств, т.е. примерно на протяжении пяти с половиной тысяч лет. Определенные примеры в работе Шафаревича могут считаться спорными. Так, например, спорна попытка применить категории социализма для рассмотрения истории Египта. Границы уравнительных тенденций в древнейшей Китайской истории, безусловно, должны быть скорректированы. Китайский материал был воспринят автором не критически, но это ничего не меняет. Достаточно того, что социалистические тенденции просматриваются на протяжении тысячелетий, и они всегда, в той или иной степени, разрушительны. Стремятся к разрушению социального уклада, к его предельному упрощению, разрушению аристократии, религиозной общности, семьи, бюрократизации государства и бюрократизации жизни.

Таким образом, эти системы подпадают под определение антисистемы, данное Гумилевым. Является ли социализм антисистемой, или социалистические черты присущи большинству антисистем – могут показать только специальные исследования вопроса. Во всяком случае, чрезвычайно важно, что трактат Шафаревича рассматривает историко-культурные явления, аналогичные соответствующим главам и статьям Гумилева, часто просто одни и те же. Шафаревич даже утверждал, что итог социализма, логический финал, к которому он должен прийти, – это массовое самоубийство. К самоуничтожению стремились типические антисистемы в силу своего негативного восприятия мироздания. Мы можем на недавних примерах отметить правоту подобного утверждения. К самоубийству этническому, тотальному самоубийству вела кхмерский этнос социалистическая система Пол Пота. Гайанская трагедия, чей масштаб был меньше (несколько сот человек), увенчалась на глазах

ужаснувшегося человечества успешным групповым самоубийством. Если внимательно изучить замкнутые секты, которые практиковали групповое самоубийство на протяжении XX в., – а ряд примеров имеется, – возможно, удастся найти повторяющуюся социалистическую тенденцию, и, несомненно, рассматривая подобные секты, мы найдем во всех них антисистемный характер.

Обращение к мифологическим системам древности и древним культурам дало возможность обобщить антисистемные явления ряду величайших литераторов нашего столетия. Так, великий мистический поэт Даниил Андреев в своей "Розе Мира" усмотрел общее в разрушительных религиозно-философских системах и применил к ним термин "религии левой руки". По сути дела, он собрал под этим названием то, что у Гумилева названо "антисистемой".

Интересно, что сделал это человек предельно религиозно терпимый, сочинения которого прямо призывают к содружеству религиозных и культурных систем.

Выдающийся английский писатель Джон Рональд Толкин, чьи произведения посвящены активной борьбе со злом, описал неоднократно действие лжи во всей его разрушительности. Можно, как в "Сильмариллионе", так и во "Властелине колец", найти многие черты антисистем, однако, в соответствии с жанром творчества, в вымышленной, сказочно-мифологизированной форме. Нам представляется, что особенно четко антисистема прослеживается в хронике "Падение Нуменора".

Многие работы ученых-религиоведов дают нам основание утверждать, что классические антисистемы, убежденные в примате зла, в примате деструкции в нашем мире, часто явно или скрыто стоящие на позициях негативного мировосприятия, никуда не исчезли, и если не были заметны в XVIII – первой половине XIX в., то зато сейчас, в наше время, их великое изобилие.

Антисистемами современности занимался видный американский ученый, православный иеромонах Серафим Роуз. Этому посвящена его работа "Православие и религии будущего". Автор рассматривает, как разрушительны синкретические секты и системы, т.е. то, что образуется в религиозно-философской жизни в результате смешения нескольких религиозных учений с принципиально различными системами ценностей, в результате смешения несовместимого.

Подобные смешения делаются всегда ценой насилия над системой, т.е. ценой лжи. Ибо совершенно невозможно образовать непротиворечивую синкретическую структуру из идеалов, скажем, буддизма и христианства, потому что христиане – последовательные реалисты, а для достаточно глубокого буддиста мир реальный – это майя, иллюзия. Тем не менее такие секты появляются. Они всегда или часто являются антисистемами, они вносят деструкцию в данное общество, а следовательно, сокращают жизнь данного этноса. Богатейшую панораму синкретических антисистем теперь уже удобнее наблюдать не в Америке, а в России, где последовательно даже в поле зрения печати оказываются

"Белое братство", "Богородичный центр" и еще более причудливые секты. Менее заметно, но постоянно действуют такие синкретические антисистемы, как секта американского корейца Муна, чья деятельность запрещена в ряде европейских стран.

Наш современник, незаурядный апологет и философ, диакон Андрей Кураев, в своих статьях описал еще несколько интересных особенностей антисистем нашего времени.

Например, склонность, в силу разрешенности лжи, скрывать религиозные объединения под вывеской научных, научно-просветительских обществ.

Об антисистемных явлениях в академической среде и возможности сложения антисистем еще в 50-е годы писал замечательный английский писатель и апологет, друг Джона Толкина, Клайв Льюис. Третья часть его космической трилогии, роман "Мерзейшая мощь" – блестящее и убедительное описание антисистемы современности. Миниатюра "Баламут произносит тост" Льюиса – это, буквально, сводка антисистемной методологии, особенно применительно к образовательным системам.

Все перечисленные авторы в основном касались классических гумилевских антисистем. Нам представляется, что антисистемы, по преимуществу обращенные ко злу, к небытию, негативно воспринимающие мир, человека в этом мире, антисистемы, стремящиеся освободить от оков мира своих адептов, более характерны для Древности и Средневековья.

Антисистемные явления в Новое время проявляются иначе. Во-первых, антисистемы Нового времени, по крайней мере за пределами узкого круга высших посвященных, негативно ориентированы не на мироздание, а на творение человека, на культуру. Конкретную религиозную систему и порожденную ею великую культуру. Конкретную нацию и созданный ею национальный культурный вариант. Конкретное государство как порождение национальной культуры.

Подобным антисистемам тоже уже много веков. Возможно, первый европейский пример рассматривает французский историк и популяризатор истории Робер Амбелен в своей переведенной на русский язык книге "Драмы и секреты истории", в главе "Тайный внутренний круг Тамплиеров". После публикации книги Амбелена отпадают все сомнения в том, что тамплиеры образовывали своеобразную синкретическую секту-антисистему. Что учение этого внутреннего круга состояло из противоречащих друг другу элементов различных религий. Что тамплиерство было разрушительно для западнохристианского мира и его культурных порождений – национальных и государственных образований.

Эта старейшая неклассическая антисистема была физически уничтожена, как и антисистемы классические. Здесь мы можем подтвердить печальный вывод Гумилева: антисистема может быть только полностью уничтожена.

Само собой разумеется, люди далеко не всегда были готовы к столь крупному кровопролитию, как тотальное уничтожение адептов

антисистемы. Весьма часто антисистемы вытеснялись за пределы страны, государства. В этом случае разрушительное действие антисистемы может сказаться значительно позднее, иногда через много столетий. Уместно отметить, что таким анклавом вытеснения антисистемы во времена Высокого Средневековья была Босния. Разрушительный характер этого европейского захолустья сказался в наши дни.

Все же антисистема, целенаправленно разрушающая культуру, конкретную религиозную систему, конкретную национальную традицию, для Средневековья – редчайшее исключение. Ей открывает дорогу эпоха Возрождения, автономизировавшая ценности. Результатом этой автономизации явился отрыв этики от религиозного учения и, как прямая закономерность этого, отрыв политики, прикладной этики от, собственно, этической системы, от нравственности. Антиэтичность Возрождения и появление в эту эпоху многих кружков, поклонявшихся злу в более или менее открытой форме, рассмотрены крупнейшим русским философом второй половины XX в. Алексеем Лосевым в его "Эстетике Возрождения".

Но наиболее заметны такие системы становятся с XVIII в., с эпохи Просвещения. В Просвещении расцветают пышным цветом антисистемы, воспринимающие негативно часть мироздания, конкретную культуру, например региональную или национальную. Их идеологию легко наблюдать в таких сочинениях видных просветителей, как "Персидские письма" Шарля Луи Монтескье или "Гурон" Вольтера. Персонаж обладает уровнем цивилизации современных ему французов, говорит на безупречном французском, знает, как вести себя в обществе, а вместе с тем не понимает ничего из культурного комплекса данного общества, а потому воспринимает весь этот культурный комплекс как нелепый, безумный. Владеет техническим уровнем общества, но не воспринимает все, что составляет его культурную традицию, – монархию и преданность монарху, аристократию, Церковь, коммунальные демократические институты и тому подобное, вплоть до бытовых особенностей, бытовых отличий данного народа.

Подобные "персы", подобные "индейцы" не встречались на Иранском нагорье или в долине Миссисипи, но зато они в изобилии выращивались в аристократических салонах, философских академиях и масонских ложах.

Рассматривая подобную антисистему, хотя и не зная еще этой категории, еще один видный историк XX в., Огюстен Кошен, занимавшийся историей Великой Французской революции, предложил категорию "малый народ". Этот термин неудачно переводится на русский язык, в котором "народ" – категория этническая. Вероятно, термин Кошена адекватнее по-русски звучит как "малое общество", так как это категория не этническая, даже не социальная, а чисто культурологическая. "Малое общество" – это группа людей с негативным мировосприятием, группа, принадлежащая по формальным признакам к данной культуре, но воспринимающая ее негативно, даже с ненавистью.

Интересно, что этот круг можно расширить, применив его к истории английской революции. Там подобным негативным восприятием окружающей культуры отличались пуритане, английские кальвинисты, составившие ядро и наиболее разрушительную силу этой революции. Но пуритане достигли апогея своего могущества не в Англии, к счастью для английской культуры, а в Новом Свете, где они составили большинство и в силу этого утратили свой антисистемный характер. По принципу разрешенности лжи антисистема "малый народ" вовсе не обязательно должна негативно относиться к самой нации, к идее патриотизма. Французская революция, как известно, проходила под знаменем патриотизма. Вполне достаточно, чтобы вместо реально существующей Франции знаменем патриотов была вымышленная Франция. Чем более пламенно в этом случае адепт антисистемы, адепт будущей Революции любит эту вымышленную Францию, тем более пламенно он ненавидит Францию реальную, со всеми ее нелепыми, с его точки зрения, традициями.

Нам думается, что подобные антисистемы и подобная антисистемность, ориентированная на основы мироздания непосредственно, не на природный мир, не на установления, присущие большинству людей, скажем на семью, а негативно воспринимающие только конкретную национальную культуру, наиболее характерны вообще для Нового времени, вплоть до наших дней.

В истории России мы встречаемся в основном с подобными антисистемами. До XV столетия история русской культуры не знает антисистем. Мощная культура домонгольской Руси, опиравшаяся к тому же на первоклассную цивилизацию, на исключительно высокий жизненный уровень для XI – XII вв., не восприняла антисистемного влияния, несмотря на высокий для той эпохи удельный вес городского населения (а город, несомненно, более удобная среда для возникновения антисистемы), несмотря на широчайшие международные контакты со всеми регионами, где существовали антисистемы. Ни от Византии, ни от балканских славян, ни с Запада, ни из мусульманского мира – ничего деструктивного заимствовано не было.

В XIII – первой половине XV в. новый этнос – русские, или великороссы, переживают фазу подъема. Кроме высокого уровня внутриэтнической солидарности, обычного для подъемов, Русь слишком бедна для того, чтобы тратить время, силы, мыслительную энергию на отвлеченные построения. И только в конце XV в., накануне создания Российского государства, появляется первая антисистема в виде так называемой "ереси жидовствующих". Это антисистема Нового времени. Она представляла собой, во-первых, вполне организованный кружок, точнее – ряд кружков довольно высокого среднего уровня образованности, что справедливо позволило Дмитрию Лихачеву считать ее типичной для интеллектуальных ренессансных кружков. Она была синкретична: название ее, родившееся в ту эпоху, более чем условно. Единственно, что и было иудейского в этих группах, – это активное использование талмудической критики Нового Завета. Эти кружки активно прибегали ко

всем достижениям оккультизма своего богатого колдовскими увлечениями времени. Они были скептичны, особенно по отношению к своему миру, к своей культуре. И, несомненно, претендовали на то, чтобы подчинить своему влиянию все интеллектуальное ядро, достаточно незначительное в России XV столетия.

Принцип "разрешенности лжи" прослеживается в этой ранней антисистеме убедительно. Первый новгородский кружок был, после нескольких лет существования, обнаружен энергичным архиепископом Геннадием. Участники кружка незамедлительно принесли полное и, вероятно, внешне выглядевшее необычайно искренним, покаяние и, покаявшись, приобрели свободу от ответственности – архиепископ Геннадий про разрешенность лжи еще ничего не знал. Это дало возможность Новгородскому кружку основать Московский и некоторые провинциальные. Но есть и другое применение принципа "разрешенности лжи". Московские еретики активно прибегали к подлогу в пропагандных целях. Так, от них сохранилась и описана историками Казаковой и Лурье Псалтырь, которая по своей структуре, внешним показателям и начальным страницам, действительно, представляла собой образцовую славянскую Псалтырь своей эпохи, но по мере углубления в эту книгу вы видите, как псалмы заменяются специфическими текстами, выработанными внутри антисистемы. Таким образом, грамотный, но малообразованный человек читал то, что было необходимо пропагандисту, искренне при этом полагая, что читает Псалтырь.

Интересна аналогия с антисистемой XX в. Автору этих строк довелось видеть в частном собрании в Москве солдатский молитвослов времен первой мировой войны без даты и места издания. Это, действительно, молитвенник, и начинается он, как все православные молитвенники, утренними молитвами, молитвой Иисусовой, молитвой "Отче наш". Нас не удивило бы, если бы через несколько страниц в книжке оказалась политическая прокламация, – это нисколько не означало бы антисистемного момента, так всегда маскировали свои книги революционеры, те или иные пропагандисты. Если бы, скажем, на седьмой странице обнаружился текст типа "Россией управляет не правительство, а шайка разбойников во главе с венценосным атаманом Николаем II", – это не означало бы антисистемности документа. Вместо этого продолжаются молитвы. Однако каковы молитвы? Через одну, через две – это молитвы о том, чтобы Господь вразумил правителей прекратить братоубийственную войну. Легко представить себе, какое влияние это оказывало на действующую армию, оказываясь в руках солдат!

Однако вернемся к Позднему Средневековью. На пороге Нового времени Россия встретилась еще с одной антисистемой, в отличие от ереси жидовствующих, не ввезенной, не импортированной, а разработанной с богатейшей фантазией на местном материале. Речь идет об Опричнине.

Приоритет рассмотрения Опричнины как антисистемы принадлежит Льву Гумилеву и Александру Панченко в их замечательном диалоге "Свеча бы не угасла". После трудов С. Веселовского, А. Зимина,

Р. Скрынникова отпали все возможности рассмотрения Опричнины строго в рамках социально-политической истории. Ни социально-экономической, ни социально-политической целесообразности, вообще никакой социальной основы у Опричнины не было. Можно считать общим местом работ нашего времени справедливое рассмотрение Опричнины как аппарата личной власти тирана. Это тем более легко принять, что Иван IV не только первый тиран в отечественной истории, но и тиран, мы бы сказали, классический, подходящий под все возможные определения тирана, начиная с античных авторов. Менее очевидно, что Иван IV был первым, прослеживающимся в нашей истории, западником. Это тоже было проанализировано тем же профессором Панченко в соавторстве с Л. Успенским. Но западничество Ивана – вопрос его личного вкуса.

Общество и русская культура не были готовы вместить фактор западничества, а тиран не располагал механизмами, которые бы позволили ускорить этот процесс. Иное дело – антисистемность его изобретения. Опричнина была основана на принципе отречения опричников от собственной нации, сознательного и обязательного отречения от семьи. Опричнина подразумевала и отречение от собственного вероисповедания.

Достаточно отметить обязательное участие опричника в пародировании монашеской жизни. Опричник, несомненно, готовился к исполнению своих задач в качестве человека, лишенного шансов на прощение. Опричнику не на что было надеяться в вечной жизни. А в XVI в. это было основой жизни любого человека, в том числе любого разбойника. Опричнику, таким образом, после всех отречений оставалось только служение злу. Это осознавалось окружающей опричника социальной средой. Не случайно пародирование названия "опричнина", "опричники" термином "кромешники". Слово "опричь" и означает "кроме". Но вместе с тем "кромешник" прямо указывает на адский характер выполняемой миссии. "Тьма кромешная" – в славянском тексте Писания.

Весьма сомнительным показалось бы утверждение, что опричники стремились разорвать связи с материальным миром. Однако история Опричнины и ее соучастников подтверждает, что все они и привели к гибели свою недолговечную антисистему и друг друга в отдельности. Можно считать последним опричником, который был социально уничтожен в результате несовместимости с нормальной жизнью страны и общества, Василия Шуйского, самого неудачного правителя в истории России. Ереси жидовствующих, приходящейся на фазу этнического подъема, Опричнине в начале акматической фазы, разумеется, не удалось увлечь в деструкцию большую часть русского общества своих эпох.

Но историко-культурные последствия существования этих антисистем колоссальны, особенно если учесть ничтожное количество адептов первой антисистемы и относительно небольшое – второй. Речь идет о значительном снижении уровня социальной нравственности к концу XVI в., после двух волн антисистем в России.

Тем не менее в XVII и XVIII вв., в эпоху сложения Российской империи, приобретения русской культурой имперского характера, превращения России в несомненный центр Восточнохристианской культуры и цивилизации, мы можем наблюдать много интересных явлений, в том числе и сложение парадоксального феномена "русского западничества", но антисистем мы не наблюдаем. Не наблюдаем до вступления ведущих этносов в фазу надлома.

Русская антисистема XIX в. определенно формировалась по описанной Огюстеном Кошеном схеме "малого народа" или "малого социума". Она могла быть включена в те или иные организации или не организовываться. Она никогда не была по-настоящему социально структурированной. Хотя в огромной степени, как и любая антисистема, прогрессировала в маргинальных слоях. Она сложилась в необычайно выгодной для расцвета антисистемы ситуации.

Напомним, что фаза надлома резко снижает внутриэтническую солидарность. Снижает солидарность и внутри суперэтноса, внутри великой культуры.

Напомним также, что антисистема могла использовать внутренний раскол этнического поля, тот российский парадокс, который был создан в XVIII в. распространением русского западничества.

Антисистемные проявления не могут быть объяснены, исходя только из категорий этнологических, из определения характерных черт фазы надлома как таковой. Антисистема не может быть объяснена западничеством, так как не все представители антисистемы ощущали себя западниками, и уж тем более далеко не все западники были носителями антисистемного мышления.

XIX век в России был необычайно удобен для распространения антисистемы. Пожалуй, антисистемное мировоззрение первым наилучшим образом описал Достоевский в строках о Герцене в Дневнике писателя за 1873 г. "К русскому народу они питали одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего.

Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, – каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ. Этот идеальный народ невольно воплощался тогда у иных передовых представителей большинства в парижскую чернь девяносто третьего года".

Негативное отношение к России революционера или радикального реформатора само по себе не свидетельствует об антисистемности его взглядов.

Целью революции может быть изменение социальной картины сохраняемого общества и сохраняемого этноса. И тогда революционное мировоззрение не антисистемно, а революционная организация не есть антисистема.

Целью революции может быть коррекция или полная смена элиты данного социума. Это удобно для внедрения в социум антисистемы, но само по себе еще не антисистема. Однако мы видим в России не только

негативное отношение к правительству и правящей элите, к сложившейся системе власти. Мы видим устойчиво негативное восприятие национальной традиции, национального уклада, стремление не видеть национальной аристократической традиции, национальной традиции демократической. Видим презрение к нации, т.е. презрение к народу, в сочетании с болезненно гипертрофированным требованием служения народу. При таком подходе служение народу превращается в служение плебсу. Не только Россия приобретает фантастические черты в умах радикалов, но и русский народ приобретает черты фантастические, черты социальных низов. Несложно видеть, что, когда некий реформатор, радикал рассматривает общество по низшему социальному срезу, – это разрушительно для общества, а следовательно, и для этноса. Для этноса болезненна утрата национальной элиты, но это возможно преодолеть. Однако в случае антисистемного подхода, который нам сейчас открывается, разрушению подвергается уже не элитарная среда, а средние слои общества, которые и являются несомненным фундаментом, опорой любого общества, следовательно, и любого этноса. Заметим здесь неслучайность того, что в интеллигентском сознании XIX в. средних слоев в русском народе как бы и не существует.

Зажиточный крестьянин, обширные слои ремесленников, складывающиеся с развитием промышленности круги высококвалифицированных рабочих, так называемая "рабочая аристократия", профессионально ориентированная нереволюционная интеллигенция, например инженеры, мелкие, в основном провинциальные чиновники, – всего этого как бы нет. Со времен античных мы встречаемся с двумя основными социальными значениями термина "народ", "демос", "пополо". Подход этнокультурный, при котором "демос" практически идентичен этносу: народ есть нация, и социально-стратификационный: если мы отсекаем от народа, как самостоятельное целое, элиту, аристократию, "всадничество", то неизбежно должны отсекать и низы, плебс, хлопство, пролетариат. Тогда народ – это среднее большинство гражданского общества и среднее большинство нации.

Легче всего увидеть реальность антисистемы XIX в. в противопоставлении дворян народу, а во второй половине XIX в. – интеллигенции народу. Эта точка зрения, не изжитая в нашем обществе и в нашей литературе до настоящего момента, – результат продолжительного действия антисистемы. Если дворянство или интеллигенция не часть народа, то тогда мы рассматриваем средние слои как часть плебса, отталкиваем базовую и процветающую часть общества к его нижнему полюсу. Одновременно, изолируя элитную, или считающуюся элитной, группу, мы придаем ей черты опричнины, группы, пребывающей вне социума и вне нации.

Замечательную иллюстрацию антисистемного мышления подобного рода наблюдала Е. Кириченко, один из крупнейших отечественных историков архитектуры. Она отмечает, что постройки архитектора Константина Тона, и прежде всего его храм Христа Спасителя в Москве, воспринимались полярно. Высшей бюрократией и радикальными кру-

гами – как символ бюрократической империи, а всем остальным обществом – как олицетворение национальной православной культуры. Антисистема в России не располагалась только в революционных кругах: они были в любой момент времени малочисленны. Но антисистема вольготно располагалась среди интеллигенции, особенно маргинальной, – а мы отмечали, что большая часть российской интеллигенции в XIX в. была маргинальна, – и в кругах бюрократических. Ведь чиновники тоже в значительной степени были маргинальны, и не только потому, что существовало более чем значительное количество низших чиновников разночинного происхождения, а и потому, что в бюрократической системе происходит естественный отрыв ее членов от нормальных аристократических или демократических традиций как воспитания, так и существования. Бюрократизированность старой России – дополнительное условие успеха антисистемы.

Известны события "Кровавого воскресенья" 9 января 1905 г. Блистательно проведенная эсеровская провокация. Уже давно историки располагают сведениями, что священник Георгий Гапон был действительно провокатором, но провокатором эсеровским, и в качестве революционера давно должен был быть реабилитирован. Но гораздо интереснее, что накануне трагедии министр внутренних дел России, либеральный чиновник, любимый общественностью, князь Святополк-Мирский, на докладе в Царском Селе, на вопрос о положении в столице, дезинформировал Императора, заверив, что в столице все спокойно.

8 января Святополк-Мирский точно знал о готовящемся шествии и как министр внутренних дел, по административной линии и от полиции, и как шеф корпуса жандармов. Минимум три источника должны были предупредить министра.

Мы не можем предполагать, что по каким-то обстоятельствам сплоховал более чем один источник. То есть один из главных, как теперь говорят, силовых министров сознательно спровоцировал трагедию, которая должна была столкнуть в непосредственном противостоянии не правительство с народом, а само государство, монархическую идею и нацию, что и удалось в этой, повторим, блистательно проведенной провокации. Это малоизвестный пример. Их множество, им несть числа.

Давно отмечены и многие другие антисистемные черты в полуобразованной части общества дореволюционной России. Дело в том, что культурная элита России была почти не затронута антисистемными тенденциями. Если мы обратимся к сборнику "Вехи" 1909 г., то мы заметим, что революционная и радикально-реформистская интеллигенция (причислим туда же и многочисленное сочувствующее чиновничество) была абсолютно невосприимчива к высшим достижениям отечественной философской и гуманитарно-научной мысли, о чем свидетельствует статья Н. Бердяева. Мы отметим с вами происходящее в бешеном темпе разрушение семьи, семейного уклада, супружеских отношений в этих кругах, чему посвящена прежде всего статья Изгоева. Мы заметим, благодаря С. Франку, утопический характер идеологии радикальных кругов и вспомним, что утопии по большей части были связаны с анти-

системами XVI – XVIII вв. Возможно, более всего дает для осознания реальности существования антисистем в России статья С. Булгакова, благодаря которой мы можем оценить "орденский характер" революционной и радикальной русской интеллигентности (это при отсутствии формальной ее организации). Ну, и пожалуй, самое главное – стремление к небытию, стремление к смерти.

Булгаков справедливо отмечает, что подлинным гимном русской революционной интеллигенции был похоронный марш. Если мы сопоставим это с воспоминаниями революционеров, а современному отечественному читателю вполне доступны воспоминания Бурцева и Савинкова, мы получим множество примеров, включая поразительный трагикомический эпизод с террористкой Дорой Бриллиант, которая требовала, чтобы ей тоже разрешили умереть за благо народа.

Итак, по крайней мере с середины XVII в. в России действует антисистема или группа антисистем, разграничить которые возможно с помощью скрупулезного исследования. Антисистема не была локализована политически и даже социально.

Процесс уничтожения, вытеснения в маргинальные слои, вытеснения в эмиграцию представителей антисистемного мировоззрения, сохранивших свои взгляды, хорошо описан у А. Бунина в целом ряде его сочинений, но прежде всего в "Окаянных днях".

И остается один вопрос: о судьбе антисистемы. Гумилев отмечает, что антисистема, приходящая к власти, меняет знак, порождая чудовищный, деспотический, полицейский режим, но прекращающая деструкцию, став оторванной от социума и этноса правящей элитой. Прямая аналогия подобному поведению наблюдается в русской истории XX в.

В сущности, с точки зрения концепции антисистемы ленинский НЭП и сталинское псевдоимперское поведение – одного происхождения: антисистема меняет знак. Можно было довести в рамках чисто антисистемного правления крестьян Поволжья до тотального голода 1920 – 1921 гг. Но дальше нельзя, потому что эти крестьяне должны кормить антисистемщиков, пришедших к власти. Можно было уничтожить офицерство, казачество, лучших защитников Отечества, следуя нормам революционной деструкции, можно было проиграть войну накануне победного ее завершения (трудно предположить, что Германия продержалась лишний год по какой-нибудь еще причине, кроме выхода революционной России из мировой войны). Но дальше нельзя. Нельзя бесконечно разрушать социальную среду, порождающую воинов, ибо государство должно стать крепким и защищать представителей антисистемы, оказавшихся у власти.

Вот прямая аналогия XX в. с прорывавшимися к власти деструкторами X – XI вв. Но из аналогии вытекает и необходимость предостережения в нашей сегодняшней ситуации. Потеряв политическую власть в Египте, исмаилитская антисистема породила страшную террористическую машину ассасинов.

Антисистема научилась воздействовать прямо на этническое поле, разрушая уже не культуру, не общество, а этнос. На наших глазах в 90-е годы XX в. революционная антисистема потеряла власть, и она неизбежно меняет знак. Те, кто были несколько лет назад деспотическими правителями в рамках полицейского коммунистического режима, снова становятся чистыми деструкторами. Думаю, что наиболее заметно это было в событиях 1 мая 1993 г., когда невозможно было не заметить в действиях обеих сторон стремления добиться кровопролития, развития деструкции любой ценой.

Мы полагаем, что нахождение десятков примеров новейшего времени незатруднительно, и не считаем необходимым выходить в область конкретной политологии.

Антисистема существует, и она продолжает оставаться с нами. Чудовищная бюрократизация страны в наши дни – ее питательная среда. Рецептов излечения от антисистемы нет.

Все известные исторические антисистемы были уничтожены путем поголовного истребления их представителей. Вместе с тем трудно не замечать, что современное общество вряд ли готово к массовому кровопролитию, которое для этого требуется. Даже если общество осознает наличие антисистемы, что безусловно необходимо для избавления от нее. Хотя бы потому, что восстановиться путем возрождения русская культура может только как культура христианская.

Общество не согласится на поголовное истребление антисистемщиков не потому, что их жалко, а потому, что террор налагает неизгладимую печать на общественную нравственность. Тогда остается только одно: обществу необходимо осознать постоянную угрозу деструкторов и маргинализировать их. Вытолкнуть их в социальные низы. Причем этого не может сделать государство, даже в лице выборных представителей, этого не может сделать судебная система.

Маргинализировать деструкторов – политиков, литераторов, журналистов, военнослужащих – может только общество в целом. Христианам сказано: "Не убий". И еще многое сказано в развитие этого Синайского тезиса. Но христианам никто и никогда не сказал, что человек, опасный для культуры, для общества, может рассчитывать на что-либо иное, чем самый непрестижный, тяжелый и низкооплачиваемый труд. И это самая мягкая и терпимая рекомендация, представляющаяся реальной.

Подводя итог, нам остается повторить, что выход из фазы надлома сам по себе требует максимального напряжения всех сил этноса для преодоления упадка внутриэтнической солидарности.

Способствующее российской деструкции западничество – это прежде всего проблема образования и воспитания. Наличие этого фактора требует считать образование первенствующей задачей общества и любого государства, которое общество может позволить себе терпеть.

Избавление от антисистемы возможно только в условиях восстановления внутриэтнической солидарности и создания первоклассной системы образования в России. И только тогда можно не на полицейском, а на этническом и социальном уровне отсечь и вытеснить антисистему.

ОБ ИСТОКАХ И ХАРАКТЕРЕ КОНСЕРВАТИВНОГО СДВИГА В РОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

В. РАДАЕВ

Последнее десятилетие в России характеризуется быстрой калейдоскопической сменой господствующих идеологических систем, каждая из которых представила свою особую картину состояния нашего общества, дав законченное и внутренне непротиворечивое описание одного и того же объекта. Автор предлагает общую и сравнительную характеристику четырех основных типов идеологических систем и рассматривает, как они последовательно отвечали на два вопроса: что представляло из себя советское хозяйство и общество? каковы характер и направленность нынешних российских реформ?

© Радаев В.В., 1995

В. РАДАЕВ

Введение
От идеологического "вакуума" к идеологическому "калейдоскопу"

Мы смотрим на экономику и общество сквозь призму идеологических систем, предлагающих нам свои картины мира. И в немалой степени пейзаж за окном меняется для нас благодаря тому, что в окно вставляются разные стекла. Причем сегодня мы переживаем тот динамичный период, когда эти картины обновляются куда быстрее, нежели само общество. Еще не так давно в объяснении происходящего господствовала социалистическая парадигма. Она рассыпалась под напором демократической волны разоблачительной критики. Вскоре полусоциалистические иллюзии демократов были вытеснены либеральными идеями достаточно радикального толка. Но последние так и не успели по-настоящему утвердиться, как оказались перед лицом серьезного кризиса.

В подобной ситуации многим полюбились разговоры об "идеологически нейтральных" позициях, об "усталости" от всякого рода идеологий[1]. Оставаться вне конкретных политических партий, думаю, вполне возможно, но нейтральность ко всякой идеологии, убежден, – не более чем идеологический миф. Заявления об этой нейтральности вызывают в памяти удивительно простой физический фокус, в котором вертят вокруг оси раскрашенный радужными полосами круг, и семь цветов сливаются в одном блеклом бесцветии. Естественно, чем быстрее крутится идеологический калейдоскоп, тем больше желающих провозгласить наступление "идеологического вакуума".

Заметим далее, что этот своеобразный идеологический калейдоскоп – нечто иное, нежели просто "плюрализм мнений". За сменой цветов должно быть что-то помимо чистой случайности или волевых актов отдельных политических лиц. Конечно, субъекты, отягощенные способностью к рефлексии, завоевывают некоторую (далеко не абсолютную) свободу индивидуального выбора. Но идеология как общественное явление, как господствующая система представлений и ориентаций людей, соприкасающихся с информацией не одного только бытового уровня, во многом предзадана конкретными социальными структурами и сложившейся исторической ситуацией. И какой бы момент времени мы ни взяли, та или иная мировоззренческая картина заполоняет и общественно-политическое сознание, и экономический лексикон.

То вокруг боролись за понимание "социалистического выбора", затем спорили о путях вызревания "истинно гражданского общества", вскоре акцент сместился к дебатам о построении "нормальной экономики", ныне же все заинтересовались содержанием "национально-государственных интересов". Все течет... И нужны какие-то объяснения

---

[1] Теоретически эта позиция подпитывалась давними либеральными рассуждениями о "конце идеологии" (См., например: Bell D. The End of Ideology. N.Y., 1960).

идеологических сдвигов, не сводимые к смене премьеров и исполняющих их обязанности.

Когда начинают рассуждать о характере таких сдвигов, трудно избавиться от впечатления, что есть две перспективы, время от времени лихорадочно меняющиеся местами. Сложилась устойчивая привычка во всем видеть борьбу двух непримиримых полюсов (социализма и капитализма, рынка и административно-командной системы, демократии и тоталитаризма). Самое большее, что готовы допустить, – это наличие некоего непопулярного центра между двумя крайними позициями. Такое видение – не более чем частный результат прогрессистских иллюзий, что есть "хорошее" и "дурное", а история суть борьба "прогресса" и "реакции". Попробуем показать, что таких полюсов в области идеологии по крайней мере четыре, а взаимосвязь между ними несколько сложнее тотального взаимного отрицания.

Важно сразу же оговориться, что нас привлекает отнюдь не сцена политической борьбы со всеми ее программами, партиями и парламентскими фракциями, но те подмостки, с которых звучат господствующие в тот или иной момент, систематически выраженные взгляды на экономику и общество. И понятие "идеологии" используется здесь именно в этом мировоззренческом, а не политическом значении и понимается как "совокупность идей", а не как "классовая доктрина".

Любые идеологические системы не свободны от мифологии. И чтобы пробиться к какому-либо пониманию социально-экономических процессов, нужно по крайней мере отдавать себе отчет в том, на каком мировоззренческом фундаменте покоятся наши суждения и оценки. К сожалению, нельзя сказать, чтобы кто-то профессионально изучал закономерности российского идеологического калейдоскопа. Вдохновенные взоры устремлены либо в патриархальную Русь, либо в счастливое рыночное завтра. Рефлексией по поводу событий последних пяти-семи лет мало кто всерьез озабочен (очевидно, считается, что столь недавнее прошлое нам хорошо известно).

Задача данной работы – не просто показать, что мы окружены плотным потоком символических значений и текстов, но что этот дискурсивный поток, выглядящий внешне как совершенно беспорядочная мешанина, подвержен структурированию и что с ним можно работать, в том числе, в перспективе, работать эмпирически, причем в понятиях несколько более сложных, нежели вопрошание типа: "Как вы, за рынок или против рынка?"

Посмотрим же на развитие российских процессов (сначала на недавнее прошлое, затем на ближайшее будущее) через калейдоскопическую трубу, в которой раз за разом сменяются идеологические линзы. Но сначала попробуем определить систему координат, разобраться с содержанием самих идеологий. А разобраться с этим совсем невредно. Хотя бы для того, чтобы не путать себя и других "категориями" типа "левые" и "правые". Чтобы не смешивать идеологию и конкретные по-

литические программы. Чтобы не называть "консерваторами" монетаристов чикагской школы, а "социалистами" – следователей НКВД.

1. К портрету основных идеологий (экскурс в теорию)

А. Исходные определения

Итак, под идеологией понимается здесь не партийная доктрина и не свод политических установок по обработке сознания непросвещенных масс, но любой системный взгляд на развитие экономики и общества. Понятие идеологии берется нами вне уничижительного смысла, который начал придаваться ему с наполеоновской эпохи. Для нас – это конкретное мировоззрение; то, что К.Манхейм называл "рационально обоснованной системой идей"[2].

Это мировоззрение, во-первых, рисующее картину социального мира и образ личности в ее общественных проявлениях;

во-вторых, дающее более или менее целостное (относительно полное и непротиворечивое) объяснение основных тенденций в движении общества;

и в-третьих, вносящее сильный элемент нормативности – свои особые представления об общественном идеале, о том, что есть Добро, Благо и Справедливость.

Общественный идеал Справедливости и Добра расщепляется, на наш взгляд, в трех базовых ценностях: Свободы, Равенства и Единства (последнее может появляться под именами Товарищество или Братство, Кооперация или Солидарность, Сопричастность или Соборность). Это непростое семейство образует идеалы-цели в противовес идеалам-средствам, или способам социального устройства и самоопределения личности. Средства же эти видятся в формах государственности и коллективности, национальной и религиозной идентификации, способах распределения благ и утверждения социального порядка.

Для обозначения четырех базовых идеологий мы не станем выдумывать новых символов и будем пока пользоваться привычными "измами": Демократизм, Консерватизм, Либерализм и Социализм. Не потому, что, дескать, "пока не выработано лучших терминов". А потому, что за каждым из этих "измов" стоит своя сложная традиция, и потому, что все они продолжают работать. Выдумывать же новые слова – в большинстве случаев значит пытаться не глядя обойти предмет своего же интереса.

Нетрудно заметить, что все наши "измы" – западнические. И это не случайно. Современные идеологии – продукт западного рационализма.

---

[2] Манхейм К. Идеология и утопия. М. , ИНИОН РАН. 1992. Чость 1. С. 64. Отдавая дань классической пазиции К.Манхейма, мы все же предлагаем другое понимание "идеологии" (в частности, оно раскрывается нами вне связи с проблемой "ложного сознания") и другую клоссификоцию идеологических систем.

Они выступают в "светской", секуляризованной форме в Новое время, когда в расщепленном религиозном видении мира обозначаются столь разные способы мышления (понимая, конечно, что все они сохраняют, где тайно, где явно, стойкие элементы религиозного духа). Все эти идеологии – дети Просвещения, разбежавшиеся со временем в разные стороны.

Конечно, как бы они ни разбегались, между ними не вырастает Китайской стены. Разные идеологии относительно свободно перетекают друг в друга, заимствуют "чужие" элементы. Но для удобства типологического различения, особенно на первом этапе, пожалуй, лучше взять их в радикальных, наиболее "чистых" вариантах.

Делить идеологии, вменяя им конкретные ценности (Либерализм – за свободу, Социализм – за равенство, Консерватизм – за порядок), было бы решением слишком лихим и плоским. Любая идеология – более сложна и выражает свое понимание всех этих ценностных ориентиров, каждый из которых тоже отнюдь не однозначен. Попробуем убедиться в этом, набрасывая силуэты четырех основных фигур.

В этом разговоре мы постараемся избежать всяких рассуждений о прогрессивности или реакционности идеологических схем, так же как выискивания их классовых корней или вменения идеологических воззрений конкретным социальным группам. Не будем делить их на радикальные и умеренные, ибо степень радикализма – признак внутренних видовых различий. (Консерватизм может быть столь же "радикален", сколь Социализм "умерен".) Краткие характеристики идеологических типов будут сопровождаться примерами из политики и, в большей степени, экономики (последнее – в силу личных пристрастий автора).

Консерватизм

То, что Консерватизм нацелен на удержание и воспроизведение традиции, а не на коренную ломку существующих отношений, известно всем, но объясняет далеко не все. Нужно еще определить хоть какое-то содержание этой "традиции".

Идеал Консерватизма, будь то политика или экономика, видится нами в системе корпоративного устройства. Место индивида или группы здесь определено их принадлежностью к определенной корпорации – относительно замкнутой организации иерархического типа, будь то средневековый ремесленный цех, современная фирма или политическая партия. А наивысшей, можно даже сказать "священной", силой, объединяющей все прочие корпорации, является Государство.

Консерватизм предполагает неравенство, освященное правом и традицией. Помимо этого, его воззрения непременно проникнуты неким моральным Духом – Духом долга и ответственности, в соответствии с которым слабые должны подчиняться сильным, а сильные заботиться о слабых. Патернализм придает корпоративным объединениям характер сплоченной патриархальной семьи и отделяет их от чисто бюрократических образований.

Консерватизм стремится скорее не к равенству, но к единству, в котором каждая отдельная личность оказывается сопричастной некоему высшему порядку. Личность здесь не автономна и в определенном социальном смысле "не свободна", ибо ее свобода сопряжена с налагаемой на нее ответственностью. Консерватизм предполагает как исходное условие наличие надындивидуальной органической целостности, в рамках которой индивиды, инкорпорированные в организации и группы, воспроизводят и видоизменяют традиционно сложившийся порядок.

Консерватизм есть наиболее явное наследие средневекового аристократического общества, в котором он пребывал в некоем растворенном "естественном" состоянии. Оформление же его как более или менее четкой идеологической программы произошло как реакция на разрушительные силы Великой Французской революции на рубеже XVIII и XIX столетий[3]. Итак принадлежность, или точнее, "семейная" привязанность к Корпорации – таковы альфа и омега консервативной идеологии.

Либерализм

Суть Либерализма (так же как и всех прочих идеологий) обозначена самим наименованием. Но это утверждение не просто абстрактной свободы, но неких особых условий – свободы индивида как результата принадлежащих ему "естественных" политических и собственнических прав. Либерализм исходит из существования независимого индивида, преследующего свои рационально понятые эгоистические интересы, ограничиваемые лишь эгоистическими интересами других индивидов.

Одним из стержней либеральной идеологии стал утилитаризм, основания которого были заложены в наиболее системном виде А.Смитом в экономике и И.Бентамом в области права. Он появился как утверждение самоценности личности и прав индивида в противовес средневековой корпорации и патриархальной семье.

Либерализм опирается на автономию полагающегося на свои силы субъекта. Обеспечивается эта автономия прежде всего через развитие прав частной собственности – как гарантия не только экономического благополучия, но и упомянутой социальной независимости.

В сфере экономики Либерализм предлагает в качестве идеала саморегулирующийся рынок и механизмы свободной конкуренции. Он проповедует Равенство, но это лишь весьма условное равенство исходных условий – равенство бойцов на ринге. Наиболее яркие либералы двадцатого столетия, – разумеется, экономисты, возглавляемые популярными фигурами Ф.Хайека и М.Фридмана.

Представления о благотворности свободной конкуренции переносятся в конечном счете и в сферу политики, где либеральный идеал достигается в парламентской борьбе соперничающих партий.

---

[3] Современный консерватизм связывается в первую очередь с именами Э.Берка, Ж. де Местра, а также А.Токвиля, которого порою по чистому недоразумению относят к стану "демократов".

В сфере права Либерализм предусматривает ряд условий, которые обычно перечисляются в общем ряду "демократических свобод" (или являются оборотной стороной этих свобод), например право на жизнь и неприкосновенность личности, так же как и ее имущества, свобода занятия всякой профессиональной деятельностью, право на частную жизнь (неприкосновенность жилища, тайна переписки, телефонных разговоров), право на защиту всех этих прав в суде и пр.

Демократизм

Несущая идея Демократизма, в свою очередь, также выражена в самом этом слове – "народовластие", т.е. в принципе народного суверенитета, протягивающего нить от "Общественного договора" Ж.-Ж.Руссо к теориям современной социал-демократии. Демократизм оформился практически параллельно с Либерализмом в борьбе с привилегиями аристократического общества. Одновременно он выступил и как реакция на сам Либерализм, который, устанавливая формальное равенство в пользу сильных, оставлял большинство населения без фактической защиты.

Исходным предположением Демократизма служит наличие индивидов и групп индивидов, являющихся членами некоего сообщества (например, гражданами государства), обладающих правами в этом сообществе (государстве) и имеющих возможность эти права отстаивать. Утверждение же Демократизма производится в результате активности масс населения, входящих в данное сообщество или претендующих на то, чтобы в него войти.

Гражданские права обеспечиваются самим данным сообществом (государством), а также организациями ассоциативного типа, стоящими между индивидом и государством на защите его интересов от того же государства, что предполагает, в свою очередь, плюрализм власти и разделение властей. Идеалы Демократизма в области политики выражены, таким образом, институтами гражданского общества и правового государства, всеобщего избирательного права и конституционных свобод.

Демократизм – это "полноправное членство" (гражданство), означающее равенство прав каждого со всеми другими членами (гражданами), позволяющее индивиду как члену группы или сообщества участвовать в процессе принятия решений непосредственно или через выборных представителей. Это право на объединение под свои собственные интересы. Это любые формы самоуправления, возможность занятия руководящих (государственных) должностей, участия в выборах, создания организаций и партий, свобода слова, печати, собраний. Это на первом этапе обеспечение прав большинства по отношению к меньшинству, а затем защита прав меньшинств от правящего большинства.

Демократизм, таким образом, – это реализация индивидуализма посредством коллективной организации. Это декларирование обяза-

тельств сообщества (государства) по отношению к его членам (гражданам), в том числе гарантированное обеспечение минимально необходимых условий для их жизнедеятельности (право на жизнь, на труд и отдых, на минимальный достаток и минимальную информированность о происходящем).

В области экономики идеалом также становится институт самоуправления, базирующийся на коллективной (объединенной) частной собственности[4]. Кооператив или паевое товарищество, где все вовлеченные работники обладают равными правами собственности и равным правом голоса, можно считать идеальной формой демократии в экономике. (Принцип самоуправления частенько приписывают Социализму, но это верно только лишь для его непослушного "меньшого брата", каковым является анархо-синдикализм. В централистских версиях Социализма осторожные заигрывания с самоуправлением не заходят далее политических деклараций.)

Социализм

Взлет популярности Социализма оказался дальнейшей реакцией идеологии большинства на консервативные и либеральные установки. Это была такая радикализация Демократизма, в которой произошло размывание всяких демократических основ.

Исходная предпосылка социалистической идеологии содержится в предположении о наличии групп (классов) трудящихся, наделенных осознанным коллективным интересом и борющихся за уничтожение всяких экономических классов и социальную однородность общества.

Из той же необходимости установления всеобщего равенства социального и материального положения выводится и его решающее средство – равенство социальных условий, и среди них в первую очередь обобществление материальных факторов производства.

В области политики Социализм нацеливается на разрушение государства и права, в которых видятся преимущественно орудия подавления, дабы заменить их непосредственным волеизъявлением поднявшихся до высот господства трудящихся классов, а затем и таковым волеизъявлением всего народа.

Заметим, что не стоит смешивать социалистическую идеологию с реалиями "социалистического общества", для которого Социализм как идеология был скорее внешней упаковкой. Социализм как идеология господствовал во многом в противовес действительности "реального социализма" в результате массированной работы по его насаждению.

В экономике же Социализм предполагает установление всеобщей (безгосударственной) планомерной организации. Всеобщее обладание не принадлежащими никому средствами производства (при фактическом

[4] Хорошим вырожением данной позиции служит книго Р.Даля "Введение в экономическую демократию" (М., Ноука, СП ИКПА, 1991).

уничтожении собственности) становится естественной базой для утверждения всеобщности труда и уравнительного распределения.

Социализм стремится к Единству через построение особой всепроникающей общественной связи. Причем эта связь предполагает насильственное включение всех индивидов ("Кто не с нами, тот против нас"). Свобода же понимается как "осознанная необходимость" для личности отринуть свои индивидуальные права и притязания.

Всеобщее владение условиями жизнедеятельности, социальная однородность и тотальная включенность – вот что отличает максималистские социалистические требования, выраженные марксизмом как наиболее чистой (иные говорят – единственной) формой Социализма[5].

Б. Сравнительные определения

Если попытаться максимально коротко зафиксировать приоритеты всех четырех идеологий, то окажется, что Либерализм делает акцент на права собственности, Социализм – на распределение условий и результатов производства, Демократизм – на самоуправление, Консерватизм – на нормативный порядок. Либерализм и Социализм имеют более выраженный утилитаристский налет и проявляют себя в первую очередь в сфере экономики. Демократизм апеллирует более к политике и праву, а Консерватизм – скорее к морали и праву.

Консерватизм ищет в "народе" младших членов корпоративной семьи, Демократизм – граждан государства, Либерализм – независимых личностей, а Социализм – братьев-трудящихся.

Лозунгом Социализма служит Всеобщее Равенство. Лозунгом Демократизма – Полноправное Членство. Либерализма – Индивидуальная Свобода. Консерватизма – Традиционное Единство. Но, разумеется, эти лозунги немало упрощают картину, и пользоваться ими без должной осторожности не стоит. Попробуем проговорить (или в ряде случаев повторить еще раз), чем различаются указанные идеологии в отношении к разным альтернативам в области идеалов-целей и идеалов-средств.

Свобода / принуждение

В Либерализме Свобода получает свое крайнее выражение как индивидуальная независимость, ограниченная лишь свободой точно таких же индивидов. Демократизм провозглашает Свободу индивида как члена определенного сообщества, наделяющего индивида соответствующими правами. Возникающая при этом привязанность к своему сообществу, безусловно, содержит и неизбежные элементы принуждения. (Возможность уйти, хлопнув дверью, – роскошь, которую реально не каждый может себе позволить.) Консерватизм в принципе более скло-

[5] Подробнее наши взгляды на природу социалистической идеологии изложены в работе: Радаев В. Взглянуть на себя со стороны: социализм как учение. М., Институт экономики РАН. 1992; Радаев В. Исчез ли социализм? Опыт интеллектуальной самокритики. Родина. 1993. №2. С. 96–102. Сравнительный анализ социализма и либерализмо, см.: Радоев В. В борьбе двух утопий. Вопросы философии. 1992. №4. С. 31–39.

нен к принуждению, обеспечиваемому силами семейно-корпоративного устройства. Свобода здесь ограничена традиционными устоями корпорации. Социализм же закладывает принуждение как один из базовых принципов обеспечения всеобщей общественной связи. Свобода оказывается здесь не более чем "осознанной необходимостью" подчинения.

Равенство / неравенство

Социализм и Демократизм являются эгалитаристскими идеологиями, но Демократизм все же ограничивает эгалитарные установки сферой политики и права. В Либерализме эгалитаристские элементы носят формально-декларативный характер. Что же касается Консерватизма, то это единственная открыто антиэгалитарная идеология, предлагающая, словами И.А.Ильина, "живое созерцательное приспособление к человеческому неравенству"[6].

Либерализм и Демократизм предусматривают наделение индивида как собственника и гражданина определенными равными правами в политико-правовой области. Консерватизм наделяет их этими правами, но не предусматривает равенства, утверждая принцип иерархии. Социализм же устанавливает своеобразное равенство, не предоставляя этих прав никому.

В сфере экономической и Либерализм, и Консерватизм по-своему, но довольно отчетливо прокламируют фактическое неравенство. Демократизм пытается смягчить его, сблизить полюса, не посягая при этом на основы самого неравенства. Социализм же стремится к максимально возможному материальному равенству, нарушаемому в основном лишь являемыми во всеобщем труде естественно-физиологическими особенностями работников.

Хотя Социализм потенциально несет в себе элементы элитаризма, только не в части целей, а в части средств. Ведь ясно, что массы не смогут себя освободить, если не будут направляться и дисциплинироваться просвещенными вождями (так называемыми "слугами народа"). Впрочем, в рассуждениях об Идеале об этом, как правило, умалчивается.

Единство / автономия

Либерализм в данном отношении предлагает автономию, доводимую до уровня индивидуалистического эгоизма. Связь с обществом и другими субъектами здесь носит скорее негативный (вынужденный) характер. (Нужно развивать Кооперацию с партнерами, чтобы достигать желанной эффективности.) Демократизм противопоставляет этой индивидуальной автономии Солидарность, оставляя тем не менее индивиду поле для автономии и позволяя ему реализовать эту автономию, примыкая ("солидаризуясь") к разного рода коллективам. Социализм являет яркий пример антииндивидуализма (все попытки внести индиви-

[6] Ильин И.А. О монархии и республике. Вопросы философии. 1991. №4. С. 126.

дуалистическое начало в социализм оставались беспомощной эклектикой). Он борется за Единство в форме Товарищества или Братства, снимая, таким образом, само стремление к автономии. Консерватизм же проповедует надындивидуализм (индивид как часть органического целого), который лучше всего характеризуется понятиями Сопричастность, Соборность.

Государственность и правопорядок / безгосударственность и внеправовое регулирование

Консерватизм ратует за сильную государственность. Консерваторы всех мастей – вообще наиболее ярко выраженные государственники. Они также пестуют "здоровое" правосознание, будь то в форме неписаных обычаев или в форме публично-правового закона. Демократизм предполагает правовое государство как свое непосредственное условие. Он борется за то, чтобы завоевать государство, используя для этого средства самого же государства (или превращая его в средство). Либерализмом государству отводятся довольно скромные роли – "охранника", стоящего на страже прав соревнующихся индивидов и отпугивающего желающих нарушить условия свободной конкуренции, а также "врача", смягчающего побочные эффекты и оказывающего первую помощь пострадавшим[7].

Социализм провозглашает безгосударственность как цель, хотя и признает за государством роль важного подавляющего и мобилизующего средства в некий переходный период. (Анархистская ветвь социализма в этом отношении более последовательна в отрицании государства и как средства. В области же конечных целей централистский социализм мало отличается от анархизма.) Социализм также отвергает и "буржуазное" право, заменяя его внеправовым непосредственным волеизъявлением народа. Такие институты, как всеобщее избирательное право, для него – не более чем средство пробуждения масс к общественной жизни и подготовка к завоеванию господствующих позиций[8].

Партикуляризм (национализм) / универсализм (космополитизм)

Социализм – лишь по видимости интернационален, а на деле же националистичен (национал-социализм только лишь обнажил этот принцип). Социалистические идеологии на практике исходят из особых, уникальных хозяйственно-политических, правовых и социокультурных

---

[7] В России, впрочем, с девятнадцатого века существует философская традиция "государственного" или "охранительного" либерализма, пытающегося совместить либеральные ценности с уважением к твердой власти (см., например: Чичерин Б. Розличные виды либеролизмо. Общественные ноуки и современность. 1993. №3. С. 116–123).

[8] См.: Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., Пресса. 1991. С. 304.

условий своего сообщества. Лозунг (псевдо) интернационализма выбрасывается для нужд внешней экспансии ("перманентной революции", "завоевания жизненного пространства"). Внутри же сообщества не ослабевает жестокая борьба со всякими проявлениями универсализма (космополитизма). (Потому, может, и сейчас в России необольшевики так легко превращаются в националистов.) Впрочем, в своем конечном идеале Социализм стремится к некоей новой универсальности, основанной на снятии всяких особых, в том числе национальных, различий. (Но "снятие" в этой традиции, напомним, всегда осуществляется "через борьбу".)

Демократизм, напротив, националистичен по форме, ибо принадлежность к государству (сообществу) становится исходным условием обретения гражданских прав. В особых исторических условиях (например, борьба прибалтийских республик за выход из СССР) Демократизм принимает явно националистическую окраску, становясь сначала на защиту прав большинства от некоей внешней угрожающей силы и подавляя противодействующие меньшинства внутри. А затем, в случае действительного продолжения демократического процесса, Демократизм становится на сторону и этих меньшинств. Однако в целом Демократизм несет в себе сильные импульсы к универсальности основополагающих принципов и единому мировому порядку, выражаемому в документах типа Всеобщей Декларации прав человека.

Либерализм доводит этот универсализм до предела Открытого общества, в котором начинает явно просматриваться конец всякой истории[9]. Провозглашаемые им права объявляются естественными правами, каковые нельзя стеснить рамками никаких определенных сообществ. В результате он видит различия национальных экономик лишь в степени их относительной отсталости или приближенности к общему идеалу. Украина или Казахстан, объединенная Германия или необъединенная Корея – принципы желаемого развития едины для всех. Национальная же специфика признается скорее как досадное ограничение.

В противоположность этому Консерватизм не только отстаивает специфику национальных условий, сложившихся в данном государстве нравов и обычаев, но и призывает исходить из этих условий. Он постоянно заводит речь об особых национальных интересах (вместо заботы об интересах мирового сообщества или мирового пролетариата). При этом в отличие от агрессивного социалистического национализма, простирающего свои особые интересы на всю территорию земного шара, консервативный национализм выполняет скорее защитные функции, пытаясь замкнуть на себя свою внутреннюю традицию и культуру.

---

[9] В качестве избитого примера, см.: Фукуяма Ф. Конец истории? Вопросы философии. 1990. № 3.

Управление хозяйством: контроль сверху / снизу / сбоку

В хозяйственном управлении Либерализм отстаивает приоритет экономических прав собственника, измеряемых его долей в собственности данных хозяйств. Консерватизм поддерживает наследственные привилегии или придерживается принципа назначаемой сверху опеки со стороны собственника или сообщества (государства). Социализм выступает за общественный планомерный контроль (опеку со стороны "наиболее сознательной части общества"), а Демократизм – за "трудовое и гражданское право", за выборность управляющих и контроль за их деятельностью со стороны тех, кто непосредственно вовлечен в данное хозяйство или затрагивается результатами хозяйствования. В идеальном социалистическом хозяйстве рядового работника призовут трудиться на общественное благо. Либерализм будет уповать на привлекательность материальных стимулов. Консерватизм рассчитывает на выработанную привычку исполнения долга, а Демократизм – на пробуждение "чувства хозяина" данного конкретного производства. Что касается способов воспроизводства собственности, Консерватизм видит свой идеал в принципе единонаследия (майората), Демократизм – в дроблении (диффузии) собственности, Либерализму более соответствует отсутствие всяких жестких предписаний в использовании собственнических прав, а Социализму – отсутствие самих этих прав. В целом Либерализм и Демократизм стали прямым развитием интеллектуализма и рационалистических постулатов западноевропейского Просвещения. Консерватизм консолидировался как реакция восстановления вытесняемых волевых, интуитивных и моральных начал – иррациональных сил самостийно растущего организма. Сложнее всего с Социализмом, который явил причудливое сочетание рационалистических проектов и иррационального духа, или, точнее, "рациональное мышление иррационального действия"[10].

Вооружившись этим начальным пониманием, пора, однако, вернуться к реалиям нашего грешного мира и попытаться реконструировать российскую идеологическую сцену со второй половины 1980-х годов.

2. Что это было, или Инвентаризация недавнего прошлого (На примере экономики)

Каждая из рассмотренных идеологий не только вычерчивает свою идеальную картину, но (как мы далее увидим) дает относительно целостное объяснение тому, что происходит с экономикой и обществом. Местами их объяснения одних и тех же процессов различаются до проти-

[10] Манхейм К. Идеология и утопия. Часть 1. С. 164.

воположного, но каждое по-своему логично и находит свое место в умах и сердцах своих приверженцев.

Рассмотрим эти различия на примере того, как объяснялись в рамках основных идеологических систем суть экономического устройства Советской России и характер послезастойных преобразований.

Следует признать, что все четыре наименования оказываются не очень-то удачны, когда речь заходит о социальных пространствах России. Их следовало бы брать в кавычки ввиду того, что наши "социалисты" или "либералы", "демократы" или "консерваторы" – лишь грубый слепок, часто далекий от своего изначального понятия. Но если не забывать об этой условности, то со всеми данными терминами, по нашему мнению, вполне можно работать.

А. Прошлое глазами социалистов

В течение десятилетий эта идеологическая позиция внутри страны оставалась официальной и практически единственной объясняющей. Различие между политической экономией и, скажем, теорией СОФЭ (системы оптимального функционирования экономики) в этом смысле не было принципиальным. Не секрет, что данное социалистическое видение экономики у нас практически целиком строилось по принципу радикального отрицания капиталистической системы второй половины XIX столетия[11].

Фактически вся собственность на средства производства является неделимым общественным достоянием, что открывает возможность планомерно управлять всем народным хозяйством из единого центра. Любые затраты, включенные в план, считаются общественно необходимыми. Основная масса ресурсов распределяется путем фондирования. Товарно-денежные отношения, в том числе финансы и кредит, рассматриваются как инструменты плана, а цена выступает как плановый норматив. Полагается, что плановость обеспечивает одновременно бескризисное поступательное развитие экономики и полную занятость, научно-технический прогресс и высокие темпы экономического роста. При этом в отношениях с внешним миром делается ставка на собственные силы и устанавливаются заградительные барьеры в лице универсальной госмонополии.

Упор в экономическом росте делается в первую очередь на тяжелую промышленность и в целом на производство средств производства, опережающее развитие которого возводится в ранг объективного закона. При этом, скажем, легкая промышленность получает около одного процента всех централизованных капиталовложений, а доля промышленной продукции отраслей группы "Б" десятилетиями не поднимается выше одной четверти. Что не мешает говорить о подчинении всех хозяйственных деяний высшей цели повышения материального благосос-

[11] В этом легко убедиться, открыв любой советский учебник по политической экономии социализма.

тояния и всестороннего развития людей. Просто более полная реализация этой цели постоянно отодвигается в будущие, более светлые времена.

В сфере мотивации работников первенство отдается моральным стимулам ("работа на себя" через "работу на общее благо"). Строго же контролируемое материальное вознаграждение принимается отчасти как неизбежное зло, отчасти как временное, но полезное подспорье.

Различия социальных классов (рабочие, колхозное крестьянство и прослойка интеллигенции) уже кажутся скорее формальностью. А вся система движется в направлении некоего всеобщего экономического самоуправления (хозрасчета, трудовой демократии), принципы которого, впрочем, формулируются весьма осторожно.

В этих воззрениях социалистов содержится целый ряд чисто мифологических элементов. Но многое, особенно в части отрицания, вполне справедливо. Институт частной собственности был разрушен, и вместе с нею растворился фундамент разделения на собственно экономические классы. Рынок со всеми своими атрибутами подавлен. Стремление к прибыльности предприятия или индивидуальному материальному успеху ограничено порою до предела. Открытая безработица отсутствует.

Социалистической парадигме не откажешь в определенной последовательности и полноте. Несоответствия схеме объясняются как "нетипичные случаи", как отклонения от некоей "нормы", что, разумеется, возможно лишь до поры до времени. И это время в конце концов пришло.

Б. Прошлое глазами демократов

Демократическая позиция, заступившая на смену социалистическому видению в разгаре перестройки, была внесена прежде всего так называемыми "шестидесятниками"[12]. Основой этого взгляда также стали негативные характеристики. Но если социалисты используют оружие марксистской и неомарксистской критики буржуазного строя как инструмент описания противоположной, по их мнению, социально-экономической системы, то демократы берут ту же марксистскую критику (с учениями об эксплуатации, принуждении и отчуждении труда), но накладывают ее уже на общество самого "реального социализма". Это радикальная критика социалистического мировоззрения, осуществляемая при помощи того же понятийного аппарата.

По утверждениям демократов, в 1930-е годы происходит не просто порабощение экономики политикой, но и установление тоталитарной системы, несущей в своем облике многие черты осовремененного азиатского деспотизма. Экономические отношения оказываются подчинены

[12] Многие работы демократического направления публиковались в толстых журнолах и серии сборников издательства "Прогресс" ("Иного не дано", "Постижение", "Погружение в трясину" и т п.) вперемешку с работами либеролов.

всепроникающей государственной власти, ядро которой составляет подобие некоего нового эксплуататорского класса – "номенклатуры" или "партократии". Все общественное воспроизводство подчиняется целям воспроизводства государственной собственности – станового хребта тоталитарного монстра. Устанавливается жесткоиерархическая система управления. Эксплуатируемые производители лишены всякой хозяйственной самостоятельности и отчуждены фактически от всякой собственности на средства производства. И сама рабочая сила обращается в собственность всемогущего государства.

Распределение по труду является чистой декларацией. Господствуют уравниловка при общей недоплате за труд внизу социальной лестницы и должностные привилегии наверху. А поскольку работники лишены наиболее сильных трудовых мотивов, они привлекаются к труду с помощью жесткой дисциплины, силами внеэкономического или грубо экономического ("от нищеты") принуждения. Отсутствие же явной безработицы – совсем не то же самое, что реальная полная занятость.

Плановость управления экономикой оказывается скорее фикцией, нежели реальностью. Планы строятся на заведомо ложной информации, исходящей как сверху, так и снизу, никогда не выполняются, подгоняются под факт. Плановость оборачивается приказной анархией и крупными потерями на каждом шагу. Централизованный план вместе со всеми финансовыми рычагами оформляют сложную систему перераспределения материальных, финансовых и трудовых ресурсов между отраслями, регионами, группами населения. На это работают дифференцированные прямые изъятия (от нулевых платежей до 90% прибыли предприятий) и выборочные дотации; огромный налог с оборота; административная дифференциация цен на одну и ту же продукцию; поддержание "ножниц цен" на продукцию разных отраслей и т.д. В этой системе дешевый (1–2% годовых), полуавтоматический, а часто и безвозмездный кредит обращается в форму бюджетного финансирования, а деньги все более напоминают множественные расчетные единицы с весьма различной покупательной способностью.

Мощная перераспределительная машина позволяет поддерживать некоторый баланс, подпитывая слабые хозяйственные звенья за счет сильных, но не устраняет накапливаемых диспропорций. Собственно производство наращивается при явном отставании инфраструктуры, промышленность развивается за счет сельского хозяйства, материальное производство – за счет непроизводственной сферы (науки и образования, здравоохранения и культуры), продукция производственного назначения вырабатывается в ущерб потребительскому сектору.

Спускаемые сверху команды не способны заинтересовать производителей в освоении нововведений и серьезном улучшении качества продукции, что пытаются компенсировать наращиванием количественных показателей. В свою очередь, этот валовой подход при мягких бюджетных ограничениях порождает неограниченный спрос на ресурсы, а при

жестко фиксированных ценах ведет к тотальному хроническому дефициту и этих ресурсов, и производимой конечной продукции. Дефицит же парадоксальным образом соседствует с перепроизводством и значительными хозяйственными потерями. Таким образом, данная система (она называется "административно-командной системой") критикуется не только за антигуманность, но и за вопиющую неэффективность. Накопление экономического потенциала осуществляется в ней во многом за счет дешевого принудительного труда (вся страна представляется одним большим ГУЛАГом) и растрачивания обильных природных богатств, т.е. за счет будущих поколений. Большая же часть успехов оказывается мнимой, как только пробивается первый ручеек более или менее правдивой статистической информации.

По мнению демократов, административно-командная система к 80-м годам уже исчерпала все свои возможности. В результате попытки ускорения ведут к продолжающемуся падению темпов роста, форсированное накопление оборачивается затуханием инвестиций, а попытки подкормить отощавший народ заканчиваются развалом потребительского рынка. И все это происходит на удручающем фоне разрушения элементарных нравственных и культурных основ общества. "Застой", "развал", "грозящая катастрофа" – вот те последние слова, которые подытоживают любое подобное описание.

Однако в демократических описаниях "реального социализма" вскоре стали проступать явные изъяны. Ибо многое в их критике бьет в наиболее удобную цель, каковой служит наше общество периода 30–40-х годов.

И не все заметили, что уже произошла смена мишеней.

В. Прошлое глазами либералов

Либеральная позиция окончательно оформилась в нашей стране уже во второй половине 1980-х годов. Она рассматривает хозяйствующих субъектов уже не в терминах подавления и насилия, но в терминах рационально преследуемых экономических интересов. Начиная с хрущевской "оттепели" и тем более во времена брежневского "застоя", ледяной панцирь тоталитаризма в сильной степени подтаял. И появление проталин экономической свободы (пусть даже весьма ограниченной) ознаменовало переход общества советского типа на принципиально новую ступень своего развития.

Огромная масса государственной собственности оказывается, во-первых, не такой уж и "ничьей", а во-вторых, строго говоря, не "государственной". В неформально-экономическом отношении эта собственность уже растянута, растащена по государственным ведомствам и крупным объединениям-монополистам, получившим немалую самостоятельность во взаимоотношениях с Центром. Усиливается и относительная обособленность местных (республиканских) правящих элит. В результате диктат Центра постепенно замещается сложной системой корпоративных групповых интересов.

Государственный центр утрачивает возможности эффективного подавления. На месте административно-командной системы укрепляется система торгов за ресурсы на всех уровнях властно-хозяйственной иерархии, или "экономика согласований", прекрасно описанная в работах Я.Корнаи и его последователей. Все производители – от министра и директора предприятия до рядовых работников и специалистов – становятся пусть не всегда равноправными, но активными субъектами этого торга за более обеспеченное (или менее напряженное) хозяйственное существование.

Одновременно система волевого перераспределения перерастает в систему "бюрократических рынков", где происходит обмен ресурсов и готовой продукции, неисчислимого множества хозяйственных и бюрократических услуг, где под прикрытием традиционных административных каналов, по горизонтали и вертикали, протягиваются нити неформальных экономических связей[13].

На этих "бюрократических рынках", смыкающихся во многих местах с развитой "теневой" экономикой, потихоньку растаскивающей государственную собственность "снизу", взрастают целые группы чиновных и нечиновных распределенцев (снабженцев, торговцев), занявших более или менее удобные места у потока вечно дефицитных ресурсов.

Но сдвиги в хозяйственной мотивации происходят не только в этих группах. В это время несколько возрастает уровень жизни населения, увеличивается доля социальных расходов государства (1955–1965 гг.). Начинается обратная перекачка вложений в сельское хозяйство, сопровождаемая при этом массовым оттоком сельского населения в города. Затем приоткрывается заслон на пути массового импорта потребительских товаров. Все это подкрепляет относительное усиление материальной заинтересованности самых широких социальных слоев и рост соответствующих потребительских ожиданий.

Разбалтывается механизм принуждения к труду. Работники закрепляются за своим предприятием уже не уголовно-репрессивными мерами, а все более через жилье, социальные услуги, разного рода надбавки. (А немалая доля социальных нужд удовлетворяется именно по ведомственным каналам.) Принципиально то, что любое вознаграждение ожидается не в форме платы за квалифицированный и добросовестный труд, а в первую очередь в форме социальной гарантии. И на макро- и на микроуровнях, таким образом, выстраивается система своеобразного "социального обмена" между "верхами" и "низами", где невысокий, но гарантированный жизненный уровень при крайне низкой требовательности к труду и его результатам "обменивается" на некую минимальную выработку, дополняемую политической лояльностью (индифферентностью) к существующим порядкам.

---

[13] Одним из ярких примеров либерального дискурса служат работы В.Найшуля. См., например: Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма / Ноткина Т.Б. (ред.) Погружение в трясину. М., Прогресс. 1990. С. 31–62.

Вместе с распространением этих сетей неформального обмена "административно-командная" ("казарменная", "репрессивная") система, по существу, сменяется другой общественной формой, которую можно условно обозначить как "патерналистская" система. И либералы с присущих им утилитаристских позиций показывают, что эта система носит законченный характер, обладает внутренней, вполне рациональной логикой и по-своему эффективна.

Общество и экономика советского типа от устремлений к внутренней и внешней экспансии переходят здесь к попыткам стабилизации, когда не только партгосбюрократия закрепляется и начинает ощущать себя в относительной безопасности от стихийных кадровых перетрясок, но достигается и заинтересованность в подобной стабильности куда более широких социальных слоев (пусть даже эти интересы сочтут "непосредственными" и "поверхностными"). Во времена "застоя" изменяется и социокультурный фон. Используя возрастающую мягкотелость, а иногда и безразличие правящих структур, начинают развиваться различного рода суб- и контркультуры.

Итак, аргументы либералов указывают на то, что в разветвленном обмене услугами самые разные субъекты – партийный секретарь и директор завода, продавец магазина и шофер автобазы – способны извлекать свою выгоду. В этом горниле утилитаризма и выплавляется ядро либеральной позиции в оценке нашего недавнего прошлого.

Г. Прошлое глазами консерваторов

В противоположность либералам, для которых экономика является универсальным и в общем-то вненациональным основанием, приверженцы консервативной линии исходят из того, что хозяйственная система глубоко "национальна", укоренена в социокультурных основах развития данного конкретного общества. Россия следует особому пути, и ключ к пониманию ее перспектив лежит в осознании специфичности ее традиционных социальных институтов.

Так, утверждается, что в России всегда была сильна традиция сильной авторитарной государственной власти, осуществляющей постоянное вмешательство в экономику. И политика московских князей, Иоанна Грозного, Петра I и Иосифа Сталина – всего лишь звенья одной длинной исторической цепи. Причем это не только властноориентированное, но и в сильной степени милитаризованное общество. И основные хозяйственные реформы здесь вызывались потребностью подготовки к войнам, ведения этих войн и их последствиями.

В российском обществе никогда не было развитой частной собственности. А сколько-нибудь крупное предпринимательство всегда кормилось подле государства, зависело от него. Более того, государство само инициировало важнейшие предпринимательские начинания. При этом оно по-своему заботилось о своих подданных. Это было патерналистское государство, старавшееся не допускать крайностей массовой безработицы, обнищания и голода. С этой точки зрения советское об-

щество лишь воспроизводило, хотя зачастую и в уродливых формах, основы традиционной социальной структуры.

Как правило, речь идет о том, что в определенный исторический момент мы свернули с "истинного пути" и начали разрушать основы собственного хозяйства и общества. И разница только в том, в каком пункте видится точка "великого перелома". Для одних поругание России началось в феврале, для других – в октябре 1917 г., для третьих – в конце 1920-х, для четвертых – в годы перестройки. Одним мила Киевская Русь, другим – петровская, третьим – ленинский Союз.

Консервативная позиция, призывающая к восстановлению некоей традиции, ныне кажется более чем популярной. И круг претендентов на консервативную линию достаточно широк и весьма разнороден. Здесь и слегка подкрашенные социалисты, ратующие за возврат к "общественной" собственности, планомерности и распределению по труду. И всякого рода почвенники и национал-патриоты, помещающие свой идеал много дальше в прошлое и превозносящие, например, общинно-артельные начала организации производства. Звучат идеи религиозного, имперского и даже монархического возрождения. Появились новые евразийцы и доморощенные "новые правые". Многое в консервативной линии перекликается со взглядами более умеренных либералов неокейнсианского толка.

Консервативные позиции все более активизируются. Но они у нас слишком разнородны, да к тому же еще слишком рыхлы, чтобы выстраивать свою особую, сколь-либо завершенную историческую картину. А зачастую они и вовсе не консервативны (к этому мы еще вернемся). Но, главное, возникновение этих позиций произошло несколько позднее, когда основной объект интереса и критики уже сместился с копания в советском прошлом на оценки текущего состояния дел.

3. Что мы имеем: четыре оценки реформаторского процесса

Для тех, кто сумел еще сохранить приверженность социалистической идеологии, нынешние реформы представляются как "сползание к капитализму периода первоначального накопления капитала", попытка повернуть вспять "объективные экономические законы".

Для демократов перестройка закономерно выступает как антитоталитаристская революция не только в политическом, но и в экономическом отношении, которая поднимается на восходящих потоках социальной активности широких слоев населения. Они рассматривают реформы как акт творческого разрушения "административно-командной системы". При этом их видение того, что идет ей на смену, по сути, редко выходит за рамки некоего "гуманного демократического социализма" (а наши демократы в большинстве своем – вчерашние социалисты), "капитализма с человеческим лицом" (сочетающего рыночные отношения с реальным производственным самоуправлением), довольно неопределенных контуров "смешанной экономики". И потому очень скоро

демократы оказываются понуждаемы к перерождению или уходу с идеологической сцены.

На рубеже 90-х годов создается впечатление, что большинство специалистов, не говоря об основной массе населения, вместе с какими-то развенчанными идеалами утрачивают сколь-либо систематическое видение картины социально-экономических изменений. Разговоры о развале и катастрофе, если от них и не веет одной "чистой" политикой, часто свидетельствуют о фрагментарности, потерянности экономического мышления. А апокалиптические видения имеют свойство застилать существо процессов (даже если соскальзывание к катастрофе действительно возможно).

В этих условиях одним из исключений, претендующих на более или менее целостное понимание экономических трансформаций и выдвижение рабочих реформаторских программ, выступает позиция либералов (точнее, эконом-либералов, ибо ядро этих групп составляют профессиональные экономисты). Все сегодняшние изменения рассматриваются либералами как закономерное движение к некоей "нормальной экономике", под которой подразумевается рыночная экономика западного типа. Россия, по их мнению, в период своей модернизации сделала крутой зигзаг, но наконец возвращается на столбовую дорогу мировой цивилизации.

И здесь, заметим, завершается первый круг двойного отрицания. Напомним, что социалисты в своих интерпретациях всячески отталкивали от себя понятия капиталистического хозяйства. Демократы вернулись к этим понятиям для критики социалистического видения нашей экономики. Либералы же используют их позитивно – для описания новой становящейся системы современного рыночного хозяйства в России. Плюс к тому, они показали, что для измерения социально-экономических процессов пригодны не одни только приборы марксистского видения. И что схемы из "Economics" можно как-то адаптировать и к российской почве.

Либеральное мировоззрение в наших условиях есть одна из форм более или менее явного западничества. В то же время в понимании российских переворотов наши либералы достаточно искушены, чтобы оставаться "чистыми" либералами. Они скорее "либералы-корнаисты", понимающие разницу между "бюрократическими рынками" и рынком без кавычек. Но все же считается, что "бюрократические рынки" есть пусть выщербленная, но ступень на пути к рынку подлинному. (Иногда про кавычки предпочитают забывать, и переход оказывается более простым.)

Либералы с удовлетворением отмечают все проявления индивидуализма и рационализма как ценностных ориентаций. Предполагается, что по крайней мере некоторая часть трудоспособного населения не утратила еще окончательно частнособственнических инстинктов и способностей к эффективному труду. Экономическая реформа – через оздоровление финансовой и кредитно-денежной системы и следующие за ним институциональные изменения (в первую очередь приватизацию) –

постепенно раскрепощает их хозяйственную активность. При этом и население в целом поворачивается лицом к здоровым материальным стимулам. Те же, кто отвык поворачиваться, ставятся перед фактом новых, более жестких экономических условий. Для них рынок становится трудной, но облагораживающей школой принудительного воспитания. Что же касается определенного уровня безработицы, то он предопределен самой структурой нашей экономики.

То, что происходит в экономике, рассматривается (в "пику" демократам) как революция сверху. А поскольку широкие слои населения не готовы ко многим из предлагаемых жестких мер, это подталкивает реформаторов к авторитарным методам политического руководства. Под сенью же авторитарного государства, по возможности заключенного в правовые рамки, происходит вызревание экономических основ гражданского общества – в лице субъектов частной собственности, а затем и сети ассоциаций, выражающих и защищающих их интересы.

При этом государство постепенно уходит из экономики. Оно, конечно, способствует структурной перестройке хозяйства, например рационализации внешнеэкономических связей, демилитаризации и конверсии. Но в основном производители сами начинают суетиться в поисках подходящих ниш как внутри, так и за пределами российских рубежей.

Наряду с этим либералы примечают ростки открытости по отношению к мировому рынку, всерьез рассчитывают на привлечение иностранного капитала, указывают на необходимость западной экономической и технологической помощи.

Конечно, нельзя не заметить, что все меры, принимаемые для перехода к рынку, проходят, в лучшем случае, наполовину. Но, по мнению либералов, уже есть признаки некоторых позитивных сдвигов. В условиях более жестких финансовых ограничений и высоких кредитных ставок производители начинают считать собственные деньги. Высокие налоги латают хотя бы некоторые дыры в государственном бюджете.

В неизбежном падении производства видится в том числе сброс излишней активности, необходимый для перегруппировки ресурсов. Либерализация цен приводит к появлению на рынке многих видов остродефицитной продукции и определенному заполнению магазинных полок (пусть по высоким ценам, но заполнению). Имеется в виду также то, что положительный эффект многих либеральных мер должен проявиться лишь через некоторое время – люди несколько адаптируются к новой ситуации, сформируется сеть новых рыночных институтов, изменится структура капитала, что станет базой будущего экономического подъема.

Однако по мере хода реформ укрепляется иная точка зрения, в соответствии с которой особо радикальных или "революционных" изменений в экономике не наблюдается. И вообще "перестройка" выступила в первую очередь не как проявление глубинных разломов, но как кризис правящих верхов, проявляющийся в смене одряхлевшей элиты более молодой, динамичной элитой.

Новые формы собственности и хозяйствования, естественно, привлекают всеобщее и явно преувеличенное внимание, в то время как изменения в основной части экономики куда менее значительны. Смена вывесок порою создает видимость динамичных институциональных изменений. На деле же происходит довольно формальное преобразование описанной либералами-утилитаристами корпоративной собственности. Госсектор в экономике продолжает играть "первую скрипку" и в обозримой перспективе останется в этой лидирующей роли. Руководители же госпредприятий, завоевывая уже и формальную независимость от Центра, отнюдь не начинают вести себя подобно агентам рыночного хозяйства. Оставаясь в массе своей монополистами, они реагируют на ухудшение конъюнктуры повышением цен (нимало не заботясь об угрозе взаимных неплатежей) или сворачивают производство. При этом они продолжают рассчитывать на спасительное вмешательство государства, стараются переложить на него груз ответственности за свои действия.

Весомая доля предприятий и целых народнохозяйственных сфер, в том числе и многие высокотехнологичные производства, скажем, в рамках военно-промышленного комплекса, не готовы к вступлению в рынок. А поскольку массового разорения убыточных предприятий допустить никто не позволит, неизбежны дотации и сохранение широких зон государственного регулирования. К этому добавляется потребность в более активной структурной перестройке и поддержании на плаву ряда отраслей непроизводственной, в том числе социальной, сферы. Куда более льготного режима требует укрепление мелкого и среднего предпринимательства в городе и на селе.

Реакция социальных групп населения на экономические реформы более инертна, нежели ожидается либералами. За исключением не очень значительного активного меньшинства, руководители и работники продолжают тяготеть даже не к абстрактному коллективизму, а к специфическим патерналистским ценностям, к более или менее "обеспеченной зависимости" от государства или от своего предприятия.

Консерваторы осторожно относятся к западной помощи, опасаясь растущей хозяйственно-политической зависимости и превращения России во "второразрядную экономическую державу". Но наибольшее беспокойство вызывает снижающаяся управляемость экономики, утрата государством рычагов благотворного регулирующего воздействия, при отсутствии которого, в частности, привычное разбазаривание государственных ресурсов принимает характер целенаправленного разворовывания.

Исходя из этого, консерваторы указывают на неизбежность по крайней мере частичной "реставрации" (в которой демократы и либералы немедленно усматривают восстановление социалистической административно-командной системы, что, конечно, вряд ли возможно). Эта "реставрация" означает усиление государственного вмешательства в управление экономикой; смягчение бюджетных и кредитных ограничений;

выдвижение протекционистских мер на границах России и активизацию промышленной политики внутри; а в политике приватизации – смещение ставок, делаемых на игру рыночных сил, к опоре на директорский корпус.

Конечно, все идеологически окрашенные виды могут местами наслаиваться и даже сливаться. Но человеку все же трудно смотреть сразу в несколько окон. И, выбирая свое "окно", люди по-разному интерпретируют одни и те же политические процессы, а на этой основе выстраивают и несхожие экономические схемы.

Например, распад Союза для социалистов означает потерю социальных завоеваний, крушение общественного строя. Демократы поддерживают разбежавшиеся республики, видя в их растущем суверенитете процесс самоопределения наций. Либералы указывают на обособление национальных правящих элит в качестве причины центробежного механизма. Их беспокоит в первую очередь разрывание тканей единого экономического пространства. Консерваторы же озабочены более нарастающей угрозой для российской государственности.

По-разному оцениваются и сами экономические преобразования. Так, в одной и той же приватизации государственной собственности социалисты видят путь к попранию социальной справедливости; демократы – освобождение работника от сил отчуждения; для либералов – это неизбежное устранение экономически неэффективных форм хозяйства (и к тому же скорее юридическое оформление уже наполовину свершившегося экономического факта); а для консерваторов – слишком резкое разрушение устоявшихся организационно-экономических форм.

Идеологические пристрастия проявляются и в выборе вариантов приватизационных программ. Демократическому взгляду более соответствует раздача прав собственности на предприятия работающим на них трудовым коллективам или, в более радикальном варианте, программа так называемой "гражданской собственности" (каждому гражданину – равную долю общей собственности). Для либералов приватизационная стезя пролегает через аукционы и открытые фондовые рынки (раздача ваучеров для них – демократический "пасс", нехитрый политический маневр). Консерваторы предпочли бы, чтобы приватизационные процессы (да и сколь-либо крупные приватизированные предприятия) не выходили из-под контроля государства. Социалисты же, безусловно, должны были бы отказаться от массовой приватизации вовсе.

Во всем этом видится нечто большее, нежели просто спор между монетаристами, кейнсианцами и институционалистами. И уж, конечно, нечто, несводимое к текущим политическим дебатам неких "левых", "правых" и "центристов". Это вообще вопрос не только методов реформирования экономики, но и более глубокого видения социально-экономических перспектив России.

При этом мы не станем утверждать, что описанная многоступенчатая смена идеологических парадигм вызвана соответствующим обновлением ценностного ядра российского общества (столь быстрое обновление вряд ли возможно в принципе). Скорее, на поверхность всплывают разные ценностные ядра.

4. Что нас ожидает: идеологические основы реальной политики

А. Реальная политика и идеологические гибриды (Короткие отступления в историю)

Господство тех или иных идейных воззрений не связано жестким образом с тем, кто в это время находится у власти. Более того, в последнее время политические деятели, бравшие в руки бразды российской исполнительной власти, опаздывали на этот поезд чуть ли не каждый раз.

Сначала М.Горбачев подтянул к рычагам пуска реформы умеренных социалистов абстрактно-прогрессистского толка (А.Яковлев, ряд фигур в рыжковском правительстве), когда концепция "социалистического выбора" уже была протерта до дыр. Августовский путч привел в коридоры исполнительной власти "демороссов" (среди которых было немало демократов) в момент, когда большинству из образованной публики стало ясно – парламентские дебаты хороши, но нужны достаточно сильная авторитарная власть и четкие либеральные экономические программы. Е.Гайдар же со своею командой появился, когда срок короткой популярности либерализма в интеллектуальной среде уже фактически истек.

Так люди, приходящие в российское правительство, хронически оказывались в идейной оппозиции. В.Черномырдин и подтягиваемые им потихоньку кадры явно более консервативны и поначалу находятся "в струе". Но не опоздают ли и они? Не грянет ли новое нечто?..

Вообще залезание в сферу политики несет исследователю идеологий массу трудноразрешимых проблем. И даже грамотные политологи (к коим автор себя относить не имеет оснований), способные разъяснить в деталях, скажем, отличия "новых правых" от неоконсерваторов, а всех их вместе – от традиционалистов, порою смешивают более глубокий идеологический слой со слоем политических программ.

Дело в том, что каждая идеология предлагает свою относительно замкнутую и непротиворечивую картину угрюмого настоящего и менее угрюмого будущего. Но в соответствии с популярным принципом неполноты Геделя (точнее, его "творческим" переиначиванием), если некая формальная система непротиворечива, то она заведомо неполна. И любая реальная (и реалистичная) политика практически всегда строится на идеологических гибридах и содержит в себе изрядные дозы эклектики. Политики руководствуются необходимостью действия, а не чистотой идеологических принципов. Они отбирают и сочетают разные принципы, не смущаясь противоречиями "чистой" логики.

Потому, к неудовольствию интеллектуалов, любая политическая программа изначально преисполнена внутренних несоответствий, и чтение ее вызывает ощущение мутное и обволакивающее. Но не стоит поддаваться соблазну и сваливать замечаемую непоследовательность на скудомыслие авторов. Эклектика в данном случае уже не просто терпима, она необходима такой программе для ее полноты и для усиления внешней привлекательности провозглашаемых идеалов в глазах тех слоев населения, которых эта программа пытается побудить к каким-то свершениям. Потому каких-то чисто "либеральных", "социалистических" или "консервативных" политических программ не бывает и в принципе быть не может[14].

Идеологии оформляются в непрерывном взаимном отталкивании и подвергаются теоретической концептуализации. А в это время реальная государственная политика, по крайней мере в ведущих западных странах, как минимум с XIX в. строится исключительно на компромиссах и идеологических гибридах. И любые изменения в проводимой политике в большинстве случаев становятся не коренной сменой идеологической линии, но лишь смещением акцентов.

И либеральные, и демократические доктрины, возникнув в свое время как критическая реакция на старый феодальный консерватизм, в развитых буржуазных обществах успели достаточно утвердиться, чтобы, с одной стороны, потеснить мощные слои старого и нового консерватизма, а с другой – не допустить неуправляемой цепной реакции распространения социалистических идей. Благодаря успешному закреплению в общественном сознании идеологических гибридов несоциалистического толка сам социализм, внедрившись, свернулся в невоинственных эклектических "лассальянских" формах.

Но наиболее "счастливым", если можно так выразиться, для этих обществ оказался гибрид Либерализма и обновленного Консерватизма, дополняемый реальными социалистическими и демократическими элементами в качестве подпитывающих "оппозиционных" идеологий.

Консервативно-либеральная система оказалась неплохо сбалансирована, поддерживая, с одной стороны, сильную государственность и правопорядок, а с другой – свободу в экономической деятельности. В ней достигается симбиоз (сочетание и отчасти взаимное погашение) прогосударственных и антигосударственных начал, националистических и универсалистских элементов.

---

[14] Политика ориентировона на массу, воспринимающую идеологии ситуативно, эклектично, эмоционально и неотрефлексированно, на уровне лозунгов и здрового смысло. Идеологии действуют здесь в растворенном состоянии, не имея конкретного субъекто или четкого носителя. Рационализация, структурирование идеологического пространства, доходящие до выделения "чистых" идеологических систем, – исключительный удел исследователя-теоретика, который от этого не становится единственным субъектом или творцом идеологии. Более того, влияние этого субъекто на символическое пространство, как провило, опосредовано и предпологоет, помимо удачных интерпретаций, совпадение массы случойных и неслучойных обстоятельств. Так что исследование развитых идеологических систем есть лишь часть того, что назвоно П.Бурдье "социологией формирования мировоззрений" (Бурдье П. Социольное пространство и символическоя влость. Тезис. Весно 1993. Т.1, Вып. 2. С. 142).

Либерализм привносит сюда некий динамичный дух, Консерватизм удерживает этот дух от радикальных поползновений. А социал-демократизм заботится о том, чтобы не произошло забвения эгалитарных принципов. При этом современная консервативная и либеральная идеологии во многом попросту слились, породив, кстати, изрядную путаницу в наименованиях, когда консерваторов называют либералами, либералов – консерваторами, и вообще непонятно, кто где.

Что же касается России, то в ее государственной политике Консерватизм долгое время оставался единственной глубоко укорененной идеологией. Были, конечно, периоды относительной либерализации в годы правления Екатерины Великой или Александра Второго. Но в целом либеральные и демократические элементы, не говоря уж о социалистических, с трудом в эту политику допускались, по крайней мере до начала двадцатого столетия. Да и проникали они в довольно специфической форме. Например, подобие либеральной линии во внешней торговле, являемой фритредерством, выражало сугубо консервативную позицию в основных политических и внутриэкономических вопросах. А уроки демократического движения давались третьему сословию (к этим урокам довольно равнодушному) не иначе как просвещенными дворянами-земцами.

При фактически безраздельном господстве политического Консерватизма демократические и либеральные взгляды так и остались на обочине в слабых и недоразвитых формах и не смогли стать сколь-либо надежным "буфером" на пути мощного просоциалистического движения, стремительно заполнившего идеологические пустоты и принявшего в результате формы революционно-разрушительные.

Но и судьба самого "победившего" Социализма в России в итоге оказалась весьма и весьма печальной. С каждым послеоктябрьским десятилетием он все более превращался в официозную идеологическую оболочку, за которой скрывалась совершенно иная партийная, хозяйственная и социальная политика. Постепенно произошла обратная реакция заражения и выедания социалистической идеологии мутирующим консервативным духом. Социализм сохранялся как система более или менее успешно пропагандируемых символов, но это было уже скорее своеобразное оформление нового Консерватизма, утратившего былые аристократические черты и спрямленного единой партийной линией. (В этом смысле реальная роль Социализма в российской истории остается, между прочим, совершенно непроясненным вопросом.)

После коротких и малоудачных военно-коммунистических экспериментов началось куда более последовательное выстраивание корпоративных форм организации политических структур, хозяйства и всей жизнедеятельности общества. Но поскольку все же многие вполне уверовали, что прописанные партией социалистические очки гарантируют обещанное стопроцентное видение, а так называемые "отклонения" просто недостойны серьезного внимания, образовался особый идеологический гибрид Социализма и Консерватизма (назовем его "Консервативным Социализмом"). "Истинные" же социалисты, искренне наста-

ивавшие на своих "заблуждениях", были беспощадно стерты с политической карты.

В постсталинский период, и в особенности в пресловутые годы застоя, консервативное наполнение все более растягивало свою социалистическую оболочку, делая ее все тоньше и эфемернее. (Поэтому, когда перестроечные адепты "реального социализма" ратовали за "очищение" Социализма, формально говоря, это не было лишено исторического смысла, хотя сомневаюсь, что им удалось бы воплотить задуманное хотя бы наполовину.)

Перестройка явила собой очередной всплеск радикализма. Первая волна реакции на консервативно-социалистические устои носила черты выраженного Демократизма, заявившего индивидуальные и групповые права на собственность и гражданские свободы. С явным ухудшением положения дел в народном хозяйстве подтянули дальнобойные орудия либерально-экономические силы, имеющие за спиной прочные тылы утилитаристской науки. На короткое время либеральные и демократические веяния захватили господствующие высоты в идеологическом пространстве, а августовские события 1991 г. даже немало поспособствовали их приверженцам в атакующем прорыве к редутам политической власти.

Но победные громы звучали не слишком долго. И вскоре предлагаемые стратегии развития успеха, при всей их безусловной внешней привлекательности, были оценены не более как чистый плод "холодных" западнических изощрений, туго прививаемый к заскорузлому российскому стволу. Исключительно фарсовым элементом общей картины стала узурпация славным В.В.Жириновским титула главного вождя либерал-демократизма, к которому он, конечно, имеет такое же отношение, как зулусы к работе североамериканского Конгресса.

Б. Куда движемся: прогноз недалекого будущего[15]

Утвердится ли счастливое сочетание консервативных и либеральных струй, окрашенных легкими блестками демократических свобод и социалистической благотворительности, покажет время. А пока были тихо и надежно захоронены мечтания о чилийском или китайском вариантах развития событий. Консервативный социализм уступил на время кресла в первом ряду либеральным и демократическим проектам. Но не успел опуститься занавес по окончании первого акта реформаторской пьесы, как подновленный и демонстративно отбросивший социалистические одеяния Консерватизм поспешил заявить свои права на место. С ним пришла вторая реформаторская волна, несущая с собой стабилизационные антиреформы[16].

---

[15] Поскольку весь наш текст был завершен в начале 1993 г. и не подвергался нами принципиальным изменениям, данный раздел уже не является чистым прогнозом.

[16] Подробнее см.: Радаев В. "Львов" сменяют "лисы". Новое время. 1994. №14.

Перемены в реальной политике вряд ли заставят кого-либо томиться в ожидании. Президент России, хоть и прошедший грамотную либерально-демократическую выучку, по истокам своим далеко не либерал и не демократ. Подтянута соответствующая кандидатура премьера. Аппарат большей частью и вовсе никуда не уходил. Директорские корпуса – надежда и опора хозяйственного возрождения – также не меняли мест дислокации. Неизбежные острые углы будут сглажены легкими персональными заменами и мирным перекрашиванием знамен, на которых по-прежнему будут красоваться эмблемы "Свободы" и "Демократии", демонстрируя Западу неизменность курса и твердость поступи на пути в мировое сообщество.

Либерально-демократическая интеллигенция вынуждена будет вернуться к столь привычным ей исторически оппозиционным ролям, чтобы сохранить свои уже наполовину дискредитированные политическими практиками сценарии. Впрочем, повторим, данные группы идеологов оказались в фактической оппозиции еще до того, как ощутили мягкие подталкивания к выходу.

Видимость острой борьбы за свободу и демократию будет сохраняться. Основная же внутренняя идейная борьба, осадок которой и будет выпадать в виде реальной политики, поведется на иных фронтах – между социалистическими, национал-патриотическими и прочими формами самого Консерватизма. Социалистическое прошлое, при всей своей идеологической рыхлости и эклектичности, не уйдет бесследно и не откажется от реванша, хотя бы и под видоизмененными именами. Новые съезды старых коммунистов – только пена, прикрывающая более глубокие слои, над которыми старые коммунисты, впрочем, уже не властны в силу своей одиозности. Так что новому Консерватизму никак не очиститься от социалистического налета, даже если Социализм будет поноситься на каждом углу (что тоже переменится, дайте срок). Впрочем, к какому-то союзу с Консерватизмом в ближайшем будущем будут стремиться все идеологические течения.

Итак, уже сделаны ходы в новой шахматной партии, где эклектичный постсоциалистический Консерватизм играет "белыми", а "черные" оставлены столь же эклектичному Либерально-демократическому альянсу (просим не путать с жириновцами. – *В.Р.*). Осталось посмотреть, кто из новоиспеченных консерваторов успеет захватить ключевые фигуры.

В. Новый консерватизм: борьба за интерпретацию

Итак, Консерватизм наступает. И даже если большинство еще чурается пока самого этого слова, то символическая борьба за интерпретацию содержания консервативной позиции уже развернулась вовсю. Но все же что-то удерживает нас от того, чтобы назвать всех наших поклонников "традиции" "консерваторами". Видимо, на растревоженной российской ниве даже Консерватизм принимает слишком радикальные, порою нигилистические формы. Нашим потенциальным консерваторам

частенько недостает разумной умеренности и некоего духовного аристократизма. Они слишком легко срываются на крик и революционно-разрушительные лозунги. И слишком подвержены страсти к утопии (а утопия почти всегда черпает свой материал из прошлого, в этом конкретном смысле она "консервативна").

Изначально Консерватизм открывал новое в прошлом, которое было ненавистно всем – либералам, демократам и социалистам, заряженным соответственно на открытие этого нового в будущем. Но с течением времени каждая из трех "антиконсервативных" мировоззренческих позиций оставила немало следов в Истории. Причем не только в литературных опусах, но и в самом общественном устройстве. С обретением же истории своих свершений у них появилась питательная почва для собственных "консервативных" побегов. Когда имеется запасник, из него время от времени можно доставать запыленные полотна – саморегулирующегося рынка или, напротив, планомерно организованного хозяйства. И при этом, заметьте, апеллировать к определенной социальной традиции.

В настоящее время мы имеем дело, таким образом, по меньшей мере, с двумя группами консервативных взглядов. Первая группа – это радикальная реакция на существующий порядок, с отысканием в прошлом более рациональных проектов общественного развития (неважно, демократических, либеральных или социалистических). Осмелюсь утверждать, что это не более чем псевдоконсерватизм, эксплуатация чужой идеологической формы.

Вторая группа взглядов оформляется как защитная реакция против всякого радикализма. За этими "камнями" как раз и прячется содержательный консервативный дух, более близкий изначальному понятию своему, протягивается некая "сквозная" консервативная линия.

Однако антирадикализм и умеренность сами по себе тоже не дают понимания Консерватизма. Важно понять, что это не просто "центр", отрицающий крайности "левых" и "правых" уклонов и заворотов. Но нечто, опирающееся на ряд положительных взаимоувязанных принципов. Перечислим эти принципы.

1. Консерватизм рассматривает хозяйство и общество как саморазвивающийся организм и принимает (но не оправдывает) все болезни и пороки данного организма.

2. Консерватизм подчеркивает, таким образом, сквозную историческую преемственность в социально-экономическом развитии. В членении истории на периоды "золотых веков" и "темного царства" им видится изрядная вольность. И уж во всяком случае Консерватизм не склонен лишать никакие "темные" исторические периоды, советские или досоветские, их важной конституирующей роли.

3. Консерватизм ищет опору в традиционных формах организации хозяйства и общества и поддерживающих их институтах (в таких, например, как семья, сохранившая, несмотря ни на что, свое значение не только как социальный, но и как хозяйственный институт; а также в традиционных корпоративно-общинных формах).

4. Консерватизм ориентируется на ценностно-нормативное единство общества (воспитание государственного правосознания, религиозности, трудовой и деловой этики).

5. Консерватизм предполагает наличие сильной государственной власти, выражающей национальные интересы и апеллирующей к формирующемуся национальному самосознанию.

6. Консерватизм тяготеет к аристократическим формам правления, но ищет согласия в самых разных социальных слоях и представительских учреждениях при жестком отпоре всяким попыткам силового воздействия снизу.

7. Консерватизм проповедует постоянный, но умеренный реформизм, исходящий из наличных хозяйственно-политических сил более чем из желательного порядка вещей (со всеми минусами такого выбора), при осторожном отношении ко всяким радикальным и скорым нововведениям[17].

Конечно, все эти принципы нелегко формулируются, и еще более трудно они проводятся в жизнь. Но возрождается Консерватизм хоть и на плохо обустроенном, но уж все-таки не на "голом" месте. Конечно, скептики скажут, что подобной "благородной" версии Консерватизма, возможно, суждено занять весьма скромное место в нашей пестрой идейной палитре. И они вряд ли ошибутся. По крайней мере первое время консервативные позиции спокойно отдавались на откуп неокоммунистам и национал-патриотам. Но важно знать о том, что иное возможно, что такая интерпретация консервативных взглядов существует и имеет собственную традицию.

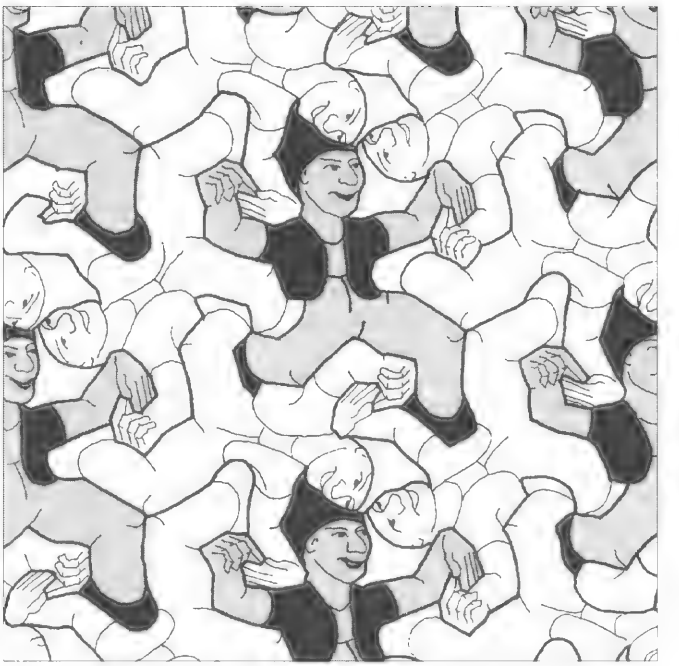
После всего сказанного не хотелось бы остаться превратно понятым. Автор не берет на себя смелость утверждать, что консервативное мировоззрение-то и есть выражение некоего "объективного" идеала, "золотой ключик" ко всем российским проблемам. Просто гигантский идеологический калейдоскоп совершает свой круг. И круг скорее всего не последний.

[17] Это выражено принципом Дэн Сяопина: "Мы должны двигаться вперед решительно, осторожными шагами".

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ КАТАСТРОФУ?

(Не более чем взгляд...)

А. ФАДИН



Модернизация была неотвратима, но был ли путь в обход Катастрофы? «Модернизация через Катастрофу» – взгляд на новейшую историю России, обосновывающий неизбежность Катастрофы в процессе модернизации и возможность модернизации – в процессе Катастрофы. В оптике этого взгляда Катастрофа – неизбежный и постольку необходимый момент модернизации России, ее интеграции в доминируемую Западом мирэкономику.

© Фадин А.В., 1995

А. ФАДИН

I. Интерпретация перестройки

1. Крах "коммунизма" казался современникам одновременно неизбежным и невозможным, а оказался неожиданным. Вне зависимости от способа интерпретации перестройки и постперестройки все аналитики сходятся на признании глубокого социетарного кризиса, охватившего советское общество в последние десятилетия его существования. Вопрос, однако, состоит в том, могла ли система выжить в принципе? Была ли она принципиально реформируема? Обладала ли мотивами и механизмами саморазвития, эволюции по собственным основаниям, в рамках своей собственной логики развития?

Самое поразительное, что происшедшее в бывшем "втором мире" (зоне "реального социализма") за десятилетие после смерти Брежнева сколь-либо внятного ответа на этот вопрос не дает. С одной стороны, события 1990 – 1993 гг. в СССР и России не оставляют вроде бы места дискуссиям: здесь произошел именно **крах системы**, и рассыпалась она как раз в результате попыток ее реформировать.

Однако, с другой стороны, то, что по горячим следам августа 1991 года казалось тотальным крахом системы, сегодня представляется многим лишь некоторым логическим – **и не последним!** – этапом в ее эволюции. С этой точки зрения социально-политическая система **не рухнула**, она сильно мутировала, но выжила и приспособилась. Реальное удержание, более того, новая легитимация своей власти традиционными советскими элитами (этот факт подтверждается практически всеми социологическими исследованиями) может служить здесь мощнейшим, но далеко не единственным аргументом. Если же иметь в виду китайско-вьетнамский вариант эволюции – мощный тектонический рыночный сдвиг в недрах "азиатской модели социализма", – то вопрос о нереформируемости коммунизма звучит уже совершенно по-иному.

И все же для современников и свидетелей событий в России происшедшее представляется социально-политической катастрофой коммунизма, революцией со всеми ее атрибутами – героикой, кошмарами, пошлостью. Подверглись разрушению сами основы привычных укладов жизни миллионов людей – причем чаще всего совсем не те, которые подвергались идеологизированной критике противников системы. Правда, структуры повседневности не разрушены "до основанья", механизмы их воспроизводства действуют – и это главное отличие революции политической от социальной, не просто меняющей, но взрывающей сами основания жизни.

Тем не менее цена перехода от госсоциализма к обществу, открытому для рыночной эволюции, представляется значительной части общества катастрофической для их собственной жизни, а потому неприемлемой. Но были ли у советского общества иные варианты?

Очевидно, что горбачевская перестройка являла собой упущенный (точнее – проигранный) антиреволюционный вариант консервативной эволюции социально-политической системы – в обход катастрофы, без обвального крушения несущих конструкций социального целого, с сохранением рамочных институтов политической системы КПСС и СССР.

Отчасти этот путь описывается "китайской моделью" – но лишь метафорически, ибо советское общество имеет по большинству параметров совершенно иную природу. Это – урбанизированное, индустриальное общество сплошной грамотности, с крайне низким (последние годы – отрицательным) уровнем прироста населения, несопоставимо более "модернизированное" и информированное, открытое вовне с точки зрения ориентиров потребительского поведения и системы ценностей большинства населения.

С другой стороны, советское общество гораздо более "специализировано", т.е. зашло в обобществлении, в своей "социалистической эволюции" так далеко, что никакая его реставрация уже невозможна. В нем отсутствуют не только основные социальные субъекты, но часто и "генетическая память" о том, как эти субъекты должны действовать в соответствующих ситуациях. (Характерным признаком степени исторической "невозвращаемости" постсоветского общества к досоветским нормам и системе собственности может служить практически нулевая значимость проблемы реституции в российском общественном сознании – в отличие не только от восточноевропейских, но и прибалтийских стран. Возвращать некому и нечего, реституция невозможна так же, как и реставрация.)

Другим важнейшим граничным условием "китайского сценария" для России являлась своеобразная историческая **зрелость** социальной структуры.

В отличие от включенных в жестко авторитарную вертикаль и ослабленных репрессиями "культурной революции" китайских ганьбу, советская номенклатура достигла в России за послесталинские десятилетия такой степени зрелости и независимости от "центра", которые делали невозможным проведение ее руками реформ, противоречащих ее же интересам. Хрущевская оттепель означала, в сущности, эмансипацию номенклатуры, начало ее становления как элиты, как **"класса власти"**, который в СССР оказался сильнее **"власти класса"** (олицетворяемой "центром") задолго до начала перестройки, что показало уже свержение Хрущева.

Сила и социальная зрелость номенклатуры в значительной мере предопределили практическую невозможность авторитарной и управляемой рыночной модернизации.

Возможно, если бы соответствующие шаги были предприняты "центром" в 1950 – 1960-е годы, у "китайского сценария" были бы существенные шансы. Историческая легенда связывает подобную развилку с "холодным летом 1953 года", с гипотетическим приходом к власти Лаврентия Берии, цинично пренебрегавшего партийно-коммунистическими догмами и полагавшего, как гласит апокриф, что его личная власть нисколько не пострадает от роспуска колхозов, экономической самостоятельности предприятий и введения частной собственности.

Как могут проводиться подобные повороты, показал Китай. Реальность выбора такого рода остро чувствовал и Горбачев, заявивший в одной из поездок по стране, что многие от него ждут команды: "огонь

по штабам", но не дождутся – он такой команды не отдаст, потому что совершенно неясно, где этот огонь тогда остановится.

2. И все же главным социальным фактором, блокировавшим консервативно-реформистский путь эволюции советской госсоциалистической системы, стал ею же порожденный массовый советский средний класс (ССК) – частично пресловутая интеллигенция, частично многомиллионная (порядка 30 – 40 млн.) "генеральная совокупность" квалифицированных работников.

Само существование этой страты как именно среднего класса часто подвергалось в советологии сомнению или даже отрицанию – по вполне понятным причинам. Выявить его пределы, сформулировать сколько-нибудь однозначно характеристики – исходя из классических представлений о социальной группе – крайне сложно. Можно сколь угодно долго издеваться над этим "средним классом", объявлять его несуществующим или совсем не средним, социальным мифом или "сказкой", но для современников это была несомненная эмпирическая социально-психологическая реальность, и, возможно, читатели этого текста могут подтвердить ее на основе простого самоанализа, хотя бы и преломленного позицией ex-post.

Советская социальная пирамида носила искусственно уплощенный характер. В определенном смысле практически все советское общество было "осреднено". Социальные различия имели характер, с одной стороны, более горизонтальный (т.е. пространственный, региональный), нежели вертикальный (по стратам), а с другой – более культурно-"сознанческий", нежели доходно-имущественный. (Хотя при этом разрыв в потреблении и качестве жизни был много больше, чем в доходах.) С этой точки зрения среднего класса в западном смысле, как социальной группы, четко локализуемой с помощью измеряемых параметров, в СССР действительно не существовало.

Ни денежные доходы, ни должностное положение и место в распределительной системе сами по себе не описывали эту страту исчерпывающе определенно.

Ее контуры очерчивала, пожалуй, лишь смутно формулируемая совокупность налагаемых друг на друга признаков: образование и квалификация, место в должностной иерархии, культурные и потребительские ориентации, образ и стиль жизни (бюджет времени, набор досуговых занятий, круг чтения и зрелищ, определенный язык и знаковая среда, общая "шкала престижа") и даже место жительства. В этой ситуации зачастую важнее была не столько занимаемая индивидом социальная позиция, не то, кем он был формально и фактически, сколько его социальное самоопределение – то, что он принимал как социально-групповые ценности и нормы. В определенном смысле советский средний класс был гораздо более **группой сознания**, нежели классической **группой интересов**.

Хотя границы ССК нельзя однозначно свести к уровню жизни, некоторые материальные параметры для "взвешивания" этой общности, ключевой для понимания динамики российской жизни, можно все-таки

нащупать (например, совокупный тираж столичных либеральных изданий в конце 80-х, или оценки аудитории западных радиостанций в СССР, или примерное количество семей, владеющих автомобилями).

Именно этот слой добился в послесталинское время культурно-психологической гегемонии в обществе, создал мощную (западническую в целом) культурную традицию. Именно он устами художественной элиты, "текстами культуры" задавал престижную матрицу ценностей, артикулировал господствовавшие нормы социального поведения. Именно он стал (при мощном культурно-поколенческом сдвиге начала 80-х годов) главной социальной базой перестройки, а сформировавшийся на его основе "политический класс" стал главной силой, взорвавшей возможность консервативной эволюции режима.

Корни подобного отношения ССК к эволюционному пути лежат в отношении к самой системе, породившей и вырастившей его. Для лидирующей его группы – статусной интеллигенции столичных и крупнейших городов, части директорского корпуса, рыночно ориентированных управленцев центральных ведомств – консервативная эволюция делала невозможным резкое, скачкообразное ("через ступеньки") повышение социального и потребительского статуса, до которого эта группа дозревала четыре послесталинских десятилетия. Такой путь реформ ей мало бы что принес. Он означал сохранение – с некоторыми подвижками – прежней советской социальной иерархии, системы политического контроля и регулирования экономического поведения, при которой возможности подъема по социальной лестнице для "людей со стороны" были весьма ограниченны.

Политическая система оказалась слишком узкой и малоподвижной: она фактически блокировала конверсию накопленного этим классом мощного энергетического, образовательного, квалификационного, культурного потенциала в доходы, потребление, собственность, политическое влияние и власть.

На протяжении всей своей истории режим, стремясь удержать в контролируемых рамках нараставшую с усложнением социальной структуры социокультурную дифференциацию, пытался контролировать не только доходы и потребление, но и сам образ жизни формирующейся новой социальной элиты.

Однако "процесс пошел" на базовом, культурном уровне, где прямой репрессивный контроль был малоэффективен.

С началом массового распространения бытовой электроники (побочный результат стратегической "гонки за Западом") потеря государством монополии на информацию и демонстрацию образцов культуры стал лишь вопросом времени. Коротковолновый радиоприемник, бытовой магнитофон и пишущая машинка стали материально-технической основой формирования "внегосударственного", антивластного мироощущения среднего класса.

Александр Галич гениально уловил и сформулировал эту перемену информационно-культурной ситуации в стране уже на рубеже 70-х годов:

"Есть магнитофон системы "Яуза" –
Вот и все. И этого достаточно..."

(Для Восточной Европы конца 80-х, стоявшей в этом процессе "технической эмансипации" общества на несколько шагов впереди СССР, тот же феномен был афористически сформулирован чешским диссидентом: "Коммунизм был побежден компьютером, премию следует выплатить фирме "Эпсон".)

В 1970 – 1980-е культурно-поколенческие изменения в среднем классе оказались окончательно рассинхронизированы с динамикой менталитета номенклатуры. Последний не смог идеологически интегрировать ни новые массовые потребительские ориентиры, ни феномен молодежных и иных внеофициальных субкультур.

Рок, диско, феномен "самодеятельной песни", йога и восточные единоборства и пр.– все эти маркеры поколенческой культуры развивались вне официальной системы координат – а значит, против нее.

Второе-третье поколение горожан, обжившее среду обитания и твердо стоявшее на ногах, хорошо информированное об уровне жизни своих "братьев по классу" на Западе, социально уверенное в себе и потому верившее, что снятие политических ограничений и экономическая свобода дают новые возможности роста, – вот "политическая армия революции", выступившая против консервативной реформы **изнутри**. ("Изнутри", поскольку эта страта была одновременно и единственной потенциальной опорой любого реформистского курса.)

3. В известном смысле неизбежность роста влияния и в конечном итоге идеологической гегемонии ССК задавалась самим ходом развития страны. Тотальное противостояние Западу имело характер хронически безнадежной **"гонки за лидером"**. Это вынуждало советское руководство ставить сходные с западными стратегические задачи, повторять не только технические, но и социальные решения. Последние, в свою очередь, неизбежно приводили к соответствующим – по большей части неуправляемым – культурным последствиям. Например, именно противостояние с Западом привело к созданию в СССР (во многом за счет ограбления большинства населения) колоссальной сферы науки и научного обслуживания. Эту сферу по самой ее природе невозможно было изолировать от внешнего мира, и она стала одним из первых независимых каналов информирования общества.

Несколько миллионов человек, сконцентрированные в нескольких городах и научных центрах, были источником социальной рефлексии и не могли быть управляемы традиционными советскими средствами. Ощущая себя "солью земли", т.е. несомненной интеллектуальной элитой, они не могли не воспринимать обостренно свою социально-политическую ничтожность.

К тому же существовало и распространенное представление о высокой рыночной конкурентоспособности советских "научников", вроде бы подтверждавшееся первыми результатами массовой ("еврейской") эмиграции в 70–80-е годы. В результате именно эта среда стала выразителем политического недовольства, средой производства и циркуляции

самиздата и пр. Впоследствии именно эта среда дала "профессорскую волну" в политике и выкатила на сцену целый ряд риторов "Демроссии".

Сходные результаты дали и идеологически мотивированные "холодной войной" решения по имитации западного типа потребления. Так, начало продажи легковых автомобилей частным владельцам фактически запустило процесс новой (не традиционно советской) социальной дифференциации – через доходы, а не через распределение по месту в социальной иерархии. Последнее не могло не привести к такому открытому имущественному закреплению социального неравенства, которое уже можно было пощупать и измерить.

Автомобиль в этом смысле крайне показателен. Во многом он определяет образ жизни и экономическое поведение владельца, требует не только начальных вложений ("накопил и машину купил"), но и постоянных расходов на эксплуатацию, а значит – соответствующих доходов.

Если из примерно 15 млн. частных автомобилей, находившихся в номинальной эксплуатации к моменту распада СССР, исключить как "нетоварные" 5 млн. устаревших и неисправных, то оставшиеся примерно 10 млн. указывают на число семей, обладавших автомобилем. Умножая это количество на три-четыре (условное число членов семьи в 80-е годы), получаем цифру в 30 – 40 млн. человек, которую очень грубо можно считать ориентиром (одним из многих!) в определении социальной массы "среднего класса".

Конечно, значительная часть ССК не являлась автовладельцами, а многие автовладельцы не самоопределялись как "средний класс". Отбросим, например, четверть "случайных" владельцев и представим, что реальными центрами автомобилизма были крупнейшие и столичные города. Но ведь именно здесь находились центры политической активности и принятия решений – и именно здесь давление "класса автовладельцев" было наиболее ощутимым...

4. С другой стороны, еще на рубеже 70–80-х годов государственная машина доросла до своих физических пределов. Управленческо-распределительная кормушка просто не могла расти дальше теми же темпами, что оказало решающее воздействие на механизмы социальной мобильности.

Новые поколения "номенклатуры" не могли более "механически" наследовать социальный статус родителей, ускорился начавшийся еще в 50-е годы процесс ухода "боярских детей" в боковые (профессиональные, не связанные напрямую с властью) ветви истеблишмента – науку, искусство, производство, т.е. традиционные ниши обитания "среднего класса". (Полезно вспомнить биографии Сергея Хрущева, Анатолия Громыко, Анатолия Яковлева, Серго Микояна...)

В свою очередь, и новые поколения массовидного ССК не могли больше рассчитывать на быструю вертикальную мобильность, на высокое место в истеблишменте. Прекращение роста "государственного тела", смертельно медленная ротация руководящих кадров делали номен-

клатуру, с одной стороны, в значительной степени поколенчески **закрытым классом**, а с другой – усиливали идеологическое влияние на нее со стороны ССК. Последнее осуществлялось, в частности, через молодое поколение самой номенклатуры, фактически полностью принявшее гегемонию социальных норм среднего класса. Уже с 1970-х, с началом стремительного упадка идеологии, "номенклатура" стала обставлять карьерное продвижение дипломами и учеными степенями, легитимизируя свое положение через апелляцию к харизме науки (к.ю.н. Михаил Горбачев, д.ю.н. Анатолий Лукьянов, акад. Александр Яковлев и многие другие – выходцы именно из этой поколенческой волны).

Вообще социокультурная траектория номенклатуры (от героического разрушительства традиционных культурных норм предреволюционного социума – к их освоению и "приватизации", от нигилистического "кожана" – к буржуазному галстуку) была изумительно точно предугадана и рассказана Ильей Эренбургом в забытом сегодня романе времен индустриализации "День Второй".

5. Дилемма, стоявшая перед Горбачевым, сегодня представляется очевидной – и неразрешимой одновременно. Реформистское крыло истеблишмента не было достаточно сильным, чтобы обойтись без мобилизации социальной поддержки, а она могла первоначально прийти только со стороны советского среднего класса. Последнее очевидно, поскольку удовлетворить его ожидания и надежды (в отличие от любых других слоев населения) можно было простым расширением сферы свободы, ослаблением политического контроля и наложением вето на репрессии.

Но это означало бы подрыв органичной, притертой десятилетиями иерархии элит, что со временем не могло не привести к коррозии всей политической системы. Сделать же ставку на этот слой и, следовательно, пойти на революционный слом системы Горбачев не мог и не хотел, справедливо предчувствуя колоссальные общественные потрясения. Да и не чувствовал он за этими людьми силы и перспективы!

Переломным моментом в этом стоянии на лезвии мог стать лишь жестко авторитарный вираж реформатора, советский вариант Тяньаньмыня (например, в марте 1991 г.). Он мог бы жестко отрезать варианты слома политической системы, гарантировать преемственность власти и однозначно определить пространство, в котором допущена свобода реализации социальных ожиданий. На подобный вариант "до конца" Горбачев также не пошел, хотя авторитарный откат наметился с формированием последнего горбачевского кабинета (почти в полном составе – будущего ГКЧП). Бездарная попытка провести советский вариант Тяньаньмыня состоялась без и против колеблющегося и непоследовательного Горбачева и не была поддержана наиболее влиятельными группами номенклатуры.

С другой стороны, реально управлявшие госсобственностью руководители предприятий и территорий, значительная часть хозяйственной и политической элиты стремились к перераспределению власти, к леги-

тимации своего статуса хозяев страны, к конверсии власти в статус, а статуса – в деньги и собственность.

Консервативно-эволюционный путь таких возможностей дать не мог именно в силу своего главного условия – сохранения жесткой иерархии элит на политическом, национально-государственном уровне. Сохранение Союза означало прежде всего сохранение имперской централизованной иерархии национальных элит, обуздание их политических амбиций (что после 1987–1988 гг. было возможно лишь через применение силы).

К тому же для традиционных советских элит в республиках выбор "за" или "против" консервативно-реформистского пути не был уже свободным, поскольку снизу их подпирали сформировавшиеся на обочинах политической системы националистические контрэлиты, под зонтиком горбачевского "запрета на репрессии" оформившие свои политические движения в виде всевозможных "народных фронтов". Удержать власть в ряде случаев (как потом оказалось, ненадолго) было можно, лишь перехватив у национал-радикалов лозунги суверенизации. Что и было сделано.

6. Таким образом, на критическом рубеже защищать консервативно-реформистский путь (по крайней мере платить за него требуемую реальную цену) не захотел ни один из главных социальных актеров российской сцены.

Потенции этого пути были упущены реформистским ядром истеблишмента, отвергнуты ССК, не использованы в значимых масштабах местными и региональными властями, национальными элитами, хозяйственными руководителями. Без слома традиционно-советских социальных иерархий, без крушения политической системы обойтись не удалось. Катастрофа политической системы стала неизбежной.

Однако в этакратическом обществе, каковым, в сущности, являлось советское, катастрофа политической системы не могла не стать и катастрофой общества, точнее, определенного типа развития и цивилизации.

II. Почему—катастрофа?

1. Неудача консервативной реформы не была случайной. Советская система сложилась на приоритетах стабильности и количественного роста, а не качественной динамики. В этом она проявила определенные черты российской цивилизации, которые развила, кажется, до максимально возможного в XX в. предела. Она не только воспитала преимущественно консервативный правящий класс, но и десятилетиями негативной селекции подготовила соответствующий человеческий материал на всех уровнях социальной пирамиды. Но самое главное – она создала в высшей степени плотную, вязкую и по-своему органичную систему социально-групповых интересов на основе территориально-административных и корпоративно-отраслевых комплексов. Эти группы интересов, базирующиеся на госсобственности и управляющем ею гос-

аппарате, были (и отчасти остаются) ориентированы исключительно на самосохранение и рост.

При новом режиме уровень коррупции и лоббизма в госаппарате намного вырос. Возможности давления на правительство со стороны многочисленных территориально-отраслевых групп (отнюдь не только ВПК, АПК, ТЭК) таковы, что надеяться на планомерную переориентацию, конверсию и модернизацию просто нереально. Достаточно вспомнить гайдаровскую практику поочередного прогиба перед требованиями налоговых льгот и различных дотаций со стороны различных "групп давления".

Есть данные, что директора военных заводов отказывались от конверсионных заказов, предпочитая шантажировать правительство закрытием предприятий и выбросом людей на улицу. Другие – через схожие механизмы – добиваются совершенно разорительных для страны заказов, обосновывая это интересами сохранения национального промышленного потенциала.

Сила и, главное, – укорененность этих групп интересов в самой социальной почве, их нерасторжимость с интересами самого госаппарата не оставляет, кажется, никаких серьезных шансов на эффективную и конструктивную роль государства в процессе структурной модернизации.

2. Дело, конечно, не в некомпетентности тех, кто стоит на вершине государственной пирамиды, а в природе самого этого государства. Возникшее на принуждении, оно каждый свой рывок вперед – от Петра до Сталина – осуществляло административным насилием, чаще всего вопреки интересам основной массы подданных, не спрашивая их, не заботясь о стимулах и правилах игры. Более того, каждый раз, когда это государство осуществляло рывок, оно подрубало прораставшие снизу, из общественной почвы возможности органичного капиллярного развития.

Петровская мануфактурно-крепостная индустриализация означала, к примеру, пресечение низового спонтанного развития товарного производства, что привело через сто лет к невосполнимому до сих пор отставанию в технической сфере и, самое трагичное, – к формированию уникально тупикового типа крепостного промышленного работника. Каждый рывок в индустриализации на импортированной технической и отчасти организационной базе и на государственно-принудительной основе, сокращая дистанцию в гонке за лидером "по абсолюту", подготавливал на следующем витке еще большее отставание. Если, например, в 80-е годы XVIII в. Россия занимала ведущее место в Европе по производству чугуна и стали (т.е. по основным позициям тогдашнего промышленного производства), уже через сто лет она значительно отставала не только по этим основным позициям, но и в металлургии вообще, уступив даже Германии, начавшей индустриализацию позже и сто лет назад производившей металла несопоставимо меньше, чем Россия. Новый промышленный рывок привел к стремительному сокращению разрыва, достигшему, видимо, минимума к началу 70-х годов XX в. Одна-

ко уже к концу 80-х годов разрыв снова стал мощно нарастать, причем опять не только в новых отраслях (здесь можно было бы "списать на НТР", прыжок в постиндустриальную эру), но и в тех, где позиции России считались незыблемыми.

Сопоставление с классическим Западом прозрачно (и в каком-то смысле тривиально). Больше раздумий вызывает траектория стран второго, третьего и последующих эшелонов модернизации. Экономическое сопоставление России с Испанией, Португалией, Турцией, Мексикой, Бразилией в 80-х годах прошлого века казалось бы просто неуместным. Сегодня по ряду позиций их положение с Россией сблизилось настолько, что в международной статистике они попадают в одну группу, а по другим позициям (например, структура внешней торговли) Россия, по сравнению с ними, выглядит просто отсталой страной.

Об экономическом сопоставлении Японии с Россией говорить было бессмысленно не только в конце XVIII, но и в конце XIX в. В конце же XX в. говорить стало также бессмысленно, но – "в обратном смысле". Рывок, сделанный Японией за сто лет после революции Мэйдзи, выглядел бы совершенно беспрецедентным, если бы сопоставимые (в пропорции) результаты не были достигнуты также и восточноазиатскими "тиграми" буквально на пустом месте.

Разговоры (достаточно, конечно, обоснованные) о сильной этатистской основе любого успешного **догоняющего развития** не могут снять ключевой, по-моему, проблемы личной свободы и социальной эмансипации как единственной прочной основы любой модернизации и – шире – развития. Даже в Японии, стране традиционно жесточайшего социального контроля над личностью, при самом жестком этатизме времен первого (после революции Мэйдзи) и второго (послевоенного) японского великого рывка уровень личной свободы был всегда на порядок выше, чем на предыдущем витке. Каждый шаг экономического развития сопровождался соответствующим (попеременно – опережающим и последующим) шагом в эмансипации.

В России же – за исключением рывка рубежа веков – ситуация была обратной. Социальная эмансипация, несомненно, шла, но она была побочным, нежелательным и подавляемым продуктом модели развития, ее антителом. Насилие было не методом, а культурным кодом, сутью этого государства. И как только репрессивная его основа одрябла, государство перестало быть субъектом, потеряло мистический – для русской истории – смысл и свелось к сумме властей, которые реально не имеют ни идеи, ни миссии, ни мандата общества. А есть только многоликая этакратия, госаппарат с его собственными – разнонаправленными – социальными интересами.

3. Посткоммунистическая ситуация в России может быть охарактеризована как бессубъектная. Любая форсированная модернизация (и структурная в том числе) требует мощной государственной воли, управляемого, способного к сложным командным маневрам госаппарата, т.е. некоторого субъекта реформ. Подобный субъект не только отсутствует,

но, по всей видимости, и не может быть порожден этим обществом в обозримые сроки.

Поэтому, когда сегодня говорят о госрегулировании, протекционизме, эффективной таможенной и налоговой политике, недопущении закрытия предприятий и безработицы, о сохранении промышленных структур, стоит вспомнить о том, что, говоря "государство", мы в реальности будем иметь дело не с Великой государственной идеей, а с **исторически конкретным госаппаратом**, воспитанным в совершенно определенной управленческой культуре, изменить которую простая смена политических режимов (любых!) практически не в состоянии.

Ядро госаппарата, управленцы госсобственности, являются несомненными лидерами приватизации. Но даже и в новом своем качестве легализованных собственников они совершенно не заинтересованы в **структурной модернизации**, поскольку связаны во многом с избыточными, иждивенческими и тупиковыми секторами хозяйства. И есть лишь одна сила, которая может преодолеть это вязкое непреодолимое сопротивление. Эта сила – КАТАСТРОФА.

Лишь она может выжечь неэффективные и нереформируемые в принципе (или без колоссальных потерь) отрасли, структуры, институты. Да, страшной ценой, и поэтому ни радоваться ей, ни желать ее нельзя. Но цена попыток избежать катастрофы **не будет ниже**, результатом же может стать лишь социальное гниение, относительно плавная многодесятилетняя деградация.

Если стремительная (в масштабах человеческой жизни), а значит – неминуемо катастрофическая смена социальной парадигмы дает шанс использовать в критической фазе развития наработанные советской цивилизацией запас прочности и человеческий материал (с его очевидными преимуществами: образованием, здоровьем, минимальной социальной дифференциацией), то любые варианты "прусского пути" эволюции (т.е. плавной деградации системы) растратят эти преимущества. К моменту следующей развилки страна подойдет в совершенно третьемиризованном состоянии, лишенная главного (может быть, единственного) позитивного наследия советской цивилизации – ее человеческого материала.

В логике подобного взгляда Катастрофа есть цена обновления русской истории.

III. Как это бывает

1. Когда в России говорят о социально-экономической катастрофе, относиться к этому надо осторожно. Во-первых, в определенном смысле российская история, российский прогресс и двигались как бы через катастрофы. Катастрофой региональных социумов было собирание российских земель под московскую руку, а затем централизация государства (стоит ли говорить, что последняя означала для Твери, Новгорода, Рязани?!..). Катастрофическими для традиционных социальных структур были опричнина, петровские реформы, сталинские индустриализация и коллективизация деревни.

Если сравнивать взрывной потенциал и человеческую цену нынешнего слома социально-экономической системы (по исторической вертикали) с крахом времен революции и гражданской войны или со сталинской индустриализацией-коллективизацией, то вроде бы и произносить слово "катастрофа" неудобно. Также как-то неудобно сравнивать (по географической горизонтали) происходящее в бывшем СССР с происходящим ныне же в бывшей Югославии, Сомали или Руанде.

С другой стороны, каждое поколение живет в своей системе социальных координат. Советская история и особенно ее четыре послесталинских десятилетия выработали такую социальную структуру, такую систему жизненных стандартов и социальных ожиданий, по отношению к которой беспощадно обрушившиеся перемены действительно могут восприниматься значительной частью взрослого населения как катастрофа.

Но вдумаемся, что именно, кем и почему воспринимается как катастрофа?

Оставим в стороне идео-политический фон, выступающий несомненно как активная составляющая самочувствия общества.

На рациональном уровне "объективка" общеизвестна. Падение производства наполовину в сравнении с уровнем 1989 г. Особо болезненное падение добычи энергоносителей и в результате падение их экспорта. Разорение и остановка целых колоссальных подотраслей. Прогнозируемая на конец 1990-х годов по-настоящему массовая безработица. Кризис неплатежей. Рост внешнего долга, контролируемый лишь кредиторами. Падение доли ВВП, идущей на социальные нужды, и в связи с этим деградация социальной сферы. Стремительное ухудшение здоровья народа по всем показателям медицинской статистики. Рост смертности, падение рождаемости и продолжительности жизни, минусовый прирост населения. Тотальная коррупция, беспрецедентная волна преступности. Этот общероссийский перечень можно было бы продолжать бесконечно на региональном и местном уровнях.

Но все это – даже при оптимистических сценариях – лишь прелюдия. По разным оценкам, 50 – 70% нашей промышленности просто не в состоянии адаптироваться к открытой рыночной экономике. Большинство подотраслей машиностроения, значительная часть химии и легкой промышленности становятся излишни. Их продукция никому ни в мире, ни в стране не нужна. Их можно было содержать лишь в условиях жесткого протекционизма, экономической изоляции и военного противостояния с Западом – за счет экспорта сырья и равномерного объедания немногих эффективных секторов экономики, жесткого регулирования доходов и потребления населения.

Все эти условия фактически перестали действовать, восстановить их можно только на короткое время, только силой и только через контрреформу. Сколь-либо серьезный социальный персонификатор такой альтернативы на российской сцене отсутствует. Пока...

Но даже все перечисленное тем не менее не воспринимается большинством населения как катастрофа – до тех пор, пока не рушатся

структуры повседневности. В этом смысле для большинства происходящая ломка все еще катастрофой не стала. С другой стороны, такие вещи, как многомесячная невыплата зарплаты, реальная длительная безработица, недоступность регулярного медобслуживания и школьного образования, – уже реальный осязаемый шаг к катастрофе структур повседневности.

Если действительно пытаться решать проблемы модернизации, а не предоставлять эти мучительные решения будущим поколениям, которым за то же самое придется платить уже совсем иную цену, то путей "в обход" подобной катастрофы уже не видно. Например, если не пойти сегодня на решительную модернизацию угольной отрасли (что, по версии Мирового банка, равнозначно сокращению более полумиллиона рабочих мест и неминуемо приведет в российских условиях к краху структур повседневности для более чем миллиона человек), это будет означать лишь отрубание кошачьего хвоста по частям: возрастающая нагрузка на бюджет, мучительная маргинализация некогда одной из самых привилегированных и политически весомых групп рабочих, деградация угледобывающих регионов. Оттягивание решения – катастрофа в рассрочку, с минимальными надеждами на реабилитацию. Принятие решения – при существующем госаппарате (системе переквалификации, переселения, материальной поддержки безработных) – означает неминуемый болевой шок, но дает некоторые шансы в среднесрочном будущем.

2. Если термидорианскому режиму удастся свести нынешнюю хроническую предкатастрофу-кризис к структурному кризису (что само по себе означало бы колоссальный его успех), для огромных секторов экономики и занятых в них людей это все равно будет означать катастрофу. Причем процесс будет сконцентрирован географически, целые регионы (например, Большой Урал, Среднее Поволжье) могут превратиться в зоны сплошного социального бедствия, приобретающего характер катастрофы в малых и средних "монофабричных" городах, которые и возникли-то вокруг одного-двух заводов (какие-нибудь Северодвинск, Каменск-Уральский или Первоуральск). Понятно, что значит для 50–150-тысячных городов закрытие их главных предприятий, на которых "висит" вся социальная сфера (жилфонд, транспорт, инфраструктура, детские учреждения, а иногда и медицина)...

Однако самостоятельно бежать из таких зон бедствия почти невозможно. Традиционно крайне низкая географическая мобильность населения, заложенная в культуре, оказалась намертво закреплена положением на рынке жилья.

Сам этот рынок (когда и если он появится) будет препятствовать горизонтальной мобильности: поскольку стоимость жилья в обширных депрессивных регионах будет ниже, чем в немногих и ограниченных развивающихся регионах, продать жилье в "плохом" месте и на сопоставимые деньги купить в "хорошем" будет невозможно (без целевых госдотаций по крайней мере).

Все это – лишь человеческое измерение структурного кризиса. Но чтобы кризис стал структурным, его еще надо заслужить. И до него еще надо дожить.

А после него – выжить.

3. Как часто бывает в истории, главный носитель Великого Рыночного Мифа и главный социальный персонаж перестройки – ССК – одним из первых попал под колеса стронутого им с горочки вагона.

Его социальная масса, статус, структура были во многом функцией от мирового статуса СССР как центра "второго мира", глобального оппонента Запада, от культурно и идеологически детерминированного тотального (и для общества в целом, по-моему, иррационального, самоубийственного) противостояния этого "второго мира" "миру первому".

Отказ от тотального противостояния, от претензий на мировую гегемонию или хотя бы на стратегический паритет означал такую **рационализацию**, такую смену общественных приоритетов, которая делала однозначно избыточным (и несбыточным) для общества, истощенного безнадежной гонкой за лидером, и уровень общего образования, и уровень науки, и концентрацию инженерных мозгов в рыночно-тупиковых оборонных анклавах.

"Нормальное", не закованное в государственный корсет общество оказалось не в состоянии содержать такое количество "образованных масс".

Катастрофа советской системы означала невозможность существования в прежнем виде культурного гегемона ССК – традиционной советской интеллигенции. Централизованное перераспределение и пространственная иерархия (район – город – область – республика – союз) были основой ее существования.

Бедная по большинству показателей страна реально не могла содержать всех ученых, врачей, учителей, инженеров иначе, как обирая реальных производителей и проедая невозобновляемые ресурсы. Для такого перераспределения в пользу ССК была необходима действительно авторитарная власть.

Таким образом, власть, которая давила и ограничивала интеллигенцию и воспринималась ею (прежде всего в столичных и крупнейших городах) как враждебная, в действительности была не только ее социальным творцом, но и непременным условием ее существования. Именно эта власть создала и поддерживала главные условия социального бытия интеллигенции – возможность существовать во внерыночной среде в значительной степени без реальной связи с производственными или иными экономическими функциями.

Именно это "воздушное существование" сделало возможным рождение и сохранение специфического интеллигентского менталитета – антипрактичного, рефлексивного, снобистского и эстетизированного. Речь идет о целой интеллигентской субкультуре – со своим образом жизни, мыслей, с ритуалами и культурой общения.

Все это – вместе с замечательным по-своему культурным пластом – могло существовать лишь под колпаком власти, в диалоге и противостоянии ей.

Духовно изолировав и сокрушив политическую систему, которая его же породила и поддерживала, ССК сам оказался перед лицом распада и уничтожения. Меньшая (молодая и наиболее активная) его часть успешно встраивается в раннерыночные институты и механизмы, персонифицируя образы российских "yuppies" и новой буржуазии. В этом осколке ССК/интеллигенции зарождаются новые для России группы интеллектуалов и профессионалов, обслуживающие не столько российские группы интересов, сколько интересы мирового рынка в России, – управленцы, банковские служащие, переводчики и пр. На этом же пятачке, как один из наследников советской интеллигенции, появляется совершенно третьемирский феномен "компрадорской интеллигенции", живущей на западные гранты, моделирующей свою жизнь и работу по возможностям их получения.

Большая же часть фрустрированного ССК все более сближается с иными группами наемных работников, постепенно утрачивая самоощущение культурной "белой кости", ностальгируя по статусу и "dolce far niente" брежневского двадцатилетия. Часть из них голосовала за Жириновского...

Называть ли все это катастрофой интеллигенции?

Пожалуй. Хотя...

По некоторым наблюдениям, именно в этой среде маргинализованной массовой (прежде всего технической) интеллигенции зарождается то самоощущение (в будущем – самосознание?) класса наемных работников, отсутствие которого превращает социально-психологическую картину постсоветского общества в бесструктурную "кашу, кипящую в котелке".

IV. Социальная педагогика катастрофы

В массовом сознании как реальная человеческая катастрофа воспринимается не падение производства вообще, а закрытие предприятий, не отсутствие заказов и сбыта, а отсутствие оплачиваемой работы. Главным из этого скорбного листа, несомненно, представляется падение реального уровня жизни нескольких десятков миллионов людей. Оценки количества семей, чьи доходы упали "ниже уровня бедности", приводятся разные, но по всем методикам количество "нетто-проигравших" колоссально.

Казалось бы, это – предел, за которым социальный инстинкт диктует людям стратегию выживания: использование любой возможности получения любых пособий, многократное совместительство, простейшую потребительскую кооперацию, поиски любых форм самозанятости и занятости в негосударственном секторе, любой возможности переквалификации и т.п. Однако все это наблюдается в российском обществе в поразительно малой степени.

В крупнейших городах появились уже сотни тысяч "новых богатых", готовых покупать услуги. В то же время сделать ремонт в квартире, найти автомеханика, няню ребенку, уборщицу квартиры или домработницу – в большинстве городов все еще проблема.

Количество вакансий на предприятиях сокращается гораздо медленнее, чем растет безработица, – люди все еще относятся к работе как к **гарантированной государством необходимости**, а не как к жизненной удаче и, даже под угрозой потери работы или уже потеряв ее, все еще отказываются проходить переквалификацию (даже за государственный счет!). Межпрофессиональная мобильность в госсекторе страны практически не выросла, хотя десятки отраслей уже несколько лет находятся в глубоком кризисе и практически не имеют шансов на выживание.

"Делай, что нужно рынку, или иди на дно" – таков жестокий императив катастрофы, которому сегодня противостоят представления о престиже профессий и образования, традиционная сетка социальных статусов, все еще склеенная с государственной табелью о рангах, исключительно завышенные социальные ожидания и "вертикальная" ориентированность молодежи.

Между тем, возможно, именно экономический обвал, действительно массовая безработица, настоящая катастрофа уровня жизни являются неизбежным (и в этом смысле необходимым) средством изменения шкалы ценностей массового сознания. Только потрясения такого масштаба могут снизить завышенные (по отношению к возможностям и потребностям развития страны) социальные притязания и ожидания.

Без подобного снижения ожиданий адаптация к условиям кризиса, а стало быть, и преодоление его – невозможны. Одна из трудноразрешимых проблем постсоветской реформации – именно высокий стартовый уровень социального благополучия и завышенный (по отношению к реально достижимому) уровень ожиданий.

Все общества, успешно проходившие через горнило структурной перестройки и модернизации, начинали с гораздо более низких уровней: лежащие в послевоенных руинах Германия, Япония и Корея, голодный, неграмотный, разоренный "культурной революцией" Китай, промышленно пустынный Тайвань, третьемирские по изначальной природе своей "азиатские драконы". На другом стартовом уровне находились и Чили, Испания, Турция. Абсолютно все удачные примеры прорыва объединяло использование "преимуществ отсталости" или... предшествовавшей катастрофы. России в этом смысле "труднее", ибо крушение дореформенного уровня и образа жизни произошло не в недрах старого режима, а значит (для массового сознания) – вне пределов его ответственности.

Каждый шаг реформистов сравнивается в сознании народа с закономерно мифологизированным уровнем дореформенного благополучия "застоя". Катастрофа же приходит не извне (война, стихийное бедствие, игра мировых сил), а как бы в результате действий реформистов, как закономерный итог реформы.

Именно поэтому можно сказать, что функция катастрофы в социально-психологическом плане будет – при оптимальном сценарии – состоять в глубинном смещении координат сравнения. Через отчаяние, отрешение от мифов люди уже учатся опираться на себя, а не на отеческое государство. Это будет **воспитание отчаянием**. Фактически речь идет о настоящей революции традиционно этатистского российского исторического сознания.

V. Возможные компенсаторы

1. "Культура бедности"

В человеческом измерении катастрофы (т.е., с точки зрения структур повседневности) безработица будет, возможно, самой страшной ее стороной. Однако рабочие места, теряемые в госсекторе, будут, как показывает мировой опыт, в какой-то (неполной, конечно) мере компенсироваться различными примитивными формами самозанятости, "неформальным сектором экономики" – личными подсобными хозяйствами, мелкой спекуляцией, предложением различных услуг типа ремонта и переделки одежды и обуви. Это будет "бизнес для бедных" – малоэффективная, непроизводительная, но социально достаточно мощная буферная система, которая позволит не только не умирать с голоду, но и не выпадать в социальный осадок, а возможно, и оставаться политически значимой силой.

Такой процесс в России уже пошел – быстрее и успешнее, чем можно было ожидать. При полном отсутствии статистики только им можно объяснить сравнительную социальную стабильность и устойчивость уровня жизни в больших городах со стоящими в основном заводами (типа Новосибирска). Более того, по некоторым наблюдениям, во многих даже депрессивных регионах (типа Ивановской области) продолжают расти накопления населения.

Фактически легализованный "черный рынок" оказался главным институтом социального выживания и инструментом адаптации населения, намного более эффективным, чем любые социальные программы государства.

Другой стороной того же явления компенсации будет и возрождение "культуры бедности", противостоящей нищете и представляющей собой реальный **этос социального выживания**, сумму социальных навыков и экономических приемов **достойной** "жизни на грани".

Культура эта в России умерла совсем недавно, в 60–70-е годы (а может быть, и не везде), в результате двадцатилетнего стабильного экономического роста, массового жилищного строительства и осреднения городского населения через уравнительную политику доходов. Выработанная частично в бараках и коммуналках времен индустриализации, частично в недрах ГУЛАГа и спецпоселений, советская "культура бедности" охватывала практически все стороны жизни, включая соответствующие социальные навыки (соседская взаимопомощь, присмотр за детьми работающих, совместные заготовки картофеля, квашение капусты и заклейка окон на зиму и пр.), элементы материальной культу-

ры (унаследованное от крестьян отношение к вещам: ничего не выбрасывается, одежда носится дотла, пуговицы с нее и кожа с изношенной обуви срезаются для ремонта следующей пары, стеклотара сдается и пр.) и многое-многое другое.

Нищета убийственна и безысходна – массовая же бедность (если она действительно неизбежна, а я думаю именно так) может быть достойной и социально небезнадежной. Но для этого она должна быть освящена своеобразной идеологией солидарного выживания, этосом и даже эстетикой бернсовской честной бедности, в логике которых действительно **"бедность – не порок"**, а временное, но понимаемое и поэтому принимаемое обществом состояние.

Конечно, таким образом понимаемая культура бедности может быть устойчиво социально продуктивной лишь в том случае, если она уравновешивается общим этосом служения, самоограничения, социальной ответственности богатства (своего рода "культурой богатства").

2. Идеологическая анестезия

Трудно подобрать исторические аналоги искомого этоса. Возможно, некоей исторической метафорой того, что необходимо для формирования сознания "ответственного богатства", могут служить, скажем, западноевропейская буржуазная "этика исторического послушания" или самосознание конгрессистской буржуазии Индии. (В мировой исторической панораме можно подобрать еще с десяток примеров подобного социального самоограничения и самодисциплины богатства.)

Элементы обеих субкультур уже существуют на периферии постсоветского социума, но заставить их системно работать как значимый компенсатор катастрофы может лишь некая общенациональная метаидеология, минимальный ценностный консенсус, который почти никогда в истории не возникает стихийно.

Поскольку сам по себе подобный **проектный** подход предполагает существование некоего субъекта (в явно бессубъектной ситуации сегодняшней России), он, конечно же, выглядит как вариант wishful thinking. В значительной мере так оно и есть.

Однако надеяться на автоматизм реакций общественного сознания здесь не приходится: вектор явно направлен в противоположную сторону. По этому вектору "ломит" всепроникающий в информационном обществе (а Россия уже стала таковой) "демонстрационный эффект" развитого Севера ("Запада").

Открыв иные горизонты и возможности хозяевам той, советской жизни, "демонстрационный эффект" сокрушил внутреннюю органику советской цивилизации, взорвал жестко пригнанную иерархию ценностей и страт. И он же продолжает разгонять вразнос на потребительской центрифуге общество, объективно нуждающееся в самодисциплине и самоограничении (прежде всего, конечно, тех 10 – 30%, кто может в этой гонке участвовать).

Результат такой сверхпотребительской ориентации, порождая вторичные идеологические эффекты, пробивает насквозь все общество. На одном его полюсе стремительно набирает обороты Великий меритократический миф ("выигрывает достойнейший, проигравший сам виноват",

"если ты такой умный, то где же твои денежки" и пр.), волею судеб перемещенный из США конца прошлого века в Россию конца нынешнего. На другом полюсе накапливается фрустрация, которая обернется либо апатией, либо разрушительным взрывом отчаяния.

Оба варианта равно губительны. Если они приобретут самоподдерживающую инерцию и не будут обузданы, отставшая модернизация рискует превратиться в опоздавшую.

3. "Страховочная сетка"

Мне кажется, удержать (точнее, восстановить) достигнутый в СССР к концу 70-х годов осредненный уровень жизни в ближайшие десятилетия Россия не сможет **ни при каких условиях**.

Реально можно лишь удерживать стихийные процессы дифференциации в определенных рамках, как-то вписывающихся в традиционные для страны парадигмы восприятия богатства и бедности. Налоговая и прочая рестриктивная практика по отношению к личному богатству вполне традиционна для России. Хуже – с государственной политикой в отношении "новых бедных". В этой сфере практически нет традиций и идеологии. Институты советского типа (собес, службы занятости) архаичны и не ориентированы на активную стратегию.

Между тем лишь активные варианты "смягчающей страховки" при выпадении людей из социальной ниши могут работать как эффективный компенсатор. Переквалификация, общественные работы, строительство дорог, линий связи, жилищное строительство – все это серьезные ресурсы компенсации.

Наконец, нельзя исключать и чисто гипотетическую возможность направить начавшиеся уже процессы деиндустриализации в русло дезурбанизации, переключить поток безработных на миграцию в сельскую местность, что может стать серьезным фактором развития страны в будущем. Этот вариант означал бы беспрецедентный сдвиг, возможно, цивилизационного масштаба.

Бесспорно, все подобные стратегии упираются в культурно-политические, институциональные, социально-психологические, инвестиционные ограничения.

VI. Вектор

Катастрофа противостоит в логике нашего построения как упущенной (маловероятной) управляемой консервативной реформе (Китай, Вьетнам; на Западе – превентивная антиреволюционная реформа в Испании), так и гниению – неуправляемой консервативной эволюции ("ползучей реформе").

Конечно, и гниение может быть "благодатным" – т.е. исторически продуктивным, что подразумевает некое реструктурирование общества и хозяйства в самом процессе медленного разложения его структур (Турция 30 – 70-х, Польша 80-х...).

Но при любом варианте – это проедание ранее накопленного человеческого и социального капитала, оно может стать для страны путем в помойку на несколько десятков лет, может обернуться потерей старого мира без приобретения нового.

Катастрофа дает шанс (не более чем шанс) начать "по новой". "По пожарищу растет лучше" – это звучит страшно, но исторически вполне

верифицируемо (тривиально: послевоенные Япония и Германия, нэповское золотое пятилетие русского крестьянства...).

То, что происходит в России, – это (в данной логике) недокатастрофа или предкатастрофа. Не произошло важнейшего катастрофического сдвига – смены элит. Старая советская элита открылась для нового пополнения из рядов ССК. В ней произошел культурно-поколенческий сдвиг, но, потеряв внутреннюю иерархию, ускорив ротацию, увеличив кадровую мобильность, она сохранила основные модели социального поведения и систему ценностей, включила "новых людей" в контекст "класса власти".

Вместе с тем как "власть класса" нынешний режим не работает. В этой открыто бессубъектной ситуации (деградировавший уже госаппарат и все еще бессильное гражданское общество) не от кого ожидать сколь-либо сложных, тонких, требующих социальной ответственности и дисциплины решений.

Вероятны лишь очень простые ("по течению") маневры, основные процессы будут происходить спонтанно. И в этом смысле недокатастрофа социума будет означать локальные, групповые, частные катастрофы вроде уже, видимо, неизбежной катастрофы российских "Северов" и части угледобывающих регионов, кончины отраслевых комплексов (типа машиностроения), в значительной степени – науки и, вероятно, социальной инфраструктуры (медицины, образования).

Вектор развития ситуации направлен именно на это множество катастроф, однако кумулятивная тотальная катастрофа, подобная катастрофе рубежа XVI – XVII вв. или 1914 – 1923 гг., в урбанизированном индустриальном обществе все же крайне маловероятна.

Приведет ли движение по вектору катастроф к модернизации? Чтобы ответить на этот вопрос, сначала надо ответить на другой: чем была советская система, в чем ее исторический смысл? Была ли она специфическим путем модернизации отстающего "на эшелон" общества или цивилизационной альтернативой западному ("марксову") капитализму? Никакие частные истолкования кризиса и последовавшего за ним краха не могут заменить ответа на последний вопрос (в любых его формулировках). По-моему, в советском феномене, чередуясь во времени, доминировали оба эти начала. Как наследник старорусского космоса, советская система, несомненно, такой альтернативой была. Сама грандиозность модернизационных задач требовала решений цивилизационного уровня. Однако "гонка за лидером" включала демонстрационно-имитационные механизмы, постепенно сводящие эту альтернативность на нет.

В этом смысле окончательная смена парадигмы включения России в мир и есть катастрофа советской цивилизации – и эта смена парадигмы лишь началась. Модернизация общества идет через замещение механизмов, альтернативных мировым, механизмами (или процессами) "естественноисторическими".

Это не плохо и не хорошо.

Нам в этом жить.

Лучше – с открытыми глазами.

ПОРОГ ИСТОРИИ

С. ЧЕРНЫШЕВ

Одновременно (а возможно, и в связи) с распадом коммунистического лагеря в общественных науках прочно утвердился историософский пессимизм: представление, согласно которому теоретические модели обществ (вроде «идеальных типов» Вебера или «формаций» Маркса) можно лишь задним числом индуцировать из материала, накопленного описательной историей и эмпирической социологией, а потому никакие теоретические модели ничего не могут сказать о возможном будущем. В работе (являющейся историософской интерпретацией книги того же автора «Смысл») предложен совершенно иной, оптимистический взгляд на возможности самосознания: накопленный потенциал культурно-исторических форм содержит все необходимое для теоретического оснащения субъекта общественного развития, для раскрытия новых измерений свободы исторического творчества.

© Чернышев С.Б., 1995

С. ЧЕРНЫШЕВ

ПОРОГ ИСТОРИИ

(Из выступления на презентации книги "Смысл" 24.04.94)

Тема выступления – Порог истории. Полагаю, так будет называться моя статья в книге "Иное".

Уже в самих словах "порог истории" скрыта некая тайна. Слово "порог" в русском языке имеет четыре основных смысла.

Во-первых, порог – некая символическая линия, которая означает "вход-выход". Ее переступают.

Во-вторых, если рассматривать эту абстракцию конкретнее, выясняется, что она имеет некую толщину, а именно: толщину доски. Это – некая доска под дверью, об нее спотыкаются, не заметив, или также перешагивают. Она отделяет собственно дом от улицы.

В-третьих, это – барьер, некая энергетическая величина, которую надо преодолеть. Есть такое выражение: "пороговая энергия" в квантовой механике. Если у вас нет определенной пороговой энергии, вы не можете преодолеть некоторый порог (например, вы не перепрыгнете забор). Здесь доска, вы видите, доросла до большой толщины, переходящей в высоту.

Все три смысла слова "порог" переводятся на английский язык также одним словом. Но есть четвертый смысл этого слова, не присущий английскому аналогу. Это – порог на реке: место, где спокойные воды вдруг принимаются бурлить, со дна реки показываются камни, и утлую лодчонку начинает швырять из стороны в сторону. Ее может разбить, перевернуть, но если удастся как-то через это место пройти – далее опять восстанавливается широкое и плавное, спокойное течение.

Жанр выступления: совершенно ненаучный и очень личный. Научная часть будет присутствовать в виде обширных цитат.

I

Недавно я читал переписку Флоренского с В.А.Кожевниковым, опубликованную в "Вопросах философии". По мере чтения я все больше стал обращать внимание на личность того, кому эти письма были Флоренским адресованы, и на ответы этого адресата. Мой интерес все возрастал, покуда я не наткнулся на такие слова в письме от 1912 г. (Флоренскому в то время около тридцати лет, Кожевникову в два раза больше):

> *Флоренский – Кожевникову*
> *1912.VIII.15. Сергиев Посад.*
> *Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Александрович!*
> *С каждым днем и часом мысль о Вас делается все настойчивее и неотвязнее. Есть для этого поводы внутренние, есть и внешние, а именно необходимость заглядывать в Ваши немногие (из многих) творения. Но ни внутренние, ни внешние поводы думать о Вас и желать написать Вам не исчерпывают объективного долженствования. Сознание какой-то нашей общей, общественной вины пред Вами, общественная неправда в отношении к Вам, Ваша, так сказать, нераскрытость для культурной жизни России*

тяготеет на мне, почти на совести моей. Сколько Ваших трудов, дарований, добросовестности легло мертвым капиталом, словно погребенное на дне морском. И горе нам, если, пока живы Вы, мы не успеем "примириться" с Вами!

В этот период по инициативе ректора Московской духовной академии еп. Феодора Кожевников был приглашен стать почетным членом академии (о чем Флоренский, в то время редактор журнала МДА "Богословский вестник", написал Кожевникову). Кожевников уже был автором трех или четырех напечатанных и гораздо большего количества неизданных книг. За оставшиеся четыре года его жизни успели выйти два из трех наиболее известных его томов "Сравнения буддизма с христианством".

Кроме того, Кожевников известен как один из наследников и популяризаторов учения Николая Федорова о воскрешении мертвых. Хотя из переписки я узнал, что сам Кожевников относился к своим работам над наследием Федорова скорее как к нравственному долгу и с большой осторожностью отзывался о содержании этого учения, считая его не вполне христианским. А он как человек глубоко православный полагал это чрезвычайно важным (в отличие от Петерсона – второго популяризатора трудов Федорова). Кожевников был тем самым человеком, которому Федоров на смертном одре, несмотря на все их разногласия, завещал свои рукописи. Он был родом из московской купеческой семьи.

Через четыре года после начала переписки с Флоренским Кожевников скончался от рака желудка. Он спокойно и сдержанно рассказал в одном из последних писем Флоренскому о том, как получил рентгеновский снимок и прочел на нем свой смертный приговор.

В процитированном отрывке письма Флоренский намекает на огромное количество трудов, которые лежали в архиве Кожевникова. Небольшую часть из них успели издать (в частности, это сделал Новоселов). Большая же часть, насколько мне известно, погибла вместе с архивом Кожевникова, а "общественная вина" перед ним так и осталась неизбытой. Впрочем, дальше эту вину уже практически никто не ощущал.

Читая письма Кожевникова, я обратил внимание, что по ходу переписки он, как человек скромный, все время стремился укоротить свою подпись. Он подписывался то "Кожевн.", то просто "Кож." и наконец устойчиво остановился на варианте "Кожев.". Споткнувшись взглядом об эту подпись несколько раз, я вдруг вспомнил, что уже встречал такое сочетание букв. В памяти всплыл Александр Кожев, про которого я узнал из нетленного творения Фукуямы "Конец истории".

А.Кожев – французский неогегельянец, ученик Ясперса, последователь Хайдеггера. Профессор Сорбонны с 1933 г., он поразил своими лекциями по философии истории целое предвоенное поколение французских интеллектуалов, среди которых были Арон, Батай, Койре, Лакан, Мерло-Понти, Сартр и другие. В течение шести лет он читал эти лекции в Практической школе высших исследований. Фукуяма пишет,

что после войны, придя к выводу, извлеченному из Гегеля, что История закончилась, остановилась, а с ней остановилась в своем развитии философия, Кожев решил в собственной жизни воплотить выводы из философского учения (он серьезно относился к философии). Он якобы прекратил свои штудии, перестал читать лекции и до своей смерти в 1968 г. был чиновником где-то в аппарате European Community.

Я перебрал массу словарей и справочников, но мне не удалось выяснить даже отчества А.Кожева, хотя известно было, что он русский. Известно еще, что его подлинная фамилия Кожевников и что он родился в Москве в 1901 г. (БСЭ). Остальные подробности относились уже к его заграничному житью-бытью.

Тут мне припомнился и третий Кожевников. Несколько лет назад опять-таки в "Вопросах философии" была перепечатана статья Александра Кожевникова, евразийца. В 1929 г. он опубликовал в журнале "Евразия" очень короткую полушутовскую заметку на тему "ВКП(б) на службе у мирового духа". Она мне чрезвычайно понравилась, поскольку напомнила нечто из собственной жизни.

Сюжет заметки примерно таков: "Вы что же, дорогие евразийцы, думаете, будто эти монстры из ВКП(б) – банальные азиатские душители свободы, гноители русской философии? Ничего подобного. Осуществляется некий глубоко продуманный, исторической важности эксперимент, цель которого – вывести европейскую философскую мысль из тупика, где она пребывает после Гегеля. Чтобы этого достичь, необходим радикальный подход. Нужно вокруг какой-то большой части суши (скажем, порядка 1/6) воздвигнуть железный занавес и вырастить там два-три поколения людей. По своим формам бытия эти люди будут выглядеть вполне нормально (есть бутерброды, носить свитера и ездить на трамвае), но они будут полностью отрезаны от мирового культурного и в первую очередь философского наследия (на худой конец допускается скверно изданный Гегель – не то, не так, в непонятном переводе, как, например, "Наука логики"). Так пройдет поколения три, и когда занавес приоткроется – поколение выросших там интеллектуалов сможет с высоты птичьего полета (или помета) обозреть мировую философскую культуру и вывести ее из тупика".

Благодаря заметке С.С.Хоружего мне удалось выяснить, что евразиец Александр Кожевников и превратился в будущем в Александра Кожева – последователя Ясперса, неогегельянца и пр.

Таким образом, Кожевников-Кожев претерпел, как минимум, два изменения, которые происходили по одинаковому сюжету. Сначала он к чему-то приходил чисто интеллектуально, а потом решал свою жизнь привести в соответствие с философскими выводами. Так, сначала он, как евразиец, отрефлектировал некий опыт развития нашей культуры и философии под руководством ВКП(б), а потом, видимо, решил радикально расстаться со своей русскостью и действительно это сделал.

В образовавшемся Александре Кожеве внешне совершенно невозможно найти никаких русских корней. Вопрос о том, был ли Кожевников-Кожев Александр Владимирович в родственных отношениях с Вла-

димиром Александровичем Кожевниковым, оставался для меня загадкой, несмотря на телефонный опрос двух десятков московских историков философии. Кое-какую информацию об этом я получил лишь за полчаса до прихода сюда. Всплывает в памяти цветаевская "Тоска по Родине":

Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей – поперек!
Родимого пятна не сыщет!

...По крайней мере из статьи Визгина в "Вопросах философии" я узнал, что Фукуяма кое в чем не прав. Кожев вовсе не бросил заниматься философией после войны. Он только вместо философии истории стал заниматься историей философии. Он написал три тома, начиная с досократиков и до Канта. Изданы они были уже посмертно. Естественно, он двигался к Гегелю как к конечной точке, но дойти не успел.

За этими разрозненными фактами угадывается целая метафизика Кожева, некоторая феноменология его индивидуального духа. Кожев номер первый – это русский философ, а русская философия не может не быть эсхатологией, это непременно мышление о конце истории как о воссоединении всех поколений. Кожев второй – это реакция Кожева первого на ранний советский опыт, на сталинский вариант "богостроительства", – это евразийство Кожева. Итог его рефлексии над крахом евразийской идеи – радикальное отрицание своей русскости и сознательное превращение во французского интеллектуала. Кожев третий – выбор нового лица. Выбран неогегельянец, а это совершенно не случайно. И наши западники, и славянофилы – все ожесточенно читали Гегеля. И наконец, Кожев четвертый, Кожев последних лет жизни, о котором мне известно очень мало. По ряду признаков можно догадываться, что в известной форме шло возвращение к своим корням. Это видно хотя бы по тому, что он дистанцируется от идеи либерально-демократического конца истории (о чем будет сказано чуть ниже).

Во всей этой жизни, угадываемой лишь по нескольким ярким штрихам, можно усмотреть нечто очень русское. Общетеоретические выводы, которые потом оказываются основой глубоких перемен в собственной жизни, – они напоминают о "сбываемости" русской речи, о которой говорится в "Бесконечном тупике". Они наводят на мысль о "магии слов" по Флоренскому. Толстой в своих "Дневниках" записал: "Я сам для себя такой пророк, который вперед думает, логически доходит до того, что после этого он неизбежно начинает чувствовать". Ну и наконец, эсхатологическая устремленность мысли, за которой скрывается федоровская тема "сыновства": поскреби французского интеллектуала-неогегельянца – и появится Николай Федорович во всей красе.

В конце концов, совершенно неважно, состоял ли А.В.Кожевников-Кожев в родственных отношениях с В.А.Кожевниковым. В самом деле, мог ли Кожевников-младший, даже не будучи сыном Кожевнико-

ва-старшего, не читать "Философию Общего дела" Николая Федорова? Если каким-то образом он ее обогнул, то мог ли он в двадцатые годы, будучи евразийцем, не читать "Смысл истории" Бердяева, где в концентрированном виде выражены идеи Федорова?

Бердяева с этой точки зрения почти не читают. Вообще у нас с ним очень несправедливо обходятся. Его труды читают чаще как художественную литературу или "публицистику". Связано это еще и с тем, что его интуиция главным образом относится к предметам, которые совершенно не освоены культурой, не выражены в идеальных типах и почти не являются предметом философской рефлексии, не говоря уж о научной разработке. При чтении эти места ничтоже сумняшеся относят к "белибердяевщине" и спокойно опускают, а о Бердяеве судят по тому, что он по случаю имел несчастье написать о предметах, для его мысли четверостепенных. Наш образ хрестоматизированного Бердяева создан в жанре анекдотических сборников типа "Ленин, КПСС о слонах". Ну не писал Владимир Ильич о слонах! Или, по меньшей мере, в его творчестве слоноводство не было центральной темой.

Обратимся к отрывку из "Смысла истории".

> *Основным вопросом, основной посылкой всякой философии истории является, несомненно, вопрос о значении времени, о природе времени, потому что история есть процесс во времени... Имеет ли время метафизическое значение? Связано ли с временем что-то существенное, идущее до глубочайшего ядра бытия, или время есть лишь форма и условие для мира явлений, для мира феноменального?*
>
> *Время есть как бы отрицание вечности, есть некоторое состояние, никаких корней в вечной жизни не имеющее. Это – одна точка зрения. Или, быть может, само время внедрено в вечность и с ней связано? Вот вопрос, который мне представляется центральным для всякого понимания исторического процесса. Это ведет к признанию того, что существует как бы два времени... Есть испорченное время и есть глубинное время, сопричастное самой вечности, в котором этой порчи нет.*
>
> *Для построения метафизики истории неизбежна основная предпосылка, что "историческое" вводит в самую вечность, что оно вкоренено в вечности. История не есть выброшенность на поверхность мирового процесса, потеря связи с корнями бытия, – она нужна для самой вечности, для какой-то свершающейся в вечности драмы.*
>
> *История, для восприятия ее, для ее констатирования и понимания во всей полноте ее, предполагает существование конца... Это есть преодоление всего тленного, временного или смертного – началом вечным, побеждающим в самой временной мировой действительности; это есть победа над тем, что Гегель называет плохой бесконечностью.*
>
> *Во времени обнаруживается злое начало, смертоносное и истребляющее, потому что, поистине, смерть прошлого, которую несет всякое последующее мгновение, повержение его в тьму небытия, которое несет всякое свершение во времени, и есть начало смерти.*

Метафизика истории должна... признать, что историческая действительность, та действительность, которую мы считаем прошлым, есть действительность подлинная и пребывающая, не исчезнувшая, не умершая, а вошедшая в какую-то вечную действительность; она является внутренним моментом, внутренним периодом этой вечной действительности, отнесенной нами к прошлому, которое нами непосредственно не воспринимается, как воспринимается настоящее... Мы можем жить в историческом прошлом, как мы живем в историческом настоящем и как уповаем, что будем жить в историческом будущем. Есть какая-то целостная жизнь, которая совмещает три момента времени – прошлое, настоящее и будущее в едином целостном всеединстве...

В истории через больное и дурное время, пожирающее и истребляющее, превращающее жизнь нашу в кладбище, где, на костях умерших отцов, воздвигается новая жизнь сынов, забывших отцов, действует истинное время, не разорванное время, время, поддерживающее связь, в котором нет разрыва между прошлым, настоящим и будущим... Тот исключительный культ будущего и то отворачивание от прошлого, которые свойственны разным теориям прогресса, подчиняют жизнь разрывающему, смертоносному началу, истребляющему связи, нарушающему цельность действительности в едином времени. Разрыв между вечным и временным и есть величайшее заблуждение сознания, и есть препятствие для возникновения настоящей философии истории.

(Бердяев. "Смысл истории". гл. IV)

На худой конец, мог ли Кожев увернуться от того, чтобы прочитать "Философию истории" Карсавина, написанную в двадцатые годы, – а они с Карсавиным состояли в дружеских отношениях?

Когда смотришь на портрет Кожева, написанный кистью Фукуямы, встает более радикальный вопрос: "Да полноте, читал ли фукуямовский Кожев Гегеля?" Но прежде одно лирическое отступление.

Большую часть школьных лет я провел в довольно большом военном городке на юге нашей необъятной родины. В центре городка высился Дом офицеров. Он напоминал храм на Афинской агоре своей колоссальностью, колоннами, прекрасной архитектурой, прилегающим парком типа рощи Академа. Там была громадная библиотека. Я пользовался по ряду причин особым кредитом и мог залезать в весьма обильные фонды. Обшарив их, я нашел лишь одну (!) книгу с дореволюционной орфографией. Это был второй том брокгаузовского издания сочинений Байрона, который я с трепетом перелистал. Туда входили его поэмы чудовищных размеров и в плохом переводе, повествующие о каких-то ветхозаветных сюжетах, с иллюстрациями в стиле Доре. Там были портреты всех любовниц Байрона (несколько десятков). Портреты были переложены папиросной бумагой, которая навсегда поразила мое воображение.

Когда я вспоминаю это, вспоминаю, что первую книгу Бердяева взял в руки впервые уже на шестом курсе института и читал ее буквально запершись в кладовой, при мятущемся пламени свечи, я думаю, что и сам являюсь одним из монстров, возникших в результате исторического эксперимента ВКП(б), который с таким блеском описал Ко-

жевников-средний (евразиец). Поэтому я глубоко лично воспринимаю и судьбу его, и его горькую иронию по поводу того, каким образом нашему поколению суждено выводить из тупика мировую философскую мысль, попавшую туда после Гегеля.

О некоторых наших с Криворотовым глубинных связях с гегельянством я скажу позднее.

II

Есть некая загадка простоты в "Философии истории" Гегеля – на фоне зубодробительности "Логики" того же автора. "Науку логики" я пытался одолеть неоднократно. Это был какой-то штурм бородинских редутов, где читатель волна за волной накатывался и откатывался с потерями, будучи не в силах пробиться дальше 27-й страницы основного текста.

Позже я наткнулся на "Феноменологию духа", стал читать и с изумлением обнаружил, что все значительно понятнее. Разгадка была проста. "Феноменологию духа" переводил Шпет, по происхождению немец, он понимал кое-что и в немецком, и в русском, и в философии, – а кто переводил "Логику", я даже знать не хочу (возможно, они очень старались).

Однако это связано не только и не столько с переводом. "Философия истории" написана удивительно понятным и простым языком, если не считать того, что всякий раз, дойдя до сложного момента, Гегель тут же отсылает читателей к "Логике". Отсылки идут постоянно. Как только он доходит до вопросов о том, почему именно на таких ступеньках мировому духу суждено было приостановиться, чтобы зафиксировать себя, почему именно по таким этапам идет мировая история, – Гегель говорит: "Если вы хотите посчитать эти этапы, понять, откуда они берутся, пожалуйста, вот – "Логика", а по частностям – "Философия права"". Я приведу несколько примеров.

> *Итак, всемирная история представляет собой ход развития принципа, содержание которого есть сознание свободы. Более точное определение общего характера ступеней этого развития дается в логике, но их конкретный характер должен быть выяснен в философии духа (стр. 105).*
>
> *Развитие выражается в том, что оно является рядом ступеней, рядом дальнейших определений свободы, вытекающих из понятия предмета. Логическая, и еще более диалектическая, природа понятия, то, что оно само себя определяет, полагает в себе определения и затем вновь отменяет их, благодаря этой отмене само получает утвердительное и к тому же более содержательное, более конкретное определение, – все это, так же как и необходимый ряд чистых абстрактных определений понятий, выясняется в логике.*
>
> *Это предполагает не только навык в отвлеченном мышлении, но и более точное знание идеи; необходимо, если можно так выразиться, a priori хорошо знать тот круг, к которому относятся принципы, – так хорошо знать, как, например, величайший из этого рода ученых Кеплер уже заранее должен был a priori знать*

эллипсы, кубы и квадраты и их мысленные отношения, прежде чем он мог, исходя из эмпирических данных, открыть свои бессмертные законы, заключающиеся в определениях вышеуказанных представлений.

...Этим незнанием мысли о развивающемся формировании свободы обусловливается часть высказываемых против философского рассмотрения науки, которую принято считать эмпирическою, обвинений в так называемой априорности и внесении идей в эмпирическое содержание. Затем такие определения мысли представляются чем-то странным, чуждым предмету. Представителям субъективной образованности, которые не знают мысли и не привыкли к ней, кажутся странными эти определения, не заключающиеся в том толковании предмета и представлении о нем, которое составляют себе представители субъективной образованности... В таком методе научного ума также заключается требование, чтобы существенное отделялось от так называемого несущественного. Но для того чтобы иметь возможность делать это, нужно знать существенное (стр. 112 –113).

Короткое методологическое отступление. Уточняю свой жанр. Лекция "Порог истории" примерно так же относится к книге "Смысл", как "Философия истории" Гегеля – к его "Логике" (извините за нескромность, но сопоставляются не масштабы величин, а их соотношения). Сегодняшняя лекция также, надеюсь, покажется более-менее понятной, а за обоснованием всех темных и сомнительных моментов я буду отсылать к книге "Смысл".

Существует какая-то трагическая загадка гегелевской системы, проявившаяся в его "Философии истории". Почему развитие мирового духа заканчивается на "государстве"? Почему последнее в своем развитии всенепременно должно было остановиться на прусской монархии (как считают интерпретаторы Гегеля)? Или почему это развитие – как утверждает Фукуяма, ссылаясь на Кожева, – должно было завершиться на современной либеральной демократии (что тоже приписывается бедному Гегелю)?

У структур классификации понятий типа "Смысла" (в том числе у системы Гегеля) есть одно очень коварное и одновременно очень полезное, восхитительное свойство, которое в книге "Смысл" названо странным именем "квазифрактальность". Оно состоит в том, что если мы рассматриваем в микроскоп любую категорию, то видим, что она имеет практически ту же внутреннюю структуру, что и весь универсум категорий. В микроскоп видно абсолютно то же, что и в телескоп.

В этом смысле, если погрузить всю структуру "Логики" в любое из понятий "Философии духа", мы увидим ту же самую структуру внутри него. Поэтому когда логики, то есть люди, имеющие дело с понятийными структурами "развития", прикладывают свои структуры к любой предметной интерпретации из сферы "Духа" (то есть, по-нашему, предельно широко понимаемой сферы человеческой деятельности) – они могут отождествить ее со всей "Логикой" или лишь с ее третьим разделом – "Понятием", с "Сущностью", только с "Качеством" или сразу со

всем объемлющим его "Бытием", – и каждый раз все будет прекрасно "подходить".

Когда теоретики подобным образом начинают искать внутреннюю логику и последовательность этапов в Истории, то интерпретируемый фактический материал ведет себя таким образом, что, например, логическая структура начальной фазы нового этапа "вдруг" полностью совпадает со структурой целого предшествующего этапа. Тогда у них может возникнуть представление, что они имеют дело с двумя равномощными, повторяющимися историческими "циклами", в то время как то, что они считают вторым циклом, сопоставимо всего лишь с первой третью или даже 1/9 второго. Это проблема потери масштаба.

Прикладывая структуру "Логики" к любому предмету (если вы владеете соответствующими предметными представлениями), вы обнаружите блестящее совпадение, и логика Гегеля будет давать замечательный резонанс с "имманентной логикой" этого предмета. Поэтому вопрос о том, на каком этапе заканчивается мировая История (или, выражаясь на гегелевский манер, на каком понятии заканчивается "Философия духа"), в этом случае сводится к вопросу о том, на каком понятии заканчивается наша собственная эрудиция, сиречь владение предметным материалом. Если мы не знаем никаких социальных форм сверх "государства", то нам нетрудно будет убедить себя, что История именно на "государстве" заканчивается. Приложив логику к собственному эмпирическому государству, мы убедимся, что все этапы становления понятия "Государство" у нас уже состоялись. Мировой дух прошел все причитающиеся ему ступени, всесторонне и гармонично развился и самовоплотился. У себя на дворе можно найти семью, закон, право, гражданское общество, все прочее и, наконец, искусство, религию и философию. Все в порядке – история закончена!

Я думаю, что Гегель попал в ту самую ловушку. Он обладал гениальной логической интуицией; мир форм развития получил в его духовном опыте гигантское, даже гипертрофированное развитие. Но при этом предметный материал, касающийся форм движения (Природы) и тем более форм деятельности (Духа), в его время практически отсутствовал. Он имел перед собой какие-то крохи, разрозненные клочки. Социологии еще только предстояло возникнуть. Философское осмысление "психопрактик", "интуиции", "творчества" едва нарождалось. Внутренний взгляд Гегеля был устремлен в вечность, внешний – ограничен рамой окна. А в окне виднелась просвещенная прусская монархия со следами недавнего погрома, учиненного "мировым духом верхом на коне".

> *...Государство является осуществлением свободы, т.е. абсолютно конечной цели, оно существует для самого себя; вся ценность человека, вся его духовная действительность существует исключительно благодаря государству.*
>
> *Государство есть божественная идея как она существует на земле. Таким образом, оно есть точнее определяемый предмет*

всемирной истории, в котором свобода получает свою объективность и существует, наслаждаясь своей объективностью.

Свобода как идеальность непосредственного и природного не есть нечто непосредственное и природное, но, напротив того, сперва нужно заслужить и приобрести ее, а именно посредством бесконечного воспитания, дисциплинирующего знание и волю. Поэтому естественное состояние оказывается скорее состоянием бесправия, насилия, вызываемых необузданными естественными влечениями бесчеловечных поступков и ощущений. Правда, общество и государство устанавливают ограничения, но этим ограничениям подвергаются как вышеупомянутые тупые ощущения и дикие влечения, так и сопровождаемые рефлексией проявления произвола и страсти.

В образцовом немецком государстве "тупые ощущения и дикие влечения" разумно ограничены, а все остальное абсолютно свободно. То есть хорошие, воспитанные, добропорядочные обыватели, которые знают, в чем заключается свобода, что можно, а что нельзя, – абсолютно свободны. Если вы знаете закон и его соблюдаете, вы свободны как ветер. Если вы не знаете – это незнание, как известно, не освобождает от наказания. Значит, у вас есть "тупые ощущения и дикие влечения" и поэтому они, как и "сопровождаемые рефлексией проявления произвола и страсти" (последнее уже для диссидентствующих интеллектуалов), должны быть ограничены. Но в принципе это совершеннейшая свобода.

Предположим, Гегель действительно считал, что на государстве история заканчивается. Но почему же именно на либерально-демократическом государстве? Здесь я был вынужден, не доверяя Фукуяме и не имея под рукой Кожева, заглянуть в оригинал. Цитирую:

Всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало.

Восток есть Азия. Здесь восходит внешнее физическое солнце, а на Западе оно заходит: но зато на Западе восходит внутреннее солнце самосознания, которое распространяет более возвышенное сияние (стр. 147).

Благодаря действующей силе общих определений, в основе которых лежит принцип духа, царство мысли воплощается в действительности. Противоположность между государством и церковью исчезает, дух находит себя в светской жизни и организует ее как органическое в себе наличное бытие. Государство уже не стоит ниже церкви и уже не подчинено ей; церковь лишается своих привилегий, и духовное начало уже не чуждо государству. Свобода нашла себе опору, свое понятие в том, как осуществить свою истину. В этом состоит цель всемирной истории, и нам предстоит пройти тот долгий путь, который указан в вышеизложенном обзоре (стр. 152).

...Мы переходим к рассмотрению последней стадии истории, к нашему миру, к нашим дням (стр. 443).

До этого пункта дошло сознание, и таковы главные моменты формы, в которой осуществился принцип свободы, так как все-

мирная история есть не что иное, как развитие понятия свободы (стр. 455).

Теперь о либерализме.

Не довольствуясь тем, что признаются разумные права, свобода личности и собственности, что существуют организация государства и в ней деловые сферы гражданской жизни, что рассудительные люди пользуются влиянием в народе и что в нем господствует доверие, либерализм противопоставляет всему этому принцип атомов, единичных воль: все должно совершаться при посредстве их явно обнаруживаемой власти и с их явно выраженного согласия. Отстаивая этот формальный принцип свободы, эту абстракцию, они не допускают никакой прочной организации. Отдельным распоряжениям правительства тотчас же противопоставляется принцип свободы, потому что в них выражается особенная воля, следовательно, произвол. Воля многих низвергает министерство, и на сцену выступает прежняя оппозиция; но, поскольку она теперь является правительством, многие, в свою очередь, выступают против нее. Таким образом, движение и беспокойство продолжаются. История должна в будущем положить конец этой коллизии, развязать этот узел, разрешить эту проблему, на которой история остановилась (стр. 451).

...Так называемые либералы, создававшие государственный строй на основе абстрактных принципов, повсюду – во Франции, в Испании, Неаполе, Португалии, Пьемонте, Ирландии и т.д. – кончили банкротством.

Государственное устройство вообще, во всяком случае на Западе, где существует субъективная свобода, не останавливается на одной стадии, оно все время изменяется, революционизируется, развивается. Для того чтобы это понять, достаточно проследить развитие сознания за последние 50 лет, в соответствии с которым сформировались все учреждения и условия жизни. (Гегель, "Философия права", стр.468).

Безумием новейшего времени следует считать стремление изменить пришедшую в упадок систему нравственности, государственного устройства и законодательства без одновременного изменения религии – революцию произвести без реформации, – воображать, что наряду со старой религией и ее святынями может жить во внутреннем мире и гармонии с ней противоположное ей государственное устройство и что посредством внешних гарантий, например, посредством так называемых палат и данной им власти устанавливать государственный бюджет... и т.п., законам может быть сообщена устойчивость. ...Упомянутые гарантии – гнилые опоры по сравнению с совестью субъектов, которым предстоит применять эти законы (а к числу их относятся и сами эти гарантии) (Гегель, "Энциклопедия философских наук", Т. 3, стр. 377 – 378).

Видимо, Фукуяма что-то глубоко не понял у Кожева. Или Кожев оклеветал Гегеля? По крайней мере приоритет на идею, будто либеральной демократией история заканчивается, принадлежит явно не Гегелю.

Для того чтобы выявить одного виновного из двух подозреваемых, применим небольшой тест: посмотрим, что пишет японец Фукуяма – о Японии.

> *(Из статьи Ф.Фукуямы "Конец истории?")*
>
> *Наблюдая, как разворачиваются события в последнее десятилетие или около того, трудно избавиться от ощущения, что во всемирной истории происходит нечто фундаментальное.*
>
> *Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив.*
>
> *То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления.*
>
> *В общечеловеческом... государстве разрешены все противоречия и утолены все потребности.*
>
> *Тезис о конце истории в 1806 г. означал, что идеологическая эволюция человечества завершилась на идеалах Французской и Американской революций; и, хотя какие-то режимы в реальном мире полностью их не осуществили, теоретическая истинность самих идеалов абсолютна и улучшить их нельзя.*
>
> *Первой решительно разгромленной азиатской альтернативой либерализму был фашизм, представленнный имперской Японией. Подобно его германскому варианту он был уничтожен силой американского оружия; победоносные Соединенные Штаты и навязали Японии либеральную демократию. Японцы, конечно, преобразовали почти до неузнаваемости западный капитализм и политический либерализм.*

К этому месту у Фукуямы есть маленькая сносочка, в которой он мимоходом замечает: "Пример Японии я привожу с долей осторожности; в конце жизни Кожев пришел к выводу, что, как доказала Япония с ее культурой, общечеловеческое государство не одержало победы, и история, возможно, не завершилась".

Упомянув эту невинную деталь, автор с железной последовательностью посланца Мирового духа продолжает прежнюю линию аргументации...

Существует, по Гегелю, большая ирония Истории. Но и маленькая история, приключившаяся с Фукуямой, имеет свою иронию, которую сам герой, увы, не чувствует.

III

Не Фукуяма породил линию "философского пессимизма". Читая журнал "Вопросы философии" за последние 5 лет, я обнаружил, что у большинства авторов превалирует точка зрения, согласно которой мы можем усмотреть в истории некие конструкции или идеальные типы (по Веберу) только задним числом.

Например, применительно к России можно сказать: "Глядите, действительно в России на пороге веков можно усмотреть нечто, подходя-

щее под идеальный тип "капитализма"! Конечно, в целом это – не капитализм, но все же есть такой уклад: завод Михельсона, паровозы в Сормове, разнообразные банки, пароходная компания "Меркурий" и т.д.

Мы – философы, историки, социологи – со своим багажом идеальных типов, пятясь в будущее задом наперед, можем только в уже прошедшую историю, описанную в эмпирических терминах историками-предметниками, погрузить некие конструкции и проконстатировать: глядите, эта модель годится, подходит, помогает обнаружить черты общности...

Марксу приписывается последняя и, естественно, неудавшаяся попытка сделать обратное – повернуться лицом к будущему, придумать некую конструкцию и провозгласить: "Вот этого в обществе еще не было и нет, но это будет!" Считается, что Маркс именно подобными вещами занимался, потерпел фиаско и что больше желающих нет. (Как всегда, чтобы прояснить свою мысль, я сильно утрирую.)

Получается, что мы, по-рачьи пятясь в будущее, только задним числом можем заключать нечто относительно того, что было. А Фукуяма довел этот методологический пессимизм до конца, сказав, что мы пятились-пятились – и уперлись спиной в стенку. И теперь не просто действует принципиальный философский запрет на предвидение нового, а дело куда серьезнее: в истории кончилось то, во что можно погружать новые гносеологические конструкции – ничего нового больше не будет онтологически. Относительно же той социальной реальности, что уже есть, адекватная идеальная конструкция философами давно изобретена. Она называется, по Фукуяме, "либеральной демократией".

Так прав ли философский пессимизм? Должна ли речь идти об отсутствии будущего – или об исчерпанности образов будущего? Точнее, нужно установить, в какой из трех ситуаций мы находимся. Мы не можем принципиально усмотреть образы будущей истории, потому что она закончилась? Потому что наши образы так устроены (то есть оборачиваемы только назад, в прошлое)? Или просто у нас не оказалось под рукой подходящих идеальных типов, а если бы не скудость философской мысли, мы вполне могли бы кое-что сказать о возможном будущем?

Когда я писал книгу "Смысл", главным для меня был вопрос: идет ли речь об отрицании постижимости будущего в принципе – то есть о фундаментальном запрете, имеющем то ли онтологический, то ли гносеологический характер? Или о реакции ребенка, обиженного на непослушную игрушку, т.е. о конъюнктурном отторжении "формационной логики", теории линейного прогресса, формаций Маркса, идеальных типов Вебера, социальных типов Дюркгейма и т.п.? Что отрицается? Мы в принципе не можем заглянуть в будущее на уровне концептуальных конструкций, абстракций? Или это связано с нашей философской импотентностью?

Пятясь в будущее задом, мы уперлись спиной в стенку. Конец ли это всей истории – или некий тупик? – или некий порог?

В полном противоречии с тем, что в Священном Писании предписывается как высший долг не только любить Бога, но и познавать его, теперь преобладает отрицание того, что говорится в том же Писании, а именно, что дух вводит в истину, что он познает все предметы и даже проникает в глубины божества. Утверждение, что божественная сущность находится по ту сторону нашего познания и человеческих дел, удобно в том отношении, что благодаря этому предположению можно довольствоваться своими собственными представлениями. Этим самым освобождаются от необходимости ставить свое познание в связь с божественным и истинным; напротив того, тогда суетность и субъективное чувство находят для себя полное оправдание; и набожное смирение, отклоняя от себя познание Бога, вполне сознает, что этим оно поощряет свой произвол и суетность.

...В христианской религии Бог открылся, т.е. он дал человеку возможность узнать, что он такое, так что он уже не является скрытым, тайным; вместе с этой возможностью познавать Бога на нас возлагается и обязанность делать это.

Бог правит миром; содержание его правления, осуществление его плана есть всемирная история. Философия хочет понять этот план, потому что только то, что из него осуществлено, действительно; то, что не соответствует ему, представляет собою лишь гнилое существование ("Философия истории", стр. 87).

IV

Поскольку далее будут мной предъявлены некие идеальные образы или модели возможного будущего, необходимо поставить вопрос о соотношении классификации идеальных типов с логикой истории. Можно ли говорить о некоем "идеальном типе", модели или понятии самой Истории? Для того чтобы несколько охладить неогегельянский пыл, здесь будет полезным вылить себе на голову ушат холодной веберовской водички.

Исходя из своих взглядов о соотношении "абстрактно-типического" и "абстрактно-родового", наряду с "идеальными типами вообще" Вебер вводит также представление об *индивидуальных* идеальных типах и *родовых* идеальных типах.

*Выше мы намеренно рассматривали "идеальный тип" преимущественно (хотя и не исключительно) как мысленную конструкцию для измерения и систематической характеристики **индивидуальных**, то есть значимых в своей единичности связей, таких, как христианство, капитализм и пр. Это было сделано для того, чтобы устранить распространенное представление, будто в области явлений культуры абстрактно-**типическое** идентично абстрактно-**родовому**, что не соответствует истине. Не имея возможности дать здесь анализ многократно обсуждаемого и в значительной степени дискредитированного неправильным применением понятия "типическое", мы полагаем – все наше предшествующее изложение свидетельствует об этом, – что образование типических понятий в смысле исключения "случайного" также происходит именно в сфере "исторических индивидуумов".*

> *Конечно, и те родовые понятия, которые мы постоянно обнаруживаем в качестве компонентов исторического изложения и конкретных исторических понятий, можно посредством абстракции и усиления определенных существенных для них понятийных элементов превратить в идеальные типы. Именно это чаще всего происходит на практике и являет собой наиболее важное применение идеально-типических понятий; каждый* ***индивидуальный*** *идеальный тип составляется из понятийных* ***элементов****, родовых по своей природе и превращенных в идеальные типы. И в этом случае обнаруживается специфически логическая функция идеально-типических понятий. Простым родовым понятием в смысле комплекса признаков, общих для ряда явлений, выступает, например, понятие "обмен"*[1].

Соответственно в терминах моей книги "Смысл" веберовские "идеальные типы вообще" могут быть отождествлены с *формами* как таковыми, "индивидуальные" – с *формациями* (столбцами) и "родовые" – с *категориями* (строками) "таблицы" форм.

Чтобы не насиловать слух присутствующих термином "формация", который тянет за собой шлейф марксистских ассоциаций, я буду говорить ниже об индивидуальных идеальных типах, а всюду, где это не может ввести в заблуждение, – просто об "идеальных типах", имея в виду именно индивидуальные.

Предельной абстракции "Человечества" соответствует идеальный тип $[\Phi_т; \Phi_б; \Phi_и]$ – столбец из трех форм (для полиграфического удобства изображен строкой), где средняя, базовая форма $\Phi_б$ – универсум форм деятельности; нижняя, имманентная форма $\Phi_и$ – универсум форм предмета; верхняя, трансцендентная форма $\Phi_т$ – универсум форм идеала.

Очевидно, чтобы переходить далее к какой-то абстракции "истории, следует ввести представления о неких "состояниях" человечества (им будут соответствовать более конкретные, частные идеальные типы), его "переходах" из состояния в состояние (им будут отвечать пары конкретных идеальных типов) и, наконец, об истории как о последовательности, цепочке идеальных типов. Для правоверного гегельянца очевидно, что существует одна-единственная "правильная", закономерная последовательность идеальных типов, а именно – та, которая диктуется имманентной логикой последовательных превращений абсолютной идеи или, к примеру, принципами классификации идеальных типов, принятой в книге "Смысл"... Именно к такого сорта представлениям относится обещанный ранее ушат воды.

> *Конструируя идеальный тип или идеально-типическое развитие, исследователи часто пытаются придать им большую отчетливость посредством привлечения в качестве иллюстрации эмпирического материала исторической действительности. Опас-*

[1] Вебер М. Избранные произведения. М., "Прогресс", 1990, С. 400–401. Подчеркнутые слова выделены мною. – *С.Ч.*

ность этого самого по себе вполне законного метода заключается в том, что историческое знание ***служит*** *здесь теории, тогда как должно быть наоборот. ...Еще резче такие попытки дают о себе знать в том случае, если идеальная конструкция развития и понятийная классификация идеальных типов определенных культурных образований насильственно объединяются в рамках* ***генетической*** *классификации. (Например, формы ремесленного производства идут в такой классификации от "замкнутого домашнего хозяйства", а религиозные понятия от "созданных на мгновение божков".) Последовательность типов, полученная посредством выбранных понятийных признаков, выступает тогда в качестве необходимой, соответствующей закону исторической последовательности. Логический строй понятий, с одной стороны, и эмпирическое упорядочение понятого в пространстве, во времени и в причинной связи – с другой, оказываются тогда в столь тесном сцеплении друг с другом, что искушение совершить насилие над действительностью для упрочения реальной значимости конструкции в действительности становится почти непреодолимым.*

Мы сознательно отказались здесь от того, чтобы привести наиболее важный для нас пример идеально-типической конструкции – мы имеем в виду концепцию ***Маркса.*** *...Наш журнал ставит перед собой задачу постоянно давать критический анализ всей литературы об этом великом мыслителе и всех работ, продолжающих его учение. ...Мы здесь только констатируем то обстоятельство, что все специфические марксистские "законы" и конструкции процессов развития (в той мере, в какой они свободны от теоретических ошибок) идеально-типичны по своему характеру. Каждый, кто когда-либо работал с применением марксистских понятий, хорошо знает, как высоко неповторимое* ***эвристическое*** *значение этих идеальных типов, если пользоваться ими для* ***сравнения*** *с действительностью, но в равной мере знает и то, насколько они могут быть опасны, если рассматривать их как эмпирически значимые или даже реальные (то есть по существу метафизические) "действующие силы", "тенденции" и т.д.*[2].

В книге "Смысл" дана фактически многомерная классификация различных идеальных типов. В зависимости от того, какую из плоских "проекций" этой классификации мы берем, мы получаем либо некую классификацию форм деятельности, в грубом смысле – последовательность формаций, либо морфологию, биологию "социальных организмов", либо логику взаимодействия между ними и "эволюции" этих организмов.

Двумерная таблица форм деятельности (таблица 3 х 3 для игры в крестики-нолики) – это первая, наиболее примитивная абстракция, избранная вполне сознательно. Эта абстракция, как мы увидим ниже, задает представление о трех базовых эпохах истории. Они, естественно, образуют правильную цепочку из трех восходящих этапов, и по таким

[2] Вебер М. Избранные произведения. М., "Прогресс", 1990, С. 402–404.

цепочкам при желании можно худо-бедно расклеить все то, что уже было в истории, то, что есть, и то, что будет.

Введение в рассмотрение наряду с плоскостью "форм деятельности" иной, ортогональной ей плоскости "форм движения" задает четырехмерный слой "таблицы" форм из книги "Смысл". С его помощью предметом рассмотрения становятся уже не химически чистые идеальные типы обществ, а социальная "химия", в которой исследуются сложные "органические молекулы" с их первичной, вторичной и третичной структурами (по аналогии с молекулами белка). Это позволяет уже отождествлять исследуемое реальное общество не с базовой формой деятельности, а с более сложными, специально конструируемыми "человеко-природными" идеальными типами. Мы рассматриваем общество как гетерогенный, многоуровневый "исторический организм", исследуем, сколько там укладов, как они связаны между собой, как взаимодействуют, какие из них вложены друг в друга, какие образуют слоеный пирог. Данный класс идеальных моделей, таким образом, может уже использоваться для задач изучения и проектирования морфологии и физиологии "общественных организмов".

Введение в рассмотрение третьей плоскости – "форм развития" позволяет перейти к еще более сложному классу идеальных типов, пригодных для описания и проектирования процессов социального *развития*. Однако для нужд сегодняшнего популярного изложения все эти зубодробительные методологические подробности можно опустить.

В том, что я стану говорить дальше, провозглашая свою философию истории, будет использоваться самая грубая абстракция первого уровня – линейная цепочка идеальных типов форм деятельности. В этой связи одну оговорку для особо невнимательных слушателей я все же сделаю.

Если мы отождествим современную "либеральную демократию" с какой-то клеткой линейной классификации идеальных типов, а потом обнаружим на шкале абстрактного восхождения более "высокие" клетки, имеющие иные предметные интерпретации, – это еще не будет доказательством неизбежности некоего пост-фукуямовского будущего. История может кончиться, к примеру, из-за того, что на нас упадет астероид – а это явление природное и не имеет никакого отношения к последовательности идеальных "формаций". Решаемая здесь задача куда скромнее – дать классификацию прообразов возможного будущего, находимых в доступной нам культуре, тем самым указав на неисчерпанность потенциала исторического развития.

V

Итак, "Смысл" – это пост-нео-младо-гегельянство? Но далее я намерен предъявить некий модернизированный вариант "Философии истории", где, как фокусник из рукава, извлекаю на свет божий еще целых восемь "историй", логически следующих за фукуямовской и концептуально равномощных ей. И выходит, что вместо дряхлости истории, ее гегелевских сумерек, благоприятствующих полетам Минервиной

совы, предлагается констатировать раннее детство, тоже сумерки, но предрассветные. Отвлечемся здесь от того, верно это или неверно. Откуда вообще возможна подобная новизна? Как можно, ковыряясь все в том же предметно-историческом и культурном материале, найти хоть что-то новое?

Сначала – что именно в работе "Смысл" наследуется у Гегеля и что дает основание указывать на ее младогегельянский корень. А уж потом – несколько слов об остальной корневой системе.

От Гегеля наследуются три очень важные вещи. Во-первых – троичность мышления. К сожалению, мышление большинства обществоведов и даже философов бинарно. Оно базируется на оппозициях типа "материя – идея", "тело – душа", "единое – многое", "целое – часть", "открытое общество – традиционное общество", "Восток – Запад". Бинарна, как это ни прискорбно, современная математика.

Троичность мышления – это глубинная культурная традиция, которую не Гегель породил, которая на нем не кончилась, но тем не менее в целом она остается маргинальной.

Во-вторых, наследуется не просто эта триада, а интерпретация базовой триады идеальных типов как Логики–Природы–Духа. Что самое важное, наследуется гегелевское понимание чистой логики как универсума форм развития, того, чем является Господь Бог до и вне творения сам по себе. Поэтому пытаться тыкать пальцем в зерно, стебель, колос и пр. и усматривать в этом "примеры действия законов развития" – это некая странная наивность, которая не столько помогает, сколько запутывает. В таком понимании логики и развития Гегель (здесь я очень категоричен, поскольку неграмотен) не имел по-настоящему предшественников. По крайней мере, он их не знал. Наверняка они есть в культуре, но то были маргиналы, работы которых до него не дошли. И он с полным правом написал в предисловии к "Логике":

> *Сколько я ни старался после многолетних занятий этой наукой устранить это несовершенство, я все же чувствую, что у меня достаточно причин, чтобы просить читателя быть ко мне снисходительным. Право же на такое снисхождение дает мне прежде всего то обстоятельство, что для содержания я нашел в прежней метафизике и прежней логике преимущественно только внешний материал*[3].

"Как бедный шут о злом своем уродстве, // Я повествую о своем сиротстве..."

И наконец, в-третьих, наследуется категория "отчуждения". Впрочем Гегель ее только назвал, но не вполне осмыслил.

Теперь – что новое, не-гегелевское добавляется, т.е. за счет чего мы собираемся показать фокус с девятью "историями".

---

[3] Гегель. Наука логики. М., "Мысль", 1970, С. 81.

а) Сама логика "Смысла" не есть гегелевская логика. По крайней мере для нас с Криворотовым она не была таковой. Мы ее строили как предметники. Мы шли от теории систем, от ряда прикладных областей. Мы изучали имманентную логику предмета этих областей; не привнося по возможности в нее ничего априорного, пытались ее постичь, экстрагировать и абстрагировать. Гегеля мы начали читать в 1980 г. На нашу работу он наложил глубокий, но не решающий отпечаток.

б) Добавилась идея младогегельянца Маркса об истории как о нарастании-преодолении самоотчуждения. Отсюда у нас с Криворотовым возникло представление о зеркальной симметрии форм движения и форм деятельности, мира природы и мира человека и о целом ряде других сложных симметрий внутри этих миров. Пользуясь этими симметриями, можно в принципе из каждой клетки, из каждого идеального типа "накачивать" содержание в любой другой идеальный тип. Это означает, грубо говоря, что, владея неким знанием о хэйанской эстетике, вы тем самым уже обладаете кое-какими представлениями из теории машин и механизмов.

в) Добавляются современные представления о структуре "отчуждения", т.е. об универсуме "идеальных типов" естественных наук – о структурных уровнях материи. Если человеческий мир форм деятельности и природный мир форм движения симметричны и если познание последовательности форм деятельности означает познание неких базовых форм, порождающих типологию эпох истории, следовательно, в мире уже наличествует кое-что, являющееся симметричным, зеркальным, пусть кривым, – но отражением человеческого Будущего. Иными словами, мы можем увидеть эпохи будущей Истории, всмотревшись в формы бытования природы, в формы материи. Только надо очень точно знать, что там искать и как на них смотреть. Дело в том, что во времена Гегеля предметные представления об этих формах – "структурных уровнях материи" – были очень неполными, несвязными. Там были исследованы только отдельные островки, и существовало страшное искажение масштабов. Равномощна ли химия – биологии (в масштабе, задаваемом классификацией форм) или же составляет какую-то ее часть? "Окончательное решение" проблемы масштаба возможно лишь как "бурбакизация" всего комплекса естественных наук.

Мы исходили из современных разработок о "структурных уровнях материи". Особо я должен отметить выдающуюся интуицию Тимофеева-Ресовского, который дал свою иерархию форм движения. Он ввел представление о молекулярно-генетическом слое форм движения (включающем физику, химию и молекулярную биологию), онтогенетическом (т.е. слое особей, которые рождаются, умирают, имеют дифференциацию и специализацию тканей и органов, физиологию, пол) и, наконец, популяционно-генетическом уровне материи, где эти особи сбиваются в популяции, и начинает твориться нечто, делающее возможным видообразование. Он указал на эти три базовых слоя как на три равномощные части "Философии природы", совершив тем самым важный шаг к восстановлению масштабов шкалы "идеальных типов".

Несоотнесенность масштабов – страшная проблема естествознания и метафизики времен Гегеля! Считая физику, химию и биологию тремя равномощными разделами философии природы, мы получаем сильнейшее искажение масштабов, из которых вполне может проистечь представление о том, что, скажем, история заканчивается на госудáрстве (одно из другого вытекает не впрямую, но здесь есть причинно-следственная связь).

г) Добавляется представление о сознании, откровении и творчестве как о трех восходящих типах отношения человека к абсолюту или идеалу, выступающему соответственно в ипостасях Истины, Блага и Красоты. Здесь наследуется линия культуры, идущая от идеи Эроса у Платона к ее русскому раздвоению на философию творчества у Бердяева – с одной стороны, и на поразительные интуиции Розанова о смысле и о мистике плоти – с другой.

д) Наконец, христианская идея воскресения/воскрешения в ее преломлении и развитии русской мыслью, которое она приобрела после Николая Федорова и наших софиологов. Исходные представления о воскресении только за счет благодати при пассивной по сути роли человека играли роль тезиса. Учение Федорова в первоначальном виде – фактически антитезис, где чрезмерно акцентируется противоположное начало – человеческая активность. Отсюда упреки Соловьева и Кожевникова в нехристианском умалении роли благодати и т.д. Собственно, дело только за синтезом этого тезиса и антитезиса. Это было ясно Владимиру Кожевникову. Речь идет фактически об ответе русской философии на "моральный аргумент" Гердера: если история идет к некоему идеальному состоянию, то какова же роль всех предыдущих поколений, умерщвленных по пути? Ведь при допущении конечных состояний прогресса все предшествовавшие поколения людей в истории оказались бы всего-навсего средством для завершающего историю последнего поколения, которое лишь одно в состоянии насладиться плодами истории.

е) И наконец, наше с Криворотовым представление о "полноукладности". У Гегеля в "Философии истории" высказана мысль о том, что мы находим в настоящем уклады прошлого не просто как имманентные ступени развития духа, проявленные и снятые его последующим развитием, но и как самостоятельно существующие рядом с настоящим пройденные ступени – уклады прошлого в настоящем.

> *...Наличествующая настоящая форма духа заключает в себе все прежние ступени. Правда, эти ступени развились одна за другой как самостоятельные; но дух всегда был в себе тем, что он есть, различие состоит лишь в развитии этого сущего в себе. Жизнь настоящего духа есть кругообращение ступеней, которые, с одной стороны, еще существуют одна возле другой, и лишь, с другой стороны, являются как минувшие. Те моменты, которые дух, по-видимому, оставил позади себя, он содержит в себе и в своей настоящей глубине (стр. 125).*

Наша же мысль состоит в том, что точно так же в настоящем мы находим и все ступени будущего, – не просто как потенциальные состояния духа, содержащиеся в нем имманентно и подлежащие проявлению в ходе его развития, и даже не только как догадки, откровения, предвидения, находимые в культуре прошлого и настоящего, – но и как вполне зримые уклады, островки будущего в настоящем. Но чтобы увидеть их, надо просто знать, что искать.

VI

Сейчас я перечислю целых восемь эпох истории, не считая только что завершившейся по Фукуяме (назовем ее предысторией). Их тоже как-то надо назвать. Возникает проблема имен.

Так как материал для конструирования идеальных типов я беру из культуры (в том числе из философии, из общественных наук, из литературы), какие-то имена у части этих идеальных типов уже есть. Поэтому я буду брать имена для последующих исторических эпох из культуры. Но поскольку культуру я знаю плохо, то могу взять не те имена, не так, не в той связи – это первое извинение.

Второе извинение – многие из этих имен уже существуют в качестве слов естественного языка. Но они до связи со своим "идеальным типом" еще не дошли (они существуют, но как бы в первом, гражданском браке; им предстоит развод и новый брак, совершающийся уже на небесах). Поэтому имена, которые я буду употреблять, у разных людей отягощены другими, третьими, четвертыми смыслами. Они будут мешать. Ничего поделать с этим невозможно, иначе пришлось бы новые идеальные типы называть "тирьямпампациями" и "флюктуативными дезавуациями", что глупо.

О цели и смысле истории. Если конец человеческой истории – это полное преодоление отчуждения, а высшая форма отчуждения – это сама материя, ее исходные архаичные формы (самые первые, как и у Гегеля) пространства и времени, то овладение ими, их снятие – это и есть победа над смертью, овладение всем материалом истории, новое воссоединение всех поколений. И тут наконец-то концы с концами сходятся. Не государство, но Всеединство, Богочеловечество (по Федорову, но и по Гегелю) – вот итог истории. И, конечно, здесь правы буквалистские критики Федорова – ни о каком "научном", "сознательном" и т.п. воскрешении предков не может идти речи. Это ясно хотя бы из книги "Смысл", потому что "сознательная" деятельность, "научная" деятельность – это весьма архаичные формы деятельности из предыстории. Должно миновать еще штук семь Историй, пока не наступит та, в которой, двигаясь слой за слоем по предмету, мы доберемся до высших форм отчуждения. И поэтому все эти ругательства в адрес сочиненных самими критиками карикатур (о том, что мы излавливаем сачком из пространства частицы наших предков и прогоняем их через ректификационные колонны, а полученных кадавров расселяем в "хрущобы" по отдаленным планетам) просто не имеют отношения к предмету.

Дальше я буду просто предлагать некие расчленения внутри идеального типа "истории". Всех желающих понять, почему эти этапы именно такие, я отсылаю (по примеру Гегеля) к книге "Смысл".

Первое разделение – внутри абстракции "Человечество". История человечества разделяется на три идеальных типа: Историю общества, Экзистенциальную историю и Трансперсональную историю. Я буду каждый раз указывать на три категориальных **расслоения**: пытаться вкратце показать, в чем различие этапов истории, во-первых, по *предмету*, во-вторых, по *идеалу* и, наконец, собственно по *форме деятельности*.

По предмету проще всего, ибо предметом служат формы "материи", доступные, по Ильичу, копированию, фотографированию etc. История общества. Мы – члены стада, в котором имеется большой бабуин, бьющий нас по голове. Мы обязаны плясать ритуальные пляски, ходить на службу и в вечерний университет фундаментализма. У нас имеются производительные силы, производственные отношения, формы сознания и т.п. Предметное содержание Истории общества – преодоление этого слоя социального отчуждения. Или, по Тимофееву-Ресовскому, это популяционно-генетический слой (где индивид существует как элемент вида).

Экзистенциальная история – пласт, где преодолевается слой отчуждения, называемый у Тимофеева-Ресовского онтогенетическим. Ее проблематика связана с тем, что я – индивид, я смертен, я рождаюсь, у меня есть организм, которому присущи условные и безусловные рефлексы, память, определенным образом устроенная плоть и т.д. – вплоть до генетического кода, но не далее.

Трансперсональная история (название известного раздела новой психологии) – история, предметом которой является молекулярно-генетический слой отчуждения. Он начинается с разбирательства с генами и кончается собственно формами пространства и времени.

Расслоение по идеалу. Абсолют для Социальной истории выступает в ипостаси истины. И основная форма причастности к нему – сознание, то есть совместное знание, мышление в понятиях, концептуальное мышление. Это – низшая, примитивная форма взаимодействия со сферой идеалов. Буддисты прекрасно понимают, что концептуальное мышление не столько показывает нам Абсолют, сколько заслоняет.

Экзистенциальная история. Форма причастности к Абсолюту – Откровение. Абсолют выступает в ипостаси Блага.

Трансперсональная история. Форма деятельности – творчество. Абсолют выступает в ипостаси Прекрасного, и на него направлено творчество.

Наконец, расслоение собственно по формам деятельности. Для Истории общества это наиболее близкие и понятные нам формы активности, направленные вовне – на производство вещей, социальные отношения, разнообразные культурные "тексты". Для Экзистенциальной истории формы деятельности – нечто типа психопрактики. Человечество, превратившись в некий всепланетный Солярис, – то есть продолжая

быть человечеством, но перестав быть обществом, – садится в позу Лотоса под мировым древом и начинает разбираться с самим собой, со своим онтогенетическим пластом отчуждения. Для Трансперсональной истории – это творчество.

Второе разделение – внутри Истории общества. То есть первую часть истории человечества делим, в свою очередь, еще на три части. Я выделяю эпоху Предыстории (фукуямовскую), Социальную эпоху и Гуманистическую эпоху. Последнее название связано не с Ренессансом – с обожравшимися толстыми младенцами, с трещащими на задах камзолами, а с гетевским Святым Гуманусом из неоконченной поэмы "Тайны" периода его увлечения розенкрейцерством и, если угодно, с термином, отсюда вырастающим, – "гуманизм" из рукописей Маркса 1844 г.

Расслоение по предмету. Эпоха Предыстории имеет дело с весьма негуманным предметом, каковым являются производительные силы. Человечество учится производить. Оно берет силу потока, сметающего в половодье его коровники, и ставит на пути мельницу. Оно строит из буйства сил природы такие социальные силы, как технология, организация и экономика. Оно берет каждую производящую силу сначала в ипостаси качества, потом количества, наконец, меры и т.д. Все эти подробности описаны еще у "ветхого" С.Платонова.

Предметом Социальной эпохи являются социальные отношения. Это формы отчуждения, господствующие абстракции (всякие товарные и фондовые рынки, подобные античному року, гнетущие цепи административных отношений, узы брака). На протяжении второго разделения этой социальной эпохи происходит снятие производственных отношений – люди из них уходят – и погружение их во вторую, искусственную природу, превращение в отношения между неодушевленными элементами постиндустриального общества.

В Гуманистической эпохе предметом – отчужденными силами – являются формы общественного сознания (понятия, стереотипы и пр., с помощью которых мы изъясняемся, как бы меняясь вместо подлинной Истины грязными бумажками – замусоленными деньгами духа, которые все время девальвируются, меняются в ходе постоянных реформ).

Расслоение по идеалу. Эта та самая триада, которую все полюбили со времен Французской революции: свобода, справедливость, единство (я специально употребляю более адекватные термины). Не комментируя здесь проблему "единства" из-за отсутствия времени, я вкратце расскажу, что такое "справедливость" в понимании Дюркгейма (имея в виду его классическую работу "О разделении общественного труда").

По Дюркгейму, существуют два ключевых требования к качествам регламентации деятельности в современном ему обществе, невыполнение которых превращает разделение труда из главного источника общественной солидарности в деструктивный фактор. Первое состоит в том, что регламентация должна обеспечивать скоординированность, системность специализированных общественных функций, восстанавливать

целостность предмета, распавшегося в ходе стихийного разделения общественного труда. Следствия этого требования – отдельная, специальная тема, которую сегодня я оставляю в стороне.

Второе требование, принципиально несводимое к первому, состоит в том, что эта регламентация должна быть *справедливой*. В противном случае систему разделения труда можно будет поддерживать только силой.

Дюркгейм несколько раз доопределяет и уточняет свое понятие справедливости по ходу дела. Он не останавливается на популярном "равенстве стартовых возможностей" и утверждает, что место каждого индивидуума в общественном разделении труда должно соответствовать его природным склонностям и способностям. Далее он вспоминает, что эти способности в обществе претерпевают процесс развития, и вводит новое требование: должна быть обеспечена свобода для каждого индивида занимать новое место в общественном разделении труда, соответствующее его развивающимся способностям. Исходя из этого, ясно, что система разделения труда должна быть способна в каждый отдельный момент предоставить всем членам общества последовательность ступенек-функций для восхождения в процессе социального роста и самосовершенствования. Ясно также, что подобные требования к регламентации лежат в совершенно иной плоскости по отношению к требованиям, диктуемым интересами собственно материального производства.

Не случайно здесь Дюркгейм изменяет своему отстраненному академическому стилю и, переходя на язык платоновских утопий, провозглашает, что справедливое разделение труда требует для своей реализации "...искусную организацию, где каждая социальная ценность, не будучи ни преувеличена, ни уменьшена ничем посторонним, оценивалась бы по настоящему своему значению... Правда, – ностальгически замечает он, – эта совершенная самопроизвольность не встречается нигде как осуществившийся факт. Нет общества, где она была бы без примесей..."

В какой же мере справедливость, по Дюркгейму, утопична? Каковы основные черты общественного разделения труда, которое отвечало бы очерченному им идеалу?

А. Оно несовместимо с участием личности в сковывающих ее развитие рутинных производственных процедурах. Но в постиндустриальной перспективе это и не потребуется. Доведение регламентации той или иной функции до уровня системы процедур означает ее алгоритмизацию, открывающую путь к полной автоматизации. Экспансия современных систем регламентации неизбежно влечет за собой поэтапное вытеснение живого труда из сферы производства вещей. Естественно, это вытеснение, предсказанное в "Grundrisse", займет целую социальную эпоху. Но "процесс пошел": в Японии уже полтора десятка лет функционируют абсолютно безлюдные заводы, оснащенные ГПС (гибкими производственными системами) и выпускающие сложнейшую продукцию, в том числе такие же ГПС.

B. Предметом деятельности становятся не вещи, а общественные отношения.

C. Разделение труда преобразуется так, чтобы создать лестницу общественных ячеек-функций, служащих как бы ступенями восхождения формирующейся личности.

D. Нужно додумать до конца, куда ведут провозглашаемые Дюркгеймом "справедливое распределение социальных условий", "равенство во внешних условиях борьбы". Где стартовая точка этой борьбы – в момент получения индивидом аттестата зрелости? К этому времени "несправедливое распределение социальных условий" уже сделало свое дело. Бесполезно предоставлять формальное равенство на ринге, если один из боксеров страдает дистрофией или полиомиелитом из-за тяжелого детства. Различие в социальных условиях фатально сказывается на развитии индивида уже на стадии внутриутробного развития. Общество должно стремиться свести к нулю любое неравенство между индивидами, вызванное социальными причинами, смирившись покуда лишь с различиями, обусловленными генетически и экзистенциально. Только тогда общество, по Дюркгейму, будет "...устроено таким образом, что общественное неравенство точно выражает естественное неравенство".

Все это в совокупности означает, что должен быть осуществлен переход *от производства и воспроизводства вещей к производству и воспроизводству индивидов*. Общество производящих индивидов, ориентированное на идеал индивидуальной свободы, переходит в общество, занятое производством самих этих индивидов, способных свободно производить, и направляемое при этом идеалом социальной справедливости. Иными словами, должен быть осуществлен переход к превращению в предмет деятельности, а затем производству и воспроизводству всей системы разделения труда, общественных отношений, что, по определению Маркса-младогегельянца, и будет означать *производство человеческой сущности*.

Одно важное замечание. Сейчас стало модным ругать известный тезис о сущности как ансамбле (совокупности) человеческих отношений. Но автор тезиса понимал "сущность" как раздел "Логики", а не как "наше все". В этом смысле "сущность человека" – не более чем один из нескольких десятков этажей идеального типа "Человек".

Эта проблематика подробнее разработана в книге "Смысл".

Социальная эпоха, "царство справедливости" имеет дело с социальными отношениями. В центре ее находится не производство человеком вещей, а производство самого человека таким, чтобы он потом мог успешно производить вещи, успешно конкурировать, быть свободным и т.д. Лишь по завершении этой эпохи мы сможем добраться до осуществления сократовской утопии гуманизма, идеального "государства мудрецов". А сейчас, если бы Сократ с кем-то начал обсуждать, что такое Прекрасное само по себе, скорее всего оказалось бы для начала, что его собеседник – дебил. Или в лучшем случае он просто плохо слышит. Его не долечили после простуды, и Сократ должен орать ему в ухо. А поорав, он выяснил бы в довершение всего, что второй участник "диалога"

все равно не понял ни слова, поскольку не говорит по-гречески. Ну какое равное и свободное обсуждение Прекрасного, Блага и Истины может быть при таких делах?!

Сверхзадача социальной эпохи – полное раскрытие потенциала разнообразия способностей, предзаложенных генетически и обусловленных экзистенциальным опытом, снятие коросты социальных уродств, подменяющих это – подлинное – разнообразие. Каждый из людей Социальной истории будет гораздо более "всесторонним" и "гармоничным", чем мы, несчастные уроды, но притом, как камертон, будет резонировать на какую-то определенную ноту из музыки небесных сфер, каждый будет влюблен в свой эйдос, будет являться как бы его свидетелем, представителем и глашатаем. Вот тогда-то они смогут вступить в этот сократический диалог как свободные и равные. Дальнейшее – проблематика эпохи Гуманизма, которую я здесь опускаю.

Третье разделение. Мы разделили историю человечества на три истории. Затем первую из них, Историю общества, разделили на три эпохи. Теперь разделим первую из этих эпох на три фазы. Будем говорить о фазе Традиции, фазе Культуры и фазе Цивилизации как о трех конкретных идеальных типах внутри идеального типа "Предыстории".

Теперь критическому разуму самое время насторожиться, поскольку предыдущие идеальные типы относились большей частью к тому, чего еще не было в истории и что только ожидается. Последние же три фазы предназначены для описания того, что уже было и, по мнению Фукуямы, недавно и бесповоротно окончилось.

Здесь по ряду причин, на которых нет возможности сейчас остановиться, я использую несколько другие категориальные расслоения. Я буду говорить о различении указанных трех фаз по формам коллективного сознания, формам этноса и формам производственной деятельности.

Расслоение по формам коллективного сознания. Фазе Традиции соответствует мифологическое сознание, фазе Культуры – верящее, религиозное сознание, фазе Цивилизации – рационализированное сознание.

Расслоение по форме этноса. Фазе Традиции отвечает родовая или родо-племенная форма этноса. Фазе Культуры отвечает имперская форма этноса. Фазе Цивилизации соответствует национальная или национально-государственная форма этноса.

Расслоение по форме производства. Фаза Традиции – это технологическая форма деятельности. Фаза Культуры – организационная. Фаза Цивилизации – экономическая.

Я только напомню, что можно с разбиениями идти и дальше вглубь. В книге "После коммунизма" каждая из этих фаз разделена на три формации (наконец-то!), где мы используем такие знакомые имена формаций, как "капитализм", "феодализм" и пр. – но всего не пять штук, как у Маркса, а целых девять.

Усложним немного картину. Представьте, что идеальный тип – трехслойный пирог, ибо в каждом реальном обществе мы видим все три слоя: и традицию, и культуру, и цивилизацию. В зависимости от того,

какой из этих слоев самый толстый, он может, даже будучи нижним или средним, а не верхним, определять собой все остальное. Тогда для более адекватного описания окружающей действительности мы получим три социологических идеальных типа: общество Традиции, общество Культуры и общество Цивилизации.

Если мы отождествим общество Традиции с классическим Востоком (типа Китая), а общество Цивилизации – с классическим Западом (типа США), у нас вдруг средь бела дня появляется некий третий, незнакомый науке мир – общество Культуры. Это важное следствие принятой нами троичности мышления. Дело в том, что в дихотомическом мышлении не менее трети феноменов, эмпирически вполне осязаемых, исчезают, они просто невидимы. Мы тупо смотрим на общество типа России и принимаемся стенать: "Что это такое? Какое-то оно переходное! Это – не Восток, но и не Запад! Недоношенное? Или застрявшее? Или недоделанное? Или невидимое?" Но с Россией в этом смысле все в порядке, это у нас проблемы: нет понятийного аппарата, нет адекватных идеальных типов. Мы используем весьма примитивный бинокль, в котором каждая трубка смотрит в свою сторону, поэтому между их полями зрения возникает обширная "слепая зона", концептуальная черная дыра. И третья часть реальности там бесследно пропадает.

Таким образом, мы можем вернуться к ныне вышедшему из моды политологическому образу Первого, Второго и Третьего миров, переосмыслив и уточнив его. Первый мир – это общества Цивилизации (классический Запад), третий мир – это общества Традиции (классический Восток). Однако старое наполнение понятия "третий мир" должно быть пересмотрено: определенная его часть должна быть отнесена скорее ко второму миру, то есть к обществам Культуры. Понятие "второго мира" нужно полностью восстановить в правах. Российская империя (включая и советский период ее истории) является классическим представителем этого типа. Видимо, сюда же можно отнести некоторые страны ислама. Но часть стран, отнесенных к прежнему "второму миру" по формальному признаку принадлежности к "социалистическому лагерю", скорее тяготеют к третьемирскому типу.

Если ввести, наряду с "большой симметрией" между идеальными типами Природы и Общества, "малую симметрию" между предысторией и социальной эпохой (здесь я вновь отсылаю вас к трактовке "самоотчуждения" в книге "Смысл"), можно сказать, что первая, вторая и третья фазы предыстории отражаются, как в зеркале, в будущем, то есть в следующей (за фукуямовской) фазе истории. Всмотревшись, как в зеркало, в то, что я назвал социальной историей, мы можем усмотреть там пост-цивилизационную фазу, затем пост-культурную и, наконец, пост-традиционную.

И тогда мы можем говорить о трех типах "органичной" модернизации, понимая под такой модернизацией переход общества через фукуямовскую границу в постисторическую фазу, симметричную своему предысторическому состоянию.

В этом смысле органичная модернизация для стран "классического" (абстрактного) Запада – это переход из так называемого индустриального в постиндустриальное общество (или в моей терминологии – переход из общества Цивилизации в пост-цивилизационную фазу). Эта

модернизация в принципе достижима эволюционным путем, потому что зрелое общество Цивилизации при переходе через границу Предыстории как бы на ощупь находит себя как свой предмет деятельности, уже ставший и налично данный, и поэтому нуждается в минимуме социального конструирования. (Не будем только забывать, что речь идет об идеальных типах. Правда, нужно иметь также в виду, что большинство современных текстов по философии истории оперируют гораздо более абстрактными идеальными типами.)

Обществу второго мира, которое хочет прыгнуть в будущее, минуя пару фаз (из культурного состояния в пост-культурное), приходится труднее. То есть, у него отсутствуют или недостаточно развиты две базовые формы деятельности, которые должны быть заимствованы. Но тем не менее такое заимствование возможно, если эти формы где-то уже существуют.

Если мы не изобретаем эти формы из головы, не создаем их из пустого места, если мы можем трансплантировать их из более "развитых" стран, то можно говорить о втором типе модернизации, а именно: о переходе из обществ культуры в пост-культурную фазу. И даже из обществ традиционных – в пост-традиционные. Конечно, это чрезвычайно сложные переходы, в абстракции это – скачки через некую пропасть, но они теоретически возможны. В принципе, используя введенные идеальные типы, можно говорить о трех "классических" (органичных) типах модернизации и о шести "неклассических".

VII

Осталось сказать самое главное – каковы концептуальные координаты переживаемого момента, где мы с Фукуямой очутились? В терминах вышесказанного мы находимся не в конце истории, а на некотором ее пороге. Этот порог – переход от первой исторической эпохи ко второй (всего в человеческой Истории их девять). То есть, из эпохи Предыстории мы переходим в Социальную эпоху. Человечество вовсе не умирает от старости, оно едва достигло младшего школьного возраста.

У Платона в "Государстве" есть образы трех типов общественного устройства, отвечающих трем эпохам внутри Истории общества: государства ремесленников, государства стражей и государства мудрецов. В этих идеальных типах ремесленники олицетворяют слой марксовых "производительных сил", стражи – слой общественных отношений, а мудрецы – слой форм сознания. Так вот, по форме деятельности мирохозяйственная система только начинает переход от "государства ремесленников" к "государству стражей" (отнюдь не мудрецов, до них еще целая эпоха) .

В трансцендентной сфере идеалов происходит исторический сдвиг от Свободы к Справедливости. Я не хочу быть дурно понятым: это не значит, что социальная свобода умаляется. Достигнутое в этой сфере не ущемляется, напротив – превращается в фундамент для исторического творчества. Автомобиль в этом смысле не "отменяет" телегу: если в него внимательно всмотреться, телегу можно усмотреть. Сейчас я свободен прежде всего как полноправный и суверенный борец за сохранение и приумножение своей собственности. К сожалению, на эту свободную борьбу уходит все время. Я свободен ехать куда угодно, но должен сам впрягаться в свой воз и на себе его тащить. У меня почти не остается

времени и сил на самого себя, не говоря уже о том, чтобы задаться "метафизическими" вопросами о возможных целях и маршруте движения. Смысл социальной эпохи в том, чтобы из "предмета" поездки превратиться для начала в "субъекта": поставить на телегу двигатель и, перейдя в роль водителя, заняться совершенствованием водительского мастерства. А в перспективе эпохи гуманизма – вручить роль шофера компьютеру, который лучше увертывается от самосвалов, и освободить ум и сердце для истинно человеческих вопросов об "идеале", т.е. о том, куда ехать и зачем.

В наступающей второй, социальной эпохе Истории общества нам предстоит всерьез заняться вопросом: как сделать так, чтобы свободный производитель, возникший как продукт Предысторической эпохи, не был бы свободным дебилом или уродом? Чтобы в результате извращений, несовершенств и ограничений предысторической (точнее, доисторической) системы выращивания детей, воспитания и образования человек не был, как сейчас, лишен большинства степеней свободы, потенциально присущих ему от зачатия?

Это некая педагогическая страна Касталия, в которую постепенно будет превращаться все общество. Или это некие израильские киббуцы, в которых самое главное – воспитание ребенка. А когда он воспитан, он оттуда вылетает как пробка – жить он там уже не может. Школа – не место для взрослого свободного индивида, жаждущего самоутверждения. Если, конечно, он не педагог по призванию. Вообще эти вещи трудносовместимые. Черты такого мира многим современным (т.е. предысторическим) людям пришлись бы не по нраву. Но с этим надо разбираться отдельно.

Теперь вернемся на минуту к идее Гегеля о "духе народов". Он говорит примерно следующее: имеется народ, имеется присущий ему особый дух, а мимо идет абсолютная идея, и она приостанавливается на какой-то имманентной ступени, которая вступает в резонанс с духом данного народа. Тогда этот народ призывается, у него – миссия, и он играет важную роль на этом отрезке истории. Потом абсолютная идея говорит: "Ну, большое спасибо, эту ступеньку мы прошли. Вы тут побудьте, а я пошла дальше". И народ, отработав свое, переходит в некий исторический пассив: он необязательно разваливается, необязательно подвергается нападению каких-то кочевников (гиксосов или амореев), – просто может отойти на обочину и тихо коптить небо.

Рассматривая прошедшую эпоху с точки зрения этой гегелевской идеи, можно сказать, что на протяжении всей Предыстории доминировал принцип свободы, понимаемой в незатейливом духе Фукуямы. Его торжество стало особенно очевидным в фазе Цивилизации. Это был звездный час англосаксонского этноса, британской империи, американской нации. Они сыграли роль ступени-носителя. Теперь солнце этого социума закатывается. Ему никто не хочет делать ничего плохого, просто он выполнил свою историческую миссию, и дальше он может подождать. Либо он должен переродиться, страстно полюбить идею справедливости (что не исключено, случаются ведь пассионарные взрывы), либо на передний план выйдут другие народы, дух которых вступает в резонанс с новой ипостасью идеала. Наступает Социальная эпоха, в которой Россия, от рождения настроенная на волну Правды-справедливости, имеет исторический шанс.

Наконец, можно сказать, что Россия (в терминах этих абстрактных идеальных типов) – общество с доминированием фазы Культуры. Органичная для нее модернизация – переход не в постиндустриализм (то есть не в пост-цивилизационное состояние), а сразу в следующую, пост-культурную фазу. Поэтому, если ей и предстоит некая стремительная модернизация, то, по крайней мере, не в самом ближайшем будущем. Ибо сейчас мы хотя и выходим из фукуямовской истории, входим в Социальную эпоху, но только в первую ее фазу – пост-цивилизационную. Там правят бал другие. Есть своя роль в этих терминах и у России. Но я не хочу здесь чрезмерно онтологизировать идеальные типы. Будем считать, что это не более чем намеки, абстрактные картинки.

Итак, как уже было сказано, перед нами не конец истории, это только порог. Однако его высота чрезвычайна. Порога такой высоты в истории человечества еще не было. Ведь переход, например, от фазы Культуры к фазе Цивилизации – это Реформация, колоссальная волна религиозных войн, гибель целых этносов, это несколько столетий смутного времени. А мы сейчас сталкиваемся не с межфазовым переходом, а с переходом между целыми эпохами (в терминах идеальных типов). Отсюда – беспрецедентный трагизм нашего времени, катастрофический опыт России и Германии, Японии и Китая, две чудовищные мировые войны и балансирование на грани третьей, соседство усыпляющего бытового комфорта Запада с мучительной гибелью миллионов в третьем мире от социальных и природных катаклизмов.

Вместе с тем отдельные островки, уклады, авангардные части стран и народов уже взобрались на этот порог, даже перевалили его. Десант высажен, вбиты крючья, – похоже, перебраться через него можно. Поэтому есть шанс, что мир переживет этот небывалый кризис. Просто может статься, что он переживет его без России.

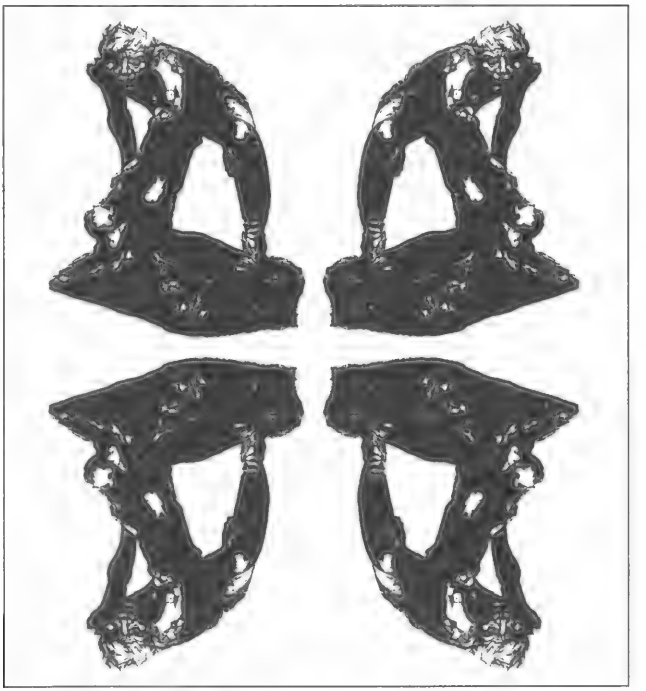
Нам говорят: История остановилась, потому что остановилась идея Истории, воплощалась-воплощалась – и довоплотилась, уперлась в стену.

Смысл моей позиции: это не стена. Всего лишь – порог. Он должен быть и будет преодолен, осуществится выход в новые пространства исторических форм. Мы должны привести в движение идею Истории, идею России. А без этого нашего творческого усилия сама по себе История не придет в движение – и тогда нашим общим уделом будет, пользуясь выражением Гегеля, "лишь гнилое существование".

РОССИЯ КАК "РАЗВИВАЮЩЕЕСЯ ОБЩЕСТВО". РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА: МОМЕНТ ИСТИНЫ.

(Главы из книг)

Т. ШАНИН



Данная работа представляет собой сокращенный перевод отдельных глав из двух книг известного западного социолога Теодора Шанина «Россия как «развивающееся» общество» и «Революция как момент истины: Россия 1905-1907 гг.» Первая часть посвящена определению места России начала столетия в составе мирового общества и международной экономики. В центре анализа — взгляд на Россию как на исторически первый прецедент качественного нового, «третьемирского» типа динамики развития. Вторая часть посвящена периоду создания главных идеологических моделей и образов России, которые предопределили ее самосознание и дальнейшее развитие, — образов, которые нашли выражение во взглядах Витте, Столыпина, Ленина, Троцкого, Жордания, а также представителей «объединенного дворянства», эсеровского движения и прочих.

© Шанин Т., 1995

Т. ШАНИН

Корни инакости

(Главы из серии книг[1] "Корни инакости")

Хроники пишут только те, для кого существенно настоящее.
Гёте

Первая русская попытка самоосознания в терминах современной социальной теории проявилась в форме спора между славянофилами и западниками. Одна сторона утверждала, что Россия вполне уникальна, другая же рассматривала ее как отсталую провинцию Европы, пройденную Западом ступень единой эволюционной лестницы. Россия не была ни тем, ни другим. Россия не была уникальной, но из этого не следовало, что она находилась в процессе превращения во вторую Англию. Она также не была "феодальной", но это не означало, что она была просто "капиталистической" или же смесью капитализма и феодализма. На рубеже XIX и XX вв. Россия стала первой страной, в которой материализовался специфический социальный синдром "развивающегося общества", как мы его сегодня называем. Но он сочетал эту социальную форму с длительной имперской историей, особенно сильным государственным аппаратом и особенно высокообразованной и политически активной интеллектуальной элитой.

Фундаментальное отличие мира человека от мира природы состоит в том, что процессы познания, понимание и непонимание вплетаются в него, структурируя человеческую деятельность. В последние десятилетия XIX в. царское правительство формулировало свою стратегию в терминах "догнать Европу" (либо в противном случае деградировать до "второго Китая"). Мощное государственное вмешательство по типу германского (теоретиком которого считался Фридрих Лист, а символом успеха Бисмарк) породило в начале XX в. отнюдь не вторую Германию, но разрушительный экономический и социальный кризис, военное поражение и революцию 1905 – 1907 гг. Таким образом, Россия стала первой страной, в которой была серьезно поставлена под сомнение значимость западноевропейского опыта для остального человечества. России было суждено в ходе живого политического опыта выработать две основные программы, сопровождавшиеся реальными грандиозными экспериментами, радикальной трансформацией того типа общества, которое сегодня называется "развивающимся". Эти диаметрально противоположные, однако теоретически взаимодополняющие стратегии связались с именами Столыпина и Ленина, но с обеих сторон фактически представляли целый спектр взглядов и целей, теоретических разработок и личностей. Последующие три поколения мало что прибавили в копилку концепций, созданных в то время.

Теоретическое осмысление не успевало за политическим развитием. Маркс однажды отметил историческую тенденцию разыгрывать новую политическую драму в костюмах, одолженных у предыдущих поколений. Французские революционеры 1791 г. воображали себя вождями древнеримской республики. Тот факт, что политические лидеры России

[1] Russia as a "Developing society". The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. Volume 1. Yale University Press. New Haven and London, 1985. Russia, 1905–07: Revolution as a Moment of Truth. The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. Volume 2. The Macmillan Press Limited. London, 1986.

последовательно приуменьшали новизну своего опыта и всячески притягивали фактические и идеологические доказательства своего западноевропейского обличья, делает это еще более поучительным. В то время как правительство строило свою деятельность по германской имперской модели, руководители российских антиправительственных движений связывали свое настоящее и будущее с английским парламентаризмом или с Французской революцией.

Революция 1905 – 1907 гг. явилась для России моментом истины. Развившись в направлении, неожиданном и для сторонников, и для противников, революция эта высветила новую структуру социальных характеристик и вызвала к жизни неортодоксальные решения, как политические, так и теоретические. Новая Россия началась именно тогда, когда некоторые монархисты поняли, что только революционные социальные преобразования могут спасти их монархию; и когда некоторые марксисты, под влиянием поражения революции, по-новому взглянули на Россию и на свой марксизм. И тем и другим было суждено получить власть, исторически очень быстро сменяя друг друга, и опробовать на практике свое новое понимание. Те, кто не захотел извлекать уроков, очень быстро оказались выброшенными на "свалку истории" – ужасный, но соответствующий действительности образ, достоверно характеризующий и жизнь людей, и многие события.

Растущее признание специфичности действительности, проблем и теорий "развивающихся обществ", которое вышло на передний план с начала шестидесятых годов XX в., позволяет поместить русский опыт в новый и более реалистичный сравнительный контекст. Это может дополнить наше понимание России/СССР/России. Это может пролить новый свет на концептуальную трансформацию, которая оказалась самым важным результатом революции 1905 – 1907 гг. Это также может способствовать тому, чтобы история России и аналитические изыскания, связанные с ней, помогли бы лучше понять современные "развивающиеся общества". Данная тема раскрывается в двух отдельных книгах под общим титулом "Корни инакости".

В книге "Россия как "развивающееся общество" рассматривается русское общество рубежа веков. Это попытка распутать и разграничить различные, однако взаимосвязанные аспекты истории России на ее пути через революционные периоды 1905 – 1907 и 1917 – 1921 гг. Марк Блок однажды сказал, что "знание фрагментов, изученных по отдельности один за другим, никогда не приведет к познанию целого – оно даже не позволит познать самые эти фрагменты". "Но работа по восстановлению целого, – писал он далее, – может проводиться лишь после анализа. Точнее, она – продолжение анализа, его смысл и оправдание"[2]. В этой книге в качестве таких основных, базовых "фрагментов" рассматриваются Российское государство, крестьянство и капитализм, т.е. основные структуры власти, способ жизни основной массы населения, самая динамичная экономическая сила, и их взаимозависимость – базовый треугольник социальной детерминации начала столетия. В соответствии с этим построены первые главы книги. Затем анализируется крестьянская экономика и дается общая картина России в динамике за время рассматриваемого периода.

---

[2] См.: Блок Марк. Апология истории, или ремесло историка. М., Наука, 1986, С. 88

Т. ШАНИН

Вторая книга – "Революция как момент истины: Россия 1905 – 1907" – посвящена периоду русской революции 1905 – 1907 гг., а также характеру и причинам революции 1917 г. Она начинается с того, как зарождалась революция 1905 – 1907 гг., и с анализа двух ее основных составных частей: борьбы в городах за политическую свободу и/или социализм и борьбы в деревнях за землю и волю, т.е. свободу в крестьянском понимании. Далее следует анализ взаимовлияния этих потоков и взаимосвязи их основных действующих социальных сил. Последние две главы посвящены тому, какое воздействие на будущую историю России оказали попытки осмысления революционного опыта 1905 – 1907 гг., приведшие в разных лагерях и к концептуальным революциям, и к сохранению власти догм и стереотипов. В послесловии рассматриваются некоторые общие вопросы методологии и целей исследования, относящиеся к предлагаемым книгам и связанные с современной историей и исторической социологией.

Исследования, на основе которых написаны обе книги серии "Корни инакости", берут свое начало в работе, которая была опубликована в 1972 г. под названием "Неудобный класс"[3].

Из первой книги: Россия как "развивающееся общество"

Морфология российской отсталости: настоящее и будущее

> ...Китай, Индия, Турция, Персия, Южная Америка в такой же мере политически немощны, в какой экономически зависимы от иноземной промышленности. В настоящее время политическое могущество великих государств, призванных выполнять исторические задачи, создается столько же духовными силами народа, сколь и его экономическим строем. Международное соперничество не ждет. Если ныне же не будет принято энергичных и решительных мер...
>
> *Сергей Витте*

> ...При наших государственных порядках – абсолютном деспотизме, абсолютном отрицании прав и воли народа – реформа может иметь характер только революции.
>
> *Исполнительный комитет партии "Народная воля"*

Тип "развития": "рост" и "разрыв"

В 1946 г. проф. Тимашев опубликовал в Лондоне обширное исследование моделей развития России. Он мысленно экстраполировал основные тенденции экономической и социальной истории России между 1890 и 1913 гг. Он пришел к выводу, что Россия могла бы к 1940 г. достичь того же, если не более высокого уровня индустриализации, национального дохода и образования, которые были фактически достигнуты при советской власти, той власти, которая в то же время

[3] Teodar Shanin. The Awkward Class. London, 1972

"отбросила российскую философию и искусство по крайней мере на столетие назад". Вовсе не будучи необходимой для преодоления препятствий развитию, "коммунистическая революция была опасной болезнью, но русские обладают достаточной жизненной энергией, чтобы преодолеть ее". Эта точка зрения была основана на предпосылке, что темпы экономического развития дореволюционной России, зарегистрированные в 1909 – 1913 гг., сохранились бы и в будущем, создавая условия для присоединения к "Западу" (т.е. клубу государств всеобщего благосостояния, развитой технологии, международного влияния, высоких достижений в области образования и светлых перспектив дальнейшего развития).

Время, прошедшее с момента опубликования книги, не умалило привлекательности этой точки зрения. За последние годы вышел целый ряд исследований, которые прямо повторяют доводы Тимашева, хотя и не ссылаясь на него. Дальнейшее развитие эта линия получила в русле различных западных теорий конвергенции, которые считали, что, несмотря на все жестокости и риторику советского эксперимента, это фактически было лишь гигантское предприятие по "запоздалой индустриализации". В этом смысле феномен Сталина объясняется (и, собственно, оправдывается) как некий необходимый стартовый механизм ("тейкофф") экономики. Теперь, когда в основном цели индустриализации достигнуты, СССР конвергирует в сторону единственного известного и единственно возможного "развитого мира" вездесущей электроники и бюрократического изобилия, скроенного по нашему западному образцу (см. последние показатели валового национального продукта, производства автомобилей или полиэтиленовых пакетов на душу населения).

Однако факты свидетельствуют, что перспективы всеобщего экономического роста и социального развития, которые сняли бы разрыв между США или Западной Европой и остальным миром, не очевидны. Конечно, во всем мире произошли стремительные и глубокие перемены, однако разделение на "три мира", о котором впервые заговорили в начале пятидесятых годов нашего столетия, сохраняется в основных чертах и в 1980-е годы. Несмотря на некоторые внешние признаки, и Второй мир (для ООН – категория "централизованного планирования", самоназвание – "социалистический") на самом деле не превращался в Первый ("развитой капиталистический"). Но сейчас нас интересует Третий мир.

С начала пятидесятых годов беспроблемная теория модернизации забрасывала бывший колониальный мир оптимистическими предсказаниями и наборами "сделай сам", чтобы начать движение к вожделенному идеалу "а ля" Соединенные Штаты, однако и официальные сводки, и аналитические материалы становились все более тревожными. Основной аспект этого вопроса был хорошо выражен А.Г.Франком: "В тридцати развитых странах живет менее 30% мирового населения и, по оценкам специалистов, будет жить только 20% к 2000 г.; это страны, на долю которых в настоящий момент приходится приблизительно 90% мирового дохода, финансовых ресурсов и производства стали... 95% мирового научно-технического производства... они потребляют более 60% пищевых продуктов". Еще более показательны данные по "догоняющим" странам. За четыре десятилетия после второй мировой войны, несмотря на явные различия между ними, ни одна из основных

"развивающихся стран" 50-х и 60-х годов не стала схожей с США или Западной Европой, включая и те "развивающиеся страны", которые сказочно разбогатели на нефти (и чей валовой национальный доход, соответственно, подскочил на невероятную высоту), а также страны, в которых быстро шел процесс индустриализации и/или урбанизации. Снова и снова волна оптимизма, основанного на поверхностно воспринятых показателях "экономического роста", захлестывала прессу, которая объявляла о появлении очередного кандидата на роль "догнавшей" или даже "обогнавшей" Запад страны: в этой роли побывали Бразилия, Мексика, Иран, Индия, Нигерия и т.д. Обычно все это кончалось национальными банкротствами, военными переворотами и бунтами бедноты. Экономика стран меняется быстро, однако совершенно очевидно, что невозможно понять и предсказать важнейшие процессы просто путем сравнения валового национального продукта и экстраполяции элементов "экономического роста" в будущее. Более того, это разнообразие не ограничивается областью экономики. Карта распространения на Земле болезней, неграмотности, военных режимов, систематического применения пыток и связь всех этих явлений с размером валового национального продукта свидетельствуют о взаимозависимости. То же самое касается сравнения этих показателей и социоэкономической поляризации внутри этих стран – типичным для "развивающихся стран" является особо резкий контраст в распределении доходов. Зарегистрировано долговременное, часто увеличивающееся отставание по многим направлениям большинства "развивающихся" от "развитых" стран. Этот разрыв представляет собой одну из определяющих характеристик современного этапа мировой истории, возможно, самую важную его характеристику.

Именно этот опыт, который является центральным для политики, экономики, идеологии и самосознания нашего поколения, необходимо приложить к России рубежа веков. Отличалась ли природа процессов, происходивших тогда в России, от того, что переживают "развивающиеся страны" (т.е. справедлива ли экстраполяция Тимашева)? Иными словами, была ли Россия "развивающейся страной" в том смысле, какой мы сегодня вкладываем в этот термин (т.е. обществом не только бедным и/или "отсталым", но и проявляющим сильную тенденцию к порождению или сохранению отставания ее экономики и социальной структуры).

Осознание понятия "развивающееся общество"

Прежде чем рассматривать Россию в этом контексте, необходимо сделать отступление чтобы уточнить, что мы имеем в виду под категорией, само название которой менялось каждые несколько лет после пятидесятых годов: "отсталые общества", "неразвитые", "развивающиеся", "зарождающиеся", "менее развитые" и т.д. Оставляя в стороне количественные показатели (например, "все страны, имеющие менее 400 долларов совокупного национального дохода на душу населения"), можно говорить о двух подходах к структурному определению таких обществ. Первый путь состоит в том, чтобы считать "развивающиеся общества" отсталыми, т.е., обществами, движущимися в современный мир по обязательному для всех пути социального и экономического развития, однако по каким-то причинам (которые указываются) еще не достигшими цели либо движущимися "туда" слишком медленно (и необходимо уста-

новить и устранить препятствия). Второй подход исходит из возможности разнонаправленных и параллельных путей "развития" и считает "развивающиеся страны" одной из категорий, входящих в это понятие. Это фундаментальное различие в логике анализа перекрывает и отдельные разные темы, и уровни обобщения, и основные идеологические позиции. Более того, два этих различных подхода сыграли важную роль в оформлении политических стратегий и конфронтаций. Перейдем к короткому изложению истории формирования этих теоретических позиций.

Модель промышленного капитализма, основанная на примере Англии XIX века, была, несомненно, очень продуктивной, но в то же время оказала несколько гипнотическое воздействие как на ученых, так и на непрофессионалов. Несмотря на нищету и страдания, связанные с развитием промышленного капитализма, и порожденные им новые проблемы, благодаря ему уровень производства материальных благ поднялся в исторически краткие сроки на невиданную доселе высоту. В рамках промышленного капитализма наука и научные достижения стали частью повседневной жизни – причем как в сфере материального производства в форме перманентной научно-технической революции, так и в применении математических методов для понимания общества. Промышленный капитализм стал мировой объединяющей и преобразующей силой, породив современный сплав мифа о Мидасе и божественного образа: все, чего он касался, обращалось в золото; все, что он производил или создавал в социальном плане, приобретало его образ и подобие.

Представление о России Тимашева и теория конвергенции являются частными случаями теории модернизации. Эта парадигма постулировала глобальную неизбежность, однолинейную природу и принципиальную позитивную ценность "прогресса" (т.е. движения по оси развития, обозначенной странами промышленного капитализма). Ее теоретические предтечи – эволюционизм и классическая политэкономия XIX в., являвшиеся не только философией и наукой нового мира, но и апофеозом капитализма. Суть их сводится к интерпретации истории через развитие общественного разделения труда, связываемого с развитием новых технологий и преобразованием общественных институтов.

В XX в. неоклассическая школа в экономике и функционализм в социологии продолжали эту теоретическую линию, придавая ей оптимистическое звучание в том, что касается механизмов разрешения социальных проблем – выраженных в метафоре "социального равновесия". Эволюционизм "левых", который особенно связывается с теориями, развитыми "ортодоксальным" крылом Второго Интернационала, принимал все это, но шел дальше в своем утверждении, что социализм непосредственно сменяет капитализм, являясь добавочной, необходимой и последней "стадией" развития. Социализм понимался в рамках этой теории как окончательный "способ производства" и равновесия, которые поставят грандиозные достижения капитализма в материальном производстве на службу коллективным производителям. Мечты Витте о Российской империи как о промышленном гиганте, книги Плеханова (и в особенности их интерпретация российскими "легальными марксистами"), то, как Сталин претворял в жизнь ленинский лозунг "Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны", книга Уоррена, недавно опубликованная в Лондоне, – все эти радикально раз-

личные взгляды и действия объединяются своей приверженностью идее общего единого "прогресса" и принципиальной однолинейностью истории. Именно в этом контексте нужно читать определение "развивающегося общества" в Оксфордском словаре, – как отражение западноевропейского общественного сознания, закрепляемое средствами массовой информации. "Развивающееся общество" – это "бедная или примитивная страна, которая находится в процессе развития своих экономических и социальных условий".

Собственно, представление о прогрессе как об индустриализации отсталых окраин разделялось далеко не всеми и далеко не безоговорочно, особенно понимали недостатки этого подхода социалисты и либералы, непосредственно сталкивавшиеся с колониализмом. Конечно, капитализм играл позитивную роль, но также и отрицательную, и даже в рамках своих собственных целей. Капитализм в колониях, конечно, оказывал преобразующее воздействие на "туземные общества", но, с другой стороны, подавлял развитие их промышленности и выражение воли большинства. Да и его влияние на социальную и экономическую жизнь метрополии было неоднозначным. В то же время в рамках Второго Интернационала марксистская социальная критика и анализ начали принимать международную форму, начиная с работ Гильфердинга и Розы Люксембург, а затем Бухарина и Ленина. Но марксистская теория империализма была создана как анализ эксплуатации колоний и ее роли в экономике метрополий. Характер самих колониальных обществ практически не рассматривался.

Два поколения спустя, после второй мировой войны, появился новый постколониальный мир. Когда стало ясно, что теория модернизации и политика, опиравшаяся на эту теорию, не принесли желаемых материальных плодов в 1950 – 1960 гг., потребовались объяснения этого провала (т.е. почему "разрыв" никак не хотел сокращаться и почему нарастала вооруженная борьба в колониях и бывших колониях – в Алжире, Вьетнаме, на Кубе, в Анголе и т.д.). ООН и телевидение заставили мир осознать существование Третьего мира. Попытки разобраться в политической экономии бывших колониальных стран привели к возникновению нескольких новых направлений исследований, среди которых, особенно выделяются работы Мюрдаля, Пребиша и Барана.

Эти три "отца-основателя" персонифицируют критику теории модернизации 50-х годов XX в. (Мюрдаль был выходцем из Швеции, а Пребиш – из "развивающейся страны" Аргентины. Баран воспитывался в России и был в США в 50-е годы единственным профессором экономики, стоявшим на марксистских позициях). Соответственно, различались и предлагаемые рецепты: Мюрдаль призывал Запад взять на себя моральную ответственность (которая конкретно должна была выражаться в массированной благотворительной помощи), Пребиш требовал проведения политики индустриализации стран Латинской Америки при государственном контроле иностранной торговли, а Баран считал необходимым завоевание экономической независимости постколониальных стран революционным путем, за которым должна последовать перестройка всего общества. Все трое отвергали теорию модернизации как неадекватную, необоснованно оптимистическую и ориентированную исключительно на Запад в идеологическом отношении.

В 70-х годах, после двух десятилетий господства в области "науки о развитии" теории модернизации, ее на время сменила теория зависимости (dependency theory). В англосаксонской литературе наиболее значимой попыткой изложения этой теории оказалась работа А.Г.Франка, опубликованная в 1967 г. Вокруг этой книги разгорелась первая дискуссия, связанная с теорией зависимости. События 1968 г. во Вьетнаме, США, Латинской Америке, Франции, Китае и Чехословакии создали ситуацию политического кризиса и ожидания коренных перемен, создав фон для этой дискуссии. В книге Франка представлена картина неравного международного разделения рынков и труда, когда богатства латиноамериканской "периферии" "выкачиваются", что приводит к стагнации в этом регионе. Он отбрасывал прежние представления о (полу?)феодальном обществе или о регионе со множеством "очагов отсталости", которые медленно растворяются под воздействием капитализма и/или прогресса. Капиталистический мировой рынок уже несколько веков назад превратил это общество в часть мирового капиталистического хозяйства. Он также обусловил различие в динамике различных регионов земного шара, что приводит к неизбежному и постоянно усугубляющемуся упадку стран, где сосредоточен подавляющий блок бедности человечества.

На короткое время универсальным ключом к пониманию стала новая понятийная дихотомия "центр – окраина" (ранее основной была диада теории модернизации: "отсталое – современное"). За этим быстро последовала вульгаризация "теории зависимости". Нестрогое использование понятия "центра–окраины" привело к тому, что эта дихотомия быстро стала синонимом пары "богатые–бедные", добавив лишь некоторую критическую окраску. Таким образом вместо анализа сложной действительности получался лишь лингвистический экзерсис. Аналитики и чиновники Мирового банка стали активно использовать это понятие для того, чтобы совершенствовать и легитимизировать политику своих работодателей. Но даже подлинно критические и изощренные варианты теории зависимости обнаружили серьезные недостатки, которые постепенно были признаны также и их авторами. С теоретической точки зрения проблема заключалась в "холистических" "структуралистских" исходных положениях, которые рассматривались нами выше. Они часто были, если можно так выразиться, доведением до абсурда взглядов Барана и других более ранних теорий империализма. Мировой капитализм, и/или международный рынок, и/или транснациональные компании (или, в более общем плане, "законы накопления капитала") рассматривались как единственные значимые исторические факторы. Таким образом "окраины" оказываются просто марионетками внешних сил, "носителями" черт международной социальной матрицы. В политическом аспекте единственным выбором неизбежно становится выбор между фашизмом или социализмом. Однако факты, свидетельствующие о сложных процессах диверсификации в "развивающихся обществах" и о стремительной индустриализации в некоторых из них, поставили эти выводы под удар. То же касается проявлений политической борьбы и политических различий в Третьем мире. Тот факт, что Франк употреблял понятия "мирового рынка" и "капитализма" как синонимы, обострило дискуссию вокруг этой теории. Важно отметить, что результаты

реализации программ "замещения импорта", когда они принимались, не соответствовали теоретическим прогнозам структуралистов. За их принятием следовали новые типы проникновения и более безопасные пути извлечения сверхприбылей транснациональными корпорациями. В то же время "разрыв" никак не сокращался. Таким образом вполне реалистичным оставался основной образ мирового господства капиталистического "центра" с некоторыми изменениями и определяемая им статика и динамика мирового разделения.

В 1974 г. Е.Валлерстайн начал публикацию капитального труда, в котором предлагался глобальный анализ происхождения капиталистической экономики. Разделяя взгляды "теоретиков зависимости" по многим важнейшим вопросам, Валленштайн придал этому анализу новую историческую глубину. В своем историографическом анализе он сосредоточился на формах мирового разделения и международного контроля труда и возникающих в результате этого различных типах его использования. И, что важно для нашего вопроса, он экстраполировал соответствующим образом более ранние концептуальные модели и ввел категорию "промежуточного" общества между капиталистическим "центром" и "окраинами" (это общество характеризуется издольщиной в сельском хозяйстве и отраслями добывающей промышленности). В эту категорию он включил старые империи, переживающие период упадка, вовлеченные в процесс капиталистической периферизации. Царская Россия, которая запоздало вошла в мировую систему хозяйства, в рамках этой концепции относится к этой промежуточной категории стран.

В общем и целом дискуссия 70-х и 80-х годов XX в. не увенчалась решительным прорывом. Основной водораздел по-прежнему проходит между теми, кто считает, что "развивающиеся общества" представляют собой лишь отсталый вариант "классического" капитализма, не отличаясь от него по сути, и теми, кто считает, что они обладают иной социальной формой, путями развития и потенциалом и требуют соответственно разработки особых теоретических построений. Как ни противно такое состояние дел в теории любителям идеологических окончательных истин и однозначных решений, этот концептуальный "факт" невозможно перечеркнуть хитроумным логическим вывертом, административным решением или эмпирическим подсчетом. Ученый должен выбрать тот или иной подход, последовательно приложить его к конкретному материалу и проанализировать результаты. В нашем исследовании мы следуем взгляду, что "развивающиеся" или "периферийные" страны должны рассматриваться как особая категория форм социальной организации, и с этой точки зрения мы обратились к России конца XIX – начала XX в.

Для адекватного анализа современного мира взгляды основоположников теории "зависимости" нуждаются, конечно, в серьезной доработке. Для определения усовершенствованной версии этой теории мы будем пользоваться более поздним названием – теория "зависимого развития". Она строится на основных концептуальных элементах дискуссии дальнейших лет, типа замечания Суизи о возможности существования "различных капитализмов" и на отказе Гобсбаума принять как данность универсальный характер перехода от феодализма к капитализму.

Этот подход отвергает далее холистический анализ "систем", в котором принимается единственная динамика и логика "центра", управляющая всей системой, а также всеобщий экономический детерминизм. Он отвергает также эволюционистские решения, в рамках которых типы общества представляют собой сущностно различные этапы на неизбежном капиталистическом пути (на пути к социализму, если вы социалист). "Неравномерное" и смешанное развитие различных обществ в рамках этого подхода означает не только различные скорости, но и различные пути, каждый со своими особыми потенциалами и логикой. Кроме того, важнейшим открытием последнего поколения было осознание растущего размыкания между империализмом и колониализмом. В этом контексте кажется весьма уместной арабская пословица, гласящая, что люди больше похожи на своих соседей, чем на своих отцов. (Ибо с соседями они росли и живут в сходных условиях.) История колониализма в некоторых странах подтверждает эти обобщения. Важнейшие социальные характеристики бывших колониальных стран определяются в главном не колониальным прошлым, а международным настоящим.

Концептуальное содержание рассматриваемой категории основывается на представлении о некоем специфическом типе социальной структуры, социального воспроизводства и моделей социального преобразования. Само собой разумеется, что эта сложная картина должна рассматриваться не как реестр несвязанных элементов, а как чертеж основных узлов мотора. Продолжая нашу механическую метафору, это "система" различных и, возможно, противоречивых тенденций и динамики, связанных различными "степенями свободы" и возможностями замены ее элементов.

Понятие "зависимого развития" в современном употреблении указывает на вполне определенное место этих стран в международной капиталистической системе. В мировой иерархии институциализированных власти, капитала и науки "развивающиеся страны" находятся на "слабом" полюсе, причем, если предоставить их силам "свободного рынка", эта слабость имеет тенденцию накапливаться. Кроме того, это местонахождение "развивающихся стран" ставит их в положение подчинения и эксплуатации со стороны их сильных "партнеров".

Внутренняя экономическая ситуация стран зависимого развития характеризуется широкими "дезартикуляциями"[4] (в смысле, введенном в широкий оборот С.Амином). Их стратегические элементы действуют в рамках международных структур, контролируемых в основном транснациональными компаниями и международными договорами между правительствами государств-"центров". Анклавы современной технологии, ввозимой из-за рубежа и контролируемой иностранцами, соседствуют с архаическими методами производства и массовой недозанятостью. Главная граница экономической "дезартикуляции" проходит, как правило, между мелкокрестьянским в основном земледелием плюс "крестьянами-в-городе" плюс широко распространенными "неформальными" ("эксполярными") экономиками – и на другой стороне "современным" промышленным и финансовым бизнесом и анклавами тех, кто в нем и с ним. В центре политических и экономических властных структур находится государственный аппарат, который называли и

[4] От "articulation" – соединение, сочленение.

"гипертрофированным", и "сверхсильным", и/или государственно-капиталистическим. Все это – попытки описать и объяснить бюрократическую систему, которая монополизирует не только государственное управление и функцию подавления, но и прямое предоставление социальных привилегий, роль крупнейшего работодателя, непосредственный контроль над главными отраслями производства и/или экспортом, контроль над средствами массовой информации и т.д. Исключительно высокая степень эксплуатации в "развивающихся странах" часто соседствует с распространением репрессивных режимов, отсутствием консенсуса, а часто также с военными диктатурами и полуофициальными "эскадронами смерти" как повседневной системой управления.

Реальный контроль над промышленностью и финансами "развивающихся стран" находится в руках "тройственного союза" международного капитала, государственных "технократов" и местной буржуазии (иногда в союзе с крупными землевладельцами). В определенной степени государственный аппарат является посредником иностранного капитала, служа ему, но также пытаясь контролировать его. Чаще всего рабочий компромисс этих сил, при главенстве первых двух и прислуживании третьей (которая, однако, вовсе не лишена власти и влияния), определяет работу "зависимой" экономики. Это означает частые передвижения и конфронтации капиталов в поисках быстрой прибыли, в то время как государственные предприятия зачастую являются единственным эффективным инструментом долгосрочных капиталовложений. Это означает также, что систематическое недопущение плебейских масс к пользованию экономическими благами "зависимого развития" составляет часть процесса "экономического роста" и ведет соответственно к усугублению поляризации общества, неизбежной внутренней напряженности и социальным конфликтам. (Связанное с этим перемещение транснациональными компаниями трудоемкого производства в страны дешевой и контролируемой рабочей силы явилось определяющим фактором современного подъема промышленности в некоторых "развивающихся обществах".) Своеобразная классовая структура, этнические различия, политические черты и идеологические течения – все это порождается подобными условиями. Массы неквалифицированных рабочих, часто нищая "люмпен-буржуазия", совместно с большей частью местной буржуазии, практически лишены влияния на реальную политическую жизнь страны, несмотря на парламентские процедуры, которые обычно служат лишь средством создания внешней легитимности. В этом смысле риторическое выражение "народные массы" отражает реальность как антоним правящей элиты и может объяснить природу революционных взрывов и идеологий протеста, которые пересекают классовые границы таких обществ.

"Зависимое развитие" является процессом социального воспроизводства широчайшего и увеличивающегося неравенства в международном и в местном масштабе. Последовательное сохранение международного "разрыва" является выражением его фундаментальных "законов движения", в то время как многие другие местные "разрывы" и различия развиваются по тем же моделям. То же касается моделей подавления, типических моделей познания социальной действительности и идеологий ее изменения.

Россия на окраине Европы

Исторический анализ событий и времен не заканчивается со смертью современников, наоборот, ретроспективный взгляд позволяет дать новые оценки. После 1917 г. Россия для всего мира стала прежде всего страной, где начался особый социалистический эксперимент, как бы к нему ни относились. Российская революция не давала о себе забыть – каждый выпуск новостей нес новые драматические или гротескные напоминания. С одной стороны, это способствовало возникновению ряда телеологических интерпретаций российской истории (все, что произошло, должно было произойти), а с другой стороны – породило утверждения, что все это явилось результатом случайностей, путаницы и невезения. Ретроспективный взгляд позволял лучше понять революционные преобразования в России и попытки "строительства социализма" в других странах. Вопрос состоит в том, насколько недавние дискуссии о природе так называемых "развивающихся обществ" могут пролить свет на историю России/СССР/России. Социальные и экономические условия никогда не повторяются в точности, однако идентичность, конечно же, вовсе не является условием сравнительного анализа.

На рубеже веков Россия была "развивающимся обществом", возможно, первым в этой категории. Этот вывод не опровергает ни развития "классического" капитализма в России, ни уникальности ее истории. Несмотря на наличие и того, и другого, основные характеристики явления, которое через несколько поколений получит название "зависимого развития", все более проявлялись в России. Мы уже обратили внимание на характер международного положения России и на влияние иностранного капитала, что получало выражение в повышенном интересе к проблемам "типов развития", "отставания", "разрыва" и экономического "роста", а также накопления капитала, суверенитета и иностранного финансового присутствия. К тогдашним российским условиям применима концепция Эванса, утверждающая наличие "тройственного союза" капиталов, управляющих промышленностью в Бразилии 1970-х годов, – иностранного, государственного и местного, а также и параллельная тенденция со стороны руководителей государства отождествлять промышленность с прогрессом и вестернизацией. Налицо были стрессы экономических и социальных разбалансированностей и резких классовых различий. Крупнейшие предприятия, особенно шахты, часто входили в международные экономические структуры и имели лишь ограниченное отношение к той экономике, в рамках которой существовало большинство россиян. Значительная недозанятость в масштабе всей страны сопровождалась нехваткой квалифицированных и "надежных" рабочих кадров. Крупнейшие заводы европейской России, на которых большинство рабочих составляли полукрестьяне, существовали бок о бок и были связаны с ручными ремеслами и первобытными методами ведения сельского хозяйства. Развитие промышленности, урбанизация и повышение грамотности сопровождались углублением пропасти между социальными "верхами" и сельской и городской беднотой. Грубая и неприкрытая эксплуатация, огромная степень государственного контроля, репрессии в случае любого неповиновения – все это вызывало рост политического недовольства и сопротивления, выражавшийся как в скрытом возмущении низов, так и в протестах интеллигенции.

В России того времени возможности для быстрого экономического развития и преобразования, которые особенно проявились в периоды промышленных рывков между 1892 – 1899 гг. и 1909 – 1913 гг., были в целом лучше, чем в современных "развивающихся странах". Сильное и высокоцентрализованное российское государство было в состоянии мобилизовать значительные ресурсы и до определенной степени сдерживать иностранное политическое и экономическое давление. Повышение мировых цен на продукты питания, и в особенности на зерно, обеспечило в этот период активный платежный баланс и способствовало процессу национального капиталообразования. Существует точка зрения, в соответствии с которой сами размеры страны могут также являться преимуществом, способствующим быстрому экономическому развитию. Количество населения как потенциальный потребительский рынок, огромная территория России и ее природные богатства в соответствии с этой точкой зрения должны были способствовать экономическому росту. Азиатская часть России могла играть роль одновременно Британской Индии и американского Дикого Запада.

Однако было мало шансов, что эти благоприятные, т.е. способствующие подъему, экономические условия в России сохранятся надолго. Даже в 1913 г. 67% объема экспорта в стоимостном выражении составляло сельскохозяйственное сырье, а практически все остальное – полезные ископаемые. Однако после первой мировой войны условия внешней торговли для сырья и в особенности для пищевых продуктов стали ухудшаться. Основной фактор, обеспечивающий российский активный платежный баланс, и "двигатель" внутреннего рынка России подошел к точке, с которой начинался долговременный спад.

Второй источник "активного платежного баланса", капиталовложений и экономического развития был внешним (т.е. определялся политикой поощрения иностранных инвестиций и резкого увеличения внешнего долга правительства). Многие считали, что без притока иностранного капитала быстрое развитие российской промышленности будет вовсе невозможно. По существующим оценкам, иностранные вложения за период 1898 – 1913 гг. составили 4225 млн. рублей, из которых около 2000 млн. рублей составляли государственные займы. Влияние иностранного капитала росло. В частности, в то время как за период с 1881 по 1913 г. около 3000 млн. рублей были вывезены из России в качестве доходов с иностранного капитала, крупные средства были реинвестированы. К 1914 г. в России было 8000 млн. рублей иностранных инвестиций. Сюда входят две трети российских частных банков, принадлежавших иностранному капиталу, а также значительное количество шахт и крупных частных промышленных предприятий. Вот как одно поколение спустя Мирский обобщил фактические и потенциальные результаты этого процесса: "К 1914 г. Россия проделала значительный путь в сторону того, чтобы стать полуколониальным владением европейского капитала". Уже к 1916 г. военные расходы более чем удвоили внешний долг, и это было только начало. Кроме того, война значительно усугубила технологическую зависимость России от ее западных союзников. Если бы ей "не помешали" (мы снова используем слова Тимашева, говорящего об экстраполяции той же линии развития), Россия после первой мировой войны столкнулась бы с крупнейшим и разрастающимся

кризисом погашения внешнего долга и дальнейших займов, чтобы выплатить старые долги, дивиденды и оплатить иностранные патенты и импортные поставки. Подобный сценарий нам хорошо известен на примере современной Латинской Америки, Африки и Азии, будь то Бразилия, Нигерия или Индонезия.

К концу века среди образованных слоев России росло осознание назревающего кризиса. Споры, которые велись тогда, во многом напоминали дискуссии 50-х и 60-х годов XX в., проходившие в исследовательских центрах ООН. Однако то время, конечно, было другим. Для царской России вряд ли можно было говорить однозначно и о железном законе спада или же об очевидности продолжения экономического бума 1909 – 1913 гг, т.е., выражаясь языком нашего поколения, о варианте теории зависимого развития или о модернизации. Россия в своем социально-экономическом развитии пыталась угнаться за временем, и никто не мог сказать, каков будет финал этой гонки – и это не просто риторическая фраза или эклектический отказ "подставиться", дав четкий определенный ответ. Это подтверждается статистическими данными. Цифры свидетельствуют, что на всем протяжении рассматриваемого периода Россия ни догоняла, ни отставала все более от своих западных соперников. Между 1861 и 1913 гг. темпы роста национального дохода на душу населения в России приблизительно соответствовали средним европейским показателям и были в два раза медленнее, чем в Германии. Российские показатели роста национального дохода были выше, чем средние показатели неевропейских стран, однако значительно ниже, чем в США и в Японии. Ожидалось дальнейшее ухудшение шансов России в этой гонке, что придавало фактору времени особую важность. В подобной ситуации также имеет значение не только матрица причин, тенденций и объективных факторов, но и фактор сознания, т.е. активный поиск альтернатив властями, силы, на которые они могли рассчитывать, задачи, которые перед ними стояли, и то, каким образом эти задачи понимались и решались.

Для тех государственных деятелей, которые считали необходимой "модернизацию", а революцию полностью исключали, будущее представлялось как альтернатива между быстрым экономическим развитием по германскому образцу, с тем, чтобы войти в круг ведущих индустриальных обществ, и политическим и экономическим упадком до положения Китая, т.е. общества бедности и растущих внутренних противоречий, легкой добычи для сильных иностранных империалистов. Ex post factum, когда у нас перед глазами опыт последнего поколения, такое видение альтернатив представляется не вполне адекватным, однако реалистичным. В рамках этих понятий можно рассмотреть основные аспекты российской истории.

Чтобы правильно относиться к подобным сравнениям, важно отметить, что Россия вступила в новый век в то время, когда реальные капиталистические общества все меньше напоминали модель так называемого "классического капитализма" (т.е. обобщенную модель Англии 1780 – 1870 гг.). За исключением нескольких интеллектуальных звезд (чье мнение было подобно гласу вопиющего в пустыне), теория явно отставала от жизни. Понадобилось целое столетие, чтобы теоретики общественных наук осознали тот факт, что социальные черты британс-

кой "промышленной революции" больше не повторятся. Практическим политикам и экономистам понадобилось меньше времени, чтобы понять это.

Первый проблеск нового прагматического понимания этих вопросов появился в среде правящих элит Германии, Японии и России. К тому времени обозначилась третья промежуточная группа стран, помимо удачливых "призеров" (т.е. тех стран, которые воспользовались плодами раннего развития торгового, промышленного и колониального капитализма) и прочих (часто колонизированных) народов. Эта третья группа состояла из стран, которые достигли порога широкомасштабной индустриализации несколько позднее, чем "призеры", но чья экономика не была искажена недавним иностранным завоеванием и колониализмом – прямым или косвенным.

Этот список возглавляли США, которые, однако, и в этой группе стран стояли явно особняком благодаря особо благоприятным условиям. За исключением южных районов, где экономика основывалась на рабовладении и выращивании хлопка, в этой стране не было сильных и укорененных докапиталистических классов, институтов и традиций. Она была достаточно удалена от Европы, чтобы уберечься от политических противоречий и войн, и в то же время находилась достаточно близко, чтобы пользоваться ее рынками, рабочей силой и опытом. Своим "ростом" она во многом была обязана труду независимых мелких фермеров на "открытых границах" (т.е. на землях, населенных малочисленными народами, которые можно было победить, запереть в "резервациях" или истребить). Штатам также благоприятствовало ослабление британского, французского и немецкого контроля, проявившееся в схватке за мировое господство во время первой мировой войны.

Костяк третьей группы стран составляли Германия, Япония и Россия, причем Россия обычно стояла здесь на последнем месте по своим социоэкономическим и политическим показателям и достижениям. Несмотря на многие различия, касающиеся прошлого и настоящего этих стран, все они имели ярко выраженные сходства в правительственной политике и идеологии. Их политика и идеология определялись стремлением избежать "зависимости" (как бы мы это назвали сегодня) и "аккумуляции недостатков" путем мощного государственного вмешательства, направленного на обеспечение быстрой индустриализации. Это предполагает сильное, активное и диктаторское правительство, которое бы успешно противодействовало внешним нажимам и в то же время контролировало бы "внутренние политические проблемы", будь то социалистическая агитация, требования этнических "меньшинств" или даже реакционные выступления со стороны "правящего класса" землевладельцев. Цель была одна: прогресс, – "не мытьем, так катаньем", модернизируя армию, способствуя накоплению капитала, индустриализации, отодвигая сельское хозяйство большинства населения на вторые роли в экономике страны.

На протяжении трех десятилетий российское правительство упрямо следовало "германским путем". Бунге, Вышнеградский, Витте, Коковцев, сменявшие друг друга на посту министра финансов, проводили политику "направляемого" экономического развития и активного госу-

дарственного вмешательства, в рамках которого центральная роль отводилась всемерной поддержке национальной промышленности. Правительственная политика способствовала извлечению высоких доходов промышленниками, сохранению низкой заработной платы рабочих и выжиманию соков из крестьянской экономики путем поддержания разрыва цен промышленного и сельского производств ради накопления городского капитала.

Однако, несмотря на все усилия, наличие примера для подражания и амбиции, за Германией Россия угнаться не смогла. Вначале это проявилось в международных политических и финансовых конфликтах. Из ведущей мировой державы первой половины XIX в. Россия к концу века превратилась в государство второй категории. За поражением в Крымской войне 1854 – 1855 гг. последовало дипломатическое поражение от европейских государств на Берлинской конференции в 1878 г., военное поражение от Японии в 1904 г. и дипломатическое отступление под давлением Австро-Венгрии на Балканах в 1908 г. Все эти удары свидетельствовали о растущей слабости России на международной арене и ослабляли ее еще больше. В то же время жестокий экономический кризис, потрясший Россию на рубеже веков, показал, насколько неустойчивым был ее экономический рост. К внутренним проблемам России добавлялись еще социальные и этнические противоречия и революционный напор. Таким образом, в ситуации, когда нарастал политический и экономический кризис и ослаблялись позиции российского самодержавия на международной арене и внутри страны, политические проекты Витте превратить Россию во вторую Германию вряд ли были достаточно обоснованными.

С учетом вышесказаного становится яснее важность второй стороны дилеммы Витте – "Германия либо Китай". Китай того времени означал для современников угасание древнего величия, а главным образом являл собой типичный пример жертвы иностранных политических и экономических хищников, подпадая под все большую зависимость и эксплуатацию. Там действовали порочные круги обнищания масс, стремительного роста населения, превышающего наличные ресурсы, и роста "компрадорского" слоя экономических агентов западных компаний. Разделы Китая становились любимым времяпрепровождением имперских генералов и международных конференций. Чем менее походила Россия на Германию, тем образованному российскому слою того времени все реалистичнее казались сравнения с Китаем (т.е. типичной категорией стран, названных позже "развивающимися"). Россия была первой страной, в которой синдром подобных условий и проблем появился в ситуации многовековой политической независимости, успешного в прошлом соперничества с более "передовыми" западными соседями и наличия многочисленной интеллектуальной элиты, европейски образованной, обеспокоенной общественными вопросами и вовлеченной в радикальную политическую деятельность. Вот почему России суждено было стать *первой "развивающейся" страной, которая начала* ***осознавать*** *себя в качестве таковой.*

Как это часто случается, новая драма разыгрывалась в старых терминологических костюмах. Кроме того, новое понимание проявлялось в основном в политических стратегиях и решениях, а не в акаде-

мических трактатах. Несмотря на это, смысл этого нового понимания был ясен, а также осознавалась его новизна. Пока теория плелась где-то сзади, фактические правители России начали осознавать, что теория, основанная на "классическом капитализме", даже кое-как приспособленная к условиям России, не годится для того типа общества, которым была или становилась Россия.

Первая поправка к классической теории и соответствующей государственной политике капитализма была отрефлектирована Фридрихом Листом, воплощена Бисмарком и усвоена всей "средней группой" стран капиталистического развития. Лист подверг сомнению основополагающую посылку британской, т.е. классической, политической экономии, касающуюся взаимных выгод свободной торговли. Он полагал, что необходим переходный период "протекционизма", который обеспечит "взросление" германской промышленности, прежде чем она сможет "свободно" конкурировать с британской. Таким образом он защищал резкое государственное вмешательство в рынки и финансы. Многие российские экономисты-практики пошли по пути, предложенному Листом. Витте лично перевел книгу Листа и приказал своим чиновникам и помощникам изучить ее. Тем не менее, перенесенные на российскую почву, – говоря нашим языком, в "развивающуюся страну" – рецепты Листа не привели к тем же результатам, что в Германии. Кризис общества, как и осмысление его правительством, достигли своего апогея во время революции 1905 – 1907 гг., что отразилось в новом пакете стратегий общественной перестройки. Без него невозможно понять Россию тех дней, как и, наоборот, эта стратегия постигается только в свете опыта современных "развивающихся обществ".

Именно в России определилась "вторая поправка" к исходной теории "классического" капитализма, и она нашла теоретическое выражение и полигон для нового типа "революции сверху" в "столыпинских реформах". Революционная эпоха в России оказалась взаимосвязана с концептуальными революциями, принявшими как данное то, что в странах, где индустриализация проходила позднее, она не могла быть стихийной, как в Англии, что уже утверждал Лист. Однако его рецепт дополнили: протекционистское государственное вмешательство в обществе типа России могло сработать только через коренную перестройку социальной ткани. Необходима была "революция сверху", чтобы устранить препятствия, связанные с системой организации общества и государства, на пути развития капитализма. Таким образом столыпинский этап (вторая поправка к классической теории) должен был предшествовать листовскому этапу (первой поправке к классической теории), и лишь после осуществления обоих развитие страны типа России можно было направлять в русло классической теории Смита и Рикардо.

На этом эксперименты в российской истории не закончились. За столыпинской "революцией сверху" быстро последовала ее противоположность – в 1917 г. произошла первая "революция снизу", революция нового типа, опять-таки характерная для "развивающихся стран", которая была также замыслена и осуществлена с учетом уроков революционного опыта 1905 – 1907 гг.

Поэтому не случайно, что, в то время как многочисленные "западные" интеллектуальные моды приходят и уходят, аналитические

взгляды, выражающие российский опыт начала века, сохраняют удивительную стойкость, когда речь идет о вопросах "экономического роста" и о социальных группах в "развивающихся обществах", будь то крестьяне, "государственный аппарат" или интеллигенция, об элитах или революционных кадрах, об аграрной реформе, накоплении капитала или "скрытой безработице". Поэтому также слова Витте и Ленина, Столыпина и Сталина звучат и сегодня так, словно они обращены к нынешним политикам и борцам по разные стороны идеологических баррикад в "развивающихся странах" во всем мире. В значительной степени этими людьми и был представлен практически весь поныне существующий спектр альтернативных стратегий, теоретических и практических (разве что сюда стоило бы добавить Мао?).

Итак, специфические черты России как "развивающегося общества" обусловили значительное отличие ее социальной структуры от других "догоняющих" стран в процессе индустриализации (т.е. США, Германии и Японии) и принадлежность ее к иной категории общественного развития. Виднейшие западные историки России обычно придерживаются другой точки зрения. Для Гершенкрона, самого авторитетного американского специалиста по экономической истории России (через работы которого в Гарварде будущие элиты США и узнавали о спорах российских экономистов и реформаторов начала века), "в количественном отношении различия были огромны..." однако "...основные элементы отсталой экономики в целом в России были те же в девяностых годах [XIX в.], что и в Германии в тридцатых годах" [XIX в.])[5]. Позже работы фон Лауэ[6] развили однолинейную модель истории, отбрасывая не вполне логичные, но интеллектуально продуктивные искания Гершенкрона и утверждая вместо них обусловленность развития России сугубо внешними причинами. Для него Россия представляла "склон" горы, вершина которой была в Европе.

Несмотря на отличие цитируемых авторов, источников и используемой терминологии, в советской науке решались схожие вопросы и велись подобные дискуссии, которые строились в основном вокруг вопросов об иностранном капитале и его роли, о действительной степени экономического прогресса в предреволюционной России, о сохранившихся "феодальных пережитках" и т.д. В области аграрной истории эти споры разворачивались особенно полно, что объясняет ее важность в рамках общей дискуссии и в академических столкновениях прошлого, настоящего и, несомненно, будущего. Никто не попытался применить модель "развивающихся обществ", чтобы предложить альтернативу однолинейному объяснению, однако все, кто подчеркивал своеобразие социальных преобразований в российской деревне, "полуфеодализм" или "особенности эпохи империализма", в сущности, выражал ту же идею. Ленинское любимое ругательство "азиатчина" в применении к России никогда не было должным образом оценено по существу, однако многократно повторялось советскими учеными, чтобы подчеркнуть своеобразие российского капитализма, его "половинчатую" природу, т.е. не вполне ка-

[5] A.Gerschenkron. "Economic Backwardness in Historical Perspective".// B.Heselitz. The Progress of Underdeveloped Area. Chicago, 1953, PP.18, 27.

[6] T. Von Laue. "Imperial Russia at The Turn of Century".// R.Bendix. State and Society. Berkley, 1973, PP. 438, 422.

питалистическую и не вполне западноевропейскую. Фундаментальные различия и споры по существу часто скрывались за количественными определениями, т.е. для кого-то капитализм был очень "полу-", для кого-то менее "полу-" и совсем не "полу-" для тех, кого уже Маркс назвал "русскими поклонниками капиталистической системы" (т.е. российских последовательных эволюционистов).

Отголоски принципиального несогласия среди советских историков слышны были также в обсуждении вопроса об "империалистической стадии капитализма" в России.

Очевидно, что все эти общие проблемы не могут быть разрешены путем простого накопления фактов, архивных документов или цифр. Невозможно подвергать сомнению важность тщательного изучения фактического материала, однако нам представляется, что прояснению этих проблем мешают прежде всего недостатки концептуальных схем. Когда ученые начинают спотыкаться о слова или прятаться за ними, необходимо предпринять анализ этих слов и выявить их смысл. В нашей книге мы предложили понятие "зависимое развитие" в качестве важнейшей социальной характеристики России.

Россия как "периферия": общее, типическое и своеобразное

За вопросом "Является ли это общество капиталистическим, феодальным и т.д?" всегда должны следовать два добавочных вопроса: "Если да, то в каком смысле?" и "Что именно мы можем узнать, от каких элементов знаний нам придется отказаться, если мы будем пользоваться определенным понятием?". Альтернативные модели могут быть одинаково верными, и их параллельное употребление может углублять знание.

Охарактеризовав Россию как "развивающееся общество", мы должны прежде всего определить ее прочие характеристики. Начать можно было бы с разделения этих характеристик на общие, типические и особенные (своеобразные). Предельно обобщая, эти черты представляют собой в качестве общего – капитализм, в качестве типического – "развивающееся" (или периферийное) общество, в качестве особенного (своеобразного) – история российского государства, этническая история и некоторые характеристики российской деревни (т.е. большинства населения страны).

Из второй книги: Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг.

Уроки истории: отличники и тугодумы Границы политического воображения

Я синим пламенем пройду в душе народа.
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я: "Свобода!"
Но разный смысл для каждого придам.
Максимилиан Волошин (1905)

Моменты истины

Революция есть момент истины для тех, кто в ней участвует. Это не просто метафора ожесточенного противостояния политических противников, но и в буквальном смысле означает постижение собственных исходных позиций, представлений и идей через безжалостную призму опыта. Ставки высоки, уроки жестоки, и нет времени на неспешные размышления о своеобразии личности твоего шахматного противника и возможных вариантах ходов. Переиграть партию нельзя. Результат окончателен.

В ходе революции представления и действительность сталкиваются и формируют друг друга в фундаментальном процессе познания. Коренной разрыв преемственности времен срывает маски с того, что считается само собой разумеющимся: со "здравого смысла" и партийной риторики, давая жесткий и объективный политический урок, наиболее драматический из всех уроков. В какой степени уроки 1905–1907 гг. были восприняты и усвоены населением Российской империи, ее политическими деятелями, администраторами и лидерами? Учит ли история?

В самом общем смысле многочисленные афоризмы на тему "уроков истории" нельзя считать ни истинными, ни ложными. Истина состоит в том, что некоторым людям и группам людей удается "извлечь уроки из истории", а некоторым – нет. После поражения первой русской революции XX в. самым главным стал вопрос о том, насколько способны или не способны были разные стороны конфликта отрешиться от старых представлений и пересмотреть свои позиции, т.е. кто какие уроки извлек, кто их не извлек и почему.

Суммируя, надо сказать, что проверка в 1905 – 1907 гг. теорий и моделей революции, заимствованных из Европы XIX в. (которые в основном строились на опыте революции 1848 г. и на экстраполяции экономических процессов, возникших после нее в Западной и Центральной Европе), дала многие факты, которые не вписывались в структуры познания и самосознания, укоренившиеся в России в 90-х годах XIX в., особенно в среде социалистического и либерального политического инакомыслия. Давайте перечислим самые важные из этих "фактов".

Крестьянство выступило в качестве основной революционной силы и продемонстрировало значительное единство политических целей, хотя очевидно, насколько трудно это было, учитывая огромные пространства страны и репрессивный режим. Не оправдались ожидания социал-демократов относительно радикализма или особых социалистических наклонностей со стороны сельских наемных рабочих (за исключением, может быть, Латвии). На национальных окраинах, включая районы, которые никак уж нельзя назвать "развитыми" с точки зрения индустриализации, урбанизации или пролетаризации, например в Грузии, накал революционной борьбы оказался выше, чем в центре. К тому же, политическую оппозицию там, в "докапиталистических" регионах, обычно возглавляли и направляли местные марксисты. (Самый яркий пример – Гурия. В этой горной пограничной области, населенной крестьянами, социал-демократические "ортодоксальные" марксисты дольше всего удерживали контроль над территорией, опираясь на массовую поддержку и консенсус крестьянских интересов, – подобная ситуация потом почти в точности повторилась в китайском Шэньси 30-х, вьет-

намском Вьетбак 40-х и в индусском Наксалбири 60-х XX в.) Противоречия внутри властной элиты и государственного аппарата России трудно было приписать просто различиям в классовых интересах, и тем не менее они явились одним из основных факторов, определявших ход революции. Способность вооруженных граждан противостоять войскам в ходе уличных боев и на баррикадах играла весьма незначительную роль, поскольку дисциплина правительственных войск была неколебимой. Но массированное политическое давление было очень эффективным, особенно когда власти не могли или колебались применить военную силу в полном объеме, в то время как революционный лагерь выступал единым фронтом. Новый характер и невиданный ранее масштаб политической мобилизации продемонстрировали важность неожиданного "взрыва легальности" – ослабления беспредела власти, разрешения открытого выражения взглядов массам населения, которое до этого было лишено возможности высказываться. Также стала очевидной исключительная важность альтернативных центров авторитетной власти и организаций, образованных де-факто. Это был главный результат всеобщей стачки и деятельности ее комитетов, политических партий, профсоюзов, Советов рабочих депутатов и "Союза Союзов", Всероссийского крестьянского союза и крестьянских "республик".

Обратимся теперь к анализу действовавших тогда социальных сил, если мы их определяем в общепринятых самими участниками классовых категориях. К 1906 г. помещичий класс превратился в мощную консервативную силу. Промышленные и транспортные рабочие в целом также подтвердили ожидания марксистов и наиболее проницательных жандармов в том, что касается их революционного потенциала. Но буржуазия (в классическом смысле владельцев капиталистических предприятий) в очень малой степени заявила претензии на власть, – напротив, "профессиональный" слой эти претензии очень ясно продемонстрировал, выражая свои конституционные и либеральные требования (большинство теоретиков социалистического крыла стали считать его после этого суррогатом буржуазии). Идеологическая конфронтация в недрах оппозиции между революционной и реформистской тенденциями внутри интеллигенции стала на время определяющим аспектом революционной борьбы, формирующим политические движения и различия. Студенты сыграли исключительно важную роль, и их воинственность часто объединяла рабочих с "образованными классами" в едином политическом действии. Однако основную массу тех, кто сражался на улицах городов и потом поплатился за это в тюрьмах и на каторге, составляли молодые рабочие тяжелой промышленности и транспорта, а также – особенно на западе и юге страны – рабочие небольших мастерских и торговых предприятий (включая приказчиков).

Что касается монархических сил, защитная реакция правого популизма из лагеря лоялистов, выразившаяся в погромах и оформленная в "Союзе русского народа", оказалась – по крайней мере для левого крыла и либералов – неожиданно сильной. Так же неожиданно сильным оказался контроль самодержавия над армией, несмотря на значительное число локальных военных мятежей. В целом одетые в солдатскую форму крестьянские рекруты вели себя весьма отлично от своих братьев в деревне. В некоторых полках солдаты, моряки и унтер-офицеры впервые поднялись против офицерства как "класс против класса", однако

очень быстро, в считанные часы, от силы дни, они были приведены в повиновение. Более понятными были верноподданнические настроения большинства государственных чиновников и офицерства. Также не может вызывать особого удивления тот факт, что и в этой категории оказались отдельные перебежчики на сторону оппозиции. Что касается международной реакции, то никто из союзников российского самодержавия не счел возможным послать войска, чтобы помочь Романовым. Но именно финансовый капитал республиканской Франции в 1906 г. помог восстановить российское государство и его машину подавления, предоставив крупный заем. Общественное мнение во Франции поддерживало российских конституционалистов и/или революционеров, однако призыв российских либералов к либералам во Франции не допускать финансовой поддержки царю был проигнорирован.

Реакции на этот впечатляющий список "неожиданностей" были различными. Это мог быть отказ принимать очевидные факты либо ссылки на их преходящий, случайный или внесоциальный характер (например, голод, административные ошибки, революционная пропаганда из-за границы или пагубное влияние всех инородцев, которые пользовались поражением в войне, чтобы воздействовать на структуру подлинно русского, монархического общества). В другом случае новизна и противоречивый характер реальных фактов побуждали частично пересмотреть и исправить те элементы анализа, которым противоречили некоторые особенно вопиющие факты, не ставя, однако, под сомнение фундаментальные теоретические объяснения прошлого. Именно этот подход отражен в нарисованной Каутским картине внутренне противоречивой революции, "которая по своей природе должна и может быть только буржуазной, однако происходит в период, когда в остальной Европе возможна только социалистическая революция".

Третий возможный вариант состоял в том, чтобы считать отклонения от ожидаемого не исключениями и поправками, а признаком того, что социальная реальность последовательно и систематически отличалась от используемых концептуальных моделей. В нашем случае это означало признание особой природы того, что впоследствии получило название "развивающихся обществ" как типа структуры общества, и того факта, что Россия явилась носителем его основных черт, которые впервые проявились в полном масштабе во время революции 1905 – 1907 гг. Крестьянский радикализм, радикальный национализм, сила и независимость государственного аппарата, значительность государственной экономики, важность альтернативных источников власти и широкомасштабность общественной мобилизации, политическая слабость буржуазии, особо важная роль интеллигенции, армии и революционных движений, условия специфического международного положения страны – все это можно более реалистично рассмотреть и исследовать заново, если исходить из новых теоретических посылок. Этот подход позволяет также поместить несомненный революционный потенциал и тенденции, продемонстрированные российским промышленным рабочим классом начала XX века, в определенный исторический контекст, создаваемый данным этапом развития и данными социальными условиями, а не рассматривать их как абсолют, что стало одной из серьезнейших ошибок тактики Третьего Интернационала в 20-х и 30-х годах, приведшей к ужасным результатам во многих странах, например в Гер-

мании 1920 – 1930-х гг. Этот подход позволяет подчеркнуть особую важность в аналитическом плане мировой системы, структурного неравенства и неравномерного развития в рамках этой системы для определения природы и способов разрешения революционных ситуаций. Следует думать, что это также наиболее эффективный способ постичь новые реалии первой русской революции. Чтобы понять Россию на рубеже веков, лучше всего рассматривать ее не как исключение и не как очередной случай общей схемы развития по типу западноевропейского – отставший вагон, катящийся по наезженной колее. Россия сразу смотрится гораздо менее исключительной, если сравнивать ее не только с Западной Европой, но и с Азией, однако ленинское любимое ругательство "азиатчина" в отношении России является опять же только частью истины и слишком узко. В конце XIX в. Российская империя проявляла черты особого, так называемого "развивающегося общества", не признавая себя таковым.

Такой радикальный пересмотр концепции не воспринимается и сегодня. Это происходит во многом, без сомнения, из-за власти теории модернизации на Западе и сочетания ее с российским эволюционизмом и национализмом, однако все большее число интерпретаций в последнее время двигаются в направлении этого взгляда или начинают принимать его, часто скрываясь за иными терминами. Естественно, что все это было еще более неясно современникам революции. Это одинаково касалось и "правого", и "левого" крыла. Последнее замечание не означает неуважения к тому поколению мыслителей. Невероятно трудно осуществлять радикальный пересмотр теоретических моделей и концепций наперекор господствующей научной традиции и сложившимся стереотипам. Даже частично новый анализ, сокративший разрыв между неожиданностями действительности и ее теоретическим обоснованием, дал огромное политическое преимущество понимания тем, кто был способен его принять, особенно к тому времени, когда разразился новый политический кризис. В стране слепых одноглазый становится королем.

Коллективная память, ярость низов, историческое будущее

Извлечение политических уроков из истории не есть логическая абстракция или установление научно объективированной, окончательной и абсолютной истины. Оно всегда пристрастно и состоит из провозглашаемых выводов и молчаливых постижений, из неслучайных интуиций и эмоционально окрашенного выбора. Структурно обусловленное непонимание – "идолы человеческого мышления" Фрэнсиса Бэкона или "фетишизмы" Карла Маркса – также из этого ряда. Характер "извлечения уроков" зависит от уровня близости к центрам политической власти, действия, информации и мысли. В частности, вряд ли можно говорить об извлечении уроков широкими социальными категориями или группами – т.е. поколениями, полами, этносами и общественными классами – кроме как в таких же обобщающих терминах, в немалой степени спекулятивных и условных. С другой стороны, нет сомнений, что драма первой русской революции оказала мощное воздействие на коллективное сознание российского общества и на каждую из его основных составных частей, а не только на верхушку, ядро и авансцену политических актеров. Это особенно важно, потому что, когда в 1917 г. –

всего лишь одно десятилетие спустя – началась следующая революция, воспоминания о первой революции все еще были свежи в памяти большинства взрослого населения России и самым непосредственным образом повлияли на его поведение.

Очевидно, что бурные эпохи оставляют в памяти людей более яркий и глубокий след, чем мирные, спокойные. Драматический исторический опыт прочно откладывается в памяти, порождает модели и представления, особые когнитивные связи, некий Zietgeist, непосредственно объединяющий всех его участников в политическое поколение. Ядро такого политического поколения, как правило, складывается из той возрастной группы людей, которые сформировались в своих политических представлениях в ходе революционного процесса. Эта возрастная группа часто представляет только половинный или еще более короткий срок "среднего" поколения – скажем, десятилетие. Именно это явление отражено в русском названии "шестидесятники" – люди 60-х годов XIX в., т.е. те, которые пришли к политической зрелости и активности (часто через университет или литературу) в период 1860 – 1869 гг. В особенно бурное, насыщенное политическими событиями время эти возрастные ступеньки сокращаются до нескольких лет. Так, "восьмидесятниками" называли в России тех, кто определился во время деятельности "Народной воли", особенно в период пика ее борьбы с самодержавием в 1879 – 1883 гг. Подобным образом в США и в Великобритании используется термин "sixty-eighters" по отношению к тем, кто был студентом или близким к ним во время событий 1968 – 1969 гг. В этом смысле для поколения, пережившего революцию 1905 – 1907 гг., ее опыт нашел свое особое выражение в социальных образах России, в видении альтернатив ее будущего и ее потенциальных революций или реакций.

Политическая мысль в России последовательно использовала категории этнических групп и социальных классов (или сословий) в качестве базовых единиц социальной классификации, самосознания и анализа. Эти характеристики фигурировали и в законодательстве, и в паспортах, и в правительственных проектах, и в требованиях оппозиции. Прежде чем заняться оценкой важности этих категорий для нашей темы, попробуем рассмотреть некоторые альтернативные принципы разграничения.

Выше уже упоминался возрастной признак. Крупное исследование "крестьянских волнений" 1905 – 1907 гг. выявило ряд случаев, когда в деревнях старики и женщины выступали совместно против, а временами и предотвращали погромы помещичьих усадеб. Параллельно отмечалась особая воинственность молодых мужчин в деревнях. В книге "Россия как развивающееся общество" мы показали, что различия в менталитете и поведении возрастных групп определялись социальными характеристиками семейного хозяйства и деревенской жизни. "Старики", которые были способны определять коллективные действия села, были, без сомнения, не просто "пожилыми" деревенскими бедняками или бобылями, но главами дворов (большаками), а "молодежь" в основном была холостой и находилась в зависимости у глав дворов, к которым принадлежала. Однако эти различия в поведении и реакциях не полностью определяются принадлежностью к той или иной социально-экономической категории или степенью обладания реальной властью, потому что зави-

симость политического сознания от факта принадлежности к возрастному контингенту имела также свою собственную логику. Те, кому было шестьдесят, когда началась первая русская революция, выросли при крепостном праве и были свидетелями долгого и неколебимого правления Николая I, освободительной реформы Александра II и контрреформ Александра III. Для этого поколения воля царя была непререкаемой, от нее зависели и преемственность, и любые коренные изменения. Молодое поколение знало обо всем этом только понаслышке. У них на глазах совершались все многочисленные социальные перемены девяностых, они были более грамотными, были больше связаны с городами и более подвержены влиянию политических диспутов и пропаганды, особенно со стороны сельских учителей и земских деятелей. Многие из тех, кому было от пятнадцати до двадцати пяти в 1905 г. и стало соответственно от двадцати восьми до тридцати восьми в 1918 г. – к этому времени уже успели отслужить в армии, а большинство стали главами дворов, т.е. вошли в ядро общинного схода. Основными уроками, которые они вынесли из опыта революции 1905 – 1907 гг., была враждебность царизма к их основным требованиям, жестокость армии и "властей", а также их собственная отчужденность от "своих" помещиков и городских "средних классов".

Мы сравнительно мало знаем о "поколении" рабочих 1905 – 1907 гг., но важно отметить, что, когда поднялась следующая волна политической борьбы в 1912 – 1914 гг., обозначился раскол между старыми профсоюзными активистами, поддерживавшими в главном меньшевиков, и "молодежью", которая во время первой революции была детьми и подростками (причем это часто были сельские мигранты, только что из деревни). Молодые мужчины в большинстве своем поддерживали большевиков и эсеров. Именно благодаря их поддержке большевики смогли установить свое особенно сильное присутствие на петербургских заводах и фабриках в период 1912 – 1917 гг., что стало решающим фактором в событиях рокового семнадцатого года. Можно по-разному гадать о причинах этого влияния, однако важно отметить, что опыт поражения и разочарований 1905 г., массовая безработица 1906 – 1910 гг. и зрелище неудачных попыток социалистов удержать свое организационное влияние в период "спада" мало значили для этой группы. Они теперь жаждали бросить открытый вызов политике "малых дел" и связанным с ней настроениям, которые революционеры обзывали "ликвидаторством". Их увлекали мечты о революции и не тяготили раздумья и опыт, связанные с ее поражением в 1905 – 1907 гг.

Определенные воздействия революции 1905 – 1907 гг. на возрастные группы могут быть более четкими и индивидуализированными. Как показывают сравнительные исследования, возраст и идейные позиции варьировались здесь в ясной связи друг с другом. Лидеры кадетов в период 1905 – 1907 гг. в основном были несоциалистическими и нереволюционными "восьмидесятниками", которые, находясь в оппозиции к политическому режиму, отмежевывались также и от "Народной воли". Они сформировались в период контрреформ Александра III и под воздействием борьбы за сохранение автономии общественных институтов (земства, университеты, профессиональные союзы, суд присяжных и т.д.) от государства. Лидеры социал-демократов в основном вышли из поколения 90-х годов – это было время промышленного бума, который

последовал за голодом 1891 г. Небольшая выборка среди руководства партии эсеров, приведенная Эммонсом в его исследовании[7], показывает наличие там двух поколений: уцелевшие семидесятники, которые "ходили в народ" (и вернулись из ссылок), и гораздо более молодые силы, которые влились в движение уже в начале XX в. Что касается интеллигенции в целом, особенно тех, кому не было еще двадцати в 1905 г. и соответственно двадцать-тридцать с небольшим в семнадцатом году, влияние политических идей и лидеров на них также часто коренилось в коллективных воспоминаниях о первой революции, реальных или мифологизированных. Говоря словами Пастернака (который родился в 1890 г. и был соответственно примерно на двадцать лет моложе Гершуни, Струве, Ленина, Мартова и Жордании):

Этот мрак под ружьем
Погружен
В полусон
Забастовкой.
Эта ночь –
Наше детство
И молодость учителей.

Революция 1905 – 1907 гг. усилила политические выражения этнических различий внутри Российской империи. Старое недовольство и новые обиды разгорались по мере того, как угасали надежды на полюбовные договоренности или компромиссные решения. Это обострение отношений выразилось, во-первых, в противоречиях между русским и нерусским населением империи. На западной и южной "окраинах" воспоминания о национальных восстаниях и об их кровавых подавлениях российской армией и государством усиливали стремление к автономии или независимости. Репрессии, достаточно резкие по отношению к русским "бунтовщикам" в 1905 – 1907 гг., были еще жестче в отношении нерусских подданных. Испуганное мятежами, правительство пошло кое-где на попятный. Однако, восстановив свои позиции, оно бесцеремонно аннулировало многие уравнительные реформы или даже более ужесточило свою политику, направленную против нерусского населения. Национальные меньшинства жили в постоянном страхе произвольного ущемления их прав. Единственными способами защиты казались завоевание национальной независимости и возможность отгородиться от бюрократических и солдафонских "громил" государственной границей. Для тех "меньшинств", которые казались слишком малочисленны, как латыши, или были слишком разбросаны по всей стране, как евреи, или же слишком опасались иных соседей, как грузины, основным требованием тогда стали автономия и равенство перед законом. Эти требования сочетались с особой взаимной симпатией или терпимостью националистов окраин и самых радикальных политических организаций России из-за сближавшей их непримиримой антисамодержавной, антишовинистической и "пораженческой" позиции в войне.

---

[7] T. Emmons. The Formation of political porties and the first nationol elections in Russio. Combridge, 1983. PP. 62–72.

Что касается общественного мнения российских верноподданных монархистов, широкое участие нерусских в революции усилило все их ксенофобные страхи и предубеждения относительно нелояльности национальных меньшинств. Анализ Сухотина является хорошим примером подобных взглядов. Народные же их выражения были куда более грубыми и резкими. Единую и неделимую Россию надо было удерживать силой, борясь с природной склонностью к предательству у евреев, поляков, армян, финнов, сартов (коренное население Средней Азии) и т.д. Даже старые славянофильские мечты XIX в. о славянском союзе против всего остального мира были теперь отброшены горластым шовинистическим лагерем в России, чьи связи с правительством и с царским двором были открыты и очевидны. Для шовинистов, чтобы обеспечить будущее государства, Россию необходимо было русифицировать. Единственными вопросами были вопросы времени и способов искоренения всех "чуждых" культур.

Еще одним уроком революции в плане национального вопроса стала конфронтация между различными националистическими движениями нерусских народностей, а также между националистами и социалистами "национальных окраин". Во время революции различия в целях и взглядах из предмета дискуссий превратились в насущную политическую проблему, на повестке дня стал вопрос действительного контроля над территориями, ресурсами и людьми. Соответственно возрос и накал борьбы. Это особенно заметно на примере польских провинций России. Пока конфликт еще не достиг максимального напряжения и различные антицаристские силы сотрудничали или по крайней мере игнорировали друг друга. Но ситуация изменилась, когда началась революция 1905 – 1907 гг. Национальные демократы в тесном союзе с католической церковью и некоторыми промышленниками повели беспощадную борьбу, выражавшуюся в политической конфронтации и физическом противоборстве с чужаками (в особенности еврейским Бундом) и с непатриотичными и безбожными польскими социалистами из СДПК и ППС-левицы. То же самое касается балтийских губерний, Кавказа, Украины, поволжских губерний и т.д.

Два других "национальных" урока, вызванных событиями первой русской революции, менее очевидны, однако столь же важны в конечном итоге. В общественном сознании России отпечатались определенные взаимозависимости этнической принадлежности, классовой принадлежности и отношения к революции или по крайней мере их основные стереотипы: евреи – интеллигенция – социалисты, поляки – мелкое дворянство – националисты, латыши – сельскохозяйственные рабочие – социал-демократы и т.д. Конечно, было достаточно исключений из этих национально-классовых моделей поведения. Так, еврейские ремесленники принимали столь же активное участие в революции, как и еврейские студенты; среди поляков было много промышленных рабочих с сильными марксистскими убеждениями и т.д. Все равно укоренившаяся убежденность в существовании определенных взаимозависимостей в будущем оказала влияние на поведение и взгляды как "меньшинств", так и верноподданных чиновников и офицеров.

Наконец, вожди и участники "всероссийских" революционных движений России также извлекли определенные политические уроки из тактического опыта борьбы. Большинство ортодоксальных марксистов и

радикальных народников РСДРП и партии эсеров не сомневались, что у пролетариев различной этнической принадлежности в России общие интересы. Поэтому казалось естественным создавать всероссийские партии, включающие всех собратьев по интересам и по идее. Однако, несмотря на серьезные усилия и длительные переговоры во время революции 1905 – 1907 гг., это произошло лишь частично.

Формально латышские и польские социал-демократы, а также еврейский Бунд вошли в РСДРП, однако фактически все они сохранили свои собственные организации. Грузинские социал-демократы, в основном меньшевики, не утратили идейного своеобразия, так и не приняв полностью взгляды руководства всероссийской организации, даже во фракции меньшевиков. Украинские эсеры действовали независимо от партии социалистов-революционеров. И так далее. Кроме того, все группировки имели сильную региональную и этническую окраску. Например, в рабочей среде большевики пользовались особенным влиянием у русских на Урале и в Санкт-Петербурге, меньшевики – у грузин, евреев и украинцев на юге. В партии социалистов-революционеров состояли в основном русские, особенным влиянием она пользовалась в Поволжье, однако также имела сильный еврейский компонент, особенно в западных губерниях. Дальновидные вожди, конечно же, учитывали такие политические факты жизни в своих расчетах. Это, в свою очередь, усиливало дальше существующую этническую окраску организационных форм, самоотбора и взаимоподдержки кадров политических активистов.

Выражение "народ" часто употребляли в России как синоним крестьянства. Он почти совпадал с историческим российским правовым понятием "тягловых классов" (в отличие от "служилых") либо просто означал тех, кто постоянно занимался физическим трудом. И в том, и в другом случае крестьяне составляли подавляющее большинство этой категории. Те, кто пользовался этим термином, обычно предполагали коренное различие между привилегированными обитателями России и ее плебейскими массами – человеческой массой производителей, солдат, слуг и т.д. Инородцы, особенно неславяне, просто исключались из такой категоризации.

Различия между российскими рабочими и крестьянами в их целях, политических позициях, вождях и союзниках в 1905 – 1907 гг. уже затрагивались. Эти различия были значительными, однако из-за них основополагающие связи и сходства между рабочими и крестьянами не исчезали. Большинство российских рабочих были крестьянами по происхождению и по сословию. Огромная часть их была рабочими в первом поколении. В 1905 г. не менее половины наемных рабочих-мужчин имели землю и часто возвращались в деревню, чтобы помогать убирать урожай или просто навестить семьи, которые продолжали жить там. Большая часть вела холостяцкую жизнь в бараках в городе и либо имела жен и детей в деревне, либо собиралась, женившись, туда вернуться и снова там обосноваться, т.е. "окрестьяниться". С другой стороны, шел постоянный поток молодых крестьян в город, особенно во время экономических подъемов. По своему языку, образу жизни и внешности промышленный рабочий отличался от других городских групп больше, чем от своих деревенских родственников. Именно это делало плебейские

низы социальной реальностью в России: не столько сходство между рабочими и крестьянами, сколько глубина общего отличия от среднего и высшего классов, как бы они ни определялись.

В процессе революции 1905 – 1907 гг. эти сходства и различия обозначились четче. Отношение рабочих к городским средним классам стало более враждебным, вера крестьян в царское правительство была подорвана. Прячась в свои "раковины" под натиском наступающей реакции, крестьяне и рабочие встречали там в основном друг друга. "Психологическая дистанция", которая отделяла рабочих Петербурга от образованного привилегированного общества, касалась также и крестьян. С другой стороны, вековое крестьянское недоверие ко всем чужакам вполне разделялось и рабочими в 1906 – 1907 гг. и после. В 1914 г., прямо перед войной, крупная столичная газета Петербурга писала о том, что армейские и полицейские отряды с примкнутыми штыками патрулировали пустынные городские улицы с покосившимися фонарями, вырванными телеграфными столбами, бастующими фабриками промышленного Петербурга, где кипел "страшный гнев", и в то же время в центре города текла культурная, сытая, роскошная жизнь. Рабочие знали об этом так же хорошо. Очевидно, что в российских деревнях и городах не только земля, зарплата и нищета были насущными вопросами, но и резкое деление общества на "мы" и "они". "Они" – это были государство и дворянство, помещичьи усадьбы и богатые кварталы городов, мундиры, шубы, очки в золотой оправе и даже правильная литературная речь.

Англичане говорят: чтобы узнать вкус пудинга, его надо съесть. Особый "пудинг" сокровенных чувств плебейской России был подан и сервирован в революцию и гражданскую войну 1917 – 1921 гг. Много споров велось по поводу того, почему же "белое дело" потерпело поражение от красных, у которых, по крайней мере в самом начале, не было ни опыта управления, ни регулярной армии, ни иностранной поддержки, ни нужного вооружения, ни международного признания. Вожди старой России, социалистические конкуренты большевиков, а также иностранные специалисты были уверены, что красные не продержатся дольше нескольких недель. Их победу объясняют самыми разными причинами – начиная от глупости их врагов и фантастической организации ленинской партии до географии (центральное положение Москвы и размеры страны) и неправильной военной тактики белых генералов. Все эти, пусть верные, соображения не учитывают того факта, что гражданская война велась не между членами партии большевиков и офицерами-монархистами, а между армиями, в которых обе эти группы составляли меньшинство. В условиях гражданской войны лояльность этих армий не могла приниматься как сама собой разумеющаяся, и как раз она становилась одним из решающих факторов, определяющих исход борьбы. Также важна была способность мобилизовывать ресурсы, необходимые для военных действий: еду и фураж, лошадей и упряжки, боеприпасы, обмундирование и даже лапти, которые приходилось носить частям красной пехоты во время гражданской войны. В основном мобилизация людских и материальных ресурсов проводилась на насильственной основе, однако вопрос всегда состоял в том, сколько может быть получено без прямого насилия, как много усилий потребу-

ется затратить, чтобы получить остальное, и сколько в результате окажется в распоряжении командования армии.

Несмотря на жесткие методы и суровые наказания, белые не сумели мобилизовать достаточное количество солдат. Несмотря на частые мятежи и массовое дезертирство, красным все же удавалось набирать достаточное количество рекрутов, чтобы обеспечить победу. В решающие дни это соотношение оказалось 1:5 , т.е. один "белый" солдат против пяти "красных". По многочисленным свидетельствам, белогвардейские полки действовали в основном как завоеватели в контролируемых ими районах. По мере их продвижения по Украине, югу России и Сибири у них в тылу вспыхивали и разрастались восстания. Военный историк Белой армии назвал их "волной восставших низов". Анархисты, "зеленые" банды взбунтовавшихся крестьян и т.д. воевали в основном с белыми, а не с красными в решающий период 1918 – 1919 гг. Причину этого хорошо раскрыл в своих мемуарах генерал А.Деникин, описавший также свой собственный опыт проезда инкогнито по революционной России: "Теперь я был просто "буржуй", которого толкали и ругали – иногда злобно, иногда так – походя, но на которого, по счастью, не обращали никакого внимания. Теперь я увидел яснее подлинную жизнь и ужаснулся.

Прежде всего разлитая повсюду безбрежная ненависть – и к людям, и к идеям. Ко всему, что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже неодушевленным предметам – признакам некоторой культуры, чужой или недоступной толпе".

Он упустил заметить, что в гражданской войне эта ненависть и чувство отчуждения были взаимными. Пленники исторической логики этой войны, Деникин и его коллеги не могли, несмотря на все это, поменять социальную стратегию своей армии, что определило исход их борьбы. Почти так же не способны были они вычленить важное звено исторической причинности, которое было менее общим, чем "вековая ненависть", но и менее конкретным, чем "горечь войны", т.е. увидеть уроки классовой борьбы, данные революцией 1905 – 1907 гг., и последовавшие за ней политические перегруппировки. Кроме того, в свете гражданской войны ответ на вопрос о реальном существовании этого межклассового единства "низов" представляется ясным. Именно недоверие и ненависть большинства низов к буржуям и эполетам заставила их в 1918 – 1919 гг. принять советский режим, хотя и без энтузиазма. В конечном счете именно это определило исход гражданской войны.

Можно документально подтвердить эту сторону российской политической истории, перечислив самые "твердокаменные" части красных. Решительные, беззаветно преданные и безжалостные отряды, даже когда они малочисленны, играют решающую роль в дни революции. Их состав в России 1917 г. как бы воскрешает список групп, социальных и этнических, которые особенно пострадали от карательных экспедиций, ссылок и казней революции 1905 – 1907 гг. Кронштадтские моряки и рабочие Невской Заставы сыграли решающую роль в битвах в Санкт-Петербурге (и в 1917 и в 1919 г.). Прославилась суровая верность латышских стрелков, которые охраняли Совнарком в Москве в 1918 г. и подавили там левоэсеровский мятеж. Их командир, Вацетис, сын латышского крестьянина, благодаря силе воли и природным способностям

поднявшийся до Академии Генерального штаба, стал первым верховным главнокомандующим Красной Армии. Поляки, евреи, латыши были широко представлены в ЧК – достаточно посмотреть на фамилии руководства: Дзержинский, Менжинский, Урицкий, Уншлихт, Петерс и Лацис. В самые острые моменты гражданской войны на стороне Красной Армии воевали русские железнодорожники Иркутска и Ташкента, еврейские парни из Минска и Одессы, финны из Выборга, промышленные рабочие Ростова, Харькова, Луганска и Иваново-Вознесенска. Единственную значительную поправку к перечню 1905 – 1907 гг. дали только что созданные национальные государства: в Польше, Грузии и части Украины национальное сознание часто оказывалось сильнее воспоминаний о революционном прошлом 1905 – 1907 гг.

Что касается преобладающего крестьянского населения России, то в ряды революции оно влилось в основном через службу в Красной Армии. Весь процесс мобилизации был окрашен постоянными шатаниями и изменениями предпочтений и настроения в деревнях. Когда в 1918 – 1919 гг. крестьяне юга и центра России, которых "усмиряли" в 1905 – 1907 гг., должны были выбрать, к какой стороне им примкнуть, они обычно предпочитали местные отряды "зеленых", которые формировались из их собственной среды. Когда нельзя было уйти туда или когда страх перед будущим заставлял заново оценивать государственную власть и организацию, они скорее склонялись на сторону красных, чем белых офицеров или казаков. То же самое касается особо важных крестьянских формирований "третьего пути" типа войск Махно. В 1918 и 1919 гг. и для красных, и для белых самым важным было осуществить мобилизацию, исключить дезертирство и заставить новобранцев воевать, а не разбегаться при первом же бое. К 1920 г. социально-военная карта гражданской войны поменялась. Красная Армия к этому времени стала массовой и профессиональной. В ней сформировалась прослойка новых, преданных советской власти командиров и комиссаров, в основном из крестьян и некоторых других угнетенных социальных и этнических категорий, для которых новый режим открывал головокружительные возможности подъема на самый верх. Эти новые офицерские кадры и их ученики, командиры и курсанты гражданской войны, стали вытеснять старых революционеров, так же как и кадровых офицеров царской армии, служивших советской власти. Символично, что теперь не "железные латыши" охраняли Кремль, а курсанты (они же подавляли и антоновский мятеж в Тамбове, и восстание кронштадтских моряков, которых Троцкий в свое время назвал "гордостью и славой революции" и которые восстали, требуя "свободных, независимых, внепартийных советов рабочих и крестьян, без ЧК и комиссаров"). Однако к тому времени борьба белых и красных в основном закончилась, и проявились контуры новой России, которые будут определять ее развитие в течение ближайшего десятилетия.

Читателям, которые не имеют возможности обратиться к полному тексту книги "Революция как момент истины", необходимо иметь в виду следующее. В книге выделено восемь стратегий анализа, которыми участники и "ученики" революции в политических элитах Российской империи отреагировали на нее. За каждой из этих стратегий стоял определенный образ России, взгляд на революцию

1905 –1907 гг. и понимание интересов того политического лагеря, которому данные образы принадлежали. Главы 5 и 6 нашей книги разделили создателей моделей революционной России на "тугодумов", которые так и не смогли ответить на уровне формул понимания и новой политической стратегии на неожиданности революции 1905 – 1907 гг., и на тех "отличников учебы", которые осознали новое, хотя бы частично, и отреагировали на это новыми идеями, которым суждено было сыграть важную роль на последующем историческом этапе конца империи Романовых, революции 1917 г. и начала гражданской войны. Среди "тугодумов" были рассмотрены конституционные демократы, а также меньшевики и их "отступление в теорию прогресса". Их главным заключением было, что, если не удалось добиться изменений политических основ России в период 1905 – 1907 гг., причина тому в величине отставания страны от Западной Европы, которого они не смогли заранее в полной мере распознать. Революционный натиск пришел слишком рано: с точки зрения политического образования россиян – для либералов, в смысле создания мощного пролетариата – для меньшевиков. Никаких изменений в понимании характера российского общества и его будущего не ожидалось, нужно было продолжать партийную работу и ждать – до той поры, когда неминуемый прогресс разрешит вопрос правильного этапа, т.е. европеизации России.

Руководство социалистов-революционеров сочло, что революция проходила в соответствии с их сценарием и предписаниями и потому нет надобности в переосмыслении характера их страны, их партии и революции, – глубина этой ошибки стала ясной в 1917 – 1920 гг. Неготовность постичь новый образ России, открывшийся в период революции, совпала с личностным кризисом руководства ПСР и развала ее центральной организации: смерть Гершуни ("Ленина эсеров") и Михаила Гоца – с одной стороны, предательство Азефа – с другой.

Объединенное дворянство – главное лобби помещиков России – так же не сочло нужным продумать заново свои взгляды на существо процессов, происходящих в России. Их ответом было просто усиление полицейского контроля и антиреформы в духе Александра III как единственно правильная реакция на крамолу.

На стороне "отличников" – другого раздела политических элит – выделились четыре небольшие группы, продемонстрировавшие способность к новому анализу, пониманию и выработке стратегии как реакции на события 1905 – 1907 гг. Каждая из этих групп ассоциируется с именем лидера, которому суждено было сыграть важную роль в истории своей страны. Эти имена: Столыпин, Троцкий, Жордания и Ленин.

Идея перманентной революции Троцкого (и Парвуса), т.е. прямого перехода от предкапиталистического общества к "диктатуре пролетариата" в особых условиях России, была крайне неортодоксальна для марксистов, развивалась в споре как с меньшевиками, так и с большевиками и только в апреле 1917 г. стала составной частью взглядов и стратегии Ленина. Взгляд на большевиков (и западных наблюдателей, и большинства россиян периода гражданской войны) как на партию Ленина и Троцкого имел реальные основы не

только на личностном уровне, но определял также ту идейную комбинацию, которая и стала большевизмом Октябрьской революции и гражданской войны.

И наконец, Жордания – наименее известный в плеяде "отличников учебы" – был вождем грузинского меньшевизма в период первой четверти XX в. Считая себя меньшевиком в том, как он понимал действительность и какую политическую стратегию избрал, он вместе с тем представил новый для всех марксистов взгляд. Его партия стала единственным подразделением меньшевиков, которое приняло крестьянское восстание как часть их революции и возглавило крестьянские движения в Гурии, а также в других районах страны. Но в меру неортодоксальное расширение классовой базы социал-демократии этим не закончилось. Жордания создал модель, в немалой мере осуществившуюся политически, – единый национальный фронт грузинского дворянства, буржуазии, крестьянства и рабочих под руководством ортодоксальных марксистов в борьбе против внешнего врага, т.е. царизма. Эти взгляды, которые стали двумя поколениями позже базой политики Мао и Хо Ши Мина времен гражданской войны и принимались все шире марксистами "недоразвитых" стран, были для Грузии и для Российской империи потрясением умов и вызвали бурную критику коллег Жордании по партии. Но он держался своего. Результатом этой особой марксистской неортодоксальности стало решающее влияние меньшевиков в Грузии и особенно массовая поддержка меньшевистской политики грузинским крестьянством – на выборах в Учредительное собрание 1917 г. меньшевики России получили менее двух процентов голосов, а меньшевики Грузии – 70% (и 80% в сельских районах).

Но для более полного рассмотрения взглядов и стратегий Троцкого/Парвуса и Жордания нам придется отослать читателя к полному тексту книги.

Столыпин и революция сверху

Очевидно, что оригинальность, приписываемая нами стратегиям тех политических вождей России, которых мы будем обсуждать ниже, не характеризовалась некой абстрактной "новизной", последовательной и законченной. Эти стратегии представляли собой меланж уже высказывавшихся и заимствованных идей и совершенно новых взглядов, переплетавшихся с прагматическими проектами и тактическими компромиссами. В результате часто выходило нечто противоречивое и постоянно меняющееся. Но этих деятелей объединило, выделило из всех прочих и обеспечивало их политическое влияние одно особое свойство – их аналитическая жизненная сила, т.е. способность отбросить господствующие представления прошлого и пойти нехожеными тропами, пытаясь взаимодействовать с той неожиданной Россией, которая вдруг открылась в процессе революции. На личностном уровне это свойство базировалось на способности быть достаточно безжалостным по отношению к собственным социальным или интеллектуальным истокам, дистанцироваться от них и мыслить "крупномасштабно", т.е. уметь оставить неспешное копание в интеллектуальных завалах ради создания грандиозных проектов социальных преобразований. Результат зависел прежде всего от общей социальной ситуации, но также и от способности

лидеров выбирать правильную тактику, а в особенности от их умения блокироваться с союзниками и вести свои "кадры" через жестокие политические столкновения, которые неизбежно возникали, когда священным коровам и их верным пастухам бросался вызов.

С 1906 г. в правительственном лагере такой фигурой был Петр Столыпин. Многое было сказано его бывшими помощниками, врагами и биографами о том, что его проекты были вовсе не оригинальны, заимствованы из концепций других людей и тех многочисленных программ, которые пылились в архивах Министерства внутренних дел России. Во многом это действительно так. Вовсе не Столыпину принадлежит авторство ключевых элементов реформ, которые связаны с его именем. Роль Столыпина заключается в том, что он собрал эти элементы воедино и придал им особую легитимность в контексте революции, подкрепил их авторитетом человека, который в своем качестве рыцаря контрреволюции на какое-то время стал любимцем правителей России и поставил им на службу совокупность административных ресурсов, находившихся в распоряжении премьер-министра и Министерства внутренних дел. Кроме того, речь здесь идет о сильной личности, которая упивалась своей центральной ролью в разворачивавшейся общественно-исторической драме. Энергичный, молодой (в свои сорок три года Столыпин стал самым молодым министром России), работоспособный, честолюбивый и гордый, красноречивейший защитник монархии в парламенте, – он не мог не остаться в памяти и друзей и врагов как "последний великий защитник самодержавия".

Столыпинский генеральный план по переводу Российской империи в новую эру (и уготованная им для себя роль "второго Бисмарка", выражаясь языком того времени) был в основных его звеньях разрушен российским консервативным лобби. Из оставшихся обломков лишь один закон был принят и введен в действие – закон о землевладении и землеустройстве. Эти законодательные акты и получили название "столыпинской реформы" в анналах последующих поколений. Фактически речь шла о куда более широком "пакете реформ", связанных внутренней логикой в новый политический курс. Этот пакет реформ содержал видение новой России – "великой России", противопоставленной Столыпиным в его знаменитой речи "великим потрясениям", которых, по его мнению, желали радикалы и революционеры. Главными элементами реформы были как преобразование российской деревни – речь идет о более чем 80% населения страны, – так и перестройка государственной машины. Также предполагалось сделать более мирной внешнюю политику России, шире вовлекать в политические и экономические процессы те этнорелигиозные меньшинства России, которые могли способствовать оживлению коммерческой деятельности, усовершенствовать систему образования и создать всеобщую систему социального обеспечения для городских наемных рабочих. Когда система управления будет усовершенствована и сельское общество преобразовано (и таким образом будет выбита почва из-под ног эсеровского движения, чье воздействие на общинное крестьянство Столыпин считал главной непосредственной угрозой самодержавию), Россия начнет движение к тому, что впоследствии будет названо саморазвивающимся ростом благосостояния, производительности и культуры, а следовательно, и политической мощи. Предполагалось, что тогда, как и раньше, общественная

самодеятельность должна будет сочетаться с энергичным правительственным вмешательством. На выполнение этой программы был отведен короткий и четко определенный период времени – "двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего", после чего, обещал Столыпин, "вы не узнаете нынешней России!". Столыпин впервые обнародовал эти планы в своей речи на открытии Второй Думы в 1907 г.[8]. Среди самых неотложных мер он назвал тогда не только подавление революционного движения, но и разрушение общинного землевладения, а также административные реформы, которые охватили бы (помимо аппарата Министерства внутренних дел) выборные городские власти, суды и полицию. За этими мерами должны были последовать реформы в армии и на флоте, уравнение в правах старообрядцев и расширение прав еврейского населения, совершенствование железнодорожной сети, создание системы социального страхования и пенсионного обеспечения, введение (в долгосрочной перспективе) обязательного бесплатного образования, узаконение новых гражданских прав и реформа налогообложения. Очевиден был несгибаемый монархизм Столыпина и его страсть к "закону и порядку". ("Не запугаете", – рявкнул он в ответ на яростные нападки оппозиции в Думе, последовавшие за его обещанием "восстановить порядок и спокойствие" мерами правительства "стойкого и чисто русского".) Он продемонстрировал серьезность этих намерений и созданием военно-полевых судов, и широким применением смертной казни, и разгоном Второй Думы в ходе государственного переворота, в результате которого был изменен избирательный закон. Однако этот подлинный контрреволюционер понимал с самого начала, что "реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбою с революцией, то в лучшем случае устраним последствие, а не причину... Там, где правительство побеждало революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физическою силою, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ"[9].

В 1906 г., в период между роспуском Первой Думы и созывом Второй Думы, столыпинское правительство оформило законодательно основные элементы своей аграрной реформы. Избранная тактика заключалась в том, чтобы однозначно продемонстрировать, что инициатива исходит от правительства, а не от парламентариев, чья благонадежность была поставлена под сомнение.

Большая часть столыпинских указов 1906 г. довольно безболезненно воплотилась в аграрный закон 1910 г. К тому времени он уже фактически выполнялся в течение более чем трех лет. Ряд "аграрных" указов начался указами 12 и 27 августа 1906 г. о передаче Крестьянскому банку казенных и удельных земель с целью последующей их распродажи крестьянам по цене на двадцать процентов ниже рыночной. В октябре было отменено положение, по которому крестьяне обязаны были испрашивать согласия общины на внутрисемейный передел земли и на получение паспорта для выезда из деревни. Также было отменено право земских земельных начальников по собственному усмотрению арестовывать и штрафовать крестьян. 9 ноября вышел самый важный

[8] Е.В. Председатель Совета министров П.А. Столыпин. СПб., 1909.
[9] Е.В. Председатель Совета министров П.А.Столыпин. СПб., 1909. С. 77.

указ в этом пакете – утверждавший права главы каждого крестьянского двора приватизировать общинные земли, находящиеся в его владении. Одновременно утверждалось право требовать объединения разрозненных полосок земли в единый надел (или получать денежную компенсацию от общины за те полоски, которые нельзя было объединить). Позднее было принято решение, что согласия половины крестьянских дворов было достаточно для отмены передельной общины и перехода всех общинных земель в частную собственность их держателей. Указом от 15 ноября разрешался заклад общинных земель, что открыло новую сферу деятельности для Крестьянского банка, чьи фонды значительно увеличились, а также расширило кредиты, доступные более состоятельным крестьянам. Ряд дополнительных шагов завершал эти реформы. Так, был введен в действие законопроект, согласно которому семейная собственность на землю заменялась индивидуальной частной собственностью. Была создана административная система, направленная на совершенствование общинных и межобщинных переделов земли, землеустройства и особенно на создание хуторов. Такие хозяйства, базирующиеся на целом куске земли, стоящие отдельно от деревни, были официально провозглашены оптимальной формой мелкособственнического сельского хозяйства. Эти хозяйства пользовались льготами, когда проводились земельные продажи государственным Крестьянским банком, когда предоставлялись государственные кредиты и когда приватизировалась общинная земля. Государственные земли были предложены для колонизации в азиатской России и на Кавказе крестьянами Центральной России. Эта колонизация частично финансировалась правительством. Позднее, в 1910 г., в процессе преобразования указа от 9 ноября 1906 г. в закон Государственный совет "ужесточил" его, добавив положение, по которому все общинные земли, которые не подвергались полным земельным переделам с 1861 г., объявлялись приватизированными, а владеющие ими общины объявлялись несуществующими. Сравнительно гладкий переход столыпинских указов в законы объясняется тем фактом, что на этот раз большинство российского чиновничества, помещиков и ближайшего окружения царя (тех, кого русская образованная публика называла камарильей), а также российские монархисты-реформаторы и большинство консерваторов этого крыла оказались единодушны. Даже главная конституционалистская оппозиция в Думе – кадеты возражали в основном против характера осуществления реформы – того, что она навязывалась крестьянам, – а не против самого принципа приватизации земли, создания хуторов и переселенческой политики.

Вторым столпом начального этапа грандиозного проекта Столыпина должна была стать административная реформа. Часть ее явно увязывалась с проводимой приватизацией крестьянских земель и с декларированным желанием включить российское крестьянство в российское общество в целом. Для этого необходимо было все особые институты, связанные с крестьянским сословием, – такие, как крестьянская "волость" и ее суд, – заменить общими, т.е. внесословными органами управления. Однако цели административной реформы были гораздо шире, чем просто подстраивание под новую систему землевладения. Ей придавалось значение "не просто практической, но политической ре-

формы". Она должна была стать основным этапом на долгом пути изменений в самой природе и организационной структуре империи.

Проект административной реформы предполагал для каждой губернии учреждение губернского управления и расширение полномочий губернатора. Предполагалось поднять уровень губернских чиновников высшего звена, улучшить их подготовку и увеличить жалованье. В каждой волости и в наиболее крупных поселениях планировалось учредить местные власти, которые должны были избираться не только крестьянами. На уездном уровне также намечались значительные изменения, направленные на соединение губернского и волостного уровня управления. В каждый уезд должен был назначаться глава администрации взамен существующей системы прямого подчинения губернии, – при котором местный предводитель дворянства считался "первым лицом" в расплывчатом уездном руководстве. Земствам должны были быть предоставлены также более широкие права. Рассматривались и более радикальные перемены, однако они были отложены, учитывая враждебное отношение царя к децентрализации (в особенности к рассматриваемой идее разделения России на девять крупных регионов, наделенных значительной автономией по типу американских "штатов" или германских "земель").

Параллельно столыпинское правительство внесло в Думу и другие законодательные проекты. Так, предполагалось отменить правовую ущемленность старообрядцев, а также снять некоторые ограничения по отношению к евреям. Должно было быть усовершенствовано руководство православной церковью. Также рассматривались положения по социальному обеспечению: государственное здравоохранение, пенсии для рабочих, а также закон о всеобщем начальном образовании начали свой долгий путь к статусу законов.

Поворотными пунктами столыпинской эры стали его поражения в борьбе за законодательство по реформам системы управления и по правам "меньшинств". Оба эти поражения были нанесены правительству правой оппозицией, которая отнеслась к реформе местных органов управления с открытой враждебностью. В начале 1907 г. делегаты третьего съезда Объединенного дворянства и многие члены Государственного совета заявили свою оппозиционность и представили последовательную аргументацию против этих проектов. К 1908 г. на правом политическом фланге вполне сложилась коалиция ненавистников Столыпина. В нее входили влиятельные группировки внутри Государственного совета и Объединенного дворянства, а также высшие иерархи православной церкви, многие высокопоставленные чиновники, которые ощущали себя не у дел в свете новых политических экспериментов, плюс большая часть "камарильи" в союзе с крайне правыми политиками Думы и некоторыми близкими к ним журналистами. Двусмысленность положения премьер-министра, который должен был действовать как слуга царя, как чиновник и как парламентский политик одновременно, была использована в полной мере. Избранная тактика нападок на Столыпина была направлена на то, чтобы лишить его поддержки царя утверждением, будто премьер-министр вступил в союз с консервативной Думой против враждебной ей оппозиции сверхконсервативных и истинно верноподданных реакционеров – другими словами, поставил себя в оппозицию монарху. В то же время предпринимались шаги для того, чтобы разру-

шить негласный союз Столыпина с октябристским большинством в Третьей Думе, с тем чтобы сделать его правительство беспомощным во всех звеньях политической жизни официальной России. Прерогатива монарха была избрана основным фокусом антистолыпинской кампании. Эта кампания удалась вполне.

Несмотря на шум и ярость столыпинских усилий, он постепенно терял позиции и отступал под нажимом правого крыла. Его авторитет и положение зависели от царя, который, уже после гибели Столыпина в беседе с Коковцовым о функциях премьер-министра в России, так помянул покойного премьера: "Не следуйте примеру Петра Аркадьевича, который как-то старался все меня заслонять". Царь охотно верил нашептываниям, что Столыпин не предпринимал необходимых шагов для защиты прерогатив короны; он снова и снова критиковал Столыпина и отвергал законы, принятые правительством, таким образом давая понять, кто настоящий хозяин.

Столыпин защищался и словесными доказательствами, и административными методами, и с помощью прессы. Ему удавалось держаться ценой, которую так суммировал один из его ближайших помощников: "К концу дня он растворялся в компромиссах".

Переломный момент наступил в 1909 г., когда Столыпин подал прошение об отставке после того, как его обвинили в отсутствии должного рвения в защите авторитета царя. Царь не принял отставки, однако слабое место Столыпина было обнаружено. Он попытался умиротворить своих критиков справа и царский двор путем переноса акцента в собственных заявлениях и новых законодательных предложениях на русификацию "окраин" – пробуя разыграть националистическую карту. Однако Столыпин так и не обрел вновь доверия правых кругов, и прохождение других его законопроектов не облегчилось. При растущей поддержке со стороны родственников царя, его друзей и сановников из ближайшего царского окружения травля Столыпина продолжалась, в то время как многие из тех депутатов Думы, кто относился к нему с уважением, находили все более сложным продолжать поддерживать премьер-министра в его "поправении".

Врагам Столыпина в конце концов удалось нанести ему жестокий удар в марте 1911 г. по вопросу законодательства о создании земств в западных губерниях России. К середине 1911 г. его политическая смерть близилась, и он сам осознавал это. Его устранение с политической арены стало лишь вопросом времени, и даже способ осуществления был уже, по-видимому, выбран царским окружением – решено было сделать Столыпина наместником Кавказа, что удалило бы его на "почетную должность" от Санкт-Петербурга и реальной политики. Осуществлению этого плана помешала его смерть.

Столыпин был убит в сентябре 1911 г. двойным агентом Д.Багровым, человеком, который был одновременно сотрудником охранки и членом анархистского движения. Его выстрел и удивительная некомпетентность офицеров безопасности дали основание многим (включая семью Столыпина) считать, что это был результат заговора офицеров полиции.

Пять лет политической драмы, связанной с именем Столыпина, подвергались различным интерпретациям. Его образ в работах историков вне Советской России колебался от патриотически настроенного

защитника новой демократии, основанной на мелкособственническом крестьянском хозяйстве, до ранней версии фашиста-ксенофоба на службе русского царя, истинного представителя русского реакционного дворянства. Советские историки неизбежно начинали разговор об этом человеке и обо всем периоде, заклеймив его (с легкой руки Ленина) "бонапартистом", однако интерпретация этого слова менялась и там.

Антиправительственные нападки, предпринимавшиеся российскими реакционерами, и ответные меры Столыпина (так же как и его попытки достичь компромисса, от которого они уклонялись), по всей видимости, не были просто размолвкой партнеров при разделе добычи. Цели Столыпина и реакционеров существенно и последовательно различались. Между ними шла острейшая борьба.

Если брать во внимание самооценку современников, необходимо начинать с самого Столыпина и с его ближайших помощников. К 1909 г., проводя политику, явившуюся ответом на опыт революции 1905 – 1907 гг. и направленную на то, чтобы подобное не повторилось, никто из них не сомневался в том, кто из "истеблишмента" пытался уничтожить Столыпина и почему. Они также не сомневались, что Столыпина атаковали справа те, кто ничему не научились и ничего не забыли. Российская правящая элита также знала, что борьба между Столыпиным и его оппонентами справа была борьбой не на жизнь а на смерть, и что от ее исхода зависела в немалой мере судьба России. Это действительно так, если только не считать, что российское дворянство и российский царь занимались классовым самоубийством, предопределенным неумолимыми "законами истории".

Выше я уже высказывал свое общее представление об этом вопросе. В мире, где Франко управлял Испанией на протяжении жизни целого поколения и умер в собственной постели в президентском дворце, и где Хомейни смог в корне изменить ход истории Ирана, было бы неразумно ставить реальную историю просто в зависимость от законов прогресса. Конечно, историография нужна и поучительна, однако конкретные результаты политических битв и те или иные "пути" и "повороты" различных обществ невыводимы из нее. Кроме того, рассматривая модели социальных изменений, можно увидеть, помимо всеобщих или уникальных, также несколько типических путей, ведущих от докапиталистических укладов. Один из этих путей, который сегодня мы обычно называем явлением "развивающихся обществ" (что само по себе является крайним обобщением), был характерен для России рубежа веков. В 1904 – 1906 гг. Столыпин обнаружил Россию, которая была не похожа на тот образ, который он и его поколение несли в себе, и у него хватило мужества посмотреть правде в глаза. Он начал борьбу за Россию, которая значительно отличалась бы от той России, в которой он вырос, и за которую все еще держался и класс, к коему он принадлежал, и его царь. В чем же значение предлагаемого им пути? Кроме того, с тех пор реформы типа столыпинских снова и снова предпринимаются то в одной, то в другой стране мира. Почему? И наконец, Столыпин потерпел поражение не от законов истории, а от конкретных политических сил. Что это были за политические силы?

Склад ума и направленность Столыпина и его ближайших помощников были, в сущности, прагматическими, и концептуальное содержание того, что они пытались делать, никогда не было выражено ими в

виде связной теории. У них не было Адама Смита или Фридриха Листа, которые выработали бы основополагающие принципы для построения экономических стратегий настоящего и будущего, тех или иных правительств и правителей. Лучшие теоретические умы России были заняты другими проблемами. Тем не менее, несмотря на свою сугубо практическую направленность, политике Столыпина и его команды суждено было войти в историю теоретической мысли как России, так и других стран, куда она перешла через работы таких исследователей, как А.Гершенкрон из Гарварда или – критически – П.Баран из Стенфорда, рассматривавших ее как элемент "теории развития", дискуссий по проблемам "модернизации" и "зависимости", споров, определявших экономические стратегии во всем мире в 50-е – 70-е годы текущего столетия. Судя по этому критерию, а также и по тому, как столыпинские реформы связались с борьбой за структурное преобразование общества, Столыпина можно назвать революционером мысли и действия, хотя такое определение вряд ли бы ему понравилось. Кроме того, возможность успеха его реформ нельзя исключать на чисто теоретических основаниях.

Стратегия Столыпина принимала во внимание не только историю Европы и желание "догнать Европу", но также и некоторые основные элементы российского своеобразия. Классическая политическая экономия Адама Смита и Рикардо отразила и исследовала первый капиталистический подъем в Европе. Фридриху Листу принадлежит, как отмечалось выше, "первая поправка" к этой теории, которая стала основой для политики "второй волны" индустриализации в Германии и Японии. "Вторая поправка" к взгляду классической школы – это понимание того, что радикальное социальное преобразование сельского общества и государственного аппарата – революция сверху – должно происходить до или по крайней мере одновременно с проведением протекционистской политики индустриализации. Столыпинский "пакет реформ" и дальнейшие шаги, которые из него вытекали, были направлены на осуществление "второй поправки", хотя это и не выражалось в подобных терминах. Эта программа также логична в современной ситуации многих "развивающихся обществ". Вот почему такие программы до сих пор привлекают к себе внимание экономистов и политиков. Однако просто логика не гарантирует хороших политических результатов. В период 1906 – 1911 гг. вопрос заключался в том, способен ли Столыпин осуществить свою стратегию – обезвредить своих врагов и задействовать социальные силы, способные воплотить его идеи.

Против "вешателя" Столыпина выступали все те силы, которые боролись с самодержавием в 1905 – 1907 гг. Для радикалов он олицетворял репрессивную природу царизма. Для "инородцев" он также символизировал российский национализм. Кроме того, против его революционных планов широких реформ сверху выступали реакционеры и консерваторы из среды чиновничества и помещиков, позиции которых укрепились в результате поражения революции, а также благодаря личным пристрастиям и чертам самодержавного правителя страны. Не демонстрировали политической поддержки прогрессу по-столыпински даже те крестьяне, кто выходил из общин, а уж сопротивление со стороны крестьянских общин было иногда отчаянным и часто весьма эффективным. Аграрный компонент реформ вызвал волну приватизации и

колонизации земель, однако к 1911 г. эти процессы начали затухать. А любимое детище правительственной реформы – хутора были созданы на менее чем одной десятой приватизированной земли.

Столыпинская программа была "революцией сверху", которую не поддерживали ни один крупный общественный класс, ни одна партия или общественная организация. Поэтому кажется невероятным, как мог Столыпин, располагая столь ничтожной поддержкой, замахиваться на столь коренные социальные преобразования. Поразительно малое число людей решили осуществлять эти преобразования несмотря ни на что. Что же давало им возможность надеяться на успех? Готовность и в немалой мере способность принять такой вызов определялись высоким положением в исключительно могущественной бюрократии, а также высокомерие российских сановников, которые считали себя полномочными представителями четырехсотлетней истории непрерывно растущей России и ее самодержавной монархии. Как и некоторые представители российской либеральной интеллигенции XIX в., они считали, что основным достоинством царской власти была ее способность игнорировать социальные обстоятельства и любые "партикулярные" представления, стоять над законом и влиять на ход истории, подчиняя обстоятельства своей воле и насаждая то, что "нужно для блага России". Однако, чтобы осуществить те социальные преобразования, которые они замышляли, им нужны были "кадры" – компетентный "генштаб" специалистов-теоретиков и достаточно большая армия исполнителей, обладающих не обычной чиновничьей аккуратностью, но упрямым энтузиазмом и дисциплинированным рвением. Надо отметить, что персонал, занимавшийся осуществлением аграрной реформы, и впрямь несколько изменился к лучшему: на место ограниченных и патриархальных земских начальников пришли более подготовленные, более современные и более профессиональные чиновники нового министерства сельского хозяйства. Однако эта малочисленная группа была ограничена лишь сферой сельского хозяйства, и к тому же их преданность идеям своего премьера была сомнительной. Чтобы успешно использовать мощь государства в целях преобразования России вопреки яростному сопротивлению оппозиции, Столыпину нужно было не только царское благоволение, законодательная поддержка и экономические ресурсы, но что-то вроде опричников царя Ивана Грозного, интеллигентов из "Земли и воли", которые "пошли в народ", или же комсомольцев и чекистов, чьими руками проводились смертельные сталинские реформы 1929 – 1937 гг. Ни ядро российских политических активистов, ни консервативное дворянство, ни крестьяне, которые предположительно должны были выиграть от этих реформ, – ни одна из этих групп не оказывала Столыпину такой поддержки. Что касается самого Столыпина, он, по-видимому, даже не понимал, что для совершения революции необходима когорта революционеров.

Последующий период показал, насколько неслучайной была неспособность Столыпина использовать силу государства в деле преобразования России в контексте задействованных политических сил. За оставшиеся до краха империи годы не было ни одного другого предложения, исходящего от правящих кругов, существенно изменить законодательство России.

Опыт первой мировой войны выявил истинную сущность царского правительства – оно было таким же некомпетентным и коррумпированным, как и реакционным и лакейским. К 1915 г. консервативная Четвертая Дума выступала таким же единым фронтом против политики правительства, как и революционная Вторая Дума. То же самое касается подпольной оппозиции. В правительстве не было ни одного деятеля, который мог бы встать вровень со Столыпиным как полицейский, администратор и как революционер сверху. Война проигрывалась, командование армии и государственный аппарат были деморализованы. За стенами дворцов и барских особняков, канцелярий и командных пунктов нарастало возмущение низов, смятение "образованной публики" и неуверенность чиновничества и офицерства. Когда в 1917 г. грянула следующая революция, не было кровавой битвы врагов, сцепившихся в смертельной схватке. Монархия просто развалилась как карточный домик при малейшем толчке. Не оказалось ни одной социальной силы, которая бы ее защитила.

Ленин: революции и постреволюционное государство

Нелегко разглядеть Ленина, человека и вождя победоносного революционного движения, за мумией создателя постреволюционного государства. Прежде всего благодаря мощному потоку пропаганды и контрпропаганды, в которой Ленин и ленинизм бесконечно склоняются друзьями и недругами как синонимы противоречивой смеси мятежности и суровейшей дисциплины, борьбы за освобождение и политики сверхдержавы. Кроме того, образ Ленина иконизировался на более глубоком уровне индивидуальной и социальной психики. Образ породил "культ", в котором особо важны были две основные характеристики. Во-первых, наряду со святым Владимиром, Иваном Грозным и Петром Великим Ленин стал для многих символическим праотцем, святым покровителем государства и нации, который воспринимается как часть ее интимной этнической сущности и права на место под солнцем. Так же его воспринимали и те, для кого эта личность и эти претензии были отвратительны. Во-вторых, – и снова это касается как друзей, так и врагов – существует глубокое и часто неосознанное восхищение носителями и символами огромной воли, грандиозного успеха и неограниченной власти, практически любого успеха и любой власти, которые заставляют многих низко склоняться или вытягиваться в струнку. Ленин был во многом носителем и символом всех этих характеристик.

В результате реальный образ Ленина искажался, и получалась либо древнерусская икона святого, либо средневековая же фреска с изображением дьявола. Ленинский образ нарисован одномерным и внеисторичным, так что все его высказывания и действия рассматриваются вне связи с его личной биографией, общей политической ситуацией и событиями, с ними связанными. Цитаты и факты оказывались вырванными из контекста, который затем могли додумывать по собственному усмотрению ушлые историки в многочисленных официальных биографиях. Ленинский образ был одномерен в том, что он преподносился либо исключительно положительным, либо исключительно отрицательным. Как у богов, ленинская мысль посему не менялась, она могла только развивать то, что уже было заложено (а поэтому необходимо должно было появиться). Советские учебники в качестве допустимых исключений

приводили лишь несколько случаев, когда Ленин сам признавал свои прошлые ошибки (обычно это было вызвано у него усилием обосновать новую программу). Даже эти случаи, как правило, выносились за скобки, когда речь шла о личной биографии Ленина. Для его панегиристов (как и очернителей) все моменты сомнений, колебаний и шатаний, которые, как правило, были связаны со значительными изменениями его мировоззрения, последовательно "заглаживались" или приуменьшались.

Политическая биография исторического, т.е. реального, Ленина распадается на три основных периода, резко и с ясной причинностью разделенных революционными взрывами 1905 и 1917 гг. Эти периоды можно назвать периодом молодого Ленина, периодом революционной зрелости и периодом государственной власти, опираясь в этом не на мнение самого Ленина и его панегиристов, а на мнение современников и на критерий "главного врага", которого Ленин выбирал себе на том или ином этапе.

На другом, более "глубоком" уровне находился вопрос ленинского миропонимания – базовых теоретических моделей, через которые он воспринимал Россию и мир, и принимаемых им стратегий социалистической революции и социальных преобразований. На этом уровне отчетливо наблюдается также несколько глубочайших убеждений или предубеждений, которые он пронес через всю жизнь и изменения которых происходили явно медленнее. И было несколько позиций, которые он не изменил никогда. Нас интересует здесь особенно отрезок времени между 1905 и 1917 гг., который окончился Октябрьской революцией, однако не сводится только к этому.

Первому этапу первого периода биографии Ленина лучше всего подходит название "почтительный Ленин". Это резко противоречит стандартному представлению о Ленине, однако, возможно, именно поэтому поможет лучшему его пониманию. Когда Ленину было за двадцать, он был явно упоен радостью открытия "науки об обществе и о революции", которая должна была осветить, а также быстро разрешить все беды российского общества и всего мира. В этом он был неотъемлемой частью процесса массового обращения российской радикальной интеллигенции в марксизм в 90-е годы XIX в. Новая истина представлялась совершенно очевидной, тот факт, что не все ее восприняли, объяснялся неразвитостью умов, особыми классовыми интересами, нелогичным мышлением или просто персональной глупостью. Ленин был воинственным защитником триумфально утверждающегося "ортодоксального марксизма", бескомпромиссным в отношении каких бы то ни было покушений на чистоту нового учения – и относился с глубочайшим почтением к его основоположниками и священнослужителям. Это относилось не только к самому Марксу, но и к его главным представителям на грешной земле – Каутскому и Плеханову (Энгельс, который умер в 1895 г., играл здесь роль человеческого мостика между ними и самим Марксом). Все основные законы нового учения воспринимались Лениным (т.е., конечно, в то время еще Владимиром Ульяновым) как уже установленные, бесспорные и подлежащие лишь претворению в жизнь. Плехановский анализ российской ситуации также принимался как доказанный и самоочевидный. Оставалось, собственно, только изменить мир, который эти философы так замечательно объяснили. Работы Ленина, написанные им в это время, отра-

жают его тогдашние политические взгляды и интересы. Основной целью его анализа был перенос раннего тезиса Плеханова об уже определившейся вполне капиталистической природе российского общества в область аграрной экономики, основной для большинства россиян. Главными оппонентами Ленина по этому вопросу были публицисты умеренного крыла народничества, на которых он обрушил поток ядовитой критики. В соответствии с его анализом современной социо-экономической дифференциации российских деревенских жителей (которая была обильно подкреплена данными земской статистики), крестьянство надлежало рассматривать не как общественный класс, а как понятие, оборот речи, относящийся к прошлому (поэтому термин "крестьяне" в ранних работах Ленина употребляется только в кавычках).

В 1901 – 1902 гг. стали четко вырисовываться очертания нового Ленина – Ленина-якобинца. Этот сдвиг отразился в его работах: появился новый образ главного врага, "колеблющихся" марксистов – ревизионисты, оппортунисты, "мягкотелая" фракция его собственного идеологического лагеря. На какое-то время атаки на внешних врагов социал-демократии, включая народников, стали попутными, небрежными, "en passant". К этому времени его растущие разногласия с Плехановым превратились в центральную дрязгу искровской редакции – из "плехановца" Ленин быстро становился независимым мыслителем и политиком.

Следующая перемена в мировоззрении Ленина была глубже, оригинальней и фундаментальней в выводах, она оказала решающее формирующее воздействие на ту стратегию, которую он проводил до конца жизни. В результате этой перемены большевизм превратился в отдельное идеологическое течение мирового размаха, воплотившееся в Третьем Интернационале и в СССР. И снова признаками этого поворота послужили изменения в списке политических групп, которые Ленин подвергал анафеме. На этот раз центральным объектом политического внимания Ленина оказались конституционалисты-либералы и попытки партии кадетов монополизировать руководство "освободительным движением", а особенно завоевать на свою сторону крестьянство. Основными вопросами были следующие: кто будет править Россией, когда с самодержавием будет покончено, и какова будет природа постреволюционного российского общества?

Ленин считал, что "пролетарская партия" должна бороться за власть и, следовательно, за место во временном революционном правительстве, которое должно возникнуть после падения самодержания, и руководить буржуазной революцией. Чтобы достичь своих естественных целей, эта революция должна опираться на волю большинства, одновременно сдерживая колебания буржуазии (которая, если ее не остановить, неизбежно пойдет на компромисс с самодержавием). К счастью, в его глазах крестьянский радикализм давал возможность разрешить эту задачу. Чтобы закончить "буржуазный этап" российской истории и сделать это радикально, новый режим должен быть "демократической диктатурой пролетариата и крестьянства". Здесь термин "крестьянство" освободился от кавычек, чтобы с этого момента занять законное место в списке понятий, которыми оперировал Ленин. Это была уже не фикция, а общественный класс. Легитимность его с точки зрения марксизма

была установлена путем декларации, что Россия в конце концов оказалась менее капиталистической, чем ожидалось, а также путем принятия точки зрения, что идут две параллельные "социальные войны" – война всех крестьян за ближайшие ощутимые цели против "пережитков феодализма" и борьба между капиталистами и пролетариями деревни, которая в основном ожидается в будущем. В партийно-политических терминах все это означало, как это ни поразительно, необходимость немедленного революционного союза между социал-демократами и эсерами, а также Крестьянским союзом против самодержавия и кадетских компромиссов. Старые члены РСДРП обвиняли Ленина в крестьянофилии, он же считал, что это революционный здравый смысл. В том же духе он теперь провозгласил важность "народной революционной самодеятельности" – до того времени эта фраза принадлежала строго народническому словарю. Ленин, лидер будущей победоносной революции, начинал создавать свою собственную формулу для революционного лагеря перемен.

В условиях постоянной тактической фракционной войны и упорных усилий, затрудняемых арестами, перестроить социал-демократическое подполье в России, Ленин никогда не прекращал изучать тексты, проводить исследования и писать. Помимо двух значительных попыток в философской области (период работы в Британском музее, когда он готовил свою атаку на "махизм", и, позже, систематическое прогрызание сквозь Гегеля в 1914 – 1915 гг.), он в основном концентрировал свои усилия на вопросах, возникших в огне революции 1905 – 1907 гг. В 1908 г. он изучал историю Парижской коммуны 1871 г. и писал по российскому аграрному вопросу конца XIX в. Он внимательно следил за ходом столыпинской аграрной реформы, причем делал это беспристрастно, и в ответ на заявления своих соратников, что эта реформа не может быть успешной, возразил: "Нет, может". В 1909 г. он изучил аграрную перепись в Германии (а в 1916 г. – США), обращая особое внимание на модели развития сельского капитализма. Проанализировав все данные, он согласился с большей частью оптимистических сообщений о результатах столыпинских аграрных реформ, исходя в этом из отсутствия признаков крестьянских бунтов, исчезновения Крестьянского союза и из серьезного кризиса, переживаемого партией социалистов-революционеров.

В 1913 г. Ленин выпустил статью об "Отсталой Европе и передовой Азии". Он считал, что Китай стал порождать "своих собственных герценов", т.е. непролетарских революционеров, боровшихся против социального и национального гнета, которые поэтому были "передовыми", т.е. естественными союзниками европейского пролетариата. Это же относится и к крестьянству, представлявшему собой широкую социальную базу борьбы, которая должна была быть одновременно антифеодальной и патриотической. В 1913 и 1914 гг. последовали две книги о праве наций на самоопределение и о различиях между национализмом угнетателей (который должно осудить) и угнетенных (потенциально позитивном). Российский опыт в сочетании с опытом других стран на "окраинах капитализма" и попытка его революционного использования привели в 1916 г. к книге "Империализм, как высшая стадия капитализма". Эта книга стала теоретическим манифестом "глобалистского" марксизма и предвидением процесса, в котором сове-

тание самой отсталой Европы и самой передовой Азии – т.е. Россия – может сыграть особую роль.

Успех его партии в повседневной политике рабочего движения в 1912 – 1914 гг. начинал изменять политическую карту российского инакомыслия и оппозиции, но полностью перекроила ее первая мировая война. Большинство российских социалистических вождей революции 1905 – 1907 гг. встретились в Циммервальде, чтобы попытаться восстановить единство социалистического движения против национализма и войны: Ленин, Троцкий, Мартов, Аксельрод, Чернов, однако только Ленин имел в своем распоряжении партию, которая, за несколькими исключениями, шла за ним. После периода одиночества в социалистическом лагере 1908 – 1914 гг. Ленин, казалось бы, вышел из изоляции, однако он отмежевался также от большинства "циммервальдцев" своим непримиримым "пораженчеством" и призывом превратить мировую войну в войну гражданскую и в мировую революцию (а не пытаться закончить ее поскорее "справедливым миром"). Эта "лево-циммервальдская" позиция положила начало Третьему Интернационалу, который Ленин сразу же и предложил создать. В одной из западных биографий, написанной много лет спустя, эта позиция характеризовалась как "нелепо грандиозная". Однако в революционные дни, накануне которых находилась страна, именно грандиозное могло вдохновить, мобилизовать и повести за собой. Но пока они еще не настали, а в это время, ужасное для интернационалистов и социалистов, дисциплинированная партийная организация, готовая бросить вызов "патриотам" и возглавляемая решительным и бескомпромиссным вождем, была необыкновенно ценной для лагеря противников войны. Исключительность Ленина была впервые установлена на международной арене.

Когда произошла Февральская революция, реакция Ленина была решительной и неожиданной как для социалистической эмиграции, так и для его большевистских сторонников в России. В последовавших за ней событиях он проявил себя как человек, сформированный тем же опытом, что и они все, особенно опытом революции 1905 – 1907 гг. и краха Второго Интернационала в 1914 г. Однако разница состояла в том, кто какие уроки извлек.

Прежде всего он начал кипучую деятельность, чтобы немедленно вернуться на место разворачивающихся событий – нельзя было повторить промедление 1905 г., когда вместо января он вернулся только в июне. Тем временем в своих "Письмах издалека", в наскоро набросанных статьях для большевистских газет в Петрограде, он излагал основы головокружительной новой стратегии. Она предполагала полный отказ принимать "оборонческое" Временное правительство или сотрудничать с другими социалистическими организациями, поддерживающими новый режим. Путь к этому лежал через максимальное использование новых неслыханных возможностей, открывшихся в 1917 г. как расширенное продолжение "взрыва легальности" 1905 г., и в особенности через народную демократию, воплощенную в Советах. Еще более ошеломляющей была стратегическая цель, которую вкратце можно охарактеризовать как борьбу за власть с целью немедленного продвижения к социализму – в прошлом ее выдвигал троцкизм, с которым Ленин воевал. Те из руководства большевистской партии, кто первыми приехали в Петроград и теперь были в гуще событий, – Каменев, Сталин, Молотов –

просто не обращали внимания на эти "послания издалека", которые диссонировали как с основополагающей марксистской теорией этапов, так и с настроением эйфории и социалистического братства, так характерным для этих дней. "Старик" явно оторвался от действительности новой России. Однако в апреле Ленин вернулся, и в течение нескольких дней его уверенность, воля и авторитет возобладали – можно сказать, принудили Центральный комитет, а затем и наскоро созванную седьмую конференцию большевиков изменить радикально "линию" партии, ее программу и даже ее название. Целью теперь стала одновременно борьба за мир и за социалистический режим.

При таком видении действительности и политической стратегии и в рамках "ортодоксального" марксизма крестьянство становилось сомнительным союзником и, возможно, оно даже превратилось во врага в результате деятельности Столыпина. Хотя и можно было вполне ожидать от крестьян в солдатской форме оппозиции войне. Исторические условия немедленного движения к социализму означали для Ленина, что Советы батраков обретали теперь центральную роль и их надо срочно поддерживать (помимо и отдельно от советов беднейшего крестьянства, отделенных также от Советов крестьянства "вообще"). Все это должно было обеспечить надежное рабочее представительство в деревне. Нейтрализация массы российского крестьянства и распространение европейской пролетарской революции были двумя столпами, необходимыми для диктатуры пролетариата – городского и сельского, – занятого досоциалистическим и одновременно социалистическим преобразованием отсталой страны.

И членство, и влияние ленинской партии стремительно росло. В результате захвата власти большевиками в октябре–ноябре 1917 г., создания коалиционного правительства с левыми эсерами в качестве младшего партнера, последующего поражения и дезинтеграции последних установилась новая политическая система – однопартийное советское государство. Это, в сочетании с перераспределением земли и национализацией промышленности, положило начало новой политической эре правления ленинской партии и лично Ленина, чей авторитет в его лагере стал непререкаем.

Гражданская война снова поставила на повестку дня те же основные вопросы, которые возникли в период 1905 – 1907 гг. В течение года Ленин узнал то, что, по его собственному признанию, все еще было для него загадкой в 1917 г., а именно насколько фактически продвинулось преобразование крестьянства при Столыпине. Как и раньше, он облек свои выводы в язык политической тактики, а не теоретического анализа. К 1919 г. комитеты бедноты были распущены (отдельные Советы сельскохозяйственных рабочих или "беднейшего крестьянства" так и не были созданы) и была предпринята первая попытка проводить политику "лицом к крестьянству". Это явилось важным составным элементом победы красных (во второй половине года ход войны наконец был переломлен в их пользу). В 1920 – 1921 гг. перед лицом нарастающего недовольства крестьян, связанного с продразверсткой, был предпринят еще один крупный шаг в том же направлении, полномасштабная примиренческая политика типа "давайте дадим крестьянам, что они хотят", – был введен НЭП. Одновременно Ленин следил с особенным вниманием за "национальными окраинами" и превратностями развития

там "национального вопроса", оценивал возможности его использования в борьбе большевиков за власть. Его внимательное отношение и гибкость в вопросах "самоопределения" сыграли важную роль в победе большевиков в войне, особенно на фоне жестко националистической позиции, требования "единой и неделимой России", принятых командованием Белой армии. Продвижение методом "проб и ошибок" к установлению нового режима шло со времени окончания гражданской войны до смерти Ленина и продолжалось после. Его партия оказалась удивительно плохо вооружена и с концептуальной, и с кадровой точки зрения для того, чтобы мирными методами возглавлять процесс преобразований в индустриально отсталом обществе, которое не было ни капиталистическим, ни социалистическим, состояло в основном из крестьян и находилось на периферии мирового капиталистического развития. К 1923 г. очертания политического режима нового государства достаточно прояснились, и это вызвало еще одну попытку со стороны Ленина радикально изменить "партийную линию" и ее исполнителей – этап, который так и не был завершен и получил из уст крупного историка России меткое название "последней битвы Ленина".

Из опыта революции 1905 – 1907 гг. Ленин периода 1917 – 1923 гг. извлек три основных урока, касающихся политических реалий, и один, касающийся его отношения к ним. Первый урок был связан с крестьянством. Здесь Ленину пришлось отчаянно спорить со своими ближайшими соратниками, и позже он назвал этот вопрос главным источником разногласий с меньшевиками – центральной причиной раскола РСДРП. В то время как неожиданно проявившийся крестьянский радикализм оставил меньшевиков без идейного ответа и ясного политического хода, а кадетов сделал более консервативными, Ленин увидел в нем новые неслыханные революционные возможности. Кроме того, Ленин придал теперь огромное значение факту наличия крестьянства и его роли в своей оценке социального контекста гражданской войны и своих оптимистических прогнозах относительно ее исхода (хотя европейская революция – второй повод для оптимизма – так и не осуществилась).

Создатели РСДРП в своих аналитических разработках не придавали решающего значения фактору массы российского крестьянства. Они были сосредоточены на понятии прогресса и, следовательно, капитализма и на сценарии борьбы пролетариата и буржуазии. Все остальное, в том числе крестьяне, в их представлении относилось к исчезающим и, следовательно, консервативным и второстепенным пережиткам прошлого. Вот почему политическую важность крестьянства для будущей истории России еще предстояло открыть, так же как и потенциал их политической активности, революционного духа и способности смещать чашу весов истории, особенно когда другие политические силы боролись между собой за роль правителей России. Кроме потенциала политической активности крестьянства, предстояло еще открыть также силу воздействия его намеренной пассивности, способности крестьянства оказывать этим политическое давление, когда дело касалось продовольствия, налогов и рекрутов.

Во-вторых, с дискуссией по "аграрному вопросу" был связан ряд других политических и идеологических вопросов более широкого значе-

ния. На самом деле, каковы бы ни были наши ретроспективные впечатления, русские социалисты и революционеры 1905 – 1907 гг. все без исключения были демократами. Они разделяли убеждение, что самодержавное правление Романовых можно свергнуть только волей и усилиями большинства – при помощи революции – и что на смену ему должно прийти правление того большинства, какое имелось (даже если "ортодоксальные марксисты" видели в нем только "этап"). Во власти большинства видели необходимость для выживания новой России в условиях, где непременно должна была продолжиться борьба за власть и на внутренней, и на международной арене, и необходимо было обеспечить демократическую легитимность, от которой будет зависеть народная поддержка после падения старого режима. Основной альтернативой, которую исповедовали немногие, был народовольческий сценарий, в особенности неприемлемый для ортодоксальных марксистов, когда организованное меньшинство должно было сначала свергнуть старый режим, а затем передать власть народу. В стране, где крестьянство явно составляло большинство населения, форма решения крестьянского вопроса неизбежно определяла также и коренные вопросы власти и природы будущего общества.

Вот почему, когда в 1906 г. Ленин изменил свою точку зрения относительно самого существования и революционных потенций крестьянства как класса, это нашло свое выражение в образе "демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства", что также поставило под сомнение и ряд антидеревенских исходных положений "искровцев". Ленин теперь отстаивал идею государства, которое никогда ранее не существовало, где наряду с социал-демократами существовала бы радикальная крестьянская партия; их взаимоотношения представляли бы классовый союз низов, лежащий в основе демократии, которая будет управлять Россией. При таком строе крестьяне и их партия должны были считаться равноправными партнерами, однако при той идеологической оговорке, что они не являются и не могут быть по-настоящему социалистическими и что союз с ними, таким образом, ограничивается только капиталистическим этапом будущей истории России (который предполагался, однако, на многие десятилетия). Позже, перед лицом революционного кризиса 1917 – 1920 гг., он решил принять целиком и полностью аграрную программу партии эсеров и объявить свою собственную партию представительницей действительных интересов и союза двух классов: рабочего класса-гегемона и крестьянства. Эпоха НЭПа раскрыла действительный политический смысл этой формулы.

Конечно, Ленин был не единственным представителем левой части политического спектра, кто изменил свой взгляд относительно места российского крестьянства в революции. Мы знаем теперь, что к концу своей жизни и Маркс также изменил свой взгляд на это. Однако Ленин не знал работ позднего Маркса 1877 – 1881 гг. Их разделял также период "жесткой" интерпретации марксизма Вторым Интернационалом, а с другой стороны, собственный непосредственный опыт революций. Что касается самих различий, как ни странно, Маркс в далекой Англии на поколение раньше понял то, что Ленин отказывался принять еще и в 1917 г. Во-первых, в своем анализе Ленин последовательно игнорировал русскую крестьянскую общину – основной объект насмешек для

плехановцев как "противоречащий классовой теории". А именно крестьянская община оказалась основной ячейкой политического действия российского крестьянства во время революции 1905 – 1907 гг., как и в 1918 – 1920 и 1921 – 1927 гг. Здесь следует упомянуть еще одно выражение этой своеобразной слепоты Ленина: его настоятельные рекомендации создавать "крестьянские комитеты", которые должны были координировать и направлять политические действия в 1917 г. (из этого так ничего и не получилось). Напротив, в поздних работах Маркса российские крестьянские общины были центральными для его понимания условий, в которых крестьяне могли бы участвовать в революции. Во-вторых, на протяжение всей жизни Ленин считал социалистических крестьян некой логической аберрацией (хотя беднейшие крестьяне могли, по его мнению, поддерживать социалистов в силу своей фактической принадлежности к пролетариату). Несмотря на изменения в своей аграрной программе, в 1905 г. Ленин все еще не вполне принял даже идею революционной борьбы крестьянства против российского государства. Перед революцией 1917 г. он начал приходить к мысли, что политика Столыпина привела к тому, что российская деревня "догнала" "ортодоксальный" марксизм – т.е. "научную теорию капитализма" в сельском хозяйстве, которую Ленин изложил в 1899 г. В 1919 – 1921 гг. он снова подгонял свою теорию к реальности, однако на сей раз это было не отступление, а постепенно углубляющееся признание проблемы неисчезновения крестьянства и его политического значения для социалистической России; и далее, вплоть до последних писем и статей. Маркс менее, чем Ленин, был озабочен тем, чтобы оставаться марксистом, и это в 1881 г. привело его более прямым путем к выводам, которых Ленин постиг только в 20-х годах.

Непосредственно за аграрным вопросом шел "национальный вопрос", тесно связанный с предыдущим. Что касается его важности, Ленин продемонстрировал свое тактическое чутье еще в 1905 г., когда он заявил, что тот уровень революционной активности рабочих в российских городах, какой наблюдался в Риге, положил бы немедленно конец самодержавию. Нерусский национализм явно срабатывал как оружие против царизма, однако настоящие стратегические и теоретические выводы из этого были извлечены только через несколько лет. К этому времени они стали увязываться с понятием мирового капитализма и с вопросом о радикализме иных, чем пролетариат и капиталисты, слоев в странах на периферии мирового капитализма. И снова теоретический поворот произошел быстро и решительно. Право наций и крупных этнических групп на суверенитет было полностью признано Лениным в 1912 г., однако он поместил его в контекст наступления на капитализм. Чтобы понять важность этого шага, необходимо соотнести его со всем диапазоном взглядов российских социал-демократов – от возражений раннего Плеханова против постановки этого вопроса вообще (так как у пролетариата нет родины) до требований Бунда "безотносительной" и экстратерриториальной национальной автономии пролетариата.

В представлении об империализме как о "последней стадии капитализма" была выработана новая, более широкая формула международного революционного лагеря, определяющая форму социалистического наступления в XX в., которое должно было преобразовать мир и сде-

лать имя Ленина таким же интернациональным, как та модель, которую он принял теперь на вооружение. Тактическим выражением этого была партия революционных кадров плюс социалистически направленный промышленный пролетариат и/или массы радикализированного крестьянства и/или национально-освободительная борьба, – все это должно было привести к созданию на "окраине капиталистического мира" постреволюционного государства новой структуры, логики и динамики. Таким образом, была установлена долгосрочная социалистическая стратегия для типа обществ, которые мы сегодня называем "развивающимися", параллельная с ее правым эквивалентом – столыпинской "революцией сверху", проводимой модернизаторской государственной бюрократией, ориентированной на западный опыт и западных специалистов.

Ленин продолжал считать, что социализм не может победить в одной отдельно взятой стране. Он был уверен, что вот-вот разразится общеевропейская революция – социалистический аналог революции 1848 г. По мере того как эта уверенность в неизбежности европейской революции исчезала, ей на смену постепенно приходила надежда, что следующий большой революционный пожар разгорится в среде "трудящихся масс" Азии, причем основным ее топливом будет сочетание национально-освободительной и крестьянской борьбы. Внероссийский резерв российских революционеров все больше виделся в "колониальных и полуколониальных народах Азии", которые становились синонимом всего Третьего мира.

Третьим важнейшим уроком 1905 – 1907 гг., который Ленин принял и последовательно развивал в процессе последующего обретения революционного опыта и которого упорно держался до конца, была его вера в "народную" самодеятельность или, шире, способность масс к творчеству политических форм. (Он, как правило, говорил при этом о "революционном пролетариате", однако в ряде случаев переходил на понятие "простой народ", т.е. плебс России.) Столь же последовательно наличествовала необходимая двойственность двух линий мышления и двух эмоций, свойственных не только Ленину. С одной стороны, был человек, поклонявшийся науке, который презирал российскую некультурность, верил в право и долг дисциплинированной революционной элиты навязывать свою мудрость аморфному пролетариату и всей России, решать за них, что им на самом деле нужно, – автор "Что делать?". С другой стороны, мы видим человека, который верил в "мудрость масс", особенно в их готовность исправлять политическую несправедливость революционным путем, начиная с первой его защиты "народного творчества" на партийном съезде 1906 г. и вплоть до его проектов государственной реформы в 1923 г., – это усердный исследователь Парижской коммуны, автор "Государства и революции".

В 1905 г. впервые Ленин увидел российских рабочих и крестьян в революционном действии, увидел их способность организовать коллективные всероссийские действия элементарными, однако действенными способами, их недоверие к властям предержащим, их упорство и храб-

рость, их веру в возможность того, что более изощренные умы отвергали как утопию, – в царство абсолютной справедливости, "опоньское царство" и "вселенский мир" русских крестьянских сказок. Он увидел и противоречия, и потенциал этого действия, то, как российские "массы" шарахались между бунтарством и готовностью подчиняться абсолютной власти, а также то, как быстро они учились политической самостоятельности в условиях жестокой конфронтации и насилия. В дни, когда переживалась горечь поражения, в дни одиночества и перебранок в среде эмиграции после 1907 г., Ленин остался тверд в своей вере в возрождение боевого духа масс как единственного варианта разрешения глубочайшего кризиса революции. Он снова сделал ставку на это в 1917 г., когда напрямую обратился к рабочим и солдатам из крестьян через головы официальных политических партий, и победил. В 1922 г., неудовлетворенный концептуальными и политическими инструментами, бывшими в его распоряжении, испытывающий все большее смятение от неспособности многих его товарищей справляться с новыми требованиями мирного времени и постепенными социальными преобразованиями, он еще раз обратился к тому же источнику надежд. Прав Ленин был или нет, но он видел основной шанс социалистического будущего для России в поддержке безликой народной массы – в основном рабочей, но все больше и крестьянской. Ленинские записки, продиктованные незадолго до смерти, дают еще одно, последнее свидетельство этому.

В этом же контексте необходимо рассматривать растущий разрыв между Лениным как теоретиком и Лениным как политическим стратегом и тактиком. На протяжение всей жизни ему приходилось признавать некоторые из своих ошибок (а временами и особо подчеркивать их, преследуя определенную цель). В то же время он решительно утверждал, что речь не шла о каких-то изменениях в теории, даже когда противоположное было совершенно очевидно. Он неизменно настаивал на своей теоретической неоригинальности. Когда его припирали к стенке доводами, он отругивался или просто повторял, что принципы его подхода абсолютно истинны. Иногда он пожимал плечами и употреблял термин (или код) "диалектика", утверждая в подобных случаях, что его критикам не хватает "диалектического подхода". И наконец, обращаясь к содержанию его роли вождя, а не к ее риторике и легитимации, надо отметить, что в период 1905 – 1907 гг. Ленин научился учиться. Ленин вышел тогда за рамки блестящих дедукций, кропотливой подборки фактов для иллюстрации той или иной теории и прокурорских обвинительных заключений против критиков, которые составляли основное содержание текстов молодого Ленина. После 1905 – 1907 гг. он стал больше настроен на неожиданное. В накале внутри- и внепартийной борьбы он часто забывал упомянуть о тех моментах, когда строгая приверженность теоретическим посылкам его молодости привела к политическим ошибкам. Однако, похоже, он никогда не забывал об этих случаях и был готов к тому, что они снова могут повториться в деятельности даже тех, кто, как и он, освоил "науку об

обществе". Он не считал, что это дает ему право прекратить свои теоретические изыскания выводов из марксистских текстов или даже дает ему "свободу от марксизма", но был теперь более готов отрешиться от части догм в свете опыта, а также, что особенно важно, заимствовать политические решения у людей, чьи общетеоретические взгляды он безоговорочно отвергал. Он также осознавал тот факт, что у эсеров он заимствовал больше всего, объясняя это тем, что их "мелкобуржуазные" взгляды совпадали со взглядами большинства населения России. Таким образом, подобное заимствование можно было назвать особым проявлением демократичности "а ля Ленин".

Революция 1905 – 1907 гг. была временем, когда Ленин узнал – в процессе его первой непосредственной борьбы за революционную власть – о крестьянской войне, о национализме, о массовых движениях и об извлечении внедогматических уроков из политического опыта (а также о том, как не признаваться в этом).

Предметы выбора
Послесловие к "Революции как моменту истины"

Книга закончена. В ней нарисована картина определенного общества в определенную эпоху и рассматриваются его черты, противоречия и изменения. Затем анализируется полузабытая революция с тем, чтобы восстановить ее значение как решающего момента в истории России и человечества. В предисловии были изложены исходные посылки книги и выводы, сделанные в результате проведенного анализа. В послесловии автор позволит себе кратко изложить то, что он узнал в процессе исследования о самом познании – не только о России и ее революции, но и о социальной истории и исторической социологии обществ, государств и революций.

Историческая наука дала нам немало крупных имен, которые занимались этими вопросами. И в этой книге я уже выражал свое восхищение описаниями и предписаниями Марка Блока. Перечитывать работы Блока, а также другие исторические и аналитические тексты высочайшего класса, будь то Гиббонс, Маркс, Ключевский, Райт Миллс или Бродель, а также удаленные от нас во времени и пространстве Фукидид или древнекитайские историки, – это отдых от банальностей, которые столь часто выдаются за научное понимание, журналистское остроумие или здравый смысл. Перечитывать Мастеров – это также урок интеллектуального смирения. После такого чтения меньше хочется говорить о вещах, о которых было уже сказано столь хорошо.

Я не предполагаю давать здесь общих заключений относительно того, как делать науку, но намереваюсь выделить, высветить и вкратце суммировать нечто менее общее, нечто относящееся к духу времени определенного периода и небольшой группы людей – речь идет о нескольких десятилетиях XX в. в общественных науках Запада и об их

проблемах и трудностях. Это связано с растущими противоречиями между взглядами принятыми и преподаваемыми в течение целого столетия и более, и некоторыми новыми аналитическими тенденциями и стилями в изучении общественной жизни. Говоря более конкретно и личностно, речь идет о том, чему научили целое поколение обществоведов учебники, учителя и вожди в противовес тому, что они сами узнали в ходе своей исследовательской и преподавательской работы, споров в узком дружеском кругу, в результате потрясающих неожиданностей, которые столь типичны для нашего периода, и часто болезненных усилий понять вещи заново. В этой книге анализировались как уроки истории, так и неудачи общественных групп и политических элит революционной России в извлечении этих уроков в период между 1890 и 1919 гг. Какие же уроки могут извлечь современные социологи и историки из самого процесса изучения этих вопросов? Каким образом связаны содержание и результаты их работы с общими представлениями о целях и ограничениях их профессии?

Из этих вопросов остановлюсь на четырех – я буду называть их "шорами" обществоведения, которые показались мне особенно важными. Затем я предложу два вывода – стратегический и экзистенциальный.

Первая из "шор" – предполагаемое соотношение между сознательным выбором и безличностными детерминантами человеческого поведения. Вторая – принятая иерархия причинности, связывающей социальные институты и категории анализа. Третья – это влияние различных понятий исторического времени, которые укоренились в обществоведении. Четвертая – связана с вопросами ярлыков и терпимости. Все они связаны с распространенным типом неправильной интерпретации – с тенденцией, которую наиболее кратко можно назвать редукционизмом. Этот особый "идол человеческого мышления" выражается в той же мере в формально принятой эпистемологии и методологии, как и в настроениях, в понятиях "здравого смысла" и в тех типических интуициях, которые при более близком рассмотрении оказываются детерминированы нашим обществом и образованием. Наши понятия определяются результатами исследований, но и результаты исследований определяются исходными понятиями, которые влияют на наш выбор фактов, на их анализ и на наши выводы. Те, кто думает, что могут обойти такие теоретические проблемы и "многословные философствования", говоря "просто" о "фактах", особенно подвержены опасности угодить в эту ловушку. Концептуальная наивность ничуть не лучше расплывчатости выводов.

Упрощение является обязательной частью анализа, а также педагогического процесса передачи знаний. Без этого нельзя создать концептуальной модели и нельзя определить общие тенденции. Но, как было сказано, цена употребления аналитических моделей – это вечная бдительность. Главное здесь – опасность стать пленниками собственной методологии, потеряв из виду объект исследования, который могут заслонить аппроксимации, предполагавшиеся как этапы пути познания.

Т. ШАНИН

Редукционизм – это форма ложной интерпретации, когда оправданное упрощение или временное преувеличение, заложенные как шаг в исследовании, заслоняют нам поле зрения и занимают место тех реалий, которые мы собирались изучать. Таким образом, исследовательская процедура превращается в "шоры".

Первой из этих шор является тенденция редуцировать человеческую волю к ее материальным и структурным основаниям. Этим снимаются вопросы выбора и случайности. Экономисты впадают в эту ошибку, концентрируя внимание исключительно на потоках денег и товаров. Историки срываются в "одержимость вопросом истоков" как особым "идолом племени историков". Социологи (и многие другие) также поклоняются структурам и системам. В качестве инверсии, которая напоминает о Фрейде с его "механизмом замещения", альтернативы этой системы взглядов принимают форму исповедания чистого субъективизма: феноменологическое общество как внеисторический конструкт, где игнорируется, что люди строят свой мир из ресурсов, которые также внесубъективны и часто навязываются прошлым. Хотя формально многие определяли общество как взаимоотношение человеческих выборов и внечеловеческих детерминантов, теории и описания человеческого действия в последнее столетие все чаще теряли из виду эту взаимосвязь.

Развитие общественных наук все в большей степени вело к утере внимания со стороны господствующего течения к особенностям сферы человеческого действия. В XX в. примитивный материализм XVIII и XIX вв. был дополнен усилением внимания к структуре общества, но человеческая деятельность продолжала рассматриваться в главном как не более чем неизбежный вектор условий и вкладов как материальных ресурсов, так и социальных структур. В результате часто получалась модель человеческой истории как театра кукол, которыми управляют всецело внесубъектные "руки", и это узаконивалось как "научность". Также использовались числовые методы, статистические средние величины и компьютерные подсчеты, которые не учитывают качественное разнообразие. Что касается альтернативных объяснений социальной истории, самым широко распространенным, особенно в средствах массовой информации, было представление ее решающих моментов как взрывов человеческой патологии, "психологии толпы" или подсознания, возможно, спровоцированных "харизматической личностью" (пока все не успокоится опять до того состояния, которое подвластно "науке", т.е. поведения, которое является не более чем вектором "объективных сил", механически повторяющихся, полностью предсказуемых и скучных в самом глубоком смысле этого слова). Такая альтернатива заменила иррациональностью абсолютную причинность "объективного", но и она отказала в существовании человеческому выбору, каковы бы ни были его ограничения.

Этим представлениям о мире человека все более противостоит иной взгляд, который проясняется сравнительно медленно. Его интеллектуальные корни можно найти в немецкой критической философии

конца XVIII – начала XIX в. Они выразились в кантианской традиции, в "Тезисах о Фейербахе" молодого Маркса, а также в социальной психологии Дж.Мида из Чикагской школы, определяя интеллектуальный контекст в то же время и для Макса Вебера, и Сартра, и Грамши. Суть этого взгляда – в утверждении, что взаимозависимость материальных условий, жестко определяемых моделей поведения и человеческих коллективов с актами индивидуального и группового выбора и понимания, никогда не действует как простая причинно-следственная цепочка. В центре человеческого коллективного существования стоит двуликая межсубъектность: с одной стороны – процесс выбора между альтернативами, а с другой – набор социальных предписаний, ограничений и контроля. К тому же такие ограничения не являются неизменными или просто отражающими материальные условия, но находятся в постоянном процессе структуризации и деструктуризации, в котором субъективное и объективное являются звеньями бесконечной цепи. Человеческие действия являются комбинацией необходимого, навязанного и ранее усвоенного с творческими и "диссидентскими" решениями проблем человеческого существования. Редукционизм подрывает наше понимание этих противоречивых процессов тем, что оставляет вне поля своего зрения некоторые из его звеньев. Это также приводит к тому, что мы довольствуемся лишь схемами, теряя вкус к изучению богатства человеческих реалий, которое замещается застывшим образом кукольного театра, где роль кукольника играют боги или фатализм входных сигналов и обстоятельств.

Мы живем в период огромной самоуверенности науки и – одновременно – невероятных фиаско предсказаний обществоведов. Это могло бы быть весьма смешным (как шутки про метеорологов предспутниковой эры), но слишком многое сегодня зависит от этих ошибок. Мы видим катастрофические результаты неосуществившихся прогнозов и планов, которые дали обратный результат, – фанатическую приверженность "модернизации", которая обернулась массовым голодом, либеральные мечты, которые привели к фашистским режимам, "революции святых", которые создали ад на Земле. Все это – не только вопрос интересов эгоистических элит, но также часто вопрос выбора, который в конечном счете обернулся и против тех, кто его сделал. И наша книжка ясно показывает это. Глобальные проблемы нельзя понять, если отнестись к ним только как к вопросам сознания. Но без понимания вопросов сознания и связанного с ними выбора мы также не можем их понять. Целое столетие политики и активисты с необыкновенным рвением пробовали изменить мир. Вопрос заключается в том, как понять их провалы или даже лучше – заново интерпретировать их и сделать частью будущего человеческого действия.

Один из методов выправить наши аналитические процедуры – заново взглянуть на историю. В нашем выборе начальной точки приложения мы сможем руководствоваться обманчиво наивным указанием немодного сегодня Мао. Пользуясь жаргоном своего времени, Мао среагировал на всесущий вопрос, какое "отклонение" от "линии партии" –

"левое" или "правое" – более опасно, ответом: "то, против которого меньше борются". Социальные науки особо пострадали от массового редукционизма, можно сказать, были загипнотизированы тем правильным предположением, что мы наследуем наш общественный мир организованным, что большинство наших знаний вторично. Вот почему анализ истории должен начаться с восстановления утраченного баланса в наших умах и познавательной практике на базе признанной взаимозависимости между сознанием, выбором и случаем с одной стороны, и материальными и структурными детерминантами человеческого мира – с другой. Это также значит принять глубокую и изменяющуюся противоречивость элементов, из которых строится человеческий мир. Иными словами, прибегая к языку философских основ начала этой дискуссии, после периода детерминизма или даже фатализма, представляемого как "настоящая" наука, мы должны воссоздать и "диалектизировать" баланс понимания человеческой истории и особенно революционных процессов. "Диалектизировать" обозначало бы здесь признание не только нескончаемой цепи причинности, внутренней противоречивости, заложенной в человеческом существовании, и его фундаментальной историчности, но также места человеческой воли (в рамках ограничений, которые надо изучать), человеческого выбора (не свободного, но между альтернативами, которые надо определять) и проблематичности познания (где "фетишизм" и "идолы" всегда играют важную роль). Воля, выбор и ошибка не являются "черными ящиками" и нуждаются в перманентном дальнейшем исследовании, но их нельзя просто забыть или упростить до "причин". Хотя "они не создают ее по своей воле... люди делают свою собственную историю", – было бы трудно сказать это лучше, чем уже сказал Маркс.

Все это имеет непосредственное отношение к этой книге. Без этого предложенный выше взгляд на соотношение между "развивающейся страной", которая называлась Россией, и моментом истины в ее революции 1905 – 1907 гг. остался бы не более чем странностью... С учетом этого книга становится одним из вкладов (из которых многие еще потребуются) в процессе продвижения от пустого оптимизма теорий конца XIX в. о неизбежном прогрессе – к принятию нашим столетием трагического реализма, не отрекающегося от ценностей Возрождения и хорошо выраженного формулой Грамши: "...пессимизм интеллекта, оптимизм воли".

Вторым вопросом "шор", тесно связанным с предыдущим, является вопрос иерархии социальных институтов, используемых для объяснения истории. Проблемы и решения, обсуждаемые выше, имеют значение более широкое, чем вопрос относительной автономии выбора и случайности. Однонаправленные модели причины и следствия, часто монокаузальные, касающиеся взаимозависимости между социальными институтами, легко превращаются в средства редукционизма и/или абстракции, которые останавливают изучение вопроса на полпути. Хорошим примером может служить природа государства в свете Марксовой ме-

тафоры "базиса" и "надстройки", которые в интерпретации слишком многих его последователей превращались в синонимы причины и следствия в однонаправленной схеме. Это превращало государство в некий эпифеномен истинных причин, находящихся где-то вовне, что становится особенно опасным заблуждением в мире, где роль и значение государственного аппарата возрастают с каждым днем.

Здесь опять следует думать о взаимной причинности, ее противоречиях и необходимости "диалектизировать" заново наше понимание. И следует еще раз подчеркнуть, что вопрос заключается не только в историчности и взаимовлиянии, но также в принятии специфических характеристик основных социальных институтов, их самодвижения и "правил игры", которые несводимы друг к другу или к чему-то третьему. То, как формулировались вопросы конечных или истинных причин, слишком часто вело к близорукости или по крайней мере к расплывчатому представлению о богатстве социальной реальности, ее историчности и ее противоречиях. С другой стороны, нельзя принять как возможную альтернативу методологическую капитуляцию, заключающуюся в признании, что "все" важно в этой огромной и неструктурированной груде "фактов". Напротив, социальный анализ сосредоточен на иерархиях важности и детерминации, однако он должен рассматривать их в их специфике. Дело не в том, чтобы провозгласить, какая иерархия является дедуктивно необходимой и вечной, потому что "причины" представляют собой звенья бесконечной цепочки причинности. Никакое общество нельзя дедуцировать, его должно изучать. И основные социальные институты нельзя редуцировать (в "просто" экономику, "не более чем" власть или же "отражение" в сознании). Та нестройность, "неэлегантность", которая изначально просачивается в теорию и концептуальные модели общества, по мере того как они приобретают реальность, коренится в самой природе человеческой действительности, а не в неадекватности социального анализа. Признать противоречивую сложность, не поддаваясь ей и не прячась от нее в отчаянии, – это самая суть социальных наук. "Треугольник социальной детерминации", предложенный в книге "Россия как развивающееся общество", является примером такого признания этой сложности и шагом к определению сущностной иерархии важности, своеобразной для каждого времени и места.

Это выводит нас на еще одну связь между первым и вторым набором "шор". Значение, придаваемое статусу альтернативы или выбора в социальной истории в контексте материальных и структурных детерминаций не статично, это не материя, а движение и некий определенный этап. Степень *альтернативности* в истории, если придать некую гибкость этому упрямому существительному английского языка, зависит от контекста и взаимосвязей определенной точки развития, что дает нам еще одну причину "диалектизировать" наше понимание (а не просто изменить его на противоположное или поменять соотношение элементов в признаваемой взаимозависимости). Материальные ограничения редко бывают не связаны с человеческим опытом и познанием и, следователь-

но, потенциально, с человеческой волей и выбором. Более явно это проявляется на уровне социальных институтов. Однако в течение длительных периодов времени материальные условия (так же как и наше представление о них) и социальные институты (отражаемые в индивидуальных элементах познания) утверждают жесткую последовательность социального воспроизводства и препятствуют коренным преобразованиям. Во время этих стандартизированных, повторяющихся, опирающихся на преемственность и социологически объяснимых этапов исторические процессы послушно идут по вполне предсказуемым путям – "альтернативность" истории низка. Затем, в какой-то момент времени, наступает этап широкомасштабного кризиса, революции, "аксиального периода" (говоря языком Ясперса). Ломаются запоры жестких моделей поведения, самоцензуры воображения и самоочевидных стереотипов здравого смысла, и чуть ли не бесконечно расширяются горизонты. "Альтернативность" истории, важность общественного и индивидуального самосознания и особенно диапазон оригинальности и выбора резко увеличиваются. На таких "поворотах" истории общества складываются модели и стереотипы, которые будут определять его историю в течение десятилетий или даже столетий. Это и было сутью российской революционной эпохи, началу которой посвящено наше исследование.

Ткань коллективного сознания "аксиального" этапа составляют в главном не "харизма" лидеров и не массовая патология, а коренной пересмотр господствующих представлений и перестройка существующих структур – т.е. революция как момент истины. Позднее социальные структуры с их стереотипами здравого смысла отвердевают, а контроль и привилегии, новые и традиционные, вновь обретают свою полную силу – история снова идет по пути, на котором немного резких поворотов. Признание постоянно меняющейся степени зависимости между социальной структурой и человеческим выбором – которую мы назвали альтернативностью, так же как и меняющейся иерархии социальных институтов, имеет решающее значение для нашего понимания социальной истории и исторической социологии.

В-третьих, наши историографии содержат имплицитные, однако исключительно важные предположения, касающиеся природы времени. Ее архимодель, идеальная хронология, которую Корриган назвал хронограмматикой, обычно рассматривается как самоочевидная, что ведет к заблуждениям. К настоящему моменту немало сделано в плане исследования разрыва между древними представлениями о естественной цикличности и иудео-христианской линейной картиной сотворения мира, падения и искупления (к которой первое пришествие Христа добавило свою христианскую особенность – момент, от которого историческое время отсчитывается как вперед, так и назад). Современные историки и философы также рассматривали способы, которыми телеологическая линейность восприятия времени служила развитию архимодели эволюционизма и прогресса как узлового пункта самоидентификации, леги-

тимации и происхождения многих политических идеологий и социальных наук в современном мире. Анализировалась человеческая практика, лежащая в основе этих представлений, например космологические и сельскохозяйственные циклы, на которых строились древние представления о времени, или индустриализация как основа линейности времени и эволюционных теорий XIX в. Некоторые дальнейшие социальные характеристики связывались с различными представлениями о времени, например преобладание пессимистической этики в древней философии в сопоставлении с оптимистической философской антропологией в Европе XIX в. Обратное воздействие господствующих представлений о времени на человеческую практику также изучалось, хотя и в гораздо меньшей степени.

Подобные соображения гораздо яснее воспринимаются *ex post factum*, однако представляется, что мы в настоящий момент переживаем очередную смену парадигмы – крушение или по крайней мере серьезный вызов теории прогресса как архимодели исторического времени. Медленно выходит на первый план концептуализация, которой еще не найдено окончательного имени (претендует на это постмодернизм), в которой модели линейного роста заменяются моделями многонаправленности и неравномерности изменений – более сложное, но более реалистичное организующее понятие (которое также более восприимчиво к воздействию многонаправленных причинностей, открытия, случайности и принятия альтернативных стратегий). Ее аналитическое происхождение коренится в идеях "неравномерного развития", которое мы исследовали на примере России рубежа веков, однако этот термин может ввести в заблуждение, если его интерпретировать слишком однозначно. Суть этой точки зрения заключается не в количественном различии скоростей, но в качественно различных путях, в том, что Пол Суизи назвал "различием судеб" современных обществ, т.е. как различных реальностях современных обществ, так и различных потенциалах их развития. Это также означает одновременные, различные и несводимые друг к другу исторические "часы" и формы "духа времени", что отчасти отражено во взгляде Броделя на разделение истории на медленно и быстро движущиеся уровни. Вопрос о том, что все это означает или будет означать, выходит за рамки нашего исследования, однако игнорировать эту проблему – значит неправильно понять весь предыдущий текст. Полнокровный "прогрессизм", сосредоточенный только на определении скорости развития и на препятствиях продвижению по необходимой и известной исторической дороге, сделал бы эту книгу ненужной. Если принять другую точку зрения на историческое время, эта книга становится важной для понимания России и ее революции, а также значения русской революции для остального мира.

Четвертым и последним является вопрос ярлыков и эпистемологической терпимости. Понимание высокой сложности обществ и множественности путей их изучения никогда не было свойственно бюрократам, полицейским и многим другим, кто был склонен подменять это

простым разделением на "мы" (т.е. хорошие) и "они" (т.е. плохие). Радикальная волна 1968 г. вызвала в западных университетах подъем влюбленности в марксизм. Это настроение в настоящий момент быстро меняется на противоположное. То, что объединяет маккартизм начала 50-х в США, антимарксистские крестовые походы сегодняшнего дня с крикливым "марксизмом для дураков" – это еще одна категория редукционизма: грубая черно-белая модель, которая выдается за саму реальность. Она далека как от реальной жизни и работ Маркса, так и от реальных отцов либеральной мысли, в верности которым клянутся спорящие стороны. Не следует также забывать, что за такими спорами часто стоят не просто сверхупрощения, возможно, преследующие политические цели, но усилия сделать академическую карьеру себе и своим друзьям.

Те, кто отказывался присоединиться к этим средневековым "мистериям" с ангелами и дьяволами в главных ролях, обычно получали ярлык "либерализма" – "слева" с приставкой "буржуазного", а "справа" с определением "попутчика" (к которому могло добавляться слово "гнилой"). Слова "популист" (не такое плохое) или "ревизионист" (просто ужасное) использовались для тех же умственных манипуляций, особенно в левых академических кругах в "развивающихся странах". Обращаясь к фактам, мы имеем здесь дело с изначальной иллюзорностью понятий – ведь в действительности очень мало владельцев фабрик, являющихся либералами, так же как и либералов, последовавших за Марксом. Вопросы индивидуальной свободы, поднятые либералами XIX в., достаточно важны и сегодня, и не один либерал умер за свои убеждения – нельзя смешивать либерализм и ту либеральную риторику, которая используется как прикрытие для оппортунизма или моральной трусости. Так же и те, кого сегодня называют популистами, редко исповедовали или проповедовали мелкособственническую монополию в качестве будущего, в то время как существенные вопросы, поднимавшиеся в XIX в. их европейскими теоретиками, до сих пор остаются актуальными. И, конечно, все "ревизовали" основоположников. Ясно, что этот спор идет о чем-то другом. Это спор о ярлыках, отражающих редукционизм и черно-белые модели.

Такие вопросы можно обсуждать бесконечно, поэтому я позволю себе сделать мой комментарий крайне кратким. Теория и стремление к познанию смешиваются с политикой и этикой. Для ясности необходимо заявить, что терпимость – это не только вопрос политического или этического выбора каждого. В столкновении с бесконечной, сложной, противоречивой и изменяющейся реальностью терпимость (без отказа самому занять определенную позицию) является важнейшим фактором познания, в то время как противоположное служит редукционизму и всем его "шорам". Эпистемологическая терпимость необходима для эффективного анализа и для извлечения уроков из опыта. Она также необходима для того, чтобы оптимизировать выработку аналитических способностей. Монастыри, казармы, тюрьмы и сумасшедшие дома могут

отгородиться от многогранности внешнего мира, но университеты не могут этого сделать, не перечеркивая своего предназначения.

Если перейти от вопроса "шор" к общим соображениям, то стратегический вывод относительно современной исторической социологии, выраженный предельно кратко, – это нужда в более углубленном признании разнообразия, сложности и противоречивости человеческой реальности, и прежде всего – ее специфики, выражающейся в феномене человеческого сознания, творчества и способности выбирать. Это мы назвали "диалектизацией" нашего понимания. Это взгляд на редукционизм как на главную травму современного исторического познания, причиненную самому себе. Он приемлет историографию, в которой центральную роль играют потенциалы, альтернативы и различия, а не только необходимости.

Что касается экзистенциальных выводов – они не могут основываться только на аналитических умозаключениях, но связаны с политическими целями и прикладной этикой – сложная взаимозависимость и крайне слабо разработанный аспект нашего познания. Как бы мало мы ни понимали его, мы не можем обойтись без него, потому что это – место стыковки человеческой мысли и действий. Наука – это образ жизни и система ценностей, а не только профессия. Это говорится не для самовозвеличивания, очевидные подтверждения содержат списки жертв диктаторских режимов. Те, кто претендует на звание ученого, исследующего общество, должны особенно помнить ценностное суждение и предупреждение, высказанные величайшим ученым нашего времени. "Мы должны остерегаться преувеличения роли науки и научных методов при рассмотрении человеческих проблем, – писал Альберт Эйнштейн в 1951 г. – Человек в то же время одинокое существо и социальное существо... Для меня суть кризиса нашего времени связана с отношениями индивида и общества. Индивид лучше осознает, чем когда-либо в прошлом, свою зависимость от общества. Но он чувствует эту зависимость не как преимущество, не как органическую связь, не как защитную силу, но больше как угрозу своим естественным правам или даже своему экономическому существованию". Принятые предположения о человеческом творческом потенциале, альтернативах и многонаправленности процессов развития, многомерности времени и различном видении истины не только более реалистичны, но лучше вооружают нас перед лицом того кризиса нашего времени, который определил Эйнштейн, – кризиса, который и сейчас продолжает углубляться. Это можно выразить в еще одной недетерминистской, несводимой, диалектичной цепочке тезисов, где жесткие разделения на причину и следствие иллюзорны.

Пока есть выбор – есть надежда. Пока жива надежда – люди ищут правду, мечтают о лучшем мире и сражаются за это. Пока люди ищут, мечтают и борются – есть надежда.

СОДЕРЖАНИЕ

А.Белоусов
Структурный кризис советской индустриальной системы 3

Т.Ворожейкина
Россия в латиноамериканском зеркале 41

В.Глазычев
Слободизация страны Гардарики 63

В.Каганский
Советское пространство: конструкция и деструкция 89

К.Касьянова
Представляем ли мы, русские, нацию? 131

С.Кордонский
Постперестроечное экономическое пространство.
Трансформации административного рынка 165

Э.Кульпин
Феномен России в системе координат
социоестественной истории 213

В.Махнач
Россия в XX столетии (Диагноз историка культуры) 251

В.Радаев
Об истоках и характере консервативного сдвига
в российской идеологии 289

А.Фадин
Модернизация через катастрофу? (Не более чем взгляд...) 321

С.Чернышев
Порог истории 343

Т.Шанин
Россия как "развивающееся общество". Революция 1905 года:
момент истины (Главы из книг) 375

ИНОЕ

Хрестоматия нового российского самосознания

том 1

Редактор-составитель *С.Б.Чернышев*
Дизайн издания *В.Л.Глазычев*
Выпускающий редактор *С.Н.Петропавлов*
Технолог *Е.М.Амигут*
Корректоры *А.И.Киселева, Е.А.Самолетова*
Оператор компьютерной верстки *Т.В.Ильина*

ЛР № 061591 от 07.09.92.
Подписано в печать 20.09.95. Формат 60x90 1/16
Гарнитура «Кудряшов». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,5.
Тираж 5000 экз.
Заказ 387.

Издательство «Аргус»
127018, Москва, Октябрьский пер., д. 32.
тел. 289-25-91

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5.